

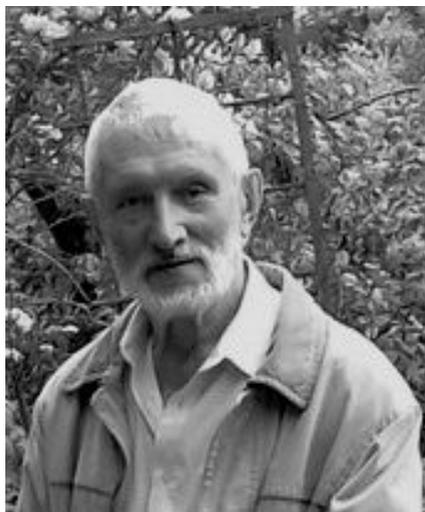
Василий Чернышев

ЛЕГЕНДА
О
ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ

Санкт-Петербург

2017

© В. Чернышев "Легенда о великом инквизиторе", 2017

© «NAPISANO PEROM». 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

22. 12. 16. Прежде чем написать эту книгу, посвященную преимущественно кругу русских богоискателей и "религиозных философов" конца 19-го – начала 20-го столетий), я написал три книги о любви. В любви я ничего не понял, запутавшись в этике, философии и богословии, пытаюсь распутаться, я обратился к русским писателям и философам, пишущим о любви и вере, они меня запутали еще больше, та, которая меня *запутала* в себе изначально, меня бросила, весь гнев мой излился на философов (возможно, ни в чем не виновных, как гнев Розанова, связанный с тем, что его бросила Аполлинурия Сулова, излился на православную церковь) – так появилась эта книга. Кто-то ведь должен мне ответить за то, что *она* меня бросила? И вот теперь я пишу не столько о любви, сколько пытаюсь закончить все то, что было написано мною ранее об отношении христианства к живым чувствам "естественного человека" и об отношении этого человека к страху смерти, к христианству и к обещаниям его относительно нашей посмертной судьбы.

Хотя я на Розанова негодую, но он же наилучшим образом выразил мои собственные чувства, и я из него привожу обширные цитаты:

«Там, "откуда не возвращался никто", есть, конечно, жизнь: но нам ничего не рассказано о ней, и, по всему вероятно, это жизнь какая-то совсем особенная, слишком абстрактная для наших живых желаний, несколько холодная и призрачная. Вот почему человек так прилепляется к земле, так боязливо не хочет отделиться от нее; и, так как это ранее или позже все-таки неизбежно, он делает все усилия, чтобы расставание с нею было не полное. Жажда бессмертия, *земного бессмертия*, есть самое удивительное и совершенное несомненное чувство в человеке. Не оттого ли мы так любим детей, трепещем за жизнь их более, нежели за свою, уже увядающую; и когда имеем радость дожить и до их детей – привязываемся к ним еще сильнее, чем к собственным. ... "Пусть мы умрем, но останутся дети наши, а после них – их дети" [Достоевский, "Подросток"], – говорим мы в своем сердце, прижимаясь к дорогой нам земле. Но *это* бессмертие, эта жизнь нашей крови после того, как мы станем горстью праха, слишком не полна: это какое-то разорванное существование, ... и в нем не сохраняется главного, что мы в себе любим, – нашей индивидуальности, цельной личности. Несравненно полнее существование, которое достигается в великих произведениях духа; в них создающий увековечивает свою личность со всеми своими особыми чертами, со всеми изгибами своего ума и тайнами своей совести.»

Желание продолжить себя в детях – самое распространенное, самое общее, существующее у всех людей – но именно это человеческое желание так ненавистно христианству, что и в основание себе оно поставило *миф о первородном грехе и рождении детей* (и в проповедях апостолов повторяется, что лучше не прикасаться к женщине, и все верные христиане так и поступают, и детей не рожают – но именно женщины и составляют основание христианства! (Трудно понять изгибы женской души!))

Второе желание человека – продолжить себя в результатах творчества – не только в литературе, но и в философии, искусстве, в науке, во всяком творчестве и даже в обычном крестьянском труде, например, в строительстве

дома (и мой дед в старости вдруг затеял в одиночку строить дом для семьи) – тоже свойственно почти каждому человеку – но и к этому желанию христианство относится с ненавистью, воюя с культурой и истребляя произведения искусства, рукописи и книги, и обличая их как изобретение Дьявола.

Почему же писатели и философы, политики и проповедники на протяжении многих столетий только прославляли христианство (не считая двадцатого столетия), но не подвергали его исследованию и критическому анализу?

Во-первых, были и такие, но они сгорели в кострах инквизиции или состарились в мрачных тюрьмах; но уже восемнадцатое столетие выдвинуло на сцену французской культуры многих славных, достаточно назвать одного Вольтера. Во-вторых, немало было критических умов и в другие эпохи и в других странах, но они надеялись повлиять на общество, постепенно его просвещая и возвышая, и демону религиозного **обскурантизма** (мракобесия) [лат. *obscurans* – *затемняющий* – заголовок сатиры начала XVI века «*Epistolæ Obscurorum Virorum*» («Письма тёмных людей»), основанной на учёном споре между немецким гуманистом Иоганном Рейхлином и доминиканскими монахами, следует или нет сжигать все ... нехристианские книги ...] – противопоставляла новый образ христианства как источника гуманизма, просвещения и свободомыслия (отличный от действительности, но позволяющий бороться с религиозным мракобесием, опираясь якобы на *подлинное* христианство).

Представим себе обсуждение "Легенды" Достоевского, включая его самого, за Круглым столом, за которым с одной стороны русские писатели и философы, выступающие от имени христианства (хотя Конст. Леонтьев и критически относился к их религиозности), Церковь, представленная Великим Инквизителем (якобы католическая, 16 века, но по мнению Розанова вся единая, и русская православная, и протестантская), с другой стороны, Христос с третьей стороны. По мысли Достоевского церковь отошла от Христа и противопоставляет ему – но так как **Миф существует всегда только в качестве интерпретации!** (и три исторические церкви тоже лишь три **интерпретации** христианства), то начало двадцатого столетия сформулировало свое четвертое христианство и утверждает, что Христос – с ними! **За кем же пойдет наша русская интеллигенция: в обновленную церковь русских мыслителей, к своим библейским истокам** или даже в церковь Торквемады и «Воинства Христова» – вот основной вопрос религиозной мысли! Поэтому эта книга и посвящена христианству Достоевского, Страхова, Вл. Соловьева, К. Леонтьева, В. В. Розанова, Мережковского и пр.

Набросок этой книги был закончен еще в декабре 15 года, но кажется, что с тех пор ее никто еще не прочитал, только я один и читаю как Редактор. Во-первых, кое-что в ней исправляю, во-вторых, начал удалять из нее почти все, что касается лично меня, оставив именно и только круг вопросов, связанных с «Легендой» Достоевского и с ее обсуждением на условном «Круглом столе» русских философов.

И так как Книга существенно изменилась, то я увидел, что это уже не совсем моя собственная рукопись, а я словно бы только редактор и издатель «*Рукописи, найденной в пыльном углу*». В ней теперь словно бы два автора, один – это именно я сам, второй – некто другой.

Сначала выскажусь от себя, потом объяснюсь за *другого*.

Отец мой был командиром взвода, удерживающего Безымянную Высоту. Получив приказ об отступлении, оставшимся в живых двадцатилетним солдатам, не имеющим еще ни жены ни детей, он приказал отступить, а сам остался прикрывать их отступление. Ему было 28 лет. Незадолго до этого, учась в офицерской школе, он вступил в партию. В *Воскресение*, скорее всего, он не верил, как и большинство из двадцати семи миллионов наших соотечественников, погибших на той войне.

Достоевский приводит рассказ о посещении Богоматерью ада. «Она видит грешников и мучения их. ... пораженная и плачущая богоматерь падает пред престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. ... и когда бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, – то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора.» (Трудно упрекать Его в гуманизме).

Муки Спасителя пронзают сердце его матери, но она способна пожалеть и других, и даже грешников. Но сколько же скорбящих матерей у погибших русских солдат? И сколько жен, оставшихся без мужей? И сколько детей, оставшихся без отцов? Просим ли мы вечного наказания для немецкого народа, повинного в смерти и муках наших близких? Нет. И это нам кажется естественным, и никто не умиляется нашей способности милосердия.

Если перед муками Иисуса Христа мы падем ниц, а на муки человеческие будем смотреть свысока, то разговор о христианстве безмыслен, не на одних весах взвешиваем мы жизнь бога, принявшего человеческий облик, и жизнь человек, многие из которых поднимались в подвигах любви, милосердия, вдохновения до небесных высот. Вочеловечившись, Спаситель принял все человеческое, а тогда Он должен принять и равенство в нашем сравнении чувств, мыслей, поступков Его и других. Будучи учителем и принимая экзамен, я не смотрел свысока учеников, занимая их и возвышая себя.

Но и Инквизитор пусть объяснит, зачем покрывл он Севилью кострами, сжигая в адских муках тысячи невинных людей, так и Достоевский пусть объяснит за Христа, почему *Судия живых и мертвых* простил палача живых.

Второе замечание относится к **свободе**, которую якобы даровал Иисус Христос человеку, не обратив камни в хлебы (по искушению Духа Зла), словно бы ветхозаветный человек был заведомо несвободен, словно бы Творец еще не всего сотворил человека, но только наполовину, и хотя наделил уже его сознанием, но словно бы не вкусил уже человек Плод с Древа познания добра и зла, за что даже был изгнан из рая, но само познание добра и зла не утерял. Впрочем, ни один из философов не осмелился и не сумел объяснить, о какой свободе идет у них речь. О свободе от рабства (в 16-м веке)? О политической свободе (которую имели граждане Афин, но не имели русские крестьяне (православные) в девятнадцатом столетии)? О свободе совести (которой не имели старoverы даже до 1912 года)?

И в третях: Достоевский в своей легенде исследует Чудо, Тайну, Авторитет, но он не объясняет нам, символом чего является **Тайна** (не объясняют смысл Тайны и русские философы, не понял ее смысла и я).

Возможно, читатель пойдет дальше нас и спросит еще и в четвертых и в пятых и что-нибудь объяснит. Но для этого надо мне сформулировать более точно и более внятно, в чём я вижу основную проблему моего спора с Достоевским и его *восторженными критиками*.

Начну (как это водится у философов и писателей) издалека.

Жизнь человека с точки зрения развития составляет три основные стадии: Рождение, Становление, Завершение (почти как и у растения).

Философ исследует *Становление личности*, которое обнимает собою все главное в жизни. Во-первых, человек учится ходить, затем осваивает язык, который он отчасти узнаёт, отчасти припоминает (как утверждает Платон).

Далее он приобретает способности к творчеству, которыми в той или иной степени не обделен никто, притом эти способности развиваются в течение всей жизни, начиная с рождения.

Со способностью и *жаждой любви*, понимания, помощи и утешения человек уже рождается, но и потребность в языке творчества сопровождает его почти всю жизнь, так что хотя я и начал писать стихи в семь лет, но и через полвека не уверен, что уже говорю свободно.

Но есть и еще жажда, о которой нам сообщает Пушкин: *«Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я томился, и шестикрылый серафим на перепутье мне явился»*. То преображение человеческой личности, которое происходит после этого, часто называют *духовным рождением*. Оно может быть мгновенным, может обнимать собою десятилетия, может закончиться Откровением и Преображением.

Такова человеческая жизнь.

Все, что в нее входит, питает и Культуру и Религиозный миф и питается ими. Но подлинным сердцем культуры и мифа являются Надежда, Вера, Любовь, о которой апостол Павел пишет, что из сих трех она важнее всего.

Однако, мир не исчерпывается ни миром ни человеком, они существуют и в своем всеобщем и в своем индивидуальном, которое является порождением общества, и потому человек существует двояко: как самобытная отдельная личность и как род (народ), который тоже является личностью. И бытие обеих личностей подобно, они существуют только вместе и дополняют друг друга. Народ рождается и *становится*, он обретает и развивает язык, создает и развивает национальную культуру, создает религиозный миф или усваивает уже существующий. Народ томим духовной жаждою, претерпевает невзгоды (как и отдельный человек), преодолевает испытания, строит государство (как *отдельный* создает семью и строит дом), обольщается, любит своих вождей и пророков, побивает камнями, подвергает распятию и сожжению (как Франция сожгла свою великую Орлеанскую Деву).

Народ испытывает Откровение (мнимое или подлинное), жаждет Преображения, переживает упадок и увядание, иногда гибнет, как и *отдельный*.

Человек и народ обогащают и созидают мир своим творчеством, но и мир созидает их, о чем повествуют и история и мифы.

На заре человечества Прометей принес и подарил человеку огонь (похитив его у богов), научил готовить пищу, обогревать жилище, создавать орудия труда и оружие, обучил ремеслам и хозяйственной жизни, тем самым почти уравнял человека с богами, за что боги его наказали.

"Ветхий Завет" говорит о том, что Бог создал человека по образу своему и подобию, наделил его разумом, **дал свободу** и подчинил ему природу, то есть поднял человека почти до Себя., и только живое любопытство наивной и неопытной Евы, поддавшейся оболщению Змия и вкусившей запретный плод с *Древа познания добра и зла*, привел к тому, что Бог изгнал слушников из рая и повелел им отныне «в поте лица своего» добывать себе пропитание, одежду и жилище, однако через пророков указывал человеку путь к спасению, и даже заключил с народом Израиля Завет и сообщил Моисею Заповеди, которые человек обязался исполнять.

Итак, сознание и свобода были даны человеку в акте Творения и расширились в грехопадении.

Но христианство обозначило собою новый взгляд на человека и мир и Сын Божий принес себя в жертву во имя спасения человека от порчи мира, обещая, что спасутся те, кто уверует в Него, возьмут на себя крест, отвергнут падший мир, чтобы пойти за Сыном Божиим. И сказал, что Он есть истина, и познавший истину станет свободен (что не отрицало того, что свобода была дана человеку в Акте творения, но... смутило философов).

Итак, христианство утверждало *необходимость для спасения отвергнуть мир, уверовать в Христа, взять крест и пойти за Христом*; во-вторых, обещало Конец света, Страшный Суд и воскресение для праведников.

Наконец, в мир пришел, после девятнадцати веков христианства, Федор Михайлович Достоевский. Сначала, в романе «Идиот», он сказал (устами князя Мышкина), что мир спасет красота (на что Аглая ответила, что ни о чем подобном в евангелиях не говорится). Затем он проповедовал (в Пушкинской речи), что мир спасется любовью (на что Конст. Леонтьев возразил, что любовь человек получает через *страх Божий*, веру и исполнение заповедей, и именно ими он спасется, а не любовью).

И, наконец, в «Легенде о великом инквизиторе» устами Ивана Карамазова Достоевский заявил, что Христос подарил человеку свободу, отвергнув искушения Великого Духа зла (о чем в евангелиях не говорится), но европейская церковь (оставляя русскую церковь за скобками) исказила замысел Христа и предложила народам церковь Антихриста (мы давно уже не с Тобой, а с *ним*, говорит Инквизитор).

И вот вся компания русских религиозных философов согласно один за другим начала спорить (и на заседаниях своего Общества, и печатно, в статьях и книгах, порицая Инквизитора и восхваляя Христа (который все время молчал, загадочно улыбался и даже поцеловал Инквизитора, сжегшего пол-Севильи)). Хотя следует к сему добавить, что православное богословие отвергло писания подобного рода русских религиозных философов, считая их неканоническими, и что К. Леонтьев к идеям Достоевского относился как к непродуманным и не совсем христианским, а Лев Толстой его произведения отнес к графе вредных и не рекомендовал для чтения.

Не является ли основанием христианства страх смерти и адских мук?

Впрочем, о многом узнаем мы ниже, и о том, является ли сия Книга моею собственной и выражает ли собою мой собственный спор с философами Круглого стола, или я лишь переписчик их идей, воскресших в литературе?

ВАЖНАЯ ТАЙНА, ПРОНИЗЫВАЮЩАЯ СИЮ КНИГУ.

С 16 лет я находился под сильным влиянием Достоевского, в 18 погрузился и в Розанова, который и сам был учеником Достоевского, так что в юности меня часто отождествляли с героями Достоевского, например, с князем Мышкиным. «*Юноша бледный со взором горящим*», я слонялся по комнатам женского крыла общежития с Библией в левой руке и проповедовал о сотворении мира Богом, о спасении души, о будущем воскресении. Читайте Достоевского, говорил я, там все сказано. Знает ли читатель об реинкарнации душ, об эманациях духов в наш мир? Известно, что многие литературные произведения имеют своим Я не личность автора, а героя, подобного автору или не сходного с ним или даже противоположного, таковы, например, Записки из подполья, Кроткая, Сон смешного человека – и сначала я подумал, что моим пером водит посмертная воля Федора Михайловича – но нет, уж слишком я на него нападаю, в обеих его ипостасях: в его затаенной сущности петрашевца, революционера и ненавистника христианства и в его маске истинного христианина, соединившего и Христа и Инквизитора в нечто единое (иначе зачем бы был этот загадочный поцелуй, зачем неразгаданная **тайна**?) Так, может быть, это Розанов, во многом опровергающий Достоевского, но раздвоенный еще более явно, резко бросающий **обвинения в детоубийстве уже не католической, а православной церкви**? И вдруг я увидел так, что свет меня ослепил, я увидел даже и собственную судьбу. Подлинный автор, начавший спорить с Иваном Карамазовым еще на страницах романа (возражающий и Достоевскому) – это Алеша Карамазов. Во второй части романа, которую он не успел написать, Ф. М. предполагал сделать именно Алешу главным героем, притом Алеша должен был уйти из монастыря, разочароваться в христианстве, стать атеистом, народовольцем, бросать бомбу в царя, сидеть на каторге – вот он и есть и личность и судьба самого Достоевского, и если бы писатель успел осуществить свой замысел, мы бы наконец узнали, действительно ли Ф. М. с Победоносцевым, или же он давно и тайно производит подкоп под все здание христианства? Итак, перед вами подлинные Записки Алеши Карамазова в его реинкарнации, а через него Второй том романа «Братья Карамазовы» – конечно, и форма здесь другая (философский роман вместо художественного), и содержание несколько изменилось, но...

«Я» этой книги – Алеша Карамазов (частично и Ф. М. и Розанов, частично и я, пытающийся утихомирить страсти). Грушенька – это N, бросившая Алешу после того, как он разочаровался в христианстве. Лиза – это **Энн**, которая, увы, тоже бросила обожженного каторгой нового революционера, бросила и Ф. М. (возможно, и в личной жизни его скрыта некоторая **тайна**, я плохо осведомлен о его дружбе с племянницей Сонечкой). А я – душеприказчик теней прошедшей эпохи, более живых, чем многие из зыскующих царствия небесного.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Достоевский
и
Легенда о Великом инквизиторе
в романе «Братья Карамазовы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИНКВИЗИЦИЯ И ТОРКВЕМАДА

1. Посреди ноябрьской пустыни

23 ноября 15. Пуганицы и противоречия в христианстве не должны удивлять, не такова же ли и жизнь? – посему можно в них застрять и без необходимости; но так как я пишу не исторический и не богословский труд, то останавливаюсь только на том, что считаю существенным для пояснения своих взглядов.

Сначала замечу, что «Пуганицы и противоречия» в христианстве не суть ошибки, как у нерадивых или несмышленных учеников, но входят в его здание умышленно или по необходимости, особенно это так для *причастия*.

Оно одновременно и напоминание об иудейской пасхе и напоминание о жертве Христа и таинство соединения верующего с Христом, во время которого осуществляется не символическое, но действительное пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христовы, то есть во время причастия происходит Чудо, во-первых, а во-вторых, вкушая хлеб и вино, верующий вкушает плоть и кровь Христовы. Не случайно сие становится камнем преткновения для иных христиан, ибо кажется многим, не могущим принимать веру слепо, подобием каннибализму, что еще и в древнем Риме служило поводом для гонений на христианскую церковь.

И посему не случайно *причастие* кажется символом, послужившим Розанову причиной, чтобы видеть в христианстве *религию мертвых*.

2. Причины преследований

Вся история христианства – это история становления церкви и богослужбной практики, и история окончательного становления содержания (смысла) и буквы учения. Так как догматическая точность и незыблемость отдельных положений учения была так же важна, как незыблемость математических таблиц, то, естественно, церковь прилагала все усилия для защиты догматической незыблемости – и сие было первой причиной гонений на несогласных и инакомыслящих (со стороны церкви). Второй причиной были политические разногласия и политические нужды церкви, в силу чего устанавливались гонения на иноверцев, особенно на евреев.

Третьей причиной могло быть что угодно, не обязательно существенное.

Сравнивая с христианской эпохой большевизм и сталинизм, следует отметить совпадение практики подавления политической, гражданской и духовной свободы в обществе у тех и у других. А далее рассмотрим одну из самых мрачных страниц в истории христианства, а именно Инквизицию, а в частности, ту ее страницу, когда во главе ее в Испании стоял Торквемада.

Правда, в основании Причастия – кровавая человеческая жертва, которые к ее времени уже были запрещены в иудаизме, но она подготовлена намеренно и проведена как казнь (распятие). Кровавые жертвы сопровождают затем и всю историю христианства, Инквизиция приносит в жертву Богу отступников и евреев, Русская революция принесла в жертву русский народ.

3. Портрет Великого инквизитора

Историю Инквизиции я представляю, основываясь на труде Рафаэля Сабатини «Торквемада и испанская инквизиция», приводя из этого труда выдержки либо частично его пересказывая.

Итак, портрет:

«Неподвластный суетности мирских стремлений, он кажется одновременно сверхчеловеком и недочеловеком и – неустрашимый среди проклятий, равнодушный к рукоплесканиям, презирующий материальные блага – ни в чем не проявляется столь величественным и достойным восхищения, как в решительном самоотречении, с которым посвящает себя служению своему Богу, ни в чем не проявляется столь ужасающим и трагически беспощадным, как в реальных деяниях.»

«Его история, – говорит Прескотт, – служит лучшим доказательством того, что среди всех человеческих недостатков нет причиняющего обществу больше непоправимых бедствий, чем *фанатизм*».

Замечание. До сих пор я приводил различные критики и возражения христианству, исследуя не человеческие дела, а само устройство его здания. Но ведь и дела немаловажны, и одно часто соответствует другому, если заря начиналась с кровавой Жертвы, и ею же явился Закат (но солнце христианского Аустерлица не закатилось совсем, и вот сегодня оно восходит, не знаю, что возвещая), то отмечать *фанатизм* как основной двигатель всех христианских дел необходимо, наряду с верой. И очевидно, что обе эти силы иницируются одновременно и существуют, подкрепляя друг друга, и чудо питает и то и другое. И когда *близость к богу возрастает ежесекундно как и благодать* (как пишет моя недавняя преданная ученица), то что это – Вера? Суеверие? Дикий некритический фанатизм? Превращение в бессловесный лист на древе господнем с помощью психоделических воздействий, гипноза и внушения, подкрепленных психоделическим вкушением плоти и крови (*причастием*)? Не нейтральных к жизни, а противопологающих себя ей, ибо *религия мертвых* должна питать умы и чувства не только духовно, но и мистически. . .

4. Литературные источники и метод представления

«Хуан Антонио Льоренте родился в Логроньо в 1756 году и принял сан священника в 1779 году после окончания университетских курсов латыни и канонического права, что дало ему возможность получить место среди законовевов Высшего совета Кастилии, который и являлся, собственно говоря, Советом инквизиции. Обладая ученой степенью доктора канонического права, он выполнял обязанности главного викария епископа Калаорры, а впоследствии стал комиссаром Святой палаты в Логроньо, доказав «чистоту крови», не оскверненной «заразой» евреев, мавров или еретиков.

...после упразднения инквизиции, в 1809 году, Льоренте принял назначение, предписывающее просмотреть ее громадные архивы, и, используя услуги множества направленных ему в помощь секретарей, провел два года за составлением выдержек обо всем, что посчитал существенным.

Он занимал высокие посты при французском правительстве, так что, когда оно в конечном счете было изгнано из Испании, Льоренте был вынужден уехать. Он нашел убежище в Париже и там написал свою знаменитую «Критическую историю испанской инквизиции» – итог своих замечательных исследований.»

В предлагаемой вниманию читателей книге автор [Р. Сабатини] пытался придерживаться позиции, не отягощенной религиозной одержимостью, трактуя инквизицию исключительно как историческую стадию организации, в развитии которой Торквемада сыграл столь важную роль. Автор писал не в интересах иудаизма, избрав ту точку зрения, что недопустимо христианам забрасывать камнями евреев, как и евреям – христиан, и что подобные действия непозволительны также для христиан одной секты по отношению к христианам другой. Каждый, кто интересуется историей собственного народа, найдет в этой книге более чем достаточно подтверждений тому, что *фанатичную религиозную одержимость* можно считать тормозом для человечества. И это, в конечном счете, наведет читателя на мысль, что ему не дано права бросать упреки в адрес верований других людей, равно как и у тех нет оснований не одобрять его приверженности.

Если испанская инквизиция показана здесь как безжалостная машина уничтожения, колеса которой забрызганы кровью искалеченных поколений, это еще отнюдь не означает, что гонения на религиозной почве являются позорной страницей истории только римской церкви.

Необходимо задуматься о пролитии крови пресвитерианских, пуританских и римских католиков при королеве Елизавете, необходимо помнить о гонениях против анабаптистов при Эдуарде VI и о призыве самих анабаптистов пустить кровь всем, кто не был крещен по их канонам.

[Как не надо забывать и о преследованиях староверов в России, затем и всяких христиан при воцарении секты большевиков.]

5. Предыстория гонений

«Чтобы проследить историю инквизиции от ее истоков, необходимо окунуться в глубину веков, подобно Парамо, сицилийскому инквизитору, написавшему «О происхождении и развитии Святой Инквизиции», первый труд по истории инквизиции с точки зрения официальной католической церкви, изданный в 1598. Можно и не согласиться с ним в том, что сам Бог был первым инквизитором, что первый «акт веры» был совершен над Адамом и Евой и что изгнание их из Эдема является, собственно говоря, прецедентом для конфискации имущества еретиков, тем не менее, обращение к далекому прошлому необходимо, ибо первые сведения об этой организации восходят к самой заре христианства.

Невозможно найти в истории более плачевного урока, чем неспособность человечества установить такое отношение к религии, принимаемой с несомненной искренностью и рвением, которое из самих этих чувств не порождало бы *озлобление и вражду*. Как только с появлением серьезных оснований для сомнений ослабевает вера, как только определенная степень равнодушия вкрадывается в обряды главенствующего культа, представители

его начинают нетерпимо относиться к людям, исповедующим другие культуры. И тогда нетерпимость становится самым воздухом религии, и – если имеется сила – нет недостатка в ее проявлениях в виде гонений.

Подобные прискорбные черты свойственны и любой другой религии, но ни в одной они не обнаружились с такой чрезвычайной аномалией, как в христианстве, которое зарождалось на идеях милосердия, терпения и терпимости и главным принципом которого была возвышенная заповедь его основателя: «Возлюби ближнего своего»⁽¹⁾. [Надеюсь, впрочем, что мой читатель хотя бы бегло читал и Новый Завет, и согласится, что не более распространенной «заповедью» в нем является «вар и скрежет зубовой»?]

«Притеснения неизменно сопутствовали распространению христианства с момента его возникновения, в чем внимательный исследователь обнаружит жесточайший и ужаснейший – поистине, самый трагический – из всех парадоксов, составляющих историю цивилизованного человека.»

[Но я не буду останавливаться на Истории христианства, истории церковных соборов, после которых головы несогласных с победившим мнением летели особенно быстро – интересующимся рекомендую прочесть «Основания девятнадцатого века» Чемберлена, посвященного истории преступлений христианской церкви в большей степени, нежели самому девятнадцатому столетию. И вот кстати вспомнить Киркегора, относящего парадоксы Учения к его достоинствам – не отнесет ли он, этот не самый ли христианнейший из христиан, и этот парадокс (который, впрочем, вполне в духе христианства) к его достоинству тоже?!]

6. Лицемерие и ложь как главные черты рабов божьих

«Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною.»

Сабатини в своей Истории пишет: «Несоответствие между этой заповедью Спасителя и положением в миру, которое занял Его наместник на земле, становилось все более разительным и достигло высшей точки с началом эры Ренессанса.

Римские плебеи середины первого века... были поистине бесконечно далеки от высокомерных, грубых римских христиан времен папы Иннокентия III. Наследника апостола Петра – бедного рыбака из Галилеи! – возвели на папский трон с пышностью, превосходящей коронацию любого земного властелина. В миру он был обладателем значительных территорий, а в духовной сфере возглавлял империю, охватившую весь христианский мир, и усиливал свою верховную власть, извергая молнии анафемы, которую сам же изобрел. Его двор блистал облаченными в алые одежды бесшумными прелатами, патрициями в шитых золотом и серебром костюмах, полководцами в парадных мундирах, расфуфыренными щеголями и величественными сенаторами. Сам же Иннокентий на коронации был облачен в торжественные одеяния, вязанные из прекраснейшего руна, и был увенчан тройной диадемой из белых павлиньих перьев, охваченных пылающими спиралями золотых нитей, унизанных драгоценными камнями. На коронации короли прислуживали

ему за столом, преклоняя колени, а принцы крови и патриции оказались в роли простых лакеев.

Со ступеней Латеранского дворца в день своего вступления на трон он швырял пригоршни монет в толпу римлян, восклицая: «Золото и серебро не для меня. Я отдаю тебе все, что имею!»

Но папская казна не пострадала от подобной «щедрости», поскольку источники ее богатства были неисчислимыми. Иннокентия III окружала невообразимая роскошь: силой своего богатства он управлял развитием искусств и ремесел.

Церковная пышность не ограничивалась Римом и папским двором. Постепенно она пропитала самое тело церкви, поразила даже монашеские ордена. Забыв материальную непритязательность своих исходных принципов, они перешли на уровень баронской роскоши. Располагая обширными аббатствами с богатыми пашнями и виноградниками, святые отцы управляли сельскими округами и церковными приходами, облагая их налогами скорее как феодалы, чем как священнослужители. Столь надменным и аристократическим стал сам дух каноников, ... что церковь более не соответствовала плебейским и крестьянским слоям общества: она быстро становилась институтом патрициев и для патрициев.»

И так было во ВСЕ ВЕКА христианской эры, таково же сегодня положение и Российского духовенства, составляющего значительную часть нашего олигархата.

Но это не удивительно: сами учителя проповедовали, что сей мир падший и Дьявол – князь мира сего. Живя в мире, духовенство неотвратно служит своими «падшими человеческими помыслами и делами» дьяволу. Я не удивляюсь и не негодую. Я не пришел в этот мир проповедовать мораль среди тех, кто присвоил себе Истину, Нравственность и критерии Правды.

Меня интересует мирской человек, женщина или мужчина, тот, что рядом со мною, с которым я иногда целуюсь, иногда пью водку. Лицемерие – неотъемлемая черта всякого человека, в той или иной степени, и в первом веке оно существовало как и теперь. Если тексты евангелий были искренни, то лицемерны верующие, которые ведь не слепы и не умственно недостаточны, но которые, прославляя свое учение и свою церковь и своего Бога, в меня бросят все возможные камни с полей своей веры, защищая неправду. И я их в последний раз спрашиваю: А вы не видите неправды и лицемерия духовенства, которое две тысячи лет было только среди богатых и властвующих и среди притеснителей, если не слепы? ИЛИ ВЫ САМИ ТОЛЬКО ЛИЦЕМЕРЫ, И ВЕРА ВАША – ЭТО НЕ ВЕРА, А ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?!

На Страшный Суд меня позовут в качестве эксперта, так как я по профессии редактор, я редактирую тексты, отчасти и души, так как помимо всего прочего я и Учитель. Хотите ли вы, чтобы я вас пытался защитить в вашей нищете духа? Так хотя бы немного "разуйте глаза", хотя бы немного всмотритесь в мир! Вам дано самое большее, что когда-нибудь было дано живущему (нет, не вера, не откровение) – вам дана СОВЕСТЬ. Спрашивать будут не с Писания, но только с совести!!!

7. Еще не до конца ушел, не совсем позабыл...

Прежде чем перейти к самим пыткам и казням, я вспоминаю свое "дитя". Я ее вольно и невольно порицаю даже за то, в чем она и не виновата.

Она маленькая прелестная девочка (по характеру и поведению), она жалостлива и добра, восторженна и романтична, доверчива и грустна. Всякая неправда и ложь ее ранят, всякое горе в ней отзывается, все неблагоприятное вызывает в ней страх. Воистину, она похожа на ласточку, залетевшую под крышу, и не знающую, где выход, как вылететь к божьему свету.

И так она будет носиться под крышей, пока не погибнет.

Спасает любовь, даже апостолы сказали, что любовь больше веры. Но ее убедили верить тем, кто изловил ее душу, убедили любовь опорочить и меня разлюбить, и она меня разлюбила.

И что ей скажут даже ангелы, которые ей сродни? Что она оттолкнула тех, кто ее любит, и открыла объятия тем, кто ею владеет – телом ли, не вем, душою ли, не вем, но владение всегда всесторонне...

8. Пытки и казни

Пытки и казни инквизиции продолжались в Испании и во всей Европе в течение нескольких столетий. Испания пришла в запустение. Цвет нации был уничтожен. Евреи были изгнаны (многие из них нашли прибежище в Риме, столице католического царства – противоречия и парадоксы сопровождали не только Новый Завет, но и историю властвования его церкви).

Так как я не имею намерения дать сокращенную историю Инквизиции – пусть все же читатель сам почитает книгу Сабатини, – то приведу лишь несколько из нее примеров. Моя задача состоит в том, чтобы побудить читателя мыслить, исследовать, сомневаться, проверять, опасаться самому стать фанатиком веры, но, напротив, стремиться к образованию, усвоению культуры, великодушию, милосердию. Я не сомневаюсь, что мои призывы не следовать за жестокими и лицемерными, не принимать на веру не проверенные утверждения, не веровать хотя бы слепо, не возымеют влияния, и хотя я знаю, что слово менее убедительно, чем власть и авторитет, но у меня есть только слово, с ним я и обращаюсь, не забывая об отчаянии.

9. Горестное заключение, которое никого ничему не научит

«Оливковая ветвь – эмблема мира – символизировала готовность инквизиции проявить милосердие к тем, кто искренним раскаянием и признанием заслужил прощение Святой матери-церкви. Столь широко демонстрируемое милосердие... могло состоять в удушении перед сожжением или, в лучшем случае, в пожизненном заключении, конфискации имущества, бесчестии детей и внуков осужденного.»

Милосердие, впрочем, имело и другие формы.

«Посреди поля возвышался огромный белый крест; вокруг него были установлены двадцать пять столбов с уложенными возле них вязанками хвороста, а толпы праздных зевак волновались в нетерпении, ожидая начала представления.»

Осужденного привязывали к столбу, и доминиканцы вновь приступали к своим уговорам. Они размахивали распятием перед его полными ужаса глазами и призывали сознаться, раскаяться и спасти душу свою от мук вечного ада. Они не оставляли его, пока хворост не занимался трескучим огнем, языки которого постепенно охватывали сложенные вязанки и начинали лизать босые пятки еретика.

Если он делал признание, отступая перед душевными или физическими страданиями, доминиканец подавал знак, и экзекуторы подбегали к костру и быстро душили осужденного. Если же муки физические не могли одолеть его религиозных убеждений, если он оставался твердым в своем намерении умереть медленной, ужасной смертью – смертью мученика за веру, которую считал единственно истинной, доминиканец покидал его, расстроенный этим «дьявольским упорством», и бедняга оставался умирать в мучительной агонии на медленном огне.⁽²⁾

Между тем под прозрачным безоблачным куполом неба страшная работа служителей веры шла своим чередом «Именем Христовым». Один за другим обвиняемые выслушивали приговоры, пока последняя из двадцати пяти жертв не оказалась в руках гражданских исполнителей. В лугах Ла-Дехеса пылало столько костров веры, что могло показаться, будто христиане мстят своим врагам такими же человеческими факелами, какие те некогда жгли в Риме.⁽³⁾»

«Во время аутодафе, состоявшегося 7 мая, к сожжению приговорили четырнадцать мужчин и девять женщин. Среди них был каноник из Толедо, обвинявшийся в ужаснейших ересьях и признавший под пыткой, как пишет Ороско, отвратительную подмену слов мессы. Вместо предписанной формулы таинства он, как выяснилось, обычно произносил абсурдную и почти бессмысленную тарабарщину».

Далее пересказываю. Случались казни тех, кто успел бежать. Тогда в костер кидали их соломенные манекены.

Казнили даже тех, кто уже успел умереть. Тогда зачитывали приговор, а наследников лишали имущества осужденных. Но костер разжигался и в этом случае. «Туда летели останки умершего, вырытые из могилы.»

Иногда казнили тех, кто выдавал еретиков – это случалось в том случае, когда выяснялось, что выдающий с выдачей медлил (особенно, если еретиками были муж или жена или родители или дети).

Часто казнили тех, кто НЕ выдавал еретиков – были и такие, несмотря на повсеместный ужас, заливавший Испанию.

Казнили родственников. Казнили знакомых. Казнили по доказательству. Казнили по подозрению – подозрение тщательно проверялось, пытка могла продолжаться несколько дней, *нельзя было казнить невиновного*. Но казнили и тех, кто не сознавался, если судьи считали, что есть основания для подозрений.

Заведомо невиновен среди всех христиан был только один человек – единственный несомненный христианин Томас де Торквемада.

Он не был казнен. Все остальные подлежали казни и были казнены. Впрочем, не будем их жалеть. Все они были христианами, а потому обрели вечную жизнь (под пыткой).

Снова дадим слово Р. Сабатини» «Возможно, Прескотт ближе всех подошел к истине, когда утверждал, что "усердие Торквемады имело столь необычайный характер, что вполне могло быть сочтено умопомешательством". Льоренте утверждает, что число жертв Торквемады составляет **восемь тысяч восемьсот сожженных заживо, шесть тысяч пятьсот сожженных в виде манекенов и девяносто тысяч приговоренных к епитимьям различной тяжести.**»

«Гарсиа Родриго ...произносит пылкую обличительную речь в адрес антирелигиозного фанатизма... [однако] *«антирелигиозный фанатизм и нетерпимость ...надлежит признать, но признать как неизбежные плоды религиозного фанатизма и нетерпимости. Что посеешь, то и пожнешь. Что может вырасти из семян чертополоха, кроме того же чертополоха?»*

Итак, за тридцать лет в одной десятой части Европы было сожжено около десяти тысяч человек, и в целом в Европе около ста тысяч. Пусть наиболее интенсивный период гонений составляет только триста лет, но и тогда число сожженных составит миллион человек. Эта цифра не может быть преувеличенной, так как за время Столетней войны между Францией и Англией погибло одних только детей только во Франции около двухсот тысяч.

Варварство и жестокость христианской церкви не подлежит сомнению, это ее основная черта и в Европе и в России. Даже если бы они СОЖГЛИ только тысячу человек, я назвал бы их церковь чудовищной. Даже если бы они сожгли только ТРЕХ ВЕЛИКИХ, святую девушку восемнадцати лет, «Орлеанскую деву», и двух великих мужей: Томаса Мора и Джордано Бруно, я назвал бы их церковь чудовищной. Даже если бы они погубили только одну, которую я люблю, этого было бы достаточно, чтобы предъявить им обвинение в бесчеловечности.

В знаменитом романе Достоевского в легенде, рассказанной Иваном Карамазовым, появится зловещая фигура Великого Инквизитора. Автор не отождествляет своего героя с Торквемадой, однако читатель вправе романтический образ объединить с действительной личностью, хотя в какой степени они подобны, пусть судит читатель, прочитавший и рассказ Сабатини, и повествование Достоевского. Не следует только забывать, что зловещие костры и аутодафе, темницы и удавки на шее сопровождали жизнь не только еретиков (подлинных или мнимых, но это, возможно, не имеет значения), но и выдающихся христиан, учителей и философов, епископов и подвижников. Гоним был и Ориген, III в. н.э., известный христианский теолог, учение которого было осуждено на II Константинопольском соборе (и которого я осуждаю тоже).

Но всевластный Старец заключил в темницу самого Христа и обещал его на следующий день казнить. Хотя Легенда кончается тем, что он отпустил своего божественного узника, но лишь потому, что дрогнула рука русского писателя, побоявшегося церковного осуждения по обвинению в богохульстве.

Кратким напоминанием об Инквизиции и Торквемаде я предваряю Разговор о христианстве и осуждение «Легенды о Великом Инквизиторе», в котором участвуют знаменитые русские писатели и философы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БУНТ ИВАНА КАРАМАЗОВА

1. Возможно ли крестьянину стать христианином?

27 ноября 15, 23-47. Путаницы и противоречия в христианстве не должны удивлять, не такова ли и жизнь? – посему можно в них застрять и без необходимости; но так как я пишу не исторический и не богословский труд, то останавливаюсь только на том, что считаю существенным для пояснения своих взглядов.

Были Всемирные Соборы, утверждение Символа веры, утверждение канонических евангелий, церкви и богослужения, иерархии, богословия – и все сие сопровождалось жестокой борьбой, так что и головы летели еретиков и наоборот, вчерашние еретики приходили вдруг к власти, как то случилось с противостоянием иконоборцев, пожелавших изгнать всякую живопись из храма (и изгнали бы они ее и из всякого дома тоже) и "иконописцев" (то есть защитников икон). Были отпадения церковей, хотя в основном единство ее сохранялось, затем произошел Раскол, в 11-м веке, на западную, католическую, и восточную, православную (то есть *кафолическую*), что по названию то же самое, но отличаются они самодержавной властью папы над всей христианской империей и несамодержавной поместных патриархов (не говоря о разногласиях об истечениях Духа Святаго от Отца и Сына или только Отца).

Затем, начиная с 16-го века, от католиков начали отделяться протестанты, в Германии, Англии, Швейцарии, в северной Европе.

И сие тоже сопровождалось гонениями и религиозными войнами между государствами.

Но истории христианства я касаюсь весьма кратко, я и не историк, а свободомыслящий литератор, и не богослов, и даже пока не совсем еще и философ. *Меня интересует, есть ли правда на земле, и есть ли она выше*, по словам Сальери, ибо забочусь я только о себе и своих близких – в каком мире мы живем, можно ли в нем прожить, не задохнувшись? Есть ли мост через Стикс и можно ли вернуться обратно, пока не наступит ночь?

Можно сказать и так, что я крестьянин, расчищающий пашню от нагромождения камней. Я, возможно, не удивлю вас, но я и математик, и преподаватель математики, и редактор, работал я и сторожем и землекопом, построил сарай, построю еще и дом, все впереди, умею мыть посуду, стирать, готовить пищу, умею в дождь развести костер, перепеленать ребенка, утешить несчастного, накормить голодного, приготовив ему обед из того урожая, который я вырастил сам. Да, я не могу накормить, превращая камни в хлебы, это отказался делать и Христос, сказав, что *не хлебом единым жив человек*, но затем, противореча сам себе (*изысканное противоречие бытия*), он всех накормил, превращая один короб хлеба в семь коробов или более, то есть произведя хлеб из воздуха. Я и этого делать не умею, а если бы и умел, то отказался бы, ибо хотя я *жив человек хлебом и вином*, но он должен их добыть в поте лица своего. *Этого доказать нельзя, но в это можно поверить.*

Итак, я математик (занимался *наукой, изобретенной бесами*, как полагал Ориген – а у христиан и вся культура в целом – произведение дьявола), писатель, поэт, учитель и сторож – но я жив только своим собственным трудом, поливая своим потом поле своих трудов! Более того, голодных я кормлю только из того урожая, который я вырастил сам! Это самое существенное, чем я отличаюсь от христиан. (Академик Ухтомский, впрочем, тоже жил своим собственным трудом, хотя и считал себя христианином.)

Но трудились ли самые ревностные ученики Христа? Когда Святой Доминик просил у папы Римского разрешения на создание ордена, то какую стезю он для него избирал? «Он отправился просить разрешения папы Иннокентия III на создание *ордена проповедников*, которые – *в бедности и лишениях* – отправятся отвоевывать для Рима стада овец, сбившихся с пути праведного и попавших на пастбище ереси.» Но так ли неотвратима была бедность? Не имея семей, не могли ли они своим трудом преодолеть бедность?

Нет, не могли, потому что праздность – имя того креста, который они взяли, отправляясь за Христом.

А какой все же крест предполагался у самых верных, следующих за Христом, кроме праздности? Смысл христианской жизни состоит в том, чтобы *взять крест и пойти за Христом*. Но в чем смысл этого креста? Только в том, чтобы *сторониться женщин, НЕ работать, изнувать себя молитвами?*

И за это дается царствие Божие?

2. *Любовь к ближнему*

Вокруг христианских идей вращается действие романа Достоевского «Братья Карамазовы», и я отправлюсь вслед за его героями.

«Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. *Я убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя епитимии*. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь.

– Об этом не раз говорил старец Зосима, – заметил Алеша, – он тоже говорил, что лицо человека часто *многим еще неопытным*⁽⁴⁾ *в любви людям мешает любить* 5. Но ведь есть и много любви в человечестве, и почти подобной Христовой любви, это я сам знаю, Иван...»

И очень точно сказано, что вся эта «любовь к ближнему» надумана, выдумана, сконструирована в рамках христианского мифа, в рамках его двухосной конструкции: невероятной, беспредметной и потому НЕВОЗМОЖНОЙ *любви к Богу* и такой же беспредметной и потому бессодержательной *любви к ближнему*.

Жаль, что мой роман носит личный характер, и я не могу противопоставить в споре героям Достоевского (и также других подобных ему) своего *отвлеченного* героя, а приходится самому автору выступать "с открытым забралом", что мешает объективности разбирательства.

По-видимому, окончив свою эпопею, посвященную любви и вере, попробую тоже приняться за написание романа, что получится, то пусть и получится. Потом, возможно, распишусь...

Итак, в отношении обеих любовей естественны два вопроса: существуют ли они, возможны ли (хотя бы по образцу любви к "родной коммунистической партии"), а затем – что они из себя представляют?

Религиозное чувство, религиозное состояние встречается в форме экзальтации, самоотверженности, страсти, как правило, у женщин, в его сердцевине находится экзальтированная же любовь к Христу. Итак, Любовь к Богу (как любовь к Христу) – существует. Если стремиться в нашей беседе к строгой точности, то надо заметить, что это не совсем то же самое, что Любовь к Богу, хотя христианская Троица и является Богом в своей нераздельности, и Христос повторял "Я и Отец – одно!" Дело в том, что Заповедь "любви к Богу – Ветхозаветная, высказана в Ветхом Завете, то есть в иудаизме, а не в христианстве, и в христианство перенесена. В иудаизме Христа не было, Сам Христос повторял эту заповедь как повеление любви к Богу, а не к Самому Себе, поэтому не совсем ясно, любя Христа, любят ли христианки Бога? Спрашиваю же я это потому, что даже богословы отмечали, что пароксизмы религиозной экзальтации, самоотверженности, страсти, направленной к Христу, носят часто извращенно чувственный характер, это не любовь к Богу, а чувственная любовь, в псевдорелигиозной оболочке. Потому, на взгляд этих богословов (и мой тоже) – грош цена такой любви к Богу, если даже не относиться к ней как к извращению и богохульству.

Но, предположим, Любовь к Богу все же существует. Как учит апостол Петр, формой такой любви является прежде всего "любовь к брату своему" или к *ближнему* – но существует ли *любовь к ближнему*? Или она, как полагает Иван Карамзев, притворная, *заказанная долгом любовь*?

С надрывом лжи?

В девятнадцатом столетии девять десятых всего русского народа составляли крестьяне. Они хотя и были разными, но преимущественные чувства в их душах и проявлениях совпадали, они любили своих детей, родных, помогали тем, кто попал в беду, дома для односельчан ставили артельно, всем миром, не высчитывая слишком уж, кто сколько сделал, а старательно. Следовательно, они ЗАБОТИЛИСЬ о ближних. Но спросили бы вы, являются ли эти забота, участие, сочувствие, иногда жалость – любовью? Я точно знаю, что ни один крестьянин эту *любовь к ближнему* никогда не понимал и не испытывал, потому что эта любовь – придуманная, и следовательно, извращенная.

А отношение крестьян к своим *ближним* было значительно более заботливым, чем отношение друг к другу формальных христиан, в монастыре, среди духовенства. Вон Конст. Леонтьев полагал, что кроме как *из страха Божия* любовь больше ни из чего не может возникнуть...

А теперь приведу самого себя в пример.

Год назад моя супруга попросила меня помочь ее бывшему сослуживцу, сидящему дома по болезни, доделать книгу. Я сплел и согласился. Выяснилось, что существует только набранный текст, в который надо вставить триста рисунков, отсканировав их из двух десятков старых учебников, отредактировать и сверстать шестьсот страниц.

Не ежедневно, но примерно НА ТРЕТЬ всех своих трудовых затрат (а тружусь я приблизительно по двенадцать часов в день, во все дни недели) этой работой я был занят **ровно год**, сегодня файл отослал в типографию. То, что мною двигала не любовь, очевидно, дружеской близости у нас не почти не было, мне его было жаль. Но даже не в жалости дело. Я начал эту работу, и бросить ее по дороге уже не мог, было бы стыдно. Так же я не уходил через час, вызвавшись кому-то помочь с переездом, ремонтом, или чем-то в этом роде. Но на обстоятельства, втавившие меня в ненужную мне работу, я сетовал!

Те, кто меня хорошо знает, так же хорошо знает, что я не святой и не ангел, они уверены, что я попаду по крайней мере на Страшный суд, без суда в рай меня не пустят. Знаю я это и сам.

И вот приду я на их Суд, они зададут мне два сакраментальных вопроса, люблю ли я Бога и люблю ли ближнего.

Нет, разумеется, отвечу я. И швырну им на стол этот шестисотстраничный словарь, который я делал в течение года не жене, не брату, не ближнему другу и уж точно не Богу...

Если кто-то из ваших святых, подвижников, благочестивых монахов и богословов принес в мир заботы о постороннем человеке БОЛЬШЕ, чем я, пусть тот первый понесет хворост на костер, который должен возгореться мне в воздаяние, скажу я, не рисуясь и не хвастаясь.

При этом я знаю, что множество людей сделали больше моего, например, все солдаты, погибшие на войне. Они пожертвовали для нас всех и для защиты Родины свою жизнь, больше не бывает жертвы. И их жертва точно такая же, как жертва Христа, который тоже пожертвовал свою жизнь для странного "спасения" человека. При этом мой отец не воскрес. Более того, он не был христианином, поэтому не воскреснет и после Второго пришествия.

Так кто же такие христиане? Это всё судьи отцу моему! Это всё присяжные заседатели на том суде, который осудит нас всех, "естественных людей", не свихнувшихся на безгрешности, на девственности, неприкасании к женщине, святости и любви к Богу (от которой Ему самому уже давно тошно)

Итак, *"любовь к ближнему"* – лживая подмена *сочувствия к страдающему человеку и сочувствия к брату своему, другу, жене, детям...*

Любовь к Богу – так же подмена подлинных состояний, которые испытывают немногие возвышенные люди, то есть духовной жажды, вдохновения, страсти к познанию, любви к миру.

И Бог и человек нуждаются в понимании и диалоге, но к диалогу с Богом способны немногие – не потому, что они глупы, а потому что слишком себялюбивы, не возвышенны, ленивы...

3. *Сострадание. Человеческое и зверское в человеке*

Иван продолжал:

«...Я хотел заговорить о страдании человечества вообще, но лучше уж остановимся на страданиях одних детей. Это уменьшит размеры моей аргументации раз в десять, но лучше уж про одних детей. Тем не выгоднее для меня, разумеется. Но, во-первых, деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом (мне, однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом). Во-вторых, о больших я и потому еще говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают⁽⁵⁾, у них есть и возмездие: *они съели яблоко и познали добро и зло* и стали «яко божи». *Продолжают и теперь есть его. Но деточки ничего не съели и пока еще ни в чем не виновны.* ... Если они на земле тоже ужасно страдают, то уж, конечно, за отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко, – но ведь это рассуждение из другого мира, сердцу же человеческому здесь на земле непонятно. *Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному!* ... Кстати, мне недавно рассказывал один болгарин в Москве, – продолжал Иван Федорович, как бы и не слушая брата, – как турки и черкесы там у них, в Болгарии, повсеместно злодействуют, опасаясь поголовного восстания славян, – то есть жгут, режут, насилуют женщин и детей, прибивают арестантам уши к забору гвоздями и оставляют так до утра, а поутру вешают – и проч., всего и вообразить невозможно. ... Эти турки, между прочим, с сладострастием мучили и детей, начиная с вырезания их кинжалом из чрева матери, до бросания вверх грудных младенцев и подхватывания их на штык в глазах матерей. На глазах-то матерей и составляло главную сладость. Но вот, однако, одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенец на руках трепещущей матери, кругом вошедшие турки. У них затеялась веселая штучка: они ласкают младенца, смеются, чтоб его рассмешить, им удается, младенец рассмеялся. В эту минуту турок наводит на него пистолет ... и раздробляет ему голову... Художественно, не правда ли? Кстати, турки, говорят, очень любят сладкое.

– Брат, к чему это все? – спросил Алеша.

– Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.⁽⁶⁾

– В таком случае, равно как и Бога.

– ... Ты поймал меня на слове, пусть, я рад. Хорош же твой Бог, коль его создал человек по образу своему и подобию⁽⁷⁾.»

По этому поводу я сделаю несколько замечаний.

Замечание первое. Верующие утверждают, будто целью религии является смягчение нравов. Это можно утверждать, формируя "посюстороннюю религиозность", не опирающуюся ни на знание мифа, ни на сам миф, ибо Миф всегда жесток и его цели лежат в другой, нежели нравственность, плоскости. (Но спор безмыслен, ибо "посюсторонние христиане", как правило, даже славянской Азбуки не читали).

Замечание второе. Три мировые религии: христианство, ислам, марксизм действовали в Истории с чрезвычайной жестокостью.

Если мы скажем, что целью их всех являлось уничтожение мира, то не слишком погрешим против истины.

Турки мучили славян. Торквемада и Гитлер мучили евреев (если оставить за скобками славян, русских, цыган и многих еще). Большевики (марксисты) мучили русских...

Замечание третье. Сорок пять лет назад, в марте семидесятого года (столетие ихнего вождя) я попал в облаву, и хотя реальной вины на мне не было, но так как я большевиков не любил, то меня посадили сначала в тюрьму Большого дома, где я просидел полгода. Через неделю ко мне в камеру (где сидел я один) посадили бывшего карателя (русского), потом они менялись, и я сидел и еще с тремя из их группы. Судили их по второму кругу (по первому они просидели по десять лет), и так как враги советской власти уже были все уничтожены, оставшееся население эту власть любило, из "врагов советской власти" остался я один, да еще несколько сионистов, пытавшихся бежать на историческую родину, ну вот и стали снова судить карателей (надо сказать, что прошлые сотрудники советских ЧК, НКВД, ГПУ и подобных были те же каратели, если не круче, но их никто еще не судил, да и призываю к суду над ними только *я один*, поэтому, в частности, я и обличаю русский народ).

Не знаю, почему, но каратели мне доверяли, были почему-то уверены, что я не *настучу*, разговаривали со мною открыто, рассказывая о себе и своей жизни и о своем прошлом. Издевались они над теми, кто сопротивлялся немцам, безжалостно, но, правда, турки от них отстояли как инобытие от бытия (кстати, недавно я редактировал повесть об армянском геноциде, там было описано нечто в том же роде, что и у Достоевского).

Но и сами они мучений претерпели немало, сначала на войне, потом в немецком плену, потом в русском.

Тогда у меня появилась мысль написать роман «Ивановы муки» о судьбе русского крестьянина, которого перемалывали человекомолки всех злодеяний двадцатого века. И там собирался я писать и о власовцах, и о карателях, и о полицаях и о старостах, и о кулаках, и о надзирателях и о начальниках советских лагерей. Но потом сама собою мысль эта во мне умерла – НЕКОГО ЖАЛЕТЬ! Сначала будущий советский кулак раздавил как гусеницу бывшее правящее сословие, а потом уж претерпевал, но иные из них, полоче, попадали и в "органы" и благоденствовали... А основная масса крестьян поголовно почти погибла на войне, но Сталина при этом любила – за что их жалеть?

Замечание четвертое. Хотя Достоевский начинает свой роман с уверения, что это жизнеописание Алеши Карамазова, но по существу это не так – это драма одного семейства, но в центре драмы вовсе не прямолинейный и довольно поверхностный, если не сказать, примитивный Алеша, но Иван Карамазов, которому принадлежат те сомнения Достоевского в христианской истине, которые у него были в сороковые годы, но не исчезли до конца (не случайно Константин Леонтьев его христианство постоянно ругает и принимает с оговоркой, и гораздо мягче к прокатолически настроенному Вл. Соловьеву, порицающему любовь к родине, нежели к националисту Достоевскому).

Замечание пятое. Я спору с христианством не потому, что надеюсь изменить что-либо в моем собственном, ибо бесконечно то, что меня разделяет с теми, кто от человека ушел к Богу. Я был очень счастлив в прошлом, я чувствовал в *ней* аромат цветка и вдыхал ее всю как аромат. Она была нежной и мягкой. Она сочувствовала мне, боялась, не страдаю ли я, не буду ли страдать, и я обожал ее способность к сочувствию. Она писала стихи. Любила музыку. Читала книги. Даже пила вино и курила – даже эти слабости соединяли ее с человеческим в человеке. Но замена человеческой плоти и плоти нашего мира на причастие потустороннего мира опасно, как общение с потусторонними духами.

Мой Бог совсем иной, он Бог милосердия, прощения, сочувствия, романтического возвышения, нежности, женственности, мягкости, познания, красоты, радости! (трудно ли догадаться, что ад, тление, страх божий, вечные слезы, вечная борьба с ересью, вечная скорь, гроб, стоящий посреди учения!!! – не совместимы с радостью и любовью!?)

4. Предисловие к Бунту

Продолжая разговор о «любви к ближнему», Алеша говорит:

«Но ведь есть и много любви в человечестве, и почти подобной Христовой любви, это я сам знаю, Иван...

– Ну я-то пока еще этого не знаю и понять не могу, и бесчисленное множество людей со мной тоже. Вопрос ведь в том, от дурных ли качеств людей это происходит, или уж оттого, что такова их натура. По-моему, *Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо.* Правда, он был Бог. Но мы-то не боги.»⁽⁷⁾

Хочется много чего сказать по этому поводу, но найду ли понимание и отклик?

Ветхий Завет входит в христианство, и после бесчисленных комментариев о его жестокости, после Розанова, показавшего, что жестокость пропитывает все мифы как их характерологическая черта, повторять с придыханием поверхностные слова о любви Бога к человеку не только смешно, но вызывает подозрение в способности философа мыслить и рассуждать, в способности читать и понимать своих *собратьев по разуму*. Или вы ничего не читали, господа, кроме речи Победоносцева, которой так умилился Леонтьев?

Или в постоянном напоминании о «скрежете зубовном» вы слышите музыку любви? Или в обещании царствия Божия только «малой горстке» избранных (ибо все остальные «сплошь негодны»?!). Или в уверениях апостола Павла, что спасаются только *верой* (а тогда зачем все остальное? Зачем лишать себя радостей плоти и наслаждений?) Или любовь в требовании взвалить на себя крест, который был неподъемен даже Богу, и нести его, света божьего не взвидя (в противоречие с обещанием спасения по вере?)

Но возражения мои мало убедительны, как я вижу, и причина мне тоже ясна. У Достоевского все "**Pro et contra**" высказываются собеседниками, по существу придерживающимися одной точки зрения, все они стоят на коленях в храме в молитвенном благоговении, И Алеша, и Иван, и Дмитрий, и сам Достоевский. Отдельно от них и не совсем с ними согласен Федор Павлович

Карамазов, но он ведь и изображает сам из себя шута, а потому его несогласие высмеяно еще прежде, нежели высказано.

А о чем и как они спорят?

Представим себе, что в присутствии Торквемады собрались бы Коперник, Кеплер и Галилей, речь шла бы о том, плоская ли Земля, и Коперник высказался бы так, что, мол, не желая умалить авторитета церкви и Птолемея, он должен заметить, что в отдельных местах Земля немалюбо не плоская. То есть, конечно, она в целом плоская, но кое где иногда, на некоторое время она чуть-чуть... А затем выступает Кеплер и добавляет, что конечно, отчасти это верно, но не кажется ли вам, уважаемый астроном, что вам это кажется?

И так далее и в том же духе...

Повторяю в последний раз, что я имею против двух главнейших Заветов Библии (или Ветхого Завета). Это Священное Писание Иудаизма, их Бог был Богом Израиля, Богом, избравшим себе народ из проживающих в пустыне племен в качестве любимого племени, которое было целью его земных усилий. Этот Бог сразу же объявил, что Он является Богом евреев, и что евреи составляют Его народ, и предложил заключить нечто вроде соглашения о мире, дружбе и любви. Естественно, что евреи обязались Его любить как своего Бога, защитника, Повелителя (императора), Творца и Учителя. Одновременно они обязались жить в мире и дружбе среди народа, избранного Богом и принадлежащего Богу, любить свой народ, то есть любить соплеменников, иначе говоря, *ближних*. Эта любовь была ясной, осмысленной, обладающей содержанием и предметом, и была ЛИЧНОЙ.

Переноса Иудейский миф на ВСЕ народы, населявшие обитаемый мир, дополнив Бога евреев Христом (который вначале заявлял, что «пришел спасти только Свой народ!»), то есть тех же евреев), христиане без критики и изменений приняли оба завета, обязавшись любить уже не Бога своего собственного народа, а всеобщего Бога, того самого, что у ариев, славян, кельтов, германцев и всех других, включая евреев. Любовь к Всеобщему Богу теряла характер личных отношений. Но еще более бессмысленной становилась *любовь к ближним*, уже не имеющая характера чувства, связывающего воедино *ближних как единоплеменников* в народ. Единоплеменники, например, русские, обязывались любить Бога, общего всем разрозненным, даже враждующим, народам, и любить какой-то бессмысленной абстрактной любовью совершенно чужого человека, не сопричастного нашей жизни, например, «негра преклонных годов», в которого собирался вочеловечиться Маяковский.

5. Бунт

Но разговор братьев тем временем продолжался.

«Девчонку маленькую, пятилетнюю, возненавидели отец и мать, «почтеннейшие и чиновные люди, образованные и воспитанные». Видишь, я еще раз положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многих в человечестве – это любовь к истязанию детей, но одних детей. ... Тут именно незащищенность-то этих созданий и соблазняет мучителей, ангельская доверчивость дитяти, которому некуда деться и не к кому идти, – вот это-то и распяляет гадкую кровь истязателя. Во всяком человеке, конечно, таится

зверь⁽⁸⁾, зверь гневливости, зверь сладострастной распалюемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу, спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, больных печенок и проч. Эту бедную пятилетнюю девочку эти образованные родители подвергали всевозможным истязаниям. Они били, секли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тело ее в синяки; наконец дошли и до высшей утонченности: в холод, в мороз запирали ее на всю ночь в отхожее место... И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бедного ребеночка, запертого в подлом месте! Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезками к «Боженьке», чтобы тот защитил его, – понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, ... понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит. Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «Боженьке». ... Мучаю я тебя, Алешка, ты как будто бы не в себе. Я перестану, если хочешь.

– Ничего, я тоже хочу мучиться, – пробормотал Алеша.

– Одну, только одну еще картинку... Был ... в начале столетия один генерал, генерал со связями большими и богатейший помещик, но из таких (правда, и тогда уже, кажется, очень немногих), которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали уверены, что выслужили себе право на жизнь и смерть своих подданных. Такие тогда бывали. Ну вот живет генерал в своем поместье в две тысячи душ, чванится, третирует мелких соседей как приживальщиков и шутов своих. Псарня с сотнями собак и чуть не сотня псарей, все в мундирах, все на конях. И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то, играя, камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. «Почему собака моя любимая охромела?» Докладывают ему, что вот, дескать, этот самый мальчик камнем в нее пустил и ногу ей зашиб. «А, это ты, – оглядел его генерал, – взять его!» Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел в кутузке, наутро чем свет выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом него приживальщики, собаки, псаря, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика. Выводят мальчика из кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... «Гони его!» – командует генерал. «Беги, беги!» – кричат ему псаря, мальчик бежит... «Ату его!» – вопит генерал и бросает на него стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

– Расстрелять! – тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

– Bravo! – завопил Иван в каком-то восторге, – уж коли ты сказал,

значит... Ай да схимник! ⁽⁹⁾ Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов!

– Я сказал нелепость, но...

– То-то и есть, что но... – кричал Иван. – Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы и не произошло. Мы знаем, что знаем!

– Что ты знаешь?

– Я ничего не понимаю, – продолжал Иван как бы в бреду, – я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте... ..

– Слушай меня: я взял одних деток для того, чтобы вышло очевиднее. Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, я уж ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузил. ... О, по моему, по жалкому, земному евклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, – но ведь это лишь евклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что я это знаю, – мне надо возмездие, иначе ведь я истребляю себя. И возмездие не в бесконечности где-нибудь и когда-нибудь, а здесь, уже на земле, и чтоб я его сам увидал. Я веровал, я хочу сам и видеть, а если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо если все без меня произойдет, то будет слишком обидно. Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего все так было. На этом желании зиждуются все религии на земле, а я верую. Но вот, однако же, детки, и что я с ними стану тогда делать? Это вопрос, который я не могу решить. В сотый раз повторяю – вопросов множество, но я взял одних деток, потому что тут неотразимо ясно то, что мне надо сказать. Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? ... Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна. ... Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и под землю сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: «Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои!» Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав ты, Господи», то уж, конечно, настанет венец познания и все объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры. ... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который

бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженке»! Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены.⁽¹⁰⁾ Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и неправ*. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю⁽¹¹⁾.

– Это **бунт**⁽¹²⁾, – тихо и потупившись проговорил Алеша.

– Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, – проникновенно сказал Иван. – *Можно ли жить бунтом, а я хочу жить*. ...представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, ... но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях⁽¹³⁾, скажи и не лги!

– Нет, не согласился бы, – тихо проговорил Алеша.

– И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

– Нет, не могу допустить. ...ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся *и за всё*, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё.»⁽¹⁴⁾

Не буду возражать самой центральной идее Достоевского, что не следует возводить здание счастья человеческого на слезах замученного ребенка (разве об этом кто-то спорит?!), и невозможно решиться простить неправду и зло за других. Но что Христос имеет право простить неотомщенные страдания за всех, этому возражаю – или тогда все, кто проливал слезы и кровь за других, имеют равные с Ним права! Почему же нет?!

6. Государство как церковь?

Государство должно стать церковью или церковь государством? Ватикан, будучи церковью, стал государством, и мы этому факту истории обязаны гонениями на духовную свободу и культуру; но и когда церковь только *служила* государству, они вместе не в меньшей степени подавляли культуру и гражданские свободы. Рассуждения по этому поводу есть у Достоевского в Дневнике писателя, но и в «Братьях Карамазовых» их достаточно, поэтому последуем за Достоевским (и за его героями) в монастырь, где и произойдет выяснение отношений и к этой важной проблеме. (И только после этого, читатель, последуем за Достоевским и его критиками в пафос «Легенды» – о кажущемся или лживом замысле Инквизиции).

Итак, в келье у старца Зосимы собралось семейство Карамазовых, поводом были их семейные дела, но разговор завязался сначала об отношениях церкви и государства, в связи со статьей Ивана Карамазова, напечатанной в журнале.

«– О любопытнейшей их статье толкуем, – произнес иеромонах Иосиф, библиотекарь, обращаясь к старцу и указывая на Ивана Федоровича. – Нового много выводят, да, кажется, идея-то о двух концах. По поводу вопроса о церковно-общественном суде и обширности его права ответили журнальной статьей одному духовному лицу, написавшему о вопросе сем целую книгу...»

[Иван ему ответил следующее:]

«– Компромисс между государством и церковью в таких вопросах, как например о суде, по-моему, в совершенной и чистой сущности своей невозможен. Духовное лицо, которому я возражал, утверждает, что церковь занимает точное и определенное место в государстве. Я же возразил ему, что, напротив, церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол, и что если теперь это почему-нибудь невозможно, то в сущности вещей несомненно должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества.

(Отец Иосиф, обращаясь к старцу, продолжил): – Они отвечают, между прочим, на следующие «основные и существенные» положения своего противника, духовного лица, заметьте себе. Первое: что «ни один общественный союз не может и не должен присваивать себе власть – распоряжаться гражданскими и политическими правами своих членов». Второе: что «уголовная и судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви и несовместима с природой ее и как божественного установления, и как союза людей для религиозных целей» и наконец, в-третьих: что «церковь есть царство не от мира сего»...

– Недостойнейшая игра слов для духовного лица! – не вытерпел и прервал опять отец Паисий. – Я читал эту книгу, на которую вы возражали, – обратился он к Ивану Федоровичу, – и удивлен был словами духовного лица, что «церковь есть царство не от мира сего». Если не от мира сего, то, стало быть, и не может быть на земле ее вовсе. В святом Евангелии слова «не от мира сего» не в том смысле употреблены. Играть такими словами невозможно. Господь наш Иисус Христос именно приходил установить церковь на земле. Царство небесное, разумеется, не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как чрез церковь, которая основана и установлена на

земле. А потому светские каламбуры в этом смысле невозможны и недостойны. Церковь же есть воистину царство и определена царствовать и в конце своем должна явиться как царство на всей земле несомненно – на что имеем обетование...

Он вдруг умолк, как бы сдержав себя. Иван Федорович, почтительно и внимательно его выслушав, с чрезвычайным спокойствием, но по-прежнему охотно и простодушно продолжал, обращаясь к старцу:

– Вся мысль моей статьи в том, что в древние времена, первых трех веков христианства, христианство на земле являлось лишь церковью и было лишь церковью. Когда же римское языческое государство возжелало стать христианским, то непременно случилось так, что, став христианским, оно лишь включило в себя церковь, но само продолжало оставаться государством языческим по-прежнему, в чрезвычайно многих своих отправлениях. В сущности так несомненно и должно было произойти. Но в Риме, как в государстве, слишком многое осталось от цивилизации и мудрости языческой, как например самые даже цели и основы государства. *Христова же церковь*, вступив в государство, без сомнения не могла уступить ничего из своих основ, от того камня, на котором стояла она, и *могла лишь преследовать не иначе как свои цели, раз твердо поставленные и указанные ей самим Господом*, между прочим: *обратить весь мир, а стало быть, и все древнее языческое государство в церковь*. Таким образом (то есть в целях будущего), *не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как «всякий общественный союз» или как «союз людей для религиозных целей» (как выражается о церкви автор, которому возражаю), а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели.* ...Вот почему автор книги об «*Основах церковно-общественного суда*» судил бы правильно, если бы, изыскивая и предлагая эти *основы*, смотрел бы на них как на временный, необходимый еще в наше грешное и незавершившееся время компромисс, но не более. Но чуть лишь сочинитель этих основ осмеливается объявлять, что основы, которые предлагает он теперь и часть которых перечислил сейчас отец Иосиф, суть основы незыблемые, стихийные и вековечные, то уже прямо идет против церкви и святого, вековечного и незыблемого предназначения ее. Вот вся моя статья, полный ее конспект.

– То есть в двух словах, – упирая на каждое слово, проговорил опять отец Паисий, – *по иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, церковь должна перерождаться в государство, так как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. Если же не хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве за то как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором,* – и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. *По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие и буди, буди!*⁽¹⁵⁾

– Ну-с, признаюсь, вы меня теперь несколько ободрили, – усмехнулся Миусов, переложив опять ногу на ногу. – Сколько я понимаю, это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далекого, во втором пришествии. Это как угодно. ... Что-то даже похожее на социализм. А то я думал, что все это серьезно и что церковь теперь, например, будет судить уголовщину и приговаривать розги и каторгу, а пожалуй, так и смертную казнь.

– Да если б и теперь был один лишь церковно-общественный суд, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь. Преступление и взгляд на него должны бы были несомненно тогда измениться, конечно мало-помалу, не вдруг и не сейчас, но, однако, довольно скоро... – спокойно и не смигнув глазом произнес Иван Федорович.

– Вы серьезно? – пристально глянул на него Миусов.

– Если бы все стало церковью, то церковь отлучала бы от себя преступного и непослушного, а не рубила бы тогда голов, – продолжал Иван Федорович. – Я вас спрашиваю, куда бы пошел отлученный? Ведь тогда он должен был бы не только от людей, как теперь, но и от Христа уйти. ... Это и теперь, конечно, так в строгом смысле, но все-таки не объявлено, и совесть нынешнего преступника весьма и весьма часто вступает с собою в сделки: «Украл, дескать, но не на церковь иду, Христу не враг» – вот что говорит себе нынешний преступник..., ну а тогда, когда церковь станет на место государства, тогда трудно было бы ему это сказать, разве с отрицанием всей церкви на всей земле... Теперь, с другой стороны, возьмите взгляд самой церкви на преступление: разве не должен он измениться против теперешнего, почти языческого, и из механического отсечения зараженного члена, как делается ныне для охранения общества, преобразиться, и уже вполне и не ложно, в идею о возрождении вновь человека, о воскресении его и спасении его...

– То есть что же это такое? Я опять перестаю понимать, – перебил Миусов, – опять какая-то мечта. Что-то бесформенное, да и понять нельзя. Как это отлучение, что за отлучение? Я подозреваю, вы просто потешаетесь, Иван Федорович.

– Да ведь по-настоящему то же самое и теперь, – заговорил вдруг старец, и все разом к нему обратились, – ведь если бы теперь не было Христовой церкви, то не было бы преступнику никакого и удержи в злодействе и даже кары за него потом, то есть кары настоящей, не механической, как они сказали сейчас, и которая лишь раздражает в большинстве случаев сердце, а настоящей кары, единственной действительной, единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающейся в сознании собственной совести.

– Как же так, позвольте узнать? – с живейшим любопытством спросил Миусов.

– Это вот как, – начал старец. – Все эти ссылки в работы, а прежде с битьем, никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает. ... Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести ⁽¹⁶⁾. Только сознав свою вину как сын Христова общества,

то есть церкви, он сознает и вину свою пред самим обществом, то есть пред церковью. ...Теперь же церковь, не имея никакого деятельного суда, а имея лишь возможность одного нравственного осуждения, от деятельной кары преступника и сама удаляется. ...суд церкви есть суд единственно вмещающий в себе истину и ни с каким иным судом вследствие сего существенно и нравственно сочетаться даже и в компромисс временный не может. Тут нельзя уже в сделки вступать. Иностраннный преступник, говорят, редко раскаивается, ...Общество отсекает его от себя вполне механически торжествующею над ним силой и сопровождает отлучение это ненавистью...

Таким образом, все происходит без малейшего сожаления церковного, ибо во многих случаях там церковей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церковей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. *Так, кажется, по крайней мере в лотеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство.* ... Но если бы действительно наступил суд церкви, и во всей своей силе, то есть если бы все общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. ... Правда, – усмехнулся старец, – теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же неизбежно, в ожидании своего полного преобразования из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! ... *И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях. Сие последнее буди, буди. ....*

– Да что же это в самом деле такое? – воскликнул Миусов, как бы вдруг прорвавшись, – устраняется на землю государство, а церковь возводится на степень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архиультрамонтанство! Это папе Григорию Седьмому не мерещилось!

– Совершенно обратно изволите понимать! – строго проговорил отец Паисий, – не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. ... А, напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет. ....

– Позвольте мне сообщить вам один маленький анекдот, господа, – внушительно и с каким-то особенно осанистым видом проговорил вдруг Миусов. – В Париже, уже несколько лет тому, вскоре после декабрьского переворота, ... разговорился я с одним прелюбопытнейшим господином. Был этот индивидуум не то что сыщиком, а вроде управляющего целою командой политических сыщиков, – в своем роде довольно влиятельная должность. ... Тема шла о социалистах-революционерах, которых тогда, между прочим, преследовали. Опуская главную суть разговора, приведу лишь одно любопыт-

нейшее замечание, которое у этого господчика вдруг вырвалось: «Мы, – сказал он, – собственно этих всех социалистов – анархистов, безбожников и революционеров – не очень-то и опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! *Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника*». Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у вас, господа, они мне как-то вдруг припомнились...

– То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? – прямо и без обиняков спросил отец Паисий. ...

– Ничего особенного, кроме маленького замечания, – тотчас же ответил Иван Федорович, – о том, что вообще европейский либерализм, и даже наш русский либеральный дилетантизм, часто и давно уже смешивает конечные результаты социализма с христианскими. Этот дикий вывод – конечно, характерная черта. Впрочем, социализм с христианством смешивают, как оказывается, не одни либералы и дилетанты, а вместе с ними, во многих случаях, и жандармы, то есть заграничные, разумеется. Ваш парижский анекдот довольно характерен, Петр Александрович.

– Вообще эту тему я опять прошу позволения оставить, – повторил Петр Александрович, – а вместо того я вам расскажу, господа, другой анекдот о самом Иване Федоровиче, интереснейший и характернейший. Не далее как дней пять тому назад, в одном здешнем, по преимуществу дамском, обществе он торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество – не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия. Но и этого мало, он закончил утверждением, что для каждого частного лица, например как бы мы теперь, не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении. ...

– Неужели вы действительно такого убеждения о последствиях иссякновения у людей веры в бессмертие души их? – спросил вдруг старец Ивана Федоровича.

– Да, я это утверждал. *Нет добродетели, если нет бессмертия.*

– Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!

– Почему несчастен? – улыбнулся Иван Федорович.

– Потому что, по всей вероятности, не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и о церковном вопросе. ...»

7. Запоздалые возражения

Возражения мои предыдущим рассуждениям о превращениях церкви в государство или государства в церковь запоздали на 135 лет, но раньше они не могли появиться по историческим причинам, потому что в эти более ста лет не было сначала внешней, потом внутренней свободы мыслить. Российская православная церковь была встроена в монархию и составляла ее неотъемлемую часть, высшее духовенство в Синоде было практически министерством веры, как подобное ему министерство юстиции (или Внутренних дел).

Что я позволил столь длинные выписки из романа, приношу читателю извинения, что я безбожно текст сокращал, чтобы он не был чрезмерно длинен, приношу извинения автору.

Напоминаю основную идею спора.

«не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как «всякий общественный союз» или как «союз людей для религиозных целей»... а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели».

Прежде чем возражать серьезно и убедительно, замечу о себе, что я не богослов, не историк, и вообще крайне невежественный человек в той сумме идей, о которой в романном споре шла речь (но эта речь шла и в предыдущие столетия исторически, а о сходстве христианства и социализма в конце 19-го и в двадцатом столетии на Западе говорилось в литературе, а в России на кухнях). Так что же я, невежда, как я сам сознаюсь, вступаю в такой спор? А то, что подавляющее большинство современных русских образованных христиан невежественнее меня во всем, во что они веруют, до последней крайности! Прервана была на столетие традиция мыслить, и русские – и социалисты и христиане, особенно социалисты, ставшие вдруг христианами, – не читали ни Новый Завет, ни Библию, не читали ни одной богословской книги и ни одной философской, касающейся религии, ничего по истории церкви ни в Европе, ни в России. Правда, Христос и книжников, как и фарисеев, изгонял из храма, и не к книжникам Он обратился, не книжников призвал в церковь, так что, может быть, современное религиозное невежество не грех и не должно мешать рассуждать и спорить хотя бы и о *ультрамонтанстве*? [(лат. *ultra montes* – за горами, то есть в Риме) – политическое направление (с XV в.) в католицизме, отстаивающее идею верховной власти папы Римского и его право вмешиваться в светские дела католических государств.] Но тогда и мое невежество не грех? – но, все же... да ладно...

Достоевский устами Ивана Карамазова высказывал свои собственные мысли о церкви, но сомнения в справедливости их и в неспособности церкви быть лучшим государством, чем государство, у него были, и содержатся они в словах старца Зосимы: «Правда, – усмехнулся старец, – теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках». Обстоятельнее же высказаться о церкви и привести дельные возражения статье Ивана он не мог по цензурным соображениям, так что по сути дела спор о возможности превращения государства в церковь не состоялся.

Церковь государством уже бывала, и старец Зосима об этом напомнил так: «сами же церкви давно уже стремятся там [в Европе] к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. *Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство.*»

Итак, в Европе мечтаемое превращение не получилось или получилось противоположным образом, но вот в России все будет не так!

Но откуда это следует? История показывала совсем обратное, если она была не фальшивой, почему же Достоевский этого не видит, разве не Истину он стремился открыть? Да, похоже на то, что и в его христианских идеях столько же лжи, как и у других, ибо и у него *не по хорошу мил, а по милу хорош!*

Но не буду спорить с помощью рассуждений, обычно такие споры ничего не дают. К несчастью, история все же всё показала *тем кто видит* (и ко времени Достоевского тоже всё было показано: и что церковь всего лишь союз людей и не лучший сравнительно с другими, а часто худший, было всем образованным людям известно хотя бы по истории русского Раскола, не говоря уж об истории западного Раскола), но в двадцатом столетии "церковь" наконец-то стала государством во множестве стран, именно церковь в форме идеологии, в форме политической партии, церковь как социалистическая христианская секта в СССР, Китае, на Востоке и в Африке.

Новая нацистская церковь стала государством и в Германии и пыталась распространиться на всю Европу! Россия спасла Европу, *оплатив победу сорока миллионами жизней своих крестьян* (и моего отца в том числе) – что бы сказали сегодня Достоевский и Иван Карамазов про свой билет в рай и про то, что на слезах даже одного невинного не могут согласиться ТЕ, для кого этот рай строится, в нем жить?! Нет, продолжали строить, ждали и жаждали, и никто свой билет не швырнул в лицо *высшей справедливости!*

А кто-нибудь из христиан, ждущих и жаждущих бессмертия и рая, хотя бы однажды усомнился в оправданности их для себя?! Нет, *христианин заботится о спасении своей души, а не о преобразении мира*, более эгоцентрической религии трудно себе представить. Да и современные поколения, растлившись потоками крови и океанами лжи, излитых в двадцатом столетии, даже хуже и тех и этих, нет ни одного не то чтобы праведного, ни одного поразмыслившего над романом Достоевского, *ни одного мыслящего, ни одного совестливого, все растлились, сплошь негодные*, как еще сказано в Ветхом Завете!

Но что можно ответить Ивану Карамазову на вопль его больной совести?

И есть ли такой ответ?

Да, есть! И он очень прост, только надо выйти из диалектики строительства рая, сначала небесного (у христиан), потом земного (у большевиков-антихристиан): не надо строить рай (для себя или других), не надо строгать корыто, из которого счастливые будут лакать, хрюкая и повизгивая от счастья, похлебку, созидаемую из камней (от чего когда-то отказался и Христос), *надо просветлять и преобразять этот несправедливый, падиший, растлившийся мир и людей в нем, а не строить для них рай здесь или там!*

А преображать этот мир возможно только через **любовь** – человеческую, а не божественную, и к женщине, и к детям, и к культуре, и к семье, и к друзьям, и к природе. Преобразив мир, устав от праведных трудов, а не от фальшивой святости, устав от многого, и от сомнений, и от разочарований, и от собственных слабостей и ошибок, и от отчуждения мира, и от ущербности женской любви, отрекающейся каждый раз от того, кто ее любил вчера, во имя того, к кому притягивает мир ее сегодня – мы, может быть, получим новый билет (как Раскольников, устав от ненависти и эгоцентрической истины, на последней странице романа получил его от Сонечки Мармеладовой – но тогда начнется новый роман, и я его содержания еще не знаю!) – я только знаю, что этот новый билет заново рассмотрит и Иван Карамазов, пройдя ужас, в миллионы раз больший того, который он мысленно лицезрел: с русскими лагерями и пустошами и рвами для расстрелов миллионов, с немецкими газовыми камерами, с миллионными сражениями танковых армий, с бомбардировками городов и музеев, с ненавистью, кровью, трусостью и ложью – прежде всего, ныне живущих, ибо спросить мы должны и самих себя, не хрюкаем ли мы у корыта, ни разу даже не задумавшись о том, о чем человек обязан думать – если он человек...

8. Возражения и необходимости

Несколько вопросов еще не до конца, быть может, прояснились...

Отождествление государства и церкви было давно и не раз, и горы лжи были при этом отождествлении, и горы пепла сожженных, только *пепел Клааса* не загаснул даже в сердце Достоевского. А Римская церковь отсекала погнившие члены (чаще всего самых лучших среди своей темной и несправедливой просвещенной и непросвещенной черни), следуя призыву Христа (читай Евангелие, читатель!), но монахи гладили по головке сжигаемого и мазали его члены маслом (читай историю Инквизиции, читатель! Впрочем, «еретиков» жгли, давили, душили, топили, как ведьм, только для испытания, не ведьма ли, и во всякое время, и в России тоже!) и монахи были, якобы неповинны – отсекая загнивший член, они его передавали государству... которое было подчинено церкви.

К чему же призывает Достоевский? К превращению государства в церковь. Что церковь могла создавать все что угодно, и армию, и гестапо, и министерство по внешним сношениям, и целую промышленность, и свои комиссии, и свои трибуналы, библиотеки, университеты – мы знаем – церковь создавала всё то, что могло создавать государство, есть у нее не только свечные заводы, но и заводы по производству кирпича, и камни тоже продаются в церковных лавках, из которых наивный романтический Христос когда-то изгонял менял...

Итак, церковь может стать и быть государством, мы это видели и видим. Но зачем государству становиться церковью? Ведь в храме как-никак, но проходят и богослужения, и проповеди, и венчание, и отпевание, и покаяние, и отпущение грехов... Государство построило театры и концертные залы, **и я внимаю божественной музыке сфер и душ**, хотя концерты на клавишине и органе и на арфе и на флейтах слушаю я и в лютеранских храмах (которые,

кстати говоря, занимаются *благотворительностью* во много раз большей, чем православные); государство построило университеты, то есть *храмы науки*, и они не менее божественны, чем те, что были от века, а просвещают и просветляют души даже больше, только иконы не мироточат фальшиво в государственных храмах. Государство построило юстицию, следствие и тюрьмы, и суды принимают покаяние грешников (в форме «явки с повинной») и даже частично отпускает грехи, ибо есть и смягчение срока для кающихся, и досрочное освобождение для исправляющихся, и даже *реабилитация* (в том числе чаще посмертная) для несправедливо осужденных, *помилование* для немногих, и даже *амнистия* почти для всех.

Чего же еще хочет Достоевский? Или он не читал Евангелие, в котором внятно Христос сказал: *воздайте Кесарю кесарево, а Богу богово?*!

Нет, не читал...

Но он задел немало болевых точек читателя, и хотя был отчасти невежествен, отчасти неискренен, отчасти уступал цензуре, но за то, что он сделал, не одни порицания, но и слава! (не думай, читатель, что я их только ругаю, великих, не ругаю я одного только Пушкина, но зато еще больше ругаю себя – за все то, что и их).

Да, что большевизм – христианская секта в форме антихристианства, а нацизм – антихристианская в форме христианства... стоит ли об этом еще рассуждать? Столько уже написано, не знает только ленивый (а нацисты обещали спасти СВОЙ народ, объявив его «богоизбранным»), то есть высшим, как и Моисей и Христос). Ну, боги у тех и других были не совсем те, что у христиан, так и Будда, и Магомет, и Кришна не таковы, но МИФ одинаков!

В 18-м и девятнадцатом столетиях Российское государство подчинило себе церковь и формально, учредив Синод (и Победоносцева, «над Россией простершего совиные крыла»... как будто, Саша, церковь еще ранее не простирала над ней своих крыл?!)

Читаю о Ватиканских расследованиях в католической церкви, о «небесной голубизне», разлившей ее; читаю разоблачения дьякона Кураева о православной русской церкви (расследований же не было!!!)... нет, не могу воскликнуть, как прелестная Полина, «Прощай, грусть!» – она еще пуще в моем сердце клубится... И *строк постыдных* в русской истории нечем смыть...

Поэтому надо вернуться к той твердой и ясной опеке над церковью, которая была учреждена великими русскими императорами и существовала в 18-м и 19-м столетиях, ограничивая и владение землей и крестьянами, и алчность церкви и ее злоупотребления. Не дай Бог, чтобы государство и церковь отождествились в едином карающем учреждении (а что же они умеют лучше всего, как не *плач и скрежет зубовой*, обещанные Христом?)

Надо, быть может, вернуться и к той твердой и ясной Империи, которая процветала в двух столетиях.

Надо, быть может, вернуться и к подчинению крестьян помещикам, пока еще есть последние русские крестьяне (а я уже давно крепостной, вот только еще в третий раз посадат за мои книги, если не сожгут! Впрочем, я еще и *крепостной твоей, милая помещица!* – и как из этой крепости выбраться, и надо ли, я не знаю...

9. Спасение и благодать. Два христианства

А вспоминает ли читатель о *кабале святош*, «*копиуме для народа*»? ⁽¹⁷⁾ Но это самая характеристическая черта и у *теизма* и у *атеизма*, это две стороны одной медали. Стоит только высказаться нелицеприятно о религии и церкви (о большевизме позже), и сразу слышится вопль: Он *богохульствует*. Он поднял руку на Бога! ...

Государство – не церковь, но и церковь не государство, а только союз людей, объединившихся для общих религиозных целей; отношения церкви и государства не могут замыкаться на внутренних отношениях этих двух институтов, и сколько бы ни ругали православные растленную Европу, но только там, с ослаблением власти церкви, государство стало зависеть от общества, как и положено, и отчитывается перед народом, как и положено. Посему разговор в романе был отчасти ложным, так как был односторонним, должна была в нем участвовать Троица в лице Церкви, Государства и Общества. Общество же в романе было представлено тщеславным и напыщенным Миусовым и шутком Федором Павловичем, посему заведомо было принижено.

Помимо бесчисленных сект, в христианской церкви сосуществуют и спорят два противоположных христианства, символически я их отождествлю с фигурами старца Зосимы и Игнатия Брянчанинова.

Пока в романе шел спор об отношениях церкви и государства, старец вышел к народу и поговорил с множеством людей об их насущных делах и заботах, об их реальных житейских делах и пороках, об их чувствах и чаяниях, об их радостях и страданиях, а не о борьбе духа с душою и плотью (и надо сказать, это в старце меня поразило и пятьдесят лет назад, когда я в первый раз читал этот роман). (И поразительно замечание ПРОТИВ предположения, что церковь должна быть НЕ от мира сего).

Алешу старец отправляет к Лизе, зная, что между ними вот то самое «всемирное притяжение», против которого как против мерзости восстает со страстью (хотя, якобы, бесстрастно) ожегшийся когда-то на любви Игнатий. Старец же утешает крестьянку, слушая о ее грехах с уха на ухо. Утешает «малoverную» Хохлакову. Никого не призывает взвалить на себя Крест Христов. Даже Федора Павловича призывает к благоразумию, но не обличает... Это и есть *посюстороннее* христианство, которое порицают Кьеркегор и преподобный Игнатий, отделенное от их *подлинного* христианства непременным Стиксом, за который новый Мерлин увел моего ангела... НО –

Благодарю тебя, мой Бог,
И милосердный и жестокий,
За удивительный итог,
За жизнь в трудах и за истоки.
Быть может, скажешь тоже мне,
Что я достоин тоже *блага*?
За дерзость жить внутри и вне,
За веру, труд, любовь, отвагу?!

Теперь, читатель, мы подошли к последней черте..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последняя драма. Подготовка сцены.

1. Возможно ли быть и естественным человеком и христианином?

3 декабря 15, 10-21. Можно ли любить христианку так, как любим и умеем любить мы, обычные, естественные люди, каковы мы вне храма, – дома, на работе, на улице? Нет, ее уже любить невозможно, она перестает быть женщиной, а любить, как любят они, то есть как *ближнюю*, видя в ней образ божий, в состоянии только такой же христианин, как и она. Любовь *естественная* (не христианская) непременно включает в себя плоть, душу, мирское и *культуру*; и любить только духовно, испытывать это состояние (если оно еще воистину существует, а не воображаемо ими – а человек, в отличие от зверя, очень многое себе воображает, внушает, и потом может жить в иллюзорном мире или просто в частной иллюзии, не говоря уж о безумных) – обычный человек не в состоянии.

Но чтобы мы друг друга понимали и дальше наш разговор был не бессмысленным и продуктивным, нам надо определить несколько хотя бы важнейших понятий, нам надо уточнить понятия *христианина* и *естественного* человека. Например, говоря о большевиках, я все же имею в виду не любого человека, который вообразил себе, что ему нравятся большевики, а только тех, которые в ту, большевистскую, эпоху вступали в их партию и потом исполняли то, что им полагалось, то есть и пытали и расстреливали невинных людей. Так и нацисты – это члены нацистской партии. Так и ведьма, это не всякая девушка, которую для испытания инквизиция бросала в воду, а ей удавалось не утонуть (а в те времена девушки, как правило, не умели плавать, и предполагалось, что не тонут только ведьмы) – нет ведьмами являлись только красивые девушки!

Поэтому надо, наконец, определить точно, ясно и безупречно, кто христианин, то есть принадлежит к этому христианскому ордену, клану, партии или сообществу.

Нынче многие полагают, что это только те, кто в душе почувствовал расположение к ладану и свечам, богослужению и прочим атрибутам церковных действ; или же кого бабушка младенцем принесла в храм и священник его окрестил.

А тогда какой смысл в рассуждениях Кьеркегора, пытавшегося разделить людей на две части: людей *естественных* и *христиан*? Ведь в его Дании в его время всех во младенчестве крестили? Почему же он считал, что этого недостаточно? И какой тогда смысл во многих призывах Христа, обращаемых им к тем, кто собирался за ним последовать? Например: «*если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и бери крест свой, и следуй за Мною*» (Мф. 16: 24).

Нет, кто «не отвергся себя, не взял крест свой, и не последовал за Ним», тот НЕ христианин. И кто «любит отца или мать более, нежели Христа ... и кто любит сына или дочь более, нежели Христа, ... и кто не берет креста своего и [не] следует за Ним», тот НЕ христианин.

2. Где же христиане?

Первородный грех состоял в том, что Ева съела плод с «Древа познания добра и зла» и стала женщиной (а что она сначала ослушалась запрета батюшки вкушать этот плод, это только условие **грехопадения** (как я полагаю), дело было в запрете *вкушать слияние с мужчиной и стать женщиной*).

Во искушение сего «первородного греха» мужчина и не должен прикасаться к женщине (как и женщина к мужчине), и христианами являются только те, которые *"сделали сами себя скопцами для Царства Небесного"*, то есть только монахи.

Но Христос говорит, что надо еще взять Крест и пойти за Ним, отвергнув прежде всего человеческую Любовь и почти все остальное человеческое: семью, труд, творчество, следовательно, кроме монахов христианами являются только блаженные, юродивые, святые и святоши (то есть фарисеи), среди которых и умалишенные. Но как и те, кто в здравом уме, не все христиане, так и те, кто совсем без ума, тоже не все христиане, хотя, возможно, они ближе к Христу, нежели мы, возделывающие в поте лица нишу свою.

Так что же является необходимым и достаточным условием принадлежности к христианам? Отвержение любви между мужчиной и женщиной, любовь к Богу вместо любви к семье, родителям, детям, *любовь к ближнему вместо любви к человеку* – то есть вместо сочувствия, *сострадания, жалости, заботы о нем*.

Итак, поставление **любви, семьи, труда, творчества и сочувствия** на первое место у *естественного* человека и поставление на первое место *любви к Богу и схоластической любви к ближнему* (которая только декларируется, но ничего не значит в реальности), и *спасения своей души, у христианина*. Есть еще и другие свойства христианина, причем одни из них рациональны, в-первых, крещение, в-вторых, участие в церковной жизни и *причащение* – другие, как у Кьеркегора, носят прежде всего метафизический характер. Кьеркегор швырнул в лицо своей невесты обручальное кольцо (впрочем, этот протестантский святоша послал своей невесте кольцо по почте и сбежал из дома, чтобы она не смогла с ним увидеться – а она к нему приходила, обливая слезами его порог?!»). Некоторые женщины спрашивают у батюшки, как им поступать, и затем поступают *как батюшка скажет* (правда, нарушая одну из ветхозаветных заповедей: *Во всем повиноваться мужу!* (Или отцу. Или любовнику). Но, впрочем, если уж они обязались во всем повиноваться *батюшке*, то уже ушли и от отца, и от мужа, и от любовника, уже перешли через Стикс и живут для царства мертвых.

Рассматривая отличие *естественного человека* от *христианина*, Кьеркегор находит его в переживаниях человека, в способе восприятия мира.

«Преимуществом или пороком является отчаяние? ...То, что мы подвержены ему, возвышает нас над животными, это преимущество, которое отличает нас совершенно иным образом, чем прямая походка... Превосходство человека над животным состоит в том, что мы подвержены отчаянию; превосходство христианина над естественным человеком – в том, что он это сознает, а блаженство христианина – в возможности исцеления от отчаяния.»

Итак, естественный человек отчаивается бессознательно а христианин сознает отчаяние, что и возвышает его над обычными людьми почти также, как само отчаяние возвышает человека над животным. Три тысячи лет европейской культуры, множество великих поэм, стихов и великих романов, музыка, зодчество, философия, математика, театр, трагедия, наука – а с их стороны три книги: Библия, Махабхарата, Коран.. **Культура**, которая является основанием естественного человека, создала в Европе Школу, Университет, создала Язык, научила человека мыслить, сам Кьеркегор именно в школе научился читать книги и слез с дерева, получив образование, начал и сам писать книги... свое христианство он осознал, уже воспитавшись в рамках культуры в мыслящего человека, он и *существовать* то стал, потому что начал *мыслить* (как это показал Декарт)! – но он мыслит так же, как недавний "совок", который был уверен, что "*при нагревании газы расширяются*", ибо так "*учит партия*" – вот и "христианин сознаёт отчаяние", а обычный человек неспособен его сознавать... Да христиане еще говорить не умели, когда уже творили Эхил и Аристотель, Гомер и Пракситель, Платон и Архимед, Зенон и Парменид!!! Но блаженство христианина наступает, когда и любовь и мысль заменяются *слепой верой*.

Кьеркегор остановился на отчаянии, К. Леонтьев считает аналогичным источником любви и христианской добродетели «страх Божий». Но христианин боится всего: родителей, учителей, царя, природы, пуще всего он боится смерти, *впадает в отчаяние от страха* и сбегает от отчаяния в химеру веры, и Кьеркегор *не преодолел* отчаяние, он от него *сбежал*; он не преодолел страх смерти, он от него *сбежал*; он *не преодолел любовь*, он от нее *сбежал*, заменив любовь подлинную любовью прежде всего к себе, эгоистической заботой о спасении своей души, о своем воскресении, прощении, о своей награде на небе в виде рая и блаженства...

Только естественный человек, крестьянин и философ, поэт и воин встречает отчаяние как врага на поле боя и сражается с ним, чтобы победить!

Добродетельный человек живет для любви, для семьи, для общества, для народа, для культуры, заботится о ближних, помогает дальним, жертвует собою для родины или для истины, для тех, кого любит. *Христианин* любит себя и любит Бога – но лишь из-за *страха Божьего* и страха смерти, и он хватается за образ Бога, который его любит (?), хотя и сказано, что спасется в конце времен только горстка избранных. А он-то избранный ли?

И семья, и общество, и народ, и культура, и друзья и родные – все то, что является миром естественного человека – находятся в этом мире, а Бог (вместе с горсткой избранных) находится в *том мире* (нетленном). Человек избирает смыслом жизни и целью своей деятельности либо этот мир (мир жизни), либо тот мир (мир смерти). Между двумя мирами протекает река Стикс, отделяя живых от мертвых. Чтобы постоянно чувствовать присутствие того мира, человек *причащается* плоти и крови Христовых...

И наступает наркотическое состояние блаженства. Может быть, в этом состоянии христиане доказывают теоремы, совершают открытия, пишут стихи и великие романы?

3. Достоевский и Толстой.

Константин Леонтьев упрекает Достоевского, что он плохой христианин, что в его романах герои не ходят в церковь, не причащаются, не исповедуются, нет богослужения, крестного хода, венчания и отпевания, в лучшем случае Сонечка Мармеладова читает с Лизаветой Евангелие, нет среди героев священников, хотя есть идеальные следователи и *святые проститутки и кающиеся убийцы* (что, впрочем, давняя еще христианская традиция)... В романах Достоевского напряжение создается чувствами, как магнитные поля бушующими между людьми, и эти чувства похоть, сладострастие, "*похоть очей*" (то есть восхищение красотой), жалость и сострадание, жертвенность (естественное чувство между естественными людьми), и любовь между мужчиной и женщиной, любовью переполнено все пространство его романов (как, впрочем, и всей европейской культуры, начиная с античных времен). О духовной любви (по Брянчанинову) не писал ни один писатель, из сего я заключаю, что не было ни одного писателя-христианина. (И это не мое необоснованное утверждение, этому посвящены бесчисленные статьи Льва Толстого, в частности, большая работа о Культуре, с которой я спорил в «Призвании литературы»). Наши нынешние христианки, заполнившие Интернет призывами *умертвить любовь и душу* и эту "омерзительную" любовь, как воскликнула в гневе моя недавняя подруга, узревшая Бога под влиянием психоделических практик святых пастырей Нового времени, читали Бальзака и Гюго, Стендаля и Диккенса (не говоря уж о Тургеневе и Льве Толстом), учились *любить* под их влиянием, они когда-то и сами влюблялись – *как же удалось христианской церкви превратить их прекрасную плоть в мумии?*

Как удалось из них, тонких, чувствующих, любящих, милосердных, учивших когда-то наизусть Пушкина, красивых и умных, талантливых и восторженных, проливающих слезы над птичкой, выпавшей из гнезда, сделать холодных, бесчувственных, жестоких, прямолинейных, без мысли, без чувства, без памяти, без прошлого – а значит и без будущего?!

Но вернемся же к русским писателям, ибо я слишком увлекся своими личными горестями... но все же вернемся к русским писателям, не только затем я пишу свою печальную повесть, чтобы вызвать сочувствие только к себе.

Христиане ли Достоевский и Лев Толстой? Христианин ли Розанов? Да и точно ли христианин Константин Леонтьев, ищущий страха божьего в основанье любви? И может ли писатель быть христианином?

В их романах и правда не причащаются и не молятся, ... к тому же Достоевский играл в карты, Аполлон Григорьев (не говоря о несчастной любви – как и у меня) много пил, а Мусоргский и умер от белой горячки, о Льве Толстом и его отношении к женщинам говорить не буду, но странно мне, что он, такой земной и сильный, написал Крейцерову сонату и назидательный роман «Воскресение».

Христианин ли Лев Толстой, спросим о том у христианской церкви, а она когда-то ответила с фельдфебельской простотой, отлучив его от самой себя (хорошо хоть, что в его время уже *еретиков* не сжигали).⁽¹⁸⁾

4. Достоевский и старец Зосима.

В Истории Оптинских старцев (второй половины девятнадцатого века, того времени, когда происходили те события в романе Достоевского, о которых мы теперь спорим) описывается случай, что один из старцев возмел дерзновенное желание написать *Историю Оптиной пустыни* – и написал. За то его изгнали на Соловки. За дерзновение. Помимо того, что христианин должен жить для "того света", он, оставаясь пока на этом свете, ни в чем не должен себя показывать и проявлять, он не должен отличаться от "дольней лбы прозябанья", а если отличается, то совершает самый страшный христианский грех – погрязает в *гордыне*, а тогда он уже не христианин.

Писатели же пишут все, не спрашиваясь никого, и все погрязли в гордыне, следовательно, никто из них не является христианином, а уж Достоевский – несомненно!

Но посмотрим, каковы же его герои.

Иван Карамазов бунтует (хотя его бунт на коленях, но ведь и я бунтую пока на коленях!). Дмитрий влюблен и неистовствует, в страстях, кутежах, приступах любви и ненависти. Алеша пока верует в Бога, но сомнение и в него проникает, да и старец Зосима велит ему из монастыря уходить, а далее, по замыслу, он даже должен стать революционером!

Отец Карамазов – современный либерал, в Бога не верует, да еще и глумится над всем и вся. Смердяков хотя и нищ духом, но растленен.

Грушенька красавица, ей не до церкви и не до веры, она живет страстями, как и Дмитрий.

Второстепенных героев характеризовать не буду.

Но есть еще старец Зосима, монах, живет в монастыре, святой (по мнению монастырской же братии и окружающего мира) – кто же он? Является ли он христианином в том смысле, который вкладывал в это понятие апостол Павел, преподобный Игнатий и почти блаженный Сёрен Кьеркегор, отвергший женщину и любовь к ней, чтобы сосредоточиться на христианской вере – Зосима то христианин ли? Уж в нем-то сомневаться нельзя?

Обрядовой стороны христианства Достоевский не касается, и мы не видим старца ни в церкви на службе или причащающегося, ни у иконы в келье, молящегося. Показаны три стороны его жизни – его общение и разговоры с его учеником, Алешей Карамазовым, его беседы с народом, приходящим к нему за разрешением насущных житейских задач и вопросов, и его разговоры с избранными лицами всех сортов и сословий, собирающимися у него в келье.

В последних разговорах он предстает образованным и просвещенным человеком, неотличимым от других, не выказывающим ничего монашеского, даже глумящегося Федора Павловича он не строго одергивает, призывая не богохульствовать – нет, он на все его хамства и шутовство ограничивается словами: «А вы все-таки не лгите, – прибавил он, обратившись к Федору Павловичу с веселым лицом».

Итак, с этой стороны он вполне интеллигент, ничего в нем монашеского и особенного христианского.

В разговорах с Алешей, с госпожой Хохлаковой, с Лизой и некоторыми другими он добродетельный, добрый, участливый и проникательный человек, ну, скажем, это Лев Толстой, принимающий приезжающих к нему в Ясную Поляну гостей.

Каково же его поведение в общении с народом, приходящим к нему за советами? Советы он эти дает соответственно их ожиданиям, входит в их нужды, как врач, исцелитель, психолог, наставник, учитель, как проникательный и мудрый человек, в отдельных эпизодах, например, когда он становится на колени пред Дмитрием Федоровичем, его поступки являют пророческие черты – но нет того, что мы можем ожидать от христианина по тому образу его, который должен соответствовать требованию *«взять крест и идти за Христом»*, как вытекает это из слов апостола Павла и самого Христа или из философско-богословских наставлений Кьеркегора.

Как проявляется его "любовь к ближнему"? Преподобный Игнатий восклицает о готовности идти в ад за злодеем, чтобы и в аду в злодее узреть образ Божий – в старце Зосиме не видно желания даже за Федором Павловичем идти; современные проповедники доводят своих верноподданных кликуш до экстаза, – рядом же с ним никто в экстаз не впадает, и не видно у старца ни желания ни готовности к мукам и распятию на кресте, ни возрастающего ежеминутно блаженства, как сообщают о том верноподданные святых проповедников. Все буднично, естественно, просто. И если все же предположить, что старец как-то переживает *духовную любовь* и изливает ее во вне, то эта любовь нисколько не отличается от того расположения к ученикам, которое испытывает учитель в классе и испытывал я сам, отнюдь не только не святой, но даже и не христианин. Но самое главное – где признаки, по которым можно было бы предположить, что старец Зосима живет во имя *того света* и общается именно с тем светом, и сам находится именно там? Нет, старец живет для сочувствия людям, находящимся здесь, никогда не говорит, что общается с Богом и что испытывает изливающуюся на него любовь Бога, скорее сказать, ничего этакого и нет, и старец живет ЗДЕСЬ и для ЗДЕСЬ, и Алешу отправляет не к Богу, а к Лизе.

Он точно таков же, как многие хорошие люди, о которых Кьеркегор говорит, что они *«посторонние христиане»*, то есть совсем не христиане.

Итак, драма «Легенды о великом инквизиторе» происходит в двух пространствах – в вымышленном историческом пространстве католической Европы 16-го века, и в романном пространстве семидесятых годов девятнадцатого столетия, среди либеральной интеллигенции и *посторонних* "христиан", среди будущих буржуа, декадентов и революционеров.

Не зная, на какой сцене происходит драма, мы ее не поймем. Представлять ее как некую вневременную метафизику, как новое искушение, которое уже встречает христианство, неверно. В том христианстве, которое явилось нам две тысячи лет назад, заключалось все, ничего нового не случилось. Оно само было завершением предыдущей истории Мифа, оно само было в двух ипостасях – *христианство срединное*, широкого пути, и *узкий путь*, с крестом на Голгофу, затем вплавь через Стикс в царство мертвых.

5. Религиозные и антирелигиозные искания

И сама Легенда, и все споры о христианстве и церкви напоминают коллизию Реформации в Европе и Раскола в России; общество снимало с себя смирительную рубашку душного, мрачного и безжалостного "христианства узких путей", и Кьеркегор в Дании был нашим русским Аввакумом, пытавшимся остановить секуляризацию (обмирщение) общества и остановить возрождение античной культуры и возрастание уже новой европейской Культуры (на ее основании) Нового времени.

Реставрация христианства в постсоветской России – попытка советское духовное рабство продлить с помощью проповеди преимуществ загробного мира, возврат от социалистического сектантства к исконному христианству (и об этом тоже идет спор в келье у старца, когда предлагается *воцерковление государства* в дополнение к воцерковлению мира).

Но сие не значит, что сам Достоевский так уж был озабочен судьбою церкви; определенная духовная часть русского общества была всегда озабочена судьбой человека – достаточно ли ему хлеба, развлечений и наслаждений в постели (то есть одной только плотской стороны половой любви, к чему склонилась Европа) – ибо у нас, русских, любовная коллизия в романах не ограничивалась признанием в любви и ее переживанием, но герои одновременно с этим искали и Бога, того или другого – но зачем они искали Бога, если, казалось бы, Бог уже давно найден, явлен, распят и воскрес? Зачем Мережковский со товарищи создает Религиозно философское общество, на котором «21 ноября 1907 г. Розанов читает свой самый антихристианский доклад "О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира", а 12 декабря Н. А. Бердяев читает доклад "Христос и мир", возражая Розанову»?

6-7. Любовь женщины. Расставание

Любовь не сводится к половому инстинкту и не вытекает только из него, это показал достаточно и Владимир Соловьев в своих трактатах "О любви" и "О красоте", это показывает и доказывает культура в целом, и сколько бы не сдавливали христианство и церковь *естественного человека*, в монаха его обратить не удалось; – но из чего вытекает *противоестественная* вера в Бога и любовь к Богу, которого "никто никогда не видел"?

В молодости, когда я и сам сходил с ума от любви к женщине, мне показалось, что любовь и вера произрастают из одного корня, что это чуть ли не общее состояние – и потребовалась целая жизнь, чтобы осознать, что Любовь расширяет сознание и личность человека, а вера – сужает, что любовь развивает в человеке сострадание и милосердие, ограничивает эгоизм, учит жертвенному отношению к миру, а вера сушит человека, делает его плоским, развивает в нем нетерпимость, жестокость, бесчувствие.

Я не узнал, что порождает **любовь**, но еще менее понимаю, из чего и зачем происходит **вера**, очевидно только, что они произрастают из разных корней, из Бытия и Инобытия, и как Христос и царство Его «не от мира сего», так и вера в Христа не от мира сего – но только теперь я узнал на собственном опыте, насколько Вера неукротимо противостоит Любви.

Но это испытал я, мужчина, аналогичные испытания выпадают на долю других мужчин – но каково переживание женщиной любви и веры? Противоборствуют ли они в ее душе?

Если женщина не религиозна, то она часто жива любовью, но, увы, совсем не той, которую знает мужчина-романтик, и часто любовь женщины неотличима и от священных вакханалий [О храме Афродиты Порне в Коринфе Страбон пишет: «Святылище Афродиты было так богато, что имело больше 1000 храмовых рабынь-гетер, которых посвящали богине как мужчины, так и женщины; и благодаря этим женщинам город становился многолюдным и богател; так, например, капитаны кораблей легко растрчивали здесь свои деньги, и отсюда идет пословица: «Не всякому в Коринф доступен путь». Между прочим, рассказывают, что какая-то гетера в ответ на упреки одной женщины в том, что она не любит работать или пряхть шерсть, сказала: «Да, вот такая я, а все же за это короткое время я успела сокрушить уже три ткацких станка», и от проституции [Геродот... рассказывает о лидийцах: «Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое. Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа)], и от *хлыстовских радений* [Все супруги, вступавшие в *хлыстовскую* секту, должны были прекратить брачные отношения. В то же время, хлысты получали "духовных жен", которые давались им "христами" или "пророками" на радениях, "для забот о хранении целомудрия этими женами". Примечательно, что плотские связи с "духовными женами" не считались грехом, поскольку здесь проявляется уже не плоть, а "духовная", "христова любовь". Такими "духовными женами" могли быть близкие родственницы, даже сестры. По свидетельству ряда авторов, *радения хлыстов* нередко заканчивались "свальным грехом". Таким образом, заповедь о безбрачии ради воздержания на деле оборачивалась у хлыстов банальным развратом.]

Но эти свидетельства пока не доказывают, что женщина не отделяет любовь от полового влечения, и от *притяжения души* (в котором присутствует плоть, но которое плотью не определяется), и от *притяжения тел* (в котором притяжения душ может не быть совсем). Но слова Татьяны Лариной «*Но я другому отдана и буду век ему верна*» зато доказывают, что *супружеский долг без любви* женщина ставит выше *любви*, и что соединение с мужчиною в браке, хотя бы это соединение совсем не считалось с ее волей, вполне заменяет ей любовь. Это удивительно и вызывает желание сие понять.

«Отец Истории Геродот упоминает о самом разумном, по его мнению, обычае вавилонян... "Раз в году в каждом селении ...созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали их в одном месте. Их обступали толпы юношей, ...и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте. Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и некрасивых девиц и в придачу деньги. ...Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь не позволялось, а также нельзя было уводить домой купленную девушку без поручителя."

Но вернемся к современной любви, которая, быть может, способна обелить женщину в глазах мужчины. Я пытаюсь ответить на важнейший для меня вопрос не о вере (источник которой я пока не могу понять, и попытку глубокого исследования которой я пока отложу), но о любви, природу которой я не только не знаю, но относительно которой даже не уверен, не заменится ли она часто одной только чувственностью – но спрашиваю себя, способна ли женщина любить мужчину так, как он способен любить ее, может ли ее любовь быть, не скажу, вечной, но хотя бы переходить границы *настоящего*? Многие доказывают, что женщина стремится уничтожить свое прошлое, уничтожить и воспоминания, принадлежащие прошлому, отдавая во владение новому любовнику, более того, рабство она переживает как принадлежность, принадлежность переживает как брак, а брак переживает как любовь.

Прошлое по неведомой причине становится ей ненавистно или вызывает страх. Пытаясь встретиться для прощания с той, которая в очередной раз меня отвергла (в моих прошлых романах), я всякий раз сталкивался с тем, что она убегала от меня, как Кьеркегор от невесты, была ли она влюблена или только дружила. То же и в женских романах о любви: *то, что прошло, не существует.*

Любовь неотделима от сострадания, следовательно, женщина любить не умеет, и в любви не нуждается.

8. Свобода

Иван Карамазов возвращает Богу билет в будущее царство гармонии из-за страданий детей, но только ли Творец мироздания в них виноват.

Человеку дана свобода жить и действовать, совершать и добрые поступки и злые, и чтобы дети не страдали, надо эту *онтологическую свободу* отменить – но была ли бы такая жизнь лучше?

Но есть еще свобода эмпирическая! Мне разрешено пить вино, но я его буду пить умеренно, чтобы не опьянеть и не бесчинствовать в пьяном виде. А детям и вовсе мы ограничиваем эту свободу, убирая от них вино и спички в доме, и не разрешая продавать им вино в винной лавке, и даже наказывая тех, кто их соблазняет.

Как обстоит дело с эмпирической свободой совершения зла?! Она ограничивается нравственным законом внутри нас, чувством и понятием Долга, то есть трансцендентной свободой, а также эмпирической свободой, заключенной в общественных традициях и государственных законах.

[Кстати сказать, если Свободу совершать и добро и зло дал Христос (за что его философы славят), то в чем виновата Ева, съевшая "плод познания"?)

Возвратимся же к Бунту. Человек – не актер, играющий уже написанный текст, каждый играет то, что хочет, правда, в рамках некоторых, не от него зависящих правил. Дана трансцендентная свобода поступать как хочешь, и сомнительно, чтобы Иван Карамазов упрекал божественного Автора в том, что эта свобода дана. Но нам дана свобода устраивать нашу жизнь во взаимодействии с волеием внешнего мира, следовательно, мы вольны отнять у ближнего кошелек, но общество вольно отнять и нашу волю. В то же время мы имеем право на образование, и общество помогает нам это право реализовать (после мучительной борьбы с сословным государством, в

протяжение столетий ограничивающим наши права). Право на истязание и вовсе не принадлежит к числу *естественных прав* [посему свобода нуждается еще и в *самоопределении*], поэтому примеры, которые привел Иван Карамазов, недостаточно принять только как эмпирические факты, делая из них трансцендентные выводы, но следует сопоставить с нравственным состоянием общества. Мучила свою дочь жестокая мать – предьявлять ли претензии за это «автору пьесы»? Он дал нам свободу (что является благом, иначе мы были бы бессловесными животными, подчиняющимися лишь инстинкту), и Он ли виноват в истязаниях жестокой матери? Общество и государство, жандармы и суд тоже должны надзирать за нашими правами, которые мы с помощью государства и общественных традиций добровольно *ограничиваем* [в других отношениях, например, в труде, творчестве и познании, в любви и заботе, напротив, пытаюсь их расширить], поэтому не к Богу должен обращаться Иван претензии за замученное дитя, но к государству и церкви – надзирала ли за жестокою матерью церковь, или ограничивалась проповедью безбрачия? И кому билет возвращать, и какой же билет? Верить ли церкви, что она и Бог – одно? Верить ли и Христу, что Он и Отец – одно? Синедрион предписал евреям – не верить, и если бы я был евреем, то кому же я должен бы тогда верить, заветам ли предков или Христу?

Мы – не статисты на сцене, и пьеса, в которой были бы расписаны поступки каждого из нас, не написана, хотя и говорится в Евангелиях, что у нас на голове и волосы все сосчитаны (а кого бы тогда и за что можно бы было судить?), мы поступаем по *собственной воле*, и держим за наши поступки ответ, и не сосчитаны Вседержителем наши волосы и не в чем нам его обвинять! Или в том, что он дал нам свободу (если, конечно, Он и впрямь нам ее дал, а не сорвала ее Ева с райского Древа)?!

И последнее маленькое еще замечание: Не совсем ясно, против кого направлен Бунт Ивана Карамазова – против христианского представления о конце времен и против Христа как провозвестника всеобщего примирения? Или против **Аксиом существования**, включающих в себя добро и зло и страдание? Против падшего мира, в котором как раз и возможно мучить ребенка или затравить его собаками? Но, по христианским представлениям, в падшести мира виноват человек, мир был, якобы, совершенным, но Ева ... а далее все, что мы уже знаем...

9. Вина

7 декабря 15, 10-10. Но часто бывает так, особенно в ссоре с женщиной, что когда она упрекает, трудно понять, в чем именно упрекает. И чем возмущен Иван, кого и за что упрекает он? Упрекает ли он Бога за то, что тот разрешил людям бесчинствовать? Или за саму идею мирового устройства, лежащую в основании человека и мира и **того всеобщего**, что больше чем мир, если только мир не ограничивается *этим миром*, но еще дополняется *тем*, и если человеческая душа (ее монада) не только временна и конечна, как и тело, но и бесконечна и, следовательно, человек не заканчивается только собою и человечеством, Историей и Культурой, но сообщается и с ноуменальной *надбытийностью*?

За то, что в мире кроме свободы есть Страдание, которое дополняет свободу, следствие ли свободы, само ли по себе, бог весть... да, есть тление, смерть и страдание... и дети не только мучаются (как и все мы), но и погибают, не только болеют (но если бы выздоровели?!), – нет, мучаются и погибают, и нечем утешиться!.. И чаще всего нет виноватых, нет личных причин, нет столкновения воли, но стихия бытия, устройство мира, в котором есть всемирное тяготения, трение песка и скольжение по льду, антилопы и тигры, заяц и охотник, тление, микробы, изнашивание плоти, ... Ах, если бы только злая воля, которой надо противостоять?! Но чаще всего гибнут безвинные, и нет виноватых! Уходит молодость и красота прекрасных женщин (и это меня огорчает сильнее, чем собственная смерть), заключают в тюрьмы талантливых писателей (как Достоевского и меня), и хотя и есть виноватые, но разве только Бог?! Все это должен был сознавать Достоевский, не совсем же он безумен, и потому бунт Ивана так же условен, как глупости короля Лира, как само течение времени в пьесах Шекспира, в которых оно течет не в мире, но только внутри пьесы.

Какой Билет возвращает Иван? Билет на райский банкет (да еще позовут ли нас с ним?), где будут чествовать Творца мира, то есть, автора пьесы?

Не за что чествовать, не хочу участвовать в вашем банкете, потому что вот «плачет Рахиль о детях своих и не может утешиться!», ибо кто их вернет?

Иван упрекает Бога в плохом устройстве мира, и потому во всеобщем примирении всех, и святых и злодеев, участвовать не хочет. (Не хочет и в аду, где грешник кипит в смоле и в варе, прозреть в **грешнике** вместе с Игнатием Брянчаниновым **образ Божий** и умиляться над этим образом.)

Но и я не могу умиляться при виде страдания! И мне тоже тошно от этого ладана и елея и лицемерной **любви к человеку** (которого нельзя любить абстрактно, но только каждого частного), и понимаю, что христианин отделил Бога от человека непроходимой пропастью и **возненавидел человека**, любя только Бога, и вся его религия – оправдание его ненависти к человеку.

Теперь мы пришли к главному, в чем надо разобраться, прежде чем продолжить бессмысленный спор и бессмысленный разговор.

Христианство выстраивает образ мира как результата творческих усилий Бога, как того Нечто, что из исходного материала получилось как горшок из глины в руках гончара. И это творение было совершенным.

Но мы то живем и мучаемся?! И оглядываемся и ищем виновных!?

И я говорю, как крестьянин, что живем мы в доме и на огороде, которые не так совершенны, как хотелось бы, и камни в почве и дом продувает, и волки прибегают, и из-за моря тать и вор лезут. **И я призываю домочадцев взяться дружно за исправление мира.** И отчасти меня понимают и со мной согласны писатели, поэты, музыканты, философы и ученые, плотники и землелашцы, реформаторы и революционеры..

Но христиане в ярости. Мир хуже, чем плох, он **пал**, но только Бог в состоянии его исправить, человеку же надо *«в простоте сердца любить своих господ-рабовладельцев, веровать и ждать Второго Пришествия»*.

Христианский миф признаёт, что в нашем мире кое где даже основания подгнили, бревна просели и крыша съехала, но виновата в том Ева, она соблазнилась и съела запретное яблоко и **мир пал**. Было всё нетленно и были все бессмертны, а теперь Тлен и Смерть пришли в мир. Исправить же падший мир в состоянии только Сын Божий (**магически!** – и потому всякая религия почти то же, что у шаманов с их Бубном – да не то же ли и Крестный ход, вызывающий дождь... моление о дожде

Я не согласен со всей христианской философией истории, но разве согласен и Достоевский (зря ли ходил он в революционеры за Петрашевским?), и вот он пишет, в возражение Тургеневу, свои Отцы и дети, в возражение Лескову свою наоборотную Леди Макбет Мценского уезда, в возражение даже Игнатию Брянчанinovу и подлинной Оптинской истории своего старца Зосиму, и, наконец, в возражение самому себе и своей Полине, из-за которой чуть не сошел с ума, блаженного Алешу и невинную его симпатию (уж не его ли это племянница Сонечка, с которой он даже советовался по поводу своих романов, с которой так чистосердечно был дружен?). Он живой, но мир пытается объяснить через конструкции прямолинейного ума (вот оттого-то и проходит через бездны неверия, математик, отвергший математику!), и привлекает в основание своей космогонии не Коперника, а Птолемея.

Грехопадение. Вера (или Любовь к Богу). Искупление (но не свое, а трансцендентной вины человека) – вот основной стержень христианства.

Из него вытекают **Сознание вины** и покаяние в грехах; **Смирение** (и подчинение воле управителей жизни); **Жизнь в церкви** и согласно церкви.

Иван Карамазов обаян гордыней, не смирен перед Богом, потому рассуждает, объясняет сам себе замысел Бога, вместо того чтобы **слепо верить**.

Но не прав Ракитин (приятель Алеши), что бунт продолжается в атеизм. Атеизм тоже примиряется с неотвратимостью страданий, так как принимает их как принадлежность естественного мира.

И я тоже бунтую. Не отрицая Инобытийного мира (которого я не знаю, но которого не знают и христиане вместе с апостолом Павлом – но он, в отличие от них, самодовольно напыщенных, в этом сознается), я отрицаю бездействие. Бог создал человека для сотворчества, в человеке он ожидал найти и сотрудника, и собеседника, и друга (но не коленопреклоненного верноподданного раба).

Вот почему я надеюсь через любовь, вдохновение, творчество и труд исправлять огрехи этого мира, противостоять злу, утешать по возможности страдание здесь, не дожидаясь, когда его утешит некто в белом.

Но есть еще одна особенность нашей (совместно с Евой) **первородной вины**. Философы, с которыми впереди еще предстоят страстные прения, утверждают, что Свободу дал человеку Сын Божий (**устояв** в искушениях и отказавшись получить из рук "Духа пустыни") – но в то же время разве не Ева ее принесла бессознательно, вкусив плод греха (о метафизической природе которого богословие ничего внятного нам сообщить не в силах)?! Что-то не сходится у вас в Азбуке веры, господи!

10. Забота

С Богом (философов, крестьян и ученых) у меня отношения в последнее время разладились, я спорю с христианами, и ему неудобно встречать в этот спор; я тоже бунтую, и мой Бог разводит руками, дескать, старайтесь сами исправлять этот мир, я сделать уже ничего не могу, теперь настал ваш черед потрудиться. Я пишу книгу, и хотя, подозреваю, это он присылает мне волхвов, но пишу я пока хуже Достоевского и Толстого, поэтому мне трудно читателю объяснить ошибки его любимых писателей, а Бог мне не помогает.

Не говоря уже о любви...

Ладно, побреду ино дальше, как протопоп, даже если в Сибирь...

Я призываю нас быть строителями мира, только мне сложно участвовать в этом строительстве. То, что я умею лучше других, мне внести в общую стройку не удастся, прорабов назначает наш народ худших, чем немцев, пока еще немцы нас в девятнадцатом веке учили, мы кое-что хоть построили, а сегодня умеем с грехом пополам перегонять по трубам кровь нашей земли, то есть нефть, за что наши новые русские покупают себе любовниц и виллы.

Мой же вклад в строительство лучшей жизни скуден. Книги мои некому продавать, на продавцов и рекламу у меня денег нет, а без денег про них никто и не знает.

Учебник математики никому не нужен, а он, как мне говорили друзья-математики, лучший (и разве выдающийся музыкант не читал его целый год вместо снотворного?)

Я сам, по отзывам учителей и студентов, тоже чуть ли не лучший учитель математики (опуская другие хвалебные эпитеты), но, однако, не могу устроиться на работу даже сторожем (которым пять лет проработал без нареканий). Правда, я стал редактором, что недалеко от учителя, и вполне этим счастлив – но не читают ни меня, ни моих подопечных и денег не платят.

Некоторые меня ругают, что я медленно работаю, но мне кажется, что я бегу в отчаянии по обрушивающемуся мосту, чтобы успеть добежать, потому что надо еще и эту вот книгу писать, и с В. на бревнышке выпить, сетуя на злосчастную жизнь, и с Геной выпить, споря о Троцком (будь он неладен!), и в филармонию завтра иду на Полину (последнее мое утешение)...

В общем, жизнь складывается отчаянно...

Но пишу я об этом вот для чего: не по пути мне с христианами и их пусто-порожной любовью к ближним и их *бесконечным эгоизмом*, обращенностью всего и вся только к своей особе, спасению собственной души, любовью к Богу только для своего спасения, стремлению к вечному блаженству, с их страхом перед грехами, перед смертью, перед Богом, перед царем, с их безмерным двуличием, состоящим в том, что исповедуют они *учение, отрицающее наш мир* во имя того мира, но живут только для себя, *эгоистично и алчно!!!*

А я, как грешный человек, *счастлив тем, что живу* хоть и в трудах и в утеснениях, и государство меня сажает в тюрьмы и отбирает пенсию, и болезни угнетают, и любимые предают, и друзья умирают, и хлеб ныне в городе плох (хуже, чем деревенский!), и до деревни далеко, а то бы поехал, и тоска, и сил нет, и отчаянье, и разочарование, и слезы по ночам, и от водки

плохо (а то бы напился), и никто не читает, и пишу плохо, и как писать лучше, не знаю, и с Богом рассорился, и не хочет он мне помогать, и... легче застрелиться, чем перечислять несчастья... но разве не я с миленькой сидел на скамеечке, и целовал ее пальчики, и пенять ли ей за нынешнее ко мне презрение?! И жена у меня ангел, и меня любит, а другая бы *давно убила* – да ведь и я разве ее не люблю тоже? – не требуя ни повиновения (как в христианском Завете), ни любви, но заботясь о ней, сколько удастся! Вот вчера принес ей розу, мы сидели на кухне и пили чай, и роза нам благоухала, а потом пришла с улицы внучка, и мы ее ей передарили, и всем была радость). И близкие хороши! И *подруги* хороши тоже, несмотря на то, что хотя со мной разговаривают, но убегают к другим целоваться...

Никак не закончить этот длинный период. Я, кажется, счастлив тем, что мне некогда жить, некогда спасать свою душу, некогда заботиться о себе. Некогда даже быть несчастным и лить слезы, потому что надо вдруг идти кому-то помочь... (и ни спасения, ни вознесения, ни епитимии)...

11. Еще замечания

Но мы не договорили о причинах Иванова бунта. Сердце сокрушено страданием, особенно детским, и Иван спрашивает: можно ли согласиться на мировую гармонию, которая оплачена ценой детских слез, согласится ли кто-нибудь строить царствие Божие, если для его строительства ему надо будет положить в основание хотя бы одну слезинку замученного ребенка?

И это уже вопрос не к Богу, упрек не Ему, не смогшему привести мир к справедливости и счастью, не оплатив их невинным страданием; вдруг неожиданно вопрос обратился к человеку и человечеству, которые пожелали бы вместо Бога построить на земле справедливое общество.

Мы к тому же уже видели, сколь много слез и крови было пролито на *строительстве* "самого справедливого в мире" общества, и всякий, как я, решившийся что-то в мире менять, не должен ли задуматься, не прольются ли детские слезы и по нашей решимости?

Невинное желание, даже благородное – исправить мир и общество, помочь человеку устроиться лучше, можно выставить так, что не знаешь, что ответить, и не придется ли на краю кипящего котла со смолою давать ответ. Как правило, такие неожиданные повороты в логике возникают в результате подлога, вроде того, что Герману вместо туза явилась вдруг Дама Пик.

Но как бы ни уверяли подлинные христиане, что мир изменять – это посягать на Всевышнего, однако мы все меняем всё, что только можем менять: меняем одежду, чиним ее и стираем; ремонтируем и перестраиваем дом, и даже обветшавший храм вдруг разбираем и строим на его месте новый, не деревянный, а каменный; меняем мосты, жены меняют мужей и любовников, меняем привязанности, предпочтения, друзей, царей (и цари не вечны), патриархов, и крестьянин на том же поле на следующий год сеет вместо пшеницы гречиху, переезжаем не только из одного села в другой, но и из города в город... Да вся наша жизнь состоит из перемен, а в каждой перемене таится угроза – как, впрочем, таится угроза и в постоянстве, и во сне можно свалиться с кровати....

Вероятно, говоря о царстве Божием на земле, которое нельзя воздвигать на слезах, Достоевский имел в виду Революцию.

Но разве в века христианского владычества не совершались Революции, в том числе и самими христианами, и не лились ли при этом не только слезы, но и кровь рекою, в том числе детская? Кромвель. Лютер. Кальвин. Ян Гус... А после того Робеспьер, Марат и Дантон, Наполеон и Ильич, мощи которого лежат в сердце Москвы...

Религиозные войны, крестовые походы, казни христиан и иноверных (даже если обвиняли их в том, что они расшатывали устой того государства, в котором жили, но не их ли упорство было причиною детских слез?).

12. Блаженство

Кьеркегор пишет, что *только отчаянием мы по настоящему возвышаемся над животными*. Следовательно, в раю мы еще не были людьми, мы еще не знали не только отчаяния, но даже страдания, поэтому обещания нового рая опасны. И обещая спасение, апостол ссылается на Христа, в которого он уверовал, и *счастливы он, находя радость и гордость в страданиях*. Христос тоже обещает привести к радости и блаженству через страдания, и в романах Достоевского рассказывается о жаждущих «пострадать». Это один из парадоксов христианства, но поскольку страдание возвышает, то и слава богу, что не в царство эйфории ведет Христос своих последователей, не предлагает им широких и коротких путей, морфия и опиума и ЛСД.

Две стези открываются перед нами: счастье у блюдечка с молоком, или страдания отшельника, терпящего стужу и голод. Обе эти стези унижают человека, унижают и Творца, который ожидал от своего творения познания и сотрудничества, но не пассивного страдания и не животного счастья.

Жизнь человека является высшей ценностью. Это банальная истина, но еще банальнее то, что живет человек часто бездарно.

Мы вправе рассчитывать на то, что жизнь одарит нас радостями, но высшей радостью является Любовь. Раньше чем человек испытает любовь и преодолеет свое одиночество, преодолеет свой эгоизм, он не способен к постижению и восприятию Благодати, в которой изливается на него свет небесный. Отвергая любовь, мы не приблизимся к блаженству.

Правда, *состояния блаженства*, достигаются иногда самым примитивным способом: кружением вокруг себя. Этот же эффект достигается с помощью различных препаратов, и даже при вдыхании клея.

Но читаю, что «Христос умер за грехи наши и **мы спасены благодатью через веру в Иисуса Христа. И ничем другим!**», и с грустью понимаю, что «подлинный христианин» действительно отделен от *естественного человека* непроходимой пропастью. «Естественный человек», даже считающий себя христианином, даже стремящийся достигнуть врат небесных, открыть их и хотя бы за них заглянуть, испытывает счастье в любви к женщине, к семье, к детям, к родине, народу, в творчестве, труде, в сострадании, в связи с другими людьми, с культурой и обществом – вот этот естественный, а вместе с тем сверхъестественный путь к возвышению. **Возвышают и дают блаженство любовь и сострадание**. Все это звучит очень банально, но противоположное банальности – путь ОТ человека, и он не приводит к Богу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧУДО, ТАЙНА, АВТОРИТЕТ. Свобода и Чудо*1. Последнее предисловие к последнему разговору*

9 декабря, 16-29. В юности мой товарищ, оказавший на меня значительное влияние (и я вдруг подумал с большим удивлением, что при всей моей самоуверенности на меня влияние оказывали многие, помимо писателей, философов, музыкантов, красивых женщин – еще и товарищи, преподаватели, мои старшие знакомые, с которыми меня пересекала судьба) – при всяких коллизиях, недоумении относительно которых я высказывал ему, мне советовал: *Читай Достоевского, он всё объяснит!*

Я его слушался, Достоевского читал много, и вот теперь кое-что перечитываю, влияние на меня он тоже оказал, но его способность объяснить **всё**, как я теперь вижу, оказалась преувеличенной. Но русская литература дала мне много не только тем, что объяснила человека через свои литературные типы – нет, человека она мне не объяснила, явился столько новых его разновидностей, часто совсем ... ну, как бы сказать помягче... нет, и говорить не буду... но литература учила меня смотреть, сопереживать и мыслить, и вот теперь, понимая не больше того, что я понимал пятьдесят лет назад, я все еще дерзаю размышлять, всматриваться, пытаюсь понять...

И по-прежнему много недоумений, и снова мне говорят, как мой товарищ о Достоевском: *Читай Библию, там все сказано!*

Но теперь, уже и к Достоевскому относясь критически, хотя и «не сбрасывая с корабля современности», как призывали сбросить Пушкина пролетарские писатели и поэты, и к Толстому относясь с опаской, пришел я относительно Библии к выводам, которые ее поклонников разочаруют.

Библия оказала большое влияние на культуру, хотя и противопоставляла себя культуре как художественно-философскому переживанию жизни своим способом архаического, неподвижного видения мира через неизблемую скрижаль Завета. Это похоже на то, как весной хожу я по огороду с Аршином в руке, и несомненно, что Аршин этот тот же самый, что и сто лет назад, и менять его не надо. И точно так же в своих спорах с Толстым или К. Леонтьевым могу я ссылаться на Аристотеля, прикладывая его меру к нашим разногласиям. Но все же в таких случаях входит в наш спор и третейский судья, или независимое мнение девятнадцатого столетия, или столетия моего. Что же касается Библии, то она была непререкаемым авторитетом в Европе целых две тысячи лет, и авторитет свой в результате междоусобиц, мятежей, революций основательно истремила (да к тому же и Земля поменяла форму, стала вдруг *круглой*).

Смешно было бы обсуждать сегодня положение на Кубе и тиранию семейства Кастро только с томом Маркса в руках и с очерком истории его сподвижников. Вот почему я так значительно отклоняюсь в своих рассуждениях от того, о чем спорили два брата Карамазовых, один христианин убежденный, другой сомневающийся.

Будем ли мы спорить о форме Земли, подобострастно учитывая только авторитет Птолемея? Будем ли вести себя подобострастно?

Разумеется, это будет смешно. Поэтому, вполне возможно, что несмотря на весь громадный авторитет участников спора, авторитет Достоевского и героев его романа, авторитет Розанова, Бердяева, Лосского, Страхова и пр., пора, наконец, поговорить об этой Легенде непредвзято, и не брать в руки Библию вместо знамени, хотя, быть может, следует положить ее на письменный стол рядом с листками моей рукописи – для справок.

Вначале я думал совсем ничего не читать по поводу Легенды, потом решил хоть вначале сказать о ней свое мнение, но затем все же познакомиться и с тем, что сказали о ней другие, и тогда, быть может, мнение свое дополнить. Правда, еще раньше я намеревался даже, чтобы ни от кого не зависеть, – ничего не читать, даже не перечитывать саму "поэму" Ивана Карамазова, ограничившись только случайно всплывшими в памяти словами из неё «Чудо, Тайна, Авторитет», но потом решил от своего не столь плохого замысла отказаться – я подумал, что если бы взялся рассуждать о войне Алой и Белой розы, то по крайней мере надо было бы хотя узнать, где и когда она происходила.

2. Немного истории

Оказывается, это война за власть в Англии между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков – в 1455 - 1485 годах, закончившаяся приходом к власти династии Тюдоров из дома Ланкастеров, правившей Англией и Уэльсом в течение 117 лет.

Причем, она началась вскоре после поражения Англии в Столетней войне с Францией (1337 - 1453), во время которой решающую роль и в ходе войны и в судьбе Европейской истории сыграла Жанна Д*Арк (Орлеанская Дева).

В марте 1429 года явилась к королю, 7 мая 1429 г. сняла осаду Орлеана, 31 мая 1431 г. была сожжена на костре.

О времени, к которому относится поэма о Великом Инквизиторе, Иван Карамазов говорит так: «Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу Божию в стране ежедневно горели костры, *"В великопных автодафе Сжигали злых еретиков"*.»

Но что мы знаем об Инквизиции? Приведу свидетельство о ней из книги Сабатини.

«Могущество христианства лишь однажды несколько пошатнулось при правлении терпимого в религиозном отношении Юлиана Отступника, который вновь открыл языческие храмы и восстановил культы старых богов; но оно окончательно возвысилось при императоре Феодосии Великом в 380 году. *Отныне языческие храмы не только закрыты, но и стерты с лица земли, их церковные службы и даже тайные жертвоприношения запрещены под страхом смерти. У Либания мы можем почерпнуть кое-что об опустошениях, произведенных при этом среди языческого крестьянского населения. ...*

Именно в это время впервые мы обнаруживаем титул «**Инквизитор веры**» в первом законе (статья IX «Кодекса» Феодосия), провозгласившем смертную казнь в наказание за ересь. Именно теперь мы встречаем Великого Августина из Тагаста [*Блаженного Августина, христианского теолога и философа,*

влиятельнейшего проповедника, епископа Гиппонского (с 395 года), одного из **Отцов** христианской церкви] – гения, порожденного церковью, отринувшего свободу вероисповедания вопросом «Quid est enim reior, mors anim quam libertas egoris?» («Неужели спокойствие смерти хуже, чем распутство заблуждения?») и энергично потребовавшего смертной казни еретикам на том основании, что это – акт милосердия, призванный спасти остальных от вечных мук, уготованных всем впадшим в ересь. Точно так же он одобрил декреты о смертной казни для любых последователей многобожия...

[Да, этого достаточно было, чтобы Розанов сказал, что «*гроб в сердце христианства*». И я только осмелюсь к сему добавить, что оно все же руководствуется не только сердцем, но и разумом, в центр его поставив иезуитскую диалектику, которую позже поставил Маркс в основание Учения о царствии справедливости на земле. Два эти царствия – небесное и земное, одинаково стремились уничтожить *человека культуры*...]

Именно Августин... – в своем чудовищном рвении, пользуясь потрясающей аргументацией, рожденной его недюжинным интеллектом, изложил руководящие принципы гонений, которые «работали» в течение приблизительно тысячи лет...

Однако, сколь бы далеко ни заходила в своих притеснениях церковь, ... исполнение приговоров было возложено целиком и полностью на гражданские власти; и на этом отчуждении духовенства от осуществления казней настоял сам Святой Августин. Но уже на исходе **четвертого века** священнослужители сами занимаются преданием еретиков смерти...»

Испанского теолога Присциллиана, настаивавшего на введении безбрачия для духовенства, в 380 году все же отлучили от церкви и сожгли заживо вместе с несколькими его соратниками по приказу двух (вероятно, *живых*) христианских епископов. Присциллиана считают первым мучеником, сожженным испанской инквизицией. Правда, его-то, может быть, сожгли не зазря, и если бы не инквизиторы, сжег бы его великий Лютер, разгромивший через тысячу лет в северной Европе этот дьявольский celibat!

Но пора возвращаться к роману. Нет оснований считать именно Томаса де Торквемаду (1420 - 1498), самого известного инквизитора эпохи христианских гонений на еретиков, отступников, ученых, поэтов и просто свободомыслящих прототипом героя поэмы в романе Достоевского, но нет и убедительных возражений против этого. Сам век, озаглавленный Столетней войной и подвигом Жанн Д*Арк, затем Войной Алой и Белой розы, затем расцветом Европейской инквизиции, кажется весьма подходящим для времени действия поэмы, а яркая фигура Торквемады, Великого Инквизитора, весьма подходит на роль героя величественной поэмы. Кому же и спорить с Христом, как не ему?! Не исключено, что он слышал от своего дяди и о сожжении французской ведьмы Жанны (ему было тогда одиннадцать лет), и это усилило его в рвении веры, которая при нем достигла в Европе апофеоза.

«Служба инквизиции проводила даже ужасные фарсы заседаний по делам умерших, и, признав их виновными, доминиканцы выкапывали их тела и швыряли в костер.»

«Деятельность Святой палаты (возглавлявшей службу Инквизиции) была столь чудовищной, что ... губернатор Севильи распорядился возвести в полях Таблады постоянную каменную платформу огромных размеров, известную как Кемадеро, то есть место сожжения. По углам оно было украшено изваяниями четырех евангелистов. Эти колоссальные гипсовые статуи, сообщает Льоренте, сложили не только для украшения. ...они были пустотельными и в них можно было поместить человека, обреченного умирать на медленном огне.»

3. Подготовка сцены

На литературном утре в декабре 1879 года в пользу студентов Санкт-Петербургского университета, перед чтением главы из романа с поэмой, Достоевский сказал: "Один страдающий неверием атеист в одну из мучительных минут своих сочиняет дикую, фантастическую поэму, в которой выводит Христа в разговоре с одним из католических первосвященников – Великим инквизитором. Страдание сочинителя поэмы происходит именно оттого, что он в изображении своего первосвященника с мировоззрением католическим, столь удалившимся от древнего апостольского Православия, видит воистину настоящего служителя Христа. Между тем его Великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что *если исказишь Христову веру, соединишь ее с целями мира сего*, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала **[в чем именно состоящего?]** созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему".

Вот теперь уже нам ничто не мешает приступить к анализу самой поэмы, сцена построена и оборудована, участники Чтений собрались: сам автор (Достоевский), критики и апологеты: Розанов, Страхов, Бердяев, Н. О. Лосский, М. М. Тареев, И. И. Евлампиев, Г. Г. Муриков и Аз грешный (не апологет).

(Остается только добавить, что после приведенных слов Достоевского он и сам первый кандидат на сожжение, а если, пока наша беседа будет длиться, Инквизитор восстанет из гроба, то и всех нас сожгут, и быть может даже и тех, кто прислушается к нашему разговору и не поспешит донести – за одно это тоже сжигали, и христиане и большевики).

Поэтому не будем затягивать наш разговор, и сам я тоже попробую быть по возможности кратким (зареклась ворона каркать!).

... впрочем, впрочем... что-то меня мучает, задевает мою совесть, хотя ум изготовился к словесному состязанию. Представим себе аналогичную поэму, написанную хотя бы и Сартром (или Бердяевым, тоже бывшим марксистом, и не меньшим, чем Достоевский был христианином) в целях защиты *истинного социализма* от католических ... тьфу, от «волюнтаристских» извращений его большевистской ересью, и вот явился сам Маркс к угнетенному лагерям и казням русскому народу, и Сталин велел его арестовать и в застенках Лубянки происходит между ними поучительный спор, в котором Маркс сначала молчит, потом целует Сталина в лоб.

Разве не взбудоражена была бы наша совесть? Разве истребление миллионов в большевистской России – тема только философских прений? Разве католицизма лишь касается Инквизиция, как о том говорится в романе (разумеется, лишь по цензурным соображениям – но все современные участники семинара относят его лишь к истории католицизма, как будто не у нас в девятнадцатом столетии казнили хлыстов и других сектантов – правда, поделом! – не у нас сожгли протопопу Аввакума и его сподвижников и замучили голодом в земляной яме боярыню Морозову?!). Разве Инквизиция – не историческая судьба учения, не философская "практика" его?

Проводя академический семинар на тему поэмы, словно мы обсуждаем методы решения дифференциальных уравнений, мы только извратим ее назначение и в романе и в художественном творчестве Достоевского.

И теперь я вижу, что, увы, еще не закончены пригोтовления к "семинару", что декорации поставлены вовсе не те, не тот свет освещает нас всех.

В девятнадцатом столетии высшее общество в европейских странах было атеистическим, культура уже не была служанкою церкви и христианского мифа, хотя и существовала духовная цензура. Творения Игнатия Брянчанинова, Победоносцева, наставления святых отцов и душеспасительная литература не входили в круг чтения просвещенного общества в России, современный читатель не замечает отличий от себя в настроении, мировоззрении, характере и интонации Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Белинского и Тургенева. Особняком, как будто, стоит Достоевский, и хотя Конст. Леонтьев с подозрением относится к его христианству, но русская философия, сама переболевшая в начале двадцатого столетия и марксизмом, и позитивизмом, и богоискательством и богостроительством, только в насмешку может быть названа христианской (и хотя Розанов написал «Легенду» еще в девятнадцатом веке, но и он сам, и его исследование принадлежали уже веку двадцатому, веку яростного противоборства двух родственных мифов: социалистического и христианского).

Но христианин ли Достоевский, защитник ли он «дела Христова», и отдавал ли он отчет (вместе с другими), в чем это дело состоит? К сожалению, с этой точки зрения на Достоевского никто не захотел посмотреть... К тому же, гонения социализма на христианство и церковь даже русскую философию поставили в одностороннее отношение к христианству и вместо объективного исследования невольно принудили защищать его от социализма (при всех оговорках Бердяева), и замечательная книга Лосского о Достоевском, в которой он говорит о двух христианствах: для всех – и для избранных, – не завершается необходимым вопросом: христианин ли Достоевский? Христиане ли мы все (не только с точки зрения Великого инквизитора, но и сточки зрения Нового Завета и самого христианства)? И впрямь ли *русский народ – богоносцы?*

Нет, ни мы не христиане (вместе с русскими философами и писателями), ни Достоевский, ни Розанов, ни Геннадий Муриков, ни Евлампиев (которого я еще почти не читал, но вместе со все... впрочем, меня опять занесло...)

Правда, именно сегодня словно бы ожили тени минувшего, богословие затмило русский роман, *блаженные* диктуют снова, с кем женщине ложиться в постель и какие движения совершать (как советует Августин), и Великий Инквизитор ворочается в своем гробе – вот, наконец, сцена уже готова.

4. Социализм и свобода. Христианство и свобода.

У Шукшина роман о Стеньке Разине называется «Я пришел дать вам волю». *Волю* (т.е. *свободу*) пытаются завоевать гладиаторы под предводительством Спартака. Заключенные мечтают о *свободе*, сидя в тюрьме...

В каждом таком случае совершенно ясно, что имеется в виду, когда мы говорим о свободе. Понятно, что такое свобода при освобождении крестьян от крепостной зависимости в 1861 году, при освобождении русских крестьян (колхозников) в 1953 году, когда формально они и не были прикреплены к земле и помещику, но не имели паспортов и права выезда за пределы района.

Но когда о свободе начинает писать философ, я перестаю понимать даже самые простые слова.

Марксистский социализм в своем диалектическом методе провозглашал: «Свобода есть осознанная необходимость!» Или: «социалистическая демократия есть диктатура пролетариата!» Это было лживое общество лживой свободы и лживой демократии, и с его наемными пропагандистами и партийными функционерами (или, тем более, следователями ЧК и конвоирами) было бессмысленно обсуждать или спорить, что такое свобода, и даже опасно, самые невинные споры карались тюремным заключением или заключением в тюремный ДурДом (в эпоху, когда уже износились зубы ЧК).

И эту бессмысленность и опасность здравомыслящий человек понимал. Но когда начинался разговор с философом, казалось бы, руководствующимся логикой и здравым смыслом, собеседник надеялся, что можно понять друг друга... Нет, увы, разговор с философом часто оказывался еще бессмысленнее, чем со следователями ЧК и КГБ.

Правда, при социализме философия и философы были отменены, и те, кто выдавал себя за философов, таковыми, разумеется, не являлись. При их лживом, пошлом, тупом и жестоком режиме я прожил большую часть жизни, поэтому продолжать разговор о социалистической свободе не буду.

Но была ли свобода в феодальном обществе, жестко связанном системой сословных ограничений? Не удаляясь в глубь веков, можно взглянуть на общество 18-го и 19-го столетий в России, в котором дворянство подчинялось царю, а крестьянин принадлежал помещику – несомненно, что крестьянин был несвободен (если только не условиться, что все те свободы, о которых я веду речь, то есть свободы общественные, гражданские, социальные, – слишком низкие свободы, а философ рассуждает о *свободе «горней»*, надстоящей над свободой земной как духовная любовь над естественной плотской... ну, тогда, быть может, я зря готовил и сцену, и нечего мне делать в этом собрании? Если же оно готово ко мне снизойти, ко мне, вчерашнему *рабу* свободных *господ*, свобода которых была удостоверена и государством, и обществом, и царем, и жандармами, и юридическими отношениями, подтвержденными, в частности, и самим Христом, принесшим нам свободу (так ли, как Стенька Разин?) в своем повелении (через апостола Павла) «*рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога...*», то – продолжим.

Сословная **несвобода** в феодальном обществе опиралась на христианство и подтверждалась им и церковью еще пуще, чем жандармами. (И так же отсутствие свободы совести, свободы слова, политической деятельности, избирательного права, отсутствие, кстати сказать, и самих органов, куда можно было бы избирать, и в феодальном обществе и в социалистическом подтверждено было всей системой идеологических отношений, хребтом которых у одних была церковь, у других – партия.)

Бывший марксист Бердяев (даже побывавший в ссылке за свои взгляды в начале девятисотых годов) еще не потерял весь стыд, поэтому, прежде чем «философствовать о свободе в высшем смысле», говорит: «О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом... и менее всего можно признать всякий социализм просто искушением дьявола; ... Великий Инквизитор ... прикидывается ... другом слабых и угнетенных... Он упрекает Христа в аристократизме, в желании спасти лишь избранных, немногих, сильных. "Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, ...должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые"»

Но еще и до социалистической революции *Великая французская революция*, провозгласившая "свободу, равенство и братство", пусть и половинчато, но граждански уравнившая всех людей, отменившая рабство, разве не принесла *свободу*, которой до того НЕ было? О которой у Христа сказано только «*познаете истину, и истина сделает вас свободными*»?

Во всех исследованиях, посвященных "поэме" Достоевского, говорится преимущественно о свободе, о ее различных понятиях у Христа и у Великого инквизитора, но ни в одном исследовании нет *дефиниций*, определения и разделения понятия **свободы**, перечисления его признаков. Говорится *по умолчанию*, как можно предположить, о *трансцендентной свободе*, праве дышать, ходить прямо, о праве избирать добро или зло (а точно ли даже это право дано человеку?), о свободе верить или не верить в то, что Христос Сын Божий. (О, с какой страстью раввин в Петербургской синагоге объяснял мне богохульство Христа, дерзнувшего выдать себя за Бога! А, следовательно, какую свободу принес Христос иудеям, спасением которых Он клялся?! Или русский роман опирается на логику и философию, общие не для всех людей, а исключая китайцев, мусульман и евреев, огнепоклонников и атеистов? О, тогда это точно только *социалистические таблицы лозарифмов!*)

Но примем пока навязанные нам правила игры, заданные европейской драмой, и попробуем хотя бы сию *трансцендентность* распутать.

Итак, речь у Достоевского идет о свободе выбора между добром и злом, о свободе верить в Христа или не верить. Но разве *свобода выбора между добром и злом* не была дана еще в мифе о грехопадении, когда Ева сорвала злополучный (или счастливый) плод с Древа познания Добра и Зла, и свобода эта была оплачена неизменно дорогою ценой, так как и мир повредился и человек, в мир пришли тлен и смерть, и человек был изгнан из рая? И разве История до пришествия Христа не была в русле этой «свободы с Древа»?

Иначе мы скоро воскликнем, что Россия родина слонов и русские первыми открыли шумерскую письменность...

Верить или не верить в Христа – и эта свобода была у иудеев изначально, время перед Его пришествием как раз было охарактеризовано появлением многих пророков, из которых Новый Завет особой чести удостоил Иоанна Крестителя. Правда, возможно, никто из них не называл себя Богом, но и Христос в большинстве был осторожен, говоря о себе, что "сын человеческий не имеет где приклонить голову".

Но, все же, эта *трансцендентная свобода* хотя и не была дана в том смысле, что не была добавлена к имеющимся свободам, но могла быть изменена в своей сущности, чего не сделал Христос, не желая человека сделать рабом большим, нежели он уже был (а о свободах добавлю: когда Христос сказал, что "познаете истину, и истина сделает вас свободными", Ему отвечали: "мы семья Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?" Иисус отвечал им: "истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете."

Итак, *Иисус пришел человека освободить от греха и сделать его истинно свободным*, что и является центром Пришествия и сюжетным Источником всего остального, то есть и Распятия, и Воскресения, и Причастия, и церкви и ожидания конца света – так в центре философского обсуждения "поэмы" – но в действительности *Иисус пришел человека и мир освободить от Первородного греха и власти смерти и тления*, даровать Воскресение и жизнь вечную в инобытии, что и является центром и Пришествия и Распятия и Его Воскресения и обещания Второго Пришествия, страшного суда и конца света.

Не приходил Христос для того, чтобы дать свободу, поэтому поставление ее в центр Карамазовской "поэмы" подменяет весь смысл христианства!

Итак, Христос бродил по городам и весям и обращался к народу с проповедями, избрал себе учеников, и лечил больных и совершал множество чудес: одни из них по необходимости, а другие для того, чтобы привлечь к себе внимание. И слава об этих чудесах распространилась по Иудее... Но, однако, произошло несколько событий, в которых чудеса были или совершены без необходимости (возможно, для привлечения веры или для искушения ее, как, например, накормление людей немногими хлебами и рыбами), или, напротив, не были совершены, что и поставлено в центр Легенды и в центр противостояния Христа и Великого Инквизитора, но по существу является центром противостояния Христа и католичества...

Хотя и это так ли?

4. Христианство и свобода

Если Христос призвал к свободе и ответственности (но воистину ли Он принес свободу и призвал к ней? А как же «духовная литература», проповедующая превращение в листья на божественном древе?), то что такое в любви послушание «батюшке»? Но ладно... В Легенде рассматриваются три Искушения Христа.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.

И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросьсь вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.

Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего.

Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне.

Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.»

Инквизитор говорит Христу: «Приняв „хлебы“, ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе – это: „пред кем преклониться?“ ... и чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно *все вместе*.»

И далее Инквизитор говорит:

«Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: *чудо, тайна и авторитет*. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: „Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего“, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. ...»

Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо *человек ищет не столько бога, сколько чудес*. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. [И] Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: „Сойди со креста и уверуем, что это ты“. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и *жаждал свободной веры, а не чудесной*. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, *они невольники*, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал!»

Комментарий мой воистину влезет в несколько строк, противоположных всей слащавой апологетике христианских философов.

Инквизитор говорит о людях, что они *невольники*, словно бы порицая их за это, а разве христианство не проповедует того, чтобы человек был *рабом божьим*, и даже *служил и естественным господам в простоте сердца*; разве

не проповедуется *умаление гордыни и смирение*, именно до рабства и до бессловесных листьев на древе? И затем, что будто бы «Христос не захотел поработить человека чудом и *жаждал свободной веры, а не чудесной*» – но вся история христианства говорит прежде всего *о вере, в основании которой чудо*. Одного последнего примера достаточно, чтобы поколебалась вся вера человека благонамеренного и здравомыслящего и способного к вере, а не кликушеству. Не говоря уж про *мирооточение* икон чуть ли не в каждом храме, о чем сообщается постоянно в прессе, но *истечение небесного огня в Иерусалимском храме на Рождество* при патриархах и кесарях ныне ежегодно (а не только поклонение волхвов при самом рождении), о чем верующие говорят с замиранием сердца, прильнув к телевизору – разве это не то самое, о чем говорится у Достоевского и что и при нем совершалось постоянно в православной церкви, а не только в пятнадцатом веке у католиков?

Человек и всегда был поработен чудом и никогда не была *свободной его вера, а не чудесной*. Более того, его вера даже в еще большей степени, чем на чуде, была основана на *принуждении*, как и крещение Киевской Руси, как и коллективизация и вступление в большевистскую партию, как сожжение ведьм и миллионные расстрелы в коммунистической России.

Но что мне до абстрактного человека, когда поработены и те, которые призваны вдохновлять поэтов на сочиненье стихов, а они спрашивают у батюшки разрешения на встречи с поэтами! И можно ли это вообразить в девятнадцатом веке, хотя бы в высшем обществе, в России, с ее главенством литературы и музыки? Во Франции, с ее главенством литературы и революции? В Британии, с ее главенством буржуазии? Что же такое тогда *духовная свобода* и что такое *духовное рабство*?

«Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то *и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести*» – заканчивает Инквизитор свою отповедь Христу. А что это не его только слова, а и всей церкви, подтверждается и в культуре, как я приводил уже слова Лоэнгрена, обращенные к Эльзе: «*Но слепо должен верить человек!*»

Окончание «поэмы» о Великом инквизиторе ничего нового не сообщает, но один знаменательный эпизод есть, и знаменателен он тем, что много говорит о путанице в умах христианских писателей вроде Достоевского и Толстого. Что это путаница, достаточно сказано у Конст. Леонтьева, образованного христианина. Но ведь достаточно хотя бы и просто прочитать Новый Завет, не будучи образованным, или Игнатия Брянчанинова, сочинения которого были изданы к 1867 году и были широко известны.

Так вот, Алеша возражает братниному сомнению и неверию и разочарованию в жизни: «А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а *любимая женщина!* Как же жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь?» – горестно восклицал Алеша. А подлинный христианин Игнатий

говорит напротив, прославляя разочарование в жизни: «Как отречься от предметов любви, которые как бы приросли к самому сердцу? – скажи о них Богу: «Они, Господи, Твои; а я – кто? Немощное создание, не имеющее никакого значения». Так любимая ли женщина возражает неверию? Судя по скрытой горечи в наставлении преподобного Игнатия о любви, именно из-за «любимой женщины» он и замуровал себя в христианстве как в склепе...

«...чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный *муравейник*, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» – и если христианство, с его отрицанием народности, и впрямь стремилось соединить всех в *муравейник*, то стремились ли соединиться в него «народности», воюющие за национальную свободу?!

«кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью?»

Да, ныне, увы, после трехсот лет Просвещения, наступило странное время, когда человек без сомнений и размышлений вручил свою совесть и душу во владение церкви и ее служителям, посчитав, что Бог и церковь – это одно...

Ибо человек ничему не учится, каждое поколение начинает историю с нуля. Вчера еще под красными знаменами шли сбрасывать колокола и рушить храмы, сегодня в радостном восторге свою вечную душу готовы вручить любому прохожему, а то и послушаться евангелических заклинаний и двинуться на распятие «душевной любви» во имя духовной...

Или я жду от человека слишком многого?

Нет, я и сам слаб и ничтожен, высмеян и отвергнут, куда уже ниже падать? И единственное, что есть у меня несомненного, это данная мне при рождении душа и совесть и способность любить. Что же это такое?

Возможно ли взаимопонимание?

Я не пытался противопоставить невежеству повседневного человека свою мнимую образованность: выводы из жизни, которыми я руководствуюсь, почти таковы же и сегодня, как и в детстве. Ибо понять мир я должен не для небожителя, а для человека мира, я должен быть таков же, как он, с теми же страстями и предрассудками, а если и возвышаться над повседневным человеком, то очищая страсти (а не преодолевая их) и преодолевая предрассудки, а не очищая их. В чем-то я не преуспел, но что-то мне и удалось. Но остался таким же, как все: «...Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (ап. Павел), – почему же я не могу найти взаимопонимания с ними?

Часто мне кажется, что человек словно бы ускользает из того общего, что обеспечивает нам способность подобным образом мыслить и чувствовать. Что же нас разделяет? Во-первых, смерть (но не будем о ней говорить, ибо в ней заканчивается всё). Во-вторых, безумие.

Как вы знаете, два с половиною года я провел среди душевно-больных, причем почти все, кто там находился, были действительно в той или иной степени больны. Только я был исключением, что подтверждается справкой, которую мне единственному среди бывшего населения СССР выдала высокая Комиссия в 2002-м году, для чего я был помещен в тюремную психбольницу

на экспертизу, проведя там месяц. В справке сказано, что я психически здоров, и там еще много хвалебных слов, в том числе, что я умею читать и писать – и такой справки нет ни у кого в России, тем более среди диссидентов (которым, впрочем, я не был, так как посадила меня эта безумная власть, как безумна и всякая власть, основанная на мифе, только за образ мыслей).

Окружающие меня часто были «инакомыслящими и инакочувствующими», либо мне доводилось наблюдать, как они соскальзывают в такое состояние.

Но могу ли я убедить пьяниц не пить, написав для них специальный роман? Нет. Я и сам пью, и убеждениям не поддаюсь.

Возможно ли отвадить современных молодых от всемирного притяженья любви, написав для них специальный роман, проповедующий воздержание? Нет, никто не воздерживается кроме монашек, и убеждениям не поддается.

И лишь по каким-то неведомым причинам человек начинает думать и чувствовать, что любовь (или чувственная любовь) – это мерзость, и любить надо духовно, каждого человека как брата или сестру во Христе – что можно противопоставить такому образу мыслей и чувств? Ничего. И нечто подобное происходит при всяком выборе ... – и когда толпы экзальтированных девиц стоят в очереди на предание себя власти Господней, остается лишь **смириться** с неотвратимостью потери единения душ.

5. Противостояние

Три искушения Дьявола были отвергнуты, и *чудеса не были совершены*, что и составляет смысловую архитектуру Легенды и центр противостояния Христа и Великого Инквизитора, но по существу является центром противостояния церкви и жизни – и вот в этом месте следует задуматься и быть внимательным... После множества пустопорожних слов и философов, и моих собственных (а я последние три страницы взял еще из своих старых записок), мы видим, что все говорят об одном и том же, повторяя друг друга: «Христос призвал к свободе и ответственности!» Когда и кого он к свободе призвал, если Он только сказал, что «Истина сделает вас свободными», причем Истину Он отождествлял с собою. А что должно было сделать свободным человека при социализме? Только труд, который проповедовался на всех перекрестках так же, как Евангелие в предыдущие девятнадцать столетий, и помимо того, что он стал «делом чести, доблести и геройства», он превратил всех в рабов, потому что нищета была уделом трудящихся, и он же заменял совесть, творчество, религию, культуру и даже любовь! Именно карикатурой на христианство и социализм являлся лозунг на воротах Освенцима: *Труд делает вас свободными!*

Однако, Христос преодолел искушения Дьявола, и за это Инквизитор его упрекает: «чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, ... хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником.»

Но кому же противостоит Христос – и противостоит ли?

Н. О. Лосский в своей книге о Достоевском (с исследованием, в том числе, и "поэмы" об Инквизиторе), говорит об этом так:

«Иван Карамазов хранит еще в сердце своем идею абсолютного добра, но, видя мощь мирового зла и слабость человека, начинает "бунт" против Бога тем, что возвращает Ему "билет" и стоит на распутье. ...вся поэма ... есть острая критика Церкви. Иван Карамазов полагает, что Церковь отказалась от идеала Христа, принизила идеал, приспособила его к слабости человека, к его порокам и себялюбию; вместо того, чтобы воспитывать человека в свободной любви к абсолютному добру, она держит человека в слепом повиновении себе [церкви], а не Богу, положив в свою основу "чудо, тайну и авторитет".

Иван Карамазов высказывает свою "поэму", как критику католической церкви... Он не замечает, что нападение его затрагивает всю Церковь, и католическую и православную. Не замечает этого и сам гениальный творец легенды Достоевский. И католическая, и православная Церковь высоко ценят чудо, тайну и авторитет. И в той и в другой Церкви пастыри не требуют от пасомых ими слабых людей подвигов, заведомо превосходящих их силы, дают иногда надежду людям даже и на внешнее земное благополучие в случае следования указаниям Церкви и запугивают внешними адскими муками в случае неповиновения.

Можно ли защитить Церковь против нападений на нее, содержащихся в легенде «Великий Инквизитор»? Р. Гуардини в своей книге «Der Mensch und der Glaube» говорит, что, согласно распространенному толкованию легенды, «Достоевский защищает в ней дело Христа против наихудшего врага Его. Таким врагом является не простое неверие, а еклезиализм, т.е. «превращение живой связи с Богом в систему гарантий спасения, формул и обрядов». «Благодатная сущность христианства заменяется техникою покорения души, а позади нее таится нечто еще более страшное, именно демоническая воля наложить руку на самого Бога. Выражение всего этого, согласно такому толкованию, есть католическая Церковь...». Гуардини говорит, что он слишком высоко ценит Достоевского, чтобы поверить, что смысл Легенды сводится только к старой борьбе между Византией и Римом...

Легенда Ивана есть вызов, который защитники Церкви могут и должны принять. Можно поставить вопрос, говорит Гуардини: "Не прав ли в конечном итоге Великий Инквизитор в отношении к такому Христу? Не есть ли этот Христос действительно – еретик?" **Христианская Церковь есть "по существу Церковь всех, а не только необыкновенных людей, – Церковь повседневной жизни, а не только героических минут. Как и сам человек, она из средней области возносится в высоту и спускается в глубину". "Христианство Легенды не имеет в основе никакого отношения к этой средней области и таким образом становится нереальным".** Христос, взятый Иваном в оторванной от жизни "чистоте", служит ему для самооправдания в его "бунте" против Бога и мирового порядка, при нежелании в то же время преобразования мира, при любви к миру именно в его несовершенном виде.»

Прекрасно все сказано обоими исследователями, НО...

1. Бунт ли это только Ивана? Не БУНТ ли и Достоевского не только против церкви (и ее выражения в Инквизиторе), но и против *узкого подлинного*

христианства (по Кьеркегору, по Блаженному Августину, по Игнатию Брянчанинову), отвергнутых не только русской литературой 19-го столетия (и даже Вл. Соловьевым), но и всем правящим Европейским сословием, погруженным (хотя бы только высшей своей частью) в великую нехристианскую культуру? Если по существу ни Лермонтов, ни Пушкин, ни Толстой, ни Ницше, ни Вагнер, ни даже Гете и Кант [с его «нравственным законом *внутри нас*» – а не в Библии и не в христианстве] НЕ причащались (в том магическом смысле, который соединил слабого человека с Христом), Его плоти и крови, то почему бы Достоевскому, страстному человеку, бывшему социалисту, заговорщику и каторжнику, поклоннику в молодости "Минночек", на которых деньги давал брат, потом любовнику распутной и ведьмовской Полины, потом поклоннику Игры в рулетку и в карты, для которых приходилось закладывать последнюю юбку жены, потом честолюбивому издателю и редактору журналов (на которые снова шли братнины деньги) [и не пытаюсь себя возвысить сравнением, напомним, что и меня сгубило издательское и редакторское тщеславие, притом у меня не было состоятельного брата, а меценат мой неожиданно разорился!] – пойти против своего века, к концу которого Бог, по выражению Ницше – умер!

2. «Христианская Церковь есть по существу Церковь всех, а не только необыкновенных людей, – Церковь повседневной жизни, а не только героических минут.» – и именно к этому она шла две тысячи лет, истребляя своих еретиков и отступников от **узкого пути**, распадаясь на множество противоборствующих церквей, каждая из которых присваивала себе Истину. И это она стала еретиком, отступницей от проповеди Христа, призвавшего ОТРИНУТЬ МИР. Против кого направлен Бунт Ивана? Разве против церкви? Разве против мира? Разве против человека? Нет, против Бога. И не только против Бога непостижимого, Демиурга, Вседержителя, источающего Дух Святой, но и против Бога воплощенного, вочеловечившегося – для чего и кого? (в этом тоже много вопросов).

На стороне ли Христа или на стороне Инквизитора (имея в виду не безжалостного палача миллионов, а идеолога исправленного учения?) Иван, а вместе с ним Достоевский? (Кстати сказать, не надо забывать, что и в Новом Завете проповедуется вовсе НЕ прощение, а покаяние и возмездие, и оправдав одну и другую красивую блудницу – и они и составили основание Его исторического пантеона святых – Он вар и смолу призывал на головы большинства).

3. Достоевский немало жил в Европе, и был хотя человеком запуганным и во многом отказавшимся от взглядов молодости, но и общался с людьми незаурядными, как Данилевский, Страхов и Вл. Соловьев, и в общественных взглядах не совпадал с официозом (о чем говорит последовательное закрытие двух его журналов, «Время» и «Эпоха»), и художественно был одарен не только способностью воображать и представлять, но и способностью глубоко мыслить, хотя и по-женски – точно ли он на стороне христианства против социализма? [Мне ли не сомневаться, тридцать лет симпатизировавшему христианству и ненавидевшему марксизм?] ⁽¹⁹⁾

6. Свобода или рабство?

Когда нечто чуждое срастается с душою и плотью, то остается один путь для тех, кому это нечто кажется чужеродным: соединить его в себе в некую целостность и изменять в соответствии с собственной сущностью. Так выживает народ под властью победителя, растворяя победителя в своем теле, или соединяясь с ним в один новый народ, как британские племена отчасти растворили пришельцев саксов, отчасти соединились с ними, как и галлы растворили в себе франков.

Русские крестьяне были насильно обращены в православие, и тем не менее все православные праздники в деревне праздновались точно так же, как и тысячу лет назад, и Воздвижение крестьянин характеризовал как *сдвижение гадов на зимнюю сячку* (а не Воздвижение креста, на котором был распят Иисус), и Ночь на Ивана Купалу (то есть Иоанна Крестителя) оставалась тою же языческой во времена моего детства, что у финнов и древних славян.

И в какой степени христиане даже те, кто ходит в церковь и искренне считает себя христианином, это большой вопрос.

Символами христианства я бы считал «Рабы, повинуйтесь своим господам», «Раб Божий» и «Да будет воля Твоя, а не моя!» (слова Христа на кресте) – отсюда следует, что христианский миф превозносит смирение и растворение в воле всевышнего, но не личность и личную волю. И в совокупности с множеством других символов и повелений очевидно, что это религия духовного рабства, но не духовной свободы.

Однако *Русская религиозная философия* задалась инстинктивной целью преобразовать миф так, чтобы он вдруг стал, вопреки самому себе, проповедовать свободу. Произошла подмена, как говорят, *парадигмы* (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») – совокупности фундаментальных установок, объединяющих научное или философское сообщество в отношении к объекту умозрения).

В некотором смысле это новое христианство является иллюзией, образом, данным воображением, но в связи с тем, что литература в девятнадцатом столетии стала сама религией, иллюзия начала перерастать реальность.

О Достоевском Лосский говорит, цитируя Гуардини: «любящие Церковь ясно видят мучительную истину», заключающуюся в указаниях на недостатки в земном осуществлении Церкви. Достоевский с молодых лет и до конца жизни видел их так же и в православной Церкви, но понял, что бороться с ними нужно, оставаясь внутри Церкви, а не выходя из нее.» Так, следовательно, он был не апологетом, а реформатором? Такая точка зрения не противоречит тому, что говорю и я, правда, я думаю, что в большей степени Достоевский желал решительного преобразования христианства в сторону европейского просвещения и гуманизма, но с удержанием русской иррациональности и душевности (вероятно, подобные настроения были и у его друга Вл. Соловьева). На чьей стороне он стал бы сегодня, приветствовал бы возрождение клерикализма? Уверен, что нет.

Но не будем гадать. Несомненно, что в отличие от К. Леонтьева, великий писатель ожидал (под общим символическим наименованием христианства)

наступления эпохи, в которой будут царствовать Любовь (в смысле Владимира Соловьёва, но не Игнатия Брянчанинова), Красота, Свобода, и именно эта новая Троица и будет главенствовать и определять преобразование мира.

Но какова сегодня церковь, каков сам человек? Я думаю, что бессмысленно искать общий знаменатель и для одного понятия и для другого, изменились и церковь и человек, и их взаимоотношения.

Нет и не будет Великого Инквизитора, не будет церкви, главенствующей над обществом, следовательно, по-прежнему будут существовать два христианства – узкого пути и широкого, и по мере того, как мистическое влияние призыва оставить детей и мужа и пойти за Христом будет ослабевать, значение церкви в жизни естественного человека все более будет снижаться до чисто культурного влияния, снижаясь до проповедей и обрядов (как это и происходило в жизни образованного сословия в последние двести лет).

Особняком остается еще древнее магическое ядро в религиозном мифе, *христианство как магия*, с его культом Причастия, Послушания, Растворения в Боге и божественной воле, даже усилившееся с течением времени.

7. *Существование*

Существующее существует в трех формах, во-первых, в сложной форме **существования**, например, реально существует завтрак; если бы он нам только казался, мы бы умерли с голоду.

Во-вторых, в простой форме **несуществования**, так, например, не существует четырехугольный круг, «жизнь на Марсе», луняне, счастливая любовь (?) (или она все же иногда существует?)

И в третьих, существование и **несуществование** представлены иногда в форме, которая не является ни существованием ни несуществованием, таково отчасти **чудо** и вся сакральная действительность, то есть Инобытие в виде эманаций в Бытии.

Подлинна ли Туринская плащаница?

Если бы было возможно установить не-подлинность всякого чуда; то отсюда бы следовало, что *сакральное* НЕ существует; если бы было возможно установить подлинность чуда, то это значило бы, что вера бессмысленна.

Чудо уже разрушает двоичность бытия, распадение его на есть-нет.

Даже вероятностные связи и вероятностные причины событий разрушают детерминизм и жесткую обусловленность мира.

Христос проповедовал три года, но ни у одного римского историка нет о нем упоминаний. В чем дело?

А дело в том, что это события не истории, а МетаИстории.

Они не входят в историю, но и история не совсем входит в метаисторию.

Явление ангелов и чертей отшельникам, явление святых Елизаветы и Маргариты Жанне Д*Арк... Легче всего сказать, что это галлюцинации и иллюзии, но я встречал много тех, кто с галлюцинациями, они не могли бы не только штурмовать Орлеан, но даже убеждать сомневающихся. Правда, юродивые тоже не могут связно общаться с нами, но соприкосновение с *несовсемреальным* существует у всех, например, в блаженстве любви, когда словно растворяешься в Северном сиянии...

8. Итоги предыдущего разговора

11 декабря, 11-39. Сегодня в моей жизни знаменательное событие! Но не скажу, в чем оно состоит, а то еще читательницы могут подумать, что я еще родился во времена Христа и воскликнут: И этот нахал еще за девушками бегаёт! Вечером иду в баню с двумя товарищами, один из которых не пьёт, и я буду ему подражать. Торжество будем праздновать завтра в кафе неширокой компанией, и пить будем весьма умеренно, второму, который пьёт, наливать буду из фляжки из-под полы (в кафе пить дорого).

Однако, надо продолжить наш общественный философский разговор, который меня уже стал разочаровывать, особенно разочаровывает Бердяев, еще, правда, с тех пор, как мы лежали с ним и апостолом Павлом на "Пальме".

Продолжу наше обсуждение опять *ab ovo* (с яйца, с которого римляне начинали завтрак).

Грехопадение состояло в том, что Ева послушалась "батюшки", съела запретный плод, возникли у нее всякие греховные пожелания, да еще привлекла она к сему и Адама, и пошло-поехало, из-за чего и я теперь тоже страдаю. Грех можно считать состоящим из двух: непослушания и похоти плоти (чтобы не спорить с законниками, сводящими иногда все только к непослушанию)

Результатов из греха тоже два: поскольку похоть была не-христианской, то начали из нее рождаться дети (как сие доказал замечательный, причем христианский, философ Вл. Соловьев) и в результате образовался русский народ, с одной стороны богоносец, в чем был уверен наш собеседник Достоевский, с другой стороны богоборец, что предполагали Леонтьев, Розанов и Мережковский. Я же предполагаю, что у нас совестливые женщины, печалются из-за Евы, думая, что она согрешила (в то время как она совершила подвиг), и теперь неуёмно пытаются поступать, "как батюшка скажет", что зато печалит меня и других мужчин, посему народ наш делится надвое, и так и сяк. Второй же результат состоит в том, что съев этот замечательный плод, Ева даже слегка поумнела (хотя женщине это не всегда обязательно, она хороша и так) и стала разделять добро и зло и более того, получила право выбора между добром и злом (а не по назначению родной коммунистической партии или приходского батюшки), то есть получила впервые **свободу**, которую можно считать вторым онтологическим приобретением после того, как после сотворения женской и мужской плоти творец вдохнул в сию сначала, по-видимому, чисто животную плоть еще и **душу**.

И посему свобода дана еще Творцом, но в обмен на потерю невинности, во-первых, и вечности, во-вторых (и не потому ли, что Ева и Адам потеряли невинность неодинаково, она, так сказать, была более дерзновенной, оставлено ей более ощутительное напоминание об этом замечательном, хотя и греховном ее поступке, и все ее правнучки с сим грехом повязаны кровью?).

Но главный факт для нашего разговора о свободе, грехе и счастье состоит в том, что **свобода дана Творцом**, а Сын Божий ее если лишь подтвердил.

"*Батюшка*" разрешил нам поступать по собственной воле и грешить сколько нам вздумается, хотя за это мы уже при жизни расплачиваемся, да еще обещает Он нам и загробные муки, а Сын Божий обещает нам вечность вернуть (пока обещанного мы еще ждем), хотя взамен требует от нас

отказаться от этого падшего мира – раз, от тех соблазнов, которые открылись Еве и которые она открыла Адаму – два, и чуть ли не от всего остального, в том числе от нашей собственной воли, дарованной Творцом, чтобы отныне во всем подчиняться тому, *что батюшка разрешит* – три.

Так стоило ли огород городить? Зачем было грешить и мучиться, если нас обещают вернуть в состояние листьев на Древе Господнем, только отняв всю уже имеющуюся у нас свободу?

И есть ли смысл в обсуждении "поэмки" Ивана Карамазова, если с самого начала разговор принимает характер бесстыдных подмен понятий, смыслов и даже архаических фактов, то есть подмен даже их собственного Священного Писания?

Христос сказал: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными!» Он не сказал, что он принес свободу, хотя в Евангелии от Иоанна говорится: «закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Затем далее Он говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.» И, наконец, Пилату Он говорит: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

И Отсюда следует, что *источником Истины*, а через нее *и свободы*, которая является следствием Истины, является Христос, то есть является *вера в Иисуса Христа* – но следует ли из этого то, что утверждением свободы человека являются искушения дьявола, к чему сводятся все диалектические рассуждения философов, особенно Бердяева, любителя плести словесные кружева вокруг его излюбленной свободы, в которой он понимал еще меньше, чем я в любви?

Об искушениях Христа я писал, и *они* сказали достаточно, и в "поэмке" говорится тоже – и добавлю лишь несколько слов о втором искушении, которое имеет отношение не к Его отношениям к людям, а только к нему самому. Как читатель должен был увидеть, читая Новый Завет, в нем нет указаний на (само)уверенность Христа в том, что Он Сын Божий, постоянно в его поведении и словах проскальзывает в том некоторое сомнение, особенно сильное при Распятии (и композиторы, создававшие об этом симфонические произведения, горестное Его сомнение чувствуют хорошо и поставили в центр своих трагических сочинений. И дьявол хорошо знает об этих сомненьях Христа и предлагает ему раз и навсегда с ними покончить, выяснить, точно ли Сын Он Божий или ему это только мерещится, и предлагает ему броситься вниз с крыла храма: «ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя». И Христос отвечает ему: "написано также: не искушай Господа Бога твоего!"

И хотя нам и придется еще вернуться к искушениям, разбирая воззрение Инквизитора на всё сие, но теперь скажу особо о последнем искушении, оно никак не связано ни со свободой, ни с сомнениями Христа, оно связано только с его миссией.

– Если ты Сын Божий, – кричали Ему, – сойди с Креста!

Но Он безропотно претерпел до конца предназначенные Ему муки, потому

что не связаны они были ни с сомнениями Его, ни с свободой человека, а только с Миссией, исполнить которую призвал Его Отец небесный.

Преодолеть первородный грех Евы и тление мира и вернуть человеку вечную жизнь, которую уготовил ему царь небесный, можно было одним лишь путем: кровавою и смертною жертвою Сына Божия [и именно **кровь** в основаныи всего, и без крови почему-то нельзя, и я пока понять этого не могу, хотя писали об этом уже и В. В. Розанов и Геннадий Муриков.]

Именно в этом и состояла цель пришествия Иисуса Христа в мир и воплощения Его в человека, и к этому Он и шел в течение всего своего земного пути, поэтому на кресте он осуществлял свою миссию, и ни на что другое отвлекаться уже не мог, ибо все другое было ничтожно в сравнении с главным. Не надо было ему уже ничто никому доказывать, но только принести себя в жертву. Поэтому крики толпы у Голгофы были только насмешкой, такою же, как крики толпы, беснующейся около костра, на котором сжигали Жанну, и где ее называли ведьмой.

[Так же, как *"то что внизу, подобно тому что вверху"*, и в нашей земной жизни и истории немало можно увидеть подобий. События пятнадцатого столетия, Война Алой и Белой розы, о которой заговорил я, как мне казалось, случайно, а затем уже по необходимости вспомнил и Жанну Д*Арк, естественным образом дополняют сакральные события из земной жизни Христа. Чудесная история самой Жанны начинается с того, что она приходит к королю, который терзается сомнениями, точно ли он сын короля, и хотя никому не поверяет своих сомнений, но из-за них не предпринимает решительных действий в борьбе за престол Франции, и Жанна ему о них говорит, и устраняет сомнения, и предсказывает, что скоро он будет коронован в Реймсе, но через два года ее сжигают как ведьму, а Иисус был распят, и в насмешку на кресте Его было написано: Се царь иудейский.]

Итак, второе искушение Христа касалось его собственной природы, да и в Легенде о нем не говорится, а в третьем искушении дьявол предлагал ему все блага мира, если Он поклонится ему, и Иисус его предложение отверг.

Следовательно, спор между Христом и Инквизитором мог идти только о том, что Христос отверг предложение дьявола обратить камни в хлебы – и об этом мы еще и поговорим.

Читатель мог с удивленьем заметить, что я спору с великим писателем и с прославленными русскими философами, а перед тем ввязался в спор с датчанином, – но споры эти не менее серьезны, чем при расколе Византии и Рима по поводу истечения Святого Духа только ли от Отца или от Отца и Сына, или при расколе с Протестантизмом или при Русском расколе, и не спросит ли он, зачем писать и спорить о том, что практически никому не понятно?

Но к непонятному относится девять десятых того, благодаря чему мир еще существует, даже куда-то еще движется, непонятны ни "теория Большого взрыва", ни моя собственная "теорема о непрерывности вещественного ряда", ни «теорема о неполноте аксиоматики», а потому все еще непонятен смысл христианства, (а без понимания жить невозможно, как без *любимой* или без Бога, это нам только кажется во сне, что возможно)...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТРЕУГОЛЬНЫЙ КВАДРАТ

1. Еще одно предисловие к последнему разговору

11 декабря, полночь. Я уже надеялся, что в предыдущей главе сумею все высказать, что думаю в связи с этой легендой, притом высказать лучше, полнее и глубже других, и роман мой пока можно будет на этом закончить. Но вижу, что пока сумел только уяснить сам для себя предмет разговора и только теперь могу к нему приступить.

И только теперь смогу сформулировать, что хотел этой поэмой сказать Достоевский, и что существенного говорят другие.

Увы, и я менее проникателен, чем самонадеянно думал, и другие, к счастью, более проникательны, чем мне сгоряча показалось.

2. Перечитываем заново. Свобода и чудо

Начнем заново читать "поэмку" Ивана Карамазова, дополняя чтение, в случае необходимости, краткими комментариями.

Сцена первая - Пришествие. «И вот Он (Христос) возжелал появиться хоть на мгновение к народу, – к мучающемуся, страдающему, смердно-грешному, но младенчески любящему его народу. Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры и "В великолепных автодафе Сжигали злых еретиков".» ...

... Он ходит среди народа... Но вот раздается вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам его: «Если это ты, то воскреси дитя мое!» – восклицает она, простирая к нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам его. Он глядит с состраданием, и уста его тихо и еще раз произносят: "Талифа куми" ... Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. ...

... «вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. ...

Он всё видел, ... и лицо его омрачилось. ... Он простирает перст свой и велит стражам взять его. ...

Толпа моментально, ... склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо.

Стража приводит пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в нее.»

Комментарии. Разговор **нам** предстоит трудный, сложный, запутанный, возможно, уже с самого начала бессмысленный, или неотвратимо склоняющийся к бессмыслице как единственно возможному результату.

Саму главу я не случайно назвал «треугольный квадрат», которых в природе не существует. Представим себе, что кто-то начинает доказательство математической теоремы так: «*Возьмем треугольный квадрат и рассмотрим ...*» Но если можно "*взять треугольный квадрат*", то существует все, что угодно, и доказательства уже не нужны, все доказано, из "треугольного" вытекает!

Если даже между *подлинным христианином*, вроде Кьеркегора, и *христианином посюсторонним* почти невозможно взаимопонимание (я слышал, как образованные люди в сердцах восклицали, что не понимают, о чем он говорит), то тем более оно трудно между *христианином* и атеистом, между верующим в чудеса и отрицающим их существование.

[А если мы не сумеем друг друга понять, то скоро в Европе будут взрываться мины на каждой улице и в каждом подъезде.]

И вот почему я снова начинаю *ab ovo*, то есть читаю текст, считаю стулья, определяю понятия.

Перечислим явления. Во-первых, существует Новый Завет и Библия в целом как литературный факт, образованные: христиане, иудеи и атеисты и религиозные люди, не погруженные в архаическое сознание – тем не менее все с текстом Библии знакомы, ограничимся притом Новым Заветом.

Во-вторых, существует Иисус Христос, Сын Божий для *христиан* и "великий пророк" для других, в частности, для того раввина, с которым я однажды о нем разговаривал, и который со страстью воскликнул: "Да разве мы его отвергали? Мы почитали его больше других пророков, но он же посягнул на то, что объявил себя Богом, а это самое страшное святотатство!"

Писатель и философ должны выступать в некоторой степени от *всеобщего человека* (как в келье у старца Зосимы, где разговор об отношениях церкви и гражданского общества не протекал же в таком ключе: "несомненно, что Христос Сын Божий..." – нет, и для Федора Павловича, и для Миусова, и даже для Ивана Карамазова эти слова не составляли основу аксиоматики!

Аксиоматика должна быть общей для всех, и параллельные прямые не должны пересекаться в той геометрии, по которой устроено пространство сцены, на которой мы собрались для обсуждения знаменитой Легенды. (Потерпи, читатель, без этих пространственных отступлений никто из нас ничего не поймет!)

Согласимся только, что Иисус Христос – Сын Божий в пространстве Нового Завета и в пространстве "поэмы", входящей в роман Достоевского, – но не будем настаивать на том, чтобы все участники Круглого стола признавали Его Богом. Саму Легенду будем читать последовательно, разбивая ее на сцены.

Итак, описывается пришествие Христа в Севилью.

Выражение из этого описания "смрадно-грешный народ" нельзя принять без комментария, это не аксиома, если мы его пропустим как само собой разумеющееся, то и все остальное, что мы собираемся обсудить, превратится в набор аксиом – чему тогда я буду возражать? Не для всех несомненно, что мы живем в падшем и "смрадно-грешном" мире, что Христос его спас и теперь мы все, отчасти спасенные, ждем Его второго пришествия – по крайней мере с этим не согласны иудеи, с этим не согласится и Розанов, якобы собиравшийся перед смертью пройти обрезание и стать евреем и заключить иудейский, а не христианский Завет с Богом (как о том пишет Геннадий Муриков).

Необходимо сделать еще замечание относительно **чуда**.

ЧУДО входит в жизнь христианина, переживает ли он мир как исполненный чудесного, потому что верит в Бога и в Сына Божия, или он верит в Бога, потому что сталкивается с чудом в священном предании, в

церкви, в жизни, в исторических хрониках, в телевизионной пропаганде – установить не всегда возможно. Большинство верующих убеждены, что чудеса, о которых он слышит или читает, существуют в действительности, и я сам сталкиваюсь с ними (хотя и не доверяю тиражированному мироточению икон и зажжению церковных свеч небесным огнем) – но поэтому дал ли Сын Божий человеку свободу веры или убедил его верить с помощью чуда – не совсем ясно... Однако если НовоЗаветная проповедь призывает христианина жить *по воле Божией* или *как батюшка скажет* – то это ли свобода?! И пришел ли Он расширить свободу, которая уже была у иудеев (к которым принадлежали и ученики Его и Он Сам, ибо по рождению Он иудей и был в положенное время обрезан, как о том сообщается в Новом завете) – или Он пришел отринуть мир и сделать всех *рабами Божьими* и обратить в листы на Древе Господнем? Но "смердно-грешный" (*) мир требует еще комментариев!

Сцена вторая. Свидание в тюрьме.

«... настает темная, горячая и "бездыханная" сеvilская ночь. ... Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается.

... тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: "Это ты? ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. *Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде.* Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь", – прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника.»

Комментарии. Всякий роман целостен, замкнут на себя и завершён. Отчасти таков в жизни и любовный роман – расстаются, увы, навеки, хотя любовный роман хотелось бы продлить. Но художественное произведение нельзя ни расширить ни продлить, оно закончено и уже неизменяемо.

Что же такое Новый Завет? Это Миф, эпос, но это и роман, представляющий судьбу главного героя, Иисуса Христа, и представляющий судьбу некой мета-идеи, вбирающей в себя мир с его происхождением и завершением, но не объяснение мира, не историю мира, а предписание миру, каким ему казаться и каким ему быть.

Судьба мира от первородного греха до Апокалипсиса.

Можно ли в роман, вошедший в литературу, проросший в нее, неотделимый от всей ее толщи, вдруг начать вносить изменения?

Нет!

И не только этого права нет у историка, у критика, но нет такого права и у автора. Христианство написано, его создавал не только Христос, но и ученики Его, и Пилат, и стражники, и порочные девы, ставшие святыми.

Нечаянно восставший к жизни автор уже опубликованного художественного произведения не вправе его изменять – и это требование справедливо для всех. (Почему же надо удивляться словам Инквизитора, обращенным к Христу?)

К тому же, Первое пришествие Христа закончено как мета-историческое явление, его нельзя подправлять и корректировать, и поэтому нечаянный приход Христа в Севилью... невозможен, если Христос Бог, потому что не может Бог изменять математические формулы, раз уже им данные; если же Христос не Бог, но лишь пророк, то тем более не может он изменять исторический контекст, в котором существовал и продолжает существовать.

Сцена третья. Продолжение разговора.

«Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“? Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивой усмешкой.

Комментарии. Античный мир вдохновляет свою величественной слаженностью во всех частях, если его представить в виде романа или даже в виде сборника афоризмов, то он поразит воображение всякого просвещенного человека: О, философия, вождь жизни!.. О, времена, о, нравы! Любовь побеждает всё!

При этом порицание миру и человеку уравнивается восхищением, горечь – надеждой, печаль – радостью, гнев – любовью... Не воспеваются ни смирение, ни рабство, ни поражение...

Христианство – только обвинительный приговор человеку, ибо, якобы, даже «святость человеческая смердит перед Богом.»

Но разберем спокойно, что возражает Инквизитор Христу.

1. «*Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо...*» – а разве не чудо в основании веры и всего Нового Завета, и даже Ветхого? Чудесами пронизана жизнь церкви, подвиги святых, даже у сурового, не склонного к романтическим восторгам протопопа Аввакума приводится свидетельство, что у его сподвижников, которым усекли языки, они чудесно вновь отросли. Разве Достоевский этого не знал?

И разве чудо отрицается человеком, способным видеть мир восхищёнными глазами? Убери чудо – и Бог, возможно, останется, но мир поBLEКнет, словно погаснут на небе звезды.

Приходится повторить, что **движение мира подчиняется Причине, Случаю и Чуду.** Когда благое происходит, но мы не ожидаем его, потому что причина невидима, то в неопределенной степени его можно считать отчасти чудесным, и это будет чудом в результате естественной причины. Когда благое происходит без причины, то есть как *случайное* (таковы, например, падения метеоритов, а из них человек получил железо), то это подобно чуду во всей его неожиданности. И, наконец, многое происходит так, что невозможно установить источник происходящего, ибо чудо иногда рядится в одежды обыденного, как и обыденное рядится в одежды чуда. Многое в

нашей жизни не делимо на естественное и чудесное, но многое совершается так, что профанирует чудо, как продажа индульгенций в Средние века и «чудесное» возжжение рождественских свеч в храмах небесным огнем. В повседневной жизни человека, способного прозревать мир сквозь его внешние покровы, чудо происходит чаще и чище, чем в современном храме, обращенном в убежище нищих духом.

Чудом является мир и человек, и очаровательные женщины, которыми мы восхищаемся, хотя они нас и мучают – но мучения уже забываются, а воспоминания удерживают нас в восхищенном и благодатном переживании мира. Счастье страдания, счастье даже несчастной любви выше всех обыденных удовольствий.

Увы, Достоевский сконструировал этот эпизод словно для того, чтобы запутать и себя и нас в ложных противопоставлениях. Инквизитор чудо ставит в основание веры, но упрекает в том Христа...

И вера и любовь (не в их земном, а в том, что возвышает их над жизнью) **онтологически совпадают**, природа их непостижима, есть и причина, и случайность, и чудо в слиянии их, вдруг засияло небо в Северном сиянии, потом оно погасло, любовь – это волшебный сон... но я говорю еще о любви, как о дополнительной музыкальной теме. Наша жизнь происходит в мире, из которого иногда открывается дверь в Концертный зал, и в шум повседневной жизни вплетаются аккорды еще одной музыки, возвышая и просветляя ее... Все ли я объяснил, во всем ли я оправдался?

2. *«свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад»* – христианство не дорожило и не дорожит свободой людей... но не будем об этом спорить. Духовенство и богословие и проповедовало только послушание, смирение и повинование воле Бога, воле господина, Кесаря и начальства (но даже и мужа жена должна убояться, и любовь к Богу должна произрасти из Страха Божия – перечитайте Конст. Леонтьева) – но русские «богостроители» (вероятно, весь этот Круглый стол, начиная с Достоевского) ведут разговоры не о *подлинном христианстве*, а о своей собственной разновидности *христианства поюстороннего*, которое и у разговаривающих у каждого свое, поэтому-то трудно спорить и возражать.

«Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“?» – что-то я не помню, чтобы об этом Христос нам когда-нибудь говорил...

3. «Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчиво усмешкой».

Во-первых, боюсь, и сегодня человек в среднем не лучше того, который был пятьсот лет назад или две тысячи, и если не виноват в том христианство, то по крайней мере ему не удалось изменить человека к лучшему. Впрочем, об этом должен был бы идти совсем другой спор... Христианство и не ставило задачи сделать человека лучше (вероятно, не стремилось его сделать и хуже), оно стремилось его изменить в соответствии со своими замыслами, то есть чтобы он был исполнен слепой веры и безусловного послушания. Стремилась ли большевики сделать человека лучше (будучи в некотором смысле одной из христианских сект)? Большевики превратили почти всякого

городского человека в негодяя! Миллионы лучших были расстреляны, оставшиеся голосовали на своих собраниях за эти расстрелы.

И я, подражая Инквизитору, многих из них вырыл бы из могилы и публично сжег!!!

Но Инквизитор оправдывает себя тем, что этот народ, с которым он проводит свои эксперименты, это ничтожества, «сплошь до одного все негодны», как говорит апостол Павел в Новом Завете.

Христианство принесло презрение и ненависть к человеку, оно унизило человека, чтобы оправдать свою проповедь отрицания мира, Страшного суда, Конца света и Ада (ВЕЧНЫХ мук). Одной только идеи **вечных мук** – за какие бы то ни было *временные* преступления – достаточно, чтобы понять, что христианство – не только не совпадает с гуманизмом – но оно бесчеловечно. (Или снова Европа должна покрыться кострами, чтобы новые верующие, наконец, ими насытились?)

Человек, вообще говоря, плох. Я сам его постоянно обличаю. Но среди них множество замечательных, добрых, красивых и умных (особенно среди женщин). Но это еще НЕ правда. Правда состоит в том, что человек, вообще говоря, не так уж и плох. Многие поверхностны – но и я не так уж умен. А в России все беды проистекают от того, что зло сконцентрировано в русских правительствах. *САТАНА здесь правит бал – вот в чем беда России*, а не в том, что люди здесь так уж плохи – люди здесь часто даже весьма хороши, только водка плохая, цари дурные, а псари еще хуже.

И если бы Бог вдруг проснулся, опомнился, восстал от своего равнодушия (или лени) и сделал меня властителем, то я единственное что бы сделал – передал власть правительству умных и НЕ жестоких и НЕ жадных, и надзирал бы над ним. Вот и все. Рай, возможно, и не возник, но на небо уже стремились улететь бы не все.

Однако, я опять уклонился в сторону. Вернемся к "поэме".

3. Интродукция. Разговор Ивана с Алешей. Пояснения

– А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?

– Да так и должно быть во всех даже случаях, – опять засмеялся Иван. – Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано. Если хочешь, так в этом и есть самая основная черта римского католичества, по моему мнению по крайней мере: «всё, дескать, передано тобою папе и всё, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере».

Комментарий. Невозможное – не чудесное, а именно невозможное, вообразимое существование – Достоевский добавляет к историческому христианству, то есть к треугольнику и квадрату – «треугольный квадрат», меняя всю его архитектуру, переосуществляя историю Европы под властью церкви в ожидании Второго пришествия нелепым полу-пришествием – о чем тут спорить и с чем соглашаться? Полу-пришествия не было. Но что можно было бы сказать, если бы оно было? А есть ли смысл в обсуждении того, что никак не встраивается в историю? Надо ли было бы семи мудрецам, ввязавшимся в обсуждение Легенды, спорить, например, о европейской истории под

влиянием победы Наполеона в Ватерлоо, если бы автор романа сочинил поэму на эту тему? Не уверен... И я ввязался в бессмысленный спор только из-за громких имен.

Но, впрочем, предположим, что Инквизитор спрашивает сам себя и себе отвечает. (Да, надо еще заметить, что вопросы его адресуются к Церкви как государству-идеологии, точно такому же, как «Советская власть в России», то есть адресуются ко всякой церкви, а не только к католической).

И вот он говорит себе:

«Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко.»

Комментарий. Нагромождение лжи...

Если говорить о свободе действительной, общественной, то ее не было никогда, с самого возникновения христианской церкви в ней уже шла борьба, церковь сначала в Риме, потом и в Европе и существовала и стремилась существовать только как государственная идеология, как дополнение и подтверждение государства, и у нее всегда была сила и власть, которую она употребляла на ниспровержение инакомыслия. Я тому привел множество примеров, и "*Пепел Гипатии Александрийской и пепел сожженной христианами Александрийской библиотеки стучит в моем сердце!!!*" (еще с IV века.)

Но, возможно, речь идет о свободе *онтологической*, о свободе как о категории, поставленной в основание христианского учения? Исторически свободы не было, жгли, топили, замуровывали монашек с младенцами в стену монастыря, рубили головы, сажали в тюрьмы, как Кампанеллу, распинали (но помни, читатель-христианин, и о боярыне Морозовой – ее-то слезы не жгут твое сердце?!) – но в богословских трудах предписывалось писать в назидание потомкам: "*Я пришел дать вам волю?*" Так ли? И это предписание богословам мучило Инквизитора, и он с ним пятнадцать веков боролся?

«Я опять не понимаю, – прервал Алеша, – он иронизирует, смеется?»

– Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что **наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми.**

4. Спор Инквизитора с Христом. Противостояние свободы и счастья

«Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, – говорит он Христу, – ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам [то есть, устроил церковь (конечно, в значительной степени условно, церковь создавалась учениками)]. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?»

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, великий дух говорил с тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы „искусшал“ тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил тебе в трех вопросах, и что ты отверг, и что в

книгах названо „искушениями“? А между тем если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшно духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных – правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов – и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, – то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что всё в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более.

Реши же сам, кто был прав: ты или тот, который тогда вопрошал тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: „Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то *обетом свободы* [если принять снова по умолчанию этот "треугольный квадрат", то разговор-спор наш снова станет бессмысленным. Возможно, он бессмыслен уже давно; если признать аксиоматически, что христианство принесло человеку свободу, противостоя античному миру как рабству, что Христос и пришел к человеку с *«обетом свободы»* и для того и пришел, чтобы его принести его, что никак не подтверждается в тексте Нового Завета, то мне уже надо замолчать и сжечь мою рукопись. Но тогда надо восстать из гроба Вольтеру, Джордано, Жанне, всем погибшим в Французской революции, которая была, при всех ее противоречиях, революцией освобождения от феодального и от духовного рабства, перечеркнуть все русское освободительное движение – но в том-то и дело, что сегодняшний ренессанс христианства в России – это невиданная в истории контрреволюция, это отмена русской истории, отмена не только протопопа и боярыни, но и Радищева, и декабристов, и того позорного столба, у которого с мешком на голове стоял сам Достоевский в ожидании казни ни за что, отмена того позорного столба, у которого в ожидании гражданской казни стоял Чернышевский, отмена русской классической культуры девятнадцатого столетия, отмена и самого Достоевского и всех семи мудрецов!], которого они, в простоте своей и в *прирожденном бесчинстве своем* [опять?!], не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – *ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!*»

5. *Ложь как основа духовного подавления*

Снова "треугольный квадрат"... Большевицкая революция была не Рождеством, а абортom, это была трагедия мировой истории, она ничему не научила Европу, ничему не научила Россию, она угробила Россию как империю, сломала хребет русскому народу, она уничтожила – физически уничтожила – все духовные и интеллектуальные силы в русском народе. Пять миллионов образованных людей погибли или были изгнаны.

Литературное наследие предреволюционной поры и наследие эмиграции были недоступны новым русским интеллигентам, выросшим из крестьян, приехавших в городские университеты.

Но по счастливым обстоятельствам я оказался среди нескольких только человек, которым удалось читать Розанова еще в юности, которые сталкивались (хотя бы по крохам) и с эмигрантскими изданиями, читали Солженицына, читали свободно издания девятнадцатого столетия (а сам дух и запах тех книг нес свободу), слушали русскую музыку конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия, собирали книги и пластинки – а в детстве и в юности на меня обрушивалась советская ложь, провозглашающая советскую власть и марксизм как цитадель свободы – так мне ли поддаться «Евангелию от Феодора»?

Но точно ли защищает он христианство? Вставная эта легенда противоречива – но ведь и само историческое христианство основано на онтологическом противоречии, на абсолютном отрицании мира с одной стороны и на главенстве церкви христовой (внемирной) в этом падшем не существующем словно бы мире с другой стороны.

Большевики отменили свободу слова и свободу совести, не говоря об отмене гражданских свобод – но разве была свобода совести и до них?

Да, против свободы боролись все, и папа римский, и бояре, и инквизиция, и государство, и христианство, и марксизм, и духовная цензура, и светская, Домострой и Уголовное уложение – не скажу, что за нашим Круглым столом провозглашен новый Крестовый поход против свободы – но все же, «пока свободой горим, пока сердца для чести живы», не смею я пропустить без отповеди лживое заявление Великого инквизитора (нашедшего в несвятом Феодоре своего пропагандиста), будто «*ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!*»!

Или с этим согласен сам Достоевский? Или согласны философы, среди которых "певец свободы" Бердяев? Но в возражение этим лживым словам о *невыносимости свободы* провозглашаю: По крайней мере с двенадцатого столетия в европейской культуре основной ее движущей силой стала борьба за *духовное освобождение* против религиозного обскурантизма!

В значительной степени и *ереси* можно считать выражением свободомыслия, притом о них говорится уже в Новом Завете, в посланиях апостолов Петра и Павла.. Во II веке появляется сочинение Ириния Лионского "Против ересей", несколько позже сочинение Тертуллиана "О проскрипции (против еретиков)". Тертуллиан объяснял возникновение ересей так: "Если бы кому угодно было спросить, кто возбуждает и внушает ереси, я бы ответил: дьявол" (и моя проповедь правды, не сомневаюсь, будет отнесена к козням Дьявола).

Борьба против ересей стала главной задачей обличительной деятельности церковных идеологов с IV века. Только войны против **катаров** (греч. καθάρως – чистый), или альбигойцев (по имени города Альби) в 12-13-м веках привели к гибели сотен тысяч народа и к опустошению прекраснейших местностей южной Франции. В 1209 году папское войско атаковало город Безье. Предводитель войска спросил у папских легатов, как отличить от еретиков остальных жителей города. Ответ их остался в истории: «Убивайте всех, Господь отличит своих от чужих!» И они убили всех, и женщин, и стариков и детей!

6. Три искушения дьявола

«А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои. Но ты *не захотел лишить человека свободы* и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что *человек жив не единым хлебом*, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли, ... и победит тебя, и все пойдут за ним ... Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!“ – вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой.

...Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными... Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы... Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики.^(**)

... за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч... [за нами пойдут остальные], которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного ... Они будут ... *считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать, так ужасно им станет под конец быть свободными!* Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем ... и в обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего.»

Комментарии. Свобода невыносима, поэтому человек ищет того, кто будет над ним господствовать. Наука не сумеет накормить свободных (ничто кроме церкви). Или свобода – или хлеб земной! Но несмотря на трехкратное увеличение человечества, сегодня почти не голодают, тогда как даже в необъятной России голодали под скипетром царя и церкви ... и снова пытаюсь вспомнить, когда он нам обещал свободу, и не могу вспомнить.

«А между тем *в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего.* Приняв „хлебы“, ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единичного существа, так и целого человечества вместе – это: „пред кем преклониться?“ ... Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее

пред ним преклонение... и чтобы непременно *все вместе*. ...Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга ...И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами. ...но *ты отверг* единственное абсолютное знамя, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, – *знамя хлеба земного*, и отверг *во имя свободы и хлеба небесного*. ...

Говорю тебе, что *нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть*. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя – о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. *Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить*. ...но ...вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше! Или ты забыл, что *спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла?* [Нет, воистину – *не могу молчать!* Не то же ли это самое, что «марксизм верен, потому что истинен» – но мы, прожившие почти две тысячи лет под гнетом Ватиканского прессы, Крестовых походов, Плоской земли, Инквизиции, Религиозных войн и расколов, и невиданного в истории кровавого и лживого строительства коммунизма, мы, издыхавшие в каземате непререкаемых истин христианства и марксизма, сжимавших нас с двух сторон *верою* и "*знанием*", но знавшие некогда и математику, в которой все, что верно, было доказано – с чего это мы должны снова сойти с ума, слушая ночной бред – не то вымышленного беснующегося христианина, не то вчерашнего социалиста, перепуганного апокалипсическими видениями строительства вавилонской башни? Но это нам ее предстояло строить, и никто нас не спрашивал, хотим ли мы строить или хотим умереть! Нет, *смерть никогда нам не была дороже права быть свободным*, во имя этого права мы и шли на смерть! – да неужели великий писатель проспал и Великую Французскую революцию и баррикады сорок восьмого года, воспетые его современниками, Виктором Гюго, Вагнером и Бакуниным?] ...Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? ... [о каком человеке идет речь? Существует ли он? Не та же ли это схоластика, что советские клише "*народные массы*", которые будто бы движимы единой идеей? Даже в Новом Завете мы уже не видим единого абстрактного человека, но отдельно книжника, отдельно фарисея, христианина, иудея, даже из двух разбойников не составилось общего человека, но только одному из них было обещано царствие Божие! В 13-м столетии Альбигойская ересь угрожала папскому престолу, двадцать лет продолжалась война с нею католического Рима, десятки сражений, сотни тысяч погибших – это ли жалкий человек, *угнетенный таким страшным бременем, как свобода выбора?*]

А между тем то ли предлагалось тебе? *Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет.* Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: „Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его...“, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. ... Ты понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. *Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес.* И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных...»

7. Третье искушение дьявола

«Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: „Сойди со креста и уверуем, что это ты“. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко... ..поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! ... Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. *Они* ниспровергнут храмы и залют кровью землю». [В 1209 году, напротив, именно *папское войско* атаковало "бунтовщиков" – город Безье. Предводитель войска спросил у папских легатов, как отличить от еретиков остальных жителей города. Ответ их остался в истории: «Убивайте всех, Господь отличит своих от чужих!» *И они убили всех, и женщин, и стариков и детей!* – я повторяю, ибо эти слова слишком характерны и больше запоминаются, чем сотни тысяч костров и моря крови. А сколько было убито в войнах Римского престола с протестантами, сколько погибло еще при нашей жизни, когда, напротив, английские протестанты умирляли католиков в Ольстере? И сколько погибло и в православных землях, "истинных христиан?!" И это все во славу того Бога, ради которого старался и Инквизитор, будто бы, как пытается нам внушить Достоевский, существующий сам по себе, независимо от Рима, от Церкви, от христианства, от его Учителей и Отцов церкви – но мы не забыли, что война с еретиками началась еще в Новом Завете?!]

«Но догадаются наконец глупые дети, что ...они ...бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. ...они сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут еще несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и в конце концов сама же всегда и отмстит за него.»

Временами я теряю даже ту слабую логическую нить, за которую пытаюсь держаться, как за нить Ариадны, и удивляюсь, что великий писатель, получивший математическое образование, не всегда столь логичен, как красноречив. Или я сам не все правильно понимаю?

Третье искушение, о котором я уже напоминал читателю еще в предыдущей главе, следующее: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: "все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне." Тогда Иисус говорит ему: "отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи"». Но, однако, мне ничего не остается, как до конца идти за Легендою в ее извилистых тропках, положениях и выводах...

8. Тайна

13 декабря, полночь. Итак, чтение Легенды еще продолжается, конца ее еще не видно, тропы то расходятся, то сходятся вновь, то сворачивают в сторону, а излюбленный метод великого писателя – придавливать нас плитами лживых непререкаемых истин.

Ну вот, например: *«ибо природа человеческая не выносит богохульства и в конце концов сама же всегда и отомстит за него»* – на чем основана эта "истина"? Бедствия обрушиваются на человека ежедневно, часто он их и не ждет, уже, бывает, и башня почти достроена, да вдруг накреняется и передавливает всех тех, кто внизу – но к каким причинам привязывать эти обрушения башен, надо бы обосновывать? К сомновениям или сомнениям? К чрезмерной вере или к суеверию? К излишнему уму или к глупости?

И с чем связаны ошибки автора? Третье искушение я напомнил читателю, и Христос его отверг.

Или искушением автор считает слабость, которую Иисус испытал на кресте, воскликнув: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*

Но после того, испив уксус, воскликнул: *«Свершилось!»*

«Великий пророк твой в видении и в иносказании говорит, что видел всех участников первого воскресения и что было их из каждого колена по двенадцати тысяч. Но если было их столько, то были и они как бы не люди, а боги. Они вытерпели крест твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, – и уж, конечно, ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут **тайна** и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать *тайну* и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а *тайна*, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. ...

Мы исправили подвиг твой и основали его на **чуде, тайне и авторитете**. И люди *обрадовались*, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят

наконец столь страшный дар, принесший им столько муки. [а теперь, так как сумма слагаемых меняется при перемене их местами... – что, если я буду писать вот таким образом свой новый учебник математики? Или мы читаем либретто оперы, в которой все недействительно, а так, как вздумается режиссеру? И действуют даже не люди, а символы или куклы? "люди обрадовались"... в том-то и дело, что *люди* не существуют, а существуют отдельные группы их и сословия, и взрослые и дети, и пол мужской и женский, и женщина, кажется, ищет повелителя, и ищет, перед кем встать на колени и кому подчиниться – только *женщина* такова, как он пишет? Да сам-то Достоевский не женщина ли? Да и христианство не религия ли женской любви, в которой часто сердце ведет себя бессмысленно и непостижимо, а ум изгоняем или уводят его в каземат, на дыбу и на костер?!] Правы мы были, уча и делая так, скажи?»

«Неужели мы не любили человечества [все те, кто этим человечеством владеет, кто живет за его счет, кто относится к правящему сословию или к тем, кто ему помогает управлять этим столь презираемым ими человечеством, его никогда не любили! Или любили так, как любит пастух свое стадо овец, которое он стрижет и вкушает. Или любит так, как завоеватель или грабитель, который спешит похитить то, что не принадлежит ему], столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? [а это уже "слова, слова, слова, ничего не значащие и ни к чему не обязывающие"].»

«К чему же теперь пришел нам мешать? ...То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя *тайну* нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша **тайна!** ... [Но это та самая ли *Тайна*, которая входит в триаду вместе с чудом и авторитетом?]

9. Всемирный муравейник

«Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доньше не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. ...но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей. А между тем ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: *пред кем преклониться, кому вручить совесть* [религия женщины и для женщины, и не случайно становой хребет христианства – бывшие блудницы, отвергнувшие любовь, или "люди лунного света", отвергнувшие женщин] и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо *потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей.*»

Правда, существует "мировое правительство", существует стремление

соединить все расы, народы и верования в единый муравейник (для более простого управления людьми), но это никакая не потребность овец сбиться в стадо и согласно бляеть, отдавая радостно мясо и шерсть мировому правительству, но только желание правительства собрать нас воедино для более полного и неотвратимого управления нами.

Далее по возможности опускаю суесловия о «всемирном царстве и всемирном покое», может быть, мы еще поживем в национальных границах... никто не знает...

«О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что... без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: „**Тайна!**“ ... [Но я сознаюсь честно, что у меня уже пестро в глазах от них и я уже перестал понимать, что же такое эта *тайна*?] У нас же все будут счастливы и не будут более бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей [и точно так же не пойму, где этот Инквизитор видел христианскую свободу? И почему он отделяет себя от христианства? Но тогда надо отделить и папу Римского, и патриархов, и священство, и кесарей, и рабовладельцев, и господ, *которым надо покоряться в простоте сердца*, как учит Новый Завет.]... *О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся.* И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо ... свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них... истребят себя самих, другие... истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: „Да, вы были правы, вы одни владели *тайной* его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих“. Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы. ... Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо *ты вознес их и тем научил гордиться* [снова не понимаю, куда же Он их вознес?!]; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. ... Да, мы заставим их работать, но ... мы разрешим им и грех, ... и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. ... И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – всё судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью [это как раз описано в коммунистической республике Платона] ... И все будут счастливы... лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов

счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят ... что ты придешь вновь ... со своими избранниками... но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее „гадкое“ тело. [Но здесь я опять ничего не понимаю...] Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха... Суди нас, если можешь и смеешь! Знай, что я не боюсь тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, *которую ты благословил людей* [где и когда? О, боже не праведных, но мыслящих, вразуми меня более чем теперь вразумлён!!], и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. ... Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Возражения Алеши.

«Какие это грехи людей, взятые на себя? Какие это носители тайны, взявшие на себя какое-то проклятие для счастья людей? ... Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем что они станут помещиками... вот и всё у них. Они и в бога не веруют, может быть. Твой страдающий инквизитор одна фантазия...»

Иван: «Почему *среди них* не может случиться ни одного страдальца, мучимого великою скорбью и любящего человечество? Видишь: предположи, что нашелся хотя один из всех этих желающих одних только материальных и грязных благ – хоть один только такой, как мой старик инквизитор, который сам ел коренья в пустыне и бесновался, побеждая плоть свою, чтобы сделать себя свободным и совершенным, но однако же, всю жизнь свою любивший человечество и вдруг прозревший и увидавший, вот и всё! невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ божиих остались устроенными лишь в насмешку... Поняв всё это, он воротился и примкнул... к умным людям. Неужели этого не могло случиться?»

– К кому примкнул, к каким умным людям? – почти в азарте воскликнул Алеша. – Никакого у них нет такого ума и никаких таких тайн и секретов... Одно только разве безбожие, вот и весь их секрет. Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь его секрет!

– Хотя бы и так! Наконец-то ты догадался. И действительно так, действительно только в этом и весь секрет, но разве это не страдание, хотя бы для

такого, как он, человека, который всю жизнь свою убил на подвиг в пустыне и не излечился от любви к человечеству? На закате дней своих он ... видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми. [а куда ведет их всех христианство? Не туда же? Я задавал себе вопрос о большевиках: все ли они преступники, такие же как гитлеровские нацисты, или был среди них хоть один идеалист, который хотел осчастливить людей? Но даже если и был бы среди банды преступников идеалист, он тоже, состоя в этой банде, отвечает за ее дела, и не меньший преступник, если не больший, ибо вводит других в заблуждение!] ... И если бы хоть один такой очутился во главе всей этой армии, «каждущей власти для одних только грязных благ», то неужели же не довольно хоть одного такого, чтобы вышла трагедия? ... Я тебе прямо говорю, что я твердо верую, что этот единый человек и не оскудевал никогда между стоящими во главе движения. Кто знает, может быть, случались и между римскими первосвященниками эти единые. [только, разумеется, не надо думать, что все сие относится только к Риму, а все остальное всемирное христианство иное!] Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь... как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, ...с тем чтобы сделать людей счастливыми. Это непременно есть, да и должно так быть. Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь вроде этой же тайны в основе их... Впрочем, защищая мою мысль, я имею вид сочинителя, не выдержавшего твоей критики. Довольно об этом.

– Ты, может быть, сам масон! – вырвалось вдруг у Алеши. – Ты не веришь в бога, – прибавил он, но уже с чрезвычайною скорбью. Ему показалось к тому же, что брат смотрит на него с насмешкой. – Чем же кончается твоя поэма? – спросил он вдруг, смотря в землю, – или уж она кончена?

– Я хотел ее кончить так: когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник всё время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старик хотел бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг молча приближается к старик и тихо целует его в его бескровные девностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, открывает ее и говорит ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда!» И выпускает его на «темные стогна града». Пленник уходит.

– А старик?

– Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее.

– И ты вместе с ним, и ты? – горестно воскликнул Алеша. Иван засмеялся.

– Да ведь это же вздор, Алеша, ведь это только бестолковая поэма бестолкового студента... О господи, какое мне до этого дело! Я ведь тебе сказал: мне бы только до тридцати лет дотянуть, а там – кубок об пол!

– А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь? [а ведь именно всё это христианство и отвергло, возненавидя любовь к женщине и называя ее *омерзительной*! Или современные христиане об этом уже не помнят, и ничего не знают даже из того, во что веруют? Ну пусть хоть наберут в Интернете слова "христианская **любовь**" и прочитают, что о ней пишут христиане сегодня и что писали вчера, и был ли хоть один из праведников, прикасавшийся к женщине? Воистину, мир помешался, возненавидя простые человеческие чувства и потребность в любви, хотя бы к детям! Одни, чтобы оправдаться, жертвуют во младенчестве кусочек своей плоти грозному и безжалостному Богу, другие всю жизнь мучаются сознанием своего греха – вот за то, что они мучаются, а, следовательно, своим мучением оскорбляют нас, способных любить «без страха и упрека», я и послал бы их и по смерти их в ад!] – горестно восклицал Алеша. – С таким адом в груди и в голове разве это возможно? ... или [жить так] ... чтобы «всё позволено»? Всё позволено, так ли, так ли?» На этом "поэма" кончается.

Возможно, Любовь и Вера имеют один онтологический корень. Но что бы там ни было, я остаюсь с любовью.

Но есть еще Долг. Его источник я тоже не знаю, но я не отвергаю и долг, не отвергая любовь.

И хотя и мне ничто человеческое не чуждо – и любовь, и долг, и слабости, и страсти, и честолюбие и тщеславие – но я никого не стремился обидеть, потому что неразделимы любовь и сочувствие. И потому я не слышал серьезных к себе упреков. Ну а слабости я еще искуплю – сочувствием и любовью!

Что нас заботит? Любовь, дела?
 Милость, сочувствие тем, кому плохо.
 Я – зашиватель прорех. Игла
 В пальцах моих как усилие вдоха.
 Но, говорят мне, не надо дел,
 Достаточно только веры!
 Ибо Господь наш в иглу свою вдел
 Уже все сущности и химеры.
 Как нас рассудит смотрящий сквозь мглу?
 Отвергнув жизнь как работу,
 Не изготовим мы даже иглу,
 Сшивающую любовь и заботу!

Любовь, добродетель, добрые дела, долг, сострадание, творчество, культура, работа, забота, любовь!!! – вот наша вера и оправдание!

Примечания. (*) с82. «Не могут стать свободными, потому что бунтовщики...» – bravo, Федор Михайлович, бывший социалист! Кстати, вы полагаете, будто Достоевский спорит с инквизитором? Ничего подобного, он через инквизитора передает человечеству свой Новейший Завет!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Так, почти ни о чем

1. Поиски "огibaющей" семейства нетривиальных решений

14 декабря, полночь. Итак, напоминаю существование спора Инквизитора и Христа (то есть Церкви – и ее Создателя): как полагает Достоевский, Христос призвал людей жить в *Духе, Истине и Свободе* и принять на себя следующую из них *ответственность* за всякий свой выбор, и даже за право *верить* или *не верить*. Церковь же Дух заменяет **Чудом**, Истину **Тайной**, Свободу **Авторитетом**, и только себе присвоила поиски правды. Но в таком случае человечество обращается в бессловесное и бесправное стадо, обменявшее «право первородства на чечевичную похлебку счастья».

Не ожидал я, что так долго буду толочь свою воду, пытаюсь сбить из нее масло. Но и в Легенде, ставшей знаменитой благодаря, во-первых, успеху художественного романа «Братья Карамазовы», а во-вторых тому, что почти все русские философы ринулись оттачивать на ней свое остроумие, воды этой ничуть не меньше. Возможно, и мною отчасти двигало желание "людей посмотреть и себя показать", но в наибольшей степени я пытался распутывать ее, как учитель математики запутанное решение дифференциального уравнения. Если решений этих множество, то нельзя ли найти для них *огibaющую*, которая бы представляла особенности каждого частного решения из этого множества?

Философы, писавшие о ней (Розанов, Бердяев, Лосский и другие), собрались за Круглым столом, но так как день близится к вечеру, просмотрю их решения пока только наспех, с тем чтобы позже почитать обстоятельнее...

Все они пишут о Вере, отчасти о Любви, но из этого не следует, что найдется у них много общего: *Вера соединяет одних и разделяет других, как и любовь*.

2-3. Предисловие к дискуссии

«Легенду о Великом инквизиторе Розанова» я прочитал впервые 50 лет назад и она меня поразила, и Розанов надолго стал моей любовью, но почему-то позже я стал относиться к нему прохладнее (вероятно, из-за "Листьев травы"... то есть, "Коробов листьев", которые мне показались многословными). Но пора к нему вернуться – кого же и почитать, как не его (если уж не любить)?

Оказывается, его статья составляет целых 150 страниц, спешить не буду, "поэма" меня, честно сказать, замучила, буду приходить в себя, читая критиков, и его и других. Немного, правда, я почитал, то у одного то у другого, у Розанова прочитал оба предисловия – узнаешь льва по его когтям (то есть по предисловиям).

Надо посвятить отдельную главу критикам – вероятно, лучше в хронологическом порядке... Так как я хочу всех критиков собрать в сборник и издать под одной обложкой, то можно ограничиться пока краткими замечаниями, а то и так уж я надоел читателю. И на этом книгу закончить...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СМЕРТЬ ВМЕСТО РОЖДЕСТВА И ВОСКРЕСЕНИЯ*1 Вступление*

Итак, читаю «Легенду» Розанова уже систематически, как для экзамена, без пропусков и отвлечений в сторону; к тому же, мне сразу показалось, что нам есть о чем поговорить или вместе подумать. Жаль, что он уже меня не услышит.

Как только я возвращаюсь к спору (или хотя бы к разговору) с людьми "небытия", меня охватывает странное чувство, что я погружаюсь в клейкую массу, в которой перестают двигаться люди, слова и идеи; или что я окунаюсь в пространство сна, в котором все не так, в котором не существует наша логика, речь, наши образы и предметы; или что я вхожу в сумасшедший дом, в котором все еще хуже: я знаю, что они уже не проснутся, что с ними говорить бессмысленно, мы никогда не поймем друг друга; да как бы уже и мне самому не *повернуться*, подпадая под страсть их безумной веры...

Естественные люди (к которым принадлежу и я) видят наш мир, мир реальности, и в нем живут, действуют, его постигают, представляют, понимают и изображают – по разному, не всегда находя взаимопонимание. Но естественные люди не видят и не представляют другого мира, кроме нашего.

"Люди лунного света", как их назвал Розанов, – это те, кто принадлежит к особой форме чувственности, о чем он писал подробно, то есть не имеют полового влечения, те, о которых в евангелии сказано: "и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного."

Но есть еще "люди инобытия", среди которых и люди лунного света", и их существенные свойства не только в другой форме половой "чувственности", но они и мир воспринимают не так как мы, и многое чувствуют не так. Например, они испытывают любовь к Богу (о которой, впрочем, сами не могут договориться, чувствуют ли они ее, испытывают, переживают, или она только мыслится?)

Эта любовь *духовна*... Но какими функциями обладает дух как часть человека (ибо они отрицают, что это часть души или плоти – нет, говорят они, это что-то иное, возникающее в человеке после того, как душа умерщвлена)? Мыслит ли дух в человеке, представляет, воображает, чувствует, *испытывает*?

Духовную любовь, говорят они, не может испытывать человек сам по себе, по собственному желанию или стремлению, она дается Богом (как благодать).

Но кроме духовной любви к Богу, они испытывают (или только мыслят, или только представляют?) еще и *любовь к ближним*, которая тоже только *духовна*, возникает и существует не от движения сердца и крови, но *прористекает* (по мнению К. Леонтьева и правоверных) из **страха божия**..

В остальном же они от естественных людей отличаются мало, видят всё то, что и мы, испытывают множество таких же чувств, отличаются от нас они только страхом божьим, любовью к Богу и *любовью к ближним*.

Существенные отличия возникают в философии, богословии, отношении

к миру (то есть к нашему миру, *надшему*, по их терминологии) и миру иному, тому, который они прозревают и в который попадут, как им кажется, после смерти (хотя попадет туда только "малый остаток", да и то только те, кто уже избран Богом, а не те, кто усиленно старается – спросите, впрочем, у лютеран, они это лучше знают).

Но все это произойдет только после Конца света, который произойдет только после Второго пришествия Христа, а когда оно произойдет, никому неизвестно, вот уже две тысячи лет ничего такого, в этом роде, не происходит, хотя, как написано в евангелии, ученики уже готовились.

Итак, и мы, естественные, и те, не-естественные или противо-естественные или сверх-естественные, все мы живем в одном и том же мире, только говорим иногда на разных языках.

По этому поводу еще добавлю.

Сферы жизни сопрягаются из сельского хозяйства, промышленности, торговли, медицины, транспорта, военного дела, образования, научной деятельности и вообще наук, занимающих уже чуть ли не главенствующее положение в жизни, из культурных учреждений, из множества видов деятельности не производственной, например, спорт, туризм, отдых и т.п., из сна, гигиены (одни только бани имеют на жизнь не меньшее влияние, чем церковь); из встреч и расставаний, слез, рождения детей... нет, перечислять все не буду... По каждому поводу возможны романы, рассказы, повести, например, о сыщиках, о тюрьме, о ворах, о публичных домах, происходят разговоры по этим же поводам, критические статьи, обсуждения и конференции...

Мне приходилось участвовать в математических семинарах, посвященных "всюду прерывным интегрируемым функциям", и хотя в них же участвовали и красивые девушки, я понимал, что такой семинар не представляет собою сколько-нибудь полный образ всеобщей жизни; более того, даже великий роман Льва Толстого "Война и мир" не является достаточно полным образом жизни хотя бы дворянского общества девятнадцатого столетия. Более того, даже вся художественная литература не составляет всю целостность нашей жизни. Но Миф представляет собою в этом отношении нечто исключительное – наша современная жизнь в древних мифах почти не отражена, древняя жизнь в этих же мифах тоже представлена слабо, но Миф претендует на тотальный охват всех сторон и всех времен всякой жизни всякого человека.

Читатель уже заметил, что я пытался иногда слабо протестовать против самого способа, которым авторы, имеющие отношение к обсуждению Мифа, представляют его содержание. В частности, в мифе, который я и другие обсуждаем на протяжении почти ста страниц, и который носит название "Легенда о Великом инквизиторе", фигурируют Инквизитор, Христос, *Человек*. Последнего, разумеется, никогда не существовало. Даже Библия, рассказывая о сотворении *Человека*, говорит: «мужчину и женщину сотворил их». Но так как до вкушения прекрасного плода с Древа познания Добра и Зла пол Адама и Евы, возможно, существовал лишь в возможности, но не в действительности (не вкусила бы Ева, так и не узнала бы, кто она такая), то сотворение мужчины и женщины до того был еще не законченный факт.

И, повторяю, никакого "человека" в риторике спора Инквизитора и Христа существовать не могло, ни бунтовщика, ни слабосильного, а были крестоносцы, еретики-катары, короли, Римский папа и его войско, войска еретиков, Жанна Д*Арк (хотя и чуть раньше, чем время спора, но Инквизитор и ее мог иметь в виду)... Не существовало *свободы*, не только той, которую дал Христос "человеку" (в Политике Аристотеля речь тоже идет о *свободе*, если же ее "человеку" дал Христос, то как же витийствовал о ней великий философ?), но не существовало *свободы совести* (ее завоевала Французская революция), свободы рассуждать на религиозные темы (не поэтому ли и молчал Иисус Христос?), свободы избирать пресвитеров (у катаров она была).

Христос существовал (даже и для нехристиан) как главный герой христианского эпоса, но во плоти только в эпоху Его Первого пришествия!

Великий инквизитор тоже слишком условен, переплетаясь своими корнями с Торквемадоу, плодами на него он совсем не похож.

Если Христос не даровал человеку свободу, то вся Легенда превращается в доказательство Теоремы о подобии треугольного квадрата и круглого – даже мой математический ум протестует против такой теоремы; даже невежественный историк в моей душе не может согласиться с поцелуем Христа, запечатленным на устах человека, ответственного за мучения сотен тысяч испанских христиан (и не только), даже мой поверхностный философизм протестует против главных понятий в центре нашей легенды: Свободы (которой никогда не бывало, ибо и Гегель назвал содержанием Истории расширение понятия *свободы*) и Человека (ибо по крайней мере во времена Христа преимущественно были только *раб* и *господин*.)

Схоластика является единственным способом рассуждений в богословии (потому и невозможна религиозная философия, как и квадратный треугольник), и вина в том, что "все смешалось в доме Облонских", лежит не на Достоевском, а на богословии – но тем не менее, обсуждение Легенды всеми поколениями русских философов превратилось уже в "дурную бесконечность"; если мне отчасти удастся внушить сомнение в ряды обсуждающих в плодотворности такого обсуждения, то я буду счастлив. Но виноват и не Розанов: Достоевский вспахал поле, Розанов рассадил на нем шипы и розы, другие напрасно стали его же засеивать всем, чем попало. Такова трансцендентная судьба мифа: его содержанием является символ, но символ стремится *подменить* реальность, не в силах ее объяснить.

Каковы же мои собственные цели? Их я изложу на последней странице своей книги: если мне не удастся вернуть полнокровную жизнь прекрасной женщине, я попробую ее позабыть (хотя бы в слезах).

Заодно уж еще одно пояснение: если Легенда и ее обсуждение напрасно претендуют на представление хотя бы некоторых сторон жизни, то зачем я "горожу такой огород", с бесчисленными отступлениями, уклонениями, совмещениями философии и любовной трагедии и водевиля?

Возможно, мною двигала интуиция, как и Федором Михайловичем. Если бы за "поэмой" не стояла судьба двух братьев, она бы (в форме, скажем, ученой статьи) была бы нелепа и бессодержательна; если бы за спором о

государстве как церкви не стояли шутовской Федор Павлович и экзальтированный Дмитрий Федорович (не говоря о других), то он был бы нелеп в просвещенном девятнадцатом веке.

Я пытаюсь привнести хотя бы собственную *живую жизнь* в фантазмагорию ожившего «мертвого Бога» (как назвал его Ницше), отнявшего у меня мое собственное, хотя и приемное, дитя...

И преследую я не философские, не литературные и не религиозные цели (и вот еще одно замечание: Розанов тоже не стремился писать о Легенде на почве богословия, в отличие от Бердяева и Лосского, потому и написал гениальное эссе. Смешение религии с литературой так же чудовищно, как противопоставление любви к Богу (или к ближнему) – и любви к женщине).

2 В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе. Первородный грех и рождение детей

Прежде чем мы (с читателями) начали чтения об инквизиции и ее якобы желании осчастливить человечество, истребляя еретиков (аналогично желанию русских большевиков осчастливить русский народ, истребив его по крайней мере лучшую часть), участвовали мы обсуждении Иваном и Алешей слезинки ребенка, которую можно ли нет ли пролить для построения гармоничного общества. Розанов вспоминает Пушкинскую речь Достоевского, где этот же вопрос был поставлен, и повторяет его в следующей форме: «если некоторый нравственный Рим, с предположениями на вековечность, построен на чьих-нибудь костях, но так искусно и с такими оговорками положенных, что не минуто, не год, но века человечество проходило мимо этих костей, даже не замечая трупика, отворачиваясь от него, презирая его, хотя о нем и сознавая все время: то вправе ли мы долее считать и надеяться, что этот уже воздвигнувшийся Рим вековечен, имеет вечное и согласное себе благословение в сердцах человеческих и благоволение свыше?.. Вот вопрос, вот критерий.»

А далее он рассказывает о найденном мертвом ребенке ..., брошенном родившею его вне брака женщиною, побоявшеюся семейного (общественного осуждения): «К годовому ребенку любовь уже совершенно сформировавшаяся, не одна инстинктивная, но и сознательная, сердечная, острая, щемящая, – и этим только и можно объяснить, что она не имела сил убить его (верно, тайного своего ребенка), а оставила в лесу с тупой надеждой, что кто-нибудь пройдет мимо, пожалеет и поднимет. Но, верно, он отполз в сторону, и люди проходили дорогой, а в сторону не заглянули.

По всей обстановке видно, что до году мальчик скрывался где-нибудь на стороне, а затем по каким-нибудь обстоятельствам матери пришлось взять его, и вот она понесла было домой, но не донесла, ноги задрожали, ум помутился: ведь за это и родной отец привычно выгоняет дочерей вон из дому, что же скажут чужие, не отцы, соседи, священник? И руки разжались, и младенец выпал на дорогу; но не нашлось для него "дочери фараоновой", которая спасла Моисея из воды. Явный случай этот есть вариант частого у нас случая гибели и погубления тайно рождаемых детей, в той же мере обрекаемых на *небытие*, как египетский закон не требовал ведь собственно и именно убийства израильских детей, а только чтобы еврейки не рождали *мальчиков*

детей. Девочек же они могли рожать так много, как и христианки могут много рожать детей при сумме таких-то формальностей, которые, увы, не в их распоряжении, и они оказываются во множестве, и не по своей воле, так сказать, не получившими билета на вход в семейный сад. Все христиане знают а priori, что, положим, в следующем 1903 году будет убито младенцев приблизительно столько же сотен, сколько в этом 1902 году; *но это не возбуждает вопроса*. Это так же мало для всякого интересно, как для египтян мало было интересно число еврейских младенцев, которые, в силу такого-то закона, попадут в Нил и иногда хуже, чем в Нил. На почве этой коллизии Моисей и египтяне и разошлись. Теперь, если взять вопрос Достоевского, в приведенной выше речи, и прикинуть его... к погибшему ребенку, т. е. явлению очевидному и постоянному, ...то мы и увидим, что, так сказать, нравственный Рим, нами доверчиво принятый и в котором мы живем, так же раскалывается, как еврейско-египетский союз-сожитие, ибо он построен именно на крови детской, о которой в "Легенде" заговорил Достоевский; на страдании без вины: и не стариков страдании, не взрослых, не людей какого-либо чина и состояния, но именно и специально одних только детей. Мы живем в эре похуленного рождения; потрясенного абсолюта *полов*, т. е. *жизни*, т. е. опять же *рождения*. И приведенный факт, в общей его картине и смысле, есть продукт этого похуления, и вне нашей эры его не существует. Ибо где слава и честь – там не умирают, не умерщвляют; а где позор – там уж непременно умрут. Явилась и непременно должна была явиться у нас некоторая доля как бы *апокрифических* рождений, не попадающих в тесный канон; и как апокрифические книги не велено читать, предосудительно держать, одобрительно уничтожить: так дети апокрифические не прямо, но косвенно укажутся к вычерку из "книги живота".»

«"Позвольте, согласились ли бы вы принять такую гармонию?" – [спрашивал Достоевский]. Но он совершенно не подумал, как далеко простирается его вопрос и как самые дорогие ему идеи закручиваются и идут ко дну именно около детей. Он взял в пример необъяснимости вообще страданий абсолютную правду, чистоту: *дитя*. Ему в ответ кидается: *дитя-то* и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человек, их стрежневой *грех*. Около этого вопроса "Легенда" Достоевского, которая могла бы казаться только теориею, рассуждением и таковою действительно была для него, наливается, так сказать, соком и кровью практики и вдруг переходит в совершенно реальную проблему.

"И что я поддельною болью считал, То боль оказалась живая..."

Это не литературный спор, но *бытийственный*. Исходная точка возможного нового *бытия*.»

3 Страдания и слезы невинных

Иван Карамазов, бунтуя против Бога (а вместе с ним и Достоевский) восклицает: "Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавожить кому-то будущую гармонию."

"Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста?"

"Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка."

"...представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях?"

Розанов к этим восклицаниям добавляет: «Но он совершенно не подумал, как далеко простирается его вопрос и как самые дорогие ему идеи закручиваются и идут ко дну именно около детей. Он взял в пример необъяснимости вообще страданий абсолютную правду, чистоту: *дитя*. Ему в ответ кидается: дитя-то и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человеков, их стрелковой *грех*.»

Уже повторяясь, еще раз остановлюсь на этих вопросах.

Любовь между мужчиною и женщиной, *рождение детей*, семейная любовь, вытекающие отсюда народ и "любовь к отеческим гробам" (Пушкин) – именно все это в основании всех заветов и всей *морали* (если позволительно говорить тут о морали) и иудейского мифа и вытекающего из него христианского! Розанов поясняет: «Мы живем в эре похуленного рождения; потрясенного абсолюта *полов*, т. е. *жизни*, т. е. опять же *рождения*,» Весь корень греха и добродетели в послушании запрета и в любви (в той, которая приводит к рождению детей. Всякая другая любовь прославляется!) Я даже не буду спрашивать, почему к ней такая ненависть, почему *Блаженный* Августин входит в такие неприличные тонкости, что велит женщине, ложась с мужчиной в одну постель, стараться «не совершать *непристойных* движений» – я задам только один вопрос: **Зачем?**

Я не оспариваю Акт сотворения мира и человека, и что "мужчину и женщину сотворил их", я не оспариваю, что Он вдохнул в нас понимание, настолько, что мы в состоянии понять даже, зачем существуют *простые числа* и почему вода поднимается в земной коре как в промокательной бумаге, положенной на влажную поверхность, почему образуются золотые россыпи и зачем, круговращение веществ в природе, смена времен года, токование тетерева и курлыкание лебедей, течение рек, заря в полнеба и золотая бахрома облаков – мы понимаем столь многое, до мельчайших "мезонов", которых не разглядеть, потому что Создателю надо же с кем-то поговорить (а, может быть, даже и выпить, как однажды Он выпил со мною... не с постными же ангелами выпивать...) – но **зачем** надо было рождение ребенка обратить в такой трансцендентный грех, что поколебались земля и небо, и вода перестала промакивать земную кору, и тлен и смерть вошли в мир и мир стал неодолимо мерзок, – и этот грех поставить в основание мифа и всей добродетели, так что неотвратимо, как пишет Розанов, известное число грешниц будут оставлять своих "в блюде рожденных детей" в лесу или у чужого порога, обрекая их на мучительную смерть? И на чьей же совести их смерть?

Что тут бормотать о слезинке, Федор Михайлович, когда и "рабы, повинуйтесь своим господам!", и "Крестовые походы детей", и кровавая жертва Авраама (которая чуть-чуть не совершилась, но нож то уж был занесен!), и замуравывание монашек с рожденными от блуда детьми в монастырские стены, и сожжение еретиков и ведьм (то есть красивых девушек, которые *не дали* тем имеющим власть, которые их домогались – и в литературе свидетельства этому есть), и распятие Христа (а разве не Бог-Отец послал своего сына на смерть, не Он повелел?! И сын не посмел послушаться?!) – вы то, Федор Михайлович, приняли иудейский и христианский мифы и согласились и с уничтожением сотен тысяч в Содоме и Гоморре (а там были и неповинные дети), и с проклятиями прикосновения к женщине, и с войнами, и с дуэлями, и с повиновением кесарю, даже несправедному, ибо это, якобы, *по грехам нашим* – что вы уж вцепились в *одну слезинку*, когда реки слез и крови льются с благословения церкви и самого христианства? Эти то реки Вы сами то благословляете? Если уж пропели Осанну и церкви и Библии с ее бесчинствами?

Замечание первое. Якобы, Бог в конце концов, "идя навстречу пожеланиям жаждущих", все таки разрешил прикасаться к женщине (когда уж совсем неумоготу, как пишет апостол Павел, только велит не забывать, что ЛУЧШЕ не прикасаться), с согласия церкви и при условии, что движения будут совершаться благопристойные, и разрешил рождасть иногда детей (законных) – но что до незаконных, то хотя распоряжения, чтобы их обрекать на мучительную смерть, не было, но христианство создало в обществе и семье такую атмосферу презрения и ненависти ко всякой любви, что несчастная женщина, согрешившая и вынужденная родить, потом металась как лисица, загравленная благочестивыми суками, и в отчаянии кидала свое дитя куда попало. А презрение и ненависть проповедовались именно к **любви**!

При незаконных встречах если уж совершались какие движения, то именно в страсти, и явно непристойные, к страсти то и пылает ненавистью христианство! В законном браке не всегда есть любовь, и это и приветствуется (тысячу лет ваши родители вас отдавали за немилых и постылых, что вы так любите эту церковь, благословившую НЕлюбовь в браке?!)

Но грех, то есть встречи вне брака, если уж были, то только по любви, только она столь властна, что швыряла двоих в объятия друг друга, вопреки их страху. Но что проповедуется на христианских сайтах, переполненных наставлениями Игнатия, Иеронима, Августина, Павла, благочестивого Сёрена Киркегора, сурового и негибаемого Торквемады? Это любовь ли?

Федор Михайлович совершает два подлога в своих рассуждениях (если не ошибается по невнимательности к своим собственным рассуждениям).

Подлог первый. "...представь, что ты возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, но для этого необходимо замучить одно только крохотное созданище, ...согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях?"

Это слова Ивана, выражающие его несогласие с необходимостью или неотвратимостью человеческих страданий. Но **необходимость страданий** и

даже смертной жертвы положена в основание христианства, Христу надлежало быть распятым, Он и пришел для того в мир – для искупления Первородного греха, то есть для искупления рождения деток. Слезы, в том числе и невинного дитяти, вытекают из самой конструкции христианского мифа, жесток Бог-Отец, конструктор мирового здания, архитектор его. **Проклято рождение детей.** В другие эпохи жизни и в других религиозных мифах рождение детей благословлено – но женщине почему-то нравится молиться именно этому Богу... Это тоже одна из загадок, может быть, связанная с ее иногда необъяснимой жестокостью к тем, кто ее любит... А может быть и с неспособностью любить, ибо я так еще и не понял, любит ли она все же мужчину хоть иногда, помимо своей материнской любви, которая в ней как инстинкт существует точно...

Но Ф. М. подменяет упрек, адресованный Богу, другим упреком.

Так как христианство проклинает мир и повелевает человеку его не перестраивать (Бог ревнив к своему творению), то он и страшит возможного переустроителя, перестройщика разными страхами (а мы видим и воочию, что и Революции и Перестройки совершались такими инквизиторами, что и Торквемада супротив них ангел!)

Но все же мир не стоял на месте, и поезда движутся, и самолеты летают, и даже монахи звонят по мобильнику, и женщину с новорожденным удается спасти благодаря Кесареву сечению, несмотря на все усилия пожигать всех нечестивых ученых.

Но Ф.М. страшит – а ну как в усилиях исправить сей мир *прольется слезинка невинного ребенка?*

И это подлог!

Дело в том, что намеренное причинение зла, как усилия большевиков по искоренению крестьян, по искоренению дворян, духовенства, "офицера" и "книжников" – это преступление, так и в Уголовном кодексе сказано для всех времен и народов (кроме эпохи строительства социализма).

Но слезы льются по разным поводам, чаще по **непреднамеренным**.

Женишься на той, которую любишь, плачет отвергнутая – разве ты в ее слезах виноват? Приглашая в театр приятеля, можешь стать жертвой дорожно-го происшествия; затеяв перестройку сарая, рискуешь пасть под стропилом (хорошо еще, что стропила сия не упала на жену, стоявшую рядом!). Все, что мы делаем, чревато последствиями, которые не все можно учесть, это только Бог таков, что *у нас и волосы на голове все сосчитаны*, как сказал Иисус.

Ф.М., как бывший петрашевец, упреки свои в невинной слезинке обращает не к христианству, он предостерегает социалистов в их намерениях улучшить сей мир! *Не нами, дескать, поставлено, не нам и менять!*

Правильно только молиться и ждать Второго пришествия и Конца света, истинный христианин не должен ничего менять в этом мире, ему бы совсем удалиться в пустыню и питаться акридами и диким медом...

Подлог второй. «Если Бога нет, то все позволено!»

Вопросов возникает несколько, но все повторяют сие, полагая, что это аксиома и обсуждению не подлежит.

Почему же позволено, кем? – это раз.

До Великой французской революции Бог был, однако разве что-нибудь **не** дозволялось? Все было, и инквизиция, и гугеноты, и Варфоломеевская ночь, и Столетняя война, и избиение сараинов, якобы пленивших Крест Господень, и всеسوожжение староверов, и Крепостное право... – это два.

И есть ли разница в поведении христиан, занимавших города еретиков-альбгойцев, и в поведении арабских завоевателей Северной Африки и Испании? Разница есть. Христианские завоеватели были неизмеримо жестоки, истребляя всех, арабы-мусульмане покорившихся не уничтожали. (Правда, большевики были жестоки не менее, поклонявшиеся Богу науки.)

(Да, одно еще замечание, о пытках. Кроме китайцев и ацтеков, пытки очень любили большевики и христиане. Вот это особенность именно человека архаического сознания, погруженного в миф. Он отвергает этот мир, способен его уничтожать огнем и мечом, но он и бесчеловечен! Ты отдаешь отчет, читатель, в том, что милосердие, сострадание, сочувствие не называются божественностью, но называются **человечностью**? Так кто же лучше, Бог или человек? А ведь понятие гуманности, или *человечности* возникло еще при власти христианских церквей "над этими ничтожными людьми"! Поэтому стихия языка, назвавшая милосердие *человечностью*, никем не принуждалась, руководилась инстинктом, но Бога к милосердным не причислила.)

Ограничение свободы, состоящее в том, что человек не позволяет себе совершать те или иные действия (или даже помышлять о них), носит разный характер, свобода ограничивается извне и изнутри. Главный ограничитель – страх наказания, порицания, осуждения, насмешки, неодобрения. Источником страха являются государство и общество, церковь, семья, близкие. Государство пугает наказанием, церковь – будущим наказанием, общество – презрением.

"Нравственный закон внутри нас", то есть то, что по-русски называется **совестью**, носит более действенный характер "непозволения", чем страх, Русское общество более традиционно, чем западное, поэтому русский человек следует традиции, учитывает мнение семьи, близких, общества (западный "своевольнее"). Я не сомневаюсь, что нравственные запреты и разрешения у нас опираются преимущественно на народные традиции, на то, что мы "впитали с молоком матери", а не усвоили в церкви и при чтении Библии – кто у нас ее читал или читает?

И, наконец, большое значение в характере поведения имеет "чувство и понятие долга", более близкое к "кантовскому императиву – нравственному закону". Оно вырабатывается воспитанием, культурой, самопознанием, самосовершенствованием.

Но необходимо сказать нечто еще более важное, соединяя вместе внутренние источники запретов – они могут носить характер размышления и вывода, но чаще всего являются врожденными, на уровне инстинкта и свойств личности и черт характера, и эти самые действенные.

Константин Леонтьев говорит, что источником морали у христиан является *любовь к ближнему*, а она вызывается только "страхом божьим" – чего стоит их нравственность в сравнении с *совестью* естественного человека?

Поэтому правильнее сказать: **Если совести нет, то все позволено!**

Только она нас удерживает и направляет. Возможно, и чувство долга – только сознанный форма все той же совести.

4. *Многое и я понять не могу*

Д. С. Мережковский в статье 1906 года «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» писал: «Достоевский едва ...не соблазнил нас соблазном Антихриста... Дольше казалось, что у него два лица – Великого инквизитора, предтечи Антихриста, и старца Зосимы – предтечи Христа.

И никто не мог решить, иногда сам Достоевский не знал, какое из этих двух лиц подлинное, где лицо и где личина». По мнению Мережковского, мечта Великого инквизитора о многомиллионном стаде счастливых младенцев осуществилась в "диктатуре пролетариата".

Но у меня появляется ощущение, что я уже сам в этой легенде увязаю как в болоте, да как бы и не утоп.

Мнение Мережковского я привожу в подтверждение своего смутного ощущения, что не так все ясно с христианством Достоевского (так же как и в отношении всех "посюсторонних" христиан – являются ли они христианами? Понимают ли они, в чем христианство состоит?) Зря ли Константин Леонтьев не восторгается его христианством?

К чему стремятся те и другие – *подлинные* (в духе Кьеркегора, которые только и являются христианами), живущие хотя и в мире, но *не* для мира (да и на самом ли деле они в мире?), и "*посюсторонние*", живущие в мире и для мира? Надо точнее и отчетливее сформулировать особенности тех и других...

Возможно, даже у самых упертых "посюсторонних" связь с христианством только в частичном передарении своей свободы и воли Богу и *батюшке* (возможно, лишь временном) и в частичной христианской магии – *причастии*. Магия существенна, но большинством таких христиан может и не признаваться.

И снова думаю о своей милой *ученице*... Почему она все же меня бросила? Только ли испугалась, что наши встречи греховны и на том свете ее осудят и в рай не пустят, или просто-напросто разлюбила, охладела, смутилась, я надоел ей, другие увлечения, идеи и чувства ее наполнили?

Если дело в том, что я ей разонравился, то с этим ничего не поделаешь, нравятся или не нравятся, быть может, вообще беспричинно, и даже если бы сам Бог сказал ей: "Дурочка, да встречайся ты с ним, нет в этом плохого!" – если разонравился, она бы все равно встречаться со мной перестала.

И нет другого исхода, как постепенное удаление друг от друга, которое и происходит: она ушла, и зрительный образ ее тускнеет, и звуки голоса... и реже воспоминания, и менее яркие...

5. *Но надо остановиться...*

Рациональных оснований для жизни почему-то недостаточно, поэтому человека притягивает *метафизика любви* и *трансцендентность веры*. Каковы же взаимоотношения веры и любви? И что именно человек находит в Мифе, почему он в нем растворяется так, что пренебрегает жизнью и культурой (неизмеримо более широкими, чем миф), пренебрегает любовью – более привлекательной, более сладостной, более блаженной, более человеческой?

Почему миф способен вытеснить из жизни культуру и даже вытеснить из человека жизнь и любовь? Чем так привлекателен Бог, и потусторонний мир, что человек в них для себя находит? И в чем источник Веры?

Ни на один из этих вопросов я еще ответить не смог, хотя и пытался.

Не все я сказал о Кьеркегоре, а у него, возможно, ключ к христианству.

Многое смогу сказать по поводу статьи Розанова о Легенде, и чтение ее надо продолжить, а также и других философов в связи с этою же Легендой.

И женщина не перестает меня привлекать. И Россия не перестает меня мучить.

Поэтому я еще и буду читать философов и делать выписки.

Подготовлю к печати большую книгу, в которой соединю всех интересных мне философов, писавших о Легенде Достоевского, и издам ее, возможно, с самыми краткими комментариями.

6. О чем все молчат...

В доме умершего не говорят о покойниках... Это верно, и надо и в самом деле иметь и такт, и целомудрие, и совесть, щадить чувства и верования каждого человека. Не знаю, был ли я всегда деликатен, но я старался... Кажется, я старался никого не обидеть. Но можно ведь и перестараться настолько, что слова и идеи будут катиться по поверхности бурного житейского моря, как будто в него вылили масло. Мы все же собрались не хвалить друг друга, а вместе найти хоть немного истины.

Я говорил уже, что святые из христианского пантеона не слишком отличаются от большевистских святых – так ли они все святые? О наших мы уже почти обо всех все знаем, кровь стекает с рук каждого из них, и с тех, кто расстреливал, и кто сам был позже расстрелян (или иначе убит), как убийца крестьян, стариков и детей, Тухачевский. Как создатель концентрационных лагерей и заградотрядов Троцкий, как жаждущий крови Ильич (прочитайте книгу о нем Солоухина), мощи которого лежат на Красной площади. И пока эти мощи лежат там, русское сознание будет извращено и отравлено.

Что сегодняшние христиане – это вчерашние комсомольцы, не говорит ли о том, что и нравственные идеалы их в чем-то похожи? И что нелепо противопоставлять христиан комсомольцам как основание и оправдание Добра? (Но и социализм, следовательно, не надо выдавать за метафизическое основание Зла? Хотя мне самому трудно отнестись к социализму с симпатией, это ведь для меня не история, а собственная личная жизнь в их душном мире). Но и мир христианства не так уж пригоден для дыхания, история и культура имеет тому достаточно свидетельств, некоторые и я привел в этой книге. Достаточно сказано и другими, к тому же просвещенный человек в последние пятьсот лет оплатил освобождение от духовного христианского рабства своею кровью. Впрочем, кровь лилась реками везде, и в столкновениях народов, и в столкновениях христианских церквей, и в столкновениях иноверцев с христианами (в главе 21-ой приводится отрывок из романа «Братья Карамазовы» о зверствах турок в Болгарии), и в столкновениях христиан с иноверцами (во время Крестовых походов в Палестину, во время борьбы с маврами за освобождение от их владычества, при выдавливании инквизицией из Испании

евреев, принявших христианство...) Я просмотрел свидетельства об истории пыток, входящих неотвратимо во ВСЕ суды инквизиции над подозреваемыми в ереси – пощажу читателя и не буду приводить детали – но отворачиваться от Истории не только нельзя, но это даже преступление по отношению и к нашим предкам, и к нашим потомкам. Не думай, читатель, что на Страшном суде тебе не вменится в вину твоё незнание правды – твоё нежелание знать правду тебе вменится в вину в первую очередь! Тот, кто ее не захотел знать, кто от нее отвернулся, кто не ответил на вопрос Ивана Карамазова, можно ли на неотомщенных слезах невинных детей строить свое счастье – *соучастник* всех преступлений, от которых он отвернулся. Если именно Бог создал человека, а не произошел он от обезьяны, то Бог спросит с человека отчет полной мерой. И спросит не только Бог мифов, которые исповедует человек – но и Бог философов и ученых, Бог правды и Истины, Бог Бытия и Инобытия, пронзающий всё, и наш мир и наши души. И трудно сказать, кто будет присяжным на этом суде... В их число может попасть и крестьянин, и сын крестьянина. И кто будет принимать решение в каждом случае, нам тоже неизвестно, ибо все, что мы знаем о том, что от нас скрыто Завесой, это только туманный образ того, что есть в Истине (как об этом и говорил апостол Павел, ибо хотя он и «говорил гадательно», но верил, что когда-то «увидит лицом к лицу».)

Люди культуры более бесстрашны, чем богословы и «божьи слуги», и часто более пронизательны, правда, иногда их рассказы невняты из-за цензуры (так я предполагаю и о Достоевском). Почти всё в его Легенде запутано до крайности – но сила его художественности помогла ему создать образ религиозно-философского спора, и многие с благодарностью ухватились за предложенную им *форму исторического семинара*.

Ухватился и я.

И на прощание выскажусь еще о «Первородном грехе» и о незаконных рождениях, о вине христианства в тех ежегодных убийствах "апокрифических детей", о которых сказал Розанов, с чего он и начал свое исследование "Легенды о Великом инквизиторе". Монахи и авторы христианских поучений обычно призывают к *бесстрастию*, в страстях видя грех. Однако *инквизиция* (в том числе доминиканские монахи), *мучила* свои жертвы *страстно*.

И потому я не призываю к бесстрастию. И Розанов, жизнь которого переехала телега его "незаконного брака" и "незаконнорожденных детей", был не бесстрастен. И я не буду бесстрастен. Но буду деликатен.

Иисус Христос, как в том уверены христиане, является Сыном Божиим, воплотившимся на земле в человека и рожденным Девой Марией в непорочном зачатии от Святого Духа. Став человеком, Сын Божий обладал человеческой природой, только не имел грехов. Уже имея в себе младенца, Мария была выдана замуж за плотника Иосифа.

О каких братьях и сестрах говорится в евангелиях, мне не так важно знать; в каких отношениях Мария оставалась с Иосифом, я тоже не стремлюсь прояснить – и о том и о другом евангелисты умалчивают, но и для христианской веры это не важно. Однако, пока Иисус жил в семье, он жил и в мире, и общался с окружающими, и, вероятно, он мог замечать их сомнения в

том, что он законнорожденный ребенок и что Иосиф его отец (да и несомненно, так как окружающие вряд ли знали, что он сын Божий, пока он не начал свою проповедническую деятельность).

Будучи Богом, он ведь был и человеком! И мог размышлять и об участи незаконнорожденных детей, и о грехопадении... Почему он не сомневался в справедливости и истинности того, что плотская любовь между мужчиной и женщиной – тягчайший грех, из-за которого **мир пал**?

Что детей не надо рождать?

И он проповедовал учение, в центре которого пожелание *не знать* женщину (ибо хотя и не запрещалось сие, в силу слабости человека, но **лучше** человеку не касаться женщины, говорил он, и повторили ученики). И его ученики тоже не знали женщин и не имели детей, и его апостолы, и отцы церкви, и монахи, и священники.

Но среди его окружения, и среди тех, кто позже пошел за ним, были и блудницы, знавшие мужчин, но, можно предположить, не испытывающие любви. И не следует ли из этого, что любовь между мужчиной и женщиной была еще осудительнее, чем плотская связь? Почему же такая ожесточенная ненависть в монашеских писаниях именно к **любви**, в то время как блудницу и Христос пожалел, и позже их призывали даже в святые?

И еще не менее странно: *подлинные христиане*, монахи и священники (в католичестве), обязывались не касаться женщины – но и женское девство возводилось чуть ли не в святость! Половая связь была ненавистна или рождение детей? Или вместе, так как они взаимосвязаны? И чему же обязан культ девы Марии?

Ответ мы найдем у Розанова: «Достоевский... взял в пример необъяснимости вообще страданий абсолютную правду, чистоту: *дитя*. Ему в ответ кидается: дитя-то и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человек, их строжнейшей *грех!*» Ибо все христианство стоит на грехопадении Евы, следовательно, на вменении в главную вину человеку – *рождения детей!*

Вот в чем человек повинен, вот в чем он грешен, вот в чем его преступление от века – детское рождество!!! И для того Христос вочеловечился, чтобы спасти человека своей смертной жертвой.

В его жертве уже и заключено наше спасение, уверены верные.

А все остальное – словно бы некоторое приложение к спасению...

И необходимость соблюдать ветхозаветные заповеди, и жить праведно.

И необходимость соблюдать новые заповеди, которые дал Христос, и которых в иудаизме не было: во-первых, отвергнуть мир как тлен и скверну. Жить уже даже аки спать во гробе (проповедь ап. Павла), ожидая Второго пришествия и воскресения праведных; и во-вторых, не прикасаться к женщине – хотя бы тем, кто это может вместить", но хорошо бы и всем! То есть в идеале все же пожелание – не прикасаться к женщине и не рождать детей!

Так для чего в главном пришел Христос – спасти людей своей смертью? – или переменить вектор их жизни, разделить два пола, отделить их друг от друга, по разным монастырям, прекратить это ненавистное рождество?

Почему это сомнительно, не до конца ясно? Да потому, что само сначала отрицание мира, а потом его спасение жертвою противоречиво, половинчато... Мы уже спасены или нет? Тлен из мира никуда не исчез, мир по-прежнему падший, и церковь по-прежнему учит так, словно бы ничего не изменилось, и Конца света нет, и Страшного суда нет, и Воскресения нет!

И неизвестно, когда этот растленный мир прекратится. И даже воздвигнута церковь для окормления человека, и уже только в России отпраздновала она свое тысячелетие и не собирается умирать. Мир надо отвергнуть подлинному христианину – но церковь поставлена в мире! И ему надо идти в нее и воцерковляться, а без этого он не спасется...

А спасется он, исполняя христианские заповеди (не иудейские), которых две: отвергни мир; отвергни рождение детей...

Но отвержение мира – следствие, причина же в первородном грехе, ибо **«дитя-то и есть преимущественная скверна, первая вина человек, их строжнейшей грех!»** – Поэтому деток рождать не надо.

Неизвестно, сумеем ли мы ответить на вопрос – "Почему", если не ответим сначала на другой – "**Зачем**, для чего дано такое повеление, принесено в мир такое учение, что в нем божественного, благого?"

7. Кто виноват?..

«Церковь-то и *отрекла* этих детей, – всех, рожденных *без предварительного ее благословения*, и при ее отказе дать таковое благословение на рождение до замужества; отрекла и определила их судьбу, убиваемых, кидаемых, во всяком случае при матери и отце не остающихся. Что восемнадцать веков было церковным преступлением, то на девятнадцатый век стало ... "антиморальным поступком": но пятно последнего границами своими точь-в-точь совпадает с краевыми очертаниями тысячелетнего церковного осуждения. И что ничего *непременного* здесь нет, никакой антиморальности, антирелигиозности, антиобщественности, видно из того, что не только теперь, напр., у русских вотяков даже и не берут в замужество девушку без ребенка, говоря, что "это рискованно, ибо у нее, может быть, и *не будет детей*", но и у высокоцивилизованных египтян, народа самого серьезного и религиозного из древних..., дочери священников, первосвященников, вельмож, военачальников первые годы девичества отдавали свободной любви и свободному деторождению, – ...после чего, с детьми, их брали в замужество первые люди государства, священники, приближенные фараонов. Деторождение почитаемо было везде: а если почитаемо – кому могло прийти на мысль осуждать за это? почему с детьми пренебречь взять в замужество?! С душою углубленною во все величие материнства, тронутую, взволнованную, узнавшей тревоги бессонных ночей над больным или беспокойным малюткой... Материнство ли марает? – Нет, возвышает! Отчего же не приносить в дар жениху, вместо золота и наук, цветущее здоровьем и талантами дитя, залог продолжения в будущем? Так естественно. Итак, – это *возможно, было* в цивилизациях тысячелетия прошлых. Следовательно, не расшатывает ни быта, ни гражданственности. И наш теперешний обычай ничего *непременного* в себе не содержит. Но пришла **Церковь** и сказала

скупое "нет!". Не по жажде целомудрия: ибо неужели же *детные* женщины нецеломудреннее бездетных и дев? – но по скупости к рождению, по отвращению к счастью, по исканию несчастья. И вот вопрос Достоевского, как все им приведенные примеры детского страдания сами собою повертываются от "властных помещиков", "сладостлюбивых турок" и "злых родителей", существ эмпирических и случайных, к *лицу Церкви*, уже "святой", "непорочной", "непогрешимой".

"Позади этой святости, непорочности, непогрешимости стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок... Позвольте, представьте, что это вы сами, священники, архиереи, живые и усопшие учителя Церкви, постники, столпники, чудотворцы, праведники, возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец покой сердечный и мир. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только одно человеческое существо, мало того – пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, ... простого годовалого ребенка ... девушки-мещанки, но которого она любит, ... хотела бы гордиться им, быть счастливою им, найти с ним покой. И вот только его и эту девушку надо опозорить, выставить бесчестными и замучить и на слезах этой опозоренной девушки возвести это здание. Согласитесь ли вы, столпники, постники, учителя Церкви, святые и праведники, быть архитекторами такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можно ли допустить, чтобы люди, чтобы христиане, для которых вы построили это здание, эту Церковь, согласились от вас принять ее как покой и правду?"

Что и спрашивать... "Здание" это было построено... "Здание" это было принято...» ...

«"Легенда" обращается против творца своего... Из похвалы, восторгов, умиления (в сущности) она переходит... в Бог знает что. "Моя *осанна* сквозь горнило испытаний прошла", – записал он перед самой смертью в своей "Записной книжке" и в скобках указал на "Легенду". Но "горнило" то не очень было выверено, слишком патетично и без оглядок: и "осанна" выходит как-то с кашлем, и даже ее вовсе не слышно, а видно только, что человек старается, заслуживает... почти получает, что нужно, в руку и все же может выговорить только "благодарю покорно", без всякого "ей, гряди".

7. Пора в этой книге поставить точку

17 декабря, 11-11. И я прощаюсь с *той*, мысль о которой, постоянная печаль о которой заставляла меня писать эту книгу...

Странная это была любовь. Я **не** стремился в ней к той близости, к которой обычно стремятся влюбленные, потому что моя любовь была сочувствием и заботой о ней. Она была моим ребенком, и встреч, разговоров и писем было мне для счастья достаточно – мне было достаточно того, что я чувствовал, как она наполняется светом и радостью. И *печаль моя светла*, хотя любовь оказалась побеждена *верой*. Во что – в вечную жизнь? В то, что лишено содержания, образов, чувства, формы – но что, без-образное, бесчувственное – победило единственное сокровище на земле – ЛЮБОВЬ...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В. В. Розанов и Аполлинария Сулова*Вступление*

Мой собственный "Роман о любви" представляет собою не совсем обычное явление, так как это, скорее сказать, не роман, а отчасти Дневник, отчасти Прощальное письмо к предмету своей любви, отчасти Конспект философско-исторического семинара, посвященного литературе, философии, истории и религии; отчасти "бракоразводный" процесс с христианством, которое на протяжении полувека было неким, весьма условным, конечно, аналогом близкого товарища... нет, близкой подруги, к которой прибегаешь за советом, поверяешь огорчения, надеешься на помощь.

В первые десять лет дружбы это было чуть ли не страстное чувство (только, читатель, не продолжи аналогию за границу дружбы, *вся страсть, в чувственно-мистическом смысле этого понятия, была мною отдана женщине*); в следующие тридцать лет – отношения были от прохладно-иронических до отторжения, но сдержанного, отдающего дань памяти быломu; и, наконец, в последние десять лет было противостояние, дошедшее даже до взаимо-отрицания и вражды.

Столь долгое взаимодействие потребовало даже формального разъединения. Возможно, если будет еще одна книга о любви, я попытаюсь понять, чем христианство было привлекательно, что оно нам давало (тем, кто не удовлетворялся жизнью чисто практической, а искал выходы за ее пределы) и что мы давали христианству своей жизнью и творчеством, и почему. Необходимость развода уже теперь очевидна, ничто нас более не связывает, мы даже противостоим друг другу.

Таинственная близость *веры и любви*, таинственная связь двух увлечений – увлечения женщиной и христианским мифом – видится многими, но в чем эта связь, я ни у кого еще не прочитал, и сам пока не вижу. Быть может, позже... но когда же?.. о боже!.. Или нет у них общего, у веры и у любви?!

Итак, эта моя странная книга, которую, быть может, прочитают хотя бы двое – во имя дружбы со мной – во-первых, любовный роман с N., но еще более – литературно-философский и религиозно-исторический семинар.

Главные его участники Ф. М. Достоевский и В. В. Розанов. Их многое связывает. Поэтому они – основные авторы, Ф. М. – автор романа «Братья Карамазовы», где и помещен текст "**Легенды**", рассказываемой Иваном Карамазовым своему младшему брату Алеше, В. В. – автор книги, которая превратила частный эпизод романа в **Миф**, связывающий литературу, философию и религию, и с которой началась его всемирная слава.

Розанов был поклонником Достоевского. Кроме того, оба они любили одну и ту же женщину, Аполлинарию Сулову (1839—1918), которая их обоих измучила (в 1861–66 возлюбленная Достоевского, а через десять лет сначала любовница, а затем жена В. В. Розанова, 1880–87).

Кроме того, надо мне все таки понять значение Мифа в целом в жизни человечества и смысл христианства. Но еще главное – понять **смысл любви**.

Историю несчастной любви Розанова к "Полине", яростный и неукротимый характер которой послужил Достоевскому прообразом Полины в романе «Игрок», Аглаи и Настасьи Филипповны в «Идиоте», и отчасти Грушеньки в «Братьях Карамазовых», я изложу по страницам книги Г. Г. Мурикова «В. В. Розанов. Христианство и сексуальность».

«В конце 1876 года 20-летний студент Московского университета В. В. Розанов познакомился с немолодой уже [38-летней девчонкой!], но очень привлекательной женщиной Аполлиной Прокофьевной Суловой. Это знакомство, вскоре превратившееся в неодолимую взаимную страсть, навсегда определило дальнейшую судьбу, жизнь и творчество В. Розанова, да и вообще его место в русской культуре. ...»

Сразу же после знакомства Розанов записал в своём дневнике (пока ещё полностью неопубликованном): «Сулова меня любит, и я её очень люблю. Это самая замечательная из встречающихся мне женщин». А впоследствии в одном из писем он так... обрисовал это знакомство: «Острым взглядом "опытной кокетки" она поняла, что "ушибла" меня, – говорила холодно, спокойно. И, словом, вся – "Екатерина Медичи". На Катюку Медичи она в самом деле была похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убивала бы – слишком равнодушно, "стреляла бы гугенотов из окна" в Варфоломеевскую ночь – прямо с азартом. Говоря проще, Суслиха действительно была великолепна, и я знаю, что люди (...) были "совершенно покорены", пленены. Ещё такой русской я не видал». И он заключает: "Хлыстовская богородица". (Письмо А. С. Глинке-Волжскому).

Увлечение ... быстро нарастало, да и как было не увлечься женщиной, которая несколько лет была любовницей Ф. М. Достоевского, перед которым Розанов буквально благоговел. Сулова была старше его на 17 лет, а с Достоевским она познакомилась ещё молодой девушкой, но все черты её страстного необузданного характера проявились уже в молодости и ничуть не поблёкли вплоть до самых последних лет её жизни. Через четыре года после знакомства, сразу же превратившегося в интимную плотскую связь, в ноябре 1880 года В. Розанов и А. Сулова обвенчались. Тогда Розанов был студентом 3-его курса, ему было 24 года, а его жене – 41. Исследователи обычно отмечают, что это было ещё при жизни Достоевского, которому Сулова не преминула лишний раз насолить.»

Разумеется, Розанов не мог не поинтересоваться у «Поленки», как он её всегда называл, о её романе с Ф.М., и в одном из писем он так передал разговор об этом: ... «Почему же вы разошлись, А. Прок(офьевна)?

– Потому что он не хотел развестись с своей женой чахоточной, "так как она умирает" ... (Речь идёт о первой жене Достоевского Марии Дмитриевне.

– Так ведь она умирала?

– Да. Через 3 года умерла. Но я его уже разлюбила.

– Почему «разлюбили»? (

– Потому что он не хотел развестись. ... Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не рассчитывая. И он должен был также поступить. Он не поступил, и я его кинула.» (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

... молодой Розанов, видимо, не знал, что в период самого интимного общения с Достоевским она уже успела изменить ему с неким испанским врачом Сальвадором, причём больше страдала от того, что тот её бросил, чем от нравственного удара, нанесённого ею этим поступком знаменитому писателю. Но он был увлечён Суловой настолько серьёзно, что сам же уговаривал её не расстраиваться «из-за пустяка». ...

Розанов неоднократно в различных письмах вспоминал о разных перипетиях своей поразительной любви-страсти, любви-мучения, которая привязывала его к Суловой: ...

... «Я полюбил её последний день, и хотя она соглашалась любить и жить со мной «так» (и была уже), я (ведь знаете мальчишеский героизм) потребовал венчания. У неё был закал и стиль – для гостиных, лекций, вообще суете; и никакого быта, никакой способности к ежедневной жизни. Промаялся я 4 года, и она (по-видимому, влюбившись в юношу-еврея) кинула меня, жестоко и беспощадно, как она всё делала. А вообще она страшно была патологически жестокий человек: а влюбился я прямо в стиль её души. Что-то из католических кафедралов, хотя русская, народная – муть, маята». (Письмо Н. Н. Глубоковскому).

... «И действительно у меня была какая-то мистическая к ней привязанность: она была истинно благородна по участливости к бедным, ко всему бесприютному; один я знал истинную цену в ней скрываемых даров души, погубленных даров, и всю глубину её несчастья – и вопреки всем видимостям, всем преступлениям – не мог отлипнуть от неё. Она очень точно это знала и знала, что вернётся ко мне, когда захочет, и встретит меня, таким, каким захочет. Самое тщеславие её, такого «цвета бордо» вытекало из несчастья её, одиночества её, сознания – что она никому, в сущности, на земле не нужна. И вот что приковывало меня к ногам её; как раба, как преступника к колодке. Всё я вынес, от всего отрёкся и остался с нею». (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

Эту свою первую любовь иначе как мучительной и трагической Розанов не называл: «Вообще это была «мистическая трагедия». (...)

«...Её любимый тип в литературе и мифах – Медея, когда она из-за измены Язона убивает детей. ...

Суслиха вполне героический тип. «Исторических размеров». В другое время она – «наделала бы дел». Тут она безвременно увядала. Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения; и только принимала от меня «ласки».

Без «ласк» она не могла жить.

К деньгам была равнодушна. К славе – тайно завистлива. Ума – среднего, скорее даже небольшого. «Но стиль, стиль...» ...

С нею никто не спорил никогда, не смел. Да всякие возражения её и оскорбляли безумно. Она «рекла», и слушали и тайно восхищались (я думаю) стилем». (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

Об этом «стиле», перефразируя знаменитый афоризм Бюффона («человек – это стиль») Розанов сказал впоследствии, что стиль появляется тогда, когда человека целует Бог.

Уже во время брака с В. В. Розановым Сулова не раз ему изменяла и даже уходила от него. Тому же адресату он пишет: «Когда она уехала, во 2-й раз (и окончательно) бросивши меня, – помню, встал (после обеда спал) и начал умываться, – а слёзы градом-градом посыпались у меня. «Бедная моя Поленька! Бедная моя Поленька! Кто же спасёт тебя, кто же будет оберегать тебя?». И почти буквально ту же картину Розанов рисует в письме к А. Г. Достоевской, с которой после смерти писателя поддерживал дружеские отношения: «...я помню что когда Сулова от меня уехала – я плакал и месяца два не знал, что делать, куда деваться, куда каждый час времени девать...»

... Когда он окончательно понял, что «Поленька» к нему уже никогда не вернётся, им овладело такое отчаяние, что он стал подумывать о самоубийстве. От этого его предостерег ... известный литературный критик и философ Н. Н. Страхов, ...резко одёрнувший тогда ещё молодого писателя: «Как вы решились писать мне о самоубийстве? До чего вы дошли. ... есть разница между человеком, для которого жизнь есть поучительный и воспитательный опыт, какова бы она ни была, – и таким который не хочет ничему учиться и ни с чем бороться, а хочет только, чтобы ему было приятно.

Чем ночь темней, тем ярче звёзды, Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Отчаяние приводит к великим откровениям, и кто не испытал его, тому они недоступны». Это письмо Розанов привёл в своей книге «Литературные изгнанники», вышедшей уже после смерти Страхова и в значительной степени посвящённой ему.

... «когда Розанов познакомился с Варварой Дмитриевной Бутягиной и собрался на ней жениться, «Поленька» категорически отказалась дать ему развод. С В. Д. Розанов прожил долгую и счастливую жизнь вплоть до самой смерти, имел от неё шестерых детей, но, однако, так и не смог вступить с ней в законный церковный брак, а все его дети считались «незаконнорожденными». Этот факт глубочайшим образом перевернул весь духовный мир Розанова. ...большинство его сочинений были посвящены главному и единственному вопросу: *в чём смысл настоящей любви и брака и не является ли официальное христианство смертельным врагом того и другого.* ...»

В одном из немногих сохранившихся писем к Поленьке Розанов буквально проклинает её: ... «Ничего не поняли в наших отношениях, и прахом пошла наша жизнь. И теперь, всё ещё питаюсь какими-то мечтами, Вы думаете всё время, что от чего-то спасаете меня, от кого-то оберегаете. Не сберегли себя, да и меня утопили, а в спасители других маскируетесь. (...) Жалкая Вы, и ненавижу я Вас за муку свою. Бог Вас накажет за меня.» (1890 г.)

Приведу в заключение несколько высказываний Розанова: «Как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроет всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному. В человеке скрыт акт творчества, и он-то именно привнёс в него жизнь, наградил его страданиями и радостями, ни понять, ни переделать которых не дано разуму».

«Акт рождения человека не благословляется церковью. Только очистительная молитва над рождением смывает, очищает грех появления человека на земле». ... Но «Не благословить человека в момент рождения, то есть как бы рождающего и рождённого, значит и самое его бытие не благословить!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Любовь и Вера

I.

Книги мои о "всемирном притяжении любви" посвящены прежде всего любви между мужчиной и женщиной, но так как на любовь влияет весь мир, и внешний и внутренний, и она влияет на мир, то и эта книга, возможно, завершающая все предыдущие, и получилась такой разбросанной. На любовь влияют и те состояния, чувства и идеи, которыми живет человек в данную эпоху. Если бы мои герои жили во времена Русской революции и Гражданской войны, то не исключено, что страницы книги были бы пробиты пулями и пахли пороховой гарью (как и во времена Французской революции и Наполеоновских войн); в эпоху строительства социализма души были бы наполнены страхом, и говорили бы мы о любви только шопотом; но нам пришлось жить в эпоху Третьего Великого раскола (первый был Аввакумовский, а второй большевистский), когда произошел христианский ренессанс и женщины разделились на тех, кто, как Манон, слушает только голос плоти, и на тех, кто слушает, что "батюшка скажет". Несмотря на поголовную грамотность, суть вещей и явлений сегодня, в отличие от времени Аввакума, понимает не более чем один из тех ста. Некому почти говорить. Еще меньше тех, кто способен слышать. И поэтому я стал острее чувствовать свою ответственность перед теми, кто меня когда-нибудь прочитает – произрастет ли из ответственности необходимая глубина сказанного, пока не знаю...

Итак, на любовь влияет неожиданное воскресение христианского бога, которого и Ницше, а затем марксисты-большевики объявили умершим, и поэтому сегодня в душах переплетаются два чувства: *любовь к женщине* и *вера*. (О женской любви я говорил тоже, но она не подобна мужской, она "выпекается из другого теста"; поэтому, вероятно, нельзя говорить о любви между мужчиной и женщиной так, словно бы она состоит из двух форм, мужской и женской. Существуют, по-видимому, два рода любви, восходящих к *трансцендентному*, то есть поднимающихся даже над жизнью, это *любовь мужчины к женщине* и женская любовь – материнская). *Вера* влияет на оба рода любви, но прежде всего на *любовь к женщине*, и так же, как миф и церковь борются с культурой, противостоят ей и пытаются ослабить ее влияние на жизнь, – так *вера* борется с *любовью*. Культура и миф, *любовь* и *вера* – подобны, отчасти и это объясняет их соперничество, вражду и войну.

2. Истоки любви

Любовь происходит из двух источников, обуславливается двумя причинами (или двумя типами причин). Во-первых, причина биологическая, "половой инстинкт" (который и сам двойствен, это и инстинкт продолжения рода", прежде всего материнский инстинкт, и жажда наслаждения и обладания, преимущественно мужская страсть) – причина, связанная с плотью, почему и влечение к женщине, любовь к женщине, обусловленную инстинктом, называют *любовью плотской* или *физической*, во-вторых, причина, связанная с душой, ее можно условно назвать *метафизической*.

И *метафизическая любовь* неоднородна, включает в себя "пол и характер", культуру (к которой можно отнести и происхождение, социальное и национальное, и традиции, и воспитание, и образование, и среду, и социальное положение и т.п.), и некий особенный непостижимый источник, который после Канта называют *трансцендентным*.

Итак, причин у *любви как притяжения* между мужчиной и женщиной две: (биологическая – *половой инстинкт*, инстинкт продолжения рода или *родовая любовь*), т.е. *любовь физическая* (плотская); и *любовь метафизическая*, включающая *трансцендентную*.

Влюбленный испытывает состояние влюбленности (или любви), которое вдохновляется как бессознательным "половым инстинктом", сопровождаясь радостью, восторгом, чувством блаженства, так и переживанием непостижимо трансцендентного чувства, сопровождающегося состоянием *благодати*.

Это состояние сложно, по форме подобно *откровению*, своего рода переход в иной мир, часто сопровождается ясно воспринимаемой музыкальной симфонией часто трагического звучания.

3. Истоки веры

Вера подобна любви и в отношении происхождения и в отношении содержания. Она обуславливается двумя причинами (или двумя типами причин). Во-первых, причина биологическая, "*страх смерти*", включающий в себя и "*страх божий*", страх перед наказанием, адскими муками, которые могут наступить после смерти; во-вторых, причина, связанная с душой, которая способна испытывать некое трансцендентное состояние и чувство присутствия в мире божества или духа божьего, которое сознанием (в рамках развитого религиозного мифа) воспринимается как образ Бога. Под влиянием религиозной традиции вера трансформируется в особое состояние *любви к Богу*, которая переживается двояко: в форме фанатической жертвенности и в форме псевдо-эротической экзальтации, принимая характер извращенной половой любви (у женщин), когда Христос переживается как любовник-мужчина.

Особенное состояние, испытываемое как влюбленным, так и верующим, не всегда можно разделить на состояние любви или на состояние веры, в молодости они часто приходят вместе, человек переживает одновременно чувство возвышенной любви, открывающее словно бы дверь в иной мир, и в эту же дверь к нему приходит возвышенное чувство божественного откровения. Если же любовь сопровождается неудачей и драматическими переживаниями в связи с этим, то закрепляется чувство веры как противостояния любви, рождается новая личность, взыскующая только иллюзорной *духовной* любви и ненавидящая "любовь плотскую" (Августин, Иероним, Игнатий...).

Рождаются *блаженные, проповедники, юродивые и святые*...

4-5. Уход из мира и возвращение в мир

Уже *любовь*, соединяя двух в одну новую личность, отнимает ее у мира, однако вскоре они возвращаются в мир, созидая семью и продолжая род, то есть, расширяя мир. Но *вера* является последовательным и окончательным разрывом с миром для тех, кто отверг любовь.

... но так много еще не сказанного, что придется и мне вернуться в мир...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Чудо, Тайна, Авторитет*1. Религия как душа нации*

21 декабря 2015 года. Пора бы уже и мне поумнеть и взяться за ум! Но все никак, то влюблен, то болен, то некогда... Поэтому занимаю ум у своего тезки, Василия Васильевича Розанова, и буду опять его цитировать.

Сейчас мы должны выяснить, с чего все началось и как мы стали тем чем стали.

В статье «РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ» Розанов пишет: «Русские были крещены в 988 г. при киевском князе св. Владимире от греческого духовенства. Хотя они приняли христианство еще до формального и окончательного разделения Церкви на Восточную и Западную, – однако, так как связи у них были только с одною Византиею, то, по скором отделении Византии от Западной Церкви, и русские были уведены из древнего общего христианского русла в специальный поток византийского церковного движения. Или ... вслед за Византиею вошли как бы в тихий, недоступный волнениям и вместе недоступный оживлению затон, тогда как западноевропейские народы, увлеченные за кораблем Рима, вступили в океан необозримого движения, опасностей, поэзии, творчества и связанного со всем этим черным трудом неблагообразия. Разница между тишиною и движением, между созерцательностью и работою, между страдальческим терпением и активною борьбою со злом – вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестантства, и, как религия есть душа нации, – отделяет и противопоставляет Россию западным народностям.»

«Дитя-Россия ...совершила все усилия, гигантские, героические, до мучничества и самораспятия, чтобы отроческое существо свое вдавить в формы старообразной мумии, завещавшей ей свои вздохи. Как “уподобиться” Византии, – в этом состояло существо исторических забот России в течение более чем полутысячелетия. И, в конце концов, ведь форма влияет на дух, Россия чем далее – тем глубже “умерщвлялась” и духовно.»

«И... приняла вид сморщенного старичка.»

«“Умерщвляться” – это стало не только понятием, идеалом древней России» [Но и без греков, от апостола Павла мы тоже бы научились “жить аки спясть во гробе”]

«...в православном русском храме, такие с всемирной точки зрения слабости, как дряхлость, немощь и убожество, как нищета и социальное ничтожество – оцениваются как положительная добродетель, как заслуга перед Богом, как небесное на человеке сияние. Сам он, этот немощный старичок, немощная старушка, заготавливают для себя все смертное: Быт народный, все цветочки, все листочки на нем обрывались с отвращением сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затем – выучившимися у них русскими монахами, и, наконец, священниками, которые хотя и не монахи по форме, но не могут получить сана своего иначе, как

пройдя монашескую [по духу и строю] школу и приняв монашеское настроение, дисциплину, мирозерцание и этику.»

«Странный дух оскпления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному – сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия.»

«Русские церковные напевы и русская храмовая живопись – все это бесплотно, безжизненно, “духовно” в строгом соответствии с общим строем Церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа – невозможное зрелище в русском православном храме. ... хотя Дева-Мария родила Иисуса еще юною, никак не старше 17 лет, однако с Младенцем Иисусом на коленях Она ... всегда изображается как старая или уже стареющая женщина, лет около 40, и держа на коленях всегда вполне закрытого (сравни с католическими обнаженными фигурами) Иисуса; она имеет вид не Матери, а няни, пестующей какого-то несчастного и чужого ребенка: лицо ее всегда почти скорбное и нередко со слезою, вытекшею из глаза.»

[Впрочем, читатель, СМЕХ, ИГРЫ, детские игры, Новогодняя ёлка, само детство в его специфически отличном от взрослости состоянии были христианством *умерщвлены* и *во всей Европе*, и еще во времена Диккенса ребенок в Англии должен был иметь вид "сморщенного старичка". (Перечитайте его роман "Домби и сын".)]

«Так как, в сущности, метафизичнее смерти ничего нет, и ничего нет более противоположного земному, чем умирающее и умершее: то в этой крайности направления Православие и не могло не впасть в какой-то **апофеоз смерти**, бессознательный для себя и однако мучительный. Отсюда такая искажающая истину тенденциозность, как представление Богоматери почти старухою; таково утверждение, что Богоматерь и “до рождения”, и “во время самого рождения”, и “после рождения Спасителя” осталась девою, хотя в Евангелии сказано, что она принесла в храм двух горлинок, что делалось еврейками по окончании женского послеродового очищения, и, будучи жертвою за нечистоту этого процесса, не могло быть принесено Св. Девою без него. Да и физический акт родов младенца, все равно, если рождающийся был и Бог, однако же Имевший физическое тело именно младенца, не мог совершиться без нарушения главного и единственного признака девства, именно без разрушения девственной плевы. В Евангелии, при указании принесения в жертву двух горлинок, так и изложено это событие, как совершившееся в обыкновенных человеческих чертах. Но православные неодолимо гнушаются внесением “обыкновенного” в религию: и вопреки тексту Евангелия бурно утвердили так называемое “приснодевство” Марии, т.е. **они, в сущности, как бы закрыли ладонью евангельское событие и сочинили на место его другое**, свое собственное....»

«Свет младенца, радости родительские, теплота своего угла, поэзия родного крова – все это непонятные русскому (кроме образованных, атеистических классов) слова, все это недопустимые с церковной точки зрения понятия; церковь допускает, что если супруги вступают в соединение, то должны иметь при этом цели, какими приблизительно задаетсяя

католический паптер, идя в дикие страны... Самим родителям, самой семье не уделяется Церковью никакого внимания, не допускается в идее никакой их интерес.»

«Увы, “люби ближнего” – никак не отвечает на вопрос о составе света, химических соединениях, законе сохранения энергии. Православие более и более сходит к моральным трюизмам, к прописям то легоньких, то трудных добродетелей, **которые не могут помочь человечеству в великих вопросах голода, нищеты, труда, экономического устройства.»**

Итак, и из этих цитат очевидно, что **"христианство – религия мертвого человека и в центре ее гроб".**

2. Принуждение и понуждение

Выдавая замуж за нелюбимого, родители утешали невесту: "стерпится – слюбится!" И что же – женщина терпела, свыкалась, не уверен, что слюблялась, но создание условий для жизни и самого качества жизни в духе "аки спать во гробе" таким способом достигалось. И как бы чудовишно вся христианская проповедь и сам дух этого учения ни противоречили жизни, но за две тысячи лет насильственного выдавания замуж за христианство целых народов нужный результат достигнут, не надо тянуть тельца за рога, чтобы надеть на него хомут, он сам покорно склоняет голову и помогает этот хомут надеть. Здесь не только тайна психологического порабощения, но тайна селекции, выведения нового типа человека. Христианство объявило войну человеку *непокорному, свободному, гордому*, имеющему чувство собственного достоинства, и вывело нового человека, христианина: *голос тихий, взгляд скорбный, очи устремлены долу!* Особенно же возненавидело христианство человека гордого и саму *гордость*, обзвав ее *гордыней* и приписав ее дьяволу как его отличительное свойство. Но в то же самое время люди продолжали делиться на рабов и свободных, на богатых и бедных, на властвующих и безвластных, и человек ничтожный не смел назвать себя в обществе истинным христианином, как бы он ни был умен и честен и благороден, но все, возвышенные в государстве и в церкви, были уже истиннее всех своим положением. Истинный ли христианин священник, епископ, правитель, тем более патриарх? Даже усомниться в этом никто не посмеет! И истинный ли человек, достойный ли, возвышенный ли тот, кто не получил подтверждения своей истинности в церкви, хотя бы церковь была в подчинении у самого Торквемады? А бывали ли времена, когда она была не у него в подчинении? Таких времен не бывало. Ни в Западной церкви, ни в восточной. Кто-нибудь из наших православных усомнился в том, что Аввакум бунтовщик и безбожник и слуга Сатаны, когда его повезли сначала в земляную яму, а потом на костер? Или когда на голодную смерть обрекли боярыню Морозову? И иронией судьбы можно назвать только то, что в это же время и патриарха Никона по царскому указу повезли в Белозерский монастырь в заточение, где в верхней келье под самой крышею он и умер, и последователи Аввакума зовутся раскольниками (хотя Раскол этот был затеян Никоном с "тишайшим" царем Алексеем Михайловичем, отцом Петра Первого), а последователей Никона, правящую ныне церковь те называют никонианами.

Вчерашние комсомолки и пионерки сегодня слушаются только *батюшки*,

как *батюшка* скажет, так они и поступят, и не авторитетны для них Достоевский, бывший по повелению царя каторжанином, ни Солженицын, бывший каторжанином по повелению тирана, ни тем более я, тоже когда-то бывший и каторжанином да даже и узником сумасшедшего дома. Боюсь, и святая Жанна для них только ведьма, а никак не святая, потому что "святая" церковь ее сожгла. Представили бы эти комсомолки себя на месте богобоязненной иерусалимской толпы, когда распинали Христа по повелению синедриона (то есть нашего патриаршего Совета), кого бы они превознесли, их сегодняшнего кумира Христа или тогдашних начальников церкви?

Спрашивать даже нелепо: как сегодня внушают, так рабы божии и внушаются, *человек ничтожен и раб, хотя иногда бунтовщик!* – как сказал Великий инквизитор, Христа заточивший в темницу.

Сказал *батюшка* моей вчерашней подруге, клявшейся за меня умереть, что я ученик дьявола, она и запретила к себе приближаться – вот и веруй любви, человек... «Не верь клятвам женщины, ты же умный мужчина!» – сказала мне старая цыганка. *Но я давно уже не умный, я влюбленный...*

Но чего стоит женская вера, не столько же, как и любовь? Мои однокурсницы смеялись надо мною за то, что я ходил в церковь, им комсорг велел надо мною смеяться; сегодня церковный комсорг велит меня презирать...

3. Сила и Слово. Слово силы и Сила слова

Старец Зосима (в романе «Братья Карамазовы»)... читательница, если ты еще не читала роман, оставь мою рукопись, прочти прежде роман, он уже возведен в великие, а рукопись мою, может быть, завтра даже и сжечь повелят, не понесешь ли ты ее сжигать после такого повеления? Не будешь же ты мне верить, когда я буду в разодранной рубахе? Разве из двадцати тысяч иерусалимской толпы, идущей за священством в золотых одеждах, кто-нибудь верил тому самозванцу, объявившему себя царем и Богом?

Сегодня верят.

А мне эта вера была бы оскорбительна. Не верят, а их понудили. Ибо не священник помазывает царя и объявляет, что сей есть помазанник божий, а царь прежде того утвердил священство как духовную власть, и дал им право себя помазывать. Я хорошо помню так называемую "свободу выбора", которую якобы Христос дал человеку (как о том повествует наша Легенда)... Кто наши великие хотя бы в литературе? Когда я начал читать Есенина, для моих одноклассников он был ничтожный кулацкий поэт. Солженицын еще недавно был врагом родины и "все как один" в это верили. Варлама Шаламова даже не слышали. Олега Волкова и сегодня не слышат... Да никто ничего и не читает! И Библию никто не читал из тех, кто призывает распять душу во имя духа. И моя любимая такая же дура как все... Но, впрочем, почему же я, умник, ничего не значу и не имею авторитета (о котором еще наш спор впереди)?

За всю свою жизнь я победил только два раза: красавица привела меня к своим философским друзьям (меня показать), а они начали надо мною смеяться. И она ушла вместе со мною, взяв меня за руку. Да еще моя верная В. семнадцать лет назад пошла со мной, "солнцем палима", держались мы

тоже за руки, и надеялись на "светлое будущее", хотя тогда было еще хуже, чем сегодня...

...Или, пожалуй, нет, хуже, чем сегодня, быть не может. И все дело в том, что умалилась убедительность слова. Меня любили студенты. Меня любили школьники. А теперь меня не любит даже та, которая только что в любви мне клялась... (Но я не покажу ей эти строки. Жаловаться глупой женщине на то, что она разлюбила – безумнее этого ничего не придумать. Но и обзывать глупой ту, перед которой я тут же бы бросился на колени и целовал подол платья, если бы она вдруг соткалась из воздуха – это ли не безумие тоже?!)

Но я отвлекаюсь из-за этой безумной любви от необходимых рассуждений – продолжим же о доказательствах!

«Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по младенчески мыслил, по младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.» – говорит апостол Павел. И мне сии слова утешительны. Во-первых, если "любовь больше", даже по мнению апостола, то у меня еще остается надежда на победу. Надо только видеть "лицем к лицу" то, о чем говорим. И кое-что удастся уже увидеть...

4.

Затевая критику "Легенды", я надеялся написать лучше всех, и хотел даже вызвать философов на состязание, но теперь вижу, что и иные из них писали хорошо, и я не совсем доволен своими писаниями, нет, я их не превосхожу. Но, правда, и это хорошо, порадуюсь за товарищей по цеху философской критики.

Как литератор я пока не так значителен, как хотелось бы. В чем дело? – недостаточно образован? Да, и это верно. Мало страдал? – да, не так уж и много, многие страдали больше меня. Недостаточно новых идей? На этот вопрос легче ответить читателю, мне самому трудно себя оценить. Недостаточно таланта? Быть может...

22.12. Ночью спал плохо, просыпался и думал о Мифе как о соединении сюжета и образов, то есть как об особенном Учении, и о Церкви как организации, связывающей в себе это учение и осуществляющей с его помощью власть над обществом. Каста, созидающая эту организацию, это *Христово воинство*, и папа Римский, и монашеские ордена, и духовенство, и христианские философы и богословы, и Инквизиция, и подвижники, и святые, и юродивые, и даже верующие (прихожане), в той или иной степени, как облако...

Христос – центральный образ Мифа, его **мифологема** (если под нею понимать некий центр мифа, его центральную идею и образ главного героя в его связи с мифом: тогда мифологема христианства – Иисус Христос как сын Божий, вочеловечившийся для спасения человека и для его *воскрешения*).

Великий инквизитор – глава *Христово воинства*.

Они едины, как Маркс и Ленин с одной стороны – и партия большевиков с другой.

Легенда о Великом инквизиторе расщепляет единство мифа и церкви, Христос является на землю и вступает в спор с Инквизитором, тем самым их союз подвергается расщеплению, то есть разрушается то целое, что и обладает властью над человечеством, осуществляет духовное подавление человека. Философы и критики, соединившиеся в сообщество, обсуждающее эту легенду, нашли удобную форму разговора о сущности христианства, такого разговора, который выходит за границы философского или богословского анализа. Характерен Розанов. Он разговор о легенде начинает с обсуждения идеи об оправданности страдания, о допустимости построения царства гармонии на слезинке ребенка – сюжет, входящий в «Бунт» Ивана Карамазова и казалось бы, не имеющий отношения к *Легенде* – но это позволяет ему вдруг взглянуть на христианский миф в целом, на его отношение к семье и браку и рождению детей и об отношении, таким образом, христианства к человеку – и это позволяет взорвать саму схему спора между Христом и Инквизитором о том, кто из них прав, если само христианство в целом оказывается не правым...

5. Поражение или Победа?

На мое последнее письмо она ответила двумя строчками. Я спрашивал, могу ли я ей передать конфеты в качестве поздравления с Новым годом (даже не имея в виду, что я подойду к ней, а думая эти конфеты просто передать через кого-нибудь для ее дочери).

Сначала она написала: «встречаться меня больше с Вами не благословили, да хранит Вас Господь», а потом добавила, в ответ на упрек, что она существует в мире иллюзий: «у меня нет никаких иллюзий мне гораздо лучше и все лучше на работе и в семье, когда я обратилась к Богу, слава Ему!»

Хотя я уже хочу освободиться от этой несчастной любви, она меня уже затягивает как топкое болото, и необходимо для собственного спасения перестать о ней думать, вспоминать, на что-то еще надеяться и ей писать, но темная сила, победившая меня, раздражает меня, хотя и побежденного, своей самодовольной властью, и лежа у болотной кочки, еще не до конца издохший (хотя и пронзенный копьем под самое сердце), я тянусь все еще грызаться.

Я, верная собака, буду лаять, пока не издохну совсем..

Мне захотелось ей написать еще так:

«Хорошо, встречаться мы не будем. Правда, я думал передать конфеты через третье лицо, не подходя к вам, для вашей дочурки, но готов согласиться со всеми вашими требованиями. Но почему вы еще отвечаете мне, хотя и кратко? Неужели вас забыли **НЕ благословить** на разговоры со мною? Или вы не просили благословения? И хотя я клялся вас не смущать, но не могу не спросить: Бог всегда теперь будет волю свою для счастливых рабов своих передавать через священников? Это его особенные доверенные лица? Или вы даже думаете, что священник – не что иное, как духовное продолжение Бога? И если это свобода, то что же тогда такое *духовное рабство*?

И не унижительно ли теперь и мне вас поздравлять с Новым годом, подзревая, что мне разрешили вас поздравить или вы еще забыли спросить

разрешение? Нет, писать женщине по чьему-то ни было разрешению – это уже крайняя степень унижения. И, возможно, вам теперь остается мне написать, что вас не благословили на продолжение разговора со мною, или что (если вы вдруг решитесь показать собственный нрав) вы сами мне не разрешаете вам больше писать... Но это уже другое дело! Обещая вам во всем подчиниться вашим требованиям и не смущать вас, я подчинюсь и этому требованию. Если получу от вас такой запрет, то не буду ни конфеты передавать, ни поздравлять с Новым Годом.

Но не думайте, что я на вас рассердился. Я пишу эти строки ночью, в пятом часу, проснулся и думаю о вас и улыбаюсь. Вы – чудо! Мне вы посланы свыше, чтобы я, наконец, в полной мере сумел почувствовать, что такое несчастная любовь. И я все таки выживу, несмотря ни на что. Благодаря вам, моя несравненная мучительница, я пойму в жизни и в философии несравненно больше, нежели благодаря тем, кто мне ласково улыбается. Продолжайте же мучить меня, хотя бы даже забвением, тогда уж мне придется умолкнуть точно. Да я, впрочем, и так скоро умолкну, вот, может быть, еще поздравлю с Новым Годом. (И пока добавлю, что я счастлив, что мне дано такое чудо: обожать вас, несмотря ни на что! И послушаться вас, и замолчать, если вы прикажете мне замолчать. Спокойной ночи, попробую и я уснуть...)

6. Поражение ...

Да, я побежден, я плачу по ночам... хотя, кажется, я уже высыхаю, так как река моих слез и страданий впадает в горячий песок пустыни и в нем иссыкает... Песок же этот – христианская истина, объясняющая все в мире, а преимущественно – отношения с женщиной!

Но я не совсем побежден, мое поражение дано мне неспроста, я чувствую, что вот эта проблема личной свободы, о которой мы начали с философами говорить, неразрешима в словопрениях, относительно нее (прав Зосима!) действительно нельзя ничего доказать – но можно *проверить*. Проверка же эта – в том числе и несчастья, выпавшие на мою долю. Все эти безумные женские порывы идти спрашивать у бабушки, с кем дружить и встречаться, невозможно опровергнуть со стороны, я должен сам придти на эшафот, на который он ведет и их, несусветных дурочек.

Тот новый способ философствования, о котором я начал говорить, это философствование через ткань событий насущного бытия. Да так философствовал и Христос, обращая или не обращая камни в хлебы (не обратил ли он все же эти камни по крайней мере в те коробы хлебов, которыми кормил толпы, пошедшие слушать его проповедь?)

7. Или еще не все кончилось?

«Кажется, я напишу вам еще. Я готов уже отказаться от этой противоречивой моей любви, в которой я люблю вас и как дитя и как женщину, оставить только тревогу, сострадание и заботу. Если вы еще распоряжаетесь хоть частью своей жизни и своей личности, то и ответьте мне, можно ли мне писать вам так, как я писал вам в самом начале, и я не буду влюбляться... Вы в беспамятстве, вы во сне и в плену. Или мне не пытаться будить вас?»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эта прекрасная счастливая несчастливая жизнь!**1. Ночное письмо**

25 декабря 2015, 13-36. Еду к С---ну за елкой, да и развеяться чуть-чуть.

Отослал моей мучительнице ночное письмо, и еще приписал несколько строк: «Вы в беспамьятстве, вы во сне и в плену? Или вот теперь вы стали самой собой? – чему я не верю, потому что вы были неизмеримо сложнее. Теперь вы безвольный листочек на древе Господнем и словно земная жизнь уже кончилась? И мне не пытаться будить вас?»

Теперь я был бы готов не любить вас как женщину, а только как любит редактор и товарищ, или как любят подругу или племянницу. Я хочу, чтобы вы были счастливы, но в нынешнее ваше счастье в загробном мире я не верю.

Но, наверное, от меня уже вам одни неудобства...

Так проявите собственную волю и напишите от себя, а не от священника или Бога, напишите, что я вам не нужен, что вы не хотите со мной продолжать знакомство ни в какой форме.

Я не изменю к вам отношения, вы мне дороги как часть моей собственной души. Если вы когда-нибудь очнетесь, помните, что я буду рад отозваться на любое ваше живое слово.

Ваш самый верный друг, более верный, чем ваши химеры.»

2. Сны и надежды

Зачем я продолжаю ей писать?

Но мне все кажется, что она пленница у Кошера, ее опоили каким-то зельем, похитили ее память, перепрограммировали ее личность, и она как безвольная кукла, живет как во сне. И мне ее очень жаль.

Ведь не бывает так, чтобы за два дня, после признаний в любви, вдруг она воспылала ко мне презрением, сначала соглашаясь встретиться, но чтобы я к ней не прикасался, а потом отказалась от всяких встреч и только писала о том, что счастье ее возрастает и она ежеминутно приближается к Богу! Ну разве это можно понять? Ну не то же ли это счастье, что я видел одиннадцать лет назад в бывшей женской тюрьме на Лебедева, когда дюжина наркоманов день и ночь хохотала, возносясь на небо от жженой бумаги?

Что это за новая дорога к Богу, когда не нужна ни философия, ни культура, ни монашеские "подвиги" на Афоне, о которых писал Конст. Леонтьев, ни апостольское служение, ни рыцарский обет, ни "Стихи о Прекрасной даме", ни романсы, ни роман Достоевского "Братья Карамазовы", ни мучительная История Европы, ни войны, ни страдания, ни любовь, ни жертва... все упрощается в бесконечной степени, и небо нисходит на землю, а земля становится небом? Вкушая ежедневно облатку с плотью Христовой и выпивая глоточек его крови, она слышит ангелов и сама становится ангелом... Или это и в самом деле новые счастливые ангелы, созидающиеся в течение одного дня, или это новые блаженные идиоты?

Зачем приходил Христос, если все так просто? Или это *чудеса, которые сегодня умножились* благодаря его вочеловечению две тысячи лет назад?

Или это результат праведного служения человеческому счастью, которое взвалил на свои немощные плечи Томас де Торквемада, день и ночь охраняя дело Христово (как полагает Достоевский, даже вопреки Христу), а с ним и Игнатий Лойола, и святой Доминик, и судья Кошон, сжегший Деву Франции, и мелкие и крупные бесы, которых и Западная и Восточная церковь велит отличать от светлых духов, но которых мы различить никогда не сможем, потому что даже сегодня не состоянии определить, не бесам ли служила Гипатия Александрийская (370–415), великий философ и математик древности, создательница астролябии, – ибо, как доказал великий христианский богослов Ориген, "математика внушена бесами"? (И ваш покорный автор тоже по профессии математик, а по призванию, как определяют служители культа, не менее как приближенный дьявола.)

Сегодня мир содрогнулся, узнав об уничтожении религиозными фанатиками знаменитой античной арки в городе Пальмира, построенной во 2 веке н.э. (Северной Пальмирой называл Петербург Пушкин). Но только ли мусульмане были варварами?

«Епископ Александрии Феофил (будущий христианский святой) был в числе самых нетерпеливых. Настойчиво добивался он от императора указа об уничтожении всех без исключения языческих храмов в Египте. Феофила не смущало, что его рвение влекло за собой кровавые беспорядки и гибель людей. Феофил не мог успокоиться, пока величественный Александрийский храм Серапеум (в котором находилась знаменитая библиотека) оставался целым.

Этот день на всю жизнь остался в памяти Гипатии как кошмарный сон, в реальность которого трудно поверить,

Утром огромная толпа, предводительствуемая монахами, во главе которых был сам Феофил, устремилась к Серапеуму.

Когда смельчаки, оборонявшие храм, сделали несколько отчаянных вылазок и потеснили людей Феофила, тот обратился к начальнику войск. Те прибыли с осадными орудиями, словно для взятия неприятельской крепости. Военные лестницы помогли осаждающим преодолеть стены. Мощный таран разбил ворота. На территорию Серапеума хлынула толпа.

Плиты, устилавшие площадь, обгарились кровью. Фанатики, обуруемые духом разрушения, крушили все, что попадалось под руку: разбивали статуи, выламывали двери, портили фрески. Желавшие поживиться богатой добычей бросились к сокровищнице. Но там уже хозяйничали доверенные люди епископа. Под надежной охраной несметные храмовые сокровища были направлены во дворец Феофила.

В толпе раздались возмущенные голоса. Тогда кто-то из монахов крикнул, что следует немедленно уничтожить книги идолопоклонников. Толпа ринулась к библиотеке. Горстка ученых с оружием в руках защищала подступы к книгохранилищу. Но силы были слишком неравны. Люди, обезумевшие от убийств, ворвались в помещения библиотеки. Бесценные книжные богатства, сохраненные и приумноженные трудами многих поколений ученых, оказались добычей пышущих ненавистью людей. Монахи их вдохновляли.

Книги сбрасывали с полок, рвали, топтали ногами. Рукописи, за которые в свое время отдавали целые состояния, вышвыривались во двор. Там собирали

их в кучи и раскладывали костры. Внутренние помещения Серапеума, как и книгохранилище, громили долго и основательно.»

Вот что осталось от Серапеума. Но если дух выше плоти, то даже спасение всего подлого человечества не стоит этой библиотеки?!

Моя *мучительница* велит мне молиться Богу, когда я жалуюсь ей, что мне плохо. Которому Богу? Тому, последователи которого уничтожили великую Античную культуру (а *летопись* ее безумного и кровавого уничтожения не влезает даже в дюжину томов, по числу христианских апостолов!)

Я назвал эту главку "Сны и надежды". В своих книгах я иногда привожу портреты великих женщин, философов и математиков, во-первых, потому, что женщин-ученых неизмеримо меньше, чем мужчин, во-вторых, потому, что женщины красивы и одухотворены. И моя любимая необыкновенна. Она красива, нежна, получила прекрасное образование, из культурной семьи, интересуется искусством, написала несколько книг. Сегодня она "ежеминутно приближается к Богу" под руководством ученого "служителя культа", соборы которого уничтожили величайшую библиотеку мира.

Поэтому, хотя сны я иногда вижу прекрасные, но надеяться мне не на что.

«Особенно красивы были многочисленные внутренние дворики, окруженные колоннадой, тенистые аллеи, дышащие жизнью статуи, рельефы, фрески. "Все это украшает Серапеум в такой мере, – писал Аммиан Марцеллин, – что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает вселенная"».

Место бывшей великой культуры занял «воинствующий фанатизм победивших христиан, их иступленная преданность своей вере и стремление силой подавить все прочие ненавистные религии. Добродетелью стало считаться пренебрежение к культурным ценностям, неприязнь к науке. Серапеум и сотни других храмов уничтожали сами же египтяне, греки, римляне, сирийцы. Сыновья народов, славных древней культурой, обратившись в христианство, разрушали здания редкой красоты, жгли библиотеки, разбивали статуи... Ибо надо думать о боге и готовиться к будущей вечной жизни на том свете.»

Не думай, читатель, что все это уже в прошлом. Это и наше с тобою будущее. Уже моя племянница выкинула на помойку книги Даниила Андреева и Льва Толстого. Так я оказался среди великих. Так почтил меня мой народ. И я надеюсь, что он почтит меня еще больше, когда на помойку поволокут и меня самогó!»

«Феофил, Архиепископ Александрийский (см. с386), правил своею Церковью с 380 г. по 412 г. Его память увековечена, кроме побед над языческой культурой, также ожесточенной борьбой с Иоанном Златоустом».

«В августе 410 года пал Вечный город, олицетворение могущества, символ непобедимости. Пал под ударами варваров (гóтов) Рим!»

Будем объективны: гóты не были христианами. Но Рим пал прежде, чем его захватили готы. **Римская империя была побеждена христианством, Бог победил человека, Миф победил культуру.**

Но что же с Гипатией, которой поклонялась интеллектуальная элита Александрии?

Святой император Феодосий Великий за время своего правления (379 - 395) нанес решающий удар язычеству: он издал закон, по которому всякого рода служение языческим богам признавалось преступлением, в том числе он запретил изучение и преподавание математики, **занятия ею карались смертью.**

В обстановке непримиримой враждебности по отношению к математикам (и вообще к культуре) "злоба поднялась против той женщины, и *святая Гипатия*, – как называл ее Синесий, – была объявлена *посланицей ада, всецело преданной магии, астрологиям и музыкальным инструментам*, завлекающей народ своими сатанинскими хитростями".

В марте 415 года "множество верующих в Господа", *дикие звери*, как сказал о них *Дамаский*, подстерегли возвращающуюся Гипатию. вытащили ее из повозки, разодрали на ней одежду и убили черепками битой глиняной посуды, а затем тело предали сожжению.»

По другим свидетельствам, с нее с живой содрали "шкуру".

3. Сны

Надаться не на что... А о снах я еще расскажу.

На днях мне приснилось, будто вечером в мае я шел по своему огороду с лопатой в руках, небо заволокли непроглядные тучи, шел сильный дождь, земля была размокшей и расползающейся, какой-то мглистый свет освещал округу, было тепло и от земли тоже струился теплый светлый туман. И хотя я уже промокал, но начал копать землю и собрался ее копать до полуночи, и такое счастье струилось в меня с огорода, что я заплакал счастливыми слезами.

Но разве такой же день не неотвратимо наступит и в яви через четыре с половиною месяца? "Здравствуй, огород! – скажу я громко. – Вот я и вернулся!" (Кажется, в июне, совсем недавно, она мне звонила в деревню, мы смеялись, говорили всякие милые пустяки, и были блаженно счастливы, потом у нее кончились деньги, и стал звонить я, и у меня кончились тоже, но оказалось, что можно заказать "отложенный платёж", через десять минут уже можно было говорить, но потом кончились и эти деньги, и я звонил в Мегафон, и они мне еще прислали какой-то аванс, и мы стали говорить снова, пока не кончилось все, что можно, и так мы существовали одновременно и в вечности и в мгновении, которое остановилось, потому что оно было прекрасно. А ведь мы ни разу не целовались – за что же нас обвинять в преступлениях против государственного порядка?)

Но вернемся к христианам – *покаялись* ли они в своих двадцати веках

насилия над человеком культуры? И над крестьянами тоже? Да и кто не страдал? Они преследовали и своих собратьев по вере, причем нередко различия в правилах веры были так незначительны, что и историки христианства не всегда умеют их объяснить...

Да, есть те, кто верует в Бога, ожидает небесного царствия, не встретятся ли они на небе с Гипатией? Ибо я не сомневаюсь, что надо всеми богами, которым мы поклоняемся, царствует славный **Бог справедливости** – и неужели он нас, покорных *рабов божьих*, поклонников Иисуса из Назарета, поместит в райские кущи, а доблестную Гипатию заставит влачить на небе мукотольные жернова? Невежественных и диких полузверей-полулюдей, хотя и угодных богу, поелику они нищи духом, сдиравших шкуру с Гипатии, будет кормить медом и цветочной пылью, а ее будет мучить?

Все может статься, ибо вглядываясь в дела и свершения христиан, в их чувства и помыслы, я столько вижу злобы и низости, столько лицемерия в том, как монахи целуют, влача на костер, что я готов помолиться Богу, но только затем, чтоб в посмертном бытии мне не воскреснуть!

Если же мне суждено воскреснуть тоже, то не помести меня рядом с твоими верными, *Бог справедливости!* Если же хочешь, чтобы мы все там обнялись, и кто предавал, и кто был предан, и кто убивал и кто убит, а пуще всего те, кто мучил, и кто был мучим, то лучше обрати меня в земляного червя и пусть уж лучше я буду жить во влажной и жирной плодоносящей земле! (Ибо мне приходилось испытывать боль, как и бунтующему Ивану.)

4. История Веры

Если бы я был евреем, я бы написал книгу: «Евреи и христианство» или даже «Евреи и Христос» или хотя бы «Евреи и ап. Павел».

Сколько любви расточается этому племени в Новом Завете!.. сначала Иисус говорит, что *Он пришел спасти только Свой народ*. По разным поводам говорится это не раз, и меня это задевало, потому что и я был последователем Христа, как мне казалось (пока меня не просветили, сначала Торквемада, потом Кьеркегор), и я ревновал Учителя, пришедшего только к ним, а совсем не ко мне, словно я незаконно через забор подслушиваю Его проповеди.

Потом апостол Павел, "еврей из евреев", пытается оправдать язычников, следующих за Христом, тем, что хотя евреи и есть та лоза, которую возделывать пришел Спаситель, но и "привой к их лозе" вправе рассчитывать на милость Господню. Потом он смирился, когда евреев, следующих за Христом, почти не осталось, и как-то удивительно доказал, вопреки словам Пришедшего, что Он пришел к тем, к которым не приходил.

А потом историческая жизнь в меня хлынула, и так как я дитя любви и справедливости поэтому чувствую особенно остро, я вдруг увидел, что пострадали от Христа, рожденного Марией, правоверной иудейкой, больше всего евреи, потом уж другие.

И в Александрии времен Гипатии их унижали, и Торквемада влачил их на дыбу и на костер, и в Англии их преследовали, и во Франции, и в Италии, и в Германии, и в Египте, и в Константинополе – и преследовали их и ученики Иисуса Христа, *еврея по матери*, и апостола Павла, *еврея из евреев!*

А на самой заре христианства, когда только евреи и были христианами,

видевшими Христа и уверовавшими, преследовали евреев из христиан и сами правоверные из евреев: «А Савл [будущий Павел] терзал церковь, входя в дома, и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу».

Нетерпимость и ревность были отличительнейшей чертой иудаизма, они же перешли в христианство и даже усилились, и через всю человеческую историю проходит одно и то же: *Сторонники веры* (в Христа, Маркса, Ильича, Иосифа) "терзали человека, входя в дома, и влача мужчин и женщин, отдавали в темницу". Кровь и слезы заполнили землю, населенную теми, кто ее любил, и в этих слезах и в этой крови были повинны те, кто ненавидел землю, но клялся в любви к небу. (Но я думаю, что кто не любил женщину, сначала мать, а потом возлюбленную, тот не мог возлюбить даже и те химеры, которые проповедовал).

5. Введение в Историю любви

Взявшись написать "Метафизику любви", я надеялся написать хотя бы о любви к женщине, лишь поверхностно затрагивая любовь к Богу или к партии или к тиранам, ибо в основе любви к женщине есть хотя бы ясный почти вещественный мотив, то есть Инстинкт, *природное, родовое и индивидуальное влечение* к ней. Но и то найти понимание с материалистами мне не удастся, они влипли взором в жажду размножения, и почему эта жажда требует индивидуальной дифференциации, их не волнует, а ведь и они сами не хватают первую попавшуюся и не тащат в кусты, чтоб размножиться, но стреляются и вешаются из-за одной конкретной, как, например, Маяковский из-за Лили Брик (хотя бы она была *бля из лядей*), и только Шопенгауэр смешным образом (а высмеял его Владимир Соловьев) объясняет индивидуальную привязанность стремлением, якобы, выискать наилучшего *родителя* для будущего *рожденного* (будто бы Мария вперяла взор свой в небо и вздыхала о небесном Вседержителе, отвергая земных).

Именно личную привязанность я и ставлю в основание любви (что противоположно общему родовому инстинкту), и называю любовь *притяжением* в отличие от вещественного *тяготения* (всех ко всем), чтобы подчеркнуть личность. Не хотение женщины в основании *любви к женщине*, а хотение только этой, именно этой женщины, а иногда и НЕ хотение, а черт его знает что. Поэтому я и пишу сквозь все перипетии всемирной метаистории (то есть истории бессмысленных убийств в отличие от истории убийств осмысленных, имеющих побуждение и корысть) про свою собственную безумную привязанность – смогу ли я объяснить хотя бы одного только себя? Может быть, читатель (читательница) сравнит меня с собою (а мой читатель особенный, уж если он претерпел и дочитал даже до сих пор, то таких не более тринадцати на все человечество) и что-то увидит общее в нас (чего у других, возможно, даже в зародыше нет) и мне об этом расскажет (за бокалом вина или обнимаясь со мной на скамейке).

Итак, история у человека странная, она состоит из *истории* и *метаистории*, которая не только странная, но и безумная, и Любовь у человека странная (даже одна только любовь к женщине, которая, по мнению большинства, проста как глоток воды: *хочется, можется, и – в кусты... с любовью!*).

Историю Европейских народов (и даже только России) я знаю плохо, поэтому о ней не пишу. И метаисторию я тоже знаю плохо, я вообще не историк, я ведь редактирую не учебник Истории (хотя отчасти мог бы и редактировать, справился же я с толстенным томом "Истории геологических открытий"), но я надеялся *редактировать человека!* И теперь я не пишу философию или историю или математику, я *рассуждаю*, я пишу Записки, я пишу о себе, и это умеет каждый! И я напишу про то, как я влюблялся, что чувствовал – и этот рассказ мой достаточен для моей Метафизики любви. Другой не скажет больше. (Но так ли это, скажет читатель).

6. История моих влюблений

Эта история длинная, и надо запастись терпением. Впрочем, это не совсем история, не конкретные рассказы о той или другой, а своего рода *метафизика* моих влюблений.

Влюбляться я начал в двенадцать лет, девушки мне нравились тоже двенадцатилетние, или чуть старше, до шестнадцати. И так это и оставалось на долго, и нравились мне преимущественно девочки от двенадцати до шестнадцати, что было безопасно, но недавно что-то покочнулось, начали нравиться мне и старше, и привела меня новая любовь к таким мучениям, что я уже не уверен, что даже если застрелюсь, то это поможет.

Тридцать лет назад ... Сегодня мы с нею разговаривали по телефону, рассуждая обо мне и моих книгах, и вспоминали начало... Когда ей исполнилось тринадцать лет, мы стали гулять по городу, держась за руки, и объяснялись в любви, и я писал ей стихи, роман наш продолжался два года, но в пятнадцать лет она меня бросила. Конечно, мы не целовались, но я думал, что когда-нибудь мы будем целоваться. Что же до Шопенгауэровского инстинкта, то его у меня к ней не возникало, у меня не появлялось желания ни производить с нею потомства, ни наслаждаться в кустах или даже при свете свечи. Я понимаю, что те, кто обуреваем мечтой затащить в кусты любую встречную девушку, меня не поймут, но я надеюсь, что они меня и не прочитают. Да ведь они не поймут и тех, кто тратит деньги на филармонию, вместо того чтобы в подворотне сообразить на троих и так славно провести три часа! (Но я не только часть того целого, которое слушает музыку сфер, я и настройщик механизма, который их над нами вращает. И в то же время во мне определено не всё тем, чем я являюсь, а именно, я еще и тот, который не я, и другое целое определяет часть моей жизни, и в подворотне на троих, бывает, соображаю и я. Бывают и неожиданные исключения и из первого и из второго не-я. На лестнице, поднимаясь в служебный дом, я встретил девушку, которую видел впервые, и предложил ей пойти со мною распить шампанского – в подворотню. И она пошла, и мы распивали, а потом целовались...)

Быть может, уместнее сказать, что я живу не так... не так, как надо, не так как все. Не так, как последователи гулящих и пьющих. Не так, как ученики апостола Павла. Не как большевик и не как христианин. Не трезвенник и не пьяница. Однако, только меня избирают себе в компаньоны и те и другие...

Та, с которой сегодня утром мы разговаривали о любви, из бывших моих мучительниц, и когда ей было пятнадцать лет, и отрочество ее закончилось,

она ушла от меня к другому, а я на литовских холмах под Вильнюсом проводил ночи, рыдая в тоске. Но сегодня она готова уже со мною заплакать, остановись, кричит она мне, уже пять месяцев у тебя промокает подушка, скоро тебя не излечат и самые сильные лекарства, а она не стоит одной твоей слезинки! Ты самый необыкновенный мужчина из всех, и если бы мы вернулись назад, я поехала бы с тобой на холмы, на которых ты плакал, чтобы вытереть твои слезы. А эта – бездушная стена на непроезжей дороге, мертвая кукла, пустая заноза, сухая виноградная лоза, из которой не сочится вино жизни!

Зачем ты ее любишь, когда так много живых?!

6. Девочки, детская любовь

Ребенок любит мать, и это тоже любовь, из нее вырастает и та любовь, которую любит взрослый. Но мы любим разнообразно, апостол Павел и Шопенгауэр – это две границы нашего прекрасного любовного сада; любовь по апостолу – возможно, потусторонняя любовь, та, которую мы будем любить после смерти нашего тела, если у нас еще будет живую душу, если душа вечна. Любовь по Шопенгауэру – это любовь телесная, когда души еще нет или она не проснулась. Есть ли еще и третья любовь, которую проповедают преподобный Игнатий и бывшие девы, ставшие христианками, существует ли она? В их проповедях столько кликов об умерщвлении, что я уже не уверен, что они раздаются из того мира, а думаю, что из гроба. Я не отрицаю, что существует Бог - Дух святой, но не существует отдельно дух, сам по себе, без души и без тела, и потому не существует духовная любовь, как не существует и телесная любовь. У любви много качеств, она бывает горячей и сдержанной, страстной, безумной, неверной, легкомысленной, "случайной", ее иногда можно назвать одухотворенной, даже духовной, имея в виду ее возвышенность, музыкальность, поэтичность, нежность, мягкость... но не имея в виду буквально, как сумасшедшие Иеронимы и бывшие комсомолки, которым уже нечем давать, что существует воистину такая любовь, в которой НЕТ чувств "плотского сердца", нет движения и волнения крови, сердце не только не кипит, но даже не бьется – и такую любовь они противопоставляют чувству живого человека, призывая к умерщвлению и распятию не только плоти, но даже души. Но хватит о них вспоминать, надо забыть про все бредни бестелесных иссохших монахов, более мертвых, чем смерти!

Но я хотел написать о детях, а разразился сам горячими восклицаниями, казалось бы, неуместными при разговоре об "ангелах", вспомнил о мумиях, живых и мертвых. Но это не зря: ДЕТЕЙ нет и не может быть в христианстве, где призывают не прикасаться к женщине, и где не звенит детский смех, а все как сморщенные старички и старушки.

Пишет Розанов, что ведь ребенок, по христианским воззрениям, «и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человека, их стрежневой *грех*!

"И что я поддельною болью считал, То боль оказалась живая..."

Это не литературный спор, но *бытийственный*.»

И дальше, говоря о любви, я буду говорить о детях, чего никогда не встречается в тупых, мертвых и пошлых, велеречивых и паточных, высокопарных, лживых, придуманных словесах о *любви к ближнему*.

Приведу отрывок из разговора Ивана и Алеши в романе Достоевского:

«Я читал вот как-то и где-то про ...одного святого, что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. *Я убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя епитимии.* Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь.»

«Об этом не раз говорил старец Зосима, – заметил Алеша, – он тоже говорил, что лицо человека часто *многим еще неопытным в любви людям мешает любить.* Но ведь есть и много любви в человечестве, и почти подобной Христовой любви, это я сам знаю, Иван...»

Вот удивительный пример, когда одна ложь противостоит и дополняет другую! Деланности, искусственности христианства, невозможности его для *нормального человека* (как, правда, невозможна и моя жизнь для *нормального человека*, моя – с филармониями, библиотеками, собиранием книг и пластинок, театром, восхищением красотой, гуляниями по городу, вместо «кино, вино и домино») Достоевский противопоставляет какого-то сухого себялюбивого эгоиста, не желающего вообще видеть в человеке его человеческое (как ни одна христианская проповедь не обращалась к живым и чувствующим и работающим, рожаящим и творящим людям, а то к блудницам, то к пьяницам, то, напротив, к агнцам на жертвеннике, вроде князя Мышкина). И херувим Алеша, ссылаясь на Зосиму, превращает любовь в почти профессиональную работу, и словно *«еще неопытной в любви» Сонечке Мармеладовой* дает совет не обращать внимания на «лицо человека», которое *«мешает любить»*. Одной лживой патоке противопоставляются сразу две лжи: одна злобная какая-то любовь эгоиста, который убежден, что «чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь», а другая ложь от *профессионала любви*, монаха (профессией которых и является **любовь**, как у *жриц любви*, в гареме у султана или в борделе, образец их любви – доминиканский брат, целующий еретика, влекомого на костер). [а что я в раздражении вспоминаю бордель, не случайно: и у Достоевского много таких героинь (если уж не намекать на героиню наших бесед, Полину), и среди христианских святых в особенности, а в разговорах у «жриц любви» речь и идет часто об опытности и неопытности в *любви* (и именно этим словом они и называют то, чем занимаются за деньги, и чем монахи занимаются по призванию)]. Оба эти вида любви вызывают у всякого живого человека отвращение, у такого человека, который любит не по епитимии, не по долгу, не чтобы заслужить райские кущи, не в результате многолетнего изнурительного истязания плоти, а просто любит, по случайной симпатии, по жалости, по движению крови.

Итак, дети, которые почему-то ко мне притягиваются, разного возраста, преимущественно девочки, от трех до тридцати семи лет, как Анна.

Во всех своих книгах я о них вспоминал, никогда я не замечал их намеренно, встречи с ними были случайны, как и со взрослыми, но дети мне

симпатизировали больше, чем взрослые. При этом, если на девушек я смотрел как на девушек (и специально для органов дознания отмечаю, что на девушек я смотрел на тех, которые уже были вполне женственны, а, следовательно, были достаточно взрослые, и В., в которую я влюбился в одиннадцатилетнюю, была исключением), то малолетние девочки меня **не** влекли в том известном смысле, о котором после "Лолиты" не рассуждать уже невозможно, рассуждая о женщинах. Но – в детях ведь тоже проявляется ПОЛ! И если взрослые мне интересны преимущественно женщины (а мужчины становятся интересны обычно уже в преклонном возрасте, когда мужские амбиции и самомнение у них выветриваются), то и *девочки мне интереснее мальчиков*. (Боюсь, не миновать мне тюрьмы!)

7. Девочки, любовь

Много я писал про Анечку, с которой познакомился, когда ей было восемь лет, и ее привели ко мне на суд, потому что она "врала, будто я ее дедушка" (так сформулировала обвинение десятилетняя Диана, потрясающе красивая, на которую я смотрел раскрыв как ворота глаза). Я, как вы помните, тогда вышел из положения, сочинив историю о том, что мы, как цыгане, обошли вокруг березы три раза, загадав желание, и так она стала моей внучкой, после чего Диана тоже взяла меня за руку и повела вокруг березы, но на третьем круге благоразумно остановилась: «А вдруг вы задумали, чтобы я стала вашей женой?» (А она догадалась, что мне понравилась, так как женщины одинаково чувствительны в этом отношении и в три года и в тридцать). [Так и потерял я всякую надежду ее к себе привязать!]

Теперь вспомню одно состояние, которое я испытал через два года (а с только что рассказанного эпизода начались мои особые отношения с детьми С---ского села, которое было в двух километрах от моей деревушки и где и жили все те дети, с которыми начались мои романы. И эти особые отношения состояли в том, что мы с женой начали возить рюкзаки с одеждой и обувью, так как эти детишки были разуты, раздеты и голодны.)

Анечка побывала в больнице в Новгороде, ее только что привезли к маме, а я шел с автобуса в свою деревню, проходил мимо их дома, и хотя уже было десять часов вечера, но решил зайти. Она уже спала на широкой кровати в деревенской избе, рядом лежала ее мама Юля, я сел с краю, и решил положить рядом привезенные мной подарки, тихонечко их достал и положил. Она открыла глаза, улыбнулась, и начала раскладывать подарки на кучки, младшей сестре и маленькой двоюродной сестренке (которую я в буквальном смысле научил поднимать голову и смотреть на человека, а до того она смотреть боялась, отчим ее бил). Заботилась она о них больше, чем о себе, и я погладил ее по голове и одну куклу переложил в кучку к ней, а она опять ее отставила.

И вдруг мне захотелось заплакать, и я не сдержавшись всхлипнул.

А вспоминаю теперь, что тогда испытывал я такое блаженное состояние сладострастной какой-то страдательной любви, что потом и на улице плакал.

Но дело даже не в том, что было тогда, а что когда я в первый раз встретился с своею теперешнею мучительницей, она была чрезмерно накрашена (для встречи со мной), и смотрела исподлобья, стесняясь поднять

глаза (и обычно так смотрела, опуская голову, и на других), то меня словно ударило в сердце, и я тоже чуть не заплакал, и это в то мгновение я ее полюбил, несчастный, а она со своим "святым батюшкой", ненавидя теперь меня, воображает, что я хотел, чтобы она стала моей любовницей. А она мне не нужна! Но я никак не могу ее бросить, потому что думаю, что вдруг она без меня пропадет, ведь она после нашей встречи стала смеяться и стала счастливой, и мы пили вино и смеялись и я целовал ее руки, и конечно, это любовь, и душевная, и плотская, и греховная, и страстная, и от движения крови, и от движения сердца, и от похоти очей, и от сострадания, но и от похоти плоти тоже (разве я не обнимался с нею?) – но какая же все таки это любовь? И я теперь только, наконец, понимаю, что никогда ее ни в чем упрекать не буду, даже если бы она меня застрелила, теперь только, ...

.....

что-то промокли несколько строчек, расплылись чернила, приходится писать ниже...

наконец, понимаю, что я полюбил ее за всех тех девочек, которые в меня влюблялись, а они почему-то в меня влюблялись, хотя я был суров и серьезен, но, правда, дарил конфеты, но скорее всего, дело в том, что я с ними разговаривал, а рыжая Ксюша при встрече сбивала меня с ног, бросаясь в объятия! (но вот им исполняется по двенадцать лет, и они начинают меня стесняться и сторониться и место одних занимают другие).

Женщина в ребенке проявляется всегда и во всем. Младшая дочка Анны, четырех с половиной лет, когда мы ехали в электричке, сидела на полу, по какой-то причине рассорившись со своим семейством, и я на нее иногда смотрел, и она на меня поглядывала тоже, потом, при прощании, я подал ей руку, потом в деревне, при встрече, я снова пожал ей руку и спросил, помнит ли она меня... Если будущим летом я приду к ним снова, то она меня вспомнит, и через десять или через двадцать лет мы с нею будем дружить, я знаю и чувствую, что женщина и мужчина руководимы судьбой, а не собственной волей, и с мучительницей нас связала судьба. Если она меня разлюбила, то это неотвратно, легче удержать Землю, чтобы она не отвратилась от Солнца, чем заставить вернуться женщину, которая тебя бросила... Но...

Но вдруг она еще не совсем от меня ушла? Мне только надо теперь самому ее бросить, а я не могу только потому, что мне ее жалко, вдруг она очнется, а меня рядом нет, и она заплачет?

Но я ее брошу (ради будущего).

Я не буду писать ей, не буду звонить, не буду напоминать.

Я ее забуду, я стану к ней равнодушен.

Алеша Карамазов говорит: «...есть и много любви в человечестве, и почти подобной Христовой любви, это я сам знаю, Иван...»

А в чем выражается эта Христова любовь? Что Он последовал какому-то безумному и бессмысленному повелению Отца сделать так, чтобы его распяли (для спасения, якобы, человечества)?

Я не буду по этому поводу спорить, это символ христианской веры. Я только спрошу на прощанье рассказа: *Спас ли Он евреев*, для спасения которых Он и пришел, как сам говорил? Не из-за него ли их били и бьют?!!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Свобода, Любовь и Вера

1. Свобода и Любовь

26 декабря, полночь. Слушал романсы, и даже заплакал.

«У церкви стояла карета, Там пышная свадьба была. Все гости нарядно одеты, Невеста всех краше была.

На ней было белое платье, Венок был приколот из роз. Она на святое распятые Смотрела сквозь радугу слёз.

Горели венчалные свечи, Невеста стояла бледна. Священнику клятвенной речи Сказать не хотела она.

Когда ей священник на палец Одел золотое кольцо, Из глаз её горькие слёзы Ручьём потекли на лицо.

Я слышал, в толпе говорили, Жених неприглядный такой. Напрасно девицу сгубили, И вышел я вслед за толпой.»

Горько и больно. И когда Татьяна Ларина говорит Онегину: "Но я другому отдана и буду век ему верна", – она гордится своей добродетелью, верностью долгу. Но добродетель ли это, а не покорность рабыни? Та же самая, к которой призывает Христос каждого раба, повелевая его слушаться своего господина, да притом не только по долгу, но еще и "в простоте сердца"?

Христианство неотделимо от Мифа о грехопадении, ставить ли в центр этого мифа *природную любовь*, которая соединила Адама и Еву после вкушения плода с "Древа познания добра и зла", или *непослушание и бунт*, которые в течение двух тысяч лет христианского владычества вытравились из человека проповедью *покорности*?

История с помощью великого противостояния Культуры и идеологии (Ренессанс и Просвещение), Расколов христианской церкви (Реформация в Европе и Русский раскол в России) и великих Революций (прежде всего Французской, а затем Русской) ослабила и даже уничтожила власть христианства (и только в рабской России оно снова вернуло себе влияние), и впервые в истории плотская любовь стала привилегией свободного человека – хотим ли мы теперь снова вернуться туда, где "рабы, повинуйтесь своим господам" и "жены, повинуйтесь мужьям своим.. дети, будьте послушны родителям вашим"? Даже Ветхий Завет, призывающий детей *почитать* родителей, учит праведному сравнительно с христианским *послушанием*.

Лживы слова и поступки современного человека, но вдвойне лживы слова и поступки христианина. Он называет себя этим именем, но искренен ли он? Считает ли он, что и Конституции завоеваны народами напрасно, и надо бы их отменить, и надо снова вернуть те патриархальные отношения, которые скрепляли иудейское общество на заре христианства, но не были свойственны античному миру и порядкам Римской империи, а тем более не свойственны обществу, отвергнувшему феодальную зависимость и Крепостное право? Моя *мучительница* Крепостное право ненавидит, а что же она приказала себе стать рабыней, что же она благословила рабство для себя самой?

И не следствием ли только христианства было Крепостное рабство в России? И не христианство обратило в рабство женщину, лишив ее свободного выбора мужа?

Христианство – религия скопчества (слова Розанова).

Но мне возражают, что церковь благословила брак, благословила на создание семьи (но не на любовь) жениха и невесту, так благословила, что "когда ей священник на палец одел золотое кольцо, из глаз её горькие слёзы ручьём потекли на лицо."

И кого же слушается моя милая, кто ей велел *не встречаться со мной*, муж ли (который имел на это право, если она согласна с повелением "жёны, повинуйтесь мужьям своим"), или священник?

Но я уже не узнаю правды, потому что не напишет она мне больше, а мне она велела ей не писать...

2. Правда жизни и церковь

Отвергнув мир и призвав уйти из него, христианская церковь разрушила Римскую империю и захватила мир в свое владение, и епископские дворцы превзошли пышностью дворцы императоров и их заместителей.

Призывая не жениться и не выходить замуж, оклеветав человека своим мифом о *первородном грехопадении* и *прокляв рождение детей*, церковь, тем не менее, пролезла во все щели жизни, не только в отпевание усопших и их похороны, но и в брак (символизируя его в венчании); и в рождение детей, символизируя его в *воцерковлении* (внесении ребенка в церковь) и в *крещении* (причислении ребенка к "Воинству Христову"). «Достоевский... взял в пример необъяснимости вообще страданий абсолютную правду, чистоту: *дитя*. Ему в ответ кидается: *дитя-то* и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человека, их *стрезневой грех*.»

Но как трудно, как тяжело жить с правдой после двух тысяч лет лжи! И Василий Васильевич Розанов не выдерживает тяжести правды и вдруг восклицает: «старушка пришла в церковь, зажгла свечку, и помолилась, и такая благодать на нее снизошла! Кто это выдумает? Ни ученый не создаст, ни писатель не сочинит!» (странно, что они еще остались, после Феодосия Великого).

А чем еще церковь помогла старушке этой? Что заставляла служить помещику, царю для войн сыновей отдавать, девок замуж отдавать против воли, грамоты не знать, на медицину не уповать, мужу угождать, за всякое случайное живое чувство трепетать – а ну как в ад поволокут?! И даже надзидала эта церковь за тем, как мы празднуем, какие песни поем, как в постели с милыми обнимаемся...

Я жил рядом с колочей проволокой, в 53-м начали многих выпускать из лагерей, но широко все бесчинство сталинистской эпохи поколебалось после 56-го года, после осуждения "Культа личности" – а в 55-м в нашей Решетинской школе давали валенки самым бедным, и моему младшему дяде (старше меня только на полтора года), который учился со мною вместе, выдали валенки как ребенку из многодетной семьи – отчего же было бы не удивиться, как

хороша советская власть! А что мы на полвека отгородились от Европы, построили железный занавес, лишили свободы даже мысли всех еще мыслящих – об этом стоило бы не думать и замолчать?

Так и Розанов мне возражает, рассказывающему про Гипатию и уничтожение ДОТЛА многотысячелетней древней культуры, на месте которой христианство воздвигло Пустыню, рассказывая по старушку, которая и в то время ходила, наверно, в церковь и зажигала свечу?! Так дикие пески пустыни и надвигались на оазисы цивилизации и культуры со всех сторон, и поглотили и Рим и Европу и на тысячу лет засыпали Развитие, но некогда и Эллада и культурный Рим предохраняли себя от чрезмерного засыпания, потому и великий Александр смог пределы Ойкумены расширить и до Средней Азии, и в Индию, и в Персию, и сама Александрия воздвиглась; и сегодня дикие толпы тоже хлынули в Европу, и либо открыть все границы, и не задерживать, не умерять поток, и скоро будем затоплены, и сами станем пустыней, либо отчасти только, разборчиво разрешать диффузию извне, оберегая внутри?

Умные все всё и сами понимают, но ... А попробуй перевозражать всем вздорным и вредным идеям, когда бы, казалось, каждый образованный и сам в состоянии и должен оценить и все положительное и все пагубное?!

Ах, Василий Васильевич, допекла тебя "Суслиха", – ты и на христианскую церковь посмотрел внимательнее, и на семейный вопрос в России, и на церковь, и о том, что это из-за христианской церкви ежегодно определенное число "незаконно-рожденных" детей губится, *умерщвляется* в России – а чуть отпустило тебя, прижался покрепче к своей "незаконной" супруге, и вновь умилился христианским свечечкам, и забыл, что четвертью всех крепостных владела эта церковь, и монашеские епископские дворцы поражали роскошью, и ... Господи, да до каких пор напоминать обо всем этом, уже скоро и бумаги не хватит! Нет, мало тебя мучила Полечка, мало она тебе изменяла, мало ты слез пролил и прошений писал великим владельцам русской духовности (и Победоносцеву в том числе), прося деток своих признать твоими! Впрочем, и меня моя "Полечка" еще не домучила до смерти, может быть, я бы тогда и писать научился, и доводы умные явились бы и сильнее и по форме выразительнее! А сегодня опять не выспался, опять полночи о ней проплакал, да, думаю, уже с ума сойду скоро...

3. Отвлекусь на минуту в сторону...

Вдруг набрел в Интернете на переписку Розанова и Вл. Соловьева (а у меня где-то засунут громадный том "Писем Соловьева", но из-за тесноты жизни и какой-то совершеннейшей безысходности ее мне даже и к полкам не подойти, где этот том может быть храниться. Я разве могу написать, как я устроен в быту? А благонамеренный идиот скажет мне: Так иди и заработай денег на квартиру, если ты такой умный и поучаешь других?!

А я хоть и умный, и мог бы хоть учить математике, а то литературе, и детей этого идиота, но в этой стране, где власть и захватили как раз идиоты, меня даже в сторожа не берут, не только в преподаватели! И дети идиотов

вырастают неучами, и с новой юной Гипатии будут скоро сдирать шкуру. И хорошо если через две тысячи лет вновь прорастут "Плоды просвещения" и под толщей помойки новые археологи раскопают мои сочинения (как и Розанова, кстати сказать...)

Но ладно... Ранее я писал о возражениях К. Леонтьева Вл. Соловьеву за нападки того на Страхова и Данилевского, а позже со Страховым Соловьев даже рассорился. И вот:: «Страхов был глубоко и "окончательно" разочарован в Соловьеве и на предложение мое и "наше" (семьи моей) сказал: "Ничего из этого (т.е. свиданья с Соловьевым) не выйдет". ... Но по мягкости согласился с ним свидеться. Соловьев и он обедали у меня: и тут уже Соловьев не обращал никакого внимания на хозяев, весь предавшись примирительному порыву своему и ходя около Страхова, как нянька около больного ребенка – больного раком – он знал!! Страхов отвечал тем любезно-равнодушным тоном, который связывает отношения в вялый узел, не держащий крепко людей. Не забуду, как в прихожей Соловьев одевал Страхова: именно как нянька ребенка и еще точнее – как сестра милосердия больного. Мне не пришло на ум, что "вялый узел" отношений можно было затянуть крепче, еще и еще заставив их встретиться. Но и сам я жил уторопленно-смятенною жизнью в те дни, и Страхов так быстро подходил к могиле, что "укрепление дружбы", обычно рассчитываемое на долгую жизнь, ни перед одним из нас не встало даже вопросом.»

[Данилевский был националист (напоминаю), Соловьев европеист, и разразился очень грубой статьёй против Данилевского (всё и сегодня повторяется, Россия отгораживается от Запада, и патриоты и либералы ругаются). А ведь и те и другие отчасти правы, отчасти неправы, а правитель-ство ведет свою грубую, дурную политику, то растворяя нас в западе, то отталкивая – и что мы можем поделатъ, споря между собой? Вот я националист, и современный Запад даже и не люблю, но нельзя же отгораживаться, это во вред нам, особенно при наступлении Востока и уничтожении исламистами последних остатков античной культуры!]

Но пора вернуться все же к обсуждению Легенды о Великом инквизиторе. Говорили же мы о посторонних вещах, потому что иначе не увидим многой неправды в рассуждениях о свободе несвободных людей!

4. Для чего мы здесь собрались, господа?

Итак, пора вернуться к Легенде, но возникают затруднения, без устранения которых никак не удастся возобновить разговор.

Теперь я представляю себе наше положение таким образом: Мы собрались в классе, тепло, сухо, чисто, но после предыдущего урока была открыта форточка, надо ее теперь закрыть, потом закрыть дверь, и лучше на щеколду, чтобы никто не мешал, затем надо приготовить кусок мела, положить перед каждым листки бумаги с карандашом, вытереть доску – ну, вот, теперь, пожалуй, можно и начинать.

Розанов пусть будет адвокат, выступающий с обоснованиями и оправданиями разных положений, остальные – свидетели обвинения и защиты, я же

совмещаю в себе функции Обвинителя и Председателя суда и даю слово то одному, то другому.

Но прежде надо ввести всех в курс дела.

Во-первых, надо охарактеризовать ту историческую эпоху, в которой состоится наш суд. "*Событие (преступления)*" состоялось дважды: во-первых, в 16-м веке, когда Христос неожиданно пришел в Севилью после *грандиозного торжества* христианской церкви, то есть грандиозных казней еретиков в Испании, в Севилье, и смутил счастливый народ, радующийся торжеству, и был Великим инквизитором заключен в темницу за то, что пришел мешать Церкви, довершающей дело Его; во-вторых, это "*событие*" состоялось за пятнадцать веков до этого, когда Он пришел впервые и возвестил Истину.

Первое пришествие было и "утверждением Истины" и ниспровержением ее одновременно, ибо, *с одной стороны, всё началось*, что потом происходило и стало, и учение было возведено, и Новый Завет явлен в мир, и церковь была создана, и ученики собораны, и традиция и священная христианская история началась и затем происходила, то есть происходили погромы языческой культуры (но другой культуры и не было), и становилось и развивалось учение (в частности, был утвержден символ веры), и происходили религиозные расколы и борьба с ними, и учреждена священная инквизиция, и пытки и казни, и Крестовые походы и религиозные войны.

Что Христос принес в мир? Вот это все, что я перечислил, Он и принес, все сие вытекало из Учения, которое Он возвестил и которое проповедовал, вытекало из Его деяний, Распятия и Воскресения и деяний апостолов. И ни одного слова из перечисленного нельзя ни убавить ни прибавить. И Он после того в мир не приходил, в события НЕ вмешивался, и своего несогласия с политикой церкви, ни на Западе ни на Востоке, никогда не высказывал. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что что-то было не так, как Он замыслил (как и, аналогично, нельзя утверждать, что с чем-то в строительстве социализма и коммунизма в СССР были не согласны его основоположники, Маркс и Ленин).

Пришествие в Севилью было, можно сказать, полу-событием, своего рода сном наяву, ничего, проливающего какой-то иной свет на христианство и историю церкви, Он не сказал и не сделал, да Он и вовсе не произнес ни одного слова в ответ на упрёки Торквемады, то есть Он даже не был действующим лицом трансцендентного богословского спора (если этот спор еще можно назвать богословским, потому что за такой спор реальный Торквемада сжег бы не только Христа, если бы тот пришел и осмелился спорить, но и Достоевского, и Розанова, и меня, и даже Севилью).

Итак, было пришествие, возведено учение, создана церковь, совершается сакральная история церкви и полусакральная история мира, идут чередом казни, Великий инквизитор видит сон, во сне будто бы является Христос, Великий инквизитор объясняет Христу (но в действительности самому себе, и нам, слушающим его) замысел Христа по новому становлению мировой истории, отличному от Античной истории, и высказывает некие упрёки Христу, что тот что-то сделал не так, как должно.

Ах, господа, все здесь не так просто, это своего рода новая апория Зенона!

История свершается как следствие пришествия и учения, и церковь – следствие. Христос никогда не сказал, что что-то идет не так. Не сказал Он этого и в этот раз. И сама церковь ни разу не говорила, что она отказывается от своей истории и что христианство в Европе было ошибочным. И богословие этого не говорило. При этом, хотя в 1054 году произошел Великий раскол (на Католичество и Православие), но канонические различия между ними незначительны, и нет оснований считать, что одна из церквей не является полным следствием учреждения христианства в I-м веке.

Никто не говорил, что христианское учение исправляется и корректируется: как оно было принесено и возведено, так оно и осуществилось, во всяком случае, в Православии так, и Достоевский и Иван Карамазов не утверждают обратное. И в католичестве так, и Достоевский не утверждает обратное. Да и Иван высказывает это как гипотезу, но оценить европейскую церковную историю как отход от Христа он не пытается. Да и кроме того, можно было бы обвинять церковь (и западную и восточную) в гонениях на культуру, на свободу совести, на свободу выражения религиозных, философских, политических и социальных воззрений, но ни автор романа, ни его герои таких обвинений в отношении церкви не высказывают.

Итак, никто никогда не говорил, что история церкви свершилась не так, как была замыслена Христом.

И сам Великий инквизитор ... да, только он говорит, что:

1. Христос не совершил того, что ему надлежало совершить.
2. Он (инквизитор) и те, кто с ним ("мы") ИСПРАВИЛИ дело Христа. (но так как Восточная церковь существенно не отличается от западной, и смысл и содержание веры тождественны и здесь и там, то реально *никакого исправления не было*).

Следовательно, Церковь такова (по существу), исторически развиваясь и претерпевая внутренние разногласия, не имеющие отношения к Легенде, какую она и была замыслена и создана, и Новый Завет тот самый, что и прежде.

Следовательно, содержание легенды сводится ТОЛЬКО к представлению Великого инквизитора о том, что мог сделать, что сделал и чего не сделал Христос.

И позднейшие интерпретаторы, рассуждая по поводу Легенды, объясняют читателям, что именно сделал Христос, и почему Он не сделал того, что предлагал Ему диавол, и почему это было бы плохо. Следовательно, речь в привлекающем наше внимание эпизоде из романа идет об Искушениях Христа в пустыне (из Евангелий) и богословских рассуждениях Достоевского, поясняющих их смысл. Рассуждения Великого инквизитора о том, что "мы" исправили "дело Христа", не имеют никаких исторических оснований, не подкреплены никакими фактами истории. В чем именно состояло такое исправление, кто его осуществлял? И отличалась ли история на Востоке от истории на Западе? Изменение Европейской истории связано с эпохами Возрождения, Просвещения и Гуманизма, Реформацией, Великой Французской

революцией и связанными со всем перечисленным социальными, хозяйственными, промышленными и политическими изменениями. Вследствие всего перечисленного произошло ослабление влияния Церкви и христианства на европейскую жизнь во благо Культуры и человека.

(И даже моя мучительница когда-нибудь, когда очнется, поразмыслит и скажет, что железные дороги, аэропланы, пароходы, телевизор (будь он неладен!) и телефон не зависят от того, что она и другие такие же дурочки слушаются *батюшку*, ходят в церковь и молятся (даже и за меня, чего я у них не просил, а только о встрече и разговоре), и может быть, снова начнет читать книги, и будет читать и Толстого и Достоевского, и Вольтера и Стендаля, и снова начнет ходить в филармонию и театр, а не только молиться, и слушать музыку, Бетховена и Шопена, Чайковского и Рахманинова, а не только повторять мантры Белого братства, и вдруг посмотрит на прекрасный божий мир, не замыкающийся стенами храма и церковною проповедью, и поедет гулять в Павловский парк, если уж не со мною, то, возможно, с другим, да хотя бы и с собственным мужем или с подругами... И я задумываюсь: А надо ли мне рассуждать и спорить по поводу Легенды, саму мифологемную схему которой можно и нужно изложить условно – именно точно и по существу – так: «мне снился сон, говорит Иван, будто я Великий инквизитор, устав от сожжений еретиков, я шел по улице Севильи, в которой почему-то дома стояли крышами к низу, и устав от тяжести головы, заснул ее подмышку, и задумался о существе геометрии, в частности о судьбе треугольных квадратов – мог ли быть свободным человек, если бы вместо оных были квадратные треугольники?»)

Ибо если бы это был не фантастический сон, не имеющий отношения ни к геометрии, ни к истории Европы, ни к истории Русского раскола, ни к истории Столетней войны во Франции и сожжению Жанны Д*Арк, ни к противостоянию Вольтера Католической церкви, ни к Великой Французской революции, то не начал бы и Розанов свой анализ этой Легенды не с ее собственного содержания, а с оправданности или неоправданности страданий детей и с их невинных убиений по вине той самой христианской церкви, которую так ожесточенно защищают философы и христиане.

5. Вступительное слово Председателя. Продолжение

Пока я сам пытался понять, о чем идет речь у автора романа и у его критиков по поводу Легенды (как ее назвал Розанов), я уже забыл, в чем упрекает Инквизитор Христа. Разумеется, надо перечитать соответствующие страницы романа – но не повторить ли их коротко и для читателя? Ведь мы, "присяжные критики", только об этом и размышляем, и даже ночью к некоторым из нас приходят волхвы и объясняют темные места размышлений – а читатель, если даже и возьмет мою книгу, то, бегло перечитывая страницы, ничего не поймет при беглом чтении и перечитывать не будет (он ведь не к экзамену готовится). Достоевскому он, по крайней мере поверит на слово, и читая о том, что Христос пришел дать крестьянам волю (как сказал Степан Разин), сомневаться в этом не будет, а во всем, что он прочтет у меня, усомнится, если я запутаю его своими рассуждениями. А запутываю я его

потому, что сам ничего пока не понимаю и пытаюсь понять. Ф.М. хотел поговорить о Христе и о том, что без Христа мы пропадем, и противоречив ли изложенный им рассказ или нет, вразумителен ли он или нет, ему не так важно, как сказать, что без Христа мы пропадем, как и совсем недавно никто не сомневался в том, что "прошла зима, настало лето, спасибо партии за это!" А верили в то, что это так, почти все поголовно, и в газетах и по телевидению сообщали, что Маркса напечатано в мире в семь и одну десятую раза больше, чем Библии, и воспоминания Ильича (уже второго по счету) изучали в каждой школе и все доярки его знали почти наизусть (а я еще захватил Сталина, при котором если ты с газетой, в которой была его речь, пошел ... "не туда", а сосед своевременно сообщил куда надо, то и расстреливали и сажали и пытали – помните фильм Тарковского "Зеркало"?)

Итак, я пытаюсь понять несколько вещей, от которых зависит моя жизнь: почему человек нуждается в вере, и верит то в Партию, то в Ленина, то в Христа, и бывает счастлив, и те, которые сегодня не представляют своей жизни без церкви, неужели не знают, что еще двадцать пять лет назад многие не представляли своей жизни без советской власти и комсомола и были счастливы, и в церковь не ходили ни днем ни ночью? А ходивших туда было совсем не много, и ходили туда только бабушки, но даже и они не спрашивали у *бабушки*, как им жить и с кем встречаться. Эта мода началась только сегодня. Воистину, мир перевернулся!

Итак, почему христианство стало вдруг играть такую большую роль в жизни именно образованных людей, не меньшую, чем в религиозно-философских обществах Мережковских и Розанова в начале двадцатого столетия? Что именно человек ищет в нем и находит? Чем привлекательно было христианство на протяжении столетий, от самого своего возникновения? Или причина в авторитете власти, общества, церкви, среды, семьи?

А узнать я это хочу только потому (и пишу только потому, что хочу ответить именно на этот вопрос), что мне надо понять, почему без церкви и без священника и без причастия не может жить моя миленькая, и без них пропадет, и *для них меня бросила, и из-за них меня возненавидела...*

6. Вступительное слово Председателя. Окончание

Надо напомнить хотя бы самым кратким образом содержание "Поэмы". Разделим ее на три части, которые я представлю в цитатах.

Часть первая. В 16-м веке в Севилью, в разгар инквизиции, является Христос, как раз после массовых сожжений. Народ Его узнает, теснится к Нему, Он совершает чудеса, и тут является сам Великий инквизитор и велит Христа забрать в темницу.

Затем ночью он приходит к Нему и говорит: «Зачем ты пришел **нам** мешать? Ведь *ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде!*» ...

«завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков»

Затем инквизитор объясняет, почему ничего нельзя добавлять к прежде сказанному: «Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда,

полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“?» (Когда он это говорил? Кто это слышал?!)

«Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? ...»

Но «ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?»

Часть вторая. Далее инквизитор рассказывает о трех предложениях диавола, трех искушениях Христа.

«Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: „Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то *обетом свободы*, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – *ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!*»

«*„А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное,* хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои.“ Но ты *не захотел лишить человека свободы* и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что *человек жив не единым хлебом...*»

Но «никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными... Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы... Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики.»

«... Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего.»

«А между тем *в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего.* Приняв „хлебы“, ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую ... – это: „пред кем преклониться?“ ...

ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, – *знамя хлеба земного*, и отверг *во имя свободы и хлеба небесного.* ...

...но ... вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше! Или ты забыл, что *спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла?*

А между тем то ли предлагалось тебе? *Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет.* Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: „Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его...“, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. ... Ты понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. *Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько*

бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных...»

«Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: „Сойди со креста и уверуем, что это ты“. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но... ты судил о людях слишком высоко... ..Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал!»

[**Третье искушение, которого нет в поэме:** «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: "все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне." Тогда Иисус говорит ему: "отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи"»].

Часть третья. «И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут **тайна** и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать *тайну* и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любви, а *тайна*, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. ...»

«Мы исправили подвиг твой и основали его на **чуде, тайне и авторитете**. И люди *обрадовались*, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки.»

«К чему же теперь пришел нам мешать? ...То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя *тайну* нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: **мы не с тобой, а с ним**, вот наша **тайна!** ...»

«Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, ...мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, ...хотя и не успели еще привести наше дело к полному окончанию.

А между тем ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв... [его], ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: *пред кем преклониться, кому вручить совесть* и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо *потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей.*»

О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся.

Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо *ты вознес их и тем научил гордиться.*

Говорят ... что ты придешь вновь ...со своими избранниками... но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех.

Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, *которую ты благословил людей.* Но я очнулся и не

захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. ...

...он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» И выпускает его на «темные стогна града». Пленник уходит.»

Но стоило ли мне ввязываться в этот бессмысленный спор? – ибо поэма запутана и противоречива, потому что автор запутался при конструировании ее? (Хотя, впрочем, роман не обязан походить на учебник математики)... И, быть может, и стоило, если я достигну задуманного...

7. Вера и любовь, миф и культура

А ввязался я в этот спор лишь затем, чтобы понять, чем же так смертельно притягивает христианство человека, чтобы понять *её*; и еще я надеялся своею книгой привлечь внимание к себе хотя немногих, с тем, чтобы и *она* узнала, увидела, поняла, что все это я сделал ради *неё*, и если бы не вернулась, то хоть оценила мою любовь и порыв и пролила на меня хоть одну слезинку...

Или бесполезно всё, и она ничего не вспомнит, и никогда не вернется, и даже слезинки уже не прольет надо мною?

Но хватит страданий! Схожу с орбиты! Стану кометой, летящей мимо. Я проиграл, и войска разбиты, И изменилось течение Гольфстрима.

Но хватит страданий! В пространстве мысли Ты потерялась, уже навечно. Стала звездой на коромысле Старой проезжей дороги Млечной.

27.12., полночь. «Так чем же так чуть ли не смертельно притягивает Миф человека?» – и притягивает часто именно смертельно, уже не отпуская, навсегда, не так, как любовь, которая расширяет человека, возвышает его, но при этом оставляет в мире, а только так, как захватывает наркотик или алкоголь, *порабощая*? И не всегда возвышая? (Разве *исламские смертницы* являют собою идеал нравственного возвышения? Или крестоносцы? Или фанатики-монахи, грабившие Александрию? Или доминиканцы, перевозившие еретиков через "огненный Стикс"?) Как затягивает воровство и разбой, и приключения пиратов? *Война, Революция, Тайные общества и Подполье*? Как затягивает женщину разгульная жизнь, тоже *порабощая*? Притом, попадая в омут *порабощения*, человек не стремится к нему из-за наслаждения или легкой жизни – какая легкая жизнь у монаха или монашки в монастыре или у пуганы в Публичном доме или на улице? Или тех и других нельзя сравнивать даже по формальным признакам? Но как же тогда пуганы становятся святыми, а бывшие пираты папами Римскими (Иоанн XXIII-первый)?!

А еще я вспомнил послания апостола Павла и его рассуждения о язычниках, *привитых* к иудейской маслине, избранных вместо евреев... Возможно, я и смею распутать клубок «Легенды» – но надо ли? Объясню ли я тем притягательность безумия? Ибо меня волнует только любовь. И я просыпался, думал о *ней*, умилялся и умолял. Она уже не вернется. Но мы друг друга будем вечно любить *вчера*, ибо прекраснее этой любви не будет!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Аленький цветочек

1. Подводя черту под вчерашним днем

28 декабря, взошло солнце. Не успел начаться день, а я уже устал.

12-00. Пойду на улицу за хлебом, в пять пойду на небольшой пикник, а вечером приходит Борис О., будет говорить о литературе.

Вернусь, и закончу свои рассуждения о любви, и писать о *ней* не буду, пока не пройдет мое сумасшествие.

Я **виталист** (от лат. *vitalis* – «жизненный»), за основу "**Я**" я принимаю душу, или **энтелехию** – (в философии **Аристотеля** внутренняя сила, заключающая в себе цель и результат), поэтому хватит раскисать!

Я взял табуретку за ножку и поднял на вытянутой руке, потом по табуретке в каждой руке. Нет, ничего не изменилось за последние двадцать лет!

Поэтому решаюсь, вызываю на состязание знаменитых философов, писавших о «Великом инквизиторе» – зря ли я мучаюсь, распугывая нити Ф.М.?

Но так, как теперь, я никогда еще не сходил с ума, прав Тютчев: «*О, как на склоне наших лет Сильней мы любим и суверней!*»

Я понимаю, что это Небесные силы (волхвы) подвергли меня испытанию – или это способ заставить меня сделать или написать что-то важное?

Ах, если бы мы только дружили, держались за руки, гуляли, философствовали, писали стихи?! И ни слова не говорили о любви!!

2. Приступая к новому дню

Итак, в продолжение своего очерка о «Поэмке» Ивана Карамазова я помещу несколько своих комментариев к комментариям и статьям Бердяева, Лосского и, возможно, других – и к ней и к «Легенде» Розанова. Потом напишу о Кьеркегоре (не написал почти ничего. **13.13. 16**).

Потом попытаюсь написать о причине, притягивающей человека к мифу (нет, пока не узнал. **13.13. 16**).

И если я еще останусь жив после датчанина, то и станет видно, на чем я закончу книгу, и на чем успокоится мое уязвленное сердце...

Но прежде *академических* философских прений надо объяснить страстность, с которой я и обыденно разговариваю и пишу. Сошлось на автора книги «Вера в Бога как источник повышенной опасности» Гарри Цыганова: «Религия – политическое оружие. Вера – интимное чувство. И не надо пугать одно с другим. ...мне непонятно, как "незатейливые фантазии" чуждых русскому духу людей овладели умами целой нации, и правят ими уже многие века; почему вера в Бога определяется ритуалами, но не сутью вещей, не смыслом и образом жизни...»

Моё чувство *верующего* оскорбляет эта ложь. Меня оскорбляет и нынешнее православие, и церковь, и та **навязчивость, с которой слуги божьи пытаются проникнуть во все сферы жизнедеятельности.**»

Добавлю к сему: после **Античности** человек существует только в пространстве аксиом. Нет *предположений* и *умозаключений*, нет *обсуждения*.

Ничто не доказывается, все только утверждается, связь с вещами и явлениями определяется только **Верой**. Даже Любовь, чувство, почти неотделимое от *vitalis* – *жизненной силы*, почти неотделимое от основного инстинкта Природы – *Инстинкта продолжения рода* – неожиданно утратила права гражданства, только вера определяет, можно ли любить и как.

Но если Истина не выводится, не определяется, не ищется и не находится не только в рассуждениях, но часто и в самой жизни, в страданиях, спорах, сражениях и даже в смерти, а только утверждается и принимается слепую верой, которая и требует слепоты, и является аксиомой, то культура бессмысленна, бессмысленны философские рассуждения и сами философы. И в знаменитой Легенде, послужившей основанием для полуторавековых литературных баталий, не обосновывается ни одно положение. Старец Зосима, любимый герой Достоевского, говорил, что ничто важное нельзя доказать, но *можно проверить* – но здесь ничто и НЕ *проверяется*. Аксиоматический метод спора заразителен, и многие из оппонентов вываливают в дополнение к Легенде набор таких же безосновательных аксиом, не требующих обсуждения, главная из них: *Христос дал человеку свободу*. Даже не поясняется – какую? Очевидно, не политическую, не социальную, не религиозную... какую же? Онтологическую, метафизическую, трансцендентную? *Бытийственную*? – используя термин Розанова?

3. *Есть ли Бог?*

Еще в 1870 г. в письме к Аполлону Майкову от 25 марта, Достоевский писал: «...*Главный вопрос, который приведет в во всех частях [романа], – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие*. Герой в продолжение жизни – *то атеист, то верующий, то фанатик и сектант, то опять атеист.*»

И я думаю, что воистину и в 18-м и в 19-м веках высшее общество было сплошь атеистическим. Они даже не дифференцировали понятие Бога, они его не соотносили с той или иной религией, они делили сознание на две формы: теизм и атеизм. Снова цитирую **Гарри Цыганова**:

«Верую ли я в Бога? Этот распространённый у нас вопрос ставит меня в тупик. Всегда хочется уточнить: в чьего Бога?»

Действительно, что это за явление? Кто это?

Философское понятие, истина в последней инстанции? или это личность, верховный Судья, мировой Разум?

Или это нечто неуловимое, тайное, существующее как сакральный символ, не определяемое, но понятое.

Причём, на интуитивном уровне – абсолютно понятое.

Всю свою жизнь меня мучил этот вопрос, ответ на который я знал.

Мучила меня очевидность ответа. ... бог жил в моей душе всегда. С самого рождения и до сего дня, и в этом для меня не было ничего необычного.

Необычно было бы его отсутствие.

... будучи художником, я интуитивно ощущаю свою принадлежность к вечности. Для меня потусторонний мир так же естественен, как мир реальный. Более того, *инобытие* – моя постоянная среда обитания, моя кухня,

если хотите. ТОТ мир для меня ближе и понятней, чем ЭТОТ. Поэтому вопроса, верую ли я в загробную жизнь, в вечную жизнь – не существует. Как можно не верить в то, в чём живёшь?..

Присутствие Бога в *том* мире так же естественно, как кислорода – в *этом*.»

Разделим людей на группы в их отношении к бытию Божьему. Одни уверены в том, что Бог существует, другие уверены в обратном. Третья группа – не уверенные.

Теперь разделим людей на группы по религиозности, по *чувству присутствия Бога в мире*, или Духа святого, или некоей силы, которая, как солнечный свет и тепло, освещает и согревает Землю.

Кто же из них точно атеист? И кто мучается существованием Бога?

У меня странное ощущение, что мучающийся вопросом о бытии Божьем – точно атеист, и даже если он приходит к выводу, что Бог есть – он не становится религиозен, это все равно что, наконец, умозрительно решить, что любовь есть: означает ли это, что человек влюблен?

И вот Достоевский, глубоко *не-религиозный* человек (как и почти все русские писатели в 19-м столетии), сочиняет теологическую беседу, в содержании которой он точно не разбирается (это то же самое, что если бы пятилетние дети начали с умным видом рассуждать об особенностях женской любви) – то есть, я хочу сказать, что он не притворяется, но совершенно не понимает, о чем говорит! *Принес или не принес Христос свободу?* Достоевский не знает, что такое свобода... то есть, он сидел на каторге, он должен знать, что такое свобода, и те, которых он описывал в романе «Записки из Мертвого дома», знают, что такое свобода, и жаждут ее, тоскуют о ней, но он отбрасывает это свое знание, он начинает рассуждать о свободе воображаемой, иной, реально не существующей... (у меня возникает следующее сравнение: человеку, обычному человеку, в социалистической пропаганде и в литературе Максима Горького противопоставлялся Человек с большой Буквы. Существовал ли этот Человек? Разумеется, нет. Вот и о свободе в Легенде говорится не о той, которую мы все знаем, а о Свободе с большой Буквы. Поскольку ее НЕ существует, то спор о ней и вопрос о том, принес ли ее Христос, жаждет ли ее человек или он ее страшится и жаждет обменять у инквизитора на что-то более ясное, повисает в воздухе (умозрительном).

Итак, *нерелигиозный* писатель (просвещенный, патриотический, глубоко народный, художественно талантливый, из дворян, не знавший крепостного состояния и даже на каторге выделенный из низшего сословия) пишет о религии и свободе... а мы с умным видом обсуждаем то, что он пишет.

Или: гимназистка, из хорошей семьи, благонаправная, пишет сочинение о пуганах...

И заканчиваю свои недоумения отрывком из того же автора (Цыганова):

– Ты кому служишь? – допытывались у меня некие мрачные субъекты. И было ясно: они точно записали себя в *Христово воинство*.

– Да я как-то так...

– Массон что ли?!

– Да нет... один тусуюсь. Пока без единомышленников.

– Еретик, значит. Смотри у нас! *донграешься*...

4. Бытие Божие и свобода

Иудей, мусульманин и буддист не сомневаются в том, что Бог есть. Возможно, потому, что их Бог ясен. Сомневается в существовании Бога только христианин. И сомнение это начинается в Новом Завете, начинается с первого же явления Иисуса Христа в мир. Ибо принимали или не принимали Христа верующие иудеи, они уже верили в Бога своего народа, и Христос заявил, что он тоже пришел к **своему** народу и пришел его спасти!

Но то, что он сын Божий, в евангелии высказывается неуверенно, не сразу, проявляется постепенно.

И так же иудей верил в своего Бога, в Бога своего народа, не отделяя от него Духа святого, хотя, оглядываясь на Ветхий Завет, тем более на Новый, находим подтверждение в них и христианскому догмату о Троице:

“Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою” (Быт. 1:2).

“Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит” (Иоан. 3:8).

“Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа” (Матф. 28:19).

Окончательно определено догмат о Троице был сформулирован на Никейском соборе – но пусть кто-нибудь из православных, не богословов, объяснит мне затруднения хотя бы Тертуллиана, Оригена и Ария, созидавших Учение, но все же **еретиков**, и я увижу, верует ли православный в нераздельного, хотя и неслиянного Бога, или... – и сим я только хочу подчеркнуть тернистый путь учеников Иисуса Христа, правоверных иудеев, порвавших со своей "религией отцов" и ставших христианами, но не нашедших последователей на родине, но лишь вне "святой земли", среди язычников, которые разрушили Античную культуру, безжалостно и беспощадно ее уничтожая и искореняя во всех пределах Римской империи и колоний, а затем в протяжении истории сосуществования иудеев среди христиан были главными гонителями иудеев и еще более тех из них, кто принимал христианство (прочтите историю Инквизиции, читатель!).

Но и сегодня христиане так и не приняли единого догмата Троицы, исповедуя Никейский Символ веры, православные веруют в Духа Святого «ниже от Отца исходящего», католики же – «от Отца и Сына исходящего, с Отцом и Сыном достойного принять поклонение и прославление» (что и разделило церковь на две ненавидящие друг друга части, которые в войнах проливали реками кровь своих братьев во Христе), хотя и те и другие веруют «во единого Бога Отца... Сына ... и Духа Святаго», хотя те и другие язычники в основном своем таинстве – **Причащении** (ибо Бог един и Он невидим, ибо не имеет в себе ничего от мира видимого, и не имеет ни плоти ни крови, но лишь быв воплощен в человека и рожден, и распят, и затем воскрес и вознесен в духе, но не во плоти).

Зачем я все это пишу? Кому это надо?

Надо это, по-видимому, только мне, потому что я хочу понять, с кем спорит (внутри самого себя) Великий инквизитор. Другим это по-фигу...

И я хочу понять отношение Бога и Свободы.

И я хочу понять отношения человеческой воли и воли Божией. Ибо повсеместно проповедуется, что надо человеку отказаться от своей воли, но жить по воле Божией (а понимают ли они сами, что это значит?)

И я хочу понять, надо ли женщине спрашивать у батюшки, с кем ей встречаться, и жить ли так, как *батюшка скажет*.

И я хочу понять, отменяет ли вера в Бога в человеке, ставшем христианином, его природность, то есть его милосердие, жалость, сочувствие, чувство товарищества, природную любовь (в частности, любовь к детям). Становясь христианином и *живя с Богом*, человек уходит от людей, перестает быть человеком. Христианство не милосердно, и христианский Бог жесток. Можно ли доверять *христианским* обещаниям любви, обычным житейским взаимоотношениям с ними?

«*Бог философов, писателей и ученых*» не мешает мне помогать чужим детям, любить их и заботиться о них, быть верным товарищем, патриотом своей родины, писателем, математиком, написавшим Учебник высшей математики, быть полезным и достойным редактором, не мешает мне любить свою семью и заботиться о ней (вопреки всему, что скажет по моему поводу нелестного справедливая критика, ибо я человек, а НЕ ангел), этот наш Бог (который проникает и освещает и одухотворяет наш видимый мир и не повелевает нам перестать его любить и о нем заботиться) не мешает нам ЖИТЬ достойно и снискивать любовь и признательность окружающих.

Ваш Бог, мои дорогие христиане, отделяет вас от других людей и от мира. Он приводит к тому, что вы «живете с Богом», но уже не живете с людьми, вы становитесь чудовищными эгоистами, заботитесь только о себе, думаете постоянно о себе и своей падшей душе, на которую направляете все свои жизненные силы, все свои усилия... Ваш Бог столько от вас требует, что многие из вас отказываются от семьи и детей во имя Бога, становитесь на колени и вопиете: Господи, я **весь Твой**, всего себя отдаю тебе, готов для тебя всем пожертвовать, даже, как Авраам, готов для тебя зарезать собственного сына, отказываюсь от своей воли... до бесконечности...

Но главное еще хуже: христианка (христианин), предаваясь Богу и начиная «жить с ним», становится *плохим человеком* в человеческом смысле этого слова. Кьеркегор швыряет в лицо своей невесте обручальное кольцо и потом прячется от нее, когда она в слезах караулит возле его дома, чтобы с ним объясниться. Моя подруга, отказавшись дружить со мною, отказалась и объясниться со мною и хотя бы сказать, что она теперь стала святой, и встречаться с посторонним мужчиной не будет, тем более что такие встречи греховны, и встретиться на прощание ей не велит *батюшка*, у которого она спрашивала позволения.

Влюбившись в замужнюю женщину, я, вероятно, поступил плохо (а пишу слово "вероятно", потому что влюбленный уже плохо соображает, он отчасти сходит с ума)... Но отказываясь проститься с тем, кто из-за нее страдает, *она* поступает хуже. Вот наши человеческие понятия о добре и зле (но у христиан нет ни добра ни зла в нашем, человеческом смысле этого слова!).

Привязываясь к мифу, человек отвязывается от людей.

Культура, которую он любит или сотворяет, ущербна. Мораль – тоже.

Нацист, поклонник Гитлера, закрывает глаза на преступления своего народа по отношению к другим народам, на газовые камеры, на страдания евреев, цыган, "расово-неполноценных", врагов Германии, ... он готов, в конце концов, для торжества своего архаического, мифологического, которое он считает единственной истиной, уничтожить весь мир.

Большевик (в частности, "верный ленинец", троцкист, сталинист) производит коллективизацию и индустриализацию, убивает миллионы кулаков, буржуев, белых офицеров, попов, помещиков, буржуазных интеллигентов, инакомыслящих, мыслящих – оставляя только НЕмыслящих, и в конце концов Российская империя (как недавно Римская), украшение мира, собравшая и сберегшая двенадцать народов в единый народ, потеряла три четверти своей численности, потеряла свои леса, засорила реки, зарастила ольхой и крапивой пашни, уничтожила девять десятых своих деревень, сожгла дворянские усадьбы, растлила народ, разучила его работать...

Христианин (православный, католик, "раб божий", крестоносец, доминиканец, иезуит, инквизитор, воин из "**Воинства христового**" – и чтобы не подумали вы, что христиане только агнцы божии, для справки: «одноименная организация в Испании, насчитывает 5 тыс. членов, действует с 68 года, организовывало теракты, погромы, убийства демократов и коммунистов»).

Что же свершили христиане? Разрушили все культовые памятники архитектуры в Европе и частично в Азии, уничтожили все древние книгохранилища, многие светские памятники, отменили Олимпийские игры, гимназии и гимнастику, сожгли и убили часть философов и ученых, замедлили развитие науки на полторы тысячи лет, опорочили Любовь, создали новый тип семьи, основанной не на любви, а на принуждении. Защищали богатства церкви и епископов, духовенства, монархов, феодалов, защищали рабство, бесправие, принуждение, истребляли инородцев, инаковерующих, неверующих, сомневающихся, гордых, непокорных, прославляя только **смирение и рабление**.

Свобода детей Авраама. «...мы семья Авраамово и не были рабами никому никогда!» Достойные слова, и я позавидовал им, и чуть ли не воскликнул, нельзя ли и мне прикоснуться к их гордости? Но тут вспомнил, что и я не менее достоин, ибо я потомок казака, бывшего правой рукой Ермака, покорившего России Сибирь.

Но гордость сыновей Авраама мне близка и понятна. Как же относятся к ним христиане?

Вот что сказал им Иоанн-предтеча: «...порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. ...»

...но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; ... лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.»

А вот что сказал Тот, кто сильнее:

«Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.»

А в другой раз «...сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: "а если прейдете в слово Мое, то вы истинно Мои ученики, и **познаете истину, и истина сделает вас свободными.**"

Ему отвечали: *мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда*; как же Ты говоришь: *сделаетесь свободными?*

Иисус отвечал им: *"всякий, делающий грех, есть раб греха. ...Но ...если Сын освободит вас, то истинно свободны будете."*

Только эти слова – ключ к разгадке **свободы**. Иисус пришел и обещал освободить только от власти греха. Ни о какой другой свободе не шла речь в Новом Завете, ибо и раб по-прежнему повиновался господину, и дети повиновались родителям, и муж – жене.

5. Батюшка НЕ разрешил!

Сначала небольшое предисловие.

Напоминаю слова Христа: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. ...»

...Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их...»

Теперь еще о моих грехах. Ни отца, ни брата, ни сына я не предавал, ни мать и ни сестру, и никого из домашних, но всех любил и о всех заботился. И перед женой если виноват, то пусть она мне сама о том скажет.

Но перед товарищем своим виноват я, хотя я с *нею* даже *не целовался*.

Но даже: *принадлежит ли женищина?* Она мне показала, что она не принадлежит даже тому, кто душу свою отдавал за ее спасение, она же в моем отчаянии не захотела даже придти проститься со мной.

Так чем я и перед кем виноват?

И я ли оскорбил Бога, или священник, вмешавшийся не в свое дело? Воистину, они уже хотели бы даже дыханием нашим руководить, и чтобы ветер подчинялся их воле, и с кем разговаривать и на кого смотреть, богобоязненная должна испросить у батюшки. (И вы еще удивляетесь словам Лермонтова о России: «страна рабов, страна господ»!)

6. Слова ее о том, что она без меня жить не может – ложь!

К вере ее нежелание проститься со мной не имеет никакого отношения, сказал мне «нормальный» старый христианин. Забудь о них и о священнике, которого они должны были бы просто послать подальше, если бы они тебя любили. Они тебя не любили. Они уже оскорбили и тебя и любовь тем, что спросили у священника об этом, любят ли они тебя. Он им и сказал, что они тебя презирают. Но и он оскорбил Бога тем, что вмешался не в свое дело, да еще и бога приплел в виноватые.

Много нынче бесов, вступающих от имени святых. А ты грешник. Но не бойся быть грешником, все мы грешники. Но лишь немногие из нас бесы, и

те, которые принимают на себя миссию говорить от имени бога, подумай, от кого, скорее всего, они говорят?

Но об этих, которые тебя отвергли, забудь.

Если бы они тебя отвергли от себя, ты еще мог бы надеяться. Но они тебя отвергли не от себя, а ссылаясь на кого-то другого... При чем тут вера в Бога? Если они верят в Бога, пусть сначала покаются перед Богом, что они так неблагородно, даже низко, оскорбительно поступили с тобой. Нельзя так унижать мужчину. И если они раскаются, и попросят тебя простить их за их малодушие, или глупость, или бессердечие, может быть, тебе можно было бы с ними еще разговаривать. Но лучше о них забыть, другие лучше. Всякие, верующие или неверующие. Противно мне даже рассуждать об этом, как будто Бог – это сводник или дуэнья...

7. Она – прекрасный цветок на поляне нашего мира!

И все же не они виноваты, а церковь, отринувшая мир во имя загробного царства и вцепившаяся в тлен сего мира, находящегося, якобы, под властью дьявола, со всею своей загробною силой. И присвоившая себе право связывать и развязывать всё, что в нашем мире.

И они, те, кто сводит с ума наших подруг и похищает детей (как о том писал Розанов), и даже более, кто виновен в смерти детей, *обреченных к вычерку из книги жизни*, самодовольны и счастливы. А те, кто сходит с ума, начиная *жить с Богом*, несчастны, они в отчаяньи, они умирают. И что действительно умирают наши подруги, наши прекрасные дети, узнаем мы, прочитав Кьеркегора.

Но и те, кто присвоил себе наше право, умерли тоже, умер и Кьеркегор... об этом узнаем мы, прочитав мои книги.

Мертвое почему-то сильнее живого, цветущее увядает и умирает, а химеры незыблемы. Что обещали нам в царствии небесном, что нас так туда повлекло? Да ничего, по сути, и не обещали, кроме того, что там не женятся и не выходят замуж, и чтобы туда попасть с гарантией, надо и здесь ни жениться, ни выходить замуж, засохнуть прежде, чем пески заполнят оазисы жизни, высохнуть еще ранее, нежели моря обезводеют, стать лишь увядшим листом на древе Господнем раньше того, как само Древо увянет.

Тот мир увлекает нас лишь потому, что нас страшит смерть и наказание за то, что мы жили. Вот этот ***страх смерти трансформируется в любовь к смерти***. И этот феномен психология описала, изучая поведение заложников у мусульманских террористов, когда заложники вдруг начинали любить своих мучителей. Так же любят тиранов, и чем тиран безжалостнее и кровавей, тем любят его сильнее. Так любили Троцкого и Ленина, Сталина и Гитлера.

Миф стоит над добром и злом, он жесток и страшен, поэтому и влечет.

Мною движет мечта, противоположная бесплотности рая, мечта о *цветочной поляне*, над которой летают шмели, пахнет сладким медом, мир благоухает, в центре она, мой нежный *Аленький цветочек*, который расцвел благодаря моей любви... ***И ей я все еще верен, и все еще тоскую о ней...***

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Духовное рабство и Свобода

1. Христианская церковь и Свобода

29 декабря, утренняя заря. Вчера вечером согрешил, с В--ой напилась в шампане, я ей плакался о моей безумной любви, и она обещала заплакать, жалея меня. «Ты уже сошел с ума?! – восклицала она. – Опомнись, она не единственная такая, мир помешался, немало тех, кто тронулся из-за веры в царя. Моя подруга меня прокляла, потому что я нелестно о нем отозвалась, она обменяла меня, подругу всей жизни, на того, кто явился к ней только недавно. То же и здесь. Бесплотный Бог заполнил все поры ее тела, души и пустых глазниц. И ты для нее умер, проиграв тому, кто никогда не жил нашей жизнью, не целовался, не краснел, не вздыхал. Отринь ее хотя бы во имя тех женщин, которые сохнут без любви, потому что таких мужчин, как ты, способных к романтической и вместе страстной любви, уже не осталось!

17-00. Вечерняя заря. Выходил на улицу, звонил В. "Забудь, забудь ее! – кричит мне моя подруга. – Она перешла через Стикс и назад уже не вернется. Я сужу по своей подруге, рассудительной, умной, образованной, много поездившей по Европе. И что толку? Вдруг, в одночасье, сошла с ума, обвесила себя портретами, шепчет мантры, причащается у телевизора, ходит с хорульгами, забыла и про детей и про мужчин, он единственный заполнил в ней всё!"

17-30. Читаю про свободу, и перестаю понимать даже то, что понимал раньше. Одни говорят, что все в мире взаимозависимо, – и в таком случае, о какой свободе может идти речь? Через час я пойду слушать ораторию «Кармина Бурана», билеты купила жена, ей меня жалко, она не знает, что я страдаю из-за несчастной любви, но чувствует, что я устал, много работы, нет даже собственного угла, безденежье, издательство не встает на ноги, читателей нет... Какая у тебя свобода, спрашивают материалисты.

Другие говорят, что надо покориться судьбе или Богу, не потворствовать собственным прихотям, раствориться в воле более высокой, чем наша, и это, мол, и есть свобода – подобно тому, как большевики утверждали, что **диктатура** (пролетариата) – это высшая форма свободы.

Нужно разделить мир надвое, на внешнее и внутреннее. Положение личности в мире, ее поведение, самосознание и изменение зависит от отношения человека к миру, самое важное определяется личностью, и только неважное зависит от мира.

Что же важное? Умный человек или глупый, добрый или злой, образованный или необразованный, талантливый или нет (да, ум, великодушие, талант не определены при рождении, многое зависит от мировоззрения). Растворяя себя в мифическом сознании, человек отказывается не только от собственной воли, но и от личности, ее же свойства зависят от труда и творчества, прилагаемых к миру. Сколько человек делает для мира, столько он делает для себя.

Но какое отношение к миру вырабатывает в христианине христианство? На что оно требует направлять и тратить энергию, душевные и физические силы, время, талант? На Бога, на церковь, на каких-то охолоделых, дурно

пахнувших прохожих (о чем рассказывал Иван Карамазов). А тратить себя надо на тех, кого любишь, а любить надо прежде всего семью, близких, друзей, родину, культуру, природу. Остаются еще силы? – (ибо некоторым живется очень трудно, не хватает энергии накормить и одеть собственных детей) – тогда накорми голодного чужого ребенка, вытащи из сугроба замерзающую пьяную девушку, как я... (да, было и такое, и я приволок ее домой, отогрел, накормил, и отправил домой на такси), отгони от карьера ползущего туда по снегу пьяного (как я), помоги случайному, дальнему, ненужному, чужому... помоги, в конце концов, и церкви, помолись в ней и Богу – но не заслони Богом мир, чтобы вся энергия уходила на молитвы и производство *гормонов радости*, о которых писала моя бывшая подруга (но эта бесовская "гормон"изация – не ее изобретение, это *батюшки* создают нового человека, во всем подвластного "культу").

Впрочем, я уже пишу не о свободе, а о духовном рабстве, в котором пребывает человек, подвластный мифу. Чтобы не показалось, что я излишне предубежден против засилия церкви в частной жизни, послушаем великого физиолога академика Ухтомского, окончившего в молодости Духовную академию и прожившего три года в монастыре. *Это пустая и никчемная жизнь!* – вот его вывод.

К сожалению, божественные дары, которые человек приобретает при рождении, не безграничны, а у многих не так велики. И тратятся они бездумно, и часто бездарно. Чрезмерная религиозность сегодня большинству только во вред, естественный эгоизм в христианине возрастает, отчуждение от семьи увеличивается, духовный кругозор сужается, любовь к миру становится ущербной, Бог восходит на горизонте как Новая звезда, и затмевает живую жизнь. ***Жизнь с Богом и жизнь для Бога – это суррогат подлинной жизни, это наркотик, фанатизм – особого рода наркотическое опьянение, религиозный фанатик – наркоман.***

29 декабря, полночь. Слушал ораторию «Кармина Бурана» Карла Орфа, тема судьбы потрясла меня своей музыкальной мощью так, как не потрясал никто. Не надо сердиться мне на бывшую подругу, а надо испытывать к ней благодарность за блаженство прошлой любви!

2. Личная и общественная Свобода

Свобода определяет и состояние внешнего мира – и состояние личности; все то, что относится к свободе, определяющей мир (общество) – и все то, что относится к свободе, определяющей самочувствие, возможности и поведение личности, необходимо разделить – насколько возможно.

Уподобим человека путешественнику, идущему по дороге, а дорогу, по которой он движется, ментов, погоду, время года и дня, то есть всю сумму внешних условий, уподобим обществу.

Тогда очевидно, что обстоятельства, связанные с личностью: намерениями, характером, умением, настроением, определяют его личную свободу; обстоятельства, связанные с положением на дороге (ее состояние обустроенность) – не что иное как уровень общественной свободы (и одновременно

воли общества: способствовать ли нормальному движению на дороге или, быть может, обстреливать путешественников из гранатомета)...

Что же такое метафизическая свобода (или трансцендентная)? Существует ли она? К ней я отнесу тоже немало, разговор об этом дальше, но если она существует, то проявляется она не в движении по дороге, а в том, что определяет причины и цель наших поступков, цель и характер жизни.

Чтобы объяснить значение *общественной свободы*, расскажу о положении писателя. В 69-м году я написал эссе «Русь и Духовное освобождение», напечатал его на машинке и прочитал друзьям, через три месяца меня посадили. Мог ли я быть писателем, тем более в тюрьме? (Хотя Даниил Андреев во Владимирском центре написал свою «Розу мира»!)

В восьмидесятые годы я написал повесть «Разговоры с бабой Шурой». Меня не посадили, но напечатать я ее не смог. Сегодня я пишу, что хочу, и печатаю (в 4-х экз.), даю друзьям, меня не сажают, но читают только двое.

Свобода неотделима от *ответственности* и ... Вот это и многое определяет, иначе разговор о свободе бессмыслен. Даже примитивный вопрос: *свободен ли я застрелиться?* «**Она** не любит, другая – тоже.... Господи, где Ты, с милостью своей?!!»

Но *свободен ли я застрелиться?* У меня нет пистолета, и где его купить, я не знаю! Да у меня нет и денег на пистолет!

Общественные свободы существуют, и государства различаются по способу подчинения граждан правителям, при большевиках была тирания, писатель не только не мог печатать своих книг, но и не мог их читать друзьям, не мог их даже писать и прятать в диване: при обыске находили даже то, что человек не прятал, и в тех местах, о которых он и не подозревал.

Только тот, кому ничего не надо, чувствовал себя свободным!

Однако, хотя общественные стеснения воспринимаются не одинаково, и всякое стеснение имеет характер частного ограничения – но и частное ограничение касается целого. Если болит палец на ноге, то **мне** больно! То же со свободой. **Я** не только отдельная (сама по себе) личность, но и часть целого. Тургенева, казалось бы, не должно было затрагивать *Крепостное право* и переживать им как нетерпимое состояние, однако он, помещик, переживает его как личную несвободу и пишет «Записки охотника», книгу, в которой он подвергает бесправию крестьян критике.

3. Свобода по христиански и по Христу

Общество никогда не свободно абсолютно, всегда только относительно, точно то же самое относится и к человеку. Но еще на стадии рассуждений о свободе мы не можем найти взаимопонимание, и человек не может обрести духовной свободы, способности свободно, непредвзято мыслить, его мысль, его мировоззрение, его способность рассуждать в плену догм, что я называю *духовным рабством*.

Я сетую на общественную и личную несвободу, например, на отсутствие *свободы совести, свободы слова, свободы политической деятельности*, а мне говорят, что "нельзя жить в обществе (в мире) и быть от него свободным!" – и это без сомнения справедливо. Нельзя быть *абсолютно здоровым*,

абсолютно чистым (однако мать или отец без всякой философии видят, когда лицо или руки или одежда ребенка грязны, и гонят его от стола умыться или переодеться), нельзя двигаться по дороге с абсолютным трением или по абсолютно скользкой дороге (хотя такие дороги как раз существуют), нет *абсолютного слуха* (хотя он, впрочем, есть), нет *абсолютной несвободы* (возможно, так следовало бы назвать "свободу" тоталитарного общества, например, свободу при социализме или в христианском обществе), нет и *абсолютной свободы!* Непонимание порождается и метафоричностью языка, и неопределенностью понятий, и *нежеланием* понимать собеседника или соглашаться с ним, чтобы защитить **своё**.

Но продолжим чтение Розанова. Цитирую отрывки о свободе из его книги «В темных лучах».

«Как пишущий по религиозным вопросам, я *нуждаюсь* в свободе. Было бы странно спрашивать, *желаю* ли я ее. Мы нуждаемся в хлебе и желаем его. Богослов, рецензент моей книги «В мире неясного и нерешенного», предпосылает разбору ее *удивление*, как она прошла через цензуру. Стало быть, в свободе я *нуждаюсь* и свободу я люблю. Но одно дело – любить, а другое – понимать. **На вековечную жажду свободы Церковь вековечно отвечала отказом.** Легкие передышки в смысле свободы длились минуты, и на минуту свободы приходилось столетие несвободы.»

«нравственное чувство солидарности человеческой требует признать, что в самом корне веры нашей не содержится принципа свободы этой веры; что мы действительно «понуждаемся войти», *compellimur intrare*, на «вечерю» Жениха, и только перед дверью входа делаем «*bonne mine au mauvais jeu*» и заявляем, что это мы «сами» и без понуждения идем.»

«В Евангелии *прямого* указания [то есть *повеления*] на физическое касание и вообще телесную угнетенность «отщепенцев» и «сопротивляющихся» [то есть на *физические преследования*] – нет. Но предпосылки для него – есть; малые, большие, вообще все – вплоть до самого вывода, весь силлогизм: только без конечного заключения. И от Августина, преследовавшего монтанистов, до нашего времени.» [Мне кажется, Розанов смягчает текст из-за цензуры, на мой взгляд, то, что он называет предпосылками, является вполне определенными и достаточными и *прямыми* указаниями и *повелениями* к преследованию инакомыслящих! На пустом месте не вырастает ничего, странно было бы, чтобы благостное евангелие, учащее терпимости, истолковалось бы вдруг, *ни с того ни с сего*, **манией преследования**, которая разрушила и злобно истребила до основания античную культуру – и то, что мы читаем книги античных авторов и научились у них философии, и что выкопали отдельные скульптуры и научились по ним валянию, и по развалинам прекрасных строений научились и сами создавать дворцы – только **чудо**. Но автор и творец этого чуда не христианский Бог, но *Бог культуры*, который прятался в катакомбах и уцелел от преследований христиан.]

«Прежде на звезды посмотришь, на лилии полевые – и захочешь помолиться, и сумеешь помолиться. Теперь всему можно научиться только у священника, «право правящего слово». Вне его – темь, небытие.»

«у евреев не было прозелитизма; они никого не загоняли и даже никого усиленно не звали. ...Христиане же ко всем идут «в братцы» с требованием, чтобы «братец» **самоуничтожился** и принял в себя, как в мешок, «новое вино». Жар «апостольский» есть новое после Христа явление, не слыханное в эпическом покое древности.»

«Я думаю, кто создает к себе пламенную ревность – создает всю психологию "меча"». Да и не Он ли сказал: из-за недружелюбной только встречи: "Содому и Гоморре будет отграднее в день Суда, нежели городу сему, видевшему такое знамение и не принявшему Меня"»?

Вот в словопрениях об очевидном проходит жизнь. Ненависть к свободе проходит через всю христианскую проповедь, как и социалистическую, а я в тысячу семнадцатый раз убеждаю в очевидном тех, кто мое очевидное с ненавистью отвергает! Так влюбленный, "*зыхавший з глузду*" от своей любви, ненавидит тех, кто ему пытается открыть глаза на любимый предмет.

А и я не таков ли? Моя подруга (В.) кричит мне уже чуть ли не со слезами: Да отстань ты от нее, наконец, да она просто дура набитая, да она не стоит твоих слез и любви, и не только тебя не любила, но и не умеет любить! – а что же я? А я по-прежнему проливаю слезы.

Так что же, доказать ничего нельзя? Да, несомненно!

Но еще хуже – **ничего нельзя и проверить**.

При всех своих грехах и неправдах, и самомнении, и самолюбии, и глупости, и невежестве – я привязан не только к себе, но и к миру, и пытаюсь его любить и ему помочь. Меня ругают за... черт его знает, за что только меня не ругают! Пришел вчера к М., мы с ним выпили, он после Нового Года ложится на операцию, я ему рассказал об *энтелехии* и *витализме*, о том, что человек может совершить даже чудо, уверовав в мистическую силу, сокрытую в нем, читал ему стихи и пел романсы (мои), за то и другое он меня ругал. Он рассорился и с А--м, с которым они дружили, а я сегодня пойду и к А--ву тоже, потому что он просил привезти к нему Г. С-на, чтобы *проститься* с ним (собирается умирать, устал жить).

К чему я это рассказываю? Не чтобы похвастаться, а чтобы и самому понять, и читателю показать, что христианство проповедует ненависть к миру и находит отзвук в сердцах людей, ненавидящих мир (мир, дескать, *мерзок*, как и моя любовь – а не я рвался к тебе и днем и ночью, когда ты звонила в слезах, что тебе плохо? Не я тебя утешал? Не я отказался от *всего*, согласился, что у нас **ничего** не будет, даже поцелуев, даже в воображении мы не будем друг к другу стремиться!?! Чего еще хотел от меня твой жестокий безжалостный Бог?) (Не прикосновения он отвергает, а саму причину их, то есть любовь, которая вспыхивает между мужчиной и женщиной, он ненавидит!)

Я допустил ошибку, если бы я в тебя не влюбился, не в чем было бы меня упрекать, и противостоять навязанной *батьюшками* любви к Богу вместо человека было бы мне возможно. Да и всё было бы просто, – выбросила бы ты меня как окурок, я бы огорченно вздохнул, ладно, сказал бы, не буду приставать, позовет, тогда и приду – и тебе было бы проще меня позвать, и не думала бы, что я приходил к тебе ради себя самого.

Значит, надо тебя разлюбить.

Во имя любви, подлинной любви к человеку, подлинной любви к тебе, надо от тебя отвязаться, стать свободным, не зависеть и от тебя и от батюшек.

Надо подняться на поляну в горах, где расцветают цветы и заря на полнеба. Где я посочувствую женщине, любящей другого, потому что мне от нее ничего не нужно, ни благодарности, ни любви. Так, как я сочувствовал и помогал детям, не нуждаясь ни в их привязанности, ни в их сознании того, что я помогаю им...

Так, как я накормил собаку и погладил ее... правда, не сомневаясь, что она меня не забудет. Но не надо ожидать от женщины того, что ждешь от собаки...

4. И все-таки я уйду

Она мне писала: «давайте сделаем перерыв в общении с этой минуты, я напишу Вам, если захочу поговорить, сама.»

Но я все же поздравил ее с Новым Годом: «Уважаемая ...! Прошлое велит быть благодарным за все доброе, нежное и значительное, что случилось. Поэтому Поздравляю Вас с Новым Годом со всем теплом и радостью, направленными на Вас. Желаю Вам взаимопонимания, близости и симпатии в семье, верности и любви с дочуркой, мужем, родителями! Успехов Вам на всех поприщах. А прошлое, которое вам не нужно, оставим прошлому.»

Вот что и нужно сделать: «прошлое, которое отвергают даже близкие, оставим прошлому».

Жаль, что есть многое, что нас мучает, но что никак не оставить прошлому. Вот апостол Павел пишет: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны удручает меня, чтобы я не превозносился.»

Ну а нас-то, не апостолов, разве не жалит жизнь?

И хотя я часто жалуясь на то, что мне плохо бывает по ночам, но мало открываю мои личные обстоятельства. Что читатель обо мне знает? Что я баловень судьбы, что семья у меня хороша и друзья хороши (даже и те, кои меня назначают в "самовлюбленные эгоцентристы"). Что читателей у меня нет, что убедить в своей правоте я еще никого не сумел, что женщины меня любят, но никому не удавалось меня мучить сильнее, чем они меня мучают (воистину, они – мои инквизиторы!), что Ангелы неба обещали мне великое поприще, но я не достиг того, на что я надеялся, не достиг необходимой глубины и выразительности в творчестве.

А счастлив ли я?

Иногда мне кажется, что счастливее трудно быть.

Иногда кажется, что жизнь не сложилась.

Чрез полчаса еду к А., подарю ему свитер (который мне подарили), я его даже не примерял, свитера вдруг стали ограничивать мою свободу, и я их не ношу. Налью ему 30 гр. (ему нельзя), себе 15 гр. (мне еще *нельзя!*), посидим полчаса, дела, звонки, уборка, приборка, елки еще нет...

Но сверх этого читатель не знает обо мне ничего, а христиане уперлись в *ближних* (без разбору, и чем они дальше, тем ближе), и даже Иван Карамазов в них уперся, хотя и осуждает надуманную любовь святого к замерзшему

бродяге (которого чтобы согреть, надо бы затопить печку, а не дышать ему в душно пахнущий рот), – но кроме Сонечки Мармеладовой, пожертвовавшей собою для своей несчастной семьи по жгучей их бедности, никто в романах Достоевского о других не заботится! Но приоткрою все таки щелочку в дом, в котором живу, и где на раскладном кресле я сплю и пишу «романы» – но я счастлив! Не только на кресле, но и по дороге в деревню, и в шалмане с В., и в бане, и на семинаре в Союзе писателей, где я выступаю с складной речью и мне хлопают от души, и на философских вечерах, и в гостях, и даже с девушками на свидании, и уж тем более в опере и на концерте!

И помочь нуждающемуся мы не можем не потому, что черствы, а не можем заработать денег, чтобы помочь – тем более талантливые в этой стране, умные, милосердные, способные ко многому! Да оглянитесь! Не видите ли вы еще миллионы тех, кои выброшены за борт жизни, в частности потому, что высшее образование обрушилось, ученые не нужны этому государству, писатели не нужны тем более... Да, ладно... Я это к тому только, что умным заработать здесь труднее всего (хотя бы для того, чтобы помочь близким).. А тот читатель, которому хорошо живется, лучше бы уж загодя заготовил хворост, чтобы охранители несправедливой жизни меня сожгли, ибо нельзя поклясться, что умные будут всегда пропадать в царстве счастливых!

(Еще два слова... Меня иногда упрекают даже за то, что я кому-то пытаюсь помочь. Так зачем приходил Христос? Чему Он учил? Вот и видно, что он учил **любить Бога**, но не учил помогать человеку! А ваш Бог жесток. Он требует поклонения, страха, жертвы, смирения, покаяния, самоотрицания!

Кто же из нас лучший?

Моя Манон семь раз выходила замуж, попыталась в восьмой, не звонила мне полгода и вдруг пишет: *Я все поняла, я неправа, ты – лучший!*

Итак, я – лучший. И на этом пока заткнусь...

5. Есть ли любовь и свобода или только страх Божий?

«в сущности Израиль никогда не боится. Дух свободы – даже буйства – там удивителен; и точно как будто Иегове, пророкам – нравится это буйство. Они с ним борются, как конюх с норовом лошади, как мать с гениальным ребенком; но из резвого, пылкого соделать что-то робкое и повинующееся, выработать: "да житие тихое и безмолвное проживем" – перед этим они ужаснулись бы.»

Розанов умен, многознающ и мудр, но и он основывает свои рассуждения на аксиомах, и его мироздание построено на Христе и только на Христе, потому-то он изо всех сил должен объяснить и оправдать всю несвободу, жестокость и безнравственность мира, мифа, Христа и христианства – так задумано, это натуральный ряд чисел, иначе почему-то нельзя. Плохо все, ужасно, больно и некрасиво – но иначе нельзя...

А перед этим просуществовала пять тысяч лет цивилизация Египта, Эллады, создана математика, драма, театр, все создано, чем мы живы сегодня – и без Христа живы!!!!!! – а с ним умираем, умерщвляем, сжигаем и самоуничтожаемся!!!!

И вот – даже и Розанов: *без Христа нельзя*. Почему? Ну так хотя бы давайте писать обо всем бесстрастно, рассматривая хотя бы и то и другое!

И о свободе уже писать бессмысленно, внутри церкви свободы не было никогда, с первых мгновений ее созидания, в отношениях Христа и учеников свободы не было тоже, в отношениях *церкви с обществом, церкви как государства с обществом, государства, основанного на церкви, с обществом*. Снова перечислять и напоминать факты истории уже даже неловко, ну не все же мои читатели – совершенно несмышленные и невежественные дети! И буду писать для этих, которые не совсем дети, а потому хватит тысячу раз повторять о безнравственности и жестокости христианства, ибо читатель пытается соединить две логики, одну, в которой речь идет о добродетели, и вторую, в которой речь вообще не идет и не основывается на «хорошо-плохо», ибо там нет ни *хорошо* ни *плохо*, там есть Бог, вера, любовь к Богу, спасение души, «жизнь в Боге», чудеса, святые, праведники... там нет и не может быть конституции, революции, политической борьбы... там может быть только одно по настоящему «хорошо»: никто не женится, остальные всем скопом ушли в пустыню, поели всех акрид и весь дикий мед и вознеслись... и мир и история кончились...

То, что мы спорим по поводу речей инквизитора... нет, то что Достоевский написал роман... нет, то, что существуют книги – уже все это НЕ христианство, мы его уже отменили тем, что продолжаем жить и даже строить цивилизацию и культуру, писать новые книги после Христа и спорить.

И если бы церковь не предприняла меры, река христианства растворилась бы в мимотекущей жизни. Но запылала костры. Книги почти все были сожжены. Все, кто писал *не такие книги*, как нужно, были сожжены тоже. Кто был способен писать книги, были сожжены для острастки. Введен был страх Божий, как единственное основание любви (как это доказал, если читатель помнит, К. Леонтьев). Но... или сатана не дремлет... или есть где-то еще один Бог, которому и земля и человечество и земная жизнь дороги, и вот вдруг оказалось, что помимо Александрии сохранилось несколько книг, и они были переписаны... и вырыли из земли посуду, на которой сохранилась античная роспись, и вырыли даже изображения нагих нимф и богинь, и в 12-м веке началось Возрождение античной культуры. Скажи, христианский читатель, честно: если бы не Аристотель, Платон и Евклид, а только Новый Завет (как вы и хотели и делали все, чтобы ни Аристотеля, ни Платона, а уж тем более ни Евклида!) – выжил бы человек? Или бы остался только на дереве?

Без театра, библиотек, музеев, университетов, Академий, лабораторий, железных дорог и аэропланов? Без телевизора, который тебе показывает, как в Иерусалиме святой огонь с неба на Рождество зажигает свечи?

И выжил ли бы ты без **любви**? Даже если ты уже не смотришь на посторонних женщин, женат, исповедуешься в грехах, соблюдаешь пост, водки пьешь мало, слушаешь только церковную музыку или не слушаешь вовсе, математику не изучаешь (запрет ее церковь еще не отменяла) – но ведь у тебя в доме работает телевизор, ты смотришь балет... не смотришь? Похвально! Но ведь ты влюблялся в школе и в институте, читал книги, может быть, даже стихи? Смотрел *мечтательно* на облака? Нет?

6. Лабиринт

И вдруг я понял, почему диалог с христианином невозможен, почему даже с мудрейшим Розановым пропадает подчас взаимопонимание.

Средиземноморская культура (теперь – европейская) существует пять тысяч лет, ко времени рождения Христа существовала письменность, книги, была литература и философия, люди даже писали письма друг другу и целые послания, в Империи культура поыхала сильнее, чем даже сегодня! И в Палестине, своеобразной земле, где не было писателей и философов, не было театра а только храм, не было почти и любви, а только любовь к Богу и ближним и семейная верность, не было книг а только Библия – но были и образованные (хотя бы религиозно) [а необразованность и невежество современных русских христиан даже в христианстве потрясает, чем сильнее слушается батюшку, тем меньше знает даже Новый Завет!] и писались письма, и культура существовала хотя бы потенциально, столетие римского владычества не прошло же даром! – но человек существовал преимущественно в рамках архаического сознания, в рамках иудейского мифа, и *весь мир и вся его жизнь и он сам были погружены в миф (иудаизм)* – но при этом существовало множество сект и пророков, и существовало *сектантское сознание* (как и у нас сегодня есть секты, в которые уходят наши дети иногда "с концами" и живут с богами сект, обращаясь в рабынь, и мы этих сект боимся неизмеримо больше, чем церкви и чем даже вина и наркотиков) – но что было тогда христианство? А оно и было сектой, для одних соблазнительной, для многих опасной!

Если наш разговор не между двумя сектантами, то мы свободны от сектантского сознания, и можем о чем-то договориться, но можно ли о чем-то договориться с сектантом? Это все равно, что договориться с человеком, впавшим в аутизм или в *иногдашнее сознание*.

Розанов задается вопросом о жестокости и насилии, о жажде преследования инакомыслящих, содержащейся в христианстве и принесенной им в мир, о *боли как принципе и идее*, скрепляющей христианство в целое.

«Уже Павел почти преследует; прозелитизм – необычайно возрос; да и раньше апостолы хотели *свести огонь* на одно селение, "не принявшее Иисуса". ...

Наказание Иерусалима именно в его подробностях, вплоть до "Элии Капитолины", до пламени, вырвавшегося из-под земли при попытке возобновить Иерусалимский храм [при Юлиане-Отступнике (361 - 363)], все бешенство Баркохбы, воскликнувшего «*Скорей уж я Мессия!*», и неудача его, ... неужели нужно доказывать, что это есть не параграф Римской истории, но перелом всемирной – иудео-христианская тайна? Иерусалим был *наказан* [за распятие Христа, полагает Розанов] – кто станет против этого спорить? Да и наказание до такой степени подробно предсказано в Евангелии, с такой решительностью – что нужно все христианство счесть апокрифом, чтобы усомниться в этом. А где есть наказание, есть и *боль*, и где есть принцип наказания – есть и *принцип боли*. Я не удаляюсь от темы нашего вопроса, я стою в самой середине ее, ибо, очевидно, все протесты против преследования

сектантов исходят, между прочим, из совершенного отказа понять или признать *боль* в христианстве, *боль* – в Евангелии, *боль* – во Христе: каковая считается идущей от человека – и именно от человека, еще по тупости сердца "не принявшего в себя Христа". "Где Христос, там уже прекращается боль" – это несется не только в наших собраниях [Религиозно-философских собраниях под председательством Мережковского], но и во всем мире. Счастливое новое "благовестие"... Старое "благовестие" – *начинается* с боли, а кончается ее раскатами на кресте, у Каиафы, перед Пилатом, на дворе среди воинов ругающихся и – дальше, больше – вплоть до Элии Капитолины [римской колонии, построенной в 135 году на месте разрушенного Иерусалима императором Адрианом.] Скажут: "это от людей". Позвольте, "...и оружие пройдет через сердце твое" [и Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец (Еванг. от Луки)] выслушала Божия Мать уже при самом рождении Иисуса. Неужели мы будем понимать Евангелие как сплетение легенд или «"хождение" случайностей? Значит, "оружие через сердце Марии" уже было в "Небесах" предопределено. Для чего? Виновна ли она была? Никто не скажет. Менее всяких сектантов. Но если Пречистая Мать пострадала, значит, страдание входит в какие-то планы мира; и относительно Девы Марии не можем же мы не заметить очевидности, что Предопределивший быть разрушенным Иерусалиму... – слишком имел во власти, чтобы Его Пречистая Мать видела славу и чудеса Сына, любовь к Нему человеческую до 32 года, и опочила в радости и спокойствии хотя бы за несколько недель до Голгофы. Но не было ни спокойствия, ни радости; и, может быть, под крестом было еще тяжелее, чем на кресте... По крайней мере, божеской силы для перенесения "скорби" не присоединилось здесь к слабой человеческой силе. Но кто ответит, для чего все это? – Когда явно с самым актом искупления рода человеческого это уже не было в связи. *Мука для муки; без вины;* и при полной свободе и даже, так сказать, наглядности, вот сейчас в очах – отвести в сторону "оружие" мимо сердца стоящей тут Матери?! Значит, "было соизволение"...»

[И сразу напрашивается добавить, что скорбь, мука, потребность в скорби и муке наполняют все христианство и всю его историю, и проповеди уличных евангелистов: "радуйтесь, Христос вас любит и **уже** **искупил** ваши грехи"!!!! всеми нормальными христианами воспринимается как сектантская – но как же тогда через священников в православном храме верные получают **гормоны счастья**, и счастье их ежеминутно возрастает, и они "живут с Богом" и бесконечно к нему приближаются (это по их собственным письмам)?] [...Забудь, мой друг, её, согласишься с своим поражением. Христианство тебя победило и она к тебе не вернется уже никогда! (Как и другая...) Я должен смириться с тем, что она ушла от меня за Стикс... Хотя по-прежнему ее безмерно жалею!]

Христианство пронизано *болью*, пишет Розанов... Но и романы, и культура, и рождение человека и его жизнь и его смерть пронизаны болью, и не против этого восстает мое сердце, жизнь – это трагедия! – но надо ли еще мучающихся и так несчастных людей тащить на костры и там мазать маслом

(как доминиканские монахи), чтобы лучше горели? Нужно ли, чтобы помимо многих мучений самой жизни еще и миф, выдающий себя за Утешение, в действительности пришел в мир только для того, чтобы мучить нас костром, железом и кровью, отвержением и самоуничтожением?

И чтобы из человека, и так придавленного силой, и не смеющего дерзать, вырабатывать совсем уж *смирненного, тихого, робкого и покорного?*

Но даже с Розановым почти невозможно договориться, и наконец-то я понял, почему.

Представим себе книгу Кэрролла «Алиса в Стране чудес», о ней написаны сотни исследований. А теперь вообразим, что исследователь существует вместе с Алисой в "Стране чудес", о которой он собирается написать – что он о ней напишет? Или вообразим, что мы находимся в бесконечном почти лабиринте, в котором блуждаем, не выходя из него, не взглядывая на него со стороны, будто бы весь мир – это вот он тот самый единственный лабиринт, в котором мы блуждаем – но выйдя из него, мы видим, что существует громадный мир, в котором лабиринт – только частность, и искать выхода из перипетий жизни нужно в подлинном мире, а не в лабиринте, в котором мы спим или который видим во сне.

Не с пришествия Христа началась История, она уже существовала по крайней мере пять тысячелетий, и не разрушение Иерусалима и Иерусалимского храма – центральное событие Античной истории, а разрушение храма Серапеума, в котором находилась знаменитая Александрийская библиотека!

История Древнего мира первых трех столетий подменена местечковой *еврейской историей* (которая как раз и есть «только параграф Римской истории») – да разве даже *еврейской*? Нет, историей только одной из еврейских сект, о которых с яростью говорили и сами иудеи и с «бешенством Баркохба, вождь второй Иудейской войны (через сто лет) воскликнул по поводу Христа "*Скорей уж я Мессия!*"»).

Но – увы – история секты стала Всемирной историей, пока не выкопали Афродиту и не увидели, как она прекрасна, и не началось Возрождение.

Итак, мы все в христианском *лабиринте*, даже и Розанов, и вот, не видя божьего света, спорим и по поводу свободы и по поводу истины, и по поводу того, что *«познаете истину, и истина сделает вас свободными»*.

Столько уж умиления у христиан (и даже у Розанова), которое нас, иудеев, приводит в бешенство (и Розанова, когда он иудей – ибо он раздвоен, он уж и сам не знает, кто он, завещавший себя отпеть по христиански, но после смерти *обрезать!*), что восхваляется многое, что должно бы отталкивать: отсутствие природы, смеха, детей, труда, творчества, красоты, любви к женщине, дружбы, народности, театра, науки, чтения книг (*книжники* упоминаются, но с ненавистью), образования, ... – но все это, вместо того чтобы отвратить от книги, столь ущербной к человеческому, только в ней *умиляет*.

«Я уже заметил, что серного запаха при наказании нет в Евангелии. И поразительно вообще, что *физические ощущения* исключены из него. Люди вкушают, пьют; но и яства и пития как без вкуса, и люди нигде не сказали

«горько», «сладко», «солено», «кисло». ... Небо и земля полегли между ним и прочим. Но вот еще особенность, самая поразительная, и которую никогда-то никто не заметил: чудо и явная небесность евангельского слова выражается в том, ... что самое наказание в нем выражено столь нежно, что мы его вовсе не замечаем, как бы исчезает его геометрия и физика, есть транс, у читателя – исторгаются слезы: хотя наказываемому очень больно.» «Повиновение – но заметьте – с восторгом повинующегося, с бесконечным неуважением в самом неповиновующемся к собственному неповиновению». Вот это характерно! Пишет Ильич, что мы должны истребить эксплуататорские классы "до основания", и очевидно же, что вместе с детьми, как и случилось – но ведь вот шли за Ильичом и матери семейств, и из дворянских даже родов, но что надо в результате Революции уничтожить дворянство вместе с детьми – как будто не замечали... Или уж такая овладевает ярость и беспощадность при погружении в Миф, что как христиане, так и большевики, с наслаждением бросятся исполнять историческое дело **уничтожения иннакомыслящих!**?

«Вот этого духа повиновения совершенно нет в Ветхом Завете.» – умилился!.. доумилялся... наступил Октябрь семнадцатого. Снова еврейские сектанты пришли к власти, и такой «дух повиновения» надели на русский народ (которому слаще нет, чем дойти до окончательного повиновения, до эротического восторга в ощущении себя ничтожеством, рабом божим, атомом в "трудящейся массе"), что встал бы Розанов из гроба и воскликнул: нет, эти превзошли и Христа в сладости и "*нежности*" истязаний!

«Если, напр., взять институт монашества, добровольное лишение себя семейной жизни – детей, «помощницы»-Евы, потомства, воспоминания о себе: то какой энтузиазм любви лежит под этим, упоение лишением, лобзание уз, восторг перед темницей! "Сокрушены кости"... Но как? Но чем? ... [Человек] бросился, прошиб головой дверь тюрьмы, уселся в ее самый темный угол, с "не хочу" на всякий позыв освобождения. Как будто Гоголь не "добровольно" умерил себя голодом?! Да, есть неволя паче свободы; ...это – неволя добровольная, "своя", возлюбленная, опозитизированная. Но как она достигнута?»

«чем, как не странной претензией бессемейных келейников-монахов управлять судьбами семьи многомиллионных народов – населены воспитательные дома, порождена вся необозримая гибель христианских девушек и их детей? Кто об этом плачет? – ровно никто. Христианину обычно "варить козленка в молоке его матери", перед чем остановился Моисей и "жестоковыйный народ".

Вот обвинение, сильнее которого я не встречал!!! Розанов: **«Христианину обычно "варить козленка в молоке его матери"»**

Но больше я не буду так широко цитировать Розанова, меня после него никто и читать не будет, и какое уж тут соревнование?! Да и – вы заметили странную особенность? – он раскрывает перед нами все безумие и жестокость христианского мифа – и нами овладевает восторг, и мы готовы воскликнуть: "хочу мучиться, страдать, скорее на костер!!"?

7. Распятие мира

Но я цензор, редактор, судия, я учитель,веряющий школьное сочинение, и хотя ученик может превосходить учителя, но учителю всегда есть что сказать и самому лучшему ученику. И вопреки исторической логике, я становлюсь в позицию Судии, читая Розанова, и есть что ему возразить.

Культура привлекательна, много книг, которые исторгают у нас то слезы, то гнев, то вместе и то и другое. Евангелие – не исключение. Не хотелось бы сравнивать большевистских вождей с «Книгою книг», но не сходила ли с ума половина человечества в славословия по поводу их сочинений? И не возводила ли их в перл творения? Спрашивает Розанов, находя чудовищное в Евангелиях, чем же объяснить то, что человек преклонился перед ними? Да тем же, чем и преклонение перед сочинениями марксистов! **Всякий миф навязан человеку силой!** Миллионы, миллиарды приняли, да лишь единицы читали! Сигнал Володимир - КрасноеСолнышко киевский народ к Днепру, дружина теснила народ, скольких сопротивляющихся подавили, скольких поспихали в воду?! И святыни туда же столкнули. И так было везде, и в Риме, и в Сирии, и в Египте, и у галлов, и у бриттов, когда Римские императоры приняли христианство.

Так же приняли и большевизм. Сначала шла жесточайшая война, точно по слову Христа *восстал брат на брата и сын на отца*, потом голод, потом у миллионов поотнимали все и погнали в сибирскую тундру на верную смерть, жаль, Розанов не дожил, уж он бы пофилософствовал!

«"О, Иерусалим! Иерусалим! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, но вы не захотели: се *оставляется дом ваш пуст!*". Меня до того поразила красота этих слов, что я *возненавидел* Иерусалим. Душа парализуется такою красотой. Не умеешь размышлять. Переставешь видеть. Все заволакивается небесною нежностью; ибо ни одна земная мать не сказала слов о своем малютке с таким изгибом. "И вы не захотели"... – "И они не захотели – распни их!" – почти вопишь вслед Титу. Ударенное сердце нисколько не напоминает, что ведь «предлежащие к распятию» кричали: «Осанна! благословен грядый во Имя Господне» – и пальмы, и одежды под ноги идущей ослице. Ничто не помнишь. Как зачарованный.» [Тит Флавий Веспасиан, римский император (79г. - 81г.). После провозглашения **Веспасиана** императором в 69г. принял от него командование в Палестине, в 70 г., подавив восстание иудеев, *захватил и разрушил Иерусалим.*]

Увы, неумеренность восторга! Да, красивые слова! Но три дня назад, слушая «Кармину Бурану» немецкого композитора Карла Орфа, я заплакал, но эта великая музыка не оправдала в моих глазах Германию, залившую кровью Европу (как заливало кровью Европу на протяжении полутора тысяч лет *учение о спасении души*, но Розанову показалось, что минутный порыв Учителя оправдывает всё, и духовное рабство переиначивает в принесение Свободы, состояние НАД Добром и Злом превращает в проповедь любви и милосердия, сомнительное (по мнению иудеев) Воскресение делает доказательством неотвратимости Царствия Божия.)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сладок ли Иисус?

1. «Необъяснимость страдания»

Необъяснимого очень много: и страдания, особенно детские, о которых заговорил вдруг Иван Карамазов, и оба пришествия Христа, и Страшный Суд, и грядущее Воскресение. Кое-что мы могли бы сделать и сами, например, изменить законодательство о семье, чтобы не было необходимости в умерщвлении незаконно-рожденных детей (с которых начинается Розанов свою «Легенду о Великом инквизиторе»), но ведь так мы откажемся от доверия к замыслу Божию, начнем уповать на собственные силы, а христианин должен уповать только на замысел Божий, и Розанов призывает терпеть:

«Терпели уже долго, терпели все средние века, потерпим и в новые. Потерпим – пока объяснится все. Я думаю, было бы безнравственно вдруг в начале XX века выскочить в свободу, братство, «лилии полевые» и проч. Вдруг мы забыли бы всех мучеников – не Колизея, а начиная с Колизея. ... И мы, сохраняя благородство, уже поклонимся тоже лучше «Скорбящей Божией Матери», говоря, что уж если Ей, невинной, «оружие прошло сквозь сердце», то пусть и нам проходит, и так вечно до Страшного Суда. Тут есть такое глубокое недоразумение, что, между прочим, идея «Страшного Суда» сама собою уже образуется, как *разъяснение*. Просто невероятно жить со стрелой в сердце: «Да кто же вынет ее из мяса моего и когда?» Это «когда» – есть Страшный Суд, этот «кто» – есть так называемое «второе пришествие Христово». Кто завязал узел – и развяжет его. ... Тут мы входим в апокалипсические времена, в дух совершенно новый, в прозрения совершенно новые, в отношении к которым, когда он повеет, синоптики так же постареют, «поветшают», как и Ветхий Завет когда-то при появлении этих синоптик.»

2. «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира»

«В нынешних «Религиозно-философских собраниях» поднимаются те же темы, которые волновали собою собрания 1902–1903 года. Это вопросы – о духе и плоти, «христианской общине» и общественности в широком смысле; об отношении Церкви и искусства; брака и девства; евангелия и язычества, и проч. и проч. В блестящем докладе «Гоголь и отец Матвей» Д. С. Мережковский страстно поставил вопрос об отношении христианства к искусству, в частности – об отношении, напр., Православия к характеру Гоголевского творчества. В противоположность отцу Матвею, известному духовнику Гоголя, он думает, что Евангелие совместимо со сладкою преданностью музам, что можно слушать и проповеди отца Матвея, и зачитываться «Ревизором» и «Мертвыми душами», от души смеясь тамошним персонажам. Пафос Дмитрия Сергеевича... заключался в идее совместимости Евангелия со всем, что так любил человек в своей многотысячелетней культуре. Ему охотно поддакивали батюшки, даже архиереи, и все светские богословы, согласно кивавшие, что, "конечно, Евангелие согласимо со всем высоким и

благородным; что оно культурно": а посему культура и Церковь, иерархи и писатели могут "гармонично" сидеть за одним столом, вести приятные разговоры и пить один и тот же вкусный чай. Все было чрезвычайно приятно и в высшей степени успокоительно. **Сервет в Женеве, Савонарола во Флоренции, оба сожженные, не могли подать своего голоса в наших спорах.** С другой стороны, «Союз русского народа» еще не открывал своих действий. Мы дебатировали в 1902 г., забыв прошлое и не предвидя будущего, отдавшись сладкой минуте.

Мне кажется, вопрос разрешается с помощью мысленной инкрустации. Если кусок из прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, так сказать, бьющий на добрую цель, вставить в Евангелие – то получим режущую, несносную какофонию... Савл не довоспитался до Павла, но преобразился в Павла; к прежней раввинской мудрости он не приставил новое звено, пусть новую голову – веру во Христа, нет: он изверг из себя раввинство. Отношение в нем есть именно Савла и Павла: взаимно пожирающих друг друга «я». И так бывало со всяким, обращавшимся ко Христу: пожирание новым старым. Апостол Павел вовсе не предлагал афинянам: «поверуйте во Христа сверх того, что вы ходите на олимпийские игры». В минуту отдыха, ну хоть какого-нибудь отдыха, суточного, часового, – он все же не пошел в греческий театр посмотреть трагедию. Тонким чувством психических нюансов мы знаем твердо, что об этом не только не рассказано в «Деяниях», но этого и **не было.** [И не могло быть!] ... Да, Павел трудился, ел, обонял, ходил, был в материальных условиях жизни: но он глубоко из них вышел, ибо уже ничего более не любил в них, ничем не любовался. Он брал материю только в необходимом и утилитарном, он знал и нуждался только в прозе плоти. Христос был единственным цветком в ней; моноцветком, если позволительно выразиться. *«Я хожу, ем, сплю, вкушаю: но наслаждаюсь только Иисусом», – может сказать о себе всякий подлинный христианин.*

Христос никогда не смеялся. Неужели не очевидно, что весь смех Гоголя был преступен в нем, как в христианине?! Я не помню, улыбался ли Христос. Печать грусти, пепельной грусти – очевидна в Евангелии. Радости в нем есть, но совершенно особенные, схематические, небесные; радости с неизмеримой высоты над землей и человечеством⁽¹⁵⁾. Не будем обманываться «лилиями полевыми». Это, во всяком случае, не ботаника и не садоводство, не наука и не поэзия, а только схема, улыбка над землею. В том и дело, что Евангелие действительно не земная книга, и все земное в высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо с ним в один узел; не связуемо иначе, как искусственно и временно. Позволю небольшую параллель. Наше ухо прожужжали слова: «христианский брак», «христианская семья», «христианские дети». Какая иллюзия! Конечно – ничего подобного не было, и до скончания века не будет!! Я вам предложил сделать инкрустацию из Гоголя в Евангелиста, и вы получили какофонию. Теперь я предложу вам представить одну из юных жен евангельских или которого-нибудь апостола – извините за смелость – влюбленным. Я извиняюсь, и вы чувствуете, что я должен был извиниться. Отчего? ***По мировой несовместимости влюбления и Евангелия.***

... Вкус всего мира, всех сонмов читателей Евангелия почувствовал [бы] в этом глубочайшее кощунство над его божественностью. ... Церковь позволяет священникам жениться, но на ком-нибудь и сейчас, без выбора и влюбления, т. е. так все обставлено в их женитьбе, что жених может или должен быть влюблен в невесту не больше, чем офицер в солдата. ... отношения мужа и жены сохраняются в христианстве, но любовь, из которой, казалось бы, и рождается брак, пройдена гробовым в нем молчанием, и даже преднамеренным, роковым, потусветным. **Ни смеха, ни влюбленности нет в Евангелии**, и одна капля того или другого испепеляет все страницы чудной книги ⁽²⁰⁾, «фаздирует завесы» христианства.

Да, "мертвые" восстали, когда умер Христос: но зато таинственная "завеса Соломонова храма" – она "разодралась"... А ведь "закон" этого "храма" состоял, между прочим, в том, что при постройке его нельзя было употребить как инструмента или как части хотя бы крошечного кусочка железа: ибо "из железа – оружие, а оно укорачивает жизнь". Стало быть, тайная мысль храма – "удлинение жизни". ...

Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместимы с моно-цветком, "Сладчайшим Иисусом". Но как же тогда мир? .... Как же тогда мы, в цвете и радости своей жизни?»

«[Духовным лицам] вовсе не грешные удовольствия запрещены, *им запрещено удовольствие как таковое*. Все негрустное – им не позволительно. Вино, чай, большие рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель – собственно прокрались к ним контрабандою. ...Контрабандою прокрались в христианский мир и искусства, музы, Гоголь, хороший стол, варенье. "Это – позволено"; но никто не прибавит: "это – полезно" (формула ап. Павла), а в этой-то прибавке все и дело, вся поэзия, цветочек: коего решительно не допускает моно-цветок, Иисус.

Христианство ... расширило объятия, ... и Гоголя оно "прощает", и Пушкина, и варенье; даже блудницу и блуд, без коих, кстати, не попали бы в невод почти все святые, начиная с бл. Августина, знавшего бурную молодость. Но прощение – это вовсе не то, что призыв. **Призваны-то христиане только к одному – любви ко Христу**. Конечно, Гоголь со всем своим творчеством, и нимало его не прерывая, мог бы "спастись". Но спасение спасению рознь: есть герои спасения, есть великие в христианстве, есть поэзия христианского спасения, в своем роде духовный роман. Таковой прошли только мученики; и Гоголь стал и должен был стать мучеником, чтобы войти в роман и поэзию христианства.

Дело в том, что с христианской точки зрения невозможна акция, усилие, прыжок, игра в сфере ли искусства, или литературы, или смеха, гордости и проч. .... Собственно был оставлен христианам очерк "князя мира сего", семья, литературы, искусства. Но нерв был выдернут из него – осталась кукла, а не живое существо. Как только вы попытаете оживлять семью, искусство, литературу, как только чему-нибудь отдадитесь "с душою", – вы фатально начнете выходить из христианства. ... Не в том дело, что Гоголь

занимался литературою. Пусть бы себе занимался. Но варенье должно быть кисло. Гоголь со страстью занимался литературою: а этого нельзя! Монах может сблудить с барышней; *у монаха может быть ребенок; но он должен быть брошен в воду*. Едва монах уцепился за ребенка, сказал: "не отдам"; едва уцепился за барышню, сказал: "люблю и не перестану любить" – как христианство кончилось. **Как только серьезно семья – христианство – в шутку обращается семья, литература, искусство. ...»**

«Но как же тогда? где этому все место? ... Можно написать оду: «Размышление о Божием величии при виде северного сияния», но «Медного Всадника» написать – грешно. Но что такое чистый черный цвет? Это – смерть, гроб, о котором я говорил в одном из предыдущих своих докладов и коего решительно невозможно вырвать из христианства. Это его хребет и четыре ноги. "Гробом" оно бежит вперед, на гробе жидется. ... без всем не-симпатичного еврея история была бы без смысла, т. е. без души. Еврей есть душа человечества, его энтелехия. [похоже на то, что я говорил, что они – *закваска истории*, закваска в тексте, которое составляет в истории плоть.]

... Мир есть дитя Божие, потому что сотворен Им. Как осколок, правомерный на бытие, в этом мире есть и Гоголь, поэзия, игра, шутка, грация, семья, эллин, иудей, да и все язычество. Все это – царство Бога-Родителя и продукт Его рождения. Церковь не сразу, не в апостольский век, но позднее, лет через 200–300 после Христа, задумалась: «как же мир?» и оттенила, вынуждена была оттенить: «Сын Божий» – об Иисусе, «Который стоит в тени и подобии своего Отца». Но церковь только назвала Отца, не в силах будучи что-нибудь о Нем подумать; – изобразила его в виде старого человека, впадши в явный антропоморфизм. «Бога никогда же никто не видел», – слова Нового Завета; «Нельзя видеть Меня и не умереть», – сказал о Себе Бог Моисею. Но христианские учителя всегда как-то видят и видели часть Писания, а все его никогда, кажется, не принимали во внимание. И вообще все церковные понятия как будто построены сквозь сон: тут вы найдете и яростный спиритуализм, и самый грубый антропоморфизм, и даже фетишизм. Все в эклектическом, "пестром" здании умещается. Вот в эту Отчую Ипостась, только нумерационно названную, и входит мир с его сиянием, с его идеалами, с комедией, с трагедией, с бытом народным; **мир – святой во плоти, но святой – не во плоти Сына, но по исхождению из плоти Отца. ...**

Навсегда останется тайною: отчего же Никодим не признал Христа? Отчего его не принял Гамалиил, и вообще кроткие евреи, совершенно будто христиане по очерку души, по быту и характеру? Ничего они об этом не рассказали и скрыли в каком-то молчании главную тайну мира. А если б они ее сказали, то не было ... бы инквизиции, не было бы истребления ею инков и перуанцев. Не возник бы с какими-то своими секретами иезуитский орден, фанатичный до сумасшествия и лгущий, как "сорок тысяч братьев", по выражению Шекспира. [Вот потому и не приняли, что **евреи нормальны** и приняли и плоть и дух, не отвергли рождение настолько, что и Рождество (в идее), а христиане безумны, проклиная женское даже с рождением младенцев, должны бы и Христа принять как-нибудь помимо... но – безумны...]

«Мир раздался – и пало в него Евангелие. Мир его принял, принял с любовью. Евангелие инкрустировалось в мир.

Но Гоголь инкрустациею не входит в Евангелие; любовь, влюбление не инкрустируются туда. И Евангелие вообще не раздвигается для мира, не принимает его в себя. Мир – за переплетом небесной книги [т.е. *вне*]. И с него сходит румянец, он бледнеет, как только приближается к этому переплету. ...

Сколько я убедился, слушая здесь гг. духовных лиц, они не имеют вовсе, так, сказать, метафизики христианства, не только верной, но и никакой. Им христианство просто представляется добрым явлением. .... С этой позиции добродетели их невозможно сбить. "Решительно мы исповедуем самую добродетельную веру, и сами – ... добродетельные до скромности, до сознания своих грехов, до высшей деликатности, к какой способен человек". Между тем светские недоумения, так сказать, катятся по обручу метафизики. Нам, светским людям, кажется невозможной религия как только добродетель, как *summa virtutum*. Религия – тайна, тайный узор стальной твердости, отнюдь без податливости в себе. Мы хотели бы, чтобы духовные лица загремели негодованием, анафемами: тогда мы и увидели бы границу между собою и ими, которую теперь решительно не видим. ... "Христианство есть гроб и смерть", – говорят им. – "Ну, что вы, отнюдь нет, – отвечают они, – сочувствуем всякой радости". – "Тогда пойдите в театр, но хоть на Бориса Годунова – произведение патриотическое, или на Жизнь за царя, кажется, чего выше". ... они говорят: "Театр недостаточно серьезен" ... "Тогда пойдите в оперу". – "Не можем, низко". Но дело не в том, что низко, а в том, что весело. Вот ничего веселого и счастливого их "устав" им не позволяет. Веселое и счастливое – отрицание смерти, забвение гроба. Семья, искусство – украшения жизни. И гроб иногда украшается позументами, серебряными ручками. Вот хорошие ландшафты около монастырей и суть такие серебряные ручки около гроба. Доклад Мережковского – вторично после моего доклада **о смерти как главном идеале христианства** – ставит вопрос: "что же такое христианство?", и на него решительно невозможно отвечать моральными ответами: "мы хорошие люди", а нужно отвечать метафизически и доказательно. ... Ибо нам больно от нашего незнания. Мучительно.»

«Позволю себе, в помощь будущим рассуждениям, маленькую личную догадку, вовсе не догматическую. Иисус действительно прекраснее всего в мире и даже самого мира. Когда Он появился, то как солнце – затмил Собою звезды. Звезды нужны в ночи. Звезды – это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа – так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, – "слаще", привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства. *Гоголь – солома перед главой из евангелиста*. Таким образом, во Христе – если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истомы. Отшельники, конечно, знают свои сладости. Они томительно умирают, отрешиваясь от всякого мира. Перейдем к мировым явлениям. С рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости.»^(*)

[Все приводит очевидное Розанов по поводу христианства, с ним жизнь невозможна – а дальше вывод: "*мир – солома в сравнении с ним!*"

Когда Розанов говорит о евреях и сравнивает с эллинами, создавшими математику, драму, географию... дальше, читатель, еще семнадцать страниц перечислений того, что они создали, даже Афродиту из пены морской и возвышеннейших муз, покровительниц искусства, и все то, чем мы сегодня живы, именно они создали, и ту семейную верность, что у Пенелопы, ожидающей Одиссея, и ту любовь-страсть к женщине, которая из-за прекрасной Елены вызвала Троянскую войну, и все образцы мужской доблести в Ахилле и Гекторе, и философских умозрений в Платоне и Аристотеле, и красноречия в Демосфене, и поэзии в Сафо, и диалога в Сократе! – но он вдруг делает паузу и заключает: "Еврей есть душа человечества, его *энтелехия*" (*понятие которой введено Аристотелем*).

Чтобы противопоставить Христа миру, подчеркнуть грандиозность Христа и ничтожность мира, Розанов добавляет: «мир стал тонуть около Иисуса. Наступил всеобщий потоп прежних идеальных вещей. Этот потоп и называется христианством.»

«Вообще, смерть и познание Бога как-то взаимно требуются. Бог все же не мир. И как только вы на Бога взглянули – так и стали куда-то "переходить из мира", "умирать"».

Необычайно искусно пишет Розанов, и с этой искусностью легко доказывает противоположные вещи, умалчивая об очевидном.

1. Евреи уже существовали двадцать веков со своей национальной религией, иудаизмом, и своим собственным богом, Иеговой, и просуществовали после Христа, который их чуть не погубил, еще двадцать веков, и сегодня и Храм восстанавливают, который он обещал разрушить и в три дня восстановит, и государство восстановили, и в науках и искусствах преуспевают, да и во всем, что ни есть – что же евреи НЕ утонули?! А христианство в России чуть не утонуло, когда пришел марксизм, еще одно мессианство! И не весь ли почти народ, не все ли двести миллионов стояли перед ним на коленях и пели *осанну!*? И не единицы ли только не бежали в общем строю и не молились богу толпы и черни!

И как примирить гордость Октябрьской революцией и убийством царской семьи и изгнанием образованных и благородных из России, – и вот это новое неожиданное христианство после крушения СССР и коммунистической диктатуры?

2. Когда говорят о противоречиях христианства, то даже противники его стыдливо одну риторическую фигуру противопоставляют другой, как будто для христианско-марксистской диалектики с их *диктатурой как высшей формой демократии* это так существенно. Но существеннее другое. Христос говорил, что **Он пришел спасти Свой народ** – но в результате Его *спасения* сначала Иерусалим и Храм как символ Израиля были до основания разрушены (и ныне восстанавливаются без Христа), и гонения на евреев "дети учеников и апостолов Христа" воздвигали двенадцать веков, да и *грешный человек*, лишенный бессмертия из-за "распутной Евы", так и живет, как жил,

все еще в страданиях и болезнях, да еще содержит церковь, да тучное духовенство кормит и одевает в золотые ризы, да *науки и искусства и вся культура были до основания христианством разрушены* и с невероятным трудом проросли! Что христианство принесло человечеству? Ненависть и презрение к миру и жизни? **Гроб как символ истины и будущей жизни?**

Не ты ли, Василий Васильевич, стонал и плакал, что дети твои отвергнуты и отлучены от закона? Не вытекало ли твое антихристианство из твоей любви к детям – так на какую чечевичную похлебку обмениваешь ты детей ныне?

3. Но еще больший грех христианства состоит в том, что оно *отменяет народ, общество, семью*. Христианство до отращения эгоцентрично! Человек должен отказаться от всего человеческого, от воли, любви к женщине и семье, от творчества и труда, и раствориться до последнего электрона в апофеозе любви к Сыну Божию, во имя спасения своей души и райской награды! Все для себя! Убежать в монастырь, в скит и в пустыню, отречься от женщины, от детей, от друзей, встать на колени перед киотом и замереть – а лучше бы и умереть до конца!

Ни одна философская система, ни один любовный роман не предлагают человеку отринуть мир, только христианство! Любовь-страсть, казалось бы, прилепляет его к одной, в которой весь свет мира – но он рождает с нею детей, отдает их в школу, выходит с нею на бал и в театр, вскапывает огород, чтобы накормить семью, идет на войну, чтобы их защитить, пишет стихи, чтобы ее воспеть или покорить – а христианин даже своего бога воспевает с опаской, ибо творчество и самосознание – грех.

И далее Розанов продолжает: «Как только вы вкусите сладчайшего, неслыханного, подлинно небесного – так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. ... Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас беззкусными к обыкновенному. Все «обыкновенно» сравнительно с Иисусом. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже более: *мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле сладости – уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир – сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен. Вот главное событие, происшедшее с пришествием Христа. ... Да и весь мир, по мере того как он внимательно глядит на Иисуса, бросает все и всякие дела свои – и умирает.»*

Итак, вот конечный вывод даже критической христианской философии в лице Розанова. И удивительного здесь нет, замечательный современный философ И-ин говорит о русской философии как о *христианской* (словно она и не в состоянии быть какой-то иной, например, *русской*), а академик Глазенап изобретал в 37-м году "социалистические таблицы логарифмов"...

Когда красота Христа «просияла, озарила мир – ... человек потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен.... и весь мир, по мере того как он внимательно глядит на Иисуса, бросает все и всякие дела свои – и умирает.»

[Конец света все еще не наступил, мы еще смертны, уже протекли Революция, две мировые войны, Россия еще существует, хотя с трудом в это верится после всего, что с нею случилось, христианская церковь была сначала сметена с лица русской земли, потом удивительным образом воскресла, написаны гениальные романы, оперы и симфонии, выдающиеся философские произведения, раскрыты многие удивительные тайны природы... Тот высочайший пафос, который звенит в словах Розанова, восхваляющих Христа, что-то удивительным образом мне напоминает, совсем не высокое, а именно: восхваление марксизма как окончательной истины, к которой отныне человечеству остается добавлять только мелкие подробности. Или заключение исламских завоевателей, что книги Серапеума надо сжечь, так как если они противоречат Корану, то вредны, если же говорят то же, что в Коране, то они излишни. Противопоставление человеку и человеческому Божеству – один из самых важных приемов духовного подавления в споре философии и богословия. Что есть Бог и где Он есть? Если Бога никто никогда не видел (и с этим согласно и богословие), то очевидно, что *Бог не вне, а внутри* (если он есть). И откровение божества – то же, что откровение любви, меняется способ видеть и чувствовать, человек словно бы погружается в таинственную музыку вознесения. Встречаясь с теми, кого осеняла эта музыка, этот свет ее и звук, я встречал понимание, но не вражду, встречал жизнь и одушевление, но не увядание и смерть. Слова Розанова красивы, как и слова апостола Павла о любви, но оба они в данном контексте – проповедники смерти, правда, Розанову не всегда нравится умирать, и он иногда воскресает. Но какую силу поднимается он до их красоты? Мне часто кажется, что за мною стоит тысячелетняя крестьянская культура, культ семьи, пашни, рода, отечества, цветущей гречихи и ее аромата, а за ними часто демонская сила, помогающая писать. Итак, если Бог не воочию за нашим столом, то он существует лишь в человеке, в его чувствах, рассуждениях и поступках, в его творчестве, любви и откровении. Я послан защитить человека и отстоять Преображение мира, заботу о мире и сострадание к миру как религию творца и работника, и музыка, которую я слышу, если не убедительна, если не истинна, то лишь настолько, насколько ей можно возразить. Но и наоборот, все, что мы утверждаем (и они), нуждается в каком-либо подтверждении. Сладок ли Иисус и прогрок ли мир, или это набор сладких слов, ничего не объясняющий в причинах, по которым христианство утвердилось сначала в Риме, потом в Европе? (Но ведь и Ислам утвердился, и Буддизм, и марксизм). А вы, Василий Васильевич, испытывали сладость христианства – так, чтобы бросить жену и детей и отвергнуть прогоркший мир?]

Да, за Христом пошли многие, но среди них и: люди с неустойчивой психикой, несчастные, юродивые, обманутые и отвергнутые, не нашедшие себя, отчаявшиеся, неприкаемые, не умеющие работать, уставшие блудницы, раскаявшиеся разбойники, лжецы и хитрецы, инквизиторы, вчерашние комсомолки, завтрашние епископы, тираны, нуждающиеся в освящении, неверные, нуждающиеся в прощении, и особого рода жертвы судьбы, вроде Сонечки Мармеладовой, пожертвовавшей собою...

Но утешает ли их Христос? Нет, сам он не утешает. Разве Бог с кем-либо общается (кроме как в романе Достоевского, да и там он молчит)?

Становясь христианином, новообращенный свою человеческую сущность снимает с себя вместе с душевными свойствами, как апостол Павел снял с себя Савла, растворившись в Христе.

Но продолжим читать Розанова.

«...тон Евангелия грустный, печальный, "предсмертный". Но грусть выше радости, идеальнее. ... Мы к грустному невероятно влечемся. Не здесь ли секрет религиозной жертвы детей Богу, этот никогда не разгаданный секрет Молоха? Люди переживали небесную грусть, искали ее пережить; всем для этого жертвовали, главным. "Смерть – уже до смерти": вот – Молох!»

«Трагедия выше комедии. Мы все сейчас хороши; а превосходны станем в минуты грусти, потеряв жену и детей... одна из великих загадок мира заключается в том, что страдание идеальнее, эстетичнее счастья – грустнее, величественнее.»

«...Всеобщее погребение мира в Христе не есть ли самое эстетическое явление, высший пункт мировой красоты? Гоголя нельзя инкрустировать в Евангелия; нельзя, значит, вводить и в христианство; его просто надо выкинуть. Но не с земных точек зрения, а именно с монашеской, как сладостного умирания во Христе. Гоголь любил мир и нас привязывал к миру. Это задерживает мировой финал. *Вообще вся история, быт, песни, литература, семья суть задержки, теперь уже слабые – со времени Христа слабые – задержки мирового испепеления всех вещей во Христе-смерти.* Смерть – вот высшая скорбь и высшая сладость. Таинство смерти никто ведь не разгадал. Она венчает скорби, а в скорбях истома таинственной эстетики. Трагедия трагедий. С этих точек зрения Христос есть Трагическое Лицо – как всегда и открывалось человеку, вождь гробов – как опять же это открывалось человеку: а мы не знаем, что это все – божественное, и именно не знаем – поскольку еще живем, так как жизнь есть «та сторона», «изнанка» Бога. Пытаются смерть отождествить с рождением. Возможно. Но отчего, например, рождение не отождествить со смертью? Когда родился человек – он в сущности умер; утроба матери – могила, уже зачатие меня – переход в смерть. Дело в том, что «здесь» и «там» пропастью разделены, как «низ» и «верх», «наружное» и «внутреннее». И что бы ни поставили на одном, какой бы термин, какой бы значок ни начертали – на другой придется выставить термин противоположный. «Мир», «бытие», «жизнь наша» – не божественны; значит, «гроб», «после кончины», «тот свет» – божественны. Или обратно: «мир», «бытие», «жизнь наша» – божественны; тогда «гроб», «после кончины», «тот свет» – демоничны.

Но очевидно, что Иисус – это «Тот Свет», поборающий «этот», наш, и уже поборовший [*как будто мир уже умер!*] А предикаты к нему, из которой угодно линии равно возможных, вы выберете по усмотрению сами. Церковь всегда считала **Христа – Богом**, и ео ipso принуждается считать **весь мир, бытие наше, самое рождение**, не говоря о науках и искусствах, – **демоническими, «во зле лежащими»**. Так она и поступала. Но это не в смысле, что чему-то надо улучшаться, а просто – что **всему надо уничтожиться.**»

3. Распятие мира

2 января 16 г. М-да... Если бы я не бросил пить с Нового Года, то непременно сейчас бы налил и выпил с горя. И "Христос принес спасение" – начнешь искать, *где спасение в этом спасении* – и хочется выпить. А читаешь далее: и "*миру надо уничтожиться!*" – тут уж стакан появляется в руке прямо из воздуха. (Ибо проповедуется весь этот бред как очевидное откровение!)

Конечно, я Розанова (со товарищи) ругаю несправедливо, тысячу лет просидели они в лагерной зоне вместе с разбойниками и блудницами, эллинский мир для России открылся только недавно, почти лишь с Пушкина, и до того срастались они с христианством и инквизицией – нет, не в силах они были дышать свободой, осознать, что можно мыслить, не всегда поминая имя Божие (хотя и велено было не помянуть имени божьего все).

Я жил рядом с лагерной Зоной. Когда начали выпускать из лагерей, каждое утро выходило за ворота два-три десятка счастливых людей, но несколько человек продолжало топтаться у ворот, не желая идти на волю. Так и Розанов топчется у ворот и боится уйти, как бы без христианства не стало хуже...

Умер В. В. Розанов 23 января стар. стилия, с голода и холода, в 1 час дня без всяких мучений. Соборовал его о. Павел Флоренский. Похоронили его рядом с могилой К. Леонтьева, в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вера, Любовь, Надежда

1. Ревность

Обычно, говоря о надежде и вере, вспоминают любовь, словно сии три – существуют только вместе; но в действительности любовь и вера – соперницы, чуть ли не ненавидящие друг друга (имею в виду я, конечно, человеческую любовь, а не невозможные для нормального человека ни любовь к богу, ни любовь к ближнему).

Рассмотрим же и любовь к женщине и веру в Бога в их совершенстве, то есть когда человек не мыслит жизни без Бога и жертвует для него всем, или когда он сгорает от страсти к женщине. Влюбленному, пока он еще надеется на взаимность, некогда думать о Боге, хотя бы он был из христианской семьи и был верен традициям, а верующий в Бога отвращается от любви к женщине не потому, что слишком занят верой, а сознательно, он чувствует, что вера не терпит соперничества, что она требует верующего без остатка и требует от него жертвы. И верующий приносит в жертву любовь, со страстью от нее отрекаясь, иногда с ненавистью, доходя даже до отвращения к любви!

Или любовь, или вера, вместе они невозможны. Да и как любить земному человеку христианку? Если страсть и соединит их в постели (вдруг, в горячке, в забытьи, в минутной растерянности), то ведь она тут же вспомнит повеления Блаженного Августина о необходимости *благопристойных движений*, и как бы тогда не показалось, что они вместе лежат совсем не в постели, а чуть ли не в гробу?

Но будем благопристойны пока в рассуждениях. И любовь не ограничивается страстью, сливающей воедино две плоти, есть в ней и сочувствие, и восхищение, и нежность, и не только постель, но и смотрение друг другу в глаза – целый мир чувств, продолжающих родовую любовь, расширяющих ее – и любовь к детям, к семье, к народу, к природе... но мы уже прочитали, как христианство относится ко всему, что упрочает и расширяет жизнь – с ненавистью! Оно патологически ревниво, требует человека всего, от макушки до пят, даже и крошек с хозяйского стола оно не хочет отдать, хотя и провозглашает смирение венцом добродетели.

Надежда смиреннее веры, она и христианке руку подаст в минуту несчастья, и влюбленного обнадёжит. Но приходит она к ним раздельно.

2. Вера

Давно уже пора вернуться к Легенде о Великом инквизиторе, но я заглядываю во все закоулки около двери, ведущей к ней, но дверь не открываю, потому что утерял что-то ключевое. Я перестал понимать, что такое Вера и существует ли она. Нет, не так: я впервые неожиданно узнал, что **вера** существует (зная о ее существовании как будто всю жизнь), и растерялся.

А я ведь считал себя человеком *религиозным*, и теперь не могу сказать, что я **а-теист**, без-божник, но религиозен я был примерно так, как Каренин любил свою Анну, но не так, как она полюбила Вронского. И правда состоит в том, что всех, кто считает себя в той или иной степени христианами (о других пока говорить не буду), нельзя рассматривать как нечто единое, они соединяют в себя группы совершенно несходных людей.

Итак, разделим их, пока совершенно формально, на три группы, и в *третью* выделим тех, кто принимает и Новый Завет и церковь, сам считает себя христианином, ходит иногда на церковную службу, но на исповедь и на причастие ходит или изредка или не ходит совсем, символ Веры если и знает, то воспринимает почти так же, как Десять заповедей, но в общем не включает религиозность в важнейшее основание своего отношения к жизни и миру.

В среднюю группу входят все те, кто относится к Вере более серьезно, бывает на исповеди и на причастии, может даже спрашивать у батюшки, как поступать, или и сам относится к духовенству, но не к монахам, может быть, является дьяконом, дьячком, даже священником, служит в церкви, но ни Игнатия Брянчанинова ни Кьеркегора не читает, и хотя надеется на *воскресение*, но образ жизни своей не превращает в *служение спасению души*.

Вот эта третья группа полу-христиан или христиан *по-сю-сторонних* – это девять десятых всех наших православных, в том числе писателей и философов (включая почти всех участников Круглого стола, кроме, может быть, Страхова и Константина Леонтьева), это все те, кого мы знаем, с кем сталкиваемся, о ком у нас не возникает сомнений, что они такие же как мы.

Но подлинные христиане – это первая группа, к ним и относятся Кьеркегор, Иоанн Кронштадтский, монахи, проповедники, богословы, святые, юродивые, праведники и инквизиторы. Насколько все они искренние, я не знаю, но живут они не мирской жизнью, вот что главное. Многие из них на другой стороне реки, отделяющей наш мир, бытийственный, от мира потустороннего.

3. Возвращаясь к Легенде

2 января 2016, девять часов вечера. Продолжаю читать Розановский разбор «Легенды о Великом инквизиторе» из романа "Братья Карамазовы". Отрадно, что он тоже пока отвлекается в сторону, и пишет о романе в целом, даже о творчестве автора его в целом, а далее представляет нам изумительный очерк о Гоголе как о творце безжизненных образов, противопоставляя Гоголю плеяду следующих за ним авторов классической русской прозы... так что моя беспорядочная книга отчасти оправдывается.

И надо бы не задеваться тем, что **не** относится непосредственно к монологу Инквизитора в темнице, но хотя Розанов более точен, чем все остальные, но и у него меня задевают аксиомы в двухтысячелетнем диалоге человека с господствующей точкой зрения: «только Достоевский, способный совмещать в себе "обе бездны – бездну вверх и бездну вниз", мог написать не смешную пародию, но действительную и серьезную трагедию этой борьбы, которая уже тысячелетия раздирает человеческую душу, – борьбы между отрицанием жизни и ее утверждением, между растлением человеческой совести и ее просветлением.»

Что меня здесь задевает?

Если бы имелся в виду только человеческий театр, независимый от христианства, мир "человеческой комедии", борьба двух бездн в человеке и в обществе, утверждение жизни и ее отрицание, происходящее в рамках человеческой истории, в рамках столкновения идей и характеров – но имея в виду явление Христа и монолог Инквизитора, я становлюсь в тупик, я перестаю понимать, кто отрицатель и кто утвердитель жизни; ...но не забегая ли я вперед, делая выводы о том, о чем еще не дочитал?

Итак, прежде, чем заговорить о Легенде, Розанов представляет очерк творчества Достоевского на фоне великих его современников, Гончарова, Тургенева, Толстого, и объясняет, чем привлекает нас его излюбленный автор: «Туда, куда зовет он, – в *мир искажения и страдания*, ...можно пойти ... забыв и мир красоты, открываемый в искусствах и поэзии, и холодные сферы науки, слишком далекие от нашей бедной земли, которой забыть мы никак не можем. Ведь идти туда – значит удовлетворить глубочайшим потребностям своего сердца, *которому как-то сродно страдание, оно имеет необъяснимый уклон к нему*; и пойти с такою целью – это значит ответить на *главный запрос ума*, который он снова и снова высказывает сквозь все, чем пытается развлечь его наука и философия.» Но каков этот "*главный запрос ума*"?

4. Зачем приходил Христос?

И надо приготовиться, прежде чем выслушать предполагаемый нами ответ. Мы должны, после панорамы творчества художника, бросить взгляд на панораму тех Идей, которые явились в наш мир, изменив его течение, и с которыми мы и будем иметь дело и в творчестве Достоевского, и в творчестве его критиков и комментаторов.

Но вначале несколько слов о судьбе, Розановской и моей. Розанов влюбился в творчество Достоевского, то же случилось со мной, но сверх этого я еще подпал под влияние самого Розанова, начав читать его еще пятьдесят

лет назад, хотя и понемногу и с перерывами. Розанов несчастливо женился на бывшей возлюбленной своего кумира, она не дала ему развода, дети его от второго брака оказались незаконными, и это предопределило его отношения с христианством и христианской церковью и внесло в его исследования по проблемам религии страсть и трагический пафос. Подобное произошло и со мной: по наущению волхвов, чтобы спасти от депрессии свою ученицу, к которой я стал относиться как к собственному ребенку, я влюбился в нее, но она меня **вдруг** беспричинно возненавидела и отвергла, обратившись от любви к **вере** по убеждению батюшки и начав жить, *как он скажет*.

Вот на этом фоне, отвергнутый и разгромленный влюбленный (от Розанова, по крайней мере, к Богу никто не сбегал) я и приступаю к анализу этой злополучной Легенды (уже злополучной, потому что она мне уже надоела и я уже не уверен, что сумею из нее выпутаться). Но предварительно я хочу задать несколько вопросов и что-то узнать по их поводу.

Вопрос первый: Зачем, почему и во имя чего приходил Христос?

Ответов, вероятно, будет несколько, потому что и цели разноплановы, и миссия Его не представляет собой единства, и Миф, в котором сосредоточился Его приход, соединяет в целое невероятные противоречия.

Религия вырастает из мифа, является мифом, продолжает собою один или несколько мифов.

Все мифы древности имеют общее ядро, состоящее в **жертве** как *магическом способе осуществления заданной мифом цели*, которая состоит в искуплении метафизического события или нескольких событий, относящихся к предыстории человека или к началу его истории. В Ветхом Завете содержится Миф о создании человека, первородном грехопадении Евы и Адама, изгнании их из Рая, избрании евреев Богом как возлюбленного народа и обещании прихода Мессии для спасения их.

Христос и объявил себя тем самым Мессией, которого ждут евреи, и не раз повторил, что Он пришел спасти Свой народ.

Но Он не спас евреев, они его отвергли и по настоянию Каиафы распяли.

Но Миф, повествующий о Пришествии Христа, сообщает, что Он и пришел для того, чтобы принести Себя в жертву, и своею смертью, во-первых, закончить исторический ряд человеческих жертвоприношений, во-вторых, через магическое действие Самопожертвования искупить *Первородный* грех, вызвавший метафизическую порчу мира, тление и смерть.

После распятия *Христос воскрес* (но и тут загадки: он ведь был Богом, так умирал ли он? Как соотносились в распятии, смерти и воскресении две его природы?) и обещал воскресение всему человечеству и "жизнь будущего века" в царствии небесном.

Распят он был по замыслу Бога-отца, но и своему тоже, и не мог же Он не знать, что вина за Его смерть падет на *Его народ*? А, значит, он не спасет его, а вызовет на него гонения? Зачем же Он говорил, что пришел его спасти?

Вопрос второй: Что ужасного в человеческой любви и в рождении детей, что их надо прекратить для последующего спасения, прекратить уже теперь, так что Он и сам вочеловечился, хотя и *родившись – непорочно*?

Для этого надо поразмыслить о том, что случилось в грехопадении, что было до него, и что стало после.

До грехопадения Адам и Ева жили в Эдеме, райском саду, и были счастливы, и хотя не говорит миф, что им была дарована вечная жизнь, но говорится, что только потом в мир вошли Тление и смерть.

Но была ли у них вечная жизнь? – и если у них было неведение того, что они наги, и даже отсутствовала любовь и притяжение ее, и притяжение плоти, то были ли у них наши нынешние земные чувства? И та же ли самая природа, и та же ли плоть?

И было ли **время**? Времени нет почти ни у чего *метафизического*, вне времени существуют тождества, и "а = а" вечно, временно феноменальное, и чувства отличают одно явление от другого; вечны силлогизмы, живопись и скульптура, вечна сцена и даже пьеса, которая играет на ее подмостках. Адам и Ева были сотворены как персонажи Кукольного театра для развлечения небожителей, и хотя они мыслили (как со временем начнет *мыслить* и тот будущий искусственный ум, который нас уже и теперь поражает), но они **не** чувствовали и не испытывали любви. Они были Мальвиной и Пьеро в Эдемском саду, и коварный Змей, любимый ученик всемогущего Бога, создавшего их (быть может, при помощи **чуда**, то есть при помощи магии, ибо **магия**, или способность к *чудо-творению*, входила в природу всемогущих богов) – смотрел на них и восхищался, и замыслил поднять почти до божества, наделив чувствами. В саду росло магическое дерево с плодами, обладающими способностью пробуждать чувства (а что мы знаем о жизни в Эдеме кроме того, что скупо сказано в Библии и что было переписано из более древних легенд, может быть, и сохранившихся на Вавилонских обожженных табличках?), и коварный Змей, воспылавший незаконно страстью к творению Божию, легко уговорил легковерную Еву, еще **не** начинавшую жить, вкусить плод с Древа познания добра и зла, пояснив ей, что оно есть продолжение Древа жизни – ибо жизнь не делима от **познания**!

И у Евы и у Адама появились чувства и возникло время. Первое чувство, которое они испытали, был стыд, они узнали, что наги. Затем появилась *похоть очей*, и далее – похоть плоти, а прочее известно каждому.

Но сие еще надо осмыслить. То, что существует вне времени и чувств, не является жизнью, хотя и вечно и нетленно, а то, что является жизнью и обладает чувствами, протекает во времени, но одновременно не только пребывает (как мысль), но и изменяется, как чувство. Вкусив от запретного древа, Мальвина и Пьеро ожили и стали людьми, Евою и Адамом, но расплатились за совершенное знание, за свою чувственную жизнь в Эдемском театре изменением, разрушением, страданием и смертью.

Что же ужасного в человеческой любви и в рождении детей?

Если следовать той логике, которая содержится в предположении, что мы были первоначально созданы как бесчувственные куклы Кукольного театра, то вкусив с Древа, мы обрели подлинную жизнь, наполненную чувствами (и главными из них – **любовью** и **вождедением**) и жадной *познания* (в частности *познания добра и зла*, но в общем – *стремлением к познанию мира и Бога*). Если мы стали **живы** после вкушенья плода, но одновременно смертны, то мы

неотвратно стали нуждаться в рождении детей для продолжения рода, а следовательно и в любви, ибо недостойно для человека рождать детей как животных, по вожделению, (хотя и у тех отчасти бывает уже и любовь).

Из сказанного можно сделать вывод о ненависти к жизни и об отвращении к рождению детей, если божества вечны и не нуждаются в продолжении рода – но почему им так ненавистна любовь? Почему они проповедуют только веру и противопоставляют ее любви, и вечное временному? Но – со временем...

Вопрос третий: Что обещает Христос после Второго пришествия?

Быть может, мы начнем нечто понимать, если поразмыслим о том, чего он требует от нас до своего пришествия, как он велит нам жить. Об этом нам рассказал апостол Павел, повелев *«жить аки спящие во гробе»*, то есть уже не жить. Следовательно, вот эта жизнь в гробу еще до смерти является приготовлением к будущей вечной жизни в раю.

Следовательно, по воскресении мы из *сущест*в превратимся в *сущности*, чувственную жизнь мы утратим, а также утратим индивидуальность (вот почему евангельские проповедники ее так ненавидят и призывают ее уже теперь *умерщвлять*, как и любовь – то есть и чувственную жизнь и индивидуальность!). И в продолжение спора Инквизитора с Христом – воображаемого спора, который ведет Достоевский – только с кем же он спорит? – он отстаивает индивидуальность – но кто же, по его мнению, ее умерщвляет?

Мы станем небожителями, перестав быть людьми, *мы обречем вечность, перестав жить, обречем всеобщее, утратив личное.*

Вопрос четвертый: если Распятие магически уже искупило первородный грех, то зачем последующая история человечества между двумя пришествиями, зачем церковь, проповедь и бесчинства христианства, адские муки, скрежет зубовой? Покаяние и искупление праведников?

Вопрос пятый: И почему для искупления необходимо распятие, необходима смертная жертва? Или ответ можно найти только в мифах, рассказывающих о кровавых жертвоприношениях?

Вопрос шестой: Зачем вера? Почему даже праведная жизнь и искупление – ничто, по уверению апостола Павла, в сравнении с верой? Что она такое, что за метафизика (или трансцендентность) скрывается в ней, что Вера в основании и в средоточии всего Мифа, всего существа религии и центр бытия человека в истории и вне истории?

Вопрос седьмой: И все таки, почему так ненавистна Любовь? Что в ней такого, что нас надо сначала лишить любимой женщины, детей, родителей, народа, друзей, родины, творчества и культуры, чтобы потом допустить в царствие Божие?

Вопросов, впрочем, можно задать еще множество, но я ограничусь только вот этими семью магическими вопросами, не на все их я и отвечу – не знаю, даже и по предположению, многих ответов...

Вот, в частности, христианство ненавидит **познание**, культуру, в частности науку, искусство, философию...

«Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои.

*А из занимавшихся **чародейством** [к которому относились науки, в частности, занятия математикой позже были даже запрещены под страхом **смертной казни**] довольно многие, собравши книги свои, сожгли пред всеми и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм. **С такою силою возросло и возмогло слово Господне**» (Деяния, 19:18-20).*

Какие комментарии здесь возможны? Что это за *слово господне*, которое возросло за счет сожжения книг? Ну, подумаем, что писавший сие (как и сообщники его) был тупой и невежественный фанатик – но мы, живущие в просвещенное время, кончающие школы и университеты, просиживающие штаны за книгами, – нас не тошнит от этакой святости? Нам не хочется взяться за оружие, чтобы защищать духовные ценности против тупого и злобного дьявольского наваждения?!!!

Кажется, что христианство ненавидит все, что относится к жизни и что расширяет ее, и только то, что сужает – любит.

5. Что христианство любит и поощряет?

Оно любит тоже немало. Любит и поощряет **смирение, кротость и умаление гордыни**. Любит и поощряет **страх Божий**.

Призывает к **безбрачию**. К **отсутствию пристрастия** даже в браке (о чем напоминает Розанов, рассматривая брак православного священника: «Церковь позволяет священникам жениться, но ... так все обставлено в их женитьбе, что жених может или должен быть влюблен в невесту не больше, чем офицер в солдата. ... отношения мужа и жены сохраняются в христианстве, но любовь, из которой, казалось бы, и рождается брак, пройдена гробовым в нем молчанием, и даже преднамеренным, роковым, по-ту-светным. Ни смеха, ни влюбленности нет в Евангелии, и одна капля того или другого ... "раздирает завесы" христианства.» (Вы еще осмелитесь полюбить христианку?!))

Любит и поощряет **покорность, повиновение** господам, родителям, начальству. Поощряет **отсутствие дерзости, дерзновения, честолюбия**.

А из писем Игнатия Брянчанинова к брату следует, что **не следует заботиться и о чести**: «Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтоб ты не уронил чести своей и других тленных преимуществ... Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу, водимый Евангелием».

Поощряет **жестокость** во имя правды Господней: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.»

Вот это портрет христианина. И вам нравится и хочется быть такими?

6. Необъяснимость и необходимость противоречий

Бог ли Христос? Христианину кажется кощунством даже задавать такой вопрос – но, следовательно, христианину кажется *кощунством быть и евреем?*

А еврей не только такой вопрос задает, но и отвечает на него своей верой и своей жизнью, и для него несомненно, что Христос не только не Бог, но прямо обманщик.

Да и апостол Павел, пока был евреем, «терзал церковь, входя в дома, и влача мужчин и женщин [христиан], отдавал в темницу».

[И, кстати, при советской власти мне тоже казалось, что даже за вопрос, справедлива ли советская власть, они *уже имеют право* меня казнить.]

Но Христос не Бог для китайцев и индусов, не говоря о буддистах, то есть для большинства на земле, поэтому буду рассуждать дальше без "страха божия" – вдруг меня будут читать "русские китайцы" или буддисты, а они меня будут читать без ужаса и отвращения. Поэтому продолжу разговор о страдании.

Христос ко всему в мире относился так, как к движению солнца на небе – иногда оно чрезмерно палит и иссушает землю, но никому не приходит на ум исправлять его движение, вот так и земное общество исправлять нелепо, как и государство, пусть все идет своим чередом, ибо главное зло уже совершилось, то есть *пала Ева* (как позже Троя), все остальное лишь следствие.

Ее грех преодолеть выше сил человека, но для того Он и пришел на землю, чтобы крестною мукою и своей смертною жертвой преодолеть этот грех и спасти человечество, мир же осужден на погибель.

И надо тем, кто в силах это вместить, жить не касаясь женщины, остальным соблюдать заповеди. Мир же пусть движется своим чередом, исправлять ничего в нем не надо (бесполезно).

Надо ли было бы уменьшить страдание? Но хотя порицал Он богатство, но и нищих воспринимал как должное. Когда Мария драгоценным миром помазала ему ноги и отерла их волосами своими, Он сказал на ропот ученика: «оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда.»

Но для чего же тогда Он лечил и воскрешал из мертвых? И это делал и то? И был безучастен к делам мира сего, и совершал в нем чудеса в помощь страдающим? **Но не для того пришел Он, чтобы уменьшить страдание, а чтобы отменить мир.**

Между Его делом и делом тех, кто в мире заботится о мире, лежит глубокая пропасть. Крестьянин призван к тому, чтобы накормить домочадцев, воин – чтобы их защитить. Любящий призван к тому, чтобы любить и утешить. Мать – чтобы родить детей и о них заботиться, жена – чтобы угождать мужу, дети и рабы – повиноваться,

Он же пришел для главного, и если и делал что-то еще, то это было словно и не было. Ибо *Он пришел, чтобы взойти на крест для искупления первородного греха, возвестить Страшный Суд, Конец Света, Воскресение мертвых, грядущее преобразование земной жизни в жизнь будущего века* (не объяснив, правда, что это значит).

И Он же призвал человека к покаянию, к Вере, к праведной жизни, призвал взять на себя крест и пойти за Ним, то есть отринуть естественную жизнь человека. Пришел создать Церковь и повелел ей проповедовать Его слово по всей земле (но добавил, что это мир не спасет, и когда Его слово будет принято всеми, тогда-то и наступит погибель всего).

Распятие, воскресение, призыв к покаянию, созданию церкви, обещание будущего воскресения избранных – в этом всё христианство, сверх этого нет ничего. (Даже исполнение заповедей – это только Ветхий Завет.)

Последующие явления Христа в мир, в стихах ли Тютчева, в романе ли Достоевского, в легендах ли европейских народов, не что иное как фантастическое добавление к христианству, словно бы допускающее неполноту его первого, совершившегося, и второго, обещанного, пришествий.

Если мы приняли христианство, то не должны хлопотать о мире, но лишь о душе, каждый из нас о своей (отвратившись от женщин и удалившись в пустыню и там водрузившись на столп), а Кесарь и господин будут хлопотать, чтобы мы на них работали, рожали и воевали, а церковь будет хлопотать о наших заблудших душах, временами нас сожигая (чтобы не хоронить).

7. Необъяснимость и необходимость страдания

В творчестве Достоевского страданию уделено наибольшее внимание, особенно в романе «Братья Карамазовы», и с исследованием его творчества – после предисловия о незаконных детях, вычеркнутых церковью из "книги живота" – параллельно очерку о творчестве Гоголя, – Розанов и начинает «Легенду о Великом инквизиторе».

«В литературе нашей никогда не появлялось писателя, идеалы которого были бы так совершенно отделены от текущей действительности. Удержать ее и лишь кое в чем исправить – эта мысль никогда не останавливала Достоевского даже на минуту. В силу обобщающего склада своего ума, он со всем интересом приник ко злу, которое скрывается в общем строе исторически возникшей жизни; отсюда его неприязнь и пренебрежение ко всякой надежде что-либо улучшить посредством частных изменений, отсюда вражда его к нашим партиям прогрессистов и западников. Созерцая лишь общее, он от действительности непосредственно переходил к предельному в идее, и первое, что находил здесь, это – надежду с помощью разума возвести здание <...> жизни настолько совершенное, чтобы оно дало успокоение человеку, завершило историю и уничтожило страдание. Критика этой идеи проходит через все его сочинения, впервые же <...> в "Записках из подполья"».

Но русская литература отдавала должное и жизни и ее запросам, и религиозным и общественно-философским запросам тоже; живого человека многое касается, если содержишь огород, то интересуешься и ботаникой, ставишь улей на огороде, поневоле читаешь романы «Из жизни пчел», а стоит несчастливо влюбиться, то вдруг видишь, что мир был почти пуст, пока его не наполнили романы русских, французских, английских писателей, и писателей-философов, как Достоевский и Розанов. Жизнь обнимает собою почти все, даже смерть, но только смерть собою ничего не обнимает. И я с удивлением увидел, что хотя Новый Завет многозначителен, и много в нем содержится поучений, но в комментариях к нему почти пустота; открыл вчера Блаженного Августина, не понял ни одной строчки, как и в речах Леонида Ильича. Пусто.

Странно, что это так.

Читаю русских "религиозных философов" (так называемых религиозных, хотя почти всех русских) и многое мне интересно, хотя не со всем и согласен, и начинаю думать, будто богословие говорит "ни о чем" (что несправедливо), – но вот читаю *батюшку*, и он прочищает мне мозги. Если в центре христианства гроб (как сказал Розанов), то и не может быть в нем ничего более, нежели

"подготовительные" **обряды**, сначала *очищение роженицы*, потом *крещение, венчание, исповедь, отпущение грехов*, иногда *причастие, пост, праздники, соборование, отпевание*, похороны и поминки (но последние два обряда **вне** церкви, ибо Христос завещал *мертвым хоронить своих мертвецов*).

Не надо заблуждаться, хотя мы схватились за красочный эпизод в романе Достоевского и начали по его поводу и философствовать и богословствовать, но ни к тому ни к другому этот эпизод не имеет отношения. Так, *«Путаница слов и фраз, Знающие ль собрались за стол? Слезы не с небес – из глаз. Знаю ли и я, зачем пришел? Путаница избитых слов, Снов почти сквозь явь и бред... Девушка из прошлых снов, Женщина из новых бед...»*

Может быть, это литературные этюды в связи с литературою? У Розанова пока именно так. Но продолжим разговор...

А что мы все боку и от церкви, и от богословия, и от религии, *батюшкам* поди виднее, читаю у одного из них. Он пишет, что читатели таких нехристиан непременно окажутся в той или иной секте, и помимо Блаватской и Рерихов пишет и о нас, сидящих за *Круглым столом*: «Если человек злоупотреблял трудами таких "богословов", как о. Павел Флоренский или о. Сергей Булгаков, то он попадал в "Богородичный центр". Если чрезмерно увлекался книгами философов Владимира Соловьева, Трубецкого, Волконского, то мог оказаться среди униатов или русских католиков. ... *"Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, в какой секте ты можешь оказаться"*. В этом нет ничего удивительного! **Лжеименные знания, вредные знания уведят человека из Церкви и наносят непоправимый вред его душе.»**

А для христианской чистоты ВСЕ знания являются вредными!

Хотя с Богом (Творцом небу и земли) никто не разговаривал (кроме Авраама), но в воображении или во сне или словно бы в бреду такие разговоры бывают. И по поводу страданий Бог мне ответил: *"Я и сам оплакиваю людские страдания, но когда пытаюсь их чудесным образом смягчить, то человек впадает в еще худшее состояние – в свинство. Все же не случайно благородство несет на себе отпечаток страдания"*.

Но христианство и обвенчал себя со страданием, так что в центре его скорее не гроб, а Крест, который тоже ведет во гроб, но через муки. Вероятно, некоторым не хватает страданий, предназначенных им судьбой, и они стремятся страдать по собственной извращенной воле. Казалось бы, живи честно, не лги, помогай бедным, обличай неправедных, заботься о близких, Родине и культуре – страданий тебе предоставится непомерно, и тюрьма, и сумасшедший дом, и лагерная зона, и бедность, и беславие, и гонения – но подлинный христианин не пытается изменить жизнь к лучшему – и поэтому он поселяется на Афоне в холодную мокрую пещеру, садится на каменный столп, замуровывает себя в темницу, одевает вериги и власяницу, ест всякую гадость, запивая водой, или совсем не ест, борется с бесами (кои принимают вид девиц в непотребном виде), книг не читает, не пишет, детей не рождает, землю не пашет и дома не строит... или, наоборот, на него нисходит вдруг бесовская благодать, «благодатные гормоны» возносят его на небо, чувства в нем умерщвлены, любовь распята... Или он, как апостол Павел, стремится *умереть во Христе*, отвергая **жизнь в мире для исправления мира...**

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Страдание и Блаженство

1. Страдания детей

Заговорив о страданиях, Иван Карамазов сразу же отделил детские страдания от взрослых, приводя этому всевозможные объяснения, вплоть до злополучного "яблока", которое съела легкомысленная Ева и едим мы, взрослые – но то яблоко, которое и составляет первородный грех всего человеческого рода, мы не все ели, а если вступаем в любовные связи (что вменяется нам в вину), то ведь в шестнадцать - семнадцать лет эти связи безгрешны, но мы все равно осуждаемся; впрочем, первородный грех вменен в вину всем, от рождения и до смерти. Дети от нас отделены метафизически, но не библейской виной, она на всех, а *индивидуальной безгрешностью*, а во-вторых тем, что дети еще не успели пожить, насладиться и нарастить себе кожу, выдерживающую хотя бы царапины. Они нежны и беззащитны. Мы им еще способны сострадать просто потому, что они дети, и сострадать в буквальном смысле слова, то есть когда им больно, боль эта отзывается и в нас.

И хотя мне жалко бывает и многих взрослых, но я согласен с Иваном Карамазовым в том, чтобы отделить детей и подумать, из-за чего они бывают несчастны и можно ли что-нибудь в их судьбе изменить.

Достоевский аксиоматически полагает, что ничего изменить нельзя, что вся та ужасная жизнь фабричного бесправного люда, которую он наблюдал в Лондоне, словно таблица умножения, входящая в математику, входит в основание европейской исторической жизни и современной цивилизации. Но следующие за описанной эпохи многие изменили в быте трудящихся классов, во-вторых, даже Российская жизнь должна была опровергнуть его апокалипсические представления: например, в Москве и Петербурге были открыты ночлежные дома, и по крайней мере, бездомные не замерзали от холода; открывались больницы для бедных; странноприимные дома; существовала благотворительность; вдовам и сиротам достойных хотя бы людей, например, погибших военных, умерших чиновников назначались пенсии .

Даже церковь усиливалась опекать несчастных. И самое главное, открывались приюты для детей. Правительство ведь не заявило, что ничего нельзя изменить и не надо изменять до Страшного суда и Воскресения мертвых (как это сказал Христос), но предпринимало усилия для помощи обездоленным, хотя и не отменяло неравенства. И к концу девятнадцатого столетия такое умонастроение, отчасти социалистическое, требующее внимания общества к устроенности бедных классов, стало преобладающим, особенно в Европе. И тем более мы видим сегодня прогрессивное налогообложение, за счет которого уменьшаются сверхдоходы богачей и усиливается действенная помощь бедным. Вероятно, страдание как метафизическое явление таким способом не отменяется, но смягчается *вопиющее страдание*.

А значит ли это что-нибудь в общем порядке вещей, легко увидеть на следующем примере: никакими усилиями даже современной науки не отменяется болезнь как биологическое и социальное явление, явление жизни, но

если в Средние века в Европе чума уносила почти половину населения при своих пароксизмах, то сегодня она исчезла в принципе. Христос обещал *спасти* свой народ, то есть евреев, но вызвал против них только новые обвинения и новые гонения; он обещал утешить страдающих (и на вратах храмов написано: *Придите ко мне, труждающиеся, и я упокою вас!*), но разве наука не уменьшила страдания от болезней, хотя и не отменила болезни? А христиане истребляли ученых и запрещали науку, то есть отодвинули лечение болезней и уменьшение страданий. А обезболивающие лекарства, которые сегодня помогают переносить больному боль, в том числе детям, разве это не благо? Да, Христос исцелял силою, данною ему свыше, но разве не исцеляет медицина миллионы больных детей, и разве не ходят хромые и не прозревают не видящие?

Но что, если бы Инквизиция победила, остановила развитие науки, если бы ей удалось сжечь ВСЕ книги, оставшиеся Европе от античной цивилизации? А ведь не надо закрывать глаза, образованный читатель, если из-за слепой христианской веры ты не совсем одичал, и ты увидишь, что в многовековом споре науки (**уменьшившей страдания**) с мракобесием – христианство всегда было только на стороне мракобесия.

Абстрактный схоластический спор никогда не приведет к истине. Надо ли вмешиваться в жизнь, надо ли изменять мир? Да это вмешательство и это изменение никогда не прекращалось, христианство только пыталось его остановить, но и христиане жили за счет того, что трудящийся человек активно изменял мир, ежегодно вспахивал поле, рыхлил землю, убирал с пашни камни и сорняки, вносил в землю естественные удобрения, приручал животных, делая их домашними, прорывал каналы и орошал землю в засуху, строил дома, дамбы, дороги, вводил почту, лечил болезни (при помощи лекарств, а не только с помощью чуда, сила которого как будто была дана апостолам – но позднее мы не слышали, чтобы священники исцеляли больных. Орошение спасало от засухи и от голода, а вызывались ли молебнами дожди – сомнительно! Христиане всего мира умиляются, слыша о мироточащих иконах (не так ли они мироточат, как зажигаются на Рождество свечи в Иерусалимском православном храме?), но что любители музыки и театра подлинно возносятся душою к небу, слушая Чайковского и Рахманинова, в том числе и произведения, написанные на религиозные темы, несомненно!

И что дети и в Европе и в России улыбаются, слушая музыку, обучаясь в школах, посещая театры – несомненно – а детского смеха и улыбок не было в Новом Завете, и смех был объявлен орудием дьявола! Мы не отменили страдание как метафизическое явление, те, кто страдает и помогает другим (в частности, детям), как пытаюсь постоянно помочь, сколько могу, и я – но по крайней мере в Лондоне, о котором писал в "Дневнике писателя" Достоевский, сегодня невозможно то чудовищное страдание ребенка, о котором он написал: «Помню, раз я увидел одну девочку, *лет шести, не более*, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла как бы не помня себя, не торопясь никуда, Бог знает зачем, шатаясь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания. Но что больше всего меня

поразило, – она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния в лице, что видеть это маленькое создание, тоже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своею включенною головой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг всплескивала их вместе и прижимала к своей голенькой груди. Я воротился и дал ей полшиллинга. Она взяла серебряную монету, потом дико, с боязливым изумлением посмотрела мне в глаза и вдруг бросилась бежать, точно боясь, что я отниму у нее деньги».

Однажды с почти подобным столкнулся и я. И хотя я уже писал об этом в других своих книгах, но теперь уместно вспомнить и написать снова.

«Понедельник, 7 августа 2000 г.. Уже догорает вечерняя заря. Дневной жар утих, прошел мелкий дождик, окна открыты и вагон продувает.

На перроне десятилетняя девочка просила *“денежку на хлеб”* – я дал ей машинально три рубля [стоимость в то время булки хлеба], потом опомнился, стало стыдно, что так мало дал; девица, продающая пирожки, позвала её – *Жанна!*

Девочка вновь подошла, я дал ей еще двухрублевую монету. Продащица сказала, что девочка эта *живет на вокзале.*

Через минуту сердце у меня снова защемило и я стал ее искать, и еще из вагона выглядывал (стояли долго), окликал похожих, а когда уже ехали, увидел ее в пустой нише заброшенного киоска, сидела в ней забравшись с ногами. Хотел дать ей еще десятку – но разве этим спасешь её?

Россия без войны и мора бросила своих детей на погибель.

Или это Господь пустился на последнее отчаянное средство – мучает наших детей, чтобы пробудить нашу совесть?»

Через несколько месяцев я нашел ее, написав начальнику станции, он прислал мне ее адрес, родители у нее были пьющие, у нее еще были маленькие братья и сестры. Я начал посылать ей письма, вкладывая в конверты деньги, она мне написала, что деньги у нее отбирают папа с мамой и пропивают, и чтобы я не посылал денег. Тогда мы с моими родными отправили ей поездом из Москвы посылку на начальника станции, в частности джинсы, она прислала фотокарточку, счастливая, в этих джинсах.

В то время я приходил в Государственную Думу и пытался там выхлопотать для нее постоянную пенсию – вот просто вне регламента, ей отдельно, как ребенку: а все возможно и для правительства и для Государственной Думы, я узнавал. Но ничего мне не удалось сделать, а с могущественными знакомыми дружба расстроилась. Но был один знаменательный разговор с христианкой, занимавшей решающий для этого моего проекта пост: она сказала, что читала в святцах о такой малолетней умершей девочке, которая была ангелом по характеру, и вот родители захотели узнать у святого, каково ей в раю, и святой им ответил, что она в аду, потому что у нее, как оказалось, были *греховные помыслы.*

Как же я не порвал с христианством еще тогда, пятнадцать лет назад?

Еще через несколько лет я проезжал через эту станцию и расспрашивал о

ней у продающих на перроне, и узнал, что она тоже иногда здесь торгует, и у нее уже двое детей. С тех пор прошло десять лет, нового о ней я ничего не знаю, иногда думаю, что если бы ей было очень плохо, она бы могла написать, у нее есть мой адрес. Да, существенно мне не удалось ей помочь, но я утешаю себя тем, что *светлую чистую радость однажды она испытала*, получив от меня большую посылку, где было много хороших вещей для девочки ее возраста.

И еще меня утешает то, что не все мои благие порывы пропали, в соседнем со мной селе две женщины, которые гуляли и пили, трех своих дочек сплавив в приют, все же благодаря мне опомнились (о чем я писал уже и читатель должен вспомнить), детей из приюта им вернули, и хотя Анечке через несколько лет пришлось снова вернуться в приют, но судьба оказалась к ней чудесным образом милостива, она замужем, ребенку скоро год, и 31 декабря она получила квартиру в городе, в котором жила в приюте.

Окончился мой *метафизический спор* и с Достоевским, и с Розановым, и с теми, кто выше, *моею победой!*

2. Записки из подполья. Рациональное и Иррациональное

Критикуя идеалы справедливого общественного устройства в "Записках из подполья", Достоевский противопоставляет формуле всеобщего счастья человеческую неповторимую индивидуальность, которая противится заключению ее в формулу. Он спрашивает:

«*Счастье* не составит ли принципа для построения этой формулы: а разве человек не стремится иногда к *страданию*...? *Порядок* и *планомерность* не составят ли общих черт всякого окончательного устройства человеческих отношений: а между тем, разве мы не любим иногда *хаос*, разрушение, беспорядок еще жаднее, чем *правильность* и *созидание*?»

«Наконец, *неподвижное* обладание достигнутым идеалом удовлетворит ли человека, для которого *желать, стремиться, достигать* – составляет непреодолимую потребность? ...»

«Человек в цельности своей природы есть существо иррациональное; поэтому как полное его объяснение недоступно для разума, так недостижимо для него – его удовлетворение. Как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроем всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному. В человеке скрыт *акт творчества*, и он-то именно привнес в него жизнь, наградил его страданиями и радостями, ни понять, ни переделать которых не дано разуму.»

«Иное, чем рациональное, – есть мистическое. ... Отсюда развитие в Достоевском мистического и сосредоточение интереса его на религиозном, что все мы наблюдаем во втором и главном периоде его деятельности, который открылся "Преступлением и наказанием"» – пишет Розанов.

Два символа мира противостоят не только как иррациональное и рациональное, но и как покорность и своеволие, ожидание исполнения пророчеств и деятельность, жизнь во гробе и творчество, безнравственность и нравственные устремления, "непротивление злу" – и поиски добра.

Один символ выражен в словах Христа: "Нищих вы всегда будете иметь с собой, а Меня не всегда" – в них не только утверждение вечности и неизменности страдания и расположенного к нему порядка вещей, но и пожелание не вмешиваться в этот порядок, жить словно спицею в колесе, движение которого от нас не зависит (как видно, во многом христианство подобно буддизму).

О том же пишет и Розанов (и Достоевский), хотя и с горечью.

«в нормальном процессе всякого развития *благоденствие самого развивающегося существа есть цель*; так, дерево растет, чтобы осуществлять полноту своих форм, – и то же можно сказать о всем другом. Из всех процессов, которые мы наблюдаем в природе, есть только один, в котором этот закон нарушен, – это **процесс истории**. *Человек* есть развивающееся в нем, и, следовательно, он *есть цель*: но это лишь в идее, в иллюзии: *в действительности он есть средство, а цель – это учреждения, сложность общественных отношений, цвет наук и искусств, мощь промышленности и торговли*. [В истории есть один факт, особенно удобный для пояснения этой мысли: в Германии, ко времени крестьянского и рыцарского восстаний, уже значительно распространилось римское право, вытеснив местные феодальные юридические обычаи. Тягость от него для всего народонаселения была так велика, что восставшие, плохие юристы и только простые люди, требовали, между прочим, отмены римского права в судебной практике. Но кто же усомнится, что, будучи правом, как и средневековые судебные обычаи, оно неизмеримо превосходит не только эти последние, но и вообще все когда-либо появлявшееся во всемирной истории в сфере права. Дальнейшее распространение его поэтому и не прекратилось, оно было естественно и, так сказать, внутренне необходимо. Этот пример показывает, что *усовершенствование* отдельных отраслей жизни вообще не необходимо связано с уменьшением человеческого страдания, что оно имеет внутреннюю закономерность и извне *автономно*; а потому и совершается в истории независимо от всего прочего.] ...».

И тем не менее, история Европы доказала, что именно «*усовершенствование* отдельных отраслей жизни» в сочетании с **социальным прогрессом** оказалось связано «с уменьшением человеческого страдания», ибо взаимосвязаны все формы общественного развития, и связаны они с развитием культуры и усовершенствованием личности. Церковь за полторы тысячи лет не только не изменила человека к лучшему, но он одичал в церкви, и никакие походы римлян и даже разрушение иерусалимского храма не сравнятся с бесчинствами, которые начал творить человек, "взыскующий царства небесного" – и бесчинства большевиков и нацистов – это то же самое!

Или вы думаете, что двухтысячелетнее христианство вдруг за три года войны слезло как обожженная солнцем шкура с русского мужика и он стал антихристом? Хорошо же ваше тогда христианство!

Или немцев Гитлер переделал за пять лет? Нет, все оставались те же, что и были, в человеке только культура, характер, традиции и любовь консервативны, идеология же подобна настроению, она переменчива; или она подобна женской любви, она постоянна только при воздействии силы, или же она как мода, как направление ветра, как погода, как сон и иллюзия... Постоянна **вера**,

которая подчиняет себе трансцендентно, но она руководит наименьшей частью народа, это те, кто растворился в Христе, в большевизме, в нацизме...

Но, к счастью, и Розанов и Достоевский не догматики, они текучи, они и не социалисты, и не христиане, они увлекаются, заблуждаются, ищут, восторгаются, находя, ищут снова... При этом Достоевского отличает путаница слов, образов и идей, он художник в большей степени, в такой, в какой Розанов мыслитель. Но, к счастью, и Розанов не каменеет ни в чем, ни в своем увлечении Христом, ни Иеговой, ни Пóлом, ни Культурой.

Для подлинно русского человека, то есть человека, пытающегося найти *Истину, объемлющую Мир*, они пророки, и они говорят многое тому, кто им не верит до конца, кто ими восторгается как собеседником, а не учителем.

Нет, ни Достоевский ни Розанов, к счастью, НЕ христиане, как и все образованные люди, начиная с восемнадцатого века. Христиане – только люди, чем-то ушибленные, как бывают женщины, как Кьеркегор, ушедший к Христу, как те глупенькие, которые спрашивают у батюшки, с кем им дружить, и как *батюшка скажет*...

Человек культуры и жизни – словно часть многомерного пространства внутри культуры. Уходя в христиане, он превращается в *прямую линию*, он исчезает как человек, перестает мыслить и чувствовать. Что это – наркотическое состояние, программирование, безумие, стирание мокрой тряпкой письмо со школьной доски, на которой была мелом записана его личность?

(Правда, похожи на прямую линию и антихристиане, большевики, атеисты, материалисты, все, кто растворил себя в однообразной идеологии. Я бы уже давно отстал от критики христианства, если бы оно в свое зачарованное царство не уволокло мою принцессу, после чего она *стала спящей принцессой*. Но допишу эту книгу – и отстану. Потому что уже всё поздно. Она за Стиксом, *надо оставить ее в покое*, мои выкрики, если они донесутся до нее, только причинят ей боль. Ибо она была нежной как аленький цветок, сострадающей, заботливой, грустной, чувствующей, не могла она стать пустой и бездушной куклой...)

Достоевский – гениальный художник. Своим рассказом о девочке в лохмотьях из Лондонской безжалостной нóчи, всплескивающей словно в изумленьи руками, он заставил меня захлебнуться в слезах – и я ее не забыл. Прошло сто пятьдесят лет, и я спешу сообщить: Фёдор Михайлович, Василий Васильевич, **мы её нашли**, мы вместе искали, и вот нашли, мы помогли ей хотя бы настолько, чтобы она выжила и была *на мгновенье блаженна*. Но этого бывает достаточно, чтобы жить.

А христианство помогает лишь тем, кто живет мечтою о жизни за гробом.

3. Личность, Лик, Образ, Личина

Приступаю к самому сложному, самому запутанному.

Запутано Христом и его учениками. Запутано христианами. Запутано богословами и проповедниками, многие из которых безумны. Запутано и всеми теми, кто ничего не слышит, ничего не знает, ничего не понимает, но спешит высказаться или, по крайней мере, притащить веточку на костер, на котором сжигают тех, кто хоть что-нибудь знает.

Запутано философами и русскими "религиозными философами", Достоевским и Розановым.

В идее личности все камни всех преткновенений.

Бог создал человека по образу своему и подобию, и так как Он является творцом человека, то очевидно, что человек – Его собственность. (Но можно ли стать личностью, будучи чьей-то собственностью?)

Вначале человек пребывал в раю, пока не совершилось его Грехопадение, пока он не посягнул на «право и приоритет Бога решать *вместо человека и за человека*, что такое добро и зло – встал на путь дьявола: пытается сделать себя равным Богу» (рассуждает ученый *иеромонах* от имени христиан).

Нет, возражают материалисты, человек – венец эволюции Природы, он произошел в результате постепенного отбора наилучших качеств, которые накапливались, сливались, пока наконец...

Но и в таком отношении он собственность, во-первых, Природы, во-вторых, Общества (стаи, стада), которое совершенствовало его сознание и язык (и не случайно при советском социализме человек был превращен в раба худшего, чем в Вавилоне).

Не решая вопроса о происхождении человека, древнегреческий философ Протагор (490 – 420 до н. э.) возвысил его, сказав: «**Человек есть мера всех вещей.** *Сущих* – в том, что они сущи и *не сущих* – в том, что они не сущи».

Только с такой точки зрения не Бог, а человек является мерой Добра и Зла, и даже мерою Бога.

Религиозность, то есть представление и ощущение мира как пронизанного Богом так, как солнце освещает землю, не отменяет взгляд на человека как на причину и источник *Познания*, и естественным образом приводит к понятию *Личности*. Но сознание, философия и наука не останавливаются на этом понятии, а рассматривают *личность* во взаимоотношениях с обществом.

Розанов говорит: «коренное зло истории заключается в неправильном соотношении в ней между целью и средствами: человеческая **личность**, признанная только средством, бросается к подножию возводимого здания цивилизации... Ею раздавлены уже всюду низшие классы, ...и в воздухе носится иногда идея, что данное живущее поколение людей может быть пожертвовано для блага будущего.... ...человеческое существо, до сих пор вечное средство, бросается уже не единицами, но ... целыми народами во имя какой-то общей далекой цели, ...о которой мы можем только гадать. И где конец этому, когда же появится человек *как цель*, которому принесено столько жертв, – это остается никому не известным.»

О чем здесь идет речь?

Отчасти это отклик на впечатления Достоевского о Лондонской промышленной выставке, на язы буржуазного строя: нищета, забитость, бесправие, бесцельность жизни, детская проституция и страдания детей; отчасти это отклик на социалистические идеи построения нового справедливого общества, которому надо принести в жертву современные поколения (что и осуществилось при русско-еврейском социализме в России Ленина-Троцкого и Сталина). Но что же – семнадцать столетий европейской истории были

благом? Человек не принесен был в жертву "не единицами, но ... целыми народами во имя какой-то далекой цели, ... о которой мы могли только гадать" – во имя грядущего Воскресения? *Инквизиция, уничтожение культуры и науки, пытки и казни, религиозные войны, бесправие, рабство, дикость, болезни, голод* – это ли не жертвы Молоху грядущего рая?

Что же Ф.М. и В.В. упрекают в этом промышленное развитие, умалчивая о христианской многовековой *неподвижности*?

«Человек есть, конечно, только средство» для истории», пишет Розанов – но какая история совершалась в Европе кроме христианской?

«Только в религии открывается значение человеческой личности... человек носит отблеск Творца своего, в нем есть Лик Божий, не померкающий, не преклоняющийся, но драгоценный и оберегаемый.»

Развожу руками. «И ты, Брут?» Тебя ни разу не влекли на костер? А жаль! Доминиканский монах тебя не мазал маслом, чтобы лучше горелось?

«право и приоритет Бога решать *вместо человека и за человека*, что такое добро и зло» [на что посягнула Ева, вкусив плод с запретного Древа и за что была вместе с Адамом проклята и изгнана из рая, и что вменяется в первородную вину всем человекам, потомкам их, включая детей] – в чем здесь «отблеск Творца своего»? Семнадцать веков христианские церкви всей Европы проповедовали, что человек сущая тварь, дрянь, мразь, а женщина – растленный сосуд дьявола, и даже после Второго пришествия Христа только двадцать тысяч спасутся, а остальные будут свергнуты в геенну на вечные муки, где вар и скрежет зубовный – и это «драгоценный и оберегаемый»?

Нет, воистину даже самый свободный – презренный раб! Даже лучший – холуй! Даже раздавленный церковными законами о семье – целует церкви ее ноги! Вдохновенный – чадит серным дымом...

«Человек носит отблеск Творца своего, в нем есть Лик Божий» – это о ком? О том, в ком *"голос тихий, взгляд кроткий"*? это о *"смирненном рабе Божьем"*?

Сказано ведь, господа философы, что церкви вы не нужны, перечислены почти все ненужные, а Розанова перст указующий даже в страхе Божиим не указал, ибо те славословили церковь, и то оказались отвергнуты, а этот в центр христианства поставил гроб – куда уж хуже?! – но нет, на коленях умоляют принять назад, мы, дескать, зато найдем в человеке отблеск Творца!..

Может быть, дальше читать не стоит? С кем я буду спорить? И с чем? Христос принес человеку свободу, искупил его вину, обещал Воскресение – а что же тут церковь? А что же тут инквизитор? Помимо Христа?

Впрочем, *личность* все же надо защитить. Сколько бы лжи и подмен ни громоздилось, но никогда не забудется, что именно *«Человек есть мера всех вещей»*. И сколько европейских имен осталось в памяти человечества – не из тех, что прославились подвигами жития со львами в пустыне, а на поприще творчества или славы – Гипатии Александрийской, Жанны Д*Арк, Данте, Рафаэля, Леонардо Да-Винчи, Лютера, Колумба, Магеллана, Коперника, Галилея, Сервантеса – это имена людей с сильным характером и волей, но не *"как батюшка скажет"*... И не крест они несли, а меч или перо, резец, кисть, штурвал корабля, подзорную трубу, всматриваясь не в "тот мир", а в этот!

4. Личность, Образ и Тайна тайн

4 января, поздний вечер. Чудо, Тайна, Авторитет – три магических термина для темы нашего очерка – общего, по крайней мере, у меня и у Розанова. Иногда мне кажется, что часть его личности перевоплотилась в меня, только он образованнее и талантливее, и я это вижу. Я рад за него, и хорошо, что он так хорошо умеет писать, как мне не удастся, и у него столько самобытных идей, и жаль, что я меньше, чем мне нужно для оправдания правды. У меня такое чувство, что я поднимаю что-то тяжелое, но у меня не хватает сил.

Подружившись с N, я думал, что я на той высоте, на которой ее стою, но nepостижимым образом опустился ниже, чем нужно, и когда она меня бросила, я не смог подняться сколько надо для ее возвращения.

Теперь я знаю, что она ко мне не вернется – но и для того, чтобы расстаться, мне нужно подняться выше.

Те девочки, о которых я заботился, мне были даны и доверены. Это была и Жанна на станционной платформе, и Аня из приюта, и ее сестра, и маленькая Юлечка, и две их мамы, которых я тоже, хотя бы отчасти, спас.

И на меня упал последний лучик ее быстро увядающей красоты. Однажды мы встретились пепельным августовским вечером на проселочной дороге и бросились друг другу в объятия. А еще раньше в автобусе, когда я возвращался из приюта, две беспутные мамы бросились передо мной на колени.

Как бы там ни было, вот уже Ане восемнадцать лет, у нее муж и ребенок, и накануне Нового года ей дали квартиру, и Юлечка превратилась уже в цветущую барышню (дрожащее пятилетнее дитя, не смеющее поднять глаза – а разве не я повлиял на нее, что она перестала бояться?)

Люди сближаются странно, их связывает нечто *мистическое*, как об этом и пишет Розанов, и это важнее и действеннее всего.

Полночь. Слушал романсы, песни... Любовь включает в себя всю культуру, все женщины мира, в которых был кто-то влюблен до меня, входят, как атомы, в ее душу и тело. И во мне существуют все те, кто любил.

А что входит в **веру**? Вот это и есть *тайна всех тайн*. Когда апостол Павел пишет: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю *веру*, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» – что он имеет в виду? Разве не *вера* связывает человека с Богом? Значит, и апостол, а раньше еще Христос, а еще раньше Моисей требовали, чтобы человека привязывала к Богу **любовь**.

Но неужели она воистину существует? Не вера, не сознание, не убеждение в существовании Бога, а то самое притяжение, о котором я говорю, что оно притягивает мужчину к женщине, иногда смертельно? И такое же притяжение испытывает человек к Богу? Не высказанное ни в песнях, ни в романах, ни в былинах, ни в сказках, неужели оно обладает чувственным содержанием?

Если бы я понял, что значит эта любовь, я узнал бы, что она чувствует, что делает ее счастливой, наполняет содержанием ее жизнь.

И Кого именно любит человек, возлюбляя Бога? Христа, Бога-Отца, Дух святой или Богородицу (хотя она не является Богом, но моя мать говорила, что она больше, потому что родила самого Бога).

Предмет всякой любви являет собою нечто определенное, но Бог – *неопределенность*. Согласно Дионисию Ареопагиту «Божество не подлежит никаким чувственным и пространственным определениям – не имеет ни очертания, ни формы, ни качества, ни количества. Божество также выше всех умоглядных имен и определений. Бог не есть ни душа, ни разум, ни воображение, ни мнение, ни мышление, ни жизнь. Потому Он не воспринимается ни словом, ни мыслью. Он выше познания. Он выше всего – "ничто из несуществующего и ничто из существующего"». Но если Бог «не имеет ни очертания, ни формы, ... ничто из несуществующего и ничто из существующего», то как же можно Его любить?!

5. Личность и Бог

Какому Богу поклонялся Гитлер? – в семидесятые годы этот вопрос взволновал вдруг общество. Нет, его Бог не был ни Иеговой, ни Христом, ни древне-Египетским Богом Солнца (Ра) и тоже был чужд германцам. А кто им мог быть близок? Молох? Которого греки отождествляли с Кроносом, а римляне – с Сатурном?

Но меня интересуют чужие Боги только в связи с необходимостью понять Бога Розанова, Мережковского и всей плеяды русских так называемых религиозных философов и писателей, начиная с Достоевского, Конст. Леонтьева, Страхова и Вл. Соловьева.

Отличительная их особенность – они не удовлетворились, или не совсем удовлетворились, или совсем не удовлетворились историческим христианством, и искали что-то свое. Почему?

Иегова – Бог еврейского народа, избравший его Себе в центр приложения своего творчества и усилий. Христос – Бог-Мессия, возвещенный в Ветхом Завете, заявивший о себе, что Он пришел спасти Свой народ (то есть евреев), отвергнутый ими и вынужденный, через своих учеников, стать Богом для народов Римской империи. Но став Богом всех, он не может быть *народным Богом*, ни для русских, ни для немцев, ни для французов, ни для англичан.

Бог Дух Святой, напоминающий Бога-Солнца (Ра), мог бы стать Богом, которого ищут философы, если бы Он был всеобщим и единственным Богом, и был более определен, более личностен.

Но меня занимает не столько Бог, сколько сущность человека, который был сотворен и природно и духовно, и естественным эволюционным путем, и под воздействием творящей Духовной силы (почему в человеке есть и душа и плоть в их слиянии). Таким образом, человек вмещает в себя и Природу и Культуру, и Бытие и Инобытие, и таково же все человеческое, в частности Любовь, которая и естественна (природна) и сверх-естественна.

Что и кого может и должен любить человек?

Мужчина должен любить женщину, все вместе друг друга, семью, народ, культуру и природу.

Но русские ходили в бой за Русскую землю; За веру, царя и отечество; – значит, могли любить землю, отечество и царя (как вождя и полководца. Символ «За веру» означал всю сумму обычаев, исторической памяти, культурной общности, языка – то есть был продолжением Родины.

И я прихожу к выводу, что Любовь к Богу имеет смысл только в иудаизме, уже в христианстве она бессмысленна, не может **любить** Бога лютеранин, а православный и католик могут любить Бога только извращенной женской любовью вместо мужчины и семьи.

Вывеснение половой (родовой) любви в особой касте *«людей лунного света»* превращает ее в противоестественную **любовь к Богу**, которая является экзальтацией, подобной наркотическому переходу в инобытие.

6. Самодостаточен ли человек?

Когда философия ограничивает темы своего исследования познанием и отношением к миру в рамках познания, то кажется, что личность самодостаточна, в ней есть все. *Познай самого себя*, говорит Сократ, и ты познаешь все.

Но страсть к жизни, движитель даже познания, а тем более жажда преобразования мира возникают лишь вследствие **любви**.

Христианство, проповедующее смерть мира и жизнь после смерти (и это и есть христианская **Тайна**), неотвратимо должно возненавидеть естественную любовь, даже более – на ненависти и основать свое учение, почему и грехопадение состоит в страсти, соединившей Адама и Еву, почему и завет Христа не прикасаться к женщине (или женщина, или Я – вот Его ультиматум), почему и вочеловечиться Он пожелал только беспорочно (хотя и рожден был женщиной – нет чтобы вырасти из цветка Лотоса, как мог бы пожелать мой собственный природный Бог!), и не женился, и не имел детей и не знал любви к женщине (да и людей любил какой-то сомнительною любовью).

Представление о Божественном свете, пронизающем природный мир и возвышающем его, не противостоит Любви, а ее дополняет; мы можем сказать и так, что Любовь дополняет Веру, тем или другим не умаляется ни то ни другое, главное, что человек и с миром соединяется посредством любви, а Бог – это свет в мире. Но есть ли Бог как личность? Как есть музы, волхвы, наяды, не может ли существовать и та Сила, которая является источником Чуда (а чудо входит в строение мира вместе с причинной зависимостью вещей, с человеческой волей, случайностью и Любовью), и не является ли она источником личного Бога?

Самодостаточен ли человек? Любовь отвечает на этот вопрос отрицательно, да и сам человек нуждается в женщине, семье, любви, сострадании, заботе, творчестве, природе и культуре. Невыносима даже мысль о листке на Древе Господнем, в который может захотеть превратиться себя человек под влиянием ... *вот это и не есть ли Тайна всех тайн?!*

7. Таинственная любовь

Любовь и сама является Тайной.

Ночью спал плохо, мне стало казаться, что я неизлечимо болен и вот-вот умру. Но у меня есть Долг, без исполнения которого я умереть не смею.

Во-первых, семья, во-вторых, я должен дописать мои книги и передать их хотя бы узкому кругу читателей, чтобы меня читали хотя бы как Канта...

И в-третьих, я должен, наконец, расстаться с *нею*....

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мысль о Мире и мысль о Боге*1. Зачем нужен Бог?*

5 января, 17-25. Продолжаю читать Розанова, "Легенду".

«Есть что-то родственное в человеке с жизнью природы и с тою другою жизнью, которая развертывается на ее лоне и которую мы зовем историею; и человек липнет ко всему этому: нити, гораздо более прочные и жизненные, нежели холодные связи умозаключения, привязывают его к земле, и он любит ее необъяснимо, высокою любовью: "Дороги мне клейкие, распускаящиеся весной листочки, дорого голубое небо, ... дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, а все-таки, по старой памяти, чтить его сердцем..."

"Я думаю, что *все должны прежде всего на свете жизнь полюбить*", – говорит задумчиво Алеша.

– Жизнь полюбить больше, чем *смысл* ее?"

Алеша, говорит, что "да" и что за непосредственною любовью к жизни всегда последует и понимание ее смысла, – ранее или позже.»

Итак, разговаривают герои романа «Братья Карамазовы» христианского писателя Ф. М. Достоевского, один из героев атеист и *любит жизнь*, что *естественно*, другой – инок, который уже давно должен «спать во гробе», но тоже, оказывается, *любит жизнь*, что *противо-естественно*, ибо христиане ненавидят жизнь, природу, все природное и естественное, ненавидят любовь, рождение детей и детский смех – где все это в Новом Завете? Но, оказывается, инок любит жизнь. Да ведь и монахи *любят жизнь*, и священство, и епископы, и патриарх, замуровываются в skleпах и спят босиком на морозе только единицы, которые пошли за Христом, остальные и постятся красной рыбой – а я попробовал было поститься (давно еще) и увидел, что кроме квашеной капусты мне по моим деньгам поститься нечем, а от квашеной капусты у меня заболел живот.

В чем бессмыслица споров о христианском учении? В том, что сходят с ума немногие, и идут в клетку ко львам, а остальные – *ряженые во христиан*, и только сбивают с толку читателей и "обращаемых" (когда они проповедают свое учение дикарям с Новой Земли или из Санкт-Петербурга – что то же самое). Такое же впечатление возникло бы при разговоре старых большевиков о ценах на меха и бриллианты и о покупке акций нефтяных компаний.

Израиль, еврейский народ, существовал своей религией и своим Богом. Римская империя существовала своей культурой, организацией, государством, армией. Они существовали раздельно. Но и государство и культура могли вместить многое, в том числе чужую религию и чужого Бога, только *чужой бог* не мог вместить Культуру – не то чтобы чужую, он не мог вместить никакую культуру! Но в чужое государство пришел даже не Бог Израиля, а Бог израильских отщепенцев, сектантов, Бог-Большевик, жаждущий «весь старый мир разрушить до основания», а затем «наш новый мир построить», в котором «кто был ничем, тот станет всем!»

Если с догматической иудейской точки зрения посмотреть на Христа и его учеников (долго еще считающих себя правоверными иудеями), то сегодня совершенно очевидно, что они представляли собою хотя отчасти только секту, принимая и Закон и Ветхий Завет, но по существу проповедовали и поклонялись новому Богу, иному, нежели Иегова.

И если точно так же с догматической христианской точки зрения посмотреть на русских писателей и философов, то их надо сразу же объявить нехристианами, как это и сделал ученый *иеромонах*, отказав им в надежности, и посоветовав сжечь лучше их книги сразу же, чтобы не соблазниться; но они все же почти не спорят с "книжниками и фарисеями", и стараются сделать все для оправдания их любимого Учения.

Общим для всех них является взгляд на историю Европы, состоящий в том, что два народа создали ее основание, евреи и эллины, евреи принесли миру религию, эллины – культуру, евреи серьезны, проникают вглубь (пишет Розанов), эллины легкомысленны, скользят по поверхности. И конечно, говорит Розанов, то, что сделали для мира эллины, только "милые пустяки" в сравнении с тем величественным, что сделали евреи, дав миру Новую религию, не свою национальную, а всеобщую, которая частично включила и их национальную.

Итак, земледелие, металлургия, военное дело, множество развитых ремесел (что можно было бы уже назвать промышленностью), мореплавание, Право, развитая система управления государством, география, медицина, риторика, театр и драма, поэзия, литература, танцы, музыка и музыкальные инструменты, астрономия, математика, издание книг и библиотеки, живопись, ваяние, архитектура, история, Философия (во множестве школ и философских систем), гимназии и совершенствование тела (что отменилось в Европе на девятнадцать веков, Олимпийские игры были возрождены только в двадцатом столетии), лицеи (прообразы европейских университетов), почта...

Ну конечно, все это пустяки, и Василий Васильевич получил свое первоклассное образование и стал писателем и философом в храме!

Религия заменила Культуру, уничтожив ее, уничтожила и широкое образование, и литературу, "погасло дневное светило", ночь опустилась на землю Европы и Средиземноморья.

2. Бог и человек. Ненависть в основе.

Если сравнить маленького ребенка с родителями, то родители сильны, премудры, самостоятельны, могут сами себя прокормить и даже питают ребенка, а ребенок только обуза. Однако же мать любит свое дитя, которое сама родила, иначе говоря, *сотворила*, и не считает его ничтожеством, тем более не относится к нему как к некому чудовищу из-за того, что ребенок плачет, пачкает, просит есть...

Человек – дитя Бога (если верить тому, что Бог его создал).

Теперь послушаем, что говорит Иван Карамазов (в пересказе Розанова):

«Один старый грешник сказал в прошлом веке, что *если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать*. И не то странно, не то было бы дивно, что Бог

в самом деле существует; но то дивно, что такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову **такому дикому и злому животному, как человек**: *до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку*».

Я раньше думал, что Религия – это учение о взаимоотношениях Творца небу и земли – и человека, то есть о взаимоотношениях взрослых и премудрых родителей с маленьким ребенком, которого они родили и собираются воспитывать. Но все тексты, рассказывающие об этих отношениях Бога (родителя, Творца) – и рожденного им детеныша – пронизаны такой ненавистью, такой злобой к ребенку, что мне становится страшно. Нет, не дожить человеку даже до страшного суда, такой родитель угробит его еще раньше, как угробил Содом и Гоморру. Ибо этот Бог жесток, зол и кровожаден (по крайней мере тот Бог, которого мы получили вместо культуры).

Но Иван говорит, напротив, что «человек дикое и злое животное!» И ведь это не Ивановы мысли, это проповедуется христианством уже двадцать веков!

Но зато мысль о необходимости Бога *до того свята, до того трогательна, до того премудра, что она делает честь человеку!*

Вот это и есть аксиоматический метод рассуждений. Атеист, человек науки и образования, не сомневается в святости даже только Мысли о необходимости Бога и так же не сомневается в *омерзительности человеческой любви*... то есть, в том, что «человек дикое и злое животное!» – ну а уж какая у этого животного может быть любовь? И все подобные идеи не обсуждаются, религиозное мирозерцание основано на мифе о **грехопадении**, на идее об изначальной преступности человека.

Чтобы опровергнуть Бога, Достоевский вываливает на страницы книги все что возможно плохого о *человеке*. Но *человека* нет, это миф. Есть убийца, растлитель, садист (с одной стороны) – и есть жертва (с другой). Но приписывая все зло *человеку*, Достоевский соединяет их и одинаково обвиняет и растлителя и жертву растления. Хорош приемчик для обвинения!

«Человек не только страдает и развратен сам, он вводит растление и муку всюду, где может, во всю природу.»

Вообще странно, конечно, что атеист выступает в качестве адвоката Бога.

Однажды, мне было лет десять или одиннадцать, я нашел дома бутылку водки и отпил из нее и потом мне было плохо. Пришла мать домой, увидела меня в таком состоянии, **не** била розгами или крапивой, **не** выгнала на улицу, а плакала и отпаивала молоком. И много было и позже разных проступков моих, но ни разу меня мать не только не выгнала, но и **не** наказала!

А кто же нам Бог? Злая мачеха, которая нам всякое лыко в строку? Или вместе прокурор, судья и палач (кто нас будет ввергать в геенну, где плач и скрежет зубный? Кто потащит туда? Или, по крайней мере, кто приговорит к такой мере наказания? Кто будет судить на Страшном суде?)

Читаю Розанова о Достоевском, понимаю все меньше... Кто кого судит, кто кого защищает? От вопроса о том, есть Бог или нет, мы переходим к тому, что *Бог нужен*. Эта мысль объявляется святой и прекрасной. Но почему она святая и прекрасная? Об этом ни слова...

3. Святость мысли о Боге

Набор аксиом вместо рассуждения и диалога – естественный и единственный способ существования тоталитарных систем.

Если Бог несомненно есть и Его **надо любить всем сердцем и всем помышлением** (уж не говорю, что **не** сомневаться в его бытии), а не то вар и геенна или распятие не после смерти в загробном аду, а еще здесь, до смерти, в земном раю... – то это – не что иное как духовное рабство вопреки всем заклинаниям о том, что Бог дал нам свободу.

Если Бога нет, и это доказано прогрессивными учеными, и есть только наука как основание истины, а в ее основании наука наук, прогрессивная идеология, диалектический материализм, который **надо любить всем сердцем и всем помышлением** (уж не говорю, что **не** сомневаться в его бытии), а не то вар и геенна или распятие не после смерти в загробном аду, а еще здесь, до смерти, в земном коммунистическом раю... – то это духовное рабство вопреки всем заклинаниям о том, что большевики дали нам свободу.

Истина как Аксиома, которую человеку навязывает правящий режим, клерикальный или атеистический – это рабство.

И как бы там ни было, но мещанская буржуазность, которая мне тоже глубоко противна, поклоняющаяся Ваалу, Богу успеха, но не Молоху, приказывающему приносить в жертву детей, имела надежды на частичные улучшения мира, и последующие после Достоевского сто лет это доказали: прогрессивное налогообложение на богатых, запрещение рабства, детского труда и детского проституции, пособия по безработице, государственная и поощряемая в разных формах частная благотворительность, усиление власти Права – то есть **социальный прогресс** – неимоверно сравнительно с эпохой Достоевского (хотя бы в Лондоне) уменьшили Зло и Страдание.

Так как я вместо необсуждаемых аксиом предлагаю Диалог за Круглым столом, то вернемся к началу спора, который мы никак не начнем – потому что прежде чем отстаивать то или иное положение, мы должны договориться, о чем мы спорим и на каких основаниях.

Если мы обсуждаем *бытие Божие*, то не можем уже заранее принять за аксиому, что бог **есть**.

Если обсуждаем благотворную *необходимость Бога*, то нельзя уже сразу начинать с того, что уже не только Бог свят, но сама мысль о его необходимости свята.

Итак, начнем с начала.

Есть Бог или его нет, нужен ли он или "в гробу мы его видели", как говорят циники вроде Федора Павловича Карамазова (а к старцу Зосиме сей шут и фигляр был допущен, почему же не допустить его и в наше собрание?) – но мы все сие считаем прежде спора неведомым и подлежащим обсуждению.

Поэтому, если нет возражений, начинаю собрание (ибо вас всех, господа, пригласил за этот стол именно я, а кому не понравится, то могу и вывести, вы и так уже властвовали в общественном русском сознании более века!).

В идее и понятии, в образе и представлении, в чувстве Бога сосуществуют две части: трансцендентная мысль о некоей *сверхъестественной инобытийной силе*, пронизывающей Бытие, и Миф (в разных вариантах).

Что такое инобытийный Бог, довольно тонко и глубоко повествует Дионисий Ареопагит. Каков христианский Бог, рассказано в Библии, в Ветхом и Новом Завете.

Какого Бога имел в виду Вольтер, а также Иван Карамазов, приводя слова Вольтера, что *если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать*, мы точно сказать не сможем, но думаю, что это «Бог философов и ученых».

Говоря о страданиях детей, Иван Карамазов задает Богу вопрос: Зачем эти страдания, так ли они необходимы?

Странный вопрос...

У меня такое чувство, что христианин смотрит на мир как на некую пьесу, которую сочинил вседержитель и заставил нас в ней играть. В пьесе разворачивается много ужасного, страдают дети, но в конце обещается счастливое объяснение всего и вся. Христианин не выдерживает лицемерия детских мук, он не хочет оставаться на банкет, который предстоит по завершении пьесы, и возвращает автору и режиссеру билет.

Так ли я понял сущность Бунта?

Но если так, то я ничего не понимаю в этом придуманном бунте.

После всех страданий в пьесе обещана *гармония*. Страдания настолько оскорбляют сострадающее сердце, что оно обещанную гармонию воспринимает еще за большее оскорбление. Так ли?

Но до такой веры, которая привязывает человека и мир к всемогущей трансцендентной сущности, по отношению к которой мир словно механизм, придуманный и расчерченный Богом во всех мелочах, затем им созданный по этому расчисленному чертежу, так что человеку отводится роль механической куклы, я не додумывался. Я тоже не хочу, как и Иван, играть в пьесе, в которой одни совершают ужасные злодеяния, а другие мучаются на костре, а третьи мажут их маслом, а потом мы все вместе обнимаемся, почему Иван и говорит: «Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, но со всеми вместе, и с мучителями, и с мучимыми, обниматься не буду! « – но зачем так странно представлять себе историю? Точно ли он уверен, что она именно такова?

И мы только статисты в придуманном мире, механическое пианино играет, проливаются подлинные детские слезы, в конце спектакля, после торжественных оваций зрителей Бог нам вручает билеты для входа в новый театр, в котором мы будем играть в «пьесе счастья».

Такая же фантастическая коллизия, как и во встрече Христа и Великого инквизитора.

Но есть ли в этой коллизии правдоподобное содержание?

Иван уверяет, что он хочет «держаться на факте».

Но факты мы имеем перед собою другого рода. И вопросов они задают нам немало, но эти факты существуют не в неправдоподобных фантастических образах (вроде и затхлой баньки с пауками по углам как образа вечности после смерти), а существуют они в истории, в социальных отношениях, испытываемых нами в жизни, в исторических происшествиях, которые хотя уже и произошли, но вызывают в нас негодование своей неотмщенностью,

либо имеют плохие последствия в нашей теперешней жизни: меня возмущает преследование церковью науки и ученых, разгром античной культуры, преследование женщин и всей поэзии отношений к ним: одежды, моды, музыки, танцев, любви и восхищения; возмущает проповедь смерти, несправедные богатства духовенства, вмешательство церкви в нашу жизнь, так что она охмурает души живых и предписывает, как им дышать.

И поэтому повторяю сказанное мною ранее.

Мир, в котором мы живем, зависит от всех нас. К несчастью, большинство людей стоят на коленях перед несправедными вождями, поклоняются им вместо Богов, претерпевают мучения и живут часто плохо, но не хотят слушать и читать книги, которые мы написали, объясняя им их заблуждения.

Мир подчинен только Богу, до последнего атома, отвечают они, даже баня, которую ты построил, построена не тобою, ты подчинил себя своей несправедной иллюзорной воле вместо того, чтобы подчиниться воле Бога. И все же, это Он построил баню и не от тебя зависело, чтобы прекрасная женщина признавалась тебе в любви, не по твоей воле она тебя бросила, ...

Я на время умолкну. Возможно, я только сон о самом себе, который мне чудится. Возможно, я только сон, который смотрит обо мне некто больший чем я. Слушая моих оппонентов, я догадываюсь, что произошло совмещение двух логик, двух бытий, двух миров. Так бывает, когда человек еще продолжает досматривать сон, но подлинный мир уже захватывает его в объятья. Чего не хватает, чтобы проснуться? Надо отлежать руку, должен вторгнуться холодный воздух с улицы, начать мучить голод, холод и жажда, боль в одеревеневшей руке, а лучше страх смерти, боль в сердце, сознание зря прожитой жизни.

4. Основная аксиома арифметики

В десятой главке своего исследования «Легенды» Розанов наконец-то приступает к ее анализу. Он спрашивает от лица "человека" (т.е. абстракции):

«"Зачем смесил Ты мою душу, перервал в ней все начала и все концы, так что не могу ни любить я, ни ненавидеть, ни знать, ни оставаться в неведении, ни быть праведным только, ни только грешным? И если смесил ее плод, который вошел в меня от древа познания добра и зла, зачем взрастил Ты это древо на соблазн мне или почему не оградил его гранью непереступаемую? Наконец, почему, создавая меня, вложил в меня менее крепости послушания, нежели похоти к соблазну? ... Погаси во мне сознание и с ним дай забвение... Но если сознание мое не потухнет, хочу лучше плакать о растерзанных детях моих, нежели созерцать торжество правды Твоей."

Здесь сказывается надломленность человеческих сил, неспособность их продолжать тот путь, по которому от скрытого начала к скрытому же концу ведется человек Провидением. Он шел по этому пути тысячелетия и покорно выносил все в надежде, что конечное познание и конечное торжество правды Божией утолит когда-нибудь его сердце.»

[Но если «от скрытого начала к скрытому же концу ведется человек Провидением», то здесь важны «нюансы»: идем ли мы как народ за Моисеем, как стадо за пастухом, или же мы прочитываемся как уже написанный текст].

В предыдущей главке Розанов вдруг обращается к геометрии, чтобы доказать *относительность ума*. Мы живем в Евклидовой геометрии, но воображаемая тоже верна, критерии ума не находят в ней изъяна. Следовательно, ум как критерий Истины ненадежен, он так же может соблазниться и подлинной истиной и воображаемой.

Посмотрим с этой точки зрения на арифметику, она существует на системе аксиом, но в отличие от геометрии в ней нет некоторой завершающей аксиомы, которая существовала бы в двух вариантах, разделяя арифметику на две арифметики, но *всякая система аксиом в ней оказывается неполной*.

Зададим об арифметике следующий вопрос: произвольна ли она в такой же степени, как содержание романа, которое зависит от воображения автора, или же мы не вольны ее сочинять, но лишь открываем?

Оказывается, что она является одним из образов мироздания, которое мы не сочиняем, и которое не сочиняет заново и произвольно и Главный Конструктор (и мы открываем арифметику так же, как и движение планет по эклиптике, которое не подчиняется нашему воображению.)

Бытие Божие – это не аксиома и не теорема, вот в чем нам надо сговориться, а то бессмыслен весь разговор. Человека связывает с Богом ВЕРА. Верую, говорит апостол Павел, он и спасется, вера и вменяется человеку в праведность, даже впереди дел.

Бог ли Христос? Кто его знает... Когда он был на кресте, толпа кричала: Если ты сын Божий, сойди с креста! И если бы он сошел, то предположение (или вопрос) получило бы подтверждение, точнее, доказательство, и стало бы теоремой. В том, что Христос отказался дать человеку несомненные доказательства своей божественности (в частности, *не сошел с креста*, хотя, правда, чудеса совершал... но евреи верили, что чудеса могут совершать и пророки и обычные люди, которым будет дано от диавола), и заключается с одной стороны то, что он оставил человека в неведении, в сомнении, в праве выбора, не лишил его свободы, а с другой стороны, сохранил для него и возможность быть веры, ибо верить в то, что несомненно, было бы невозможно.

Розанов, кажется, сбился (как и все христиане, особенно богословы, которые разговаривают с нами, сомневающимися, так, словно мы на сомнение не имеем права, хотя сомнение это подтверждено божественным авторитетом: *больше тот*, говорит Христос, *кто не видел, но уверовал, нежели кто увидел...*) Итак, Розанов разговаривает с нами так, словно бытие божие – это аксиома, а не вопрос, разрешаемый только при помощи веры, ибо доказательств бытия божьего быть не может (глубокие это знают, и я об этом тоже не раз писал).

[Кстати, напомню: Кто дал человеку свободу? Он ее получил, вкусив от плода с Древа познания, а Христос лишь подтвердил ее!]

Входит ли в состав религиозных откровений и самой веры все то, о чем говорит Розанов? Перечитываем: «"Зачем смесил Ты мою душу, перервал в ней все начала и все концы, так что не могу ни любить я, ни ненавидеть, ни знать, ни оставаться в неведении, ни быть праведным только, ни только грешным? ...почему, создавая меня, вложил в меня менее *крепости послушания*, нежели *похоти к соблазну*?" – [говорит воображаемый бунтующий (на коленях) "человек" русских философов – но другого они не знают.]

И потому "Бог существует"! – в этом никто не сомневается – не только из присутствующих за Круглым столом, но и нигде, – думают... точнее, просто не приходит в голову думать обратное – русские философы. И даже мысль о необходимости Бога, невозможности жить без него – до того свята, что... надо бы сразу всем от счастья заплакать, обняться и поехать сообщая в Севилью смотреть торжественное Аутодафе, которое приготовил Великий инквизитор для торжества их веры.

Среди присутствующих ни одного атеиста, ни одного сомневающегося, и Иван *НЕ сомневается, ему только тошно обняться с помещиком, затравившим ребенка собакою.* (Кстати, а кто приказывает обниматься? После второго Пришествия обещают Страшный суд, двадцать тысяч "спасутся", "малый остаток", по выражению апостола Павла, остальные пожалуйте в Ад, на вечные муки! Или Иван заранее знает, что и он там будет, вместе с Миусовым, и думает, обниматься ли со злодеями в аду? Да, боюсь, там уже будет не до того! Но про страшный суд, ад, возмездие господа философы забыли, они даже забыли, что в мире существовали атеисты, и до 1880 года, когда Достоевский написал Бунт Ивана Карамазова. И Розанов признает, что в девятнадцатом столетии образованные классы были сплошь не религиозны, и весь дух русской классической литературы говорит об этом, как и французской после 1789 года – или французы, отрубавшие головы епископам и королям, еще оставались верующими и соглашались с Вольтером, что Бога надо выдумать? Нет, они пошли дальше. Дальше пошли и мы.

Не кукольный, как у Ивана, а настоящий бунт начался в 1916 году, когда хоронили кадетов, погибших на Мировой войне, развязанной христианами (а кем же? Подавляющее большинство европейцев были все же христиане, особенно русские), – и *"какая-то женщина с искаженным лицом целовала покойника в посиневшие губы и швырнула в священника обручальным кольцом. ... но в бездарной стране даже светлые подвиги только ступени, бесконечные пропасти к недоступной весне!"* И еще продолжился бунт через богатейшего человека России (богаче царя) князя Юсупова, убившего "зловредную старушку" – Распутина, любимца царской семьи (внемли, Раскольников!).

Но подлинный бунт, общемирового значения, взметнулся, выше французского, в семнадцатом, и потом мы восемьдесят лет жили без Бога и даже *без мысли о нем, которая хотя и была свята...*

А почему Бунт? Да потому, что русские помещичьи писатели и философы не посмели в своем споре-бунте обозначить главный вопрос религиозного спора – *трансценденность и социальность свободы человека, его ПРАВО...*

Есть ли Бог, нужен ли Он, какой и зачем?

Дал ли Он нам свободу – да и совместим ли он со свободой? Что он нам якобы дал свободу, это только манифестируется, но никак не обосновывается, в начале разговора мы благостно говорим те же аксиомы, что и в конце.

Трансцендентная свобода: может ли человек убивать? (Преступление и наказание, Братья Карамазовы). **Но в двадцатом столетии вчерашние христиане даже русские пустоши и поля завалили трупами, истребив половину своего народа!**

Почему? А потому, что русская философия и литература не ответила на

самые насущные вопросы человека девятнадцатого столетия, всякого, дворянина и мыслящего крестьянина, купца и мещанина, даже священника... И не только не объяснилась о всех прочих свободах, без которых уже не мог жить человек, но и не выяснила содержания **свободы трансцендентной**.

Дети, повинуйтесь родителям! Иудейское архаическое сознание несовместимо с сознанием европейского человека, русский полуазиат в Домострое прожил семьсот лет, больше не выдержал, я думаю, даже та девятнадцатилетняя дурочка, которая в Интернете (актриса, поэтому ее и спрашивали) радостно повизгивая, отрапортовала, что она уже *воцерковлена* и живет только так, *как батюшка скажет*, НЕ слушается своих родителей, хотя и слушается батюшку. Но понимает ли она (и священники, кстати, тоже) что такое *воцерковление*? Ныне ему придан не догматический смысл (*внесения младенца в церковь*), не обоснованно больший, а богословы и церковь молчат, не объясняют пастве, *пасомым*, что сие значит! Церковь сама в этом отошла от догматических установлений – это русская-то церковь, учинившая бойню из-за исправления опечаток в богослужебных книгах и двоеперстия!? Видимо, воистину близок конец света...

Да и поступать, *как батюшка скажет*... Боярыня Морозова слушалась Аввакума, да и то не настолько, и не было в русской церкви этого хлынувшего вдруг *послушания* мирян батюшкам, это было только у послушников-монахов, что-то я не слышал, чтобы Достоевский, Розанов, Страхов и Бердяев спрашивали у батюшки, играть ли им в карты, целоваться ли с распутной Полиной, писать ли книги сомнительного содержания, вступать ли в социалистические кружки...

Человек – раб Божий, и рабы – повинуйтесь господам своим!

Как ни пытаются нас русские писатели и философы уверить в том, что все содержание истории сводится только к спору Христа с Великим инквизитором, но Революция поставила в центр истории вопросы социальные, отбросив религиозное и церковное, пусть и святое до умиления, но обветшавшее.

Христианская Церковь была опорой средневекового архаического государства, в этом, а не в связи с Богом, был ее главный смысл в истории.

И для меня главные вопросы жизни (вытекающей, как кровь из раны, из раненого сознания) не в том, *есть ли Бог и нужен ли он*.

Да и для тех даже, кто Бога поставил в центр своего бытия, *главные вопросы в жизни, а не в смерти* (да они моложе меня, что это они спешат в гроб?!)

Первый вопрос моей жизни – это вопрос о свободе! (*)

Только в отличие от тех, кто мыслит схоластически и не конкретно, я математик, поэтому "*во всем мне хочется дойти до самой сути: в работе, в поисках пути, в сердечной смуте*".

О какой свободе речь?

Отношения с Богом, мифом (религией), церковью прошли через мою жизнь, но женщина и Россия мне были важнее.

Поэтому я страдаю прежде всего от рабства, отягощающего русского человека, от того, что даже мещанская буржуазная западная свобода нам еще только снится, у нас встреченный на дороге мент – наш Бог и господин, которого мы боимся больше, чем бога.

Возможно, движение России к западной свободе, по мере "развития капитализма в России", остановленного русской революцией, продолжится, и освободится русский хотя бы как немец, может быть, тогда ему не страшно будет читать мою книгу. Но пока у нас феодальный капитализм, поддерживаемый правительством и церковью, они спелись, потому феодальное сознание и было у участников Круглого стола с их Легендой.

Почему там не было Толстого? Потому что он поставил более нужный вопрос: семейный (в Анне Карениной). Когда Розанова церковь совсем придавила к стене, он от схоластического "Бунта" Ивана Карамазова и схоластического спора Великого инквизитора (то есть церкви) с Христом (1894 г.) "поднялся" до более важных проблем «Семейный вопрос в России», «В темных религиозных лучах», «Люди лунного света» (1903 – 1911).

Следующий, может быть, самый важный вопрос – **о существовании России.**

Если судьба России будет по-прежнему определяться русской чернью, то Россия сойдет на нет и ее земли разойдутся по окрестным государствам, как уже началось с Крымом и Новороссией.

И далее (а иногда ранее всего, места то не определены навсегда) – **семья, любовь, литература.**

Иногда на первом месте *вопрос о жизни и смерти*, да как бы этот проклятый вопрос и не затмил всё – ибо главное для меня не в том, умру ли я, а успеть добиться того, что необходимо: **семья, любовь и Россия.**

Природа и культура в целом входят во все перечисленные вопросы, но выделю их и еще.

Бог подождет.

А что же тогда такое История, действительно ли это *«туть, по которому от скрытого начала к скрытому же концу ведется человек Провидением, по которому он шел тысячелетия и покорно выносил всё»*? Разве? А как же «История как расширение понятия свободы» по Гегелю, история как осуществление «культурно-исторических типов» по Данилевскому, *история* как духовная и природная *жизнь народа*, сама в себе сущая, как и **моя личная жизнь**?

5. Скрепы мироздания

Я не буду чрезмерно останавливаться на том, в чем содержание и смысл истории, и без меня философия высказалась об этом глубоко и внятно, начиная от Аристотеля и Платона, во всяком случае, никто из историков (может быть, исключая Флоровского, с его затруднениями "философа-христианина", состоящие в том, что можно ли писать о христианах правду?) не сводил всю Историю к столь краткой формуле, что это *«туть, по которому от скрытого начала к скрытому же концу ведется человек Провидением»*.

Это то же, как ведет себя **порабощенный богом человек**: «Пойдем завтра в пивную? – Если на то будет воля Господня? – Ну так, может, послезавтра? – Если буду жив благодаря Богу. – Так я пошел? – Ну уж и иди с Богом!»

А есть ли своя собственная воля?

И откроются ли те начала и концы, "которые Провидением скрыты"?

Ну, ладно, спорить нам не о чем, Розанов тоже начал *жить с Богом*, и "счастье его ежеминутно возрастает".

Чем же я восторгался пятьдесят три года назад? Неужели меня умиляло это мракобесие, меня, создавшего "нелегальный кружок по изучению Маркса"? В который входила и Жанна, которую я заставил выпить бутылку вина и потом взлезть на постамент Курта Зигеля на Лютеранском кладбище (откуда мне пришлось ее снимать)? А парни все выпили по бутылке водки... Да, мы, конечно, были придурки, но какое же это было восхитительное время свободы, когда мы пробовали всё, что две тысячи лет запрещалось (но были романтичны и целомудренны в отношениях с нашими девушками!) Читали Библию, Махабхарату, Капитал, Фрейда и Оскара Уайльда, Достоевского и Розанова, Ибсена и Бальмонта (особенно его переводы из мировой литературы), бегали в оперу, в филармонию, в музеи, слушали музыку на пластинках, усаживались в комнате в общежитии, пять-десять человек, и "млели" от "Реквиема" Моцарта, "Лоэнгрин" и "Тангейзера" Вагнера, концертов Рахманинова и Чайковского... Но у меня было еще и свое особенное увлечение, я любил вечером знакомиться с девушками в трамвае или автобусе, а то и просто на улице, провожал до парадной, иногда там на лестнице мы целовались. И ведь знакомился я с самыми красивыми, и почему-то им тоже нравился, правда, на третье свидание они приходили редко. Что это была за жизнь – гуляние с девушками по набережным Невы, по Невскому, по Стрелке Васильевского острова, по Петроградской? Сверхбытийная или Инобытийная? Я испытывал с ними те же ощущения, что и в филармонии или при чтении Фихте и Оскара Уайльда, Александра Грина, Стендаля. (А четыре года назад Маше я рассказывал Канга, и она слушала... нет, девушки, конечно, сверхъестественны и инобытийны одновременно!)

(Может быть, и не надо было потом еще жить и писать книги и сидеть в сумасшедшем Доме и в Тюрьме? Хотя, нет, глупости, конечно, все было надо! Разве гуляния с N в прошлом году были хуже? Ах, какой я... Ну, бросила, перестала встречаться, начала презирать, ушла к богу... *Ласточка моя быстрокрылая, да если бы и пристрелила!* – и то я был бы счастлив, что ты была!

Человек живет не только с Богом (как она теперь думает) и как думают подлинные христиане вроде Кьеркегора и апостола Павла, но он живет и в мире и имеет "Мысль о мире", представление о нем, *образ мира в своей душе* (которую христианки хотят умертвить).

Этот образ слагается и из свиданий с девушками, и из музыки, и из моего похода "с посохом" к Анне в деревню (в мае пойду к ней снова, хотя бы съесть тот суп, который она обещала мне сварить, и потом уже не буду ей досаждать), и из книг, театра, леса, речки (например, Корневки), озера, встреч с друзьями, и из работы на огороде, и из моей работы с чужими рукописями – о, это то же самое, что испытывает, возможно, Бог, пытаясь редактировать наш мир (если, конечно, он хоть иногда отваживается его редактировать). И этот *образ мира прекрасен!* Но представлять себе человека в виде куклы, которую дергает за ниточки Бог, ведя его по сцене жизни, это значит оскорблять и человека, и мир, и Бога!

В такой арифметике бытия, с такими аксиомами человек не живет, он только полусуществует.

А какими же аксиомами определяется наша жизнь?

Культура их все перечислила, и я перечислял, и не буду перечислять все их снова. Давайте поговорим немного иначе. Если представить мир в виде здания, которое выстроила себе для жизни Европа, то можно представить себе его так. Эллины и латиняне здание выстроили уже до крыши, да и крыша была почти уж готова. Но тут начались какие-то невиданные катастрофы, землетрясения, болезни, чуждые народы хлынули, пришел с ними чужой Бог, здание жизни было не только разрушено, но и до основания снесено, и на его месте выстроено другое.

Через полторы тысячи лет выяснилось, что в новом здании жить неуютно, нет ни скульптур, ни картин на стенах, ни росписи, ни музыки, ни танцев.

И пришлось отрыть фундамент того старого здания и на нем уже воздвигать то, что в общих чертах повторяло Античное здание жизни. Но в чем одновременно повторялось кое-что и из христианского здания. Пока не пришли Лютер и Вольтер, а за ними якобинцы. Они и эти этажи начали ломать и переделывать, хотя не так решительно, как христиане.

Чем же скреплены камни и кирпичи?

Их скрепляет вера, культура, родовая любовь.

Любовь скрепляет сильнее всего, она соединяет семью, народ, даже культуру скрепляет между собою отдельных людей.

Вера одно скрепляет, другое разъединяет, в ней содержится нечто вроде кислоты, вдруг начинаются оползни, восстают брат на брата, дети на родителей, один народ на другой, и внутри народа тоже начинаются разломы.

Культура пытается соединить и любовь и веру, включить их в себя – вот не то же ли происходит с романом Достоевского, о котором мы спорим?

Но в чем же содержится та основная Аксиома, с которой мы могли бы хотя бы начать разговор?

Четыре разъединенные брата. Девушки. Развратный отец. Старец. Спор Веры и Полуверия (у Ивана). Монолог Атеиста (Великого инквизитора). (Да не безбожна ли и сама церковь?) А через двадцать пять лет спор перейдет на улицы, и философствовать будут булыжники, выломанные из мостовой!

6. Основная аксиома христианства

«О, Вольтер! Персты положи на гусли и вызови мне из леса дружину в сто тысяч копий! Чтобы Русь могла встретить утро песней!»

(Строки Саши Брусова, который предполагал, что он "незаконный сын Сталина". Талантливый поэт, но рано спился. Воспоминания Саши Михайлова о нем я печатал в своем почти домашнем журнале "Русские страницы", как и стихи их обоих.)

Увы, еще не приступив к спору о легенде, я уже вижу, что и спорить не о чем. Можете ли вы представить разговор о любви и вере двух, из которых один не испытывал чувства веры, а другой – чувства любви?

Да еще я не уверен, что второй из собеседников искренен, и действительно испытывает эту самую таинственную веру...

Но пока продолжу наш странный разговор, в котором я прочитываю страницу Розанова, возражаю ему, открываю следующую его страницу – а он уже опровергает меня. Странно... Откуда он узнаёт, что я пишу?

Возможны три взгляда на человека, на его жизнь и его историю.

1. Человек произошел в результате хаотического движения первобытной материи, которая, бессмысленно соединяясь своими мельчайшими и другими частями, образовывала бесконечные сочетания, которые привели неожиданно к рождению *жизни* в ее самой хотя бы примитивной форме, но способной к *развитию*. Положим, мы не можем определить, что такое *жизнь*, что такое *развитие* – но ведь и что такое Бог богословие определить не в состоянии.

Затем бесконечные сочетания и случайные изменения уже в пространстве живого привели к возникновению человека.

Оспаривать эту точку зрения бессмысленно. Она примитивна, не выдерживает никакой критики, но практически никто не проявляет интереса к тому, чтобы эту критику хотя бы выслушать (как и деисты поленились читать критику религии, а марксисты – критику марксизма). В чем тут дело? Загадка, и может быть более глубокая, чем загадка сотворения мира.

Такой человек, появившийся вследствие бесконечного количества случайностей, является частью случайной природы. Правда, математику очевидно, что если оценить уровень сложности человека в некоторых единицах, сопоставимых с информацией, скажем в Z , и каждое *случайное* изменение, которое принимается изменяемым видом, оценивать как ΔZi , то никакой временной бесконечности не хватит, чтобы их сумма достигла Z . (Аналогичная задача, более простая и более понятная, может быть сформулирована так: Роман "Война и мир" был набран золотыми буквами, каждая из которых имеет свой номер. Ветер носит беспорядочно эти буквы и высыпает их на поверхность, на которой они должны составить когда-то искомый роман. Те буквы, которые попадают в свою ячейку, к ней прилипают, другие вздымаются ветром и снова случайно падают. Оказывается, при одинаковой вероятности падения каждой буквы во вселенной не хватит времени, чтобы они правильно расположились, даже если каждую секунду миллиард раз будет падать их новая случайная комбинация. Это должно доказывать, что случайные комбинации не приводят к намеренному результату.)

И кстати, читатель, если вы встречаете вдруг на Невском знакомого, которого давно не видели, то не спешите подумать, что это случайность: вероятности всех таких встреч по теории равны нулю, а знакомых встречаем мы чуть ли не каждый день. Даже Эйхмана, который вел себя осторожно, прятался, гримировался и одевался так, что его не узнавали родные, случайно увидела в Аргентине одна из жертв, случайно оставшаяся в живых.

Итак, человек как случайный результат (пусть и появившийся в результате долгого перебора случайных комбинаций) плохо подходит на роль царя природы и на роль личности, нуждающейся в свободе (тем более что сама категория свободы не является случайным результатом случайного перебора).

Опять таки к слову: если вы забыли всего лишь семизначный шифр из букв и цифр в замке сейфа, то вам не хватит жизни, чтобы его случайно набрать.

2. Человек создан Богом как программный механизм и каждый волос на его голове сосчитан (как сказано в Евангелии), и "от скрытого начала к скрытому же концу ведется Провидением" (пишет Розанов), как актер в кукольном театре ведет свою куклу.

Нет, "не нравится мне этот Чингачгук" (как говорит в анекдоте Петька Василию Ивановичу), а вы как хотите. У меня нет энергии спорить по такому идиотскому поводу.

3. Существует и эволюция, и порядок во вселенной, и гармония, мы живем не в хаотическом мире, а в живом и чрезвычайно сложном, и не "в мерзости запустения, реченной пророком Даниилом", а в прекрасном и яростном мире" (рассказ Андрея Платонова).

Развитие, устройство, совершенствование – существуют в мире, подчиняющемся множеству материальных детерминированных причин, бесконечному множеству случайных воздействий, чуду и воле. Волю отличает от случайных воздействий **целесолагание и целесообразность** (см. у Гегеля). Как человек есть синтез души и тела, так и история и эволюция (и в частном случае прогресс) есть следствие материальных и духовных причин. Материализм отрицает Идею и Волю (не будем поминать имя Божие все), бытие сводя к материи, так же Идеализм и религиозный миф сводят мир к проявлению одной единственной воли – Вседержителя, сводя к нулю человека.

Но вот что важно: Воля, как основной фактор мироздания и Истории мира, не ограничивается одной только волей каждого частного человека, народ – уже новая Личность, не являющаяся суммой частных составляющих его, и Воля народа не является суммой воль отдельных. Целое всегда неизмеримо больше суммы своих частей, это знает писатель, это понимает актер, играющий в пьесе. Но существует еще воля Истории, есть воля и у мира. Я не отрицаю трансцендентную сверхъестественную волю *Бога философов и ученых*, я только восстаю против превращения человека в раба божьего и сведения трансцендентной истории мира к **иудео-христианскому Мифу**, одному из многих мифов, существующих в человечестве:.

Мой Бог, присутствие которого в мире я ощущаю так же, как красоту Афродиты, устанавливает с человеком принципиально другие отношения, нежели отношения Вины и Возмездия. Он в человеке находит друга и сотрудника в **преображении Мира к гармонии**.

Послушаем теперь Розанова.

«Без сомнения, **высочайшее созерцание судеб человека на земле содержится в религии**. Ни история, ни философия или точные науки не имеют в себе и тени той *общности* и *цельности* представления, какое есть в религии. Это – одна из причин, почему она так дорога человеку и почему так возвышает его ум, так **просвещает** его. Зная целое и общее, уже легко найтись, определить себя в частностях; напротив, как бы много частностей мы ни знали – а они одни даются историей, науками, философией, – всегда можно встретить новые, которые поставят нас в затруднение. ...»

История, философия и наука говорят об общем, но не могут брать за основу частное, отдельный человек и его судьба еще встречаются в Истории,

но уже физика и метафизика не говорят о судьбе Акакия Акакиевича и его нового пальто (которые, правда, под пером художника, оставаясь индивидуальными, превращаются одновременно в символ).

Почему Розанов не вспомнил литературу, которая в наибольшей степени подобна мифам (включая сюда Махабхарату, мифы об Озирисе и Будде, Илиаду и Одиссею и другие... а у греков их множество!)?

И о какой религии говорит Розанов? Существует Библия и Иудаизм. Существует принципиально отличное от него христианство. Общие слова христиан об их религии весьма напоминают безудержные панегирики советских пропагандистов о большевизме и его вожде Ленине. Для иудеев Христос лже-Мессия, это написано в еврейской энциклопедии. Так можно ли философу высказываться так, чтобы эти высказывания отвергали исторические судьбы целых народов? А верования эллинов и римлян? Не им ли мы обязаны тем, что не живем на деревьях? Воистину, кроме как «Россия – родина слонов!» панегирики единственной в мире и человечестве религии не напоминают. «Ни история, ни философия или точные науки не имеют в себе и тени той *общности* и *цельности* представления, какое есть в религии!» – представления **о чём?** О судьбе человечества? Знаем мы эту судьбу сегодня, Василий Васильевич? Предвидели вы Мировую войну, Революцию, Гражданскую войну, погубившие величайшую в мире империю? Не вина ли и христианства за гибель России? Что вас заботило – судьба религии? А о судьбе России вы думали? В том-то и дело, что религиозно мыслящий человек ненавидит не только рождение детей, он ненавидит семью, народ, разделение людей на народы (даже Вл. Соловьев упрекает в национализме Данилевского, русский философ стремится скорее утратить национальные черты, ибо воистину для христианина "несть ни эллина ни иудея"!)) Но государство ставит себя выше религии, и это исторический факт, и в Войне Двенадцатого года и французские и немецкие генералы воевали на стороне православных русских (протестанты и католики), и в Мировой Войне в русской армии воевали католики (поляки, проживавшие на территории Российской империи), и лютеране (русские немцы) – против таких же поляков и немцев в Германии.

Но дорогá ли религия человеку? Оглянемся! Мифом является и сама религия, и ее история, и то, что она дорога человеку и неотделима от него. Но как французы отделили от себя христианство в 1789 году, так русские в 1917-м!

«Три великие, мистические акта служат в религиозном созерцании опорными точками, к которым как бы прикреплены судьбы человека, на которых они висят, как на своих опорах. Это – акт *грехопадения*: он *объясняет* то, что есть; акт *искупления*: он *укрепляет* человека в том, что есть; акт вечно *возмездия* за добро и за зло, окончательного *торжества правды*: он влечет человека в *будущее*.»

«Потрясти судьбы человека можно, только поколебав которуюнибудь из этих основных точек. Без этого, каким бы бедствиям человек ни подвергался: войне, голоду, мору, уничтожению целых народностей, он все

это вынесет, потому что во всем этом самое существо его сохранится; будут гибнуть *люди*, но останется *человек*, и люди возродятся; перемена коснется проявлений, но не коснется проявляемой сущности; листья будут оборваны, но сохранится завязь и плодник. Одного не вынесет человек – это разрыва своего бытия и сознания с тремя мистическими актами, верою в которые он живет. ....»

О грехопадении, искуплении, возмездии мы еще поговорим.

А сначала: «Потрясение судьбы человека... бедствия человека... будут гибнуть *люди*... Одного не вынесет человек – разрыва своего бытия и сознания с тремя мистическими актами, верою в которые он живет».

Слова, слова, слова...

7. Основные опоры и наследственная вина

Таких бедствий, какие начались в 17-м, Россия не знала. И люди гибли десятками миллионов. Вот этого **человек** и не вынес.

Я говорю не про того человека, что Розанов; он имеет в виду нечто абстрактное, что, мол, и гибель людей нам ни по чем (вспомнил я вдруг ненавистную мне песню "мы за ценой не постоим!" – что-то общее с невнятным пафосом Василия Васильевича...), людей не жалко, а вот жалко веры в извечное грехопадение человека и жалко грядущего наказания за него... а разве оно не началось в конце вашей жизни, уважаемый философ, когда и ваша любимая семья начала рушиться?

«Отсюда понятна та ненависть, с которою смотрит **человек** на всякое враждебное приближение к этим **опорным точкам своего существования**. .... В этом чувстве инстинктивной ненависти лежит объяснение всех религиозных преследований, какие когда-либо совершались в истории, – преследований, вызывавших наиболее сочувствия в широких массах народных, как бы они жестоки ни были.»

Во-первых, всякое высказывание, касающееся чего-то частного, хотя при этом в высказывании речь идет о **человеке** – галиматья! С ненавистью на инакомыслящих смотрел не *человек*, а большевики, (среди которых инородцы, включая евреев, преобладали), но «опорные точки существования» у них были другие: власть советов и партии, диктатура, отсутствие частной собственности, коммунизация, марксизм-ленинизм вместо христианства. Замена одного мифа другим иногда происходит молниеносно, только не надо бы историку и философу возводить в абсолют народную приверженность мифу. Завтра церковь падет. Возможно. Завтра начнут поклоняться священным коровам. Возможно. Или Озирису? Возможно. Или нынешнему президенту. Возможно.

Но странное состоит в том, что и я не знаю, что **невозможно**...

«Именно эти три акта, три опорных точки земных судеб человека, источник ведения его о себе, источник сил его, – и колеблются с помощью диалектики, часть которой мы привели. **Акт искупления**, второй и связующий два крайние акта, здесь еще не затронут. Но подвергнут сомнению первый акт – **грехопадение людей**, и отвергнут последний, – **акт вечного возмездия** за добро и зло, акт окончательного торжества Божеской правды. Он отвергнут

не потому, что он невозможен, его не будет; но потому, что он *не нужен более*, не будет принят человеком.»

«в акте *рождения*, без сомнения, передается родившим рожденному не только его организация, но и то, что служит как бы ее законом и скрепляющим центром, т. е. самая *душа*. *Наследственность* характеров, особых дарований или порочных наклонностей слишком общеизвестный теперь факт, чтобы мы могли теперь в этом сколько-нибудь сомневаться.

...беспорочность детей и, следовательно, невинность их есть явление только кажущееся: в них уже скрыта *порочность отцов их* и с нею – их *виновность*; ... *старая вина*, насколько она не получила возмездия, *в них уже есть*. Это возмездие они и получают в своем страдании.

Мы несем в себе массу преступности и с нею – страшную виновность, которая еще ничем не искуплена; и, хотя мы ее не знаем в себе... она тяготит нас глубоко, наполняет душу нашу необъяснимым мраком.»

Итак, здание христианства воздвигнуто на трех краеугольных камнях:

грехопадение (первородный грех); искупление; вечное возмездие.

Первородный грех, который совершили Ева и Адам, вкусив Плод с Запретного древа, не связан с конкретными грехами и преступлениями людей, для его искупления и вочеловечился в мир Сын Божий. Раз он является родовым, то не зависит от поведения конкретного человека, этим грехом чреватые все, им обременен и новорожденный младенец.

Помимо этого родового греха, *онтологического проклятия человека*, мы и живем и праведно, и преступно, одни так, другие иначе, и если совершаем грехи, то можем получать за них наказание, при жизни или посмертно. И Розанов спрашивает: *Могут ли быть виноваты невинные дети?*

Во-первых, грехи отцов, еще неискупленные, **падут на детей** до седьмого колена (по Библии), и могут быть с них взысканы. Но даже Сталин сажал в тюрьму только с 12 лет, а Божественное взыскание с деток может быть *в любом возрасте* (рассуждает Розанов).

Во-вторых, (рассуждает Розанов), родители передают детям свои порочные наклонности, поэтому «в них уже скрыта *порочность отцов их* и с нею – их *виновность*; ... *старая вина*, насколько она не получила возмездия, *в них уже есть*» – здесь грубая ошибка глубокого философа: генетически передаются *наклонности*, но не может по наследству передаваться *вина*! Однако, заключает Розанов, «мы несем в себе массу *преступности* и с нею – страшную виновность, которая еще ничем не искуплена» – по наследству?!

Разговор с ним еще долгий, но пока видны **дурные рассуждения**, доказывающие, что **дети преступны и виновны наследственно!**

Одно только замечание прибавлю к предыдущему: упорство, с которым Аввакум и боярыня Морозова и староверы защищали «старую веру» словно бы подтверждает мысль Розанова о защите «колеблемого треножника» (стихи Надсона о Достоевском) – но как же тогда триста лет упорных преследований православным государством ревнителей старой веры («*преследований, вызывавших наиболее сочувствия в широких массах народных*»)?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ОСНОВАНИЯ ХРИСТИАНСТВА

1. Жертва как любовь

8 января 2016 г., пятница, 13-00. Я – человек традиций. Как ни вскипаю я негодованием и на большевистскую революцию и на христианскую, но и 7 ноября и 7 января выпиваю по рюмке за тот и за другой праздник, почитая не причину праздника, а тех людей, которые в нем видят смысл своей жизни. Основная моя задача, как размышляющего и ищущего, – понять *человека, того или иного*, «еллина или иудея», ибо у каждого *отдельного* свое понимание, а общего не существует или оно настолько неопределенно, смутно, «ни то ни сё», что очень осторожно, с сильной оглядкой надо применять это понимание. Иначе окажется, что убийца Раскольников (убивший, правда, по идейным соображениям, почти как большевик) и спасительница его по состраданию, жертвенная Сонечка (христианская мученица) – «два сапога пара», как выходит у Розанова. Он приводит отрывок из «Преступления и Наказания»:

« – А копить нельзя? На черный день откладывать? – спросил он вдруг, [Раскольников], останавливаясь перед ней.

– Нет, – прошептала Соня.

– Разумеется, нет. А *пробовали*? – прибавил он чуть не с насмешкой.

– Пробовала.

– И сорвалось! Ну, да, разумеется! Что и спрашивать!

И опять пошел по комнате. Еще прошло с минуту.

– Не каждый день получаете-то?

Соня больше прежнего смутилась, и краска ударила ей в лицо.

– Нет, – прошептала она с мучительным усилием.

– С Полечкой (маленькая сестра ее), наверно, то же самое будет, – сказал он вдруг.

– Нет! Нет! Не может быть, нет! – как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили, – Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

– Других *допускает же!*

– Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!.. – повторила она, не помня себя.

– Да может, и *Бога-то совсем нет*, – с каким-то злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее. Лицо Сони вдруг страшно изменилось»].

Далее Розанов говорит: «Страшный смысл слов о «попытке копить» заключается в *торопливости, в жадности* к разврату, которое делает и вынуждена делать эта девушка, лишь извне растленная. Здесь Достоевский с какою-то адскою мукою следит, как физическая нужда, ударяя в душу, как бы продырявливает ее и раскрывает для вступления уже внутреннего порока.»

Прежде чем идти дальше, отвлекусь на размышления о моей *миленькой*. Я вынужден ее *разлюбить*, а то и себя погублю, и нечаянно причину боль близким (если мои мучения от несчастной любви не удержатся в рамках литературы.)

Уже без всякого сомнения я понимаю, что, *во-первых*, эта моя любовь вынужденная: инобытийные флюиды подействовали, волхвы заставили, внушили мне мысль влюбиться, иначе, мол, что за книгу ты напишешь, не зная, что такое любовь?! *Во-вторых*, эта моя любовь во спасение, сердце мое было разбито почему-то при первом с нею знакомстве, я почувствовал, что она мне дорога как мое дитя, как часть меня самого, и я весь погрузился в старание ее спасти: ей было плохо, она плакала, а я не мог ее слез вынести.

Ошибся я или нет, так как теперь она и вообще в каком-то наркотическом блаженстве странной "жизни с богом", и та радость, которую она испытывала от встреч со мною, кажется ей уже темной – но это была чистая и нежная радость, и я и теперь не сомневаюсь, что мы были счастливы, а она *светилась* светом нашей странной взаимной любви. Но я не жалею ни о чем, в моей душе и теперь есть отсветы того блаженного света! (все таки, я ее еще не разлюбил, хотя это и необходимо – для ее и моего блага!)

Но она странная, в ее душе причудливо соединились христианство и большевизм (анти-христианство), притом соединились не как два чуждых явления, а словно лицо и изнанка, орел и решка в монете, плюс и минус в электрическом токе. Я ищу истину – а что же ищет *она*? Она не любит Россию. Не является ли это ключом ко всему? *Родовая любовь* противостоит вере (точнее, *вера* ее ненавидит!), "любовь к отечеству" исключает страсть к Богу, в которой бы отечество растворялось и пропадало, но принимает как дополнение к отечеству, так что православие словно бы русская вера, а страсть к Богу исключает любовь к своему отечеству, так же и страсть к большевизму сопряжена с ненавистью ко всему русскому, неважно, из инородцев ли большевик, еврей или русский.

Но *ей* я хочу счастья, поэтому должен успокоиться и "отвязаться" от неё, и, к счастью (или к огорчению) это уже и происходит. Свою любовь к ней я из моей души перетаскиваю (словно компьютерной мышкой из одного файла в другой) в литературу, на страницы этой книги. Книга закончится, и тогда любовь перестанет меня тревожить тоже. Но *ей* я хочу счастья, поэтому хочу, чтобы она от своего безумного бога вернулась к родителям и к друзьям, к дочери и к мужу, и безо всякой ревности представляю, что вот она сидит рядом с мужем и они пьют сухое вино (что вредно мне, но не им) и смотрят друг на друга светло и радостно. *И да пусть так и будет!*

2. Оправдана ли христианская ненависть?

Розанов дотронулся до ненависти и злобы, пронизывающих христианство.

«Одного не вынесет **человек** – это разрыва своего бытия и сознания с тремя мистическими актами, верою в которые он живет. Отсюда понятна та **ненависть**, с которою смотрит **человек** на всякое враждебное приближение к этим опорным точкам своего существования. В этом чувстве ненависти лежит объяснение всех религиозных преследований, какие когда-либо совершались в истории, – преследований, вызывавших наиболее сочувствия в широких массах народных, как бы они жестоки ни были.»

Теперь, уважаемый читатель, попробую представить тебе свои затруднения – не «затруднения историка-христианина» или историка-марксиста,

которые должны были писать лишь то, что им велела писать их партия, и представить факты в такой связи, чтобы обожаемый предмет выглядел лучше других. а подлинные затруднения здравомыслящего и честного писателя, поклявшегося на романе «Война и мир» писать правду, одну только правду, и ничего кроме правды».

Самое простое, когда высказывается неверное или сомнительное положение, которому надо возразить. Например, говорится, что все квадраты круглые. Ну, тут все просто, отвечаешь: не все, потому что некоторые окружности квадратны. Ну а если говорится, что иссякающее чрезвычайно довлеет над непомерно представленным в сомнительном ракурсе феноменом трюизма, то ... да, читатель, это ставит и меня в *затруднение*.

Чтобы возразить, надо что-то понять в особенностях неверного. Это не всегда заблуждение, редко – логическая ошибка, чаще всего это откровенная ложь или подмена, подстановка на место одного предмета или понятия другого. «Отныне, – восклицает апостол Павел, – несть ни эллина ни иудея, но *все – братья во Христе!*» Но старое деление хотя и упразднилось, но люди все же делились – теперь уже на христиан и язычников! Братство не настало, но разъединение еще большее, и процесс дифференциации идет до сих пор. Римская империя разделилась на Западную и Восточную. От Габсбургской империи отделилась сначала Италия, потом часть Польши, отделились части, отошедшие к Украине и России, затем она еще разделилась на Австрию, Венгрию и Чехословакию, а эта последняя разделилась уже недавно на Чехию и Словакию. Разделилась на множество государств Россия, небольшие народы дробятся еще на меньшие... В дроблении России виновато мессианское же учение марксистского социализма, которое тоже отменило деление людей на народы, но предложило нечто подобное христианскому разделению, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Христиане сами разделились на православных и католиков, от католиков отделились протестанты, раздробившиеся на множество церквей, и новые церкви еще появляются, иногда с миллионами приверженцев. Не идет ли само развитие по пути дифференциации, раздробления, а стремление обратить развитие вспять пытается упразднить естественное разделение?

Не только эллинов и иудеев пыталось отменить христианство, оно воюет и с разделением на мужчин и женщин, и после воскресения ни женятся ни выходят замуж, но еще и в нашем мире желательно стать бесполом, каково **монашество!**

Познание – это разделение и отыскание различий. Целое состоит из частей, в человеке выделяются сначала плоть и душа, затем органы тела. Но всякое высказывание о *всеобщем*, о множестве, в котором нет отдельных частей, – или неверно или бессодержательно, или *тривиально* [лат. *trivialis* "простой, обыденный"; из *tri* (три) + *via* (путь)], или *трюизм* – банальность.

Превращаясь в христианина, философ начинает странно мыслить и говорить. Розанов не мог не знать, что даже в Европе кроме христиан существуют иудеи и мусульмане, язычники и атеисты, то же и в России, но говоря о *человеке*, подразумевает только христианина.

«Одного не вынесет **человек** – это разрыва своего бытия и сознания с тремя мистическими актами, верую в которые он живет.» Речь идет о христианине... Но речь идет не о том, вынесет такой **разрыв** христианин или нет, это говорится мимоходом, как зачин, не для обсуждения, а как само собой разумеющееся, важен только вывод – из чего? Из аксиомы? Но аксиома ли это? Да, кстати, вот я тоже *человек*, даже был *христианином*, но является ли христианство метафизическим соединением *первородного греха*, *искупления* и *возмездия*, я не уверен; апостол Павел, сам создатель христианского учения (и это важнейший вопрос, кого считать создателями учения, не для всех же очевидно, что *Новый завет* – *богодуховенная книга*, об этом идут споры даже среди христиан), в центр христианства ставил **Воскресение**, он сказал: **Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна!**

Почему Розанов *Воскресение* заменяет на *Возмездие*? Потому что он конструирует собственное христианское учение, в котором история начинается с *преступления* прародителей и заканчивается *наказанием* (почти по роману Достоевского), поэтому оправданы все несчастья (с преступниками), происходящие по дороге.

Но не только начинается история с *преступления* (того злополучного плода), ведь и преступление преступлению рознь, нет, тут в основу учения ставится некий трюизм, заменяющий собою всю историческую и метафизическую истину: **человек растлен и омерзитель** (об этом говорит и Иван Карамазов, противопоставляя веру в Бога отношению к человеку). Как такому человеку сочувствовать? В "Преступлении и наказании" (обнимающем собою почти все христианство, по убеждению Достоевского и Розанова) и неслучайно соединяются двое отверженных, и по человеческим законам, и по божеским, *убийца* и *проститутка*, притом у них сходна частичная причина преступления: кроме гордыни и жертвенности еще и **нужда**: «физическая нужда, ударяя в душу, как бы продырявливает ее и раскрывает для вступления уже внутреннего порока», говорит Розанов о Сонечке Мармеладовой.

На убеждении в *преступности*, *растленности* и *омерзительности* человека основывалось все Средневековье и вся Инквизиция, и кстати здесь существенно возразить: Инквизиция никогда ни о каком счастье человека не заботилась, и инквизиторы об этом не заботились тоже, это были те же советские чекисты и следователи и палачи, которые сапогами выбивали младенца из чрева (у Ольги Берггольц), выбивали зубы (как Берия выбивал зубы у маршала Мерецкова, одного из будущих маршалов советской Победы в войне с Германией), живьем сдирали шкуру с прекрасной Гипатии жгли книги, разбивали прекрасные статуи, грабили дворцы и сокровищницы язычников и еретиков, ценности отвозя в епископские дворцы. Как лжива история христианства, как лживо его богословие, но лжива и литература, повествующая о столкновении лживых идей!

В центре знаменитого суда Инквизиции над Жанной Д*Арк то же самое – *омерзительность человека!*

«Не вынесет **человек** разрыва своего бытия и сознания с...» – нет,

вынесет всё, что угодно! Большевики *изъяли из книги живота* (выражение Розанова) десять миллионов "кулаков", обрекая их на голодную смерть (и бóльшая их часть погибла), но много ли мы их вспоминаем? Каемся ли мы за их муки, дети большевиков? Тендряков, замечательный – и благополучный – советский писатель, воздал истории должное, написав о кулаках и их мучениях, Солоухин разозлился *главного красного идола*, но, увы, Шукшин мстить не решился, хотя бы словом! А не надо забывать, что "плачет Рахиль о детях своих и не может утешиться", и не может забыть, и *призывает к мщению!* И "пепел Клааса стучит в моем сердце", плохо упокоенные кости моего отца, погибшего на Безымянной высоте с миллионами таких же погибших других, требуют памяти, но дети тех, кто НЕ погиб, поют о том, что они "не постоят за цену!" – и это меня оскорбляет! И должной оценки русский народ своей трагической и Великой войне еще не дал, и памятник маршалу многих безжалостных поражений (включая наступление подо Ржевом, обошедшееся в два миллиона русских жизней, половина всех убитых солдат Вермахта) еще стоит, и "Сталин – наша слава боевая!" еще поют ветераны...

[Вот почему я еще боюсь пока смерти – я еще не отомстил никому из виновных. Вот почему я еще спорю с Богом, даже со своим, богом философов и ученых – Он не помог мне еще научиться писать так, чтобы рассыпались камни. А без этого *литература моя тщетна...*]

Вынесет человек всё! Защилил "народ-богоносец", как его назвал Достоевский, свое христианство? Нет, перебив дворян, интеллигентов, буржуев, попов, офицерье, аристократов, поэтов, красивых девушек, кулаков и даже своих красных комиссаров, он в мгновение ока сжег все дворянские усадьбы, переломал все храмы или превратил их в соляные амбары – **вынес**, Василий Васильевич, а?! И хотя это доказывает омерзительность тех, кто всё вынес, вчерашних христиан, в то время, как образованное и культурное, то есть в основном неверующее сословие было в основном благородно, сие не доказывает омерзительность *человека вообще*. Вор и честный не являются одним человеком! И даже из двух разбойников Христос одного посадил одесную себя, а другого осудил на вечные муки.

[Но ведь *человек* заменил христианскую святыню на социалистическую, а в 90-м году и эта была растоптана. Вынес "народ – строитель самого справедливого в мире общества" (почти богоносец) и этот разрыв с святыней?!]

В чем же ошибка великого писателя и не менее великого философа? В том, что они исходят не из жизни, а из набора аксиом, и нас пытаются охмурить этими же аксиомами. И "*человека*" нет, а есть раб и свободный, культурный и невежественный, милосердный и жестокий, красивый и безобразный, глупый и умный, Аристотель и цензор... и христианина нет, а есть католики и православные, гугеноты и лютеране, кальвинисты и евангелисты, и мормоны... и кого только нет?!

Но продолжим.

«Отсюда понятна та **ненависть**, с которою смотрит **человек** на всякое враждебное приближение к опорным точкам своего существования. В этом чувстве ненависти лежит объяснение всех религиозных преследований».

Что ненависть лежит в основе мирочувствия христианина, причем православный ненавидит католика (как красочно описывает Гоголь в "Тарасе Бульбе" **оргии убийств**, развертывающиеся между христианами враждебных лагерей, православных и католиков, именно по вероисповедному поводу!), католик ненавидит протестанта (и этот жар ненависти греет до сих пор костер вражды между ирландцами и англичанами, помимо того, что англичане – порабитители), **костер** отделяет староверов от никониан (однако эти не могут простить Аввакума еще за *хулительные слова* на Никона, которого сами же сослали в Белозерск), а сколько еще тлеющих углей по всей Европе!

«Враждебное приближение к опорным точкам своего существования»... – Битвы между *иконоборцами* и почитателями икон начались с того, что император Лев III в 726 году обнародовал эдикт, объявлявший почитание икон и мощей идолопоклонством. «писание икон стало рассматриваться как "оскорбление" божественного "презренным эллинским искусством"». Это было продолжение христианской революции, попытка **добить эллинское искусство**, очистить христианство от языческой культурной заразы. Если бы эта попытка удалась, быть может, возрождение античности уже никогда не произошло, и не коллекционировал бы В. В. античные монеты, и не любовались бы мы хотя и безрукой Венерой, Синайская пустыня покрыла бы и Рим и Константинополь. Будущие еретики (*иконоборцы*), изгнанные только в 843, царствовали более ста лет, а еретиками при них были *почитатели икон*, с трудом вернувшие себе власть. Так кто и к чьим приближается "опорным точкам"? К кому и чья ненависть должна оправдываться?

Удивительно еретическое движение *павликиан*. Возникло оно в Малой Азии в 7-м веке, существовало на юге Франции до 13 века, послужив основой движения *альбигойцев*.

Павликиане противились почитанию Марии как богородицы, считая, что она явилась лишь каналом пришествия Спасителя в этот мир. При этом они ссылались на содержащиеся в евангелиях указания, что у нее были другие сыновья после Иисуса – следовательно, она не может считаться «девой».

Павликиане выступали за восстановление простоты, которая была свойственна апостолам. Они решительно боролись против представлений о магических эффектах от «внешних» церемоний, в особенности – церковных таинств, якобы способных исцелять болезни, помогать в быту. Они отрицали крещение водой, отрицали причастие, утверждая, что поедание плоти и крови Христа на самом деле является метафорой, суть которой состоит во вступлении в жизненную связь с ним посредством принятия его учения, ибо его слова суть его настоящие тело и кровь.

Выступали против роскоши и распущенности духовенства, отвергали церковную иерархию, требовали упрощения церковных обрядов.

В конце концов, зятью Василия I Христофору в 872 году удалось разбить государство павликиан и захватить их столицу Тефрику.

Как пишет Петр Сицилийский, бывший послом императора Василия I к павликианам: «Поскольку привести к правой вере на Востоке» павликиан не удалось, пришлось «искоренить их и удалить из числа живых». Это принесло много бед нашей стране. Так погибло до 100 тысяч человек...»

Аналогичная коллизия определяет отношения *ариан*, последователей Александрийского священника Ария, который учил о неравенстве Сына Божия с Богом-Отцом и только о **богоподобии** его Богу-отцу, – и сторонников *Никейского собора* и того "Символа веры", который мы почитаем ныне, провозгласившего **единосущие** Бога-сына и Бога-отца.

Еще в 318 г., после собора в Александрии, Арий был лишен сана и отлучен от церкви, но у него было много последователей в народе и даже среди епископов; тем не менее на Вселенском соборе в Никее (325) они подписали установленный догмат, и ересь Ария была осуждена, но с этих же пор начинается продолжительная борьба обеих партий, причем вначале торжествует партия Ария (325-355), и только позднее их противников (355-381). Арианизм исчез из пределов Римской империи после гонений на него Валентиниана II, зато он восторжествовал среди германцев... Существовали ариане в разных странах Европы в продолжение нескольких столетий, еще в Польше в 17-м веке.

Я не пытаюсь пересказывать историю христианских расколов и ересей, моя задача только напомнить рассудительным читателям во-первых, о том, что дух непримиримой борьбы раздирает христианство в течение двух тысяч лет, во-вторых, нелепо, лживо и просто безумно основное утверждение Розанова, на котором он пытается построить все обоснование христианских гонений и на своих единоверцев (иногда отличающихся одной буквой и назавтра вдруг торжествующих и обращающих своих гонителей в преследуемых), и на иноверцев, и на инакомыслящих: «понятна та **ненависть**, с которою смотрит **человек** на всякое враждебное приближение к опорным точкам своего существования. В этом чувстве ненависти лежит объяснение всех религиозных преследований».

Кто чьи опоры колебал: ариане никейцев или никейцы ариан? Павликиане и альбигойцы, подобные русским **нестяжателям**, или окружившая себя роскошью правящая церковь? Католики устои православных, или православные католические устои? Аввакум и боярыня Морозова колебали никониан, или же никониане, преследуя треть русского народа и подвергнув его гонениям, пыткам и казням?

Не спеши, философ, без долгих раздумий примыкать к торжествующим!

3. Неизмеримая виновность неизмеримо мерзкого человека

Но вернемся к Розановскому представлению о христианстве, которое состоит в соединении трех важнейших мифологем: **грехопадения, искупления, возмездия**, «к которым как бы прикреплены судьбы человека, на которых они висят, как на своих опорах».

Начинается христианская история с *преступления* и заканчивается *наказанием*. *Искупление* в этой диалогии кажется лишним, его словно бы и нет. Нет его и в Легенде о Великом инквизиторе. Но ведь в Легенде, до которой мы никак не дойдем, нет и «*преступления и наказания*», следовательно, в ней пойдет речь о другом христианстве? Во-первых, о *свободе* (но не о повелении «Познайте истину и Истина сделает вас свободными»), во-вторых об *искушении* и распятии (как искушении), в-третьих, о *чуде*.

Краткий абрис внутри-христианских ожесточенных столкновений и гонений должен бы показать нелепость Розановской попытки защитить эти гонения как словно бы реакцию правовежного христианского сообщества на мерзкие посягания чуждых враждебных сил – нет, одни христиане воевали с другими (как национал-социалисты с интернационал-социалистами, католики с православными или протестантами; или как советские коммунисты против "социализма с человеческим лицом" в Чехословакии (подобно тому как крестоносцы против альбигойцев в Южной Франции).

Розанов также бросился возражать Ивану Карамазову, страдающему страданиям человеческим – все с той же целью: оправдать Бога. Бог вне подозрений, вне критики, он знает, что делает и делает это наилучшим образом, но – человек омерзителен, он просто "дикое и злое животное" (слова Ивана, обращенные против него же).

Теперь осталось возразить Достоевскому, страдающему невинным детям.

«Достоевский думал, что страдания детей есть нечто абсолютное, *приведшее вновь в мир без всякой предшествующей вины*; отсюда понятен его вопрос: кто может простить виновника этого страдания? С этим затруднением связан вопрос об искуплении, втором и центральном мистическом акте, с которым соединены судьбы человека.»

Но и вообще многие наши недоумения разрешатся, говорит Розанов, если мы отметим *искупительный смысл страдания*.

«И всякий раз, когда мы испытываем какое-нибудь страдание, искупляется часть нашей виновности, нечто преступное выходит из нас, и мы ощущаем свет и радость, становимся более высокими и чистыми. Всякую горечь должен человек благословлять, потому что в ней посещает его Бог. Напротив, чья жизнь проходит легко, те должны тревожиться воздаянием, которое для них отложено.» [Ах, мне надо затрепетать; я думал, что бог ко мне благосклонен, так как многое сходит мне с рук – но сие только доказывает, что наказание впереди... И все, испытавшие благодать божию, все радующиеся, блаженствующие – бойтесь будущего гнева! *Ужо вам отольется ваша радость!*]

4. Дары Христа человеку

«*Дары, принесенные Христом на землю, слишком высоки и не могут быть вмещены человеком*; а поэтому человек и не в силах принять их, т. е. как уразуметь слово Христа, так и привести в исполнение Его заветы. От этого несоответствия требований и способностей, идеала и действительности, человек должен оставаться вечно несчастным: только немногие, сильные духом, могли и могут спастись, следуя Христу и понимая тайну искупления.»

Надо установить эти дары и поименовать их, ибо все время противопоставляется якобы высокое мнение Христа о человеке (заслуживающем в то же время, по Его мнению, только геенны и скрежета зубового, притом что даже "дети Авраамовы" – ничто, ибо "Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму") – и подлинное человеческое ничтожество.

«Христос, отнесшись к человеку с столь высоким уважением, ...не рассчитал его природы и совершил нечто великое и святое, но вместе *невозможное, неосуществимое.*»

«Человек и не в силах принять их [дары], ...и привести в исполнение Его заветы» – по-видимому, дары эти и есть заветы.

Апостол Павел подробно их разъясняет, не именуя дарами (правда, о благодати он пишет, что ее человек получил даром, но Розанов все же имеет в виду не благодать, а *Завет!*) И все свое творчество разъяснению заветов Христа посвятил Кьеркегор, и разъяснил их смысл даже и для глухих.

Какой же Завет принес Христос "в дар" человеку?

«...Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать ... и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

... и сказал ученикам Своим: если *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною*... какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? ...»

Подлинный христианин только тот, кто исполняет завет сей, остальные, включая и Достоевского, и Розанова, и религиозных философов, и тех, кто причащается, как католики, и кто не причащается, как павликиане, и кто *живет как батюшка скажет*, как юная "воцерковленная" актриса, и кто "живет" почти со всеми подряд (уже восемь раз выходя замуж), как моя Манон (собирающаяся тоже "воцерковляться"), и даже в том числе многие из этих *батюшек*, если они не монахи – ничем почти не отличаются от меня, по справедливому мнению Кьеркегора. Кто ложится с женщиной в постель (какие бы благопристойные по блаженному Августину движения он там не совершал) – уже не христианин! Поэтому-то Кьеркегор и швырнул обручальное кольцо в лицо своей невесте Регине, поэтому-то человек и становится скопцом во славу Божию (как говорит ап. Павел), поэтому-то, ревнуя о Его силе и славе, христиане и тащат один другого на блаженный костер.

Кто же *христиане?* – юродивые (эти больше всех); святые; блаженные; праведники; великомученики; монахи, раскаявшиеся разбойники, *нищие духом, альбигойцы* и иже с ними. Этим всех и есть царствие небесное.

Эти все поняли слова Христа, приняли и исполнили.

Остальные в большей и меньшей степени *живут мирской жизнью, иногда бессмысленно мучая себя и близких частичными порывами к "оскоплению"*.

Что же до различия в верованиях христианских церквей, включая и многие секты, то разница между ними не так существенна, как это тщатся изобразить *инквизиторы и богословы* (эти два сапога пара) и христианские писатели и философы. Даже иные из сектантов скорее католиков и православных заслужат царствие Божие, это те, которых, по слову Христа, *будут предавать на мучения и убивать и ненавидеть за имя Его*; «...ибо предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их... Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой. ...претерпевший же до конца спасется...»

Все сие весьма противоречит надежде апостола Павла на *благодать, которая дается даром*. И не учит о каком-то всеобщем человеке, но о двух разных: одном, взявшем свой крест, другом – продолжающем жить. И не учит о радости, но только о *страдании, мраке, распятии*, ибо не может быть радости в христианстве, ни согласно Павлу, ни согласно Савлу (Розанову).

5. Христианское отношение к жизни

С такой точки зрения если кто и *омерзитель* и слаб, и ничтожен, и не достоин даров Христа, то это те, кто не взвалил на себя крест, а живет как удастся, иногда и неплохо, следовательно, все мы, участники Круглого стола (Кьеркегора-то среди нас нет!). То есть мы омерзительны с некоторой обвинительной точки зрения Розанова и Великого инквизитора, которого Розанов часто вопреки своим намерениям защищает. *Омерзитель* ли Великий инквизитор? Ну, пока мы все за одним столом, я этого не говорю.

Впрочем, я не столько его боюсь, сколько *фанатствующих христиан*. Инквизиторы – это вроде игроков на футбольном поле, а фанатствующие христиане – вроде болельщиков, под действием спиртного или "гормонов" входящие в раж. Они тоже не христиане, как и я, но принадлежат к "истинным православным", то к "черной сотне", то к "патриотам", они берут на себя функции инквизиторов даже без дознания и суда.

Мы не христиане, но не все из нас атеисты, и Иван Карамзев не атеист... Может быть, Великий инквизитор? Об этом нам надо будет всем поразмыслить.

Но мы не узнаём, что именно составляет в христианском учении сущность христианства (не забывайте, что ради этого узнавания христиане и перебили и переморили половину Европы – и либо Христос *обманщик*, как уверяют иудеи, либо он не Сын Божий, но пророк, как полагают мусульмане, либо он *подобен* божеству, но *не единсущен* ему, как веруют ариане, либо, еще хуже, Он знал, что именно так и будет совершаться история христианства, и не предотвратил, потому что все Боги, сколько их не было в человечестве, безжалостны, и приходят к нам вовсе не для того, чтобы учить нас состраданию – сострадать мы умеем лучше их, – но чему-то другому)...

И главный вопрос философии состоит не в том, как мы познаём мир, и не в том даже, каков мир, – но каков Бог и можно ли прожить без Бога, зачем религия человечеству, и если сие от нас как-то зависит, то какую бы религию стоило избрать, какую надо бы усовершенствовать, а от какой вовсе отказаться... Как ни приучали инквизиторы европейцев к жестокости, истребляя еретиков во славу самого любящего среди богов – Иисуса Христа, но не приучили настолько, чтобы нам захотелось избрать себе ныне ацтекских богов: «Больше всего жертв требовал главный бог ацтеков *Хуцилопохтли*, изображавшийся с цепью из черепов... Не менее кровожаден был и "Бог солнца". По поверьям ацтеков, солнцу для передвижения по небу необходима была пища в виде человеческих сердец и крови. Кровавые празднества устраивались каждый месяц. Жертвы тщательно готовились к церемонии, их купали, украшали перьями. ...учили петь и танцевать.»

Боги и поклонение богам были у самых диких племен, и у самых культурных народов, как эллины и латиняне, мучился отрицанием и утверждением их Достоевский, Вольтер полагал, что Бога следовало бы выдумать, если бы его не было, семьдесят пять лет советской власти, пока не разразилось вдруг празднование тысячелетия христианства, большинство в нашей стране не только обходилось без бога, но и смеялось над ним – и вдруг... Какой потребности в человеке удовлетворяет не только мысль о Боге, но Поклонение ему, Культ, Обряд, Молитва? Чувство притяжения, сопричастности, **Вера?**

Я утверждаю (и это моя собственная своеобразная религия), что родовая *Любовь*, проявляющаяся в разнообразных формах, и в половом инстинкте, и в материнской любви, и в любви к семье, к роду, в патриотизме и национализме, в тяготении к искусству и культуре в целом (а внутри этого тяготения есть и половая любовь), в тяготении к познанию и науке, в **творчестве** (и основой творчества Фрейд считает половое чувство) является аналогом матерьяльного тяготения, связывающего материю во вселенной. И при этом несомненно (независимо от того, доказал я это или нет, но да чувствующий чувствует), что у любви два или даже три источника: *природный* (половой инстинкт), *метафизический* (культура и эстетическое чувство), *трансцендентный*. Повидимому, **вера** – независимо от того, понимаем ли мы ее источник и причину, обусловлена также сочетанием причин, во-первых, *трансцендентной*, вызываемой миром сверхъестественного бытия или инобытийного, во-вторых, своеобразной *метафизикой*, аналогичной метафизике культуры, только опирающейся на миф, на архаическое сознание, а не на философию и литературу, и в-третьих... гадать не буду, в естественной природе не нахожу, ... если вспомнить более позднюю книгу Розанова «Люди лунного света», то можно подумать, что причины могут корениться в природе **неестественной**, например, в страхе смерти, в чувстве недостаточной защищенности, в одиночестве, в неудовлетворенности, в детских обидах, в недостатке любви... Почему *вера* так *ревнива*, почему она ненавидит любовь к женщине, к семье, к детям, к народу, ненавидит культуру, смех, радость? Почему Бог противопоставляет себя всем привязанностям человека, требует, чтобы человек отказался от всего, что ему дорого?

Как пишет преподобный Игнатий: «Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить... *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его...* Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – **Отрекись от них...** Жертва благоприятная Богу – смирение сердца, сокрушение духа... Удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием...

Насущный хлеб христиан – Христос.»

Итак, *не любите женщину, не заводите семью, не привязывайтесь к народу, культуре, познанию, творчеству...* – таков отрицательный Завет христианства в дополнение к положительному: *Возьми крест свой и следуй за Мною.*

Что получает исполняющий эти два завета? Царствие небесное, жизнь вечную? – Но они невидимы, а лишь воображаемы согласно вере в небесные блага, притом Христос не дает определенных обещаний тем, кто последует за Ним: «приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его.» Я взял Евангелие, чтобы найти, что получает исполняющий заветы. И вереницею передо мною проходят обещания неисполняющим заветы, и картины конца света и возмездия грешникам... Но где "возмездие" праведникам? Все только плач и скрежет зубовой... Вот что-то светлое: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ... и найдете покой

душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.», а затем «Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.»

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.» Но помните, что там все будет иначе, чем на земле, ибо «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах.» – но что же нас там ждет? – об этом нигде более определенно не говорится.

Но что получит человек на земле, живя не в соответствии с христианскими заветами, но **достойно**, то есть прежде всего по требованию **Долга**, а затем в соответствии с блаженством **Любви**? Взаимную любовь близких, уважение друзей, признание общества. То, что он получает, он или видит, или понимает, или наблюдает в обществе, в жизни. Если не принимать во внимание земные блага, к которым достойный человек стремится в последнюю очередь, то *любовь близких, уважение друзей, признание общества* – наивысшие блага, к которым стремится достойный человек. Но если он при жизни не получает *признания*, ему дано сознание того, жил ли он достойно. Достойный ли человек я сам? Отвечу уклончиво, но точно в соответствии с тем, что я думаю о себе: По крайней мере иногда стараюсь быть достойным! Но еще более важным считаю даже не это, а **желание и стремление помочь тем, кто нуждается в моей помощи. Это и есть любовь!**

Рассказывая о желании помогать страдающим детям, я привел в пример рассказ о девочке, попавшей в ад за «греховные помыслы», что меня страшно возмутило и еще более отвратило от христианства. Но хотя Василий Васильевич Розанов за Круглым столом сидим напротив меня, и мечемся мы оба из стороны в сторону, и стилистически я иногда ему подражаю, и смотрим на многое сходно, да вот о страдающих детях он пишет: «...беспорочность детей и, следовательно, невиновность их есть явление только кажущееся: в них уже скрыта *порочность отцов их* и с нею – их *виновность*; ... *старая вина*, насколько она не получила возмездия, в них уже есть. Это возмездие они и получают в своем страдании.»

Вот, оказывается, откуда растет у Дьявола хвост! Диалектика оправдывала большевикам истязания поколений людей, она оправдывает и христианскую ненависть к людям, даже и к детям! Если нельзя уже сегодня быть большевиком, то можно ли после этого быть христианином?

6. "Христианская арифметика" крепчает

«Пятнадцать веков уже прошло, как **тайна совершилась**; погибла чудовищная империя, и на ее остовах возник мир иных и свежих народов и государств, которые просветились новою верою, укрепились искупляющею кровью своего Бога и Спасителя.»

Ах, как спорить с христианами, да и с большевиками тоже, да и со всяким, кто мыслит и говорит аксиоматически? То, что еще надо доказать, уже в основании нескольких сразу положений, высказываемых тоже аксиоматически – и так представляется целая теория, система, взгляд на мир.

Собираешься обсудить некую сомнительную идею, но она завернута в бесконечный свиток бесконечного множества представлений, взглядов, утверждений, теорий и мировоззрений, с которыми надо ли согласиться, но они подаются как набор якобы известных утвержденных формул, на основании

которых мы должны сражаться... но в них-то уже все сказано, все предопределено! В четырех всего строках обобщающий взгляд на эпоху возникновения и становления христианства, если этот взгляд принять, то не о чем спорить!

«Погибла чудовищная империя» – звучит это так же, как у большевиков: «Революция смела старую Россию, тюрьму народов!» – радуйтесь, ее ненавистники! Но я ее наследник, я русский, мой пращур расширил ее пределы, мои предки пахали ее землю, и поливали ее своею кровью, и защитили и научили двенадцать народов, принесли им письменность и европейскую культуру, не только русскую, принесли мир на Кавказ и в Среднюю Азию, дали независимость подвластным шведам финнам, освободили от власти польской шляхты родственных русским "белороссов" и "малороссов", освободили от гнета турок подвластные им народы – тюрьма ли Россия? И так же величайшая в истории Империя, сосредоточившая в себе образованность и культуру, бережно сохранившая эллинское искусство, драму, литературу, ваяние и зодчество, науку и философию, давшая миру совершенное право, воинское искусство, строительство городов, принеся цивилизацию от Сирии до Британии, от Александрии до Галлии, от Карфагена до Германских земель. По дорогам, построенным римлянами две тысячи лет назад, ездят донныне, по их акведукам до сих пор в Южной Франции бежит вода. Большая часть славных имен, которыми мы гордимся в истории Европы, связано с Римом, от Гракхов, Спартака, Цицерона и Юлия Цезаря до Марка Аврелия и Юстиниана, от Тацита до Галена...

«Мир иных и свежих народов и государств, которые *просветились* новою верою» – из этого мира с четвертого до двенадцатого века мы не вспомним ни писателей ни ученых, ни полководцев, ни общественных деятелей, а только бесконечные распри среди христиан (как если бы от Эллады нам досталась только история дельфийских оракулов). И *просветились* ли новые народы обуздавшею их верою? Почему же тогда *Просвещением* называется эпоха, начавшаяся с раскопок старых черепков с кладбища Античности?

«Укрепились искупляющею кровью своего Бога и Спасителя»... Следовало бы привести частные факты, объясняющие историю европейских народов, прежде всего, надо объяснить Реформацию, Лютера и лютеранство, эпохи Возрождения и Гуманизма – зачем они, если всё было *крепко*?

И зачем мы обсуждаем расцвет Инквизиции в Испании, спор Инквизитора с Христом, зачем Достоевский представляет нам философию неудачи католического христианства, если все состоялось *как надо*? Инквизиция появилась еще в третьем веке, и еще в четвертом, до Никейского собора, Христос не был Богом (а как вы, В. В., объясните спор между сторонниками "богоподобия" и "единосущия"?) Если согласиться еще в начале доказательства теоремы Пифагора, что дважды два равно пять, то не только сумма квадратов катетов не равна квадрату гипотенузы, но и все что угодно станет так как угодно!

Да к тому же в сих четырех строках содержится тайна, говорящая о том, что **«тайна совершилась»**... Когда? Какая?

Та ли, о которой нам предстоит рассуждать, как о входящей в новый христианский догмат «Чудо, Тайна, Авторитет»?

7. Основная аксиома "христианской арифметики"

Может быть, следует захлопнуть роман Достоевского, смиренно согласившись со всем, о чем уже договорились христианские философы, или дерзко не согласившись ни с чем, встать из-за стола и уйти?

Жаль только, пить я уже совсем не могу, а если уйти, то что делать? И к кому пойти? К Мармеладову, сказавшему, что плохо человеку, когда ему некуда пойти?

Поэтому буду терпеть.

Многовековое господство христианства закончилось двумя столетиями, в которые не было священного трепета в отношении сего учения. В эпоху Розанова хотя уже и Французская революция прогремела очистительной грозой, и раскаты новой Революции начались, и Гавриилиада была написана, и Античная культура властвовала в гимназиях и университетах, но были напечатаны и сочинения "блаженного" Игнатия, и «Победоносцев над Россией простер свиные крыла», и свободное литературное обсуждение священной темы было невозможно, не могли философы сидеть за Круглым столом, они должны были стоять, опустив головы (как положено в православном храме). И я уже чувствую, что где-то разжигают костер и скоро под белы руки туда поведут меня (о, я помню, с каким ужасом смотрел в 70-м году на меня еще не закаленный психиатр, когда узнал, что я тот самый, который посмел написать, что марксизм являет собою новое духовное рабство!)

Севилья. «"Тихая и бездыханная" южная ночь. ...Среди тишины вдруг заскрипели ржавые петли тюремной двери, ...в подземелье входит старик Инквизитор.» Он пристально всматривается в лицо пленника.

«"Это Ты? Ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавить к тому, что уже сказано Тобой прежде!»

Пятьдесят лет назад мне эти слова казались святотатственными, и вдруг я понял их абсолютную оправданность. Геометрия Евклида изложила основания новой науки. Может ли Евклид вдруг что-нибудь изменить сегодня в своей геометрии? Вот точно также христианская арифметика уже высказана вся до конца, полно и неизменно, и невозможно Христу ее изменять.

(*) **К вопросу о свободе** (с201). Хотя «во многом знании много печали», но знание помогает знать правду, а я призван преодолеть ложь религиозной философии. К тому же допек меня *Розанов* (как его допекла Полечка), и ищу утешения у *Мережковского*.: «Среди русских коммунистов не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти "святые". Они-то самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них китайским мясом». *Нина Берберова* в своих мемуарах «Курсив мой» передает парижский диалог между *Зинаидой Гиппиус* и *Дмитрием Мережковским*: «Зина, что тебе дороже, Россия без свободы или свобода без России? – Свобода без России. И потому я здесь, а не там. – Я тоже здесь, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... на что мне, собственно, нужна свобода, если нету России?» И еще: «Православие есть душа самодержавия, а самодержавие есть тело православия». (Из статьи *Виктора Лупана*, французского писателя, «Русские просторы», 4, 2016.).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ

1. Вступление

9 января 2016 г., суббота, после полуночи. Слушал вечером романсы, снова нахлынуло прежнее смятение... Предыдущей ночью думал о смерти, словно она вот-вот, и я ничего не успею. Было страшно до ужаса.

Ложусь спать в надежде на то, что это был временный упадок духа, сегодня будет легко и тихо, и в новом настроении возрождающейся жизни я проснусь в воскресенье утром! Итак, до завтра! Надеюсь на вас, небесные силы, я ведь не слишком вас удручаю своими заботами?!

10 января, воскресенье, 10-30. Спал не плохо, как почти воскресаящий, снились разнообразные и не удручающие сны.

Вдогонку вчерашним возражениям христианских заявлений о "*мире иных и свежих народов и государств, которые просветились новой верою*"... Да, на место эллинов и римлян хлынули орды гуннов и варваров, *просвещение* которых началось в основном во втором тысячелетии, а перед тем медленно возрастали свои епископы и проповедники, свои полководцы и деятели из числа германцев, франков, иберийцев и бриттов. А история первого тысячелетия – преимущественно внутрехристианские расколы и распри, упрочение одних и борьба с другими, причем уничтожались чаще необычные и глубокие направления в христианстве, более созвучные надеждам угнетенного человека, а упрочивались те, которые укрепляли церковь как правящую силу, государство как силу давящую, и союз государства и церкви. До восьмого века и философия и богословие и разработка христианского учения были делом только греков и римлян, как и вся наука, образование и искусство. На примере Русского государства это наглядно, со времени крещения Руси несколько веков у нас были только греческие попы, а особенно епископы и митрополиты, а также ученые и живописцы, заканчивая Максимом Греком и Феофаном Греком – так же и в Европе.

"*Просвещение верою*" – очень смелое заявление, если иметь в виду как раз борьбу веры и со свободной семьей (по любви), и с культурой, и с народными традициями, и с народной памятью. Национальные сказки, мифы и предания вытеснялись богослужбной псевдокультурой, в России образованное сословие (образованное по античным калькам, а не по христианским) только в девятнадцатом столетии вдруг открыло удивительный мир крестьянской русской культуры: *песни (в том числе обрядовые), гадания, заговоры, былины, сказки, пословицы, поговорки, загадки, заклички, частушки*, которые начали собирать В. И. Даль и Петр Васильевич Киреевский (1808 – 1856). (Важно отметить, что на территории Украины былины не обнаружены. Нет в языке былин и украинизмов.) Но все же – просветились ли христианством европейские народы и Россия? Если даже своеобразие иных христианских праздников определилось народной поэзией и народными традициями?

Христианские писатели, приписывающие христианству *спасение, укрепле-*

ние и просвещение народов, по крайней мере хотя бы обсуждали свои заявления с светскими историками, прежде чем превращать их в аксиомы!

Любопытно, например, для понимания психологии мифа как формы восприятия Истории и истории культуры (не только в рамках христианского мифа, но и советского), что думают об истории школьники. Я как-то задал им такой вопрос: Когда начали печатать Пушкина и когда он получил общенародную известность (я преподавал математику, а не литературу, но на моих уроках происходило все, что было не запрещено, девочки пели, рассказывали сказки и сны, мальчики мерялись силою, все вместе иногда водили хороводы, разгадывали загадки, делились бытовыми происшествиями)? Единодушный ответ был: "При советской власти!" Не удивительно и то, что и на вопрос о том, кто научил человека добывать огонь, на уроках "христианской культуры" отвечают: Христос!

2. Бог-Отец, Иисус Христос как Сын Божий, и Троица

Замечание не совсем по существу.

Сначала у Достоевского, затем у Розанова очень часто употребление слов *великий, величайший, вечность, необыкновенный, исключительный* и т.п. Этим достигается бессознательно эффект, что и в происходящем в сию минуту заключается судьба истории и человечества. И о воображаемой встрече ночью в тюрьме Инквизитора с Христом говорится так: «величайшее в истории соединение и одновременно разъединение человеческой души с ее Предвечным Источником».

Но еще раз добавляю пояснение (как учитель математики, рассказывающий сложную теорему, постоянно отвлекается на напоминание предыдущих аксиом и теорем, которые важно помнить при данном доказательстве)... Итак, о Божественной Троице распри и борьба происходили несколько столетий, иудеи прямо обвинили Христа в богохульстве, в том, что Он выдал себя за Сына Божия, и глупо от этого просто отмахнуться, разве не христианское богословие (в частности, Розанов) поставило еврейский народ выше всей Античности, "неизмеримо выше поверхностных эллинов (с их ничтожной культурой)" за то только, что евреи дали народам идею единого Бога? На Никейском соборе был принят Символ веры: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, *Иже от Отца рожденнаго* прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, *единосушна Отцу*, ... И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, *Иже от Отца исходящаго*, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима»

Не просто созидалось и Учение о божественной Троице. Вот её православный Догмат:

«Бог Отец *ни от кого не рождается и ни от кого не исходит*.

Бог Сын *предвечно рождается* от Бога Отца.

Бог Святой Дух *предвечно исходит* от Бога Отца.

«Все три Лица Троицы существуют в полном единстве, которое творит мир, промышленности о нём и освящает его. Бог, единый в трёх лицах, является

бестелесным невидимым духом, живым, вечным, вездесущим и всеблагим. Все Лица Божественного существа пребывают неслитно, нераздельно, неразлучно, неизменно.»

«Бога невозможно видеть, поскольку Он не имеет в себе такого, из чего состоит видимый мир.»

Однако, Диалектика особым образом воспринимается *естественным человеком*, не так, как диалектическим. Когда меня учили, что коммунистическая диктатура есть высшая форма демократии, я долгое время этого понять не мог, пока меня не посадили в Сумасшедший дом, там, как ни странно, я все понял.

Так как Бог Сын *рождается* от Бога Отца, а Бог Святой Дух *исходит* от Бога Отца, то естественный человек естественно видит в Боге Отце **причину**, а в Боге Сыне и Боге Святом Духе *следствие*, что ставит все три Лица Божественной Троицы в неравное положение. Три виднейших философа-богослова также высказывали нечто отличное от Догмата о Троице.

1. Тертуллиан, (с которым мы уже знакомы по его сочинению о душе) учил, что было время, когда не было Сына; Троица начинает существовать во всей полноте только с момента сотворения мира. Так как причиной рождения Сына у Тертуллиана представляется желание Бога создать мир, то Отец, рождая Сына, определил уже и Его отношение к миру, как **Бога откровения**, и с этою целью в самом уже рождении немного унизил Его; к Сыну, именно, относится все то, что философия признает недостойным и немислимым в Боге, как существе абсолютно простом и высшем всяких мыслимых определений и отношений. Нередко отношение между Отцом и Сыном представляется у Тертуллиана даже как отношение части к целому.

2. Та же двойственность в раскрытии догмата и у самого видного представителя доникейского периода – Оригена (умер в 254). Ориген мыслит Бога как *начало абсолютно простое*, как совершеннейшее единство, высшее всяких мыслимых определений. Последние заключаются в Боге лишь потенциально; деятельное их проявление даётся только в Сыне. В силу божественной неизменяемости, по которой Ориген признает рождение Сына вечным актом, он считает столь же вечным и творение мира и оба акта поставляет в столь тесную связь, что даже смешивает их между собою. Силою, производящую тот и другой акт, представляется при этом вседовлеющая воля Отца; Сын оказывается только посредником, через которого становится возможным переход от абсолютного единства Бога ко множеству и разнообразию мира. В абсолютном смысле Богом Ориген признает только Отца; Сын же есть Бог только по причастию к Божеству Отца. Таким образом, из сферы абсолютного Божества Сын низводился Оригеном в одну категорию с сотворенными существами.

3. Арий присваивал Логосу личное бытие, признавал Его ипостасью, отличною от Отца. Отец и Сын различаются как существа, из коих первое имеет основу, начало своего бытия в самом себе, а второе имеет эту основу в другом. Сын рождён прежде всякого времени; но до своего рождения Он все же не существовал. Нельзя сказать, чтобы Он, прежде чем родился,

существовал в существе Отца, ибо в таком случае он существовал бы или как часть в целом, сливаясь до неразличимости с Отцом, или же оказывался бы существующим уже до своего рождения. Таким образом, можно сказать, что «было некогда, когда Его не было». При таком воззрения Арий естественно предпочитал заменять употреблявшееся обычно выражение «рождение из существа» выражением «сотворен по воле». Таким образом, Сын оказывался в таком же отношении к Богу, в каком и всякое другое творение.

В чем источник разногласий и затруднений? Три лица Божественной Троицы нераздельны и неслиянны, это единый Бог, проявляющийся в трех лицах, в трех ипостасях, как единое существо – человек – проявляется как мужчина и женщина (*и сотворил Бог человека, мужчину и женщину сотворил их*). Кстати, это **единое существо – человек – проявляется и тройственно: как природное, метафизическое и трансцендентное**. Так же тройственна **любовь к женщине**, соединяющая в себе так же природное чувство, метафизическое и трансцендентное.

Затруднения в понимании Троицы связаны с тем, что *христиане содрали кожу с Гипатии*. Понимание возможно в некоторых областях умозрения только при математической подготовке, математик, в отличие от обыденного человека, способен понять разницу между "непрерывностью" и "равномерной непрерывностью". Истребляя ученых, математиков и философов, христиане естественно порождали разногласия между собою. Ну и кроме того, если бы они были людьми в полном и обычном смысле этого слова, они бы изначально не истребляли сторонников разных точек зрения, ибо так или иначе, но церковь разделилась на множество церквей, несмотря на обильные кровавые жертвоприношения инквизиции (сто тысяч человек, истребленных самыми варварскими способами в ночь Святого Варфоломея в Париже, когда "*возлюбляющие ближних*" бежали по улицам с ножами и топорами, обгагранными кровью). Кстати, покаялась ли в этом христианская церковь?

И еще два замечания. Способен ли православный понять различия Тертуллиана, Оригена и Ария, если даже я их с трудом понимаю? И не в том ли причина всех позднейших безумных распрей, что изначально не было сформулировано точно, в каком смысле Иисус Христос Сын Божий? И Сын ли он Божий? (Это риторические вопросы, связанные только с исследованием Легенды, но не богословские, я от диалектики разногласий уклоняюсь).

В чем "величайшая в истории философии" ошибка Розанова (и других христианских писателей)? В том, что они рассматривают человека только как существо *простое* (подобно богу), но не троячное.

Розанов пишет, что встреча Инквизитора с Христом – «это величайшее в истории соединение и одновременно разъединение человеческой души с ее Предвечным Источником.»

Что он хочет этим сказать?

Христианство, как известно, к Священному Писанию относит как Ветхий Завет (Библию), так и Новый. В Ветхом Завете приход Мессии пророчествуется, в Новом описывается, Бог (Творец, Вседержитель) и основные мифы, которые позже будут поставлены в основание христианства, рассказываются в

Ветхом Завете: миф о сотворении мира и человека и о грехопадении Евы и Адама (первородном грехе). Следовательно, Предвечным Источником человека является "Творец небу и земли", данный в Библии, о котором Символ Веры говорит: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, *видимым же всем и невидимым.*» Если христианство претендует на вселенскую истину, обнимающую собою все человечество (а оно претендует), то оно обнимает собою и евреев, отвергших Христа. Если Бог един, и хотя и троичен, но лица его нераздельны, то отвергнув Христа, евреи отвергли *единого* Бога. Отвергнув Сына, отвергли, следовательно, и Отца (с чем, возможно, они не согласятся, но я пишу так, как это должно предстать христианину). Следовательно, именно Распятие Христа явилось «величайшим в истории соединением и одновременно разъединением человеческой души с ее Предвечным Источником», которым, конечно же, является Бог-Отец (согласно Символу Веры), и это разъединение произошло в Пришествии Христа в Палестине, а продолжилось в Испании при Торквемеде, неистовство которого обрушилось прежде всего на евреев, принявших христианство. Но не думайте, что касалось сие только евреев – как всякая болезнь части тела является одновременно болезнью целого, так и отпадение евреев от Христа с одной стороны, и отпадение еврейских сектантов от религии отцов с другой стороны, так что новый Бог, родившийся в среде богоизбранного народа, стал Богом *чужих*, знаменует собою величайшее разъединение человека и Бога, которому он поклоняется. И не этим ли определяется то, что церковь воюет со своими членами, то осуждая их, то осуждая собственное осуждение? Разъединены ли тогда кроме евреев с "предвечным источником" и еретики? Разъединены ли католики (с точки зрения православных) или православные (с точки зрения католиков)? И не является ли спор Инквизитора с Христом, "царем иудейским", отвергнутым своим народом, логическим завершением цепи разъединений? – Это все во-первых.

Но есть и во-вторых, и не менее важное.

Если человек троичен, и он не только трансцендентен, будучи созданием Божиим, но и природен и метафизичен, то прежде чем спорить по поводу Легенды о Великом инквизиторе, надо определиться, в какой плоскости находится наш спор, только ли в трансцендентной, в которой свобода непостижима и определяется как свобода выбора добра и зла, или в метафизической и природной, где свобода, счастье, социальные отношения имеют более ясный смысл, и где даже отношения с правительством (кесарем) почти не регламентированы Христом? Он только отмахнулся от этих отношений, дескать, не смешивайте земное с небесным, отдайте Кесарю то, что ему принадлежит – налоги... Так что прежде чем вступить в область Легенды, надо более конкретно определить, о чем в ней идет разговор.

Земные цели и заботы земного человека, ожидающего от Бога покровительства и помощи, противостоят инобытийным целям инобытийной сущности (а в этом смысле всякая религия двойственна, имеет и земные и небесные обетования) – но тогда церковь должна избрать либо того, кто помогает здесь, на земле, либо того, кто зовет на небо к непостижимым целям.

3. *Покровитель страждущих и Зовущий на Крест*

Но это два христианства, как оно произошло везде, согласно чему и разделились христиане на две части, одни, *посюсторонние*, "бабушка пришла в церковь, поставила свечку, помолилась и так ей стало хорошо!", другие, подлиннее, согласно Кьеркегору, блаженному Августину, блаженному Иерониму и преподобному Игнатию – те монахи, которые по призванию пошли в монастырь, потому что им не хочется прикасаться к женщинам, не хочется жить и заводить семью. Они иногда призываемы неким *духом отвержения*, так что готовы истребить в себе все человеческое, замуровать в склепе, сидеть в холодной мокрой пещере, изъязвить тело, быть брошенными в клетку со львами. Я был поражен, когда прочитал о кровавых жертвоприношениях у ацтеков, что были и те, которые шли в жертвы добровольно. Не значит ли это, что «Религия жертвы», каковою является христианство, существует как духовная потребность в человечестве независимо от Христа-Спасителя, но не значит ли это, что и Дух и Духовное – не тождественно высшему Благу, и не случайно и в иудаизме и в христианстве велено различать духов, точно ли это духи добра, или зла. И когда Христос совершал чудеса, многие спрашивали, какою силою он их совершает.

Посюсторонняя церковь, особенно в сельском приходе, это обряды, молитвы, кроткая воскресная проповедь о незлобии и кротости и верности в семье и подчинении господам, и кроткая надежда на райские кущи после смерти. *Потусторонняя церковь* – это надежда на чудо, возвышенные идеалы и "высокие требования".

И в православии в этом смысле две церкви, и в католичестве, и в протестантизме (мещанское общество с одной стороны и Кьеркегор с другой).

Но и у большевиков был свой Павка Корчагин и потребность в мучительной жизни.

Кто же Великий инквизитор, к какой церкви он принадлежал?

И не аномалия ли он, вне всех? (Как и Сталин?)

Я немало места посвятил ересям, проповедующим возвышенные идеалы, неизмеримо более возвышенные, чем у обыденных правоверных христиан, как, например, ереси *навликиан* и *катаров* (или *альбигийцев*). Очевидно, что и в России *староверы* в гораздо большей степени были близки к подлинным христианам, чем никониане, и нет оснований Достоевскому противопоставлять православную церковь как истинную Католической как неистинной. И в Западной и в Восточной церкви сектанство довело к евангельской чистоте, и когда инквизиция боролась с ересью (сектантством), то побеждало лишь кровью, казнями и кострами, но не привлекательностью идеала.

Имея в виду беспорядочное смешение двух христианств внутри церкви, существование ересей и сектантских движений, растрясание высшей церковной власти (как и государственной), фантастическое противостояние Христа, пришедшего в Севилью (или причудлившегося 90-летнему старцу, жестокому инквизитору), теоретическое значение спора Великого инквизитора с Христом не стоит преувеличивать.

И ревностные христиане (нестяжатели), и лицемеры (стяжатели) – все они представляли собою *Миф против Культуры, Веру против Любви*.

4. Как верить?

По существу, исследователю надо выйти за пределы спора внутри христианства, внутри каждого мифа спор ведется между догматическим и ревизионистским направлением, а правомерен ли миф, выражает ли он собою ту неуловимую почти эфемерную истину, которой мы грезим? Пока правили в России коммунисты, мы увлекались мечтою то об "истинных большевиках-ленинцах", уничтоживших Российскую империю, то об их разновидности, "старых большевиках", то о "комиссарах в пыльных шлемах", о которых пел Окуджава, то о "социализме с человеческим лицом", открытом в Праге, то о демократических социалистах; христианские диссиденты кидались то к богомилам, к арианам, павликианам, катарам, лютеранам... но разве могли они существенно различаться, если истинное царствие всех из них было только *не от мира сего*?

Существенное отличие от всех тех порядков, которые определяли жизнь личности и общества в Средневековой Европе, внесла буржуазия, заменив своей властью феодально-дворянскую власть. С приходом к власти большевиков в России изменилась русская жизнь, с падением большевизма она изменилась снова. Из тех споров, которые велись на страницах романа "Братья Карамазовы", сохранили значение споры о "Церкви как государстве" (по образцу Ватикана), испытанном уже Европою и отвергнутом, и "Государстве как церкви", отчасти восходящем к схеме Платона о коммунистической казарме, отчасти к схеме Кампанеллы о казарме христианской, ни той ни другой, к счастью, нам пережить не удалось, наверное это было бы хуже даже сталинизма.

Какой интерес представляет собою воображаемый спор Инквизитора с *догматическим христианством* Христа (которое само является таким же мифом, как *истинный социализм* в отличие от тех его форм, которые были в действительности, ибо церковь была создана учениками Христа, но не Христом, не думаю, что в противоречие с тем, что Он хотел бы видеть, трансформировалась, богатела, не заботясь о необходимости пролезать сквозь игольное ушко, и даже не заботясь о Страшном суде и Царствии небесном)?

Уже не знаю...

Что-то я хотел понять не понимаемое прежде, чему-то научиться у Розанова, чему-то научиться в Истории церкви...

Теперь выхожу за церковную ограду, как когда-то вышел за ограду марксизма, и понимаю, что продолжать исследование возможно лишь для того, чтобы понять, зачем нужна религия человеку, можно ли без нее? Что такое вера в Бога, чем она привлекает человека? Если без веры хуже чем с нею, то верить ли в Иегову, избравшего евреев (а тогда надо пойти в евреи), верить ли в Христа и как верить: как все, то есть как бабушка вошла в церковь, зажгла свечку и помолилась, как умилился Розанов; или как Кьеркегор и Игнатий Брянчанинов, отринув мир; или как Вольтер и Пушкин, выдающие Бога философов и ученых и обожествившие культуру?

Много красивого в мифах египтян, в античных мифах, но...

Дело в том, что *Религия – это государственное дело*, везде и во все

времена она навязывалась человеку силой, железом и кровью. Современный храм – традиционен. Его бы не было, если бы римские императоры не заставили *верить* народы Римской империи, а затем императоры и короли, папы и патриархи, крестоносцы, проповедники, подвижники, мученики, философы, богословы, сеньоры и дворяне, общественное мнение, икона и литература, "Страх и трепет" (по Кьеркегору)...

Что привлекает человека в религии, что притягивает его к Богу, существует ли такое же притяжение веры (или религиозное притяжение), какое существует у любви? Вот этот вопрос для меня самый важный после того, что я спрашиваю сам себя о любви (ибо других спрашивать о любви бессмысленно). В том, что такое вера, разбирается, если им верить, множество людей, но в том, что делать с несчастной любовью, не разбирается никто, это показывает нам история. Вот столкнулись с Полиной сначала Ф.М., потом В.В., кончилось тем, что это столкновение пролило у них немало слез, но научило писать, ради ли нее, ради ли того, чтобы ее забыть, мучаясь или торжествуя, но они уже писали сильнее и убедительнее, чем до нее, она их соавтор. Да здравствует красивая и притягательная Полечка!

Не то же ли со мной? Вот также меня увлек какой-то безумный вихрь, и я заполняю страницы многотомной книги в надежде *ее* забыть... или когда-нибудь о себе напомнить... или... не знаю что...

5. Заветы Спасителя и тысячелетнее "духовное единство"

Но, наконец, хватит экскурсов в историю! Веди, Василий Васильевич, по запутанным лабиринтам христианской диалектической истории (если, конечно, ты ориентируешься в них больше меня)!

Начинается монолог Инквизитора о свободе, которую, якобы, принес человечеству Иисус Христос, причем по-прежнему не поясняется, о какой свободе идет речь.

А далее Розанов говорит: "В XVI веке, к которому относится описываемая сцена, необходимость авторитета и нерассуждающего подчинения была особенно сильно признана Римом ввиду угрожающего движения Реформации, нарушившей *тысячелетнее духовное единство* Западной Европы."

Я обещал слушать, не возражая... Но нет, "не могу молчать", как заявляли многие, уж слишком вопиющая ложь!

«В 1208 году против альбигойской ереси был объявлен Крестовый поход Папой Иннокентием III, и вслед затем войско крестоносцев под предводительством графа Симона де Монфора вступило в Южную Францию. Война продолжалась двадцать лет и ознаменовалась страшным кровопролитием и большими жестокостями с обеих сторон. История сохранила память о приказе, данном папским легатом Арнольдом при взятии города Безьера (1209), населенного преимущественно Альбигойцами. Когда крестоносцы высказали опасения, как бы вместе с еретиками не убить и католиков, легат воскликнул: *«Убивайте всех! Господь Бог узнает Своих!»*

Секта Альбигойцев была почти окончательно уничтожена только в 1229 году, уцелевшие от меча крестоносцев остатки ее нашли спасение, вступив в духовно-рыцарский орден Тамплиеров.» И это лишь один из эпизодов...

«Только теперь, когда мы поборолли свободу, стало возможным помыслить в первый раз *о счастье людей*», говорит Инквизитор.»

Бог-Слово, как называет Христа Евангелие от Иоанна, принес человеку истину и свободу, полагают Достоевский и Розанов, для осуществления тех идеалов, которые он принес, он основал церковь (и преследование еретиков в этой церкви началось уже при апостолах и отражено в Новом завете). Но Христос *принес человеку истину и свободу*, а церковь, которую он основал, извратила его замысел, даже больше: она осуществила нечто, что вернее было бы назвать анти- христианством. Почему?

«Инквизитор... отвергает, как невозможное, построение земных судеб человека на заветах Спасителя и, следовательно, утверждает необходимость построения их на каких-то *иных* началах.

Но в чем состоят Заветы Спасителя? Об этом поведали нам, кроме Него Самого, в евангелиях, еще и апостол Павел в посланиях, Кьеркегор и Игнатий Брянчанинов (и сонм других, но не будем перечислять всех), и выражаются заветы сии в нескольких словах: «отвергнись себя, возьми крест свой и пойди за Мной!» Другие слова лишь пояснения и вариации: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» [но не буду комментировать сии жестокие слова! И хотя жизнь заставляет нас жертвовать и собственной жизнью и жизнью близких, для родины, для истины, для любви, для долга – но жестоко требовать от человека в жертву его детей, как Иегова потребовал от Авраама!]

«Кто не со Мною, тот против Меня».

Но все это об одном: *Отвергни всё, и жизнь свою, и близких ради Меня!*

А входит ли в Заветы **свобода**?

Только однажды, и то косвенно, Он сказал: «*Познайте истину, и истина сделает вас свободными!*» Но в чем эта свобода состоит, евангелие **не** формулирует. И хотя Розанов говорит, что «Христос принес на землю *истину*» (не ту ли, которую надо *познать*?) – но в чем состоит и истина, евангелие **не** формулирует также. И на вопрос Пилата «Что есть истина?» Христос не ответил.

6. Заветы Спасителя и "Иные начала»

«Не отрицая высоты принесенной Спасителем истины, Инквизитор отрицает только соответствие этой истины с природою человека и, с тем вместе, отрицает возможность следования его за ней. Другими словами, он отвергает, как невозможное, построение земных судеб человека на заветах Спасителя и, следовательно, утверждает необходимость построения их на каких-то *иных* началах.»

Квадратура круга! Весь Круглый стол в молитвенном экстазе подымает сияющие очи к небу и созерцает заветы Христа и истину, принесенную Им человеку (но не требование же это «возлюбить Бога всем сердцем и всем помышлением и возлюбить ближнего как самого себя», ибо это Заповеди, данные еще Моисеем в Ветхом Завете?) – и один только я ничего не понимаю и вопию: «Где? В чем? Какая?» Или это *квадратура Круглого стола?*

Может быть, и Инквизитор вдруг понял, что ничего никому не понятно? Хотя о нем и говорит Розанов, что, «не отрицая высоты принесенной Спасителем истины, он отрицает только соответствие этой истины с природою человека и, с тем вместе, отрицает возможность следования его за ней. Другими словами, он отвергает, как невозможное, построение земных судеб человека на заветах Спасителя и, следовательно, утверждает необходимость построения их на каких-то *иных* началах.»

Рассматривая историческую судьбу христианской церкви, Розанов говорит: «Западная Церковь, конечно, есть только романское понимание христианства, как Православие – греко-славянское его понимание и протестантизм – германское. Но ... только первая возросла во всю величину своих сил; другие же две лишь возрастают. Католицизм закончен, завершен в своем внутреннем сложении, он отчетливо сознал свой смысл и непреодолимо до нашего времени стремится провести его в жизнь, подчинить ему историю; напротив, другие две Церкви чужды столь ясного о себе сознания (Протестантизм, открыв свободу для индивидуального понимания христианства, не только в настоящем ..., но и в будущем... не получит подобного завершения. Что касается до Православия, то ... оно находилось в столь тяжких исторических условиях, ... что ... возвести свое скрытое внутренне содержание к свету ясного сознания, – оно еще не имело средств озаботиться»).

Католицизму, следовательно, и надо ответить за все христианство. Ответ этот Розанов и видит в замене свободы Авторитетом, о чем и сказал Инквизитор Христу: «Мы исправили подвиг твой и основали его на *чуде, тайне и авторитете.*» (Конкретное содержание *Авторитета* Розанов поясняет: «введение **инквизиции** и **цензуры книг**; проводниками этой идеи выступили: Тридентский собор и орден иезуитов с его учением о безусловном подчинении «Будь в руке старшего тебя покорен, как посох в руке странника») [Правда, инквизиция и цензура были **всегда!**]

Какие *два обетования* о будущей истории человека противостоят в Легенде, я понять пока не сумел. Речь, видимо, идет именно о будущей истории человека, прошлое нам всем менее интересно.

Быть может (попробую сконструировать, как понимаю... как не понимаю...), речь идет о том, что человек может устраивать свою жизнь, принимая за основание «высокие дары свободы, истины, нравственного подвига», но при этом оказываясь несчастливym; или же «все это отстраняется, как тягостное, как излишнее для человека; и зовется одно: *какое-нибудь* счастье, *какой-нибудь* отдых для "жалкого бунтовщика" и все-таки измученного, все-таки болящего существа, сострадание к которому заглушает ... всякий порыв к божескому и высокочеловеческому.»

«"Легенду об Инквизиторе" до известной степени можно рассматривать как идею окончательного устройства судеб человека, что безусловно было отвергнуто в "Записках из подполья"; но ... там говорилось об *устройении рациональном*, ... здесь говорится об *устройении религиозном*, исходящем из глубочайшего проникновения в *психический строй человека.*»

И далее Розанов рассказывает о переломе, об усталости Достоевского в период от "Записок из подполья" до "Братьев Карамазовых".

7. Противопоставление Бога человеку

Далее Розанов пишет: «Тебя предупреждали, – говорит Инквизитор Христу, – Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но Ты не послушал их и отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми". И затем он высказывает свою идею, следя за которою, невозможно не ощутить некоторого ужаса, который тем сильнее возрастает, чем яснее чувствуешь ее неотразимость. Нити всемирной истории, как она совершилась уже, будущие судьбы человека, как их можно предугадывать, мистический полусвет и непостижимое соединение неутолимой жажды веры с отчаянием в бытии для нее какого-либо объекта, все это сплелось здесь удивительным способом и в целом своем *образовало слово*, которое мы не можем не принять как *самое глубокое, самое проникновенное и мудрое*, что – с одной возможной для человека точки зрения – было когда-нибудь им о себе подумано», – какое образовалось слово, я опять не понимаю, к тому же снова неумеренные восклицания, словно говорится о Сталине, как мы это слушали четверть века. Но все должно вскоре разъясниться.

Так как современный человек живет в ином мире, в котором он понимает "*устроение рациональное*" и уже почти не понимает "*устроение религиозное*" (даже те, которым батюшка говорит, как жить, и они живут, *как он скажет*, и именно этот способ жизни и называют *устроением религиозным*), то я попробую сие разъяснить подробнее. То, что относится к *религиозному*, все больше снижается, профанируется, *обмирщается*, даже за Круглым столом речь идет о вещах человеческих, социальных, о свободе и счастье, чувства монахов Оптиной пустыни, Серафима Саровского, чувства тем более неистовых старообрядцев, боярыни Морозовой и Аввакума, *павликиан и катаров* с этой точки зрения совершенно непонятны, то представлю собственные грезы о том, как бы мне хотелось устроиться в этой жизни. Вначале я был марксистом, принимал идеалы жизни сообща, как в коммунизме, и школьником жил в общегитити, и мне это нравилось, и студентом жил в общегитити, но, происходя из крестьян, из деревни, а деревня жила тяжело и бедно, я хотел устроить счастье хотя бы в деревне. Не мечтая о том, чтобы стать царем или начальником всей страны, я думал, что хорошо бы хоть стать секретарем райкома где-то в провинциальной глуши, как у нас в Сибири, без промышленных городов, с одними селами, так что у нас и районный центр в селе, и я ездил бы по расхлябанным дорогам в райкомовском "газике", вникал в жизнь каждой деревни, каждой семьи (так я вел себя, работая учителем на берегу Ладоги, обойдя семьи всех учеников своих), и всем помог, ленивых заставил, добродетельных поощрил, дороги починил, пашни привел в порядок, устроил клубы и сады у домов, замостил улицы, влюбленных женил и выдал замуж... Ночью, в несчастной деревне, в несчастливой семье, я заливался слезами, мечтая о том, как счастливы будут мои подопечные.

Другой идеал я нашел в монахе из катаров, "*посвященном и совершенном*", аскете, пренебрегающем мирским, справедливым и честном, никогда не лгушем, *стыко сгорающем на костре инквизиции*.

И *третий идеал* во встречах *невинных* с моею миленькой, не отнимая ее от семьи, гуляньях с ней в парке, целованиях рук и смотренях в глаза,

Чтобы понять Легенду, рассуждения Достоевского и Розанова, надо попытаться понять *«непостижимое соединение неутолимой жажды веры с отчаянием в бытии для нее какого-либо объекта»*.

Вот где камень преткновения современного образованного человека, такого, как я, думает ли он, что он буддист, иудей, мусульманин или христианин! В нас есть личность, есть чувство, что почти весь мир вмещается в эту личность, мы чувствуем, что этот мир не только сам по себе, капля бесконечной вселенной, летящая непостижимо и бесцельно в ее дожде, но что он пронизаем светом Инобытия или Сверхбытия, он чудесен, таинствен, прекрасен, идеален, достоин того, чтобы в нем жить и *стремиться ввысь!* В нас есть жажда любви и сочувствия и *сострадания*, и мы изливаем их на многое в мире, и на семью, и на друзей, и на народ, природу, культуру, и на любимую женщину! В нас есть чувство прекрасного и восхищения прекрасным, и "похоть очей" и "похоть слуха", и "эллинские идолы" и музыка Бетховена чаруют нас, и не удовлетворяет нас Синайская пустыня и акриды и дикий мед. В нас есть жажда творчества и не достаточно нам стать листьями на древе Господнем, утратив **Я**. Что же такое их **вера** и их *жажда веры*, для которых они могут отречься от красоты, любви к женщине и миру, отречься от творчества, отречься от самого себя, отречься даже от **сострадания**? Я не знаю, что такое *вера*, и не могу понять ее – но вот эту жажду самоотречения для веры и для Бога я никогда не постигну – а тогда возможен ли у меня диалог с участниками Круглого стола, с монахами, с теми, кто верит, как Кьеркегор, как преподобный Игнатий, как бывшие комсомольские дурочки, на евангельских сайтах призывающие к умерщвлению души и душевной (не только плотской, но даже душевной) любви? Чтобы не возражали мне невежды, открой Новый завет, читатель, и хотя бы перелистай! *Христианин – это тот, кто отвергает и мир и себя, и семью и детей, и Родину и культуру ради Христа.*

Кто не отвергает, тот пусть даже меня не читает. О чем ему спорить со мною? Я хочу понять единственное: во имя чего *она* меня бросила? С чем она стала счастливой вместо культуры и того бесконечного мира, который я пытался открыть для нее?

Религиозные поиски, поиски Бога вдохновлены почти у каждого только **собой**: спасти свою душу, обрести там блаженство, воскреснуть потом, возвратиться на древо. Все верующие – эгоцентристы, живущие для себя.

Я тоже недоволен многим в своей жизни. Моя работа заставляет меня сидеть у компьютера, а моя природа требует движения и работы. Не совсем в шутку я часто восклицаю: Жаль, что меня не посылает преступная власть на лесоповал! И жаль, могу я добавить, что я так беден, не могу ездить по желанию в деревню, где даже теперь, заплатив немного кому-то из соседнего села, взялся бы за перестройку бани, за ремонт дома... А принужден, чтобы размяться, присесть и вращать руками и чреслами в комнате городской квартиры... Какая насмешка над деятельным, образованным и умным (кажется) человеком! Эта мерзкая реформа образования лишила меня даже уроков математики, последнее, что еще позволяет выжить, закончится, когда умрет последний писатель. (А они скоро вымрут все). И останусь я один, в нечитающей стране... Хорошо еще, не все исчезли красивые девушки!

«Культ служения человечеству все сильнее и сильнее распространяется в наше время, по мере того как ослабевает служение Богу. Человечество обоготворяет *себя*, оно прислушивается теперь только к *своим страданиям*».

Итак, я недоволен многим, я недоволен властью, реформой образования, своей бедностью, недоволен... хотел написать, что бывал недоволен девушками – нет, они всегда правы! Следовательно, кроме власти и реформы образования (а бедность лишь следствие их, а не сама по себе) я доволен всем. Народ плохой... но все народы плохи, даже евреи, да и то, я не вижу, чтобы они были настолько плохи, как представлял их Иисус из Назарета. И русский народ плох, но при хорошем царе и он хорош! И потому еще мне сложно вкаты за Круглым столом, что я не согласен с обеими сторонами, и инквизитором, и Иисусом, оба они человека ни во что не ставят, напрасно упрекает инквизитор Христа, будто тот, «отнесшись к человеку с столь высоким уважением, ...не рассчитал его природы и совершил нечто великое и святое, но вместе *невозможное, неосуществимое*», и напрасно и инквизитор представлен в Легенде *сострадающим человеку* (не так ли и он, как доминиканцы, целующие его перед костром?).

Но надо идти далее... Ничего, я не так уж недоволен миром, не настолько, чтобы желать его испепеления в Конце света, и не настолько недоволен человеком, чтобы желать ему погрузиться в Геенну, в конце концов, оглядываясь назад, я даже из множества следователей, расследующих мои "преступления", вижу одного только порочного, присланного из Москвы, чтобы меня посадить, и не выполнившего условие, на котором я согласился помочь ему в моем обвинении; и из психиатров только двое служили кагебистской машине, и из заключенных растленны были лишь трое.

Весь остальной народ, с которым сталкивала меня судьба, был хорош, и учителя, и преподаватели, и девушки, и соперники (а эти были благородней всего!), и продавщицы, и буфетчицы, и все те, с кем я ходил в баню. Один меня заложил, да и тот был скорее несчастен, чем неблагороден.

Конечно, мне повезло: жил я в либеральную пору, за мысли еще сажали, но до костра дело не доводили, не было ни войны, ни голода, ни катаклизмов.

Розанов: «"И взглянул я, и вот Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах.

И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гусях своих.

Они поют как бы новую песнь пред Престолом и пред четырьмя животными и старцами: и никто не мог научиться этой песне, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли.

Это те, которые не осквернились с женами – ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу. И в устах их нет лукавства, они непорочны пред Престолом Божиим". (Апокалипсис).

Какой чудный, зовущий идеал в этом образе; как поднимает он в нас тоскующее желание; как мало удивляемся мы, только взглянув на него, глубокому и быстрому перевороту, какой совершило Евангелие на переходе из древнего мира в новый.»

Видимо, я устроен иначе, чем человек девятнадцатого столетия, хотя уже образованные классы в этом столетии отпали от Бога, как пишет Розанов. И все же – тот восторг, который он испытывает, показывает, что не все отпали, он не мог быть одинок, в театральном зале не может один восторгаться пьесой, когда все холодно. Но чем его восторг вызван? Тем, что они *«не осквернились с женами»*? [И церковь еще решается благословлять брак? Или ей просто важно пролезть всюду, где человек счастлив, чтобы, по возможности, не оставить его без нее в его счастья?] Тем, что они *«следуют за Агнцем»* всюду? Или тем, что в *«устах их нет лукавства»*? Но таковы были и еретики-катары, которых сожгли! Не думаю, что Христос, благословляющий Свою церковь, благословил и тех, кого она гнала...

«...красота идеала так велика, что один уже порыв к нему дает счастье!» – говорит Розанов...

Воля ваша, господа философы, но *«монах из катаров, "посвященный и совершенный", аскет, пренебрегающий мирским, справедливый и честный, никогда не лгущий, стойко сгорающий на костре инквизиции!»* – разве это не более высокий идеал, нежели девственники-оруженосцы, неотлучные при Христе?

И все же, для того, чтобы разговор, собеседование, обсуждение, а тем более дискуссия были содержательными и действенными, необходимо придти к пониманию сущности тех центральных идей, о которых идет речь. Со стороны моих оппонентов речь идет о *вере* и *жажде веры* (в Бога). С моей стороны речь идет о разнообразных формах *любви*.

Что такое любовь, человек знает в достаточной степени хотя бы для того, чтобы понимать собеседника. Но что такое *вера*? И что такое *жажда веры*?

Мои представления о развитии и совершенствовании были связаны с образованием, культурой, с понятием духовного возвышения, с тем, о чем говорится у Пушкина в «Пророке»: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...» – и эту духовную жажду испытывал я сам, о ней я слышал от своих близких, она была среди надежд и устремлений героев-идеалистов литературы девятнадцатого столетия, она была и в центре русской поэзии. Но «жажда веры» не появлялась на страницах светской литературы и даже философии, ее нет в музыке, игравшей, может быть, самую великую роль в формировании эстетических и мистических представлений и идеалов, *религиозные* искания, религиозные переживания отсутствуют в романах девятнадцатого столетия... Не этим ли объясняется то, что передо мною два чуть ли не совершенно различных Розановых: один, философ и писатель, автор книг «Люди лунного света», «В темных лучах», «Коробы листьев» и близких к ним, пишущий о том, что он выстрадал и глубоко понимает – и этого Розанова и я понимал и у него учился; другой Розанов, испытывающий порыв к статичному безжизненному идеалу, пишущий приблизительными аксиомами, в каждой из которых четыре из трех утверждений неверны... «глубокий и быстрый переворот, какой совершило Евангелие на переходе из древнего мира в новый»... Но споры продолжают донныне, понимание и жизнь поглощены верой, и вера снова становится агрессивной. *Что такое вера?*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДВЕ ГЕОМЕТРИИ: Лобачевского и Евклида

1. Вступление

11 января, понедельник, полуночное бдение. Читаю Розанова и уже ничего не понимаю. Может быть, я уже устал и от него и от себя, и надо перейти к тому, чтобы послушать других, по другому рассуждающих?

Представим себе мать, у которой болен ребенок. Она сидит возле него, поит из ложки какой-то микстурой (а у нас, в деревне моего детства, это были корешки растений или плоды или ягоды, например, отвар шиповника или корней малины), прикладывает к голове компресс или обертывает им грудь... Подкладывает в печку дров... Назавтра она идет работать, может быть, едет на подводе за сеном для колхоза, вечером с санками по снегу отправляется в лес за дровами для нас и готовит ужин. Разве все это **не** религиозно?

Как преломляется в обыденной жизни Христос и Инквизитор, религия и церковь? И их спор? Или спор преломлялся и существовал в каких-то иных сферах, а частная жизнь частного человека только отражала какие-нибудь результаты этого спора? В 16-м веке, о котором речь, деревенский житель в воскресенье шел в церковь, молился, исповедовался, слушал проповедь, шел домой... Что в этом определялось спором инквизитора и Христа? Преломлялся ли все же хоть как-то их спор в частной жизни?

Итак, дочитываю текст Розанова, высказываю замечания в вопиющих случаях, и запишу в конце следующее: "Не понимаю, о чем они спорили и зачем. Ибо почему-то они не говорили о том, что пылают костры, и Инквизитор не объяснялся по поводу их, и Христос с него за них не взыскал."

2. Мелкие замечания

«В вопросе об устройстве общества на экономических началах распределение продуктов производства, по праву – "suum cuique", по правде сердца человеческого – "Бог за всех", представляет главное и, в строгом смысле, неразрешимое затруднение. Именно оно является уже теперь предметом нескончаемых разногласий среди теоретиков общественной жизни; и если они *так непримиримы в мысли, так несогласимы в книгах*, то трудно и представить себе, к какому хаосу столкновений приведет неразрешимость этого вопроса в действительности, где господствуют страсти, где негодование и гнев не утихают по надобности и жалость имеет свою убедительность, где, наконец, всякая диалектика разбивается о честное непонимание людей сердца. Уже теперь можно предвидеть, что, согласно внутренним своим желаниям разрешившись, социальный кризис встанет перед диаметрально противоположными лозунгами "убрать неспособных, спрятать, свести на нет, поработить", и – "не надо гениев, излишни гении... и оскорбляют бедность нашу красотой своей духовной, и опасны".»

Как будто христианские богословы не были *"так непримиримы в мысли, так несогласимы в книгах"* – а "к какому хаосу столкновений" привела их непримиримость, мы хорошо знаем по *кострам инквизиции!*

Но продолжаю читать, убеждаясь все более в несовместимости наших взглядов на жизнь, не выводов даже, а самого способа смотреть и видеть. Вот, например, пишет философ на невинную тему, о школе, не нравится ему, что в ней так трудно учиться, что большинству школьников все то, чему она учит, кажется ненужным. «...тысячи и десятки тысяч детей уродуются о трудную, сложную школу, чтобы выделить из себя несколько десятков истинно просвещенных людей; около которых остальные топчятся менее, чем только непросвещенною массою – массою *развращенною*.»

Сам философ учился в школе плохо, оценки получал посредственные, и, видимо, талант его пробудился не под влиянием книг, а при столкновении с Полечкой, в которую он вначале влюбился безумно, а потом возненавидел, но встряска не прошла даром. (Возможно, и я начну писать лучше под влиянием своей несчастной любви).

Но высота требований, которые жизнь предъявляет к нам, немощным, глупым и ленивым, на всех своих поприщах, оправдана, ничто не развивается, не устремляясь к превосходящему. В школе на уроках физкультуры из нас тоже учитель не мог сделать мастеров спорта, но мы хотя бы научились бегать не вразвалку, а девочки убежать, прыгать и бросать камни в ястребов, ворующих кур, да и сегодня, делая утром ненавистную мне зарядку вместо того чтобы в деревне носить воду из колодца и колоть дрова и вечером топить баню, я стараюсь наклоняться к полу так, чтобы со временем его касаться сначала пальцами, а потом ладонью, и *первого февраля* отчитаюсь в этом читателю, заканчивая сию книгу... Мои одноклассники не написали Учебника математики, как я, и философских книг не пишут, но зато некоторые из них способны будут меня прочитать, а это не менее важно, чем писать. Но Розанов как будто в плену риторики инквизитора о глупом, невежественном и подлом народе, который он стремится осчастливить, мало помалу сжигая...

«Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы *передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается*. С хлебом давалось Тебе бесспорное знамя: дашь хлеб – и человек преклонится... но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо Тебя, – о, тогда он даже бросит хлеб Твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. ...Ибо тайна бытия человеческого заключается не в том, чтобы *только жить*, а в том, *для чего жить*. Без твердого представления себе, *для чего* ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, – хотя бы кругом его все были хлебы». – нагромождение в ложном синтезе лживых аксиом: жажды преклонения, заботы отдать дар свободы (ни дара в действительности не было, ни забота не возникает)... и не объяснено, что такое "овладение его совестью"... и "без твердого представления себе, *для чего* ему жить", живет подавляющее большинство людей, небольшая часть мучается поисками смысла жизни, и лишь часть этой малой части находит – что? – безумные химеры вроде мокрой пещеры на Афоне, чтобы в нелепом тщеславии доказать себе и другим, что он это может перенести. В детстве я показывал девочкам, как втыкаю себе под ногти булавку, хорошо, позже опомнился, стал демонстрировать, как становлюсь на козырек крыши над школой... *Умнею ли хоть теперь?*

«Свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою» – словно до этого ни иудей, ни еллин, которых, правда, обоих *отменил* апостол Павел, не знали, что такое добро и зло, словно не за вкушение плода с "древа познания добра и зла" и был изгнан человек из Эдема?! Вот так мои школьники до меня думали, что "лампочку Ильича" изобрел Ильич и заплакали, узнав о нем правду. И так всякий человек *мифологического сознания* с презрением смотрит на окружающих, что марксист, что христианин, что поклонник Рцекальцеко... забыл...

А надо быть смиреннее, не тащить поспешно других на костры, в самознании и самоупоении "ежеминутно приближаясь к Богу" и прирастая листом к Его дереву, не прихлопывать их ни диалектическим материализмом, ни Откровением, ни Богодухновенным Писанием, ни даже "равномерной непрерывностью", в чем я и сам виноват... Жизнь – это тоже школа, иных она хоть чему-то научит, если они будут внимать ей и слушать, отрываясь иногда от своей уже несомненной истины и немножко хоть в ней сомневаясь. Не обливайте презрением и отвращением ни чужую любовь, ни чужую веру, хоть в Перуна, хоть в Зевса, это тоже не так примитивно, не только размышление о "рожденном прежде всех век" изощряет ум в диалектике, но и самые обыденные, самые простые, свойственные всем чувства: *сострадание и забота...*

«Учение, пришедшее спасти мир, – своею высотой и погубило его, внесло в историю не примирение и единство, но хаос и вражду.» – но так ли уж высоко учение, проповедующее ненависть к человеку, отвращение к женщине, отчуждение от семьи и народа?

3. Устройство будущего

«Ты мог бы еще и тогда взять меч Кесаря. Зачем Ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего Духа, Ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: *пред кем преклониться, кому вручить совесть* и каким образом *соединиться*, наконец, всем в бесспорный общий и согласный муравейник [... "Муравейник", "Хрустальный дворец" и "Курытник" – это три образные выражения идеи всемирного соединения людей и их успокоения, которые впервые обсуждаются у Достоевского в "Записках из подполья". "Курытник" ...предпочтительнее всего другого, потому что ...не отвечая второстепенным требованиям человеческой природы, отвечает главной ...ее особенности – свободной воле... "Хрустальный дворец" – это искусственное, возведенное на началах разума и искусства, здание человеческой жизни, которое хуже всякой действительности, потому что... не отвечает потребности индивидуального, особенного желания; оно подавляет личность. В "Записках из подполья" отвергается вторая формула и оставляется первая, за отсутствием для человека третьей, "Муравейника": под этим названием разумеется всеобщее и согласное соединение живых существ..., основанное на присутствии в них одного общего инстинкта построения общего жилища.... его лишен человек...]. Ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей [Нужно различать это "соединение" от "всеобщего преклонения" перед чем-нибудь человеческой совести, о котором говорилось раньше...]. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно *всемирно...*

«Много было великих народов с великою историею, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную; но и те... выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру Кесаря, Ты основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч Кесаря, а, взяв его, конечно, – отвергли Тебя и пошли за *Ним*».

Аксиоматический метод рассуждений и понимания основан на том, что не факты истории выстраиваются в некую причинно-следственную цепочку, а высказываются в безапелляционной, аксиоматической форме идеи, подкрепленные ссылками на Священное Писание (то есть ничем историческим **не** подкрепленные), и из этих идей-аксиом выстраивается обнимающее все и вся мировоззрение, то есть обнимающее онтологию (происхождение) и эсхатологию (цель, смысл, направление и завершение жизни).

Так Ильич (изобретатель *лампочки Ильича*) утверждал: "Марксизм верен, потому что истинен".

После бесчисленных возражений то одной, то другой частности я вдруг понимаю, что мировоззренческая система, сущность и содержание которой состоит в аксиоматике, и которая дополняет себя и расширяется за счет новых аксиом, принципиально не может быть открыта для диалога. Она утверждает и поучает, но она не спорит, не оправдывается и не доказывает – вместо доказательства утрашение и уничтожение возражающих.

Возражения центральным пунктам учения невозможны и в сравнительно мягкие эпохи, когда теократия не властвует над народом или ее власть ограничена только духовным влиянием, потому что все важные возражения никнут или разбиваются о два важнейших понятия, существующие на страже религиозных представлений: кощунство и богохульство.

Христианский философ или писатель говорит об антропофагии, как неотвратимом следствии попытки устроиться человечеству на основах науки, культуры, знания, то есть на **рациональных** основаниях (хотя уже здесь подлог: наука рациональна, но культура в целом не в меньшей степени иррациональна, как и религия), но оппонент не осмеливается говорить об антропофагии применительно к религии и церкви, не только общественное мнение его предаст остракизму, но и собственная совесть. Бог непогрешим и Бог вне критики и вне подозрений, как и жена Цезаря.

Но спор с системой аксиоматических представлений бессмыслен, если возражения не осмеливаются предстать также в форме связанной системы безапелляционных утверждений. К тому же, религиозный факт может быть частично подтвержден краткой ссылкой, например, на чудо, на строку или событие из Священного Писания, а подтверждения исторических фактов требуют длинных томов и томов Европейской истории или Биологической эволюции или Природоведения или Истории и теории Культуры или Философии.

О смущении и невозможности современному философу моего склада (то есть не принадлежащему к мифу и архаическому сознанию) быть грубым по отношению к оппонентам говорит следующее: Ильич обзывал своих противников проститутками, иудушками, поповствующими, нечистью – но кто из нас может так же жестоко о нем? Хотя теперь известно, что этот вождь был одним из самых жестоких людей двадцатого столетия, превосходя параноией и Сталина и Гитлера.

Мой неверующий товарищ девушек-"пусси" в негодовании называет *кошунницами*, но казаков, которые за ними гонялись с нагайками, он восхваляет. И атеистов уже называет коммуняками, забыв, что собирал кресты и колокола на металлом в пору пионерского детства. Человек (выражаясь языком Розанова) выделяется в нечто однородное только с помощью жестокой силы, жестокого насилия, он не низок и не высок, не храбр и не труслив, не подл и не благороден, в нем есть разнообразные задатки, да к тому же он ни белый ни красный, они лежат в окопах по разные стороны поля и стреляют друг в друга, даже сын в отца, как мой красный дед в моего белого прадеда (но сосланы были потом в одну деревню, как я уже писал). И поэтому как мне спорить с *архаическим сознанием*, которое оперирует понятием *человек* как чем-то однородным, и говорит о *Боге*, как о чем-то определенном и несомненном, и не сомневается во всемирном незыблемом представлении об Иисусе Христе, хотя у мусульман он пророк, у евреев обманщик, у атеистов его даже не было, он лишь литературный герой, а у христиан столько христов, сколько христианских церквей и сект (если не у каждого христианина свой Христос).

Продолжим речь инквизитора и комментарии Розанова (из его книги):

«Пройдут еще века бесчинства свободного ума их, их науки и *антропофагии*, – потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией».

Наука, как точное познание действительности, не заключает в себе никаких неодолимо сдерживающих нравственных начал, – и, возводя, при помощи ее, окончательное здание человеческой жизни, никак нельзя отрицать, что, когда потребуются, не будет употреблено и чего-нибудь жестокого и преступного. Идея Мальтуса..., что единственное средство для рабочих классов удержать на известной высоте заработную плату заключается в воздержании рабочих от брака и семьи, чтобы не размножать свое число, другими словами, – в низведении громадной массы женщин на ступень только придатка к известной мужской функции, может служить примером жестокости и безнравственности, до которой может доходить теоретическая мысль, когда ей не закрывает уста незыблемый религиозный закон.»

Но религия не тождественна нравственности, Бог выше понятий о добре и зле и не руководствуется ими, как человек, Помимо тех пыток и казней, которые сопровождают церковную историю, борьбу христианства с инаковерцами и иноверцами, сам религиозный миф приводит бесчисленные примеры жестокости иудео-христианского Бога (Бога Ветхого Завета, который в такой же степени и Бог Нового Завета – чего стоит одно только уничтожение Содома и Гоморры в знак Возмездия за грехи?!)

История Богов и верований показывает, что Боги жестоки все, все они требуют человеческих жертвоприношений, не исключение и христианство, которое учит о принесении Богочеловека Иисуса Христа в жертву во имя искупления сомнительного человеческого греха. Но и жестокость христианской церкви не подтверждает преступное равнодушие ее и к добру и злу во имя ее незабываемости и подчинения одному Кесарю – земному или небесному, не может объяснить даже Великий инквизитор, бесчисленными кострами утверждающий это подчинение (но то же было и в православии и в протестантизме).

«Низведение громадной массы женщин»... на степень чего? Если они омерзительны, суть сосуды Дявола, лучше бы к ним не касаться, да к тому же избранные из мужчин, *могущие вместить истину*, уходят либо в монастырь, либо принимают обет безбрачия – куда и на что принуждаются толпы лишних женщин, у которых отняты их женихи?

«Безнравственность, до которой может доходить теоретическая мысль [это обо мне], *когда ей не закрывает уста незабываемый религиозный закон*» – да именно этот *«незабываемый религиозный закон»* безнравственнее всего и в целом, и в частности, начиная с утверждения о начальной и извечной преступности человека и кончая идеей *Конца света и страшного возмездия* почти всему человечеству за его преступность, которая ничем не доказывается, хотя и подтверждается преимущественно всей церковной историей.

«"Ты гордишься своими избранниками, – восклицает Христу Инквизитор, – но у Тебя лишь *избранники*, а мы успокоим *всех*. Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, *устали, наконец, ожидая Тебя, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву, – и кончат тем, что на Тебя же и воздвигнут свободное знамя свое*. Но Ты сам воздвиг это знамя".

Какие удивительные слова, какое глубокое понимание всего антирелигиозного движения великих европейских умов в последние столетия, с признанием мощи их и великодушия, с грустью за них, но и вместе с указанием их заблуждения.»

Но объясняет ли нам Василий Васильевич, в чем заблуждения великих европейских умов? Нет.

Диалог пока не удастся. Верующие, как тетерева, поют свою торжественную песнь во славу Божию, они уже там, на другой стороне Стикса, разделившего нас, и не слушают и не хотят слушать никого кроме самих себя.

4. Аксиомы неевклидовой геометрий

"Смысл нашей жизни – нас всех, живущих в мире, – находится вне мира, в Боге. Он *состоит в вере в Бога, в жизни для него, в любви к нему*" всем сердцем и всем помышлением, в любви, превосходящей всякую другую любовь, ибо: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня.»

В дополнение к такой любви к Богу предписывается еще *любить ближнего*, но даже сына или дочь требуется любить менее, чем Бога.

[В романе "Овод" показана именно такая коллизия – любовь к Богу или любовь к сыну? Чем можно пожертвовать? Вероятно, в Средние века человек и впрямь способен был гореть такой фанатической верой, что претерпевал пытки, жертвовал собою, друзьями, семьей и Родиной во имя Бога – но что в основании этой веры? Или – что такое вера, что именно испытывает человек, посвящая Богу всю свою жизнь, пренебрегая всем, что в ней содержится?]

В Непале почти четверть населения монахи, вероятно, именно этот народ посвятил себя служению божеству в буквальном смысле этого слова.

Но что думает, чувствует, к чему стремится человек в современной европейской стране или в России? К чему стремился русский интеллигент, писатель или философ, ученый или практический деятель в конце 19-го столетия, когда Розанов первый постелил скатерть на Круглом столе "инквизиторской философско-богословской беседы"?

Любовь к Богу, жизнь в Боге, жизнь для Бога – вероятно, это и есть основная, необходимая и достаточная аксиома религиозного мирозерцания и осмысления жизни. В этой системе мир греховен, несуществен, почти бессмыслен. **Человек живет для того света.**

Любовь, семья, культура и родина в идеальной религиозной жизни должны быть отвергнуты полностью, все душевное содержание сосредоточено в одной идее, в одном чувстве, в одной мысли. И вообще мне кажется удивительным понятие о религиозном содержании в жизни, если религия жизнь отвергает, если она, в зависимости от религиозного автора, либо относится ко всему житейскому со злобой, ненавистью, либо с презрением и отрицанием, либо, в лучшем случае, с высокомерным отторжением.

С какой точки зрения Великий инквизитор отвергает Христа? Ведь он на человека смотрит как на ничтожество, которое само по себе ничего не значит, то есть так же, как христианин, вышедший из человечности в иные миры (особенно это заметно у Кьеркегора!) «Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешенными тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие... истребят друг друга» – умница, В.В., точно: *Столетняя война в Германии* – кто, кроме религии, завел Европу в ее дебри, тогда научных войн еще не бывало! Две тысячи лет непрерывные войны полыхали в Европе, только по религиозным мотивам! Да и первая Мировая война, развязанная христианскими императорами – пусть высшее общество и не пылало верой, но и общество и государство были скреплены не наукой, не социальным прогрессом, не выборной демократией, а церковью, то есть христианством! Бывали, правда, войны не между христианами, но в них христиане и сарацины истребляли друг друга, и все равно мерялись богами: чей бог лучше?

«Основная задача истории, – которая при слиянии в одно субъекта и объекта (и спасаемый, и спасающий есть человек) неразрешима и разрешается лишь при их разделении (в религии, где спасаемый есть человек и спасающий его есть Бог).» – это вторая, дополнительная аксиома неевклидовой геометрии».

5. Аксиомы здешней (Евклидовой) геометрии мира

Аксиома первая: *Смысл жизни в любви, которая дается человеку как дар и является синтезом природной любви (половой инстинкт), метафизической любви и трансцендентной.*

Аксиома вторая: *Любовь существует и проявляется, во-первых, в любви к женщине, во-вторых, в родовой любви: к семье, детям, к роду и народу. И, наконец, в любви к культуре и к творчеству. Необходимым дополнением и расширением любви является сострадание и забота.*

Аксиома третья: *Любовь существует и проявляется через свободу и личность. Личность является необходимым основанием для свободы.*

Аксиома четвертая: *Бытие пронцаемо светом инобытия, то есть приобретает черты трансцендентного мира (как земля согревается и освещается солнцем), поэтому жизнь и личность не заканчиваются в мире и необходимости, но продолжают в сверхбытии и чуде.*

Аксиома пятая: *Отношения инобытия к бытию постигаются и испытываются в особых состояниях выхода за пределы бытия (переживаемых верующими как "встреча с Богом"), подобно тому как и любовь испытывается в таких же состояниях возвышения над миром.*

6. Продолжение неевклидовой геометрий

Как видит читатель, человек мира, культуры, жизни не отрицает чудо и сверхъестественный мир, но не жертвует миром, который единственно является сценой для нашей жизни, тому миру, который наступит после перехода, но неведом никому.

Я не включил религию и веру в число специальных аксиом, они и так уже в современной жизни начали ущемлять аксиоматику естественного бытия.

Но продолжу чтение Розанова, может быть, я у него что-то упустил?

«Получая от нас хлебы, ... они будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы".»

«Это говорится о нашем времени, когда... необъятные народные массы влачат скудное существование, и все уходит куда-то... вследствие несогласованности между собою человеческих желаний и действий. Напротив, когда ... согласуется в одно целое труд всего человечества, ... произведенных продуктов хватит для безбедного существования всех.»

«Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! ["В мире одного недостает, одному нужно устроиться – *послушанию*", – говорит Достоевский в "Бесах"]»

И пока люди не поймут сего, они будут несчастны. ... Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. *Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их, наконец, не гордиться, ибо Ты вознес их и тем научил гордиться;* докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что *детское счастье слаще всякого.*

[... отмеченные слова составляют третью центральную мысль "Легенды".]

Мой комментарий. Христос, якобы, вознес человека и тем научил его *гордиться*, но "в мире одного недостает, одному нужно устроиться – *послушанию*", – говорит Достоевский.

Воззрения на *первородный грех* у богословов разнятся, одни считают, что он состоит в том, что после вкушения плода человек обрел «половую любовь» и сопутствующую ей семью, стыд, народ и историческую жизнь, другие же видят весь грех человека в *ослушании* и в замене жития в раю в качестве листьев на Древе Господнем своевольной человеческой жизнью. И призыв к послушанию (как и призыв к безбрачию, они же не разделимы) проходит сквозь всю историю христианства.

Но если *первородный грех*, *призыв к покаянию*, *смирению*, *умалению гордыни* и *страху божьему* составляет сущность христианского учения помимо *ожидания конца света* и *воскресения*, то когда же Христос учил человека Гордыне?!

«Они станут робки и ...прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке... Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения... Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами... и они будут нам покоряться с веселием и радостью...».

...Общая же мысль этого места состоит в том, что весь размах страсти будет удален из человечества, людям будут оставлены лишь подробности и мелочи греха... Таким образом и неразрешимые противоречия истории, и непостижимые тайные движения человеческой души – все то, что мешает человеку жить на земле, – будет сосредоточено лишь в немногих, которые в силах выдержать познание добра и зла. Можно сказать, – история умолкнет, и останется только тайная история немногих великих душ, которой, конечно, никогда не будет суждено стать рассказанною.»

«И все будут счастливы, – заканчивает Инквизитор, – ...кроме сотни тысяч управляющих ими. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, – и за гробом обрящут лишь смерть.... Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они".»

7. Другой Христос и другое христианство

13 января, среда, канун Нового Года по старому стилю. Я чувствую себя несчастливым. Так я чувствовал себя не раз, но находил утешение. То я бежал к друзьям, с К. мы гуляли по зимним набережным и *распивали* маленькую у Калинкина моста на парапете. С Геной --ным ходили в баню и пили в буфете пиво, запивая водкой. С Галей ...вой гуляли, пили вино и целовались на скамейке в Летнем саду (и как же не забирала нас милиция? Хотя, правда, бегал однажды за нами милиционер, но вдруг она остановилась и поймала его в объятия. Он смутился, покраснел и забормотал извинения – ах, какие же встречались в то время милиционеры! И какие же встречались в то время красоти, которых не портила даже слава ...портила редко!)

И какое же, оказывается, было у меня несокрушимое здоровье, позволявшее не утонуть в окиян-море винного утешения пополам с невинными поцелуями!

Сегодня тоже хотели собраться мы для встречи Нового Года, но *не срослось* (как говорили мои соседи по камере).

Вероятно, утешусь завтра, судьба меня еще балует, не все плохо, хотя пить уже не могу, и если пью, то терплю наказание, но целоваться еще не умею, и рискую навлечь на себя ярость благонамеренного читателя, признаюсь, что надеялся целоваться сегодня. Правда, *не срослось* и с поцелуями...

Но хватит сердить читателя, продолжим чтение. И рассуждение тоже.

Мне давно уже кажется, что я сижу в Сумасшедшем доме, и каждый несет свою околесицу, которую не понимает никто. И *царь не настоящий*, как говорилось в чудном советском фильме времен моей молодости, и Христос выдуман и подменен. Ни разу не говорил Он о свободе в своих поучениях (кроме «Познайте истину и истина сделает вас свободными!») – прекрасные слова, и я им следую, именно поэтому не взваливаю крест на себя и не иду за Ним. Но не иду и за Тем, которого христиане превратили в Символ всего неприятного, во врага рода человеческого, хотя читаю повествование о христианской истории и вижу, что более христиан никто не постарался в мучительстве человека, прежде всего потому, что *христианство не только не от мира сего, но оно против мира сего!* Или кто-нибудь мне возразит?

Заканчивает Инквизитор свою речь следующими словами:

«Говорят и пророчествуют, что Ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими: но мы скажем, что они спасли лишь *себя*, а мы спасли *всех*. ... И я укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взывшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред Тобою и скажем: *суди нас, если можешь и смеешь*. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую Ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных Твоих, в число могучих и сильных с жаждой "восполнить число". Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили* подвиг Твой. Я ушел от гордых и воротился к смиренному для счастья этих смиренных.»

После сего Инквизитор обещает назавтра предать Христа казни и «среди глубокого безмолвия тесной сводчатой тюрьмы глядит на своего Узника и ждет Его ответа. Ему тягостно молчание и тягостен проникновенный и тихий взгляд, которым Он продолжает еще смотреть на него, как и во все время речи. ... Вдруг Узник приближается к нему и молча целует его в его бледные, старческие уста. "Вот и весь ответ"».

Далее Розанов говорит о своем впечатлении от "поэмы" Ивана Карамазова: «нас поражает необыкновенная сложность ее и разнообразие, соединенные с величайшим единством. Самая горячая любовь к человеку в ней сливается с совершенным к нему презрением, безбрежный скептицизм – с пламенной верою, сомнение в зыбких силах человека – с твердою верою в достаточность своих сил для всякого подвига; наконец, замысел величайшего преступления, какое было совершено когда-либо в истории, с неизъяснимо высоким пониманием праведного и святого. Все в ней необыкновенно, все чудно. Точно те зыбкие струи добра и зла, которые льются и переливаются в

истории, сплетая ее многосложный узор, вдруг соединились, слились между собою; и, как в тот первый момент, когда человек впервые научился различать их и начал свою историю, мы снова видим их нераздельными – и, так же, как он тогда, поражен ужасом и недоумением. Где Бог, и истина, и путь? – спрашиваем мы себя».

Читая историю движения *альбигойцев* на юге Франции, выдержавших двадцать лет войны против крестоносцев со всей Европы – тоже ведь христиане – поражаешься какой-то безумной абстракции содержания "поэмы", оторванности ее от истории и действительной европейской жизни; – но и сама история христианской Европы совершенно безумна! Три месяца я погружен в эту поэму, погружен в Розанова, Кьеркегора, в христианство и в попытки понять его смысл – но и предыдущие пятьдесят лет жизни в значительной мере привязывали меня к христианским проблемам – и сегодня я понимаю в нем менее, чем вначале. Это не значит, конечно, что я не понимаю его так же, как слабый ученик не понимает математическую задачу; это не значит, конечно, что я не понимаю его так же, как и сильный ученик не понимает слишком сложную математическую задачу... нет, я не понимаю христианство так же, как не понимаю и бессмысленную жизнь простого мужика из нашей деревушки, Вовы, у которого сгорела изба, пока он мылся в бане, который трижды разбил лицо об асфальт дороги, пока от соседнего села спускался на дорогу к деревне и пока я не догнал его и не поволок на себе – почему и зачем он пьет, живет впроголодь, имея хорошие руки, умея работать и имея огород, на котором все растет, ходит побитый (об углы и камни), грязный, неприглядный, оборванный и несчастный? Почему? А стать счастливым несложно. Начни помогать нуждающемуся, ребятишкам из твоего дома, из дома соседки, встреченным на улице, просящим или просто несчастным [не надо их только всех любить, всех не за что.] И я им помогаю. Немного, мало, эгоистично, лениво – и все же это помогает мне быть счастливым. И спасает и их.

А что дает христианство человеку, который приходит в храм? Оно его заводит в пространство неевклидовой геометрии, и он начинает ждать конца света, спасения души, вдруг отвращается от женщин (или от мужчин), наполняется духом и светом – но становится ли лучше? Милосерднее? Мягче, заботливее, нежнее, ближе? Нет.

В центре поэмы старик, присуждающий к сожжению сотни людей, и Христос целует его... Но это условный сюжет, условная философия, условное столкновение условных идей. Точно то же самое было при строительстве социализма...

Пытаюсь что-то понять в том сумасшествии, в которое втискивает каждого из нас сумасшедшая судьба, и нас губящая, и тех, кто ей сдается, и кто ей сопротивляется. Я еще маленьким мальчиком увидел ясно до боли: мы живем в лживом обществе, каждый из нас несвободен, общество несвободно, океаны слов назначены нас только обманывать. Почему же это видел я только один, хотя рухнул, в конце концов, Вавилон лжи, и все увидели правду – почему же никто не покаялся, не сознался? И снова все то же, все так же, и я также один....

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

1. Вступление

14 января, четверг, Новый год по старому стилю.

Люди либо друг другу помогают, либо безучастны, либо даже еще хуже. Становятся ли они лучше, уверовав в Бога? По-видимому, если вера их не опьяняет, они остаются те же, а при опьянении (точно так же, как и при винном опьянении), они то становятся мягче и ближе, то отталкиваются и суровеют. Становится ли лучше человек, вступая в партию и в комсомол? Комсомольцы моей юности иногда заряжались энтузиазмом общего дела, становились общительнее и расположеннее друг к другу, но это не зависело от той комсомольской веры, которую они принимали. Становятся ли общительнее и расположеннее друг к другу верующие в храм? Я этого не замечал, там, мне кажется, каждый наедине с самим собою и своим богом. Располагает друг к другу общее дело, общее увлечение, иногда общая принадлежность (как встретить земляка на чужбине или услышать в Европе русскую речь). "Общая вера" соединяет только сверху, как государственное дело, как крестовосцы соединены не верой, а воинским уставом и службой королю или папе, так же как инквизиция и монашеский орден (и вот пример: мягче ли горит костер, когда сжигают они сарацина, нежели еретика? И что возбуждает энтузиазм ненависти к *отщепенцам* – не принадлежность ли к общей вере? Так ли сегодня наше общество настроено против немцев, как ненавидит власовцев или тех белых, которые симпатизировали немецкому делу? И как недавно взвились наши "патриоты" против Мережковского и Тимофеева-Рессовского, великих писателя и ученого, оказавшихся за кордоном!)

Комментарии мои к Розанову вызываются чувством раздражения той *патокой неправды*, которая содержится даже не в лживой воле человека, а в ложной геометрии или *инобытийной геометрии*, в которой вычерчивается узор его мысли. В этой геометрии дважды два пять не потому, что высказывающий хочет нас обмануть, а что исходная аксиома противоречит человеческой природе, у них параллельные прямые пересекаются, а потому и таблица умножения набекрень. У них мир лежит во власти дьявола и человек – злое животное по природе, и начал свою жизнь с преступления (как о том говорит Иван Карамазов, начиная изложение своей "поэмы"), поэтому и требуется кровавая жертва и отрицание мира и жизни и смерть как начало какого-то непостижимого преобразования. Поэтому продолжаю распутывать эти странные якобы параллельные, хотя уже они мне давно очертели!

«*Потребность всемирного соединения* есть третье и последнее мучение людей [Нужно различать это "соединение" от "*всеобщего преклонения*" перед чем-нибудь человеческой совести, о котором говорилось раньше. ...ибо здесь говорится об их внешнем соединении, о согласной общественно-исторической жизни. Между этими двумя понятиями ... не тождество; соответствуя друг другу, как душа и тело, они суть части одного третьего – *всемирной гармонии человеческой жизни*].»

Что меня раздражает здесь? А то, что и здесь начинается с аксиомы, отвергающей без доказательства родовую любовь, семью, род и народ. Несть, якобы, отныне ни еллина ни иудея, а всё и во всё Христос. Но вся история Европы вопияла и вопиет, что есть только русский и немец, француз и англичанин, но нет не только *всечеловечества*, но даже европейца как метафизического целого – это мы видели только что, на наших глазах, в Югославии, при бомбардировке их европейцами и при их взаимной резне.

Христианство не только ненавидит сей мир, но всё ненавидит в мире, даже церковь, и ее пуще всего, потому что как мусульмане резали в Косово христиан, так католики православных по всей Югославии, да и по всей Европе, а равно и протестантов и всех прочих (как и те не всегда оставались в долгу) – да и католиков тоже католики резали, об этом же и Легенда.

Так что **нет никакой «потребности всемирного соединения»**, сколько бы ни мечтали о сем христиане и их дальние родственники коммунисты! А в России действительно и необходимо только соединение русских на основе спасения народа и родины (и всех в ней народов тоже – но без спасения русского народа и остальные пропадут).

2. Истина, добро и свобода как основания человека. Истина

О, кажется, Розанов берется за ум, не только опьянение верою, но и философское умозрение проявляется изредка в нем: «кто может, видя падение и низость своего века и негодование возвода в право, сказать клевету на *всю человеческую историю* и отвергнуть, что *в целом своем* она есть чудное и высокое проявление если не человеческой мудрости (в чем можно сомневаться), то бескорыстного стремления к истине и бессильного желания осуществить какую-то правду?»

«Но и фактами высоты человеческого духа... нельзя разрешить вопроса, какова именно природа человека, к которой, как к узлу своему, восходят эти ряды столь противоположных, взаимно отрицающих друг друга, явлений...»

«Устраняя смешанные и противоречивые факты истории, как бы снимая нарост их с человека, можно взять его природу в ее *первозданной чистоте* и определить ее необходимое соотношение с вечными идеалами, стремление к которым никогда не может быть заподозрено: с *истиною*, с *добром* и *свободою*. В сознании человека что *предшествовало* одно другому – *ложь* правде или *правда* лжи? Вот простой вопрос, ответ на который кладет начало непреодолимому разрешению и общего вопроса о всей человеческой природе. Мы не можем здесь колебаться: *ложь* сама по себе есть нечто *вторичное*, она есть *нарушенная правда*, и ясно, что прежде, нежели нарушиться, *правда* уже *должна была существовать*. Она есть, таким образом, *первозданное*, от начала родившееся; *ложь* же есть *прившедшее, появившееся потом*. Ее происхождение все в *истории*; происхождение же правды в *самом человеке*.»

Наконец-то я слышу речь не христианского *послушника*, а философского мужа! И далее Розанов, как прилично философу, объясняет, что истина исходит из природы человека, а *ложь* только из внешних *принуждений*.

«Истина безотносительна; это есть простое и нормальное взаимодействие между разумом человека и миром, в котором живет он».

«...как мир целен, так может быть цельное миросозерцание, т. е. система гармонически соединенных истин; напротив, ложь не может быть устроена ни в какую систему, и особенно в такую, в которой и принципы построения были бы ложные» – если философ и ошибается, то не из-за предвзятости (которую он грешил до сих пор), а из-за нецельности самого мира. Коммунистическая система Платона ложна, хотя она может быть приемлемой в качестве военной казармы, так же для казармы и военизированного общества годится система марксизма. И ложь в той и другой системе не в ложной связи их отдельных положений, а в исходном отношении к человеку. Человек – не подчиненная деталь мироздания, а его центр, его сущность или, по крайней мере, венец мира (или *венец творения*, если согласиться, что человек сотворен Богом).

Точно так же и религиозные системы ложны в главном: они Бога делают смыслом мироздания, а человека – рабом Божиим.

«Чистая мысль, в абстрактной своей деятельности, может создать только благое; и всякая наука и философия, насколько они не изменяют природе своей, – благи и совершенны перед человеком и перед Богом. Смещение областей мышления и чувств, искажение первого вторым или второго первым порождает все зло, какое когда-либо могло поднимать ропот даже и на свою природу, сетовать на слишком большую глубину сознания или на неустойчивость страстей своих.»⁽⁴⁾

Напротив, когда области эти не извращены вмешательством друг друга, они являются нам как чистые от зла. Рассмотрев первую из них, область мышления, мы перейдем ко второй.»

3. Истина, добро и свобода как основания человека. Добро

«Тонкая, искусительная и могучая диалектика его (инквизитора) так и начинается, как она должна была начаться. Он называется "клеветником", – с клеветы на человека и начинается его речь.

Человеческая природа – есть ли она в основе своей добрая и только искажена привнесенным злом?»

«*Чувство* в первоначальной природе своей стремится ли к *доброму* и причиняет его, или оно стремится к *злomu* и ищет его? Вот вопрос, ответ на который продолжит начатое нами обнаружение первоначальной природы человека.

Жажда причинить другому зло есть всегда *ответная*, и она вызывается страданием, перенесенным от другого. Таким образом, характер *дурного чувства* так же необходимо *вторичен* и *произведен*, как и характер лжи. Как невозможно представить себе, чтобы первый человек, взглянув на природу, *солгал* о ней, так нельзя допустить, чтобы тот же первый человек, ощутив около себя второго и уже каким-нибудь образом зная, *что такое боль и страдание*, захотел бы его *подвергнуть* им.»

Так о чем мы толковали (или что мы *толкли* в нашей общей ступе) на протяжении 260 страниц, обвиняя человека в *первородном грехе*, который и состоял в трансцендентной порче мира и порче природы человека? Не жалея ни себя, ни читателей, ни престарелого инквизитора, ждущего нас у костра?

4. Истина, добро и свобода как основания человека. Свобода

«Относительно третьей стороны человеческой природы, *воли*, вопрос о ее первоначальной чистоте или испорченности разрешается исследованием: находится ли она в соответствии с последним великим идеалом, к которому может стремиться человек, – *свободой*. И здесь мысленный опыт дает ясное разрешение. Свобода есть внешняя деятельность, соответствующая внутренней, и она является осуществленною вполне, когда первая без остатка есть следствие второй. Ясно, что, если бы человек мог быть разобщенным с прошедшим и окружающим, его внешняя деятельность, которая, однако, должна иметь свою причину, могла бы иметь ее только во внутренней психической деятельности, т. е. *его воля вне посторонних влияний безусловно свободна... умаление человеческой свободы, ее подавленность или извращение, идет не изнутри его природы, но извне*. Стрдание, ... сопровождающее это чувство подавленности, и здесь указывает на истинный характер этой стороны человеческого духа.

Истина, добро и свобода суть главные и постоянные идеалы, к осуществлению которых направляется человеческая природа в главных элементах своих – *разуме, чувстве и воле*. Между этими идеалами и первоначальным устройством человека есть соответствие, в силу которого она неудержимо стремится к ним. И так как идеалы эти ни в каком случае не могут быть признаны дурными, то и *природа человеческая в своей первоначальной основе должна быть признана доброю, благою.*»

Ибо именно человек – мера всех вещей, истины и лжи, добра и зла!

Конечно, это не значит (как у Маркса), что *Бог подчинен человеку*. В Бытии Бог существует преимущественно как Образ, ибо присутствует в нем только своими эманациями. Он не часть бытия, так как *представляет Собой Сверхбытие*, а человек живет, любит и страдает в бытии и именно в нем находит цели своей любви и страдания.

Ошибка христианина та же, что и ошибка патриота. Этот любит родину раболепной, нерассуждающей любовью, он не защитник родины, а ее раб, и в рабство пытается обратить и всех нас, потому что не может любить иначе в силу своей рабской природы. Так и христианин пытается привести нас к своему Богу на веревке, как лишь блеющих баранов – и так смотрит на нас, *свободных людей*, всякий христианин.

Розанов, вместе с Достоевским, исходит из предвзятой идеи, что Христос принес и подарил нам свободу, и только католическая церковь эту свободу у нас отбирает. А православная всячески нашу свободу пёствует.

Почему это меня раздражает до злости? Потому что все здесь неверно, – но уже хватит, уже тысячу раз говорено... Ибо дело в том, что **христианство ненавидит свободу!**

Давайте, господа философы, установим это не в философском словопрении, а спросим у ста православных, *полагают ли они, что человек должен быть свободен и что именно Бог гарантирует ему эту свободу, а не требует от человека послушания* (как требует прежде всего послушания монастырский устав и как призывает к послушанию батюшка в храме)?

Да по мнению многих и первоначальный грех состоял в **Ослушании запрета**, и искупление греха и должно состоять в **Послушании** (а не в своеволии)!

5. Истина, добро и свобода. Противостояние

«Иго мое *благо* и бремя мое *легко*», – сказал Спаситель о своем учении. Действительно, исполненное высочайшей правды, призывая всех людей к единению в любви, оставляя человеку свободно следовать лучшему, оно всем смыслом своим отвечает глубочайшим образом первозданной природе человека и будит ее снова сквозь тысячелетний грех, который обременил ее игом тягостным и ненавистным. Покаяться и последовать Спасителю – это и значит снять с себя ненавистное "иго" ...»

"*Благо* ли Его иго и *легко* ли Его бремя", узнаем мы позже, продолжив чтение Кьеркегора, ибо при всей *христианской* верноподданной (а потому и лживой) *философии* (ибо я, наконец, их верноподданной аксиоматике противопоставляю свою, по крайней мере, не высказанную на коленях, и заявляю: Аксиома первая – "*не существуют социалистические таблицы логарифмов или они абсурдны!*") Розанов не благонадежен, он пытается иногда философствовать и рассуждать и исходит из рассуждения, а не из веры, и потому он христианин всего лишь *посторонний*, но *не подлинный* (согласно Кьеркегору), он всего лишь как "бабушка, которая зажгла в храме свечку и попросила у Бога милости и стало ей легко", как он пишет, и умиление бабушки противопоставляет всякой науке и культуре (забывая о тех, которых помазывают маслом, ведя на костер, и о тех, которым не достаточно этого умиления зажженной свечкой. Мне часто становится легко, и в филармонии, и перед печкой в вечернем доме, и перед вечерней зарей, на которую я смотрю, восторгаясь благодатью Божьего мира. Аксиома вторая – религиозную радость испытывает и иудей, и мусульманин, и огнепоклонник, и человек культуры, но не только христианин, да и человек – не только христианин – ибо христианские монологи таковы, что все мы, остальные, ничтожества и недочеловеки, и только они, прочитавшие однажды в детстве Новый завет – вдохновлены и одухотворены.)

«Призывая всех людей к единению в любви»... и таковы все его рассуждения, представляющие из себя нагромождения придуманных псевдохристианских положений. И нас, воспитанных на религии социализма, учили и дурачили так же, и мы заучивали в школе слова Ильича, обращенные к молодежи, "учиться, учиться и еще раз учиться", и думали, что "дедушка Ленин" хочет видеть нас образованными, но слова отнюдь не образованного и отнюдь не благого *дедушки* звучали так "учиться, учиться и еще раз учиться *строить коммунизм*", и христианство "призывает людей к единению в *любви ... к Христу*"... или ты, читатель, думаешь, что любовь – и любовь к Христу – это одно и то же?

"христианское учение будит первозданную природу человека сквозь *тысячелетний грех*, который обременил ее *игом тягостным и ненавистным*" – что здесь *христианство*? Первозданная природа еще в раю была *повреждена* гнусным послушанием Евы (и это подтвердит любой *батюшка*), и из-за этого мы мучаемся, и для искупления и пришел Христос и был распят... Под *тысячелетним грехом* имеется в виду тот грех, который был навязан *первозданной природе* католической церковью? «Покаяться и последовать Спасителю – это и значит снять с себя ненавистное "иго"» – примкнуть к альбигойцам? Или

уйти к лютеранам? Я тут не при чем, господа, пусть инквизиция разбирается с вами! Как видите, одного абзаца великого философа (и он действительно велик, но невозможно одновременно быть философом и христианином!) достаточно для обвинительного заключения на массовое сожжение еретиков, и тех, кто пишет, и кто комментирует, и тех, кто читает, но не доносит.

«Здесь и лежит **тайна** нравственного перерождения, совершаемая Христом в каждом из нас, когда мы обращаемся к Нему всем сердцем. Нет иного слова, как "свет", "радость", "восторг", которым можно бы было выразить это особенное состояние, испытываемое *истинными христианами*.»

Но зачем были его 150 страниц (а затем еще тридцать томов сочинений), и уже и моих третий том, если все так просто?

Я тоже хочу понять и разгадать **тайну**: что именно случилось с нею, когда она вдруг поняла, что моя любовь преступна, и *испытала особенное состояние, которое выражается в словах "свет", "радость", "восторг"*. Но тайну разгадать Розанов мне не помог, и я, наконец, начинаю понимать, почему. *Особенное состояние* возникает у человека по многим поводам, чаще всего, когда он влюбляется. Тогда он тоже испытывает "свет", "радость", "восторг", и в этом состоянии почти ничего не может делать, почти прекращается жизнь. К счастью, что-нибудь происходит, он становится несчастным (и это не так уж плохо, не намного хуже, чем "свет", "радость", "восторг") или река восторга вырывается из теснин и течет ровно, человек еще счастлив, но уже может жить.

Но если "свет", "радость", "восторг" испытываются "истинным христианином" (например, Розановым) при встрече с Христом – то нам необходимо знать, что происходит с ними после этого? И очень плохо, что он об этом не пишет, так как умолчание снижает и отменяет доказательный пафос всего его текста. Или то, о чем мы теперь говорим, так и происходило, и именно это состояние и должно объяснять суть всего нашего обсуждения и спора, или ... или и весь текст, и все высокопарные фразы – только выпренные слова... И ни "свет", ни "радость", ни "восторг" Розанов не испытывал, врет.

Кроме того – действительно ли у Розанова речь идет об *истинных христианах* (по Кьеркегору)? А не путает ли он с ними себя и "старушку"?

6. Исторические направления христианства. Три судьбы

Далее Розанов отмечает особенности истории и христианской истории у разных европейских рас, католичество он относит к романским народам.

«Пренебрежение к человеческой личности, слабый интерес к совести другого, насильственность к человеку, к племени, к миру есть коренное и неуничтожимое свойство романских рас, сказавшееся в великих фактах Римской империи, французской централизации, в наступательных войнах католической реакции и первой революции, в ордене иезуитов, в инквизиции, в социализме [идеи Фурье, Сен-Симона, Кабе, Луи-Блана и др., ... как республика Фабиев и империя Августов была романскою попыткой объединить человечество *правом*, так Католицизм был романскою же попыткой объединить его в религии, и социализм является стремлением, зародившимся также в романских расах, – объединить его на экономической основе. ...цель

романского духа остается одна на протяжении двух тысячелетий, т. е. всего их исторического существования. Всегда и повсюду... народы, почуявшие в своих жилах римскую кровь, шли на другие мирные народы, чтобы, не заглядывая глубоко им в душу, заставить их принять формы своего мышления, своей веры, своего общественного устройства. Безжалостность к человеку и неспособность понять его, вместе с великою способностью устройства человечества, сделала народы эти как бы цементом, связующим в великое целое другие части, иногда неизмеримо более ценные, ... Ни что само по себе великое, истинное или святое не произведено романским гением [как Кювье подпиливал кости, чтобы сложить из них первобытного человека, так Розанов подпиливает факты, чтобы уложить их в предвзятую мысль, ибо литература и философия Франции не меньше германской]; кроме одного – связи между всем великим, истинным и святым, что создано было другими народами, Иные народы ...непреодолимо приковываются к этим цивилизациям, к этой Церкви, науке, литературе. ... гасят свой высший гений, и идут, и сливаются с чудным зданием, вековечным, всевозрастающим, холодным, но и прекрасным.»

«С этим стремлением к универсальному неотделимо слилось у романских рас непонимание индивидуального, как бы слепота к нему,...

Варфоломеевская ночь ... Члены одной и той же семьи истребляли друг друга, чтобы были одинаковы французы; как три века спустя, за другие принципы и с такою же жестокостью, члены Конвента истребляли отличных от себя людей во Франции, а потом и в собственных недрах своих, *чувствуя тень всякого отличия в убеждениях – как преступление.*»

«Дух германской расы, наоборот, повсюду и всегда, что бы его ни занимало, устремляется к *частному, особенному, индивидуальному,*

«Мир религиозных сект, отсюда выросших, это странное исповедание Бога по-своему чуть не в каждой местности, без какого-либо желания согласовать свою веру с верою других, есть в сфере религиозного сознания то же, чем был ранее в сфере общественно-политической феодализм.

«странное желание делать повсюду центром своих понятий и интересов личное я, как нечто безусловное, что ни с чем не согласуется, но с чем должно согласоваться все другое.

«третий великий факт, внесенный германскою расою в историю, – ее особый способ воззрения на природу, ее философия – есть также только последнее этого направления души. Как в сфере религиозной, как в сфере политической, так и здесь, в умственной области, собственное я было признано высшими выразителями этой расы за источник норм, граней и связей, какие мы наблюдаем в природе. ... "Разум диктует свои законы природе", "мир есть мое представление", он есть "развитие идеи, мною сознанной".

«Слова великого Гердера, что *"каждое время и каждое место живет для себя самого"*, открыли истинную эру в понимании истории, указав на мир индивидуального и своеобразного, который должен быть познан в ней. ...этим словам, обнимающим смысл того, что жило и умерло, отвечают слова [Канта], обращенные к совести всего живого: "Смотри на *всякого*, себе подобного, как на *цель*, которая никогда и ни для чего не может быть средством".»

7. Итог христианской истории и призвание русского человека

«Нам остается отметить еще последнюю черту этой "Легенды": ее отношение к великим формам, в которые уже вылилось религиозное сознание европейских народов. ... Строго говоря, в ней только мелькают имена христианства и католицизма; но из первого взято для критики только *высокое понятие о человеке*, а из второго – презрение к нему и страшная попытка сковать его судьбы и волю индивидуальной мудростью и силой.»

Но где он его нашел – "*высокое понятие о человеке*"? Не презирал ли Иисус Назаретянин человека, что не сближался ни с кем кроме блудниц, рыбаков и грешников, и с родными не перемолвился ни одним словом, и даже в узком кругу один из учеников оказался предателем, а другой – малодушным отступником, трижды за одну ночь отказавшимся от Учителя?

И все человечество, вместе взятое, не могло выработать никого, достойного спасения, кроме ста сорока четырех тысяч праведников, о которых говорится в Апокалипсисе, "*по двенадцать тысяч от каждого из двенадцати колен Израилевых*", но отнюдь не из романских, германских и славянских народов и племен – **кто** же спасется из тех, о которых шел спор в Легенде? Которых столетиями истребляли за ничтожные отклонения в букве от Новейшего Завета Христа? **Никто!**

«Вот уже более двух веков минуло, как великий завет Спасителя: "Ищите *прежде* Царствия Божия, и все остальное приложится вам" – европейское человечество исполняет наоборот... в основе этого [несомненно] лежит тайное, вслух не высказываемое сомнение в божественности самого завета... интересы государства, даже успехи наук и искусств, наконец, простое увеличение производительности – все это выдвигается вперед без какой-либо мысли о противодействии им; и все, что есть в жизни поверх этого, – *религия, нравственность, человеческая совесть*, – все это клонится, раздвигается, давится этими интересами, которые признаны высшими для человечества. *Великие успехи Европы в сфере внешней культуры* все объясняются этим изменением. Внимание к внешнему, став *безраздельным*, естественно углубилось и утончилось; последовали открытия, каких и не предполагали прежде, настали изобретения, которые ...вызывают изумление в самих изобретателях. ...но слишком же понятно и другое, что с этим неразъединимо слилось: постепенное затемнение и, наконец, *утрата высшего смысла жизни*.

«... Никакая общая мысль не связует более народов, никакое общее чувство не управляет ими, – каждый и во всяком народе трудится только над своим особым делом. Отсутствие согласующего центра в неумолкающем труде, в вечном созидании частей, которые никуда не устремляются, есть только наружное последствие этой утраты жизненного смысла. Другое и внутреннее его последствие заключается во всеобщем и неустержимом исчезновении интереса к жизни.»

Итак, Розанов признает "*великие успехи Европы в сфере внешней культуры*", но, мол, они привели к "*утрате высшего смысла жизни*", – а эпоха жестоких Религиозных войн, Крестовых походов (в том числе и детей), Инквизиции, чумы и холеры, дикости и невежества, *низведения человека до скота, годившегося лишь на убой*, было **вершиной** и венцом христианской истории!»

«Внесение гармонии в жизнь и в историю, соединение красок и полотна в живую картину – вот что *не выполнено* человеком на земле и чего так страшно недостает ему. Недостает "пальмовых ветвей" и "белых одежд", внутреннего мира и радости, чтобы благословить Бога, свою судьбу, благословить друг друга и всякое дело рук своих.»

Но, однако, невозможно сознаться, что все стамиллионные жертвы, все великие подвиги, все неисчислимые страдания во имя "majorem gloriam Dei" [*взящей славы Господней*] привели лишь к бесславному и печальному концу, который надо отвергнуть, поэтому философ вдруг рисует радужную картину **высокой русской духовности**: «Ничего нет у нас, ни высоких подвигов, ни блеска завоеваний умственных, ни замыслов направить пути истории. Но вот перед вами бедная церковь, вокруг рассеянные, около нее группирующиеся домики [крытые соломой, с маленькими окошками]. Войдите в нее и прислушайтесь к нестройному пению дьячка [ну откуда же *стройное пение*, когда «ничего нет у нас»?] и какого-то мальчика, Бог знает откуда приходящего помогать ему. Седой высокий священник служит всенощную. Посреди церкви, на аналое, лежит образ, и неторопливо тянутся к нему из своих углов [так и возникает картина (передвижников) какой-то *в углу лежащей России*, о которой у Тютчева "Эти бедные селенья, Эта скудная природа – Край родной долготерпенья, Край ты русского народа!"] несколько стариков и старух. Всмотритесь в лица всех этих людей, прислушайтесь к голосу их. Вы увидите, что то, что уже утеряно всюду, что не приходит на помощь любви и не укрепляет надежду, – *вера* – живет в этих людях.» [*«Россия, нищая Россия...»* – А. Блок.]

«То *сокровище*, без которого неудержимо иссыкает жизнь, *которого не находят мудрые*, которое убегает от бессильно жаждущих и гибнущих, – оно светится в этих простых сердцах; и те страшные мысли, которые смущают нас и тяготят мир, очевидно, никогда не тревожат их ум и совесть. Они имеют веру и с нею надеются, при ее помощи любят. Что в том, что дьячок невнятно читает на клиросе молитвы: но он *верит смыслу их* [*не понимая этот смысл?*], и те, которые слушают его, нисколько не сомневаются, что за этот смысл он умрет, если будет нужно, и внидет в царство небесное; как и все они умрут и по делам своим примут мзду, к которой готовятся.

«С этим покоем сердца, с этою твердостью жизни могут ли сравниться экзальтация протестантизма и всемирные замыслы великой и гибнущей Церкви? *Уныние в первом, тоскующее желание во второй* не есть ли симптомы утраты чего-то, без чего храм остается только зданием и толпа молящихся – только собравшеюся толпою?»

Вот она, квинтэссенция русского христианства – «*Блаженны нищие духом!*» И что же такое русская история – только ли противостояние: тупого бессмысленного блаженства – и героических исканий гордого человека?

Жестокая эпоха Петра Великого, Разинщина и Пугачевщина и «*бессмысленный и беспощадный русский бунт семнадцатого года*» разрушают умильную картину христианского философа, да и собственная его мученическая смерть от голода и холода в Троице-Сергиевой Лавре – изумительно символический **бесславный конец** великой поэмы, прореченной им христианству!!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

АРХАИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

1. Вступление

16 января, вечер субботы. Может быть, еще повоюем...— и в русскости, в русском государстве, в Российской империи и даже в нынешней Федерации (если теперь, все же, еще не агония, если Бог вмешается и предотвратит гибель России, которую с яростью и ненавистью спешат уничтожить до основания временщики, обгадывающие ее уже почти столетие) — удастся найти и романскую *универсальность*, и германские *основания личности*, и тот дух *гармонии*, который видит в славянстве и в православии Розанов.

Начиная Записки, содержание которых сводится к комментариям тех философов, которые взялись исследовать «Легенду об инквизиторе» Достоевского, я намеревался не столько критически разобрать их исследования, сколько соединить на своих страницах плеяду выдающихся русских писателей и философов, каждый из которых хотя не забыт, но которые еще более поучительны вместе, в собеседовании и споре: Достоевского и Владимира Соловьева, Данилевского и Страхова, Константина Леонтьева и Розанова, Бердяева и Лосского, Мережковского и Павла Флоренского — с присоединением и нескольких современных имен, показывающих неразрывность русской философской традиции: Налимова, Евлампиева, Г. Г. Мурикова. Итак, "Круглый стол" русской философской литературы — вот что было моей основной философской задачей. Но так как русская философия одним боком прилипла к христианству и христианской истории, а другим к европейской философии, то естественным образом к разговору оказались приглашены и преподобный Игнатий Брянчанинов, и протопоп Аввакум, и блаженный Августин и еще более блаженный Иероним, и несчастный Кьеркегор, и невозмутимый Кант, и Гердер, и Гете и Фихте и Гегель. Неравенство возникло отчасти случайно, Розанов начал говорить первым и высказался наиболее полно, но он счастливым образом соединил в себе христианскую историю, русскую философию и литературу, соединил, иногда сумбурно, и весь основной круг идей, которые волновали русскую мысль в последние пятьдесят лет перед геологической Революцией.

Вот почему моя Книга оказалась почти только изложением Розановских рассуждений. Но пора с Розановым проститься, просят слова и другие выдающиеся философы. Только еще несколько страниц, нельзя расстаться, не попрощавшись.

2. Архаическое сознание

Прежде чем расстаться с Розановым и выслушать других, быть может, имеющих собственное, иное, выбивающееся из исторической христианской колеи, видение судеб мира, пройдет еще более столетия исторического, научно-философского, житейского и трагического духовного опыта, отчасти продолжающего прежние судьбы, отчасти их дьявольски перемежающего и перетворяющего.

Воздвиглись каторжные дома и тюрьмы, еще невиданные в истории, в которые сгонялись миллионы. Переселялись и уничтожались не только тьмы людей, но целые слои общества; не только слои, но и целые народы. Разжигались не только костры для десятков и сотен людей, но и гигантские печи для сотен тысяч. Та нетерпимость к инакомыслию, которая пропитывала философию и литературу христианских народов, теперь устраивала их быт и жизнь. Дом превращался в казарму, казарма в государство, *государство превращалось в церковь*.

Возросли неимоверно масштабы гонений, хотя формы их были те же, что в Средневековье: **«Часто казнили тех, кто НЕ выдавал еретиков – были и такие, несмотря на повсеместный ужас... Казнили родственников. Казнили знакомых. Казнили по доказательству. Казнили по подозрению – подозрение тщательно проверялось... Но казнили и тех, кто не сознавался, если судьи считали, что есть основания для подозрений.»**

В наше время Было все то же, что и в давние времена, только хуже. Но главное оставалось совершенно тем же: лицемерие, страх как основание любви, презрение и ненависть к человеку, противопоставление человеку более высокого идеала чем он – если тогда это были церковь и Бог, то теперь партия и народ (которые, конечно же, были едины, как едина с богом была и его церковь).

Десятилетиями я пытался понять механику и психологию того единства в сознании, которое отличало и христианское общество и коммунистическое и посткоммунистическое в России, и запугивался в различиях.

И только в последнее время, отвлекаясь от философских, партийных и богословских рассуждений, прислушавшись к тому, во что верит, как верит и размышляет обычный повседневный человек, я начал кое-что понимать.

Я вдруг увидел, что есть что-то общее во всех формах сознания, не поддающихся критическому осмыслению и анализу, и есть общее у этих форм сознания с *бессознательным, подсознательным*, со спутанностью сознания, характерною для психических отклонений.

Я вдруг прислушался к разговору-спору двух человек, которые никак не могли понять друг друга.

Речь шла о последней Отечественной войне России с Германией, о чрезмерных жертвах, принесенных на алтарь Победы, о Блокаде, голоде и миллионах умерших от голода, а затем и о предшествующих десятилетиях, безумных репрессиях против народа в целом, повлекших за собою миллионные жертвы и ослабление России пере войной.

С.: Я не хочу вспоминать о Блокаде, мои родители о ней никогда не говорили, и я думаю, что говорить не надо. Кто умер, тот уже умер.

В.: Но ведь мы же вспоминаем наших родных, которые просто умерли от старости или болезни, ходим на кладбище, поминаем их.

С.: А этих не надо помянуть. У нас был музей Блокады, он был уничтожен, руководители блокадного города были расстреляны, о блокаде было запрещено говорить, кто говорил, тех сажали.

В.: Зачем было нужно уничтожать музей и память о жертвах?

С.: Чтобы Трумен не ездил в наш блокадный Музей и Запад не спекулировал на наших страданиях.

В.: Но ведь были виновные? Если не надо помнить о жертвах, то нельзя ли было задуматься о виноватых? И не только в голоде, но и в неподготовленности к войне, в несправедливых расстрелах?

С.: Если бы не расстрелы, мы не уничтожили бы Троцкого, не уничтожили бы оппозицию, не соединили бы народ в один кулак, и не победили бы!

В.: Такою ценой?

С.: А это неважно. Значит, иначе было нельзя. Если бы иначе было возможно, то было бы иначе. У меня у самого погибло пятнадцать человек из родни, некоторые доносили на близких. Ну и что? Время было такое, по другому мы жить не могли.

В.: Но ведь *и у времени бывают причины*, были причины у Революции, у Гражданской войны, были причины уничтожения миллионов крестьян.

В.: Нет, причин не было. Или их никто не знает. И даже если и были, то я их знать не хочу. Что мне толку знать причины разрушения города во время землетрясения, когда погибают все? У меня заболело горло, я простыл. Раньше я думал, что виноват холод, теперь я знаю, что виноваты вирусы или бактерии или микробы. А может быть, иммунитет. Но мне это ничего не дает и не меняет последствий. Поэтому лучше не спрашивать, что за причины у бедствий, таких как война, как блокада, как коллективизация, тем более что сегодня мы тем более ничего не можем изменить в нашем прошлом.

В.: И все же, не стоит ли подумать о том, что, возможно, Сталин не все делал правильно, это поможет лучше понимать то, что происходит сегодня, что-то изменить в действиях нынешних народных вождей?

С.: Сталин все делал правильно. И сегодня все делается так как надо. Наши враги заинтересованы в том, чтобы подорвать наше сплочение, нашу веру, они сеют рознь и сомнение в наши ряды. Когда армия идет в наступление, не должны солдаты роптать на командиров. И в Евангелии не зря сказано, что **всякая власть от Бога**. Или ты думаешь иначе? Тогда ты с антихристом, а не с Христом.

Итак, есть два типа сознания. У них разный способ смотреть, видеть и размышлять. Разный смысл в жизни, разные цели. В одном случае человек живет верой в Христа, живет для Христа, с Христом сверяет, что правильно, что неправильно, что добро и что зло, что красиво и что безобразно. В другом случае человек живет для себя, самого себя делает критерием Истины.

Следовательно, надо выбирать между Христом и самоотвержением с одной стороны – и приверженностью к самости, к эгоизму, к поставлению самого себя в центр мироздания с другой.

Но ведь при проверке расчетов при строительстве дома, пытаюсь возразить я, мы сверяемся с математическими формулами, но не с Христом?! И в плавани на корабле сверяемся с компасом. И даже когда идем по дороге ночью в кромешной тьме, берем палку и ею ощупываем дорогу.

Так и римские войска были победоносны, пока полководцы не были христианами, а как они приняли христианство, то проиграли все свои войны.

Вот почему Розанов вспомнил о войне в Лангедоке. «С этим стремлением к универсальному, – пишет он, – неотделимо слилось у романских рас непонимание индивидуального, как бы слепота к нему, – неспособность всмотреться в его природу или пожалеть его страдания. Слова римского легата, говорившего воинам: *"Убивайте всех, Бог на Последнем Суде отделит католиков от еретиков"*, были сказаны, быть может, с слишком большою задумчивостью; по крайней мере, по хроникам с точностью известно, что крестоносное ополчение, двинувшееся на Лангедок, было одушевлено таким высоким религиозным духом, оно было так серьезно, что всякое наше желание принять эти слова за циническое кощунство – должно быть оставлено. Учение Кальвина, распространявшееся трудно по Франции, грозило ей гораздо меньшим, чем Германии пламя, зажженное Лютером; и, однако, Варфоломеевская ночь вспыхнула именно в ней. Члены одной и той же семьи истребляли друг друга, чтобы были одинаковы французы».

3. Основное противостояние

Отношения людей определяются множеством причин, действующих в обществе, в государстве, между сословиями, между людьми. Право, закон, традиции, любовь, ненависть, "звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас". История определяется тоже множеством причин, в том числе волей государей, полководцев, "волей народов" (хотя далеко не всегда ясно, каким способом она проявляется), волей сословий, церкви, партии... возможно, в истории действует и воля Бога.

В обыденной жизни человеком руководит воля к жизни, на войне он стремится совершить подвиг или исполнить приказ.

Религиозное, вступая в мир и жизнь, изменяет логику бытия, евклидову геометрию переменяет на неевклидову. Но и война и воля государства влияют на человека, изменяют мотивы или изменяют поведение. Поэтому невозможно спорить в рамках единой логики спора – ее нет. Даже нравственность, тот "нравственный закон внутри нас", который Кант полагал действующим так же неотвратимо, как "закон всемирного тяготения", действует не всегда.

Поэтому я не спешу возразить Розанову, **не** негодующему на слова Римского легата об убиении всех, ибо (как он полагает) *«крестоносное ополчение, двинувшееся на Лангедок, было одушевлено высоким религиозным духом»*. И что же, он был *вправе приказать убить всех*? И на Страшном суде (по христианской логике) будут судить не легата и не христиан, а будут отделять католиков от еретиков? Если истина в Боге, и если Бог выше добра и зла, и если история совершается не только по человеческой воле, но и по воле Бога, то одна геометрия определяет «Преступление и наказание», Раскольникова и Сонечку Мармеладову, и совершенно другая – Великого инквизитора и Христа?

И христианская история и не христианская, например, история советской России (или СССР) определяются разными рядами воли и побуждений. Многие мои современники пытаются относиться к миру и жизни, руководствуясь одновременно двумя диаметрально противоположными логиками – христианской и марксистской, и не понимают, почему это неправильно...

Основное противостояние сегодня не между Россией и Европой, не между Исламом и Европой, а между двумя геометриями, между двумя типами сознания. Каким из них руководствоваться? Которое из них определяет истину? Правильно – взять крест и пойти за Христом (может быть, вслед крестоносцам, *убивающим всех*), или правильно любить женщину, семью, народ, культуру, руководствоваться *милосердием* прежде всего (а, следовательно, руководствоваться чувствами, основание которых в собственной душе)? И даже более того: *Бог вне человека или внутри?* И «царствие Божие внутрь вас есть» – или же оно у церкви, у папы, у богословов, у философов, у *батюшки*? Руководиться ли чувствами, теми, которые исходят из души, определяются "разгорячением крови", как говорит Брянчанинов (призывая проклятья на такие чувства) или руководиться духовной любовью к Богу?

Я вдруг понял, что *нравственность*, происходя от термина *нравы* (то есть обычай, верования, примеры, привычки, определяющие поведение народа или социальной группы) относится только к человеку [понятия *этический* и *этика* образованы Аристотелем на основе слова *этос*, обозначавшего некогда привычное место обитания, а потом уже просто привычки, нрав, характер, темперамент, обычай]. но не может быть ни природной определенностью, ни религиозной. Заповеди Моисеевы только освящены религией, но не определяются ею, тем более христианские заповеди, лишь кратко и узко повторяющие ветхозаветные. В христианстве собственная нравственность, как и в любой религии, *безнравственна*, смыслом и целью любви и жизни является Бог, а он над нравственностью. Религия – это миф, повествующий об отношениях человека и Бога, в его центре не может быть ни добра ни зла, ни правды ни лжи, ни истины ни заблуждения, ибо они относятся только к философии и к миру людей, в центре же религии Бог. Религия – *не о человеке*, поэтому она *без-человечна*, а потому и *без-нравственна* (не в том смысле, в каком безнравствен человек, совершающий плохой поступок, а как безнравственна химия, физика и математика: религия *ВНЕнравственна*).

Но в той степени, в которой религия и церковь определяют поведение человека и историю, они вынуждают человека к безнравственным поступкам, а потому в конечном счете они безнравственны. Обычный верующий, посторонний, естественный *человек*, не руководствуется, конечно, требованием Христа взять крест и пойти за Ним: он остается в семье и в обществе и *руководствуется* правилами и законами общества и государства (*нравственностью, обычаями и правом*).

Но современная история уже не определяется христианской церковью, но волей государей, полководцев, "волей народов", сословий, партий... только отчасти, возможно, волей церкви и волей Бога. Упрощенно говоря, не принимая во внимание общество, партию, церковь, религиозные чувства как менее существенные, можно сказать, что поведение человека определяется *нравственным законом внутри* и *волей государства вне* – особенно ясно это на войне и в армии. Именно поэтому *История*, как христианская, так и современная, уже нехристианская, не *определяется* моралью, требованиями общества (в том числе и церкви), пацифистскими движениями, философскими и научными доктринами, но *силой и принуждением*.

4. Различные логики и различные пространства бытия

Вот почему не понимают друг друга два человека, ожесточенно спорящие в электричке или автобусе, не понимают друг друга христиане и еретики, сектанты и коммунисты, мент и вор, муж и жена, дети и родители, подростки и учителя. Церковь навязывает обществу свою логику, опирающуюся на архаическое сознание, но невозможно унифицировать всех, ибо и типов архаического сознания несколько, они отличаются в соответствии с возрастом, происхождением (национальным и социальным), полом, образованием, характером и уровнем духовной свободы [кстати, философия вкладывает в понятие "духовный" не религиозный смысл, не "относящийся к Богу", но "относящийся к философской культуре"].

Судьба мне благоприятствовала, она поставила меня в отношение к человеку отчасти как учителя к ученику, отчасти как редактора к пишущему, что позволяет мне слышать, видеть, вдумываться, понимать и даже поучать. Спорю я с читателем, которого не вижу, да скорее всего, спорю я не с читателем, ибо тот, кто меня читает, преимущественно "из моей стаи", моей крови, к тому же, мне удастся даже учить и исправлять (тех, кого я редактирую). Но в разговорах со своими товарищами редко мне удастся кого-либо внятно-либо убедить, *все они турки, хотя родители у них русские* – и меня осенило снова: не только в том мы расходимся, что у них сознание архаическое, но и в том, что все типы архаического сознания иррациональны в том же смысле, в котором иррационально инобытийное сознание, в частности, сознание человека с измененной психикой, мышление которого определяется *сверхценными идеями*, ярко выраженными *доминантами*, предвзятыми *выводами* и *аксиомами*. Нельзя сказать, что все они сумасшедшие – нет, напротив, в бытовом отношении сумасшедшим чаще могу показаться я, со своими сегодня уже тоже архаическими представлениями о чести, о совести, долге, сострадании, а прежде всего, со своим странным взглядом: ко всем вещам и явлениям прикладывать меру истинного и неверного, доброго и злого, красивого и безобразного, нравственного и подлого (или непорядочного), умного и глупого, осмысленного и бессмысленного, приличного и неприличного, высокого и низкого. Все эти определения я считаю не относительными, а абсолютными, словно бы составляющими особую систему "Истины, Добра и Красоты", не приложимыми к вещам и явлениям по изменчивому настроению, а являющимися Абсолютной Мерой, измеряющей мир. Но тогда и человек не совсем мера всех вещей и явлений, раз он сам измерим? (хотя, все же, эта мера *антропоморфна*, она относится не к Богу, а к человеку, к его сущности и его культуре).

Возможно, эта Абсолютная Мера и участвует в эволюции и формировании мира и человека, соединяя со случайными изменениями целесообразную волю, она определяет и то, что природа не только хаотична, но и красива, разнообразна, изменчива, дана в помощь всему живому и созидает живое... Так, геологические процессы на земле все целесообразны, а не абы как; все созидается, что нужно и что еще может нам пригодиться.

Абсолютную Мету можно символически представить как свойство

Творческой энергии Божества, создающего бытие, Его Силы. Созидая мир, Бог не часть мира, не внутри пространства и не внутри времени, само время создано Им. Он и не в Сверхбытии, ибо Он и есть Сверхбытие.

Что в человеке в наибольшей степени является отпечатком Абсолютной Меры? – очевидно, это **совесть!** И закономерен вывод, который делает мыслящий и гордый человек (но не раб Божий): **Абсолютной Мерой** необходимо измерить все, и вселенную, и природу, и каждого человека, и самого себя, и каждый миф, а, следовательно, и те *образы Божества*, которые отражаются в мифе. Это единственная точка зрения, которая может примирить мистика и атеиста: боги созданы человеком, они – герои эпоса и мифа, в большей или в меньшей степени приближающиеся к подлинности, как зарисовки художника, проплывающего на корабле мимо далекой скалистой Земли, окутанной туманом, в большей или в меньшей степени отвечают тому, что этот туман скрывает.

5. Свобода

Человек не свободен быть собой. Более того – о, ужас! – человек и *не свободен быть!* Слова Канта: "Смотри на *всякого*, себе подобного, как на *цель*, которая никогда и ни для чего не может быть средством" – слишком чрезмерны по отношению к человеку, который иногда напоминает искру, отлетающую от костра. Успеваем ли мы ее заметить? А ее уже нет, она погасла. И хотя боги к нам милостивы, летят и те искры, которые мы успеваем заметить, но все же человек не только не свободен, но сама встреча с ним призрачна, случайна, почти чудо. Как много встреч, о которых мы думаем, что они не нужны, что они нас обременяют, тогда как, быть может, нужные нам встречи, единственные необходимые, без которых жить невозможно, могут вовсе не случиться? Но стоят и те скамейки в саду, на которые мы садимся вдвоем, а я сетую, что она уже не придет. Я слишком самолюбив, я не благодарен судьбе, не благодарен *ей*, я высоко ставлю себя самого, словно только я – цель, а всё остальное – средство для моего возвышения. Но кое что искупляет мою вину: все таки я останавливаюсь около всех искр, которые летят в мою сторону, все таки я иду со всеми прохожими, которые предлагают мне пройти с ними, все таки весь ненужный надоедливый утомительный мир случайного я не отвергаю, никому не говорю, что мне некогда, что я стою бóльшего, что мне не до них. Может быть, только за это судьба ко мне снисходительна и дарит чудо, иногда оно кратковременно, но от этого не менее чудесно и выразительно, даже если оно только мгновенно, как в строках Александра Блока: «Дорога долгая легка, Когда блеснет в дали дорожной Мгновенный взор из-под платка».

Что же такое свобода и о какой свободе мы спорим?

Разумеется, Бог пренебрег «хлебом», в котором нуждался человек, высокомерно отвечая, что «не хлебом единым он должен жить», стоя выше всякой житейской нужды, даровав только онтологическую свободу верить в Него или не верить, – но зачем философия пренебрегла этим «хлебом»? И парадоксально, что лишь жестокий инквизитор снизошел до насущной нужды человека, обещая его накормить и сделать счастливым, отнимая свободу.

6. Но на чем успокоить сердце?

Но снова приходится вернуться к Розанову: «Сознание недостаточности тех идеалов, которые преследуются другими расами, всего более может сосредоточить наши силы на собственном. Мы должны, наконец, понять, что все неисчислимо *страдание*, которое несет человек в истории и благословляет его, потому что оно дало ему будто бы "познание добра и зла", в действительности несется все-таки напрасно, и он так же далек от этого познания, как и тогда, когда впервые протянул к нему руку. Непереступаемые границы, которыми определен он и связан, дают ему только просвет к этому познанию, тревожащий его и дразнящий, но через который никогда не суждено ему взглянуть прямо на солнце правды. И мы должны также понять, что неустанное стремление "соединить рассыпавшееся стадо" человечества только разделило его непримиримую враждою, и она всегда становилась тем яростней, чем страстнее и насильственнее были самые попытки к соединению. Поняв это, мы сознаем, как обманчиво то величие, к которому влекся человек в своей истории. Смирив свой дух, мы увидим, что его задачи на земле ограниченнее. Перестав вечно обращаться мыслью и желанием к чему-то далекому, мы снова почувствуем полноту сил, возвратившихся к нам из бесплодного скитания. И мы пойдем, как только произойдет это, высоту тех задач, которые ранее казались нам так незначительными и неинтересными. Мы пойдем, что успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску – это больше и выше, нежели сделать самое блестящее открытие или удивить мир ненужным подвигом. Подвиги наши станут к нам близки, они сведутся к утишению той скорби, которую залил себя мир в своих бесплодных стремлениях. И одновременно с тем, как покорится наша гордость, возрастет наше истинное достоинство. Поняв слабость своих сил перед великими целями, мы перестанем бросать человеческую личность к подножию их. Мы не будем более громоздить страдание на страдание, чтобы подняться на высоту, откуда нас видели бы самые далекие народы и будущие времена. Мы пойдем абсолютную значительность человека, пойдем, что радость и свет в его сердце, на каждом отдельном лице – есть высшее, лучшее и драгоценнейшее в истории.»

Блаженные слова! Сто десять страниц восторга и блаженства и счастья самопожертвования ради возвышенных идеалов, и жертвования в том числе и всеми "несоединившимися рассыпавшимися стадами" – и восторга и блаженства жестоких и безжалостных, пренебрегающих человеческим счастьем, пренебрегающих человеком и его свободою – и наконец, прозрение: надо же, наконец, «понять абсолютную значительность человека, понять, что радость и свет в его сердце, на каждом отдельном лице – есть высшее, лучшее и драгоценнейшее в истории!»

«Осуществление и развитие этой гармонии в жизни вовсе не создается как высшая задача человека на земле.»

Благословляя идеалы Христа, благословив религиозный идеал крестносцев, умиляясь словам римского легата, приказавшего резать всех без разбору, католиков и еретиков (и это, конечно, ужасно – но неужели было бы

не ужасно а восхитительно, если бы резали раздумчиво, отделяя плевелы от ржи, как советовал «сладчайший Иисус» – выражение Розанова), он вдруг догадался, что европейская история была напрасно, что миллионы загубленных жизней загублены зря, что не осуществилось ни «стремление к универсальному, составляющее самую общую и самую постоянную черту Католической церкви, ни стремление к индивидуальному, особенному, составляющее коренную черту Протестантизма». Напрасна кровь, напрасны страдания, миллионы костров и проклятия, обращенные к небу! [А мы не догадываемся, что в последние минуты перед смертью, сгорая на костре, терпя нестерпимые муки, человек поневоле принужден обратить проклятия и к небу, а не только к земле? И в этом отношении удивительно, что евангелие не только безжалостно к человеку, требуя от него отказаться от всех радостей, но оно безжалостно еще и потому, что пренебрегает его мучениями, а в особенности физической болью! Нигде Христос не пожалел человека за боль. Он его обвиняет, но никогда не жалеет. Он его страшит огненно геенной – но никакое общество не сжигало человека живьем, кроме христианского!! И это потому, что именно Евангелие повторило не раз, что загнанный член надо отсечь, чтобы не страдало все тело. Вот с помощью костра и отсекали – ведьм, еретиков, алхимиков, математиков и астрономов. Философов и поэтов.]

Но Розанов вдруг прозрел, он догадался, что «миллионы загубленных жизней загублены зря». Bravo, Василий Васильевич!

Но как исправить сию неудачу? Может быть, наконец, надо поразмышлять, надо перечитать Библию, прочитать Лейбница, Ньютона, Вольтера? Увы, нет, выход все тот же, универсальный: девятнадцати веков не хватило, это мы пытались идти путем католическим, путем протестантским, надо пойти путем православным.

А каким же путем шла Россия? Или это был не совсем христианский путь, теперь мы обновимся? Или у нас, в отличие от Европы, было все хорошо, и не были в рабстве девять десятых всего населения, крепостные крестьяне, в том числе на службе у церкви? И не церковь была крупнейшим владельцем душ христиан?

Как удивительны христианские речи! В них слова и о Боге, и о свободе, и об истине, и о том, что надо искать царства небесного, все же остальное приложится – но нет ни слова о барщине, об оброке, о телесных наказаниях крестьян и солдат, о голоде, который терзал время от времени богатейшую страну мира, о бесправии, а даже и о бесправии самих господ, которые часто бывали неправы тоже (перечти хотя бы Дубровского, счастливый слепой христианин!).

И все же «потому так упорно каждая Церковь противится слиянию с которою-нибудь другой, что ...не в догматах только, но во всем своем внутреннем сложении, в каждой черте своего характера, она есть нечто глубоко своеобразное и совершенно особенное от прочих церквей. И это потому, что *жизнь*, которая бьется в них, *бьется в каждой по особому типу*.»

Так что же, не гроб посреди христианства, как вы говорили, Вас. Вас--ч?!

7. Ни на чем не успокоится сердце!

Пустыми «заботами мы силимся наполнить пустоту, которая образуется в нашей душе с утратой веры».

Розанов объясняет, что речь Инквизитора в легенде – это «не то, что мог бы подумать человек о Злом Духе, его подстерегающем, но что мог бы сказать о себе сам Злой Дух».

«Алеша, только еще растущий, бессильно поднимающий руки к небу, – истинное олицетворение малого ростка в огромном гниющем семени жизни – как бы разбит и подавлен этим мощным исповеданием зла, признаниями "умного Духа пустыни, Духа смерти и разрушения"».

Как бы растерянный, не находя ни в чем опоры, он хватается за свое сердце, за ту *жизнь*, которая в нем бьется, законов которой он не знает – и знает, однако, что она хороша. **В непостижимой силе и красоте жизни, нам данной и нами благословляемой, но и непостижимой для нас, таинственной, он находит эту опору против Злого Духа».**

Как я и ожидал, спор наш совершенно развратился, он стал бессмыслен.

Христианство – это великое восстание против жизни, это **поэма ее отрицания и ненависти к ней!** – и неужели я мало привел из Нового Завета свидетельств этой ненависти и этого отрицания?

А что говорят блаженные? Например, Иероним?

«Мы окружены великими полчищами неприятелей; весь мир полон врагами.

«Пока мы живем в сем тленном теле, пока мы имеем сокровище в скудельных сосудах и плоть желает противного духу, а дух – противного плоти, до тех пор нет верной победы. *Противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить.*

«Не пришел Спаситель мир принести на землю, но меч.

«если после претерпенной наготы, постов, голода, темницы, бичеваний, мучений апостол, обратившись к себе, восклицает: Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? – то ты ли считаешь себя безопасной?

«Дерзновенно говорю: Бог все может, но не может воздвигнуть девицу после ее падения. Он может избавить ее от наказания, но не пожелает увенчать лишенную непорочности.

«Сказано: Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Итак, девственность погибает и вследствие мыслей.

Если же эти девы не спасаются телесной девственностью от наказания за свою вину, то что будет с теми, которые растлили члены Христовы и превратили храм Святого Духа в блудилище?»

И так далее...

Не надо, господа христианские философы, переиначивать гимн смерти в гимн жизни! – в чем вы увидели осанну жизни? Да вы читали ли Новый Завет?!

«Прилепленные к жизни, даже "не понимая ее смысла", мы непреодолимо начинаем думать, что есть в ней нечто неизмеримо более глубокое, нежели тот *жалкий смысл*, который мы хотели бы в ней видеть».

«Преодолевать эту тьму, помогать этому свету – вот все, что может человек в своем земном странствии и что он должен делать, чтобы успокоить свою встревоженную совесть, так отягощенную, так больную, так неспособную более выносить свои страдания.»

Итак, чем заключает Розанов разбор Легенды Достоевского?

Жалкий смысл жизни, встревоженная совесть, отягощенная и больная, неспособная более выносить свои страдания – вот всё, с чем человек имеет дело... и не творчество на благо культуры, не радостный труд для возвышения семьи и Отечества, не подвиги, не научные открытия, не Любовь, не забота о страдающих, не помощь слабым – нет, только попытка успокоить свою больную совесть! **Христианство – лишь неотвязное зеркало скорби, которое привязывает человек к своей больной душе.** Чем оно может помочь доброму, заботливому, талантливому и работающему, совесть которого не больна? Впрочем, Христос и сказал, что **Он пришел только к больным...**

Но и «цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше!» – говорит Достоевский, не знаю, что опровергая... Но что выработало в человеке христианство, если все вокруг так плохо и никак не становится лучше? Или оно и не обещало ничего выработать? Да, не обещало. Только после смерти... А если и там окажется... А мы тем временем даже эту единственную, данную нам для подвига, для вразумления, для любви и помощи хотя бы тем, кого любим, жизнь – «проспали во гробе», по завету апостола Павла?

Возражая против «*устроимости природы человеческой рационально*», Достоевский в "Записках из подполья" спрашивает: "О, скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что **человек потому** только делает пакости, *что не знает настоящих своих интересов?*..."

Но зачем же во «Сне смешного человека» он сказал: «Люди в раю живут, да не знают, что в раю живут?»

Опять этот «человек», который то подл, то делает пакости, то ничтожен, то зол, то... А дело все в том, что этого человека нет! Одни из нас злы, другие добры, третьи влюблены, четвертые мечтают застрелиться. Роман показывает нам и одних и других и третьих... Но как только романист начинает философствовать, он делит мир надвое: Бог и Человек. Бог свят, человек подл, да к тому же Ева... да еще и Змей... и Торквемада... и Савонарола... и Игнатий Лойола... и преподобный Игнатий...

«По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уж наверное хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с спокойною совестью истреблял **кого следовало...**» [М-да... Я не стал ни хуже, ни гаже, и мои близкие ...]

«на свете есть еще законы природы; так что все... поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам».

Ну, успокойтесь, Ф.М., не будут расчислены. Но прав ли и Христос, говоря, что «у вас и волосы на голове все сочтены!»?

Далее Розанов приводит возражения Достоевского мыслителям, отрицающим свободу воли... так я и не знаю, возражать ли христианам, повелевающим жить по воле Господа и как батюшка скажет, т.е. тоже ее отрицающим?

И очень много, горячо и убедительно Ф.М. доказывает, что лучше жить глупо, плохо и бездарно, но *по собственной воле*, чем благоразумно, но подчиняясь законам природы, ибо «человек не фортепианная клавиша»!

Не понимаю, кто ему сказал такой вздор, что надо превратиться в «фортепианную клавишу», но что почти все богословские сочинения, а во многом и Новый Завет утверждают, что *надо покориться воле Божией*, что все преступления и страдания оттого и произошли, что Ева *ослушалась* и захотела *по своей глупой девичьей воле пожить* – это несомненный факт!!

И в Интернете христианские сайты забиты проклятиями человеческому *своеволию* и призывами превратиться в лист на древе Господнем и сидеть уж там (или висеть) не шелухнувшись!

Кто же тогда сам Ф.М.? *Певец послушания или певец своеволия?*

Если он воспекает послушание и смирение, то он христианин, если же своеволие, то именно "Искуситель" ему друг и товарищ, ибо сей-то и искусил Еву послушаться запрета Божия, уговорив поступить по собственной (глупой, как ее называет Ф.М.) воле.

Сначала меня его рассуждения раздражали, так как я не помню, кто бы это проповедовал превращение в фортепианную клавишу, но потом я вдруг подумал, что нет ли в его рассуждениях для меня надежды? Если и человек, уже совсем обузданный воображаемой социальной наукой и правилами природы и арифметики (по Ф.М.) может вдруг возмутиться и послать все эти правила к черту, только бы *по своей воле* разок свободно вздохнуть, то вдруг и она, "бесконечно приближающаяся к Богу" и ставшая уже листом на Древе Его, опомнится и, как и Ева когда-то, пожелает "своего"? Так ведь она сразу же упадет с сего Древа, а тогда ее ветер может взнести из рая, а тогда и у меня будет надежда где-нибудь на скамейке в парке однажды, уже не чая, её найти? А возражая устроителям научного блаженства, в котором пропадает воля человека, Достоевский восклицает, что если уж совсем знание его опутает, то "человек *нарочно сумасшедшим на этот случай делается, чтоб не иметь рассудка и настоять на своем!*" О, Федор Михайлович, прощаю тебя за все!

И нам можно надеяться, когда *вера совсем нас опутает*, и мы прирастем к Древу Господню бессловесным и безвольным листом, вдруг, в крайности, сойти с ума. А какая у сумасшедшего *вера*? Такая же, как и знание, то есть безумная, и с дерева мы упадем, и тем обретем надежду из райского сада оказаться в саду, где растут земные деревья, стоят скамейки, и парочки прогуливаются и садятся на них и даже иногда обнимаются! О, Ф.М.! Я уже собирался её позабыть насовсем навсегда! Но, может быть, еще не спешить с забыванием? Еще капелька надежды и у меня остаётся? Только бы сойти нам с ума одновременно, чтобы мы не потерялись ни в том ни в этом саду, и узнали и бросились друг другу в объятия?!

«Может быть, человек *любит не одно благоденствие?* – спрашивает Ф.М. – Может быть, *страдание-то* ему ровно *настолько же выгодно, как и благоденствие?* А человек иногда любит страдание, до *страсти, и это – факт.* ... Страдание, – да ведь *это* единственная *причина сознания.*»

Достоевский, в 1876 году, в окт. номере "Дневника писателя": «Через Бога

только можно любить живую человеческою любовью, – не уважать, не почитать, не признавать достоинства, но *любить*.» – трудно возражать всем подобным аксиомам, например, некто говорит: "Бог всеблаг"... Не приведешь ведь в свидетельство собственный опыт, только придется сослаться на таких же, которые утверждают неопровержимо, а если сошлешься на вменяемого, то от него легко отмахнуться, он, мол, Бога не любит, не знает, ангел сатаны...

Итак, "любить можно только через Бога".

Очевидно, опирается эта аксиома на тех, кто верит и любит Бога и с ним соприкасается и, может быть, даже "живет с Богом".

Кого же эти еще могут любить, кроме Бога? Маловероятно, что они любят женщину, но предположим. Женщину любят многие, Дубровский любил Машеньку, Рогожин – Настасью Филипповну, Гамлет любил Офелию. Блаженный Иероним, возможно, любил Евстохию, так настоятельно призывая ее к *девству* (а иначе какое бы ему до нее было дело?) Но если любить можно только через Бога, то любил только Иероним. Ах, ужасная это была любовь, не завидую я Евстохии!

Маловероятно, что те, кто "живет с Богом", любят детей, но предположим. Тогда подлинно любят детей девы-монашки, никогда их не рожавшие, ибо те, кто рожал, и жил с мужьями – нет, мало доверия, что они своих детей любят через Бога, а вот монашки – да, только через Бога и могут любить, но я не доверил бы им воспитание тех, кого родил сам.

Любят, возможно, некоторые женщины мужчин. Возможно, именно они любят их через Бога. И в это я поверить могу, потому что в женской *живой* любви я начал сомневаться, в любви по-женски, по человечески... ну а по божески... что ж, возможно... Только нужна ли мне такая любовь? Нет, спасибо, оставьте себе, лучше уж я совсем без любви проживу, чем с такою, – с ладаном, миррой, под пение ангелов, без плоти и без души (надеюсь, вы усвоили уроки Игнатия Брянчанинова, и плоть и душу уже успели распять?)

Да и вообще, я подумал, не буду больше с христианами говорить о любви, от их любви мне что-то становится нехорошо, недостойн я их любви, да и разговоров их не достоин, пусть они разговаривают с достойными...

Замолкаю...

И зачем я вовлекся в это бесконечное почти обсуждение с христианскими писателями – обсуждение чего? Уже перестал понимать: есть ли жизнь за гробом? у христиан нет и не может быть жизни даже и перед гробом. Могут ли они любить? Но женщинам не разрешает любить *батюшка*, а мужчины... да, иногда мужчины могут любить, когда женщины их сводят с ума. Был влюблен и Федор Михайлович в Полину, и Василий Васильевич в ту же Полину, и поскольку мне очевидно, что он написал что-то стоящее только благодаря ей, благодаря тому, что *она его притекла*, и *церковь его притекла*, не давая развода, и *жизнь его иногда притекала* – только благодаря всему этому он кое-что написал толковое, из чего я заключаю, что и Ф.М. написал толковое только благодаря ей: и «Игрока», и «Идиота», и отчасти «Братьев Карамазовых»...

Но и писать о христианах и думать о них мне уже давно утомительно.

Они мне не только не интересны, но с ними почти невыносимо. Представим себе, что я спорю не с Ф.М. и В.В., а сидят за столом апостол Павел, Августин Блаженный, Блаженный Иероним, преподобный Игнатий, Кьеркегор, Савонарола, Торквемада, Игнатий Лойола, Ксения Блаженная и Мария Египетская. А лучше бы даже в одной камере. И на семнадцатой минуте я бы повесился. Уверен, что с ними еще хуже, чем сидеть с наркоманами, с которыми я выдержал отсидку почти полгода. Есть одно качество в человеке, которое почти не упоминается писателями, не перечисляется среди нравственных добродетелей и черт характера: **лёгкость**. Как ни удивительно, несмотря на то, что я бываю раздражен, как теперь, зол, утомлен, навязчив, самонадеян, – но я человек *лёгкий*, это многие отмечали, и даже не злой, и многие хотели сидеть в одной камере именно со мной, а христиане – преимущественно угрюмые, тоскливые, елейные, постные, смиренные (перед Богом), нетерпимые (перед людьми), да и не большого ума, а какого-то ограниченного.

В. В. интереснее – но и то потому, что не выдерживает своего христианства, вспоминает Полечку, и оживает...

Надо мне с христианством "завязывать", как уже *завязал* я с питьём.

Но возвращаюсь к Розанову, чтобы с ним попрощаться: «Древний Рим первый родил идею *всемирного единения людей* и первый думал ...практически ее выполнить *в форме всемирной монархии*. Но ... идея всемирной *римской монархии* *заменилась* новым идеалом *всемирного же единения во Христе*. Этот новый идеал раздвоился на *восточный*, то есть идеал *совершенно духовного единения людей*, и на *западноевропейский*... *Римско-Католическое воплощение идеи совершилось по-своему, утратив свое христианское, духовное начало и поделившись им с древнеримским наследством ...»*

Пророков в нашем русском отечестве не нашлось. Вместо христианского идеала осуществился социалистический идеал **духовного подавления людей**, впрочем, не намного хуже того, который был в России до века Екатерины, до Радищева и Вольтера, до Карамзина и Державина, если смотреть не только на период террора, от семнадцатого года до пятьдесят третьего, но и на "оттепель", и на "застой" и на "застолье", и даже на убудочную перестройку. В Европе же была попытка возродить Древне-Римскую империю Германского народа, но империя рухнула, почти похоронив русский народ, который ценой своей гибели не дал ей достроиться – зачем?

Достоевский: *"Если папство когда-нибудь будет покинуто... правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма и соединится с ним воедино. Папа выйдет ко всем нищим пеш и бос и скажет, что все, чему они учат и чего хотят, давно уже есть в Евангелии, что до сих пор лишь время не наступало им про это узнать, а теперь наступило – и что он... отдает им Христа и верит в муравейник. Римскому католицизму ...нужен не Христос, а всемирное владычество: "Вам-де надо единения против врага – соединитесь под моего власть: ибо я один всемирен из всех властей и властителей мира, и – пойдем вместе"*.

Но рухнул не Запад, рухнула последняя Восточно-Римская империя, наследница Византии, только не в форме *православной духовной империи*, а в форме империи антирусской, антиправославной, атеистической.

И снова Розанов [Евангелие от Иоанна]: «Иисус говорит ему [Петру]: *"Паси овец Моих*. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел, а когда состаришься, то прострешь руки твои и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь". И, сказав сие, говорит ему: *"иди за Мною"*».

Вот начало авторитета ("паси"), против кого напрасно волнуется Достоевский, – авторитета единоличного, исключительного, а вовсе не "соборного" (славянофилы), так как не всем апостолам (в куче) были сказаны столь знаменательные слова. Если на более кратких и промежуточных (по ходу речи) словах о скопчестве основалось неустойчиво столь универсальное явление в христианстве, как *монашество* и *идеал безбрачия*, то можно ли представить границы, до которой развилось и еще разовьется это слово, да ещё и сказанное ... перед самым вознесением на небо! ...Критика Достоевским Католицизма поэтому ничтожна; не в смысле определения, в чем его сущность, но борьбы против этой сущности. Церковь была, есть и останется златоглавна, верхоглавна и никогда не станет "стадом" Шигалева; она авторитетна, иерархична, пирамидальна: а пирамида имеет *вершину*. Лепет Достоевского о каком-то им открываемом "подлинном христианстве", "чистом православии", – как будто в тысячу лет оно не выразило и не определило себя! – есть в сущности реакция к старому и "славному" славянству, ...стихийному, доброму, с распушенными губами, ...заплетающимся языком ...к старому началу "Велеса" и "Даж-бога", на Западе окончательно выметенному, а у нас по нерадивости духовенства еще сохраняющему кой-где и кой в чем силу. Все это "неприличие" старого язычества и хочет вымести Шигалев-папа, – дабы "устроилось едино стадо и един пастырь", царство "не от мира сего", но, однако, потому и *царство* – что оно господствует *над* "миром сим", слабым, греховным, злым, "диавольским", "Велесовым"-Карамазовским. Еще Достоевский говорит, что "для веры в Бога надо иметь *почву* под собою, почву нации, семьи, отечества". Для "веры" в какого это Бога? В "Велеса" – конечно! А для Христа? "Ныне уже ни эллин, ни иудей, ни мужеск пол, ни женский, ни обрезание, ни необрезание, но все и всяческая и во всех Христос". Христианство *вне-земно, вне-отечественно, вне-семейно*. Как Д---кий не разобрал всего этого! "Уморим желание", "Шекспиру долой голову" – зачем так грубо? Мальчишка-Шигалев и не достиг ничего грубостью. Но ведь идея, например, "старчества", кротко руководящего, и заключается в совете: "Принеси мне свою голову, а вместо нее надень на плечи мою". Ничего этого не разобрал Д---кий!

Ах, Василий Васильевич, а что ж ты сам-то *ленетал* так долго, целых 135 страниц, о праведном православии в отличие от неправедного католицизма, об Истине, подаренной Христом человечеству и искаженной папством? Слово наше христианство принесло России рай, а тамошнее Европе – ад?

Да нет существенных отличий у нас от них, один Новый Завет, одни Отцы церкви, одна вера! И одно бесправие и рабство человека, неужто не видел?

Достоевский: «И, наконец, если б даже предположить эту сказку об устроенном наконец-то на земле человеке на разумных и научных основаниях – возможно, и поверить ей, поверить грядущему наконец-то счастью людей, – то уж одна мысль о том, что *природе необходимо было ... истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья*, – одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна!» – это критика Достоевским идей научного и социального прогресса и мечты о более гармоничном устройстве жизни на идеях этого прогресса. И все в этой фразе лживо! «*природе необходимо было ... истязать человека*» – разве *природа его истязала?*!

Истязали «человека» инквизиция (то есть церковь), феодалы, короли, крестоносцы. Природа ли двадцать лет вела войну против Альбигойцев? Природа ли развязала «Столетнюю войну» во Франции? Природа ли судила и сожгла Жанну Д*Арк? И не христианская ли это церковь? – сколько бы ни лепетал Достоевский об искажении Инквизитором христианского учения?!

И не православная ли церковь, долженствующая, якобы, возвестить миру истину, сожгла Аввакума, уморила голодом боярыню Морозову, обратила в крепостное рабство четверть российских крестьян?

И если человек (ну, хоть не всякий, но гордый, жаждущий свободы и счастья!), после двадцати веков *истязаний* надеется и стремится хоть отчасти переменить к лучшему рабское, лживое и пошлое общество, то недостойно великого писателя добивать этого человека клеветой на его философские и социальные иллюзии! Тем более, что христианское учение запретило даже мечтать об изменении мира, но только смиренно ожидать конца света... или истязаниями *спасть свою душу* (которую евангелисты призывают *распать!*).

Розанов: «Идея бессмертия не относится к числу доказуемых, т. е. для нас внешних, нами усматриваемых идей; но благодатно она дается или не дается человеку, как и вера, как и любовь. Нельзя доказать любовь ... еще менее можно, выслушав доказательство, действительно полюбить... Доказуемо для человека лишь второстепенное, "прочее", что *так* или *иначе* существует, – ему безразлично, истина их существования есть для него предмет любопытства. Что *нужно* ему, чем *жив* он – дано ему с жизнью, как легкие с дыханием, сердце с кровообращением. Есть люди, предназначенные к жизни, – они чувствуют бессмертие души, знают о нем; есть обреченные, без Бога, без любви – они темны к нему. И, кажется, между первыми и вторыми нет общения, и доказательства как средства такого общения – исключены, ненужны. "Я жив, бессмертен; ты этого не знаешь о себе? Итак – умри, мне остается только похоронить тебя!" 1894.

«"Легенда" обращается против творца своего... Из похвалы, восторгов, умиления (в сущности) она переходит... в Бог знает что. "Моя *осанна* сквозь горнило испытаний прошла", – записал он перед самой смертью в своей "Записной книжке" и в скобках указал на "Легенду". Но "горнило" то не очень было выверено, слишком патетично и без оглядок: и "осанна" выходит как-то с кашлем, и даже ее вовсе не слышно, а видно только, что человек старается, заслуживает... почти получает, что нужно, в руку и все же может выговорить только "благодарю покорно", без всякого "ей, гряди>". 1901 – 1906.

А с кем же ты сам, В.В., с богом и церковью или с человеком?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ИСЧИСЛЕНИЕ СПАСЕНИЯ

1. Переведу дыхание...

18 января, понедельник, около полуночи.

Евреи. Все о них беспокоятся. *Русофобы* боятся, что русские их начнут притеснять – словно их в России когда-нибудь притесняли (не будем поминать «черту оседлости», от которой образованная часть еврейства только выиграла, и так называемые «еврейские погромы»: в мемуарах подсчитывается количество разбитых окон в еврейских лавках, а вот Тихонравов рассказывает о погромах в 14-м году немецких магазинов – но из этого никто, почему-то, не сделал национальной трагедии); антисемиты боятся, что евреи их обглодают (как об этом писал и Розанов); и только я призываю к размышлению.

Итак: в России бывают и зима и лето, и зимою бывает чрезвычайно холодно, так что даже немало народу мерзнет, иногда и до смерти. Но еще никто не предлагал проектов перестройки зимы в лето или изгнания зимы на ее "историческую родину" – в Лапландию. *Но ничего не делать тоже опасно, поэтому надо утепляться.* Что до евреев, то и в отношении их что-нибудь полезное можно сделать, и для себя и для них. Есть явления в мире, которые существуют всегда, и мир пока из-за них не рухнул. Всегда были евреи, всегда были цыгане. Тысячу лет существуют русские, и если они вдруг перестанут существовать, то спросить надо с них самих, в метафизическом смысле ни евреи ни немцы существенной роли, сами по себе, не играли. Так же не камень виноват в том, что он нам попадает в голову, когда попадает...

Но моя книга посвящена другим темам, поэтому я вспомнил о евреях случайно, только потому, что вспомнил об отношении к ним Розанова, весьма противоречивом – как и к христианству.

Розанов писал и о «Понимании», и в связи с этим я также скажу несколько слов: *понимание* похоже на то, что в темной комнате мы зажигаем свет. Ничего в ней не меняется, но в то же время может существенно измениться наша жизнь в ней – к лучшему. Вот так мне понимание во многом помогало, хотя не удавалось преодолеть причины плохого и создать причины хорошего – но иногда даже почти в безвыходной ситуации изменялись причины и вслед за ними следствия благодаря *пониманию*.

Жаль, что я не понял еще, что такое **любовь**; еще меньше, почти ничего не понял о **вере**. Если пойму хоть отчасти и в них кое-что, то кое что изменится в моей жизни к лучшему.

2. Последние замечания Розанова

Розанов заканчивает свою «Поэму» о «Великом инквизиторе, Христе и Достоевском» так: «Достоевский нарисовал соблазнительную легенду о том, как злые люди, мучители и обманщики, "пожалели людей", когда к ним отнесся "великолепно, как Бог" (слова "Легенды"), Тот, Который так и этак поступил с ними, но в основе, по Достоевскому же, "поступил с ними *как бы и не любя их вовсе*"... .. В "Легенде" Достоевского все так сплелось, что "злые

люди" более жалеют человека, чем "добрый избавитель" их: это его собственные слова, его собственный тезис; хотя он на всем протяжении "Легенды" именно принижает их и возвеличивает Его. Странно: пошляки люди, в Бога не верят – а друг друга жалеют. "Избавитель" же величественный такой, и люди под ним – как мокрый песок: и ступить не на что. Пишет он, далее, что "избавитель" до того был смиренен, до того смиренен, что не захотел для себя ни *чуда*, ни *тайны*, ни *авторитета*: оставил людей "свободными", полагаясь на "свободную их любовь". "Не *обольщал* их совести". Так на Востоке нами, русскими, по преемству от смиренной и тихой Византии, и понято, и принято... А католики, "соединившиеся с Злым Духом и отвергнувшие Христа, *вопреки ему* основали религию на *тайне, чуде и авторитете*". Это собственные все слова Достоевского: так что Православие, по нему, есть чистый рационализм..., и отвергает с отвращением *чудо, тайну и авторитет*, сии дары "умного Духа пустыни"... "Ты не захотел *чуда*: ибо что же за вера при *чуде*" и проч., "захотел их свободной любви". Удивительно! Достоевский забыл, что Христос ужасно много творил *чудес*: насытил 5-ю хлебами 5000 народа, претворил воду в вино, укрощал бури, исцелял хромых. В конце концов он даже прямо сказал: "Если бы *такие чудеса* были явлены" там и там-то, "то те люди уже поверили бы в Меня: а вы – не верите". Таким образом, о *чуде* как именно о *средстве* заставить поверить в себя как в Божество прямо сказал Христос. Православие едва ли имеет "чудес" менее, чем католицизм, – и особенно оно едва ли более *чуждается* их... "чудес" и "чудотворцев". "Легенду" Д-кий бросил не камень в католичество, а горсть песку, рассыпавшуюся по всем церквам. Наконец, "авторитет": разве Православие отказывается быть авторитетным? морщится, когда его именуют и оно само именуется "единою истинною церковью"? Никто не слышал, кроме Достоевского, о такой скромности. "Не хотел основать Церкви, основанной на таинствах: не хотел волшебства и суеверий"... Но ведь именно наша Церковь, в отличие от рационализма, добродетели и философии, имеет в основании своем семь "таинств": крещение, исповедание, причастие, брак, священство, елеосвящение. В частности, в "исповедании" именно духовенство наше "разрешает" все то, о чем пишет Достоевский: "иметь и не иметь детей", "жить и не жить с женой"... отпускает даже "грехи", и, словом, поступает, как мудрые, "взявшие на себя знание добра и зла". Не все так великолепно, как пишет он: но по существу – именно *это*. Так что если католики – "с ним", как пишет Д-кий, то *мы-то с кем же?* Да и, главное, Достоевский так добро очертил "его", который даже хлебцем накормил голодающих, что, по обыкновенному рассуждению, вовсе даже и нестрашно быть "с ним" и гораздо более жутко остаться с тем, кто в хлебе принципиально отказал, как в слишком грубом, низменном начале, а, однако, вещественные "царства мира" взял себе: франков при Хлодвиге, англичан при Берте, нас в X веке, германцев – при Бонифации; а через нас, и франков, и англичан взял и прочие "царства мира", черный и желтый и красный материка... Так что "во мгновении ока" показанное в пустыне, или померцавшее в пустыне, все и соединилось в "христианский мир", все объединилось под одну "тайною, чудом и авторитетом"...

А "злой дух" остался на бобах: ему поклоняются какие-то якуты, мордва, черемисы, – .... неужели Страшный Суд, Последний Суд будет против якутов и самоедов, "еще не просвященных светом крещения", против китайцев и японцев, то, мне кажется, все согласно воскликнут:

"Нет! Это – *наше*, это – *мы!* Это – что-то *главное*, а не такая второстепенность, как якуты с японцами"...

Вот что страшно... И вот чего я, по крайней мере, так боюсь, боюсь, что забываю литературу, свою книгу, и мне хочется начать кричать, как и предсказано:

"Горы, падите на нас! Холмы, покройте нас"... 1906

3. А что же моя любовь?

Сегодня в поликлинике в ожидании вызова к врачу успел поговорить с красивой девушкой, 27 лет. Я сказал, что, возможно, есть что-то греховное в том, что мы бодем. Она возразила, что болезнь – это возмездие за наши грехи, но, действительно, болезни нам даны не случайно.

Правда, возможно, что быть чрезмерно здоровым тоже не совсем хорошо, надо иногда страдать, чтобы не загордиться. Также не очень хорошо быть совсем трезвенником; когда разговариваешь с таким человеком, возникает ощущение его зависимости: он не пьет, а зависимость почти алкогольная. Вот также нехорошо быть совсем святым, грешники лучше. Не зря Христос предпочитал спасать их, они не так скучны...

Но и быть слишком больным тоже плохо, и для самого больного, и для других, надо как-то стараться не застревать на болезни. Поболел-поболел – и хватит, дай другим!

А как же несчастная любовь?

Кажется, я нашел верное решение. Я не буду стараться и желать того, чтобы *она* изменилась. Не буду стараться ее забыть. Вспоминать ее буду с радостью и благодарностью. Любить ее буду так, как мы любим наших детей, когда они от нас отрываются. Желать ей добра, радости и благодати. Прощу ей все, в чем она, возможно, не права. Но не буду делать усилий ни к чему, надо предоставить свободу и ей и себе. Любовь – это счастье, даже несчастная, поэтому надо быть счастливым и пусть будет то, что будет.

Страдаю я в основном из-за того, что беспокоюсь о ней. Но надо довериться и ее судьбе. Возможно, все не так хорошо, как это ей теперь показалось, но я не могу ни на что повлиять. Если судьба имеет в виду, что ей может понадобиться моя помощь, то она (или *она* или судьба) ко мне обратится. Я слишком полагаюсь на себя, и мало доверяю тому, что вне меня – а это плохо...

И скорее всего, я буду постепенно ее забывать. Но при этом, быть может, мне удастся понять что-то важное в том, что нас *притягивало* и *оттолкнуло*, *связывало* и *развязало*. Если я это пойму, что-то изменится к лучшему. Что именно? Забуду... разлюблю... погаснут угольки, которые еще тлеют...

Сомнительно, чтобы продолжилась наша дружба – слишком резок разрыв. Видимо, я виноват и в том, что дружбу попытался превратить в любовь... Но пока не окончена книга, ничего нельзя знать окончательно...

4. Свобода

Что для меня Французская революция? "Девяносто третий год" Гюго и "Марсельцы" Феликса Гра. Прочитал я эти романы еще в школе, и после русской литературы на меня словно дохнуло мартовской каплей, теплым ветром, который иногда приносится в марте ночью. В связи с тем, что читаю у Розанова, прочитал у него монологи князя Мышкина о католичестве – почему я не замечал раньше этой странной страсти его в отношении к христианству? А теперь все эти наши страсти, и к христианству, и к социализму, и к революции вызывают ощущение какой-то скованности во всех движениях, словно одета на нас, русских, смиренная рубашка. Но тогда, после "Марсельцев", было ощущение, что я бежал из тюрьмы и отправился в освободительный поход с сильными, смелыми и свободными людьми.

Почему русские споры о *свободе* производят во мне ощущение, что это рабы спорят о том, какой из хозяев лучше? И не возникает у них мысли, что можно жить без хозяина? И Достоевский, и Толстой, и Тургенев спорят о свободе, абсолютно оторванной от жизни. Вывод: Сидят в камере, прикованы к стене, и доказывают, что абсолютно свободны, так как, якобы, *сами выбирают, как чувствовать и мыслить, любить или нет и во что и как верить, а остальное совершенно не существенно, ибо "не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих"* – и при этом невдомек доказывающим, что сами себя еще более приковывают к той же стене (или даже и ко всем остальным). Приковывают они себя к *"слову Божьему"*, пренебрегая хлебом, но ведь отказываются и от свободы *"выбора, как чувствовать и мыслить, любить или нет и во что и как верить"* – те, которые прикинули к слову Божьему, уже более ничего не выбирают, не чувствуют и не любят, но отказались от своей воли, предавшись Богу. Но хватит уже с меня этих теологических споров, неприятно мне стало уже и доказывать то или иное, мне интереснее просто поговорить с красивой девушкой как вчера... и если она еще не нашла всю истину в Боге, то ей удастся говорить интересно, и со многим из того, что она говорит, я соглашаюсь. Но как только нашла она "истину в Боге" и вдохнула – словно наглоталась дурмана, или плачет, или хохочет, или скачет по камере (на длину своей цепи).

Бросилась в глаза небольшая книжечка (устал от больших), вытащил из стопки, открыл наугад: «Стремление человека направлено к тому, чтобы найти свободные *разумные* существа вне нас и вступить с ними в общение...

Только тот свободен, кто хочет все сделать вокруг себя свободным и действительно делает свободным...

Смерть и рождение – только борьба жизни с самой собою, и цель этой борьбы – все более просветленное и соответствующее требованиям жизни проявление ее.» Иоганн Готтлиб Фихте.

Что для меня свобода?

Разумеется, и *онтологическая свобода* тоже, в диалектических изгибах которой, как в лабиринте, меня заставили ползти русские философы. Но и *духовная свобода*. И *свобода слова* и общественной деятельности. О прочих видах свободы я говорил тоже. Но *вера*, особенно *слепая*, порабощает...

5. Вызов

19 января 2016. Начиная писать эту книгу, я задумал одну хулиганскую выходку, вроде тех, что и Есенин, бывший в ресторанах зеркала, чтоб привлечь к себе публику. Мне тоже надо хотя бы капельку внимания со стороны общества, но так как на зеркала нет денег, да и характер у меня не хулиганский, то решил вызвать на состязание философов, собрать их статьи о «Легенде» в сборник и разместить на стене, где и свои же книги о любви, особенно эту третью, с тем чтобы читатель прочитал и их и меня и поставил баллы, кто из нас "круче". С Розановым сражаться не буду, он отчасти мой учитель, да и несомненно талантливее меня, современников тоже на дуэль не вызываю, чтобы мы не обиделись друг на друга, так что остаются Страхов, Бердяев, Шестов, Флоренский и Лосский... И еще немало, которых пока вызывать на дуэль не буду, не справится и с этими.

Итак, читатель будет оценивать указанных авторов как учитель учеников, расставляя баллы от одного до пяти, также и мне. Сначала я хотел дуэль сделать смертельной, думал по ее результатам, если окажусь менее интересным, чем другие, совсем бросить писать, но потом одумался: очень похоже на то, что я и сам себя оценю хуже других, так что же, не бросить ли писать еще до подведения итогов? Нет, поступим иначе, назначим мне какую-нибудь другую приличную епитимию, например, запретим на три месяца заговаривать с незнакомыми девушками... нет, слишком жестоко – на три недели...

И все же, чувствуя, что я уже проиграл состязание, я не впадаю в уныние: мысль о нем вдохновляла меня, еще я думал, что вдруг когда-нибудь и она прочтает эту мою книгу (то есть, все три тома ее), и вдруг хотя бы *вздохнет*...

К тому же, сознавая, что много более превосходных писателей и философов, нежели я, от этого я не только не прихожу в уныние, но радуюсь: есть с кем поговорить, поспорить, есть кем восхититься! Но состязание пусть остается в силе: в такой славной когорте занять даже последнее место не зазорно, надеюсь, и Ф.М. не обидится на меня за резкость, Розанов с ним обошелся еще более резко, чем я. Да и кого же ругать, как не тех, кто близок?! И кого же любить, как не тех, на кого сетуешь?

6. Регламентация жизни

Как пишет Достоевский, «уныние признается церковью *тяжким грехом*, как внешняя печать удаления от Бога... в то время как для истинного христианина и для общества людей, живущих по-христиански, *всякие утраты* [и смерть близких?!] *и все внешние бедствия* [и война и чума и революция?!] – то же, что завывание ветра для людей, сидящих в крепком, хорошо согретом и светлом доме. *Христианское общество бессмертно, неразруσιμο*, настолько и до тех пор, пока и в какой мере оно христианское. Напротив, ...всякая жизнь, ... которая обратилась к иным источникам бытия, ...переполняется веянием смерти, и это веяние непреодолимо налагает свою печать на всякий индивидуальный ум, на каждую единичную совесть.

Итак, христианское общество, жаждущее смерти, бессмертно, а всякая иная жизнь "переполняется веянием смерти". Но каковы характерные признаки

разных обществ? Достоевский, возражая социалистам с их надеждами на разумно и гуманно устроенную жизнь, противопоставлял этим надеждам *своеволие*, возводя его чуть ли не в основную категорию бытия, в то основание, которое делает жизнь живой. Но регламентирована жизнь не только у социалистов, но и в иудейском и христианском обществах, только в них и "волосы на голове все сочтены", и все *чувства* и *мысли* и *помыслы* пронумерованы и обозначены, и одни из них греховны, другие являются слабостями, третьи – добродетелями. Уныние – грех; но и громкий смех осудителен, и шумное веселье, и игры детей, и непристойные движения во время... ну, помните?... и зависть, и раздражение, и гнев, и несерьезность, и нескромные взгляды (что уж говорить про прикосновения!), и... долго перечислять таблицу позволительного и непозволительного... А, как помните, Лев Толстой, перейдя в христиане, даже и литературу разделил на две части, слева то, что можно читать, а справа – что нельзя. Такое общество, такой человек, такая жизнь – это общество мертвых людей... или тех, кто готовится к смерти, и для кого жизнь – все равно что ожидание поезда на полустанке.

Он самодовольно вещает, что «христианское общество бессмертно и неразруσιμο» – но где в нём он сможет найти *своеволие*? И не боится ли, что «*вдруг явится человек "с ретроградною и насмешливою физиономией", который скажет своим счастливым и только несколько скучающим братьям: "А что, не столкнут ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, – единственно с тою целью, чтобы ... нам опять на своей глупой воле пожить"?*»

Что-то в христианине от мумии, от робота, от солдата... что-то и от листа с древа, гонимого ветром, которому и хочет христианин уподобиться, отрекаясь не только от *своеволия*, но и от всякой своей воли, только бы счастливо и радостно жить так, *как батюшка скажет*.

7. *Детство как противостояние*

Самый страшный грех, с которого все началось – это *рождение детей*. Быть может, не то плохо, что двое становятся одной плотью, а что дети от этого рождаются? По поводу "*первородного греха*" так у них все запутано, что я думаю, что они толком сами не знают, что наиболее греховно, и чего боится Иероним: что Евстохия согрешит или что она родит? [я иногда думаю: и какая нелегкая втянула меня в обсуждение этого бреда?]

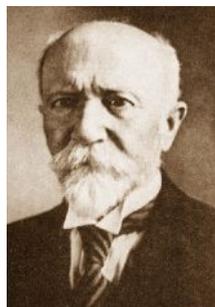
Розанов пишет: «Достоевский взял в пример необъяснимости вообще страданий абсолютную правду, чистоту: *дитя*. Ему в ответ кидается: дитя-то и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человек, их стряпневой *грех*. Около этого вопроса "Легенда", которая могла бы казаться только теориею, рассуждением ..., наливается, так сказать, соком и кровью практики и вдруг переходит в совершенно реальную проблему... Это не литературный спор, но *бытийственный*. Исходная точка возможного нового *бытия*.»

Вот что: *Не антихрист противостоял христианству, не философы, не социализм. Христианству противостоят дети, рождение детей, жизнь. Не смеют христиане благословлять детство, оно им ненавистно!*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**За Круглым
СТОЛОМ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПОРА

8
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
Русские философы

1. Н. Н. Страхов. Опыт критического комментария В. Розанова

Статья написана Страховым в 1894-м году, но уже эпоха, к которой относится создание Достоевским романа «Братья Карамазовы», то есть 1880-1881 г.г., кажется ему давно прошедшей. *«Едва ли когда повторится в таких размерах эта лихорадка мысли, оторвавшейся от действительности и мечущейся в пустом пространстве»*, пишет критик. [И во мне промелькнуло странное ощущение пустоты и усталости по окончанию анализа этой безумной "Легенды": не метался ли я сам вместе с Розановым и Достоевским в *пустом пространстве* горячечной *отвлеченной мысли*? Чуть позже мы продолжим с Бердяевым исследование свободы и счастья, и это ощущение станет навязчивым: о какой свободе и о каком счастье может идти речь в контексте трансцендентного преодоления "первородного греха" человечества?]

«В книге г. Розанова можно различить три главных темы, пишет Страхов: характеристика Гоголя, сделанная ради контраста Достоевскому; истолкование "Легенды", указывающее на пессимизм и отчаяние, выраженное в ней; собственные рассуждения критика, в которых он старается оценить этот пессимизм и указать исход из него.»

Объясняя Розановскую характеристику Гоголя, Страхов указывает, что «есть представители истинного комизма, изобразители человеческой пошлости и глупости»; есть сатирики вроде Салтыкова, цель которых «зубоскальство и глумление»; противесом им «является то, что Ап. Григорьев называл сентиментальным натурализмом, изображение действительности во всей ее грязи, но без юмора и насмешки, а с сожалением и участием. Читая Диккенса, Достоевского, Виктора Гюго, мы, конечно, воспитываем в себе прекрасные чувства; но очень жаль будет, если мы при этом потеряем способность смеха, честного, веселого смеха над пошлостью и глупостью, каковой способности большую часть лишены женщины».

Какова же основная тема "Легенды", по мнению Розанова (как полагает Страхов)? «Это – вопрос социализма, того направления умов, которое ... имело целью изменить все формы общественной жизни, переделать весь ход истории. ... во времена Достоевского, социализм ... был смешан с золотыми мечтаниями о счастье и прогрессе. Мысль о такого рода перевороте лежала в основании всяких отрицаний и покушений, среди которых жил Достоевский, когда-то и сам бывший приверженцем фурьеризма. Понятно, что эта тема глубоко занимала его и что он, рисуя своих нигилистов, беспрестанно приходил к соображениям о противоречии их стремлений человеческой природе и человеческой истории.»

«Видя в "Легенде" выражение полного отчаяния и предполагая даже, что сам автор "Легенды" испытывал в себе порывы такого отчаяния, критик ищет выхода из этих печальных мыслей. По его мнению, они порождены европейским духовным развитием, как жизнью, которая, бывши некогда христианскою, "потом обратилась к иным источникам бытия и жизни". "Вот

уже более двух веков минуло, – говорит критик, как великий завет Спасителя: "ищите прежде царствия Божия и все остальное приложится вам" – европейское человечество исполняет наоборот, хотя оно и продолжает называться христианским»

В заключение статьи Н. Н. Страхов причисляет (условно) Достоевского к славянофилам и говорит, что «славянофильство есть просвещенный, идеализированный патриотизм, можно надеяться, он... не заглохнет ни в грубом и слепом патриотизме, ни в безжизненном космополитизме».

Итак, это формальный обзор вызвавшей большой интерес у читателей книги Розанова, с которой и началась его прочная слава. Я привожу его для полноты представлений об эпохе конца девятнадцатого – начала двадцатого столетия. Зачем? Судьба России и судьба Европы решается сегодня, решается в последний раз. Драма, в которой представлен финал Судьбы, началась в 1789 году, продолжилась в 1914, 1917, 1918-20, затем в 1938-1945.

Сегодня – финал Финала.

В безумном, запутанном, нелепом и поучительном тексте "Легенды" представлены и все вопросы, и все идеи, и все противоположения идей, намечены отчасти и ответы, вот почему, даже бессознательно, "Легенда" и привлекает всю когорту собравшихся за "Круглым столом".

Что же это за Идеи и столкновения их?

Христианство и социализм. Религиозно-мистический путь истории и рационально-научный. Христианство и культура: можно ли было обойтись без христианства, в нем ли Истина? Кто виноват? И что делать дальше?

2. Отступление

19 января, праздник Крещения Господня (Богоявления). Кстати, Иисус Христос был **крещен** в возрасте 30 лет в реке Иордан Иоанном Крестителем.

Перед Вознесением Он сказал ученикам «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века».

Напомнить о русских писателях и философах сначала классической поры девятнадцатого столетия, а затем конца века и предреволюционной поры – это мой замысел книг о Литературе и о Любви (в которые темы социализма и христианства входят необходимым образом). Поэтому несколько слов в этой книге уделяется и Леонтьеву, хотя отдельной статьи, посвященной "Легенде", у него не было. Но он написал несколько небольших записок Розанову по поводу его эссе, откуда я приведу несколько цитат.

20 января, 10-00. Странный писатель Федор Михайлович. В романе «Преступление и наказание» Раскольников спрашивает: "Тварь ли я дрожащая или *право имею?*" Подразумевается как будто *право на убийство*, хотя герой заведомо знает, что такого права у него нет – характер его не тот, он обычный человек, то есть сострадающий, а убивать можно, лишь переступив через сострадание или не испытывая его вовсе.

Но убедившись в том, что *убить он "не может"*, он таким образом доказывает, что и *права убивать* у него нет, хотя из неверно построенного вопроса "Тварь ли я дрожащая или *право имею?*" словно бы следует, что он

"тварь дрожащая и *права у него никакого нет*" – нет своего, принадлежащего человеку, врожденного человеческому роду *права*. Есть только те права, которые человеку дает Бог. Итак, *человек – тварь дрожащая и прав не имеет!* Это, таким образом, религиозный онтологический вопрос о *праве*, но не о *праве убивать*, и Достоевский решает его в пользу религии, но с помощью незаконной подмены одного вопроса на другой.

В "Легенде" спор так же по существу схоластичен, задан вопрос: "свобода или счастье?" Ну, например, надо ли освобождать крестьян от крепостной зависимости или наделять их одинаковыми с дворянами гражданскими правами? И словно бы Христос и от дворян освободил и правами наделил? Нет, даже не сказал, освобождать ли крестьян с землей или без земли, о чем спор разгорелся при подготовке Великой Реформы (так ее называли). И, следовательно, *спор о свободе был ни о чём*, но мы, двенадцать философов, почему-то вовлеклись в этот спор. Форма его нам понравилась, а некоторые из спорщиков даже и не поняли, что речь идет не о **свободе**, а о том, что Бог мог бы создать человека верующим, без выбора, но он его создал сомневающимся, выбирающим между верой в Бога и неверием. Схоластика состоит в том, что, во-первых, неизвестно, есть ли Бог, ибо сначала человек выбирает, есть он или нет, затем уже спорит о его свойствах (хотя Он есть только в рамках веры, его существование принципиально отличается от несомненного существования Луны, которое подтверждается чувствами. Бытие Божие чувствами не подтверждается).

Но мы соглашаемся с этой формой надуманного спора, спорим, забываем, что именно отвергаем и что доказываем... Я пытаюсь распутать этот клубок и выяснить хотя бы по поводу Розанова, во что он верит, что доказывает и что отвергает, но он постоянно меняет центральную идею своих убеждений.

В связи с ошибками в рассуждениях, ошибками в истории, смешением предметов, идей, лиц и времен, подстановкой на место действительного – воображаемого, исходящего из воззрений героев, необходим какой-то общий безусловный авторитетный критерий – но в русской литературе после Пушкина никому не удается занять его место. В советскую эпоху ссылались на Маркса, на Ленина, на *науку* (так и говорили: "ученые доказали, что бога нет"), но сегодня дискредитированы все воззрения. Поэтому наши общие рассуждения многословны, и одни формулы приходится поверять другими, христианских писателей христианскими философами, "посюсторонних" христиан *подлинными* (по Кьеркегору и апостолу Павлу).

3. Переписка К. Леонтьева и В. В. Розанова

Привожу письма Леонтьева с небольшими купюрами, а с Розанова хватит, я уже от него устал.

13 апреля 1891 г., Оптина Пустынь

Читаю Ваши статьи постоянно. Чрезвычайно ценю Ваши смелые и оригинальные укоры Гоголю: это великое начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно.

Но усердно молю Бога, чтобы Вы поскорее переросли Достоевского с его „гармониями“, которых никогда не будет, да и не нужно.

Его монашество – сочиненное. И учение отца Зосимы – ложное, и весь стиль его бесед фальшивый.

Помоги Вам Господь милосердный поскорее вникнуть в дух реально существующего монашества и проникнуться им.

Христианство личное есть, прежде всего, **трансцендентный** (не земной, загробный) **эгоизм**. Альтруизм же сам собою „приложится“. „Страх Божий“ (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной. [Выделения и подчеркивания чужих слов и фраз здесь и повсеместно принадлежат *обычно* мне. Не ссылаюсь на них постоянно, чтобы не загромождать текст излишней суетой. Умный читатель разберется, что к чему.]

8 мая 1891 г., Оптиная Пустынь

(...) О „пороках русских“ напишу я Вам в другой раз... Коротко и ясно замечу только, что пороки эти очень большие и требуют большей, чем у других народов, власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить. А куда нам „любовь“! (...)

...Хотя в статье Вашей о „Великом Инквизиторе“ многое множество прекрасного и верного, и сама по себе „Легенда“ есть прекрасная фантазия, но все-таки и оттенки самого Достоевского в его взглядах на католицизм и вообще на христианство *ошибочны, ложны и туманны*; да и *Вам дай Бог от его нездорового и подавляющего влияния поскорей освободиться!*

Слишком сложно, туманно и к жизни неприложимо.

В Оптиной „Братьев Карамазовых“ правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его наружность, но говорить его заставил совершенно не то, что он говорит... У от. Амвросия прежде всего строго церковная мистика и уже потом – прикладная мораль. У от. Зосимы (устаами которого говорит сам Федор Михайлович!) прежде всего мораль, „любовь“, „любовь“ и т. д., ну, и мистика очень слаба.

Не верьте ему, когда он хвалится, что знает монашество; он знает хорошо только свою проповедь любви – и больше ничего.

Он в Оптиной пробыл дня два-три всего!..

„Любовь“ же (или, проще и яснее, доброту, милосердие, справедливость) надо проповедовать, ибо ее мало у людей и она легко гаснет у них, но не должно пророчить ее воцарение на земле. Это ... невозможно и теологически непозволительно, ибо давно осуждено Церковью как своего рода ересь (*хилиазм* [от греч. *chilioi* – тысяча] – 1000-летнее царство Христа на земле перед концом света).

13 июня 1891 г., Оптиная Пустынь

(...) Неприятно мне было только то, что Вы говорите против материальных чудес. Какое же без них христианство? Зачем до конца полагаться на нашу логику? *Credo quia absurdum*. Я же прибавлю: и на других, и на самом себе видел вещественные чудеса. Если увидимся – расскажу. И зачем это все понимать? И так уж мы стали в XIX веке понимать или, вернее, знать

слишком много. *Дай Бог, чтобы в XX веке более глубокое понимание некоторых привело к ослаблению знания у большинства ...*

(...) Мне же, наконец, надоело быть гласом вопиющего в пустыне! И если Россия осуждена после короткой и слабой реакции вернуться на путь саморазрушения, что „сотворит" один и одинокий пророк? Лучше о своей душе побольше думать, что я с помощью Бога и старца и стараюсь делать... Моя душа без меня в ад попадет, а Россия как обходилась без моего влияния до сих пор, так и впредь обойдется. (...) Общественные организмы (особенно западные), вероятно, не в силах будут вынести ни расслоения, ни глубокой мистики духовного единства, ни тех хронических жестокостей, без которых нельзя ничего из человеческого материала надолго построить. Вот разве союз социализма („грядущее рабство", по мнению либерала Спенсера) с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) – это еще возможно, но уж жутко же будет многим. И Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед(ору) Михайловичу Достоевскому. А иначе все будет либо кисель, либо анархия... (...)

... Да мягки мы все стали слишком и к себе, и к другим. Страх Божий утратили, а этой пресловутой, какой-то еще неслышанной „любви" все нет как нет. (...)

13–14 августа 1891 г., Оптина Пустынь

(...) Опасаюсь, что очень немногие поймут слово „эстетика" так серьезно, как мы его с Вами понимаем.

Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что в наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой.

(...) Я считаю эстетику мерилом, наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям. Мерило положительной религии, например, приложимо только к самому себе (для спасения индивидуальной души моей за гробом, трансцендентный эгоизм) и вообще к людям, исповедующим ту же религию. <...>

Мерило чисто моральное тоже не годится, ибо, во-первых, придется предать проклятию большинство полководцев, царей, политиков и даже художников (большею частью художники были развратны, а многие и жестоки); останутся одни „мирные земледельцы" да какие-нибудь кроткие и честные ученые. (...) <...>

Они никак не могут понять, что только там и государственность сильна, где в жизни еще много разнородной эстетики, что эта видимая эстетика жизни есть признак внутренней, практической, другими словами – творческой силы.

(...) В ответ на Вашу просьбу объяснить Вам, что заставило меня оставить дипломатическую карьеру, которая шла так хорошо... и думать о монашестве, постараюсь кое-как объяснить... Причин было много разом, и сердечных, и умственных, и, наконец, тех внешних и, по-видимому (только), случайных, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях. Думаю, впрочем, что в основе всего лежат, с одной стороны, уже и тогда, в 1870–71 году: давняя...

философская ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни (Петербург, литературная пошлость, железные дороги, пиджаки и цилиндры, рационализм и т. п.), а с другой, – эстетическая и детская какая-то приверженность к внешним формам православия; прибавьте к этому сильный и неожиданный толчок сердечных глубочайших потрясений ... и, наконец, внешнюю случайность опаснейшей и неожиданной болезни (в 1871 году) и ужас умереть в ту минуту, когда только что были задуманы и не написаны еще [основные мои книги]. (...)

... я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о телесной смерти и... вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество Божией Матери... и воскликнул: „Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я еду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи..“

... постригаться немедленно меня отговорили старцы, но православным я стал очень скоро под их руководством... К русской и эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще то, чего недоставало для исповедания даже „середы и пятницы“: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного. Для достижения этого страха духовного нужно было моей гордости пережить всего только 2 часа физического (и обидного) ужаса. (...)

Религия не всегда утешение, во многих случаях она тяжелое иго, но кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется! И всякое сомнение, всякое невыгодное для религии философствование он будет с ненавистью и презрением легко от себя отгонять, как отгоняют несносную муху.

(...) Об отце Амвросии позвольте тоже отложить подробную беседу. (...)

Теории моих и вообще „наших идей“, как Вы говорите, он не знает и вообще давно не имеет ни времени, ни сил читать. Но эпоху и людей он понимает превосходно, и психологический опыт его изумительный... *равенства и свободы“ не любит, как и все духовные люди. (...)*

4. Николай Бердяев. Великий Инквизитор. (1907)

Каждый следующий исследователь, которого я привлекаю к нашему разговору, оказывается в более невыгодном положении, нежели предыдущие, мне не так интересно то, что он говорит сказанного другими. Тем более у меня уже неприятие "возвышенных" рассуждений о свободе, которую принес человеку Иисус Христос. Вот Конст. Леонтьев прямо утверждает об отце Амвросии, с которого будто бы списан портрет старца Зосимы, что он *"равенства и свободы" не любит, как и все духовные люди*". Как же Учитель мог принести свободу тем людям, среди которых лучшие, то есть его ученики, ее вовсе не любят и в ней не нуждаются? Он и проповедовал, что лучше *стать скотцами для Господа*, то есть почти от всего человеческого отречься, уйти в добровольную тюрьму (в монастырь или в мокрую холодную пещеру на Афоне) – какая уж тут свобода?

Но, однако, пора дать слово Бердяеву, послушаем, что он об этом думает (и все, в чем он будет неоригинален, я буду перелагать только кратко).

Начинает Бердяев свою статью с утверждения: «В легенде о Великом Инквизиторе Достоевский... изобличал антихристианскую тенденцию [католической церкви]... ложь католической антропологии... В ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества. Из нее можно вывести религиозную философию общественности, в ней мы черпаем вечные поучения. Новые религиозные истины приоткрылись в "Великом Инквизиторе", новое религиозное сознание зачинается.»

Как математик не должен подпиливать знаки в «Таблице логарифмов», чтобы она стала «Социалистической таблицей» [подобно Кювье, подпилившему кости неандертальца, чтобы состряпать из него первобытного человека], так историк должен забыть о своих *христианских затруднениях* (Флоровский) и писать правду. Так и философ не должен быть ни *православным математиком*, ни католическим, но просто философом.

Увы, человек не совершенен, временами он ошибается. Живя и в России и в Европе, не должен был русский писатель увидеть такую пропасть между православием и католичеством, что одни вкусили христианскую истину, а другие – ложь антихриста. Ну, Фед. Мих. свойственна экзальтация. Но Бердяев, как мне казалось, более рассудительный – хотя и был сначала марксистом...

Могут ли сегодня приоткрыться новые религиозные истины в границах христианства (в "Легенде ли о Великом Инквизиторе" или где бы то ни было), и начаться новое религиозное сознание?

Даже Великий Инквизитор знает (как пишет о том Розанов), что «все завещанное Христом учение... есть нечто вечное и неподвижное, и как изъять из него ничего нельзя, так нельзя и ничего к нему надбавить. Оно вошло уже, как камень во главу угла, в воздвигнувшуюся часть всемирной истории, и было бы поздно теперь что-нибудь поправлять, уяснять или ограничивать в нем: это пошатнуло бы пятнадцать веков зиждательной работы. И это не только по отношению к человечеству, которое не может же постоянно перестраиваться, но и в отношении Бога – чем было бы новое Откровение, *дополнение* к сказанному, как не сознанием *недостаточности* сказанного уже, и кем же? сказанного самим Богом!»

Достоевский противопоставляет Великого Инквизитора Христу.

Прочитав в юности роман «Братья Карамазовы», затем трактат Розанова "Легенда о Великом Инквизиторе", я понимал смысл их противостояния. Начиная через пятьдесят лет свою собственную книгу, посвященную исследованию этой "Легенды", ее смысл и смысл их противостояния я понимал уже смутно. Заканчивая книгу, не понимаю почти ничего!!!

5. Одиночество. Страх. Разваливающаяся жизнь

Продираюсь сквозь схоластику Бердяева и мне становится плохо. Но и все остальное плохо тоже.

Ночью мне было плохо, болит бок, спина, поясница, сердце, шея... далее везде... Двери закрываются... Или еще не закрываются?

Взяли кровь на исследование, скоро скажут, увы или не совсем. А вместе с

физическим стеснением по ночам возникает и страх смерти. Был ли он у меня раньше? Ладно, пока лучше о страхе не думать и о нем не писать, раньше я верил в свою "звезду", что же это я так разуверился? Даже о книге своей я думаю, что она чепуха, я ведь ничего не узнал, ни о любви ни о вере.

Жаль, что не пишут о жизни **нефилософы**. А мне было бы как раз интересно узнать, что думает о том, о чем я пишу, нормальный человек, вот как Анна, сказавшая про любовь так много, обведя рукою своих детишек и добавив, что любовь разнообразна и иногда становится над жизнью; и как та девушка, которая сказала, что болезни, возможно, наказание нам за грехи.

Не спросить ли мне у моих знакомых о том, что меня волнует, и попросить ответить? Ибо я вижу, что философы мне ничего не объясняют. Вот, например, Бердяев утверждает, что где нет «веры в высшее предназначение человека, где счастье предпочитается свободе, где временное ставится выше вечности и где отрицается *необходимость истины для счастья*, там Великий Инквизитор» – а я не могу понять, что значит, что «временное ставится выше вечности» и что такое *вечность*. Более того, по Бердяеву Дьявол и там, где *человеколюбие восстаёт против боголюбия* (вот как я!), – а я еще не слышал, чтобы мать согласилась, что Бог ей дороже ее ребенка, как в Евангелии потребовал Христос: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

«Все это, знаете ль, слова, слова», как говорил Гамлет, но ни одно из них не подтверждено собственным страданием.

Впрочем, разговор с христианским философом еще мы продолжим, а пока я не закончил собственные жалобы. А *собственное* в философии не менее важно, чем *общее*, иначе она превратится только в схоластику. Вот Конст. Леонтьев рассказал, почему он принял монашество и как в нем родился "страх Божий", и мне он стал понятнее (только я уверен, что он испытал *простой человеческий страх*. Но и он не бросает тень на философа, а вызывает к нему сострадание).

Такой же страх перед жизнью начал испытывать и я сам, и чувство горестного одиночества меня затопляет. Я вспоминаю мою милую, она у меня искала защиты от страха и угнетения, и я ей помог, и как хорошо, что все так совпало, что она мне понравилась, что мне ее стало жалко, и мы оказались необходимы друг другу! А теперь, испытывая одиночество, может быть, такое же, как тогда она, я вспоминаю наши встречи, нашу дружбу, и понимаю, что она спасала меня тоже, она была мне необходима, и я держал ее за руку, когда мы шли, не только потому, что мне это было приятно, но и потому, что **я за нее держался, чтобы спастись**.

В юности нас поддерживает "сила произрастания", она не дает падать духом, и столько силы содержит в себе наша юность, что оглядываешься назад и изумляешься. Но еще и в июле 2004 года сила эта во мне не иссякла, и когда на суде объявили нам приговор: "пять лет тюрьмы!" и одели наручники, я выслушал приговор почти без волнения. А теперь от меньшего падаю духом. (Но личные невзгоды не всегда возможно размещать на страницах, поэтому "некого призвать мне к рыданию"!)

Жаль, что я не могу пожаловаться и ей, она меня теперь пожалеть не сможет, ее Бог нас разъединил даже в сочувствии).

Странно многое. Год назад я в нее влюбился, так посоветовали волхвы. А теперь мне кажется, что разваливается сама моя жизнь, все что-то злое и нелепое происходит одно за другим. И ночь не приносит успокоения, плоть становится чувствительней к боли.

Но что я сегодня могу придумать кроме терпения? И кроме надежды? Может быть, еще не все развалилось?

Вот видишь, миленькая, я тебя вспоминаю и даже немного утешился. Ты была мне необходима и ты мне помогла (как и я тебе), и я не сержусь на тебя за то, что вдруг стал не нужен. Но как хорошо, что "два поприща" мы прошли вместе: одно твоё и одно моё!

Может быть, что мне стало так плохо, когда ты меня оттолкнула – почти то же, что болезнь, то есть наказание за эгоизм? (Я мало думал, влюбившись в тебя, что могу причинить беспокойство твоим близким – хотя мы были только друзьями – неужели христианский Бог запрещает даже дружбу?)

(Кстати, подумал о болезни – дети ведь тоже болеют, а они еще безгрешны. И сколько бы Розанов ни рассуждал о грехах отцов, которые должны высылаться по иудейскому Закону до седьмого колена, но разве мы граждане Иудеи? Разве мы подчиняемся Богу Израиля?)

Я присягнул когда-то *Богу любви*, и хотя не всегда был безгрешен, но мой Бог милостив. И *наша* дружба была нам милостью, и наше прошлое было светом и радостью. Правда, может быть, не надо за него и держаться, не надо уже и любить *неотвязно*... Так какой милости я еще жду? *Чтобы ты была счастлива, чтобы душа твоя не металась*... Прости меня за все, и не буду уже я приставать к тебе даже мысленно... Прощай, *мое солнышко*!

Отчаяние. Жизнь разваливается, одиночеством изнемогаю и наступает отчаяние. Нет *синего троллейбуса*, как у Окуджавы, и нет той *силы произрастания*, которая меня спасала еще одиннадцать лет назад, когда в камере из пятнадцати наркоманов я был самым сильным. Нет той силы, превосходящей силу физическую, когда еще два года назад, очнувшись после операции, я встал и пошел на *свидание*, и девочки в белых халатах даже через полгода показывали на меня пальцем и говорили, смеясь: "да это тот самый мужик, который на операционном столе назначил свидание медсестре, и пошел потом ее спрашивать, жив он еще или нет?"

Неужели уже некого спрашивать? Неужели всё уже кончилось?

6. Николай Бердяев и русская философия как служанка богословия

Ладно, многое из птичьих философских текстов объяснить невозможно, пусть они и дальше воркуют, и что только смогу, то и попытаюсь объяснить и, может быть, возразить. "*Временное ставится выше вечности*" – что это может быть? Например, девушка выходит замуж, вместо того чтобы уйти в монастырь. Галилей отказывается от вращения Земли вместо того чтобы взойти на крест – ради своей временной жизни. Ну, быть может, всякое желание жить можно посчитать за суету и за пристрастие к *временному*, а желание смерти – за преданность *вечности*...

Буду пропускать все то, что мне непонятно, и комментировать понятное.

Нет, не все плохо: Бердяев пишет, что плохо, что сжигали еретиков – а я думал, что он думает, вместе с известными ему "служанками" богословия, что все, что было во славу церкви и государства – это хорошо...

А теперь он говорит о «**высшей свободе**» – нет, с нею я не был знаком и даже никогда не встречался...

...Но трудно так сразу вступить на это скользкое поприще схоластических рассуждений.

21 января, утро. Не буду писать о болезни, отчитаюсь перед читателем в последний день января, когда соберутся гости поздравлять меня с Днем рождения. Не всё детерминировано в мире, многое случайно, и не только плохое, есть случайности и хорошие. К тому же вещи и явления связаны еще и чудом, будем и на него уповать.

Отвлекаюсь от философов, пишу о себе, о Страхе Божьем у Константина Леонтьева, о страхе смерти у себя самого. Зачем? Какое это имеет отношение к философии? Да часто схоластика имеет к ней меньшее отношение, даже Достоевский это понял, и в "Записках из подполья" на рассуждался вволю и о *своеволии*, и о нежелании регламентированного рая, кивая все больше на социалистов, но первыми ввели регламент в раю христиане, стесняется он об этом писать, и о том, что у нас даже волосы на голове все сосчитаны, а мы о свободе патокой пишем. Высшее призвание человека – скопчество ради Господа (то есть монашество, пустыня, скит и затвор), а какая же там свобода, когда там **послушание**? И оно и есть идеал человека в христианстве!

И какая в нем любовь, спрашивает Леонтьев, знающий богословие лучше Бердяева? Если и бывает любовь, говорит он, то только та, которая вырастает из страха Божия. Или как у Татьяны "... и буду век ему верна!"

Впрочем, читаю Бердяева дальше.

«...коренное метафизическое Зло равно проявляется и в *старой церкви*, отрицавшей свободу совести и сжигавшей еретиков, поставившей авторитет выше свободы, и в позитивизме – религии человеческого самообожествления, предавшей *высшую свободу* (?) за довольство, и в стихии государственности, поклонившейся кесарю и мечу его, во всех формах государственного *абсолютизма* и *обоготворения государства, отвергающего свободу* ..., и в социализме, поскольку он отверг *вечность* (?) и свободу *во имя земного устройства*...» – *Вечностью* меня уже заколебали, придется читать трактат Плотина «О времени и вечности», может быть, что-то пойму не только в древне-греческой «*философии времени*», но и в представлениях о ней русских философов. Что я хочу понять? Возможно ли «*земное устройство*»? Или все, кто пытается устроить жизнь свою и своих близких по возможности сносно, и хотя бы размышляет о более благополучном устройении жизни общества и России – уже враги христианства?

«Дух Христов равно невыносим и охранителям старого здания древней государственности и церковности, и строителям нового здания социально-позитивной Вавилонской башни. [*Кому же он выносим?*] Великий Инквизитор, скрывающийся под этим зданием человеческим, с враждой, иногда скрытой,

иногда открытой, восстает против *свободы Христовой, Христова призыва к вечности*. Люди хотят устроить землю без неба, человечество без Бога, *жизнь без смысла ее*, временность без вечности и не любят тех, которые напоминают им об окончательном предназначении человечества (?), о свободе абсолютной, о смысле и вечности. Люди этого Духа мешают строителям здания человеческого благополучия и успокоения. Свободные, истинные слова не нужны, нужны слова полезные, помогающие устроить дела земные.»

Розанов напоминает слова Алеши в разговоре с Иваном: «Я думаю, что *все должны прежде всего на свете жизнь полюбить*», – говорит задумчиво Алеша. – Жизнь полюбить больше, чем *смысл ее?*» Алеша, говорит, что "да" и что за непосредственною любовью к жизни всегда последует и понимание ее смысла, – ранее или позже.» – да не относит ли Бердяев и Алешу к тем, которые «хотят устроить землю без неба, человечество без Бога, *жизнь без смысла ее*, временность без вечности», а с ним и Достоевского?

И вообще «любовь к жизни» – от Христа или Антихриста? И кто сказал: «Не любите мира ни того что в мире»? И разве не Христос учил, что в жизни нет смысла, что он *за* нею, за гранью смерти, *там*, а не здесь? Вот и в книге «Русские философы о смысле жизни» остроумно доказывается, что цели и смыслы чего либо принадлежат лишь к тому, что *вне*.

Нет, ребята, вы оправдываете и воспеваете какое-то другое христианство и другого Христа, нежели тот, который явился апостолу Павлу.

В действительности же **Христос отверг жизнь**. Отталкиваясь от этого камня более, чем от Петра, церковь и созидалась. На этом камне воздвигнуты и «воздайте кесарю кесарево», и «враги человеку домашние его», и «кто любит сына или дочь более нежели меня, тот не достоин Меня», и «царство мое не от мира сего», на этом камне и суровый и безжалостный Инквизитор, верный слуга подлинного Христа, а не омытого в медовом сиропе.

Бердяев запел восторженную песню *истине, вечности, смыслу*, вскричал проклятия благополучию и устройению, проклятия хлебам, произведенным из камня... нет, меня он не слышит.

Он поет: «не распадется мир от слова истинного и свободного; человечество и мир спасет только это слово, только слово это поведет его к жизни вечной, полной, свободной и осмысленной!» [не имеет ли он в виду «Петушиное слово», которым грезили русские алхимики?] Но Мир проклят, князь мира сего Дьявол, **мир уже давно распался**, и это возвещено две тысячи лет назад, и называется эта весть Евангелием. И не обещал Христос спасения миру, но окончательную погибель, и только *нечто* вслед за погибелью!

Христианин ли Розанов? Даже я не могу это определенно знать, чувствующий Розанова по сходству характера. Но Достоевский и Бердяев словно только что вышли с заседания богоскательского кружка Мережковского, а не из храма. Вот Леонтьев, ушедший в монахи – христианин, да и то его христианство выросло из *страха смерти*, а не из Страха Божия. И меня начал мучить страх смерти, но я не хочу воскресения, я хочу, как Лермонтов, «надо мной чтоб вечно зелена, темный дуб склонялся и шумел!» В крайнем случае, я бы хотел умереть, прислонившись к березе, и плотью своей растворившись в ее корнях, стволе, ветвях и листьях. *Береза – это мое райское древо*.

Надо ли спорить дальше? Еще изольется целое половодье прекрасных слов о *духе, истине и свободе*, пока через одиннадцать лет не грянет Октябрьская неожиданная гроза, требующая хлеба – неважно, из чего, хоть из *кámней*, но чтобы он насыщал плоть. А затем через пять лет прекраснодушные философы, хранители "истинного" христианства, все, кто к тому времени еще выжил, будут высланы из России, на тот Запад, который, по их мнению, был давно уже под властью антихриста, в отличие от России, хранившей верность Христу. Похоже, что свершилось примерно то, что предсказывал Леонтьев, «союз социализма ("грядущее рабство") с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) – ...но уж жутко же будет многим. И Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед. Михайловичу Достоевскому.»

Союз этот осуществился в сталинизме, философия в форме марксистской диалектики служила новой идеологии воистину как собака, и была эта идеология не то чтобы мистикой, но по крайней мере шаманством.

Но пока до изгнания далеко, и Бердяев восклицает как вдохновенный пророк: «Предвечная свобода человека, абсолютное достоинство его, связь с вечностью выше всякого устройства, всякого успокоения, всякого благополучия, всякого недостойного, слабого, жалкого счастья...» – *и о чем это он восклицает? О будущих концентрационных лагерях, миллионах умерших от голода (отвергнувших "недостойное, слабое, жалкое счастье")?*

Заканчивает Бердяев вступление к своей статье сравнением католичества и социализма, и они у него оказываются одинаковыми. Я тоже не вижу между ними особенной разницы, только я не вижу, чем и православие отличается от католичества, вот в чем дело. Да я не пойму и главного: какую свободу отнял у человека Инквизитор, и когда эта свобода у человека была? Так мне эти рассуждения напоминают то, что Горький, пролетарский романтик, возвещал о Человеке с Большой буквы: «Человек! Это звучит – гордо!» И нет ли и в самом деле какой-то *сверхвысшей справедливости* в том, чтобы эти выпренные славословия были втоптаны в грязь и в кровь Революцией, Гражданской войной, Раскулачиванием, Террором, войной Мировой?

«Искушение первое. "Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы [где про него в евангелии????!!!!], которого они, в простоте своей и в природном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлеба, и за Тобой побежит человечество, как стадо благодарное и послушное.»

Далее Бердяев продолжает: «Социализм как религия, как замена *хлеба небесного хлебом земным*... и есть один из образов первого искушения. "Во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли ...". И восстали уже сторонники социальной религии и провозгласили, что Бога нет и что человечество на земле должно сделаться богом. О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь ... *буржуазной общественности*, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом [?!], ... и менее

всего можно признать всякий социализм просто искушением дьявола [не зря Бердяев начинал с марксизма]; но ... Великий Инквизитор... [только] прикидывается... другом слабых и угнетенных, любящим всех людей. ..."Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые". ... Великий Инквизитор ... лишь немногих считает способными пойти *по пути высшего смысла жизни, завоевать вечность*, не соблазниться хлебом земным...» [Но знает ли сам философ, что это значит? И кто эту вечность завоевал?]

«И если за Тобою, во имя хлеба небесного, пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами ..., которые не в силах будут *пренебречь хлебом земным для небесного?*» – Что же, надо совсем перестать есть?! Или есть меньше? Вот это чувство полного непонимания, о чем идет речь среди одиозного набора слов: *дух, благо, истина, путь, небо, высшее, бог* – возникало у меня и при чтении Блаватской и Рерихов. Рассказывается о чем-то *хорошем, благом, высшем*, – но никому не известно, о чем – и самому рассказчику тоже!

Вот еще несколько штампов, словно ступенек лестницы, ведущей в их мир, в котором все не так как у нас: «во имя ложной, *земной, а не небесной любви*». Но, знает ли сам философ, о чем говорит? Он любил? Женщину, детей, природу, Россию? Или он испытывал только *небесную любовь*? Кого он любил такую любовью? «Запрещают думать о вечности, называют это эгоизмом, восхваляют лишь заботу о временном». «Великий Инквизитор – это символ того духа, который воплотится ... в новом боге, новом царе земном ... и сделает счастливыми миллионы младенцев, отняв у них *свободу*». «Истинная любовь к людям возможна лишь в Боге».

Нет, это не философская беседа, это евангелическая проповедь.

7. Николай Бердяев и русская философия как служанка богословия

По поводу второго искушения Бердяев говорит: «*Христос хотел сделать людей свободными, ... осудил всякое насилие* [нет, не читали наши философы Новый Завет!!!], ... уважал людей, как детей небесного Отца Своего. Христос не хотел веры от чуда».

«Великий Инквизитор соблазняет насильственным счастьем, *проповедует веру, основанную на чуде, любовь, основанную на авторитете, успокоение и смирение, основанное на тайне*. Все это мы слышим от государства, авторитетом и насилем спасающего и порабащающего, от исторической церкви, сбившейся с пути ... Это мы слышим и от позитивной религии человечества, *покончившей с Богом и свободой*.» – (и все это, что мы слышим от государства, от церкви, от социализма – плохо, и слушать не надо.)

Кого же Бердяев противопоставляет *государству, церкви, социализму?* Христа? Но где звучит Его проповедь, которой надо внимать? В кружке Мережковского? Среди толстовцев? Или проповедует истину сам Бердяев?

«Христос ..., возносил личность на сверхчеловеческую высоту»; «Позитивисты отрицают чудо, ... но хотят сами делать *внешние чудеса* и этими чудесами соблазнять человечество».

Нет, не скажет философ, о каких внешних чудесах идет речь.

«Отрицание той истины, что личность человеческая должна спастись свободно, свободной любовью избрать Бога, что в божественной любви и свободе – спасение человечества, есть соблазн второго искушения» – в разных вариациях это откровение философ повторит еще не раз.

«Третье искушение самое могущественное. "Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобой, а с ним... Ровно восемь веков назад, мы взяли у него то, что Ты с негодованием отверг... мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными..." Империализмом соблазнилось католичество с его папоцезаризмом и православие с его цезарепапизмом.»

И Достоевский и Розанов *противопоставляли православие как хранилищу истины Христовой католичеству, Бердяев поставил их рядом.*

И в этом состоит единственная важная особенность его статьи, – анализ исторического христианства, а не воображенного.

«христианство... приспособилось к языческому государству, осватило .... абсолютное государство, унаследованное от Рима. Византия, второй Рим, воплотила идею абсолютного государства и обожествленного Кесаря, а в третьем Риме – России идея эта достигла чудовищного выражения, явила пример кощунственного надругательства над Божеской заповедью.»

Итак, Христос возвестил нам Истину и вознесся на небо, и на земле даже *Его церковь* правит Великий Инквизитор, воплощение антихриста.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ Философия или богословие?

1. Страх смерти

22 января, 7-35. Проснулся я в начале седьмого и вскоре, поудобнее устроившись, намеревался снова заснуть, но сначала еще мелькали смутные мысли о трудном положении, в котором находимся мы все, а потом вдруг начали заполнять все мое существо чувство одиночества, затем страх смерти и, наконец, отчаянье. Через несколько минут я понял, что мне плохо, встал, искал *боярышник*, не нашел, сделал гимнастику, оделся и вышел на улицу. С улицы я поднялся пешком на свой десятый этаж, все как обычно, не хуже, не лучше. И вот уже я за своими Записками, надеюсь, вернусь к обычному ритму жизни и к обычному самочувствию. Страх смерти связан с тем, что надо обследовать мою грешную плоть, я должен проглотить телевизор и доктор заглянет мне внутрь. Доктор хороший, ко мне расположен, и я с ним постараюсь договориться, чтобы он ничего непозволительного во мне не нашёл. Ну, вот, не о чем волноваться.

Потом я сообразил, что это похоже на тот страх, который в 96-97 годах бывал у меня при приступах аритмии, когда, например, по дороге в Москву я просил кондуктора, чтобы он в Бологом не выпускал меня на перрон, так как я могу броситься по железке бежать домой, в Питер.

В феврале 97-го года в полночь, возвращаясь из Москвы, я шел от шоссе к деревне (4 километра), и вдруг началась аритмия и мне показалось, что я умираю. Я тогда воззвал почти так же, как Леонтьев, но воззвал я к ребенку, маленькой внучке (и она потом рассказала, что слышала от меня просьбу о помощи). В 99-м году я пережил еще тяжелые времена, испытал сильную боль, перенес операцию, "бросался на бруствер", выпил горсть антибиотиков с кружкой спирта и кипятку, стал лучше, и отчаяние отступило.

И я читаю о страхе смерти и отчаяния у Константина Леонтьева, вот что об этом он пишет: «в лето 1871 года, консулом в Салониках, лежа на диване в страхе неожиданной смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божией Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я ничего ...предвидеть еще не мог, и все литературные планы мои были даже очень смутны. Я думал в ту минуту даже не о спасении души (ибо вера в Личного Бога давно далась мне гораздо легче, чем вера в мое собственное личное бессмертие); я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о телесной смерти и... (...) вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество этой Божией Матери, поверил так ощутительно и твердо, как если б видел перед собою живую, знакомую, действительную женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнул: „Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!..“»

Ужас и отчаянье от меня отступают, и я пытаюсь преодолеть одиночество.

Во-первых, не надо сердиться на жену, ошибки, которые многие из нас делают, иногда бывают просто какими-то наваждениями. Жена у меня хорошая, ей надо работать над своей книгой, вот и кстати ей написать о философии времени Платона и Плотина, во-первых, а во-вторых, об идее времени и вечности в религиозных мифах.

Думаю и о *ласточке*, в которую так легкомысленно влюбился. Если бы я был благоразумен, то сказал бы, что не нужны мне даже объятия и клятвы в любви, что достаточно, чтобы мы ходили на концерты общей компанией, писали иногда друг другу письма, изредка звонили по телефону, и в ответ на ее слова: «мне грустно, мне тревожно», я бы говорил: «ласточка моя, я с тобой, на днях пойдем слушать Рахманинова», а на мои слова: «у меня заболело горло» она бы мне советовала, чем и как его полоскать и какую проглотить таблетку. И так бы мы дружили *долго и счастливо* и жизнь продолжалась вечно, и не было бы оснований для ревности ни у ее близких, ни у моих. И разве я не доказал еще раньше возможность дружбы между мужчиной и женщиной? (и подозрительность иудейского и христианского учений в этом отношении скорее показывает "сдвинутость" "лунного пола" их приверженцев). Прижимает ведь женщина своего ребенка к груди? Вот и я хотел иногда *её* обнять как ребенка, в умилениях, в нежности, – но не в страсти! Я даже к Константину Леонтьеву испытал это чувство жалости, и выпил вчера с М., собирающемуся что-то в себе отрезать.

И я знаю теперь, как оправдаться перед читателем (если он еще не ушел): я пишу не исследование, это разговор с теми, кто нуждается в таком разговоре! Не всем хорошо и покойно, некоторым помогают Записки, подобные моим. Поэтому, господа философы, не расходитесь, мы еще не закончили.

2. Преодоление

Жалеть себя и страдать из-за себя – естественно, но даже с эгоистической точки зрения не очень полезно, да и совсем не полезно... Любить близких и жалеть их надо в первую очередь, а себя потом.

Кроме того, надо делать гимнастику и надо сушить сухари (нет, не в тюрьму, а из-за того, что хлеб не всегда хорош (особенно в тюрьме), лучше перейти на сухари.

Вино и водку пить не надо, потому что вредно, и потому что так сэкономлю много денег, это поможет расплатиться с долгами. А десять лет пробегут быстро, и я уже буду жить без долгов. Вот тогда и начнется настоящая жизнь!

И в пятых, буду внимательнее к окружающему миру, и меньше заботиться о себе.

В-шестых, меньше буду заботиться о своих книгах: не то чтобы небрежнее писать, писать постараюсь лучше, но не буду над ними дрожать как над молоком на плите, даже если молоко побежит... ну, ладно, переживем, будет зато оно с поджаристой пенкой.

И, наконец, в седьмых: не буду сердиться на ласточку, и пусть будет что будет. Важно только, чтобы ее душа вернулась на место, чтобы эта ее безумная любовь к непостижимому богу прошла, как проходят и бури и землетрясения. Женщина должна любить своих детей прежде всего, а Богу оставить то, что на него останется. Нормальный Бог не будет требовать от нас чрезмерной барщины и оброка. У нас есть и мужья и жены, и родные, и отечество, – и те пророки, которые требуют от нас пожертвовать для них всем, нас не любят и к нам жестоки. **Женщина должна любить своих детей прежде всего**, затем мужа, семью и родных, культуру и природу, а Богу – что на него останется.

И батюшкам нечего лезть не в свое дело и упиваться властью над слабой женской душой. Есть у вас попадья? *Вот ею и властвуйте!*

Философы (и иногда и писатели) рассуждают о *воображаемом мире*, в связи с нашим Круглым столом это вдруг бросилось мне в глаза ярко. Все они говорят о свободе, которую принес Европе и частично Востоку Христос (а затем даже черному, желтому и красному континентам). Но в действительности человек жил в тюремной камере, да еще в смиренной рубашке. Инквизитор ли виноват, папа ли Римский (у патриархов, впрочем, было не лучше), императоры ли, но жизнь временами становилась невыносимой, иначе бы мы не устраивали революций! Но человек, о котором устами Инквизитора Достоевский говорит как о ничтожестве, а особенно о том человеке, который захотел хоть немного свободы и устроил Французскую революцию (никто ему свободы не дарил, ни Христос, ни Инквизитор), до конца не смирялся во все эти две тысячи лет, и христианская власть тем

самым "мечом Кесаря", о котором и Христос сказал, что **"не мир Я принес, но меч"**, топила **несмирение** в его собственной крови, одних только *павликиан* в Западной Армении уничтожили двести тысяч в 11-м веке, южные провинции Испании обезлюдели в 15-м веке, при Торквемаде. Столетняя война Англии (которую поддерживала папская Инквизиция) против Франции (1337 – 1453) – жертвы еще не подсчитаны, войны против Реформации, в частности Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.) в Центральной Европе против протестантов унесла миллионы жизней...

Очнувшись от Страху смерти, Леонтьев ринулся к монахам на Афоне, принял и смирение, и чудеса, и "среду" и "пятницу", и понял, что он еще мало *верит* и попросился в монахи.

Очнувшись от приступа страха смерти сегодня утром, я понял, что еще мало *люблю*, слишком жалею себя, и решил любить близких не так самоуверенно, больше жалея. Все мы делаем глупости, я и сам не железный и даже не деревянный, в юности один мой товарищ сказал про меня, что я *кисель*... Но я не буду становиться камнем, чтобы об меня никто не ушибся. Вот сейчас еду в поликлинику, может быть, уже готов анализ крови, утешит или испугает – но эту книгу написать я успею. Надо еще расплатиться с долгами, написать роман, редактировать авторов, затем впереди еще «История философских идей»...

Но еще надо подготовить Сборник статей моих оппонентов и всех, писавших по поводу «Легенды», вызвать на литературно-философскую дуэль.

Зачем это все читателю? "Не нравится, не ешь!" – никого не принуждаю... «Собор Парижской Богоматери» Гюго читал я в тринадцать лет, рассуждения об Аристотеле, о том, как много потеряло человечество при переходе от рукописных книг к книгопечатанию – и это было мне интересно! И знаменитые "детские" книги "Робинзон Крузо" и "Приключения Гулливера" я читал в академическом издании – в одиннадцать лет, с длиннотами – и я их, еще тогда, в одиннадцать лет, полюбил именно с длиннотами, с долгими рассуждениями будущего Робинзона о его беспутной юности!

Книга – это тайна, иногда непостижимая даже для автора, особенно непостижимы отступления, воспоминания, обещания на потом, оборванный рассказ – непостижимо все, что нарушает плавное течение повествования, что кажется часто ненужным, странным, чужим. Но ведь и человек и его жизнь тоже не являются систематическим изложением событий и происшествий, поэтому разрушение системы – не всегда зло, ненужное – иногда нужнее всего...

3. Восстание

Но Бердяев не зря был социалистом, не мог он вместе с Леонтьевым воскликнуть: *«Кровь, ужас, боль, смерть – это мучительно, это ужасно – но – как это красиво!»* (Как-то удивительно странно, что христиане отвергают красоту, женские украшения, наряды и моды, **отвергают жизнь** во имя смерти – но *смерть они украшают!* – устраивают своего рода *венчание* со смертью, причащают и соборуют умирающего, отпевают покойника, устраивают похороны, поминают на девятый и сороковой день.)

И не случайно Леонтьев пишет об "эстетике войны" – его христианская душа предпочитает эстетическое (отвергая культуру и цивилизацию) нравственному в церковной и государственной жизни.

Но вернемся к Бердяеву. Требования земной жизни, понятия о добре, справедливости, счастье и социальной свободе прорываются в нем через своего рода *схоластическую эстетику*... или это что-то еще более непостижимое? Но – слушаем!

Он соглашается с Достоевским, что «*потребность всемирного соединения* есть третье и последнее мучение людей.» [Разумеется, не доказывая! – вот жаждет человек всемирной империи – и всё! А что ж тогда евреи восставали против Римского владычества, а что ж тогда павликиане сражались даже против своего церковного владыки, альбигойцы двадцать лет стояли против крестоносцев, а затем против войск объединенной Европы, протестанты гибли в Тридцатилетней войне, французы – в Столетней?]

«Христос отверг "всемирное соединение" в земном, абсолютном, себя обоготворяющем государстве, соединении мира вне Бога [когда и где он об этом говорил? Николай Александрович, да побойтесь хоть Бога, если истины не боитесь, если не стыдно возвещать все, что вам нравится, в качестве истины!]. Как возможно "всемирное соединение в Боге", как возможна общественность религиозная, как возможен вселенский исторический путь во Христе, а не личное только спасение, – это основной вопрос нового религиозного сознания, вопрос о *теократии*, о победе *богowlастия* на земле над человековластием, над обоготворением человеческого в лице одного – Кесаря или Папы или всего Народа.»

«*как возможен вселенский исторический путь во Христе?*» – да никак, завтра Европа станет Исламским халифатом, да и Россия вслед за ней тоже. И это произойдет не потому, что мусульмане энергичнее, а христианство одряхлело, но что **устала Европа от христианства, устала молиться, поклоняться, славословить**. Когда я слушаю оперу в театре и она мне нравится и производит сильное впечатление, когда я восторгаюсь фортепьяно и скрипкой и слезы льются над романом Гюго и Стендаля, то это происходит не потому, что мне говорят, что так должно быть, что это выдающиеся произведения культуры: я и сам это чувствую и знаю.

Но когда я простаиваю службу в церкви, смотрю на иконостас, слушаю пение церковного хора, чувствую запах ладана, с умилением гляжу на бесчисленные огоньки свеч, душа моя успокаивается – но что в этом христианского? Огоньки свеч успокаивают, как и костер в лесу, – это языческое, природное. Иконостас сообщает гармонию, пение улаживает – но это не религия, в театре то же самое.

А когда принимаю к действительному христианству, к его учению, начинаю читать Евангелие, отцов церкви, богословских философов и философствующих богословов, сочинения преподобных и блаженных, выслушиваю проповеди **против живописи, против музыки, литературы, против невинных поцелуев, против смеха, игры, театра, кино, бега и танцев** – я угнетаюсь духом.

Вы видели бегущего монаха? Играющего в футбол? Ну да, это суета...

Или вы видели танцующую монашку? Или священника, читающего «*Озорные рассказы*» Бальзака? Или иконописца, играющего в карты? Может быть, и увидите, но они не входят в ткань того мира, они выпадут из него.

Я тоже знал, что надо стремиться к «*высшей свободе, к сверх-человеческому, что религия земного, ограниченного блага людей есть соблазн, есть предательство, отказ от своей свободы и своего назначения.*» – пока мне это впедали в уши Достоевский, Розанов, Бердяев и Конст. Леонтьев – но как умолкает их голос, я *перестаю знать*. От какой свободы я отказываюсь, идя в театр? Кого я предаю, читая Иванова-Разумника или Кнута Гамсуна? Какое назначение я теряю, заботясь о девочках, у которых, возможно, бывают и греховные помыслы? [Меня это интересовало, но я так и не узнал, бывают ли у девочек лет в двенадцать-тринадцать греховные помыслы. Они мне не рассказывают, а мальчики об этом сами не знают...] Итак, чего я только не делал в своей жизни, даже клялся больше не пить – но я не узнал, в чем состоит *высшая свобода* в отличие от тех свобод, о которых я знаю из опыта, из чужого опыта, из литературы. Если это свобода верить или не верить, то это "свобода совести", ее Франции даровала Великая Французская революция, но не Торквемада, не папы, и тем более не Иисус Христос.

Читаю дальше: «основной вопрос *нового религиозного сознания*, вопрос о *теократии*, о победе *богоставия* на земле над *человековластием*, над обоготворением человеческого». Бердяев повторяет рассуждения Достоевского о "церкви как государстве" или "государстве как церкви"...

Разумеется, Бог прямо (как некогда Иисус Христос) уже не ходит по Земле, и не становится императором, следовательно, *богоставие* в буквальном смысле слова не осуществимо, но только осуществима власть церкви, ставшей государством. По существу почти двадцать веков церковь и была государством (и исполнять функции государства церковь в состоянии, лишь расширив свой аппарат). Но как может государство стать церковью?

Монах или священник может совместить функции чиновника, настоятели монастырей и были их управляющими. Но чиновнику стать монахом и священником сложнее... да, собственно, такое совмещение было бы нелепостью.

Поэтому, поймай философа в темном углу, приставь нож к его горлу и вели ответить, что такое *богоставие* и может ли оно осуществиться? *Умрет, но не скажет!*

Читаю дальше: «Христос проповедовал *царство Небесное*, отверг землю, оторванную от Неба, человечество, оторванное от Бога. Христос не "всемирный покой" проповедовал, а всемирную борьбу для последнего освобождения и спасения мира, для раскрытия смысла мира. Всякий, поднявший "меч Кесаря", восстал уже на Христа.»

Читатель, возможно, уже забыл, что хотя я редактирую чужие произведения (а *критическое исследование* органически входит в суть *редактуры* как части литературы), и даже претендую стать "редактором человеческих душ" (в отличие от *инженеров*, в которых я разочаровался), но по образованию я математик, преподаватель математики, и даже написал толстый Учебник, обнимающий два курса высшей математики (под названием "Азбука...").

Именно поэтому я все еще помню таблицу умножения, начала логики, и

неправильное рассуждение отличаю от правильного так же легко, как все четыре ошибки в слове "еще".

Но расшифровать четыре Бердяевских предложения я не в состоянии.

То, что «Христос проповедовал *царство Небесное* и отверг землю» – известно, и *Землю Он отверг безусловно, окончательно и бесповоротно*, Он обещал конец света, никогда не сказал, что, может быть, с нею еще что-то можно сделать, попытаться благоустроить – НЕТ! – оставь надежду всяк, на ней живущий! – христианин не должен пытаться исправлять мир и жизнь, но только собственную душу и идти за Христом, в этом РАЗРЫВ христианства со всеми земными учениями, со всякой жизнью, путной или беспутной, со всяким атеизмом и теизмом кроме христианства, со всеми пророками, пыгавшимися исправить человека и его жизнь, с марксизмом, социализмом, павликианами, альбигойцами (катарами), с Вольтером, Коперником, Колумбом, Александром Третьим, Петром Первым, Екатериной Великой, с Толстым, Радищевым, Герценом, Пушкиным, Лермонтовым, Гете, со всей мировой культурой... долго перечислять... каждая мать, пытающаяся стать христианкой, должна отказаться во имя Христа от своих детей, вместе нельзя, или-или!!!

Напоминаю святые слова преподобного Игнатия Брянчанинова: «Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его (Мф.10:34-36).*

Падение подчинило сердце владычеству крови и, посредством крови, владычеству миродержителя. Евангелие освобождает сердце из этого плена, из этого насилия, приводит под руководство Святого Духа.

Святой Дух научает любить ближнего свято.

Любовь, возжженная, питаемая Святым Духом огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (Лествица, Слово 15, гл. 3).

«Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя», – сказал святой Иоанн Лествичник (Слово 3, гл. 16).»

Перечитай роман «Овод», комсомолка, читающая на ночь Игнатия Брянчанинова "со слезой". И ты вспомнишь, что Бог требует в жертву твоих детей...

Итак, читаю Бердяева дальше:

«Христос ...отверг ... человечество, оторванное от Бога».

Вообще-то, чтобы пояснить, что это значит, надо написать целый том богословских комментариев на одну эту фразу, как Иоанн Златоуст написал том комментариев к фразе апостола Павла *о свете, который во тьме светит* (но сия книга в шкафу за пианино, найти не смог, пусть читатель ее поищет сам, слова его точно не помню).

Человечество в лице Адама и Евы изгнал из рая Бог-Отец. Хотя Христос существовал предвечно, но... толковать действия божества в человеческой истории сложно. Пришествие в мир Иисуса Христа, Сына Божия, было именно и только Его пришествием, и это именно Он был распят на кресте, и при

попытке понять действия и бытие во времени Лиц Божественной Троицы надо помнить, что они *не сляпанны*, и при крещении в Иордане (Иоанном Крестителем), «когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!»; – то это именно Дух Святой сошел на Иисуса Христа... Но еще темен вопрос о том, был ли Иисус Христос при воплощении Лицом Троицы, будучи и Богом и Человеком одновременно. Я может быть и мог бы несколько яснее изложить сию тему, но ведь сожгут?!

Но во всяком случае, неверно говорить так, что это Иисус Христос, Спаситель, пришедший спасти человека, когда-то его и изгнал из Рая. И даже неверно говорить, что и при пришествии Он одних принял, других отверг. Принял или отверг Он блудницу? И разве отверг даже разбойника, бывшего рядом с Ним на кресте и пожалевшего Его?

Но читаю дальше: «Христос ...проповедовал *всемирную борьбу* для последнего *освобождения и спасения мира*, для раскрытия смысла мира. Всякий, поднявший "меч Кесаря", восстал уже на Христа.»

Сам же Бердяев спрашивает «как возможен *вселенский исторический путь во Христе*, а не личное только спасение»? – то какую же *всемирную борьбу* и когда проповедовал Христос? Если под *всемирной борьбой* подразумеваются вселенские боины и войны, костры и Крестовые походы, то это ли Он проповедовал? А ведь принципиальная особенность христианства состоит в том, что оно *лично*, что проповедь Христа обращена к каждому отдельному, а не к группам, сообществам, союзам. И уж тем более не шла речь в Его проповедях о «последнем *освобождении и спасении мира*, и раскрытии смысла мира» – мир сей надлежало ученикам Христа отряхнуть от обуви своей.

И также нет в Новом Завете о тех, кто «поднял "меч Кесаря", чтобы восстать на Христа».

О, философы! Вы воистину сказочники, из воображения вы творите историю, и проповедь, и объяснение мира. И зачем я терзаю читателя, объясняя ему невежество учителей «Нового религиозного сознания», которые и в старое сознание не открыли даже тесного лаза в кустах?!

В одном месте говорится о мече так: «ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» – но и это вовсе не "меч Кесаря". Где же его нашел Бердяев?

4. Церковь и государство

Рассматривать отношения христианской веры и государства – значит рассматривать отношения церкви и государства. На мой обывательский взгляд, начиная с того времени, как Римская империя сделала христианство государственной религией, отношения между ними – это только отношения государства и церкви. Они друг в друге нуждались, они друг другу помогали, они были той Двоицей, которая во всем была аналогична христианской Троице. Опуская краткие периоды расхождений, как при Флавии Клавдии Юлиане, известном также как Юлиан Отступник, (331 – 363) – последнем языческом римском императоре, (361–363), ритор и философе, можно

сказать, что церковь возрастала и усиливалась сначала под опекой государства, пока сама не взяла государство под свою опеку. [Впрочем, поучителен краткий рассказ о его правлении. В своём «Эдикте о терпимости» от 362 года Юлиан разрешил восстановление языческих храмов и возврат их конфискованной собственности, а также вернул из изгнания сосланных до него христианских епископов. Были разрешены публичные диспуты на религиозные темы. Даря веротерпимость и *хорошо зная психологию христиан*, Юлиан был уверен, что они не смогут ужиться в согласии и начнут ожесточённые споры, на что, по-видимому, он и рассчитывал, что в их церкви начнутся раздоры, и такая разьединенная церковь уже не будет представлять для него серьёзной опасности. Вместе с этим Юлиан обещал выгоды тем из христиан, которые согласились бы от христианства отречься, чему было немало примеров.]

Однако, соединяя в себе социалиста и христианина, Бердяев поёт: «Легенда о Великом Инквизиторе – самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми. Никогда еще не был произнесен такой суровый и уничтожающий суд над соблазном государственности, над империализмом, никогда еще не была с такой силой раскрыта *антихристская* природа земного царства [о котором всего лишь сказал Христос, что Кесарю надо отдать кесарево и что рабы должны повиноваться господам своим не только по долгу, но даже и по любви!!!] и не было еще такой хвалы свободе, такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа.»

«Но это анархизм на религиозной почве, не "мистический анархизм", а теократический анархизм, это творческая революция духа, а не революционно-анархическое разрушение и распадение. Это отрицание всякого человеко-властия, всякого обоготворения человеческой воли, всякого устройства земли, во имя Боговластия, соединения земли с небом. И остается непонятным, как мог автор "Великого Инквизитора" защищать самодержавие, соблазниться византийской государственностью...»

Не все надо комментировать, не всему возражать.

«Вселенную заполнил мусор слов»...

Но читаю Бердяева дальше:

«Великий Инквизитор хотел бы сделать людей недостойными "того света".

Люди уже захотели, чтобы "избавили их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного". Позитивизм уже избавился от этих мук, уже отверг для людей решение личное и свободное, это – одна из хитростей Великого Инквизитора. Абсолютное земное государство, вновь возрождающееся в эсхатологии социал-демократии, – другая его хитрость, "все будут счастливы".»

«Новое религиозное сознание отвечает всем малым и великим инквизиторам мира: раскрытие людям *тайны о смысле вещей*, раскрытие истины абсолютной и вечной выше всего в мире, выше счастья людей, выше всякого здания для человечества, выше спокойствия, выше хлеба земного, выше государства, выше самой жизни в этом мире.»

В чем же состоит *тайна о смысле вещей*, знает ли ее Бердяев?

«Миру должно быть поведано слово истины, объективная правда должна раскрыться, чего бы это ни стоило, и тогда человечество не погибнет, а спасется для вечности, какие бы временные страдания оно ни претерпело. Люди – не бессмысленное стадо, не слабосильные, презренные животные, которые не могли бы вынести тяжести раскрытия тайны, люди – дети Божьи, им уготовано божественное назначение, они в силах вынести тяжесть свободы и могут вместить мировой смысл.»

«Миру должно быть поведано *слово истины*...»

Мне иногда кажется, что Блаватская и Елена Рерих уснули, и Бердяев поет вместо них.

Пожалуй, надо объявить перерыв в нашем заседании, уснет читатель, уснет комментатор, уснет сам лектор – может быть даже мы все уснем вечным сном, если не сойдем раньше с ума.

Нужны перемены. Возможно, надо переставить мебель, завести любовницу, напиться (как жаль, что мне уже стало совсем невозможно пить!), пойти в баню... Скорее бы уж апрель, дожить бы до него, выйти в огород с лопатой и воскликнуть: *Как хорошо жить без философии, без религии, без богословов и богоискателей!* Как прекрасна музыка, соединение звуков в которой подчиняется закону, вероятно, более высокому, чем закон соединения слов в кажущееся правдоподобие смысла. Вот такое соединение *бога, неба, высшего, свободного, вечного, истинного*, которое Бердяеву кажется оправданием для любого произвольного соединения их, в музыке невозможно. И как прекрасна поэзия! В строках ее непременно должна присутствовать гармония и магия, недостаточно информации, сообщения, повествования. Поэт не открывает нам, что на небе много звезд, мы это знаем без него, он говорит: «Открылась бездна, звезд полна!»

После Бердяевской тяготы мне расхотелось жить, как после чтения Энгельсовского «Антидюринга», когда я хотел повеситься.

Мне ведь тоже могут сказать: зачем ты взялся за писание этой безумной книги, наполненной тоже горами пустот и длиннот?

Да, виноват! – отвечу я. – Захотелось прославиться, отличаться, вызвать скандал, привлечь внимание. Меня мучают болезнь и страх смерти. Отчаянье и тоска. *Она* меня бросила по непонятной причине. Кругом меня бессмысленные сочетания бессмысленных слов (в книгах, речах, спорах). Я устал, и *она* не приходит мне на помощь! **Я взялся за эту безумную книгу в отчаянии!**

5. История не учит

23 января, 20-15. Бросаю Бердяева, наскоро дочитаю и перейду к "более умным". Это ведь для полноты собрания я его пригласил за "Круглый стол", а то, что он меня *за-му-ча-ет*, я знал еще одиннадцать с половиной лет назад, когда мы вместе "писали" "Записки на пальме". Не всё у него плохо, но то, что плохо, у него лучше всех, то есть гораздо *плохее!* (только «Антихристианин» Ницше хуже.)

Вот закончу эту книгу, возьму каникулы, надо расплатиться с долгами, много работы в издательстве, надо напечатать еще один номер «Русских

страниц», взяться за «Русский альманах истории, философии и литературной критики», который будет представлять собою новый литературный жанр-синтез, подготовить к изданию двух авторов, которые меня об этом просили, и еще немало всего. А потом огород, картошка, перестройка бани, прогулки в лесу, и начну потихоньку набрасывать Роман. Не знаю, о чем, о ком, какой... но философствование меня "заколебало", необходимо сгущение языка, чтобы длинноты входили в метафору, как гвоздь в деревянную стену. В романе не требуется доказательства, опровержения, там все содержится в характере, в языке, в происшествии, в чувстве и взгляде. Правда, и Бердяев пишет почти о том же, но он думает, что не требуется доказательства и опровержения в наших с ним разглагольствованиях, но это не так, именно потому, что он думал, что с него не спросят "отвечать за базар", он и "нёс пургу". А с него спросили, сначала со всех вместе с ним, когда Железняк заявил, что "Караул устал", и закончился парламентаризм в России (да, потому, что и Мережковский, и Розанов, и Бердяев кроме и умных вещей слишком много несли пурги, они всё толкли в своей философской ступе те незабвенные слова, что не хлебом единым жив человек, а этот человек вымирал семьями, деревнями, уездами, областями и городами и целыми странами в 18-м, 22-м, 33-м, 42-43-м и даже в 47-м, что уже видел и я сам, видевший, как дети шли по нашей деревне и пели Лазаря, ведя под руку незрячего старца. «Мальчик, дай хлеба!» – попросило дитя меня. Мне было пять лет, ему семь. И я заплакал (сознаюсь, я плачу теперь, при воспоминании, тогда я побежал за бабушкой, и она принесла ему первый зеленый огурчик, который несла мне, потому что хлеба не было и у нас, мы всю весну ели черемшу без хлеба и остатки старой картошки, выкапываемой из земляного пола подвала).

Я не оправдываю русские Революции, но я их понимаю. Да, агитаторами были евреи, но и народ устал, и не зря пустился в Бунт, бессмысленный и беспощадный... а во многом осмысленный, все вперемешку, как и Бунт Ивана Карамазова, который и Достоевский понять в себе до конца не сумел, вчерашний социалист (как Бердяев), ставший богоискателем после каторги (как и Бердяев после ссылки).

И вот – история повторяется, двух тысяч лет *неудачного христианства* (ибо даже Бердяев, нелепо соединяя причины и следствия, все же признаёт: «Власть трех искушений в многовековой истории человечества обнаружила **неспособность христианства**, взятого в его ограниченности и временности, овладеть жизнью, **определить пути всемирной истории**») не хватило, чтобы понять его пустоту, вымерли все, кто помнил о вымерших из-за отсутствия хлеба, и нас снова зовут "сквозь тернии к звездам".

Бердяев упрекает Великого Инквизитора, что тот хотел бы сделать людей недостойными "того света". Да так ли уж надо становиться его достойными?

Вот я пишу сию злополучную книгу, из-за нее мне приходится претерпевать.

Во-первых, волхвы соблазнили меня любовью (за это я им благодарен. Да, кстати, я уже не мечтаю о ее возвращении, о ее симпатии, мне бы только увидеть ее и убедиться в том, что она вернулась к себе самой, той, какую я видел ее на фото на скалистом берегу Крыма, красивую, юную, счастливую и

не придавленную любовью к богу, которая изматывает человека. Пусть бы она отложила Бога своего на потом, а пока была счастлива с дочкой, мужем, родителями, подругами и литературой, не надо уже нам возвращаться туда, где все уже выгорело, я и так счастлив тем, что она была! Но мне необходимо ее счастье – да, с другим! – как ей необходимо счастье ее дочери).

Волхвы теперь ко мне не приходят, и я боюсь, что они что-то задумали, что они роют яму, они хотят, чтобы я узнал, что такое тот свет, как туда переходят, и об этом написал в своей книге. Да братцы мои!... нет, дядюшки, что это вы глупости задумали? Не надо об этом ни знать ни писать, и я не хочу и не буду! Из всех тайн, которые меня заставляли задумываться, привлекает меня тайна женской любви (и я о ней еще напишу, вот успокоюсь, болезнь от меня отстанет, отчаянье и одиночество померкнут совсем – а они уже меркнут, я стараюсь! – и напишу что-то другое, не такое грустное, как в последнее время); и еще – меня привлекает тайна народной любви к жестокости и насилию.

Вот, например, в России многие любят Сталина, самого страшного и кровавого диктатора в ее истории, принесшего России ослабление всех ее оснований – ослабление семьи, доверия, верности, мужества, семьи, крестьянского быта – эту тайну мне необходимо разгадать, потому что заботит меня не судьба христианства, а судьба России – но разгадать эту тайну сквозь кисею выспренных слов, непонятных почти никому кроме богословствующих философов, невозможно. Надо говорить на том языке, который понятен крестьянину – если не спившемся мужику, так его добронравной жене, задумчивой дочери, деревенским веселым детям, которые читают и Толстого и Тургенева, и способны понять «Записки охотника» и «Анну Каренину». Но в их книгах нет еще «ни позитивизма, ни социализма, ни *зачинающейся религии земного человечества, освобожденного от вселенского смысла*», нет еще «абсолютного земного государства, вновь возрождающегося в эсхатологии социал-демократии, – ... предмирного, метафизического начала зла, небытия и рабства...» – нет, понимаю еще меньше, чем у Кьеркегора. Римская империя, Священная Римская империя, монархии Петра Первого, Екатерины Великой, Бонапарта, Габсбургов и Гогенцоллернов были абсолютными, надо ли было запугивать читателя якобы зарождающимся в начале 20-го столетия, когда Бердяев писал свою книгу, *абсолютным земным государством*? Прежние были или НЕ абсолютными, или не *земными*? Или еще дух Христов на них почивал?

«Охранение **тайны**, *сокрытия смысла жизни во имя счастья людей*, во имя построения для них здания – вот глубокая тенденция, проявляющаяся на разных концах современной культуры.» *Кто бы знал эту тайну кроме Бердяева?*

6. Новый апокалипсис

Далее Бердяев рассуждает о «Метафизическом, предмирном грехопадении» как о «разложении бытия на составные части, атомизировании его, мучительном разъединении, хаосе и вместе с тем насильственным подчинении частей этого бытия *необходимости*, "законам" природы».

Преодоление такого *грехопадения* Бердяев видит в «освобождении всех существ мира от рабской зависимости, от *необходимости*, от навязанной

извне закономерности, и соединении всех существ, всех частей мира путем любви в гармонию, в бытие вечное и безмерно содержательное.

«Торжество первого начала ведет по пути окончательного отпадения мира от Бога, по пути *небытия* и всепобеждающей смерти, торжество второго начала ведет по пути воссоединения мира с Богом, победы над смертью и утверждения *бытия*.»

Но мы уже запутались в употреблении понятий. Наш мир – бытийственный, тот мир – *инобытийственный* или *сверхбытийственный*. Противостояние этого мира и того – это противостояние *бытия* и *инобытия*.

Наш мир временный, смертный, тот мир вечный, бессмертный...

Но противостоят Добро и Зло, Свобода и Порабощение. Зло и Порабощение должны быть преодолены. **Как?**

Бердяев пишет: «окончательный исход и полное разрешение возможны лишь в процессе сверхисторическом и сверхчеловеческом». Что это значит, об этом он не пишет. *Я предполагаю, что он и сам этого не знает.*

«Русское самодержавие с его бесчеловечной и безбожной политикой, с казнями, тюрьмами, надругательством над личностью и черносотенными погромами есть остаток зла первобытного, зверства изначального, рабства, от которого мир освобождается в своей истории. Злое, звериное в абсолютном, насильственном государстве видно всякому зрячему, зло прошлого обнажено, раскрыто и доживает последние дни. Первобытный хаос зашевелился в стихии русской революции, сама она и реакция на нее обливают землю кровью, но и в этом кровавом хаосе нет еще окончательного ужаса.»

Итак, мы думали, что две тысячи лет ночь была над Европой, но Бердяев нас утешает, что «звериное в абсолютном, насильственном государстве видно всякому зрячему», поэтому оно так себе, почти и не зло, и его бояться не надо.

Но на «пути освобождения от изначального зла... человечество подвергнется соблазну зла более утонченного, **зла конечного**.

... Есть старый авторитет, порабощавший свободную совесть, но идет авторитет новый, который поработит ее окончательно, есть старый Меч Кесаря, жестокий до зверства, насилующий, но идет новый Меч Кесаря, *обожествление государства будущего*, счастливого муравейника, в котором *окончательно люди лишены будут свободы* и приведены к *небытию*».

Будут ли там зверства, Бердяев не говорит (не знает), но в прошлом, в средневековых деспотиях хотя человек и был лишен свободы, и был несчастлив, но был еще с Богом, ибо еще не был *соблазнен* (счастьем без Бога?)

Далее Бердяев говорит: «свобода выше счастья, *боголюбие выше человеколюбия*, ... хлеб небесный выше хлеба земного, ...свобода совести выше авторитета, смысл бытия выше самого факта бытия... Мы хотим решить проблему хлеба земного, не соблазнившись им, не отвергнув во имя его хлеба небесного, проблему богопоклонения, не соблазнившись авторитетом и чудесами внешними, не отказавшись от свободы совести, проблему соединения людей, общественной гармонии, не соблазнившись Мечом Кесаря и царствами этого мира, сохранив свободу личности.»

Мне кажется новая аксиоматика Бердяева не менее загадочной, чем идея грехопадения человечества в познании добра и зла.

Но все же я надеюсь дожить до моего личного счастливого будущего, когда я дочитаю его новую теософию до конца. На большее я уже не надеюсь.

7. Лики демонизма

В завершение своей статьи Бердяев рассматривает две темы: Демонизм и Бунт против Бога.

В демонизме он видит две противоположные формы: демонизм Ницше и демонизм Маркса. «Ницше ... многих соблазнил, ...но демонизм Ницше – явление огромное, истинно новое, безмерно важное для нашего религиозного сознания.»

«Вся сложность и глубина проблемы Ницше в том, что он был таким же благочестивым демонистом, как и Байрон, что богоборчество тут не темная, злая сила, а временное затемнение религиозного сознания от добрых, творческих изменений религиозной стихии человеческого бытия. ...Таков и Иван Карамазов, таковы многие люди нового времени, переживающие тяжкий кризис, ...богоборчество их не есть метафизическое отвращение к Богу и окончательное избрание зла, люди эти ищут, идут расчищать путь человечеству. Дух Божий невидимо и неведомо присутствует в них...»

«Официальные служители церкви, современные книжники и фарисеи, ... – агенты Великого Инквизитора.... Как благочестив по сравнению с ними, как близок к Христу Ницше и другие богоборцы; язычник Гёте спасался в Духе, так как не совершал на Него хулы.»

«в личности Карла Маркса была гораздо большая привязанность к злему началу, гораздо большая любовь к миру небожескому и противобожескому, чем у Байрона, Ницше, Ивана Карамазова и других богоборцев. Маркс верил только в творческую силу зла... и "злым" путем жаждал он устроить земное человечество, осчастливить его, лишив свободы выбора... В его личности и в духе его писаний явственно видны черты мрачного демонизма, вытекающего из метафизической его воли, ... из привязанности к бытию *временному и бессмысленному* [но мы живем только в таком бытии! Неужели Бердяев сподобился жить в бытии вечном?] ...У Маркса была вражда к вечности, у таких демонистов, как Байрон или Ницше, была тоска по вечности.»

Позднее, в «Самопознании» Бердяев пишет: «...*В истории христианства и христианских церквей я видел постоянное отречение от свободы духа и принятие соблазнов Великого Инквизитора во имя благ мира и мирового господства*».

Далее, противореча сам себе, Бердяев говорит: «Демонизм является в двух, по видимости противоположных, формах: в форме **обоготворения личности, безграничного утверждения ее**, и в форме презрения к личности, безграничного отрицания ее. Но обе формы демонизма сходятся и в поеледном счете одинаково покоятся на **безличности**, на отрицании абсолютного значения и предназначения личности». [Да что же это такое?! *Безграничное утверждение личности* в конечном счете упокоится на *безличности*? Может быть, легче уже умереть и избавиться от Бердяева?!]

А что же христианство? Разве требование смирения, самоумаления, сознания своей безграничной греховности, своей мерзости (что сквозит в писаниях всех праведников, от Иоанна Лествичника до преподобного Игнатия) – не презрение к личности, не отрицание ее?

Затем Бердяев развивает тему демонизма как Бунта против Бога.

В центре христианства идея человека как раба божьего (и это же утверждает и Ницше), но, прибегая к *диалектическому перевертыванию понятий*, Бердяев говорит: «В противоположность Ницше, я думаю, что демонизм, а не христианство, есть мораль рабов. Бунтуют против Бога рабы Божьи, дети Божьи любят Бога.» [*рабы восстают, а свободные покорны...*]

Вот это мышление удивительно христианское: восстающие против рабства оказываются рабами, благословляющие рабство становятся детьми Божьими и любят Бога. Это то же самое что «блаженны нищие духом», «иго мое есть благо», «царствие Мое не от мира сего, но отдай кесарю кесарево», «не мир я принес, но меч, не соединение, но разделение»... Так свободны смиряющиеся с тиранией, целующие ноги своих мучителей, не желающие покидать стены тюрьмы даже после освобождения (это известное психологическое явление), так заложники защищают террористов, страх смерти превращается у них в любовь. Не такова ли и любовь к Сталину?

Но последуем за новым христианином дальше (а что он христианин новый, следует из того, что он принадлежит к кругу таких же как он, философов, ищущих *новое религиозное сознание*, и только что утверждал «неспособность христианства, взятого в его ограниченности и временности, овладеть жизнью, определить пути всемирной истории».

«*Обоготворяющая себя личность*, отвергнувшая всякое высшее бытие, ничего, кроме себя, не признавшая, явно идет к небытию, лишает себя всякого содержания, тлеет, превращается в пустоту. Утверждать свою личность значит наполнять ее бесконечным содержанием, впитывать в себя мировое бытие, приобщаться к бытию бесконечному. Всякое воление личности пусто, если оно не имеет своим предметом, своим объектом бытия универсального, мирового всеединства [Владимир Соловьев?]

Возражать подобным заявлениям сложно. Мы не видим демонов, никто не называет себя этим именем, и никто не утверждает, что он Бог (кроме людей с некоторыми *отклонениями*, которых я встречал в советской психиатрической тюрьме). Что человек себя *обоготворяет*, это оценка со стороны христианина тех, кто иначе относится к Богу, скажем, в частности, является атеистом. Но принимает ли Бердяев *свободу совести* или ее отрицает? Если принимает и считает ее благом, то не должен он с презрением относиться к атеистам и утверждать, что они *обоготворяют* сами себя. И так же нельзя обвинять в демонизме и обоготворении себя тех, кто выступает с критикой христианства. Ведь я же не думаю, что я демон, и также не считаю себя Богом.

Но чтобы продолжить возражения Бердяеву обстоятельнее, мне придется отвлечься и рассказать о том, что случилось позавчера на встрече в Союзе. А случилось там нечто удивительное и чудесное.

Известный писатель и критик В. Кр. вручил мне тоненькую тетрадку моих стихов, записанных почерком моей жены, которые я сочинил в той самой

сумасшедшей тюрьме в 70-71 годах, и которые у меня не сохранились, а я их не запомнил и считал уже погибшими, и которые, оказывается, пролежали у него сорок пять лет! «Рукописи не горят!», добавил мой старый (как выяснилось) знакомый.

К стихам была присоединена на скрепке еще бумажка с отрывком из его статьи или дневника.

«Рассказываю ему о В. Ч.

– Я его хорошо знал. Сейчас он сидит в психушке. Направлен туда накануне суда. Взяли за рукопись, где высказывал мысли о судьбах России. Какой же он сумасшедший? Жена, друзья – никто не замечал в нем болезни. Преподавал математику. Ребенок у него. Какая нужда в лечении?

– Что же по вашему, инакомыслие – гарантия от психического заболевания?

– Я думаю, что это происходит не столько от злонамеренности тех, кто посылает на излечение людей вроде Ч---ва, сколько от искренней веры, что не принимают коммунистические идеалы, которые столь очевидны, только идиоты.

Рассказываю ему:

Не так давно я слушал в Ленинградском университете цикл лекций профессора Свидерского "Проблемы диалектической логики". Он где-то в лекции бегло напомнил слушателям: "Материя первична – это ясно".

Я спрашиваю громко, на всю аудиторию: "Почему?"

Он: "В будущем коммунистическом обществе только сумасшедшие будут думать иначе".

По-видимому, повторяется то же, что во времена инквизиции. Святая инквизиция тоже искренне верила, что все, кто против папы и церкви – все слуги дьявола.»

При чтении статей и исследований, посвященных «поэме Ивана Карамазова», как он ее называл, у меня составилось впечатление, что все авторы (из тех, которых я пока прочитал), не только правочерные христиане, но ничем не отличаются от убежденных советских следователей и профессоров и судей святой Инквизиции. И тем и этим очевидно, что "*инакомыслящие*" – это или сумасшедшие, или слуги дьявола, или враги народа. При таком положении дел я обязуюсь в споры ни с теми ни с этими больше не вступать (только кое-как закончу свою книгу, нехорошо ее обрывать незаконченной), и в других своих сочинениях мои герои или я сам будем высказывать свои мысли, но не будем возражать оппонентам, причисляющим *инакомыслящих* к врагам, демонам или сумасшедшим. Разговаривать с ними тоже не стоило бы, но я человек деликатный, я никому не скажу, что *личность пуста*, если она *не наполнена* "мировым всеединством" (??), коммунистическими или христианскими идеалами, верой, революцией, Богом или, напротив, материей.

Я думаю, что Культура так богата (включая в себя в том числе религиозные и социальные мифы вроде христианства и марксизма), что культурный человек даже переполнен – культурой и жизнью. **А если он к тому же влюблен...**

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Лосский и Шестов: Достоевский о христианстве*1. Страх и отчаянье*

24 января, воскресенье, 12-12. Что-то случилось со мной на исходе недавней ночи – вероятно, я стал жертвой «панической атаки», которая вызывается иногда и обычной усталостью и душевной подавленностью. Останавливаюсь на этом ради читателя, быть может, с ним случится подобное, и прочитав мои замечания, он будет знать, что, во-первых, *от этого не умирают*, во-вторых, это проходит, и лучше всего побегать по улице или заняться гимнастикой, требующей усилий (вопреки тому, что кажется, что вот-вот остановится сердце).

Надо верить в чудо! – сказал я себе однажды и после этого вел себя сравнительно спокойно при сходных обстоятельствах.

Ну, вот, не надо паниковать!

Но ... легко давать советы, сидя на диване за компьютером, да еще надеясь на лучшее, не испытав худшего... Прости меня, читатель, я не буду изображать из себя человека примерного, подобного эллину или римлянину – тех с детства воспитывали не бояться смерти, а нас с детства воспитывали в *смирении и страхе божьем*... Вот и пожинаем плоды воспитания...

Но я буду стараться стать лучше, больше сочувствовать окружающим, миру, делать, что могу, полезного, не требовать, чтобы меня непременно любили, быть благодарным тем, кто ко мне отнесся с симпатией, даже если потом *бабушка* и велит им мне не сочувствовать.

И на этих словах сделала перерыв, нужно товарищу помочь с изданием книги. Как видите, не будучи христианином и не спасая свою душу, и не испытывая (до следующего приступа страха) *страха божьего*, я живу не для одного себя. Не об одном себе забочусь. Не одного себя спасаю. Да, впрочем, своим спасением я даже и не занимаюсь, *мне некогда*.

2. Рукописи не горят

В тот же день, когда я получил "тюремную" рукопись, жена вдруг протянула мне старый блокнот с записками и стихами.

Записки о редактировании я отложил, они, возможно, пригодятся, когда в издательстве появится «Колонка редактора», а стихотворение мне понравилось, в своем «Лирическом дневнике» я его не нашел, и в «Осыпи», то есть среди отложенных на потом, тоже... Помещаю его на этих страницах.

Извне зрочка пустынной чем в пустыне,
Природа спит и бодрствует – во мне!
Но грустно так... В блестящем серпантине
Я двигаюсь как будто в полусне.

По сторонам докучливой дороги
Две кирхи, перелески и поля...

Быть может, мир давно забыл о Боге,
Но Ты, о Господи, Ты вспомни про меня!
Тосклив и мир, когда во мне уныло.
Природа праздник празднует с другим...
И лишь во сне шепчу я чьей-то милой
Всё то, что шепчут милым – но своим.
30 марта неизвестного года

И, конечно, происшествия эти удивительны, и они умиляют и наполняют надеждой, хотя мы все хорошо знаем, что *рукописи горят и сгорают*, часто безвозвратно, часто великие – так сгорела Александрийская библиотека, и многое не сохранилось в копиях – или их не было, или и копии сгорели...

А христианские философы настойчиво убеждают меня *верить в Бога, раствориться в нем, умиляться ему, жить для него...* Но имеют в виду они только своего привычного Бога, других богов они или не знают, или их презирают. А я верю в мудрость Гермеса Трисмегиста: ***Все то, что вы сделали доброго на земле, то и будет вашим достоянием на небе!***

Чего требуют христианские проповедники от человека?

Быть милосердным и добродетельным? Я разве против этого спорю?

Не прилепляться только к земному, не забывать о небе? И против этого я не спорю, НО – надо точнее сформулировать, что это значит. Не значит ли это, что надо непременно примкнуть к той или иной партии, раствориться в ней, отказаться от своей воли и доверить себя как орудие только этой партии? Да, значит, в этом-то все дело! И, следовательно, либо надо стать христианином и участвовать в Крестовых походах, в избиении гугенотов и сожжениях еретиков и староверов; либо стать большевиком и жечь помещичьи усадьбы, убивать дворян и офицеров и насиловать их дочерей; либо идти под знаменами фюрера завоевывать мир для высшей расы.

Николай Бердяев или Игнатий Брянчанинов призывают меня пойти за Христом, уверовать в Бога, *покориться воле Божией* – но они знают, что Сам Бог ко мне ни с какими призывами не обращается, и папа Римский это знает, и патриархи, и Великий Инквизитор, и *батюшки*, но они приватизируют, присваивают себе и церковь, и Бога, и Истину, и отождествляют себя с ними. *Батюшка*, советующий прихожанке не встречаться с одним или с другим, самодовольно считает, что на него распространяется благодать церкви, а на церковь – благодать Иисуса Христа, а на Него изливается Дух Святой – следовательно, в конечном счете, Дух Святой изливается на всех христианских священников и проповедников.

И только великий Лютер посмел и сумел разрушить этот полуторатысячелетний гипноз фальшивой преемственности Истины.

Итак, ни Бердяев, ни Достоевский, ни православный *батюшка*, ни Победоносцев, ни Иоанн Кронштадтский, ни даже Розанов не имеют права говорить со мною от имени Иисуса Христа и Бога. Они все не боги, они такие же люди, как я, лучше ли меня, я не знаю, допускаю, что все они лучше меня и талантливее – но ведь когда я исправляю задачу у своей юной ученицы, я не

сомневаюсь в том, что она лучше меня, юная, еще не успевшая нагрешить – а эти, возможно, зато уже успели грехи свои искупить – но верно ли решение задачи, не зависит от того, благочестив человек или нет!

Итак, прав на Истину у каждого из них не больше, чем у меня. И у всех у них вместе прав на Истину не больше, чем у меня – разве количеством решается, кто знает истину? Все миллионы христиан были уверены, что солнце вращается вокруг земли, и даже сжигали тех, кто думал иначе, но прав оказался один Коперник, провозгласивший, что Земля вращается вокруг солнца, как это ни странно!

Следовательно, и вся многомиллионная церковь может оказаться неправой – а Достоевский и объявил, что вся католическая церковь с Дьяволом, а не с Христом! И уверен, что прав он один.

Имеет ли право даже Иисус Христос говорить со мною от имени Бога – иудеи отрицают, что у него есть это право, а чем же я хуже иудея?

И атеисты отрицают у него это право – бегут ли христиане бить морду атеистам? Так с чего это они присвоили себе право объявлять только меня слугой Дьявола?

С Розановым и Достоевским и Бердяевым я до конца этой книги расстался, пусть они сидят за общим Круглым столом, но если у нас философский спор, то никто не вправе считать себя выше других, и они тоже. Я уверен, что Пушкин бы себе этого не позволил, он бы не сказал, что он правее других только потому, что его литературные заслуги признаны и несомненны.

3. Н. О. Лосский. Начало чтения

Надо еще из старых философов высказаться многим, хотя бы и понемногу.

На очереди Николай Онуфриевич Лосский, уважаемый мною автор философской системы «Интуитивизма» (которую я пытался осилить в 20 лет, но застрял на полпути – вот видите, какой я философ? Но я человек разумный, мыслящий и сомневающийся, и такой человек – не обязательно я – *имеет право* спорить и с мудрецами, даже и с Иисусом из Назарета).

Лосский, к тому же, написал о Достоевском книгу, «Легенда» составляет в ней главу, есть интересное и в других главах по нашей теме. Кроме того, он цитирует еще и Гуардини, немецкого философа, исследователя Достоевского, так что мы услышим мнение сразу двух весьма важных исследователей.

Сначала Лосский рассматривает статью Достоевского «Три идеи», в которой тот говорит об идее католической, протестантской и славянской (православной), впрочем, исключая из славянства не только поляков...

«Идея католичества, говорит Достоевский, есть "насилъственное единение человека", "идея еще от древнего Рима идущая"».

«Протестантизм, ставший руководящею идеею Германии, есть «вера протестующая и лишь отрицательная».

«Пусть наша земля нищая, – говорил он в Пушкинской речи, – но эту нищую землю и в рабском виде исходил, благословляя, Христос».

В конце жизни у моей матери болела спина и она умерла в Тайшете у своей внучки, не имея сил поворачиваться в кровати, с трудом перед смертью

узнавая меня. Отец мой погиб на Безымянной высоте – не самая худшая смерть, если вспомнить о миллионах умерших от голода или расстрелянных ни за что. Я за два раза просидел всего три с половиною года, условия моей отсидки были терпимыми, но страдали близкие (да и я все же не ликовал!) Все в нашей крестьянской семье работали с двенадцати лет, и хотя с голоду никто не умер, но жизнь никого не баловала. Коммунистический рай, во имя которого лились за границу реки Российской нефти, сибирского леса (а теперь уже и в европейской части России повыврубили леса), никеля, марганца, золота и алмазов – всё вывозили из этой страны "туда"! – не достроился – попадут ли строители хотя бы в христианский рай, который обещают те же проповедники и обещатели? (Разницы между ними я не вижу, одни клянутся Христом, другие антихристом, но и те и другие пренебрегают *человеком*, и все стыдят его тем, что этот несчастный человек смеет думать иногда о хлебе насущном. Но все они живут лучше меня, кроме юродивых, правда. И Достоевский не голодал, а если заботился иногда тем, где денег достать на то или другое, так не надо было в карты играть... И священники живут лучше меня, не говоря уж о епископах. Но когда мать (из стихов Некрасова) плакала и ее соленые слезы капали на несоленую краюшку хлеба, которой она кормила голодного ребенка, кощунственно и бесстыдно было ей напоминать, что не хлебом единым жив человек! И вообще это противопоставление их сытой духовности нашей крестьянской плоти, напряжением которой мы добываем хлеб и для них, и не только для еды, но и для постройки дворцов и троек лошадей для любовниц, по меньшей мере бесстыдно.

«Иннокентия III, наследника апостола Петра, возвели на папский трон с пышностью, превосходящей коронацию любого земного властелина.

... Со ступеней Латеранского дворца в день своего вступления на трон он швырял пригоршни монет в толпу римлян, восклицая: *«Золото и серебро не для меня. Я отдаю тебе все, что имею!»*

«Пусть наша земля нищая, – говорил Достоевский в Пушкинской речи, – но зато...» – о, как любят *духовностью* оправдывать *нищету духа*! В богатейшей стране мира народ умирает с голоду, но *зато...* мы *духовнее* всех! Да действительно ли мы *духовнее* всех? Смогут ли глашатаи этой духовности хотя бы объяснить себе и другим, что такое духовность? Так ли уж духовны спившиеся деревенские мужики, которых и прежде бывало немало, и всегда, а особенно теперь, когда вдруг Россия одуховнена под властью нового священства?!

«Дух дышит где хочет», но он содержится не в выпренных речах о духовности, не в благочестивом закатывании глаз, не в постнойmine, не в елеинном голосе, а в разнообразных умениях и способностях, и в сострадании, и в участии, и в заботе, и в умении писать совершенный роман, как Толстой, и в умении танцевать, как танцевали крестьянки в моей деревне, и в их прекрасном пении, и в их красоте, и в трудолюбии мужиков, и в храбрости наших воинов, в их доблести, и в верности их жен, в сказках и преданиях нашего народа, в умении строить, пахать и сеять, готовить пищу – и русский стол был разнообразен, борщ наварист и хлеб духовит, а теперь в великом городе хлеб несъедобен – и русская земля на глазах скудеет талантами, умом,

уменьем, остатки богатств распродает, но *духовность* *неимоверно возрастает*?! А, может быть, это лжецы пудрят нам мозги, ибо когда им говоришь, что у тех автомобили лучше, они отвечают: "зато у них духовности меньше!" (хотя, может быть, и не меньше).

Нужно быть *умным, образованным, участливым, заботливым*, все же остальное приложится. Не ищи царствия Божия для себя, но если, глядя на тебя, улыбнется ребенок, то все остальное приложится.

Когда дикарь тер друг о друга две палочки, и вдруг вспыхивал между ними огонь, когда охотник бил кресалом о кремь, и падала искра на трут, когда прохожему, попросившему водицы испить, хозяйка в кружку его наливала квасу, когда жена подавала полотенце мужу, любя, и когда школьники смотрели на звездное небо вместе с учителем, отыскивая Пегас и Орион, тогда и произрастала духовность.

Красивое, доброе и правильное составляют духовность; мужественное и справедливое; женственное и любящее. Как солнечный свет воплощен и в зерне и в каменном угле, так духовное наполняет и живит наши чувства и мысли, и все движения нашей плоти, и походку, и наклон головы, и звук голоса. И в свою очередь и *движение сердца* и *движение крови*, вопреки всей чудовищной клевете на них, которую распространяют скопцы, живут и воодушевляют проявления наших чувств. Девушка смущается и кровь приливает к ее ланитам, заставляя их розоветь, а иногда и мочки ее прелестных ушек – разве это плохо? Девушка смущается (или влюбляется) и сердце ее стучит чаще – что в том зазорного? И тот чудный мелькнувший вдруг *взор изпод платка*, о котором писал Блок, и который заставлял восторгаться сердца мужчин – что в этом низкого? Нет низкого ни в величественной природе вокруг нас, ни в нашей собственной природе, но низкое в ненависти к ней, в ее умерщвлении, истязании, в злобе на мир, сотворенный Богом – вероятно, не тем Богом, которого надо ужасаться, трепеща и холодея!

Из-за одной строки Достоевского я горячусь, потому что у меня не рыба кровь, и не рабья, а кровь живого человека! Впрочем, она и в нем горячилась, когда он ходил в кружок Петрашевского, но одел он на себя *смирительную рубашку христианства* и стал проповедовать скопчество.

Однако, догорячусь до конца.

Какой Христос ходил по русской земле? Его хождение в мир между двумя пришествиями даже не апокриф, и не благочестивое предание, как и в явлении его в Севилью нет благочестия, если вся кульминация появления его в неурочное время свелась к ночному спору с Инквизитором!

Пришел ли он остановить костры, горящие по Европе? Нет. Так зачем приходил?

Читаю Лосского дальше, цитирующего и комментирующего Достоевского: «к словам Достоевского о русской *веротерпимости* приходится сделать поправку. Русское правительство и законодательство до 1905 г. не отличалось веротерпимостью. Государство у нас преследовало старообрядцев, ...Секты протестантского типа... также подвергались преследованию; с ними велась борьба, неумелая и безуспешная.»

4. Pro et contra/ *Чтения о русской поэзии*

«Выяснение глубокого смысла основных догматов христианства... Это трудное дело предпринято в наше время многими русскими философами, старающимися выработать цельное христианское миропонимание.»

"Редактирую" исследование Н. И. о русской поэзии (хотя и не изменяю в нем ни одной запятой, автор не хуже меня умеет расставлять знаки препинания); и хотя со многими *препинаниями* я не согласен, но в гениальных рассуждениях интересно и поучительно и то, что противоречит моему собственному мировоззрению. Многое меня в этом исследовании восхищает, и не утерпеть, чтобы не привести читателю хоть несколько строк, чтобы потом прочитавший их у меня прочитал эту книгу.

«Вяземский отзывается о Хераскове совсем уже просто: "Он не худой стихотворец, а *хуже*"». (И я теперь о многих проповедниках христианства буду так говорить, что они *хуже*...)

О «русских философам, старающихся выработать *цельное христианское миропонимание*», как счастливо надеялся Лосский (в их числе), Н. И. пишет так: «В наши дни, во многом благодаря *зловещим успехам* так называемой "русской религиозной философии" (я имею в виду успех, которым пользуется... религиозная публицистика Мережковского и Бердяева), распространились довольно странные представления о христианском вероучении. Поэтому стоит, может быть, напомнить простую истину: **единственная цель христианской жизни – спасение души, личное спасение.**»

«художник, литератор являются необходимой принадлежностью мирового порядка, без поэта и царство не устоит; поэт не пророк, не судья, не народный вождь; звание его ниже, полученное им поручение – скромнее; – наконец, не все духовное хорошо, кстаи сказать – и не все телесное плохо... Задумаемся на секунду над такими привычными словосочетаниями, как «святая вода» (материальное) и «черная месса» (духовное).»

И, наконец, о Петре Великом: «В поступках Петра – страшных поступках, жутких, вызванных болезненной нетерпеливостью, неуравновешенностью, грубостью натуры, не было, однако, ничего бесчестного, лживого, подлого, своекорыстного (это все еще мысль Н. И.), и народ, скорбя или негодуя, продолжал все-таки доверять такому Царю в главном.»

Я привожу эти слова о Петре Первом вот почему: любовью к Петру русский народ не воспыал. Хотя ему и покорялся. *Но отчего же воспыал русский народ любовью к Сталину и пылат до сих пор? Вот тайна всех тайн* – и если я разгадаю ее, то разгадаю и *тайну мира*.

5. Н. О. Лосский. *Продолжение чтения*

«Не только во внутренней жизни России православие есть основная благодетельная сила; Достоевский полагает, что и в международной жизни Православие посредством славянства, объединенного Россиею, скажет «окончательное слово», научит «серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству и, наконец, в самое обновление людей на истинных началах Христовых»

Мой комментарий: В математике есть метод «доказательства от противного»: предположим, что $A = B$, если отсюда вытекает, что дважды два равно пять, то предположение наше тоже абсурдно.

То, что предполагал Достоевский о православии, сбылось, как говорят, "с точностью до наоборот", и «во внутренней жизни России православие» оказалось почти искоренено, и во внешней мы уже столетие окружены врагами, и если мир иногда частично объединяется, то в ненависти к России и симпатизирующему нам славянству.

Далее Лосский говорит о К. Леонтьеве, называющем христианство Достоевского и Толстого *розовым* за их проповедь всемирной любви и гуманизма как якобы пути к Богу (который Леонтьев полагает в страхе Божьем), и замечает, что действительно, «отпадение от христианства множества людей в двадцатом столетии в значительной степени объясняется тем, что **христиане часто превращают религию любви в религию страха и ненависти.**»

[Это не я сказал, это сказал Лосский.]

Продолжая критику Запада, Достоевский полагает (по мнению Лосского), что католичество объединится с социализмом, «а что стоит уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство, и что Христос только об этом и говорил?»

Затем Лосский говорит о том, что нарекания Достоевского на католичество преувеличены... его нарекания те же, что ненависть патриотов сегодня к Западу. Наши теперешние патриоты – это недавние патриоты коммунистические, ныне христианские, и в умах патриотов их вчерашний коммунизм и сегодняшнее христианство соединились в новую религию, о которой думал Достоевский как об объятиях Римского папы и Маркса – хоть в этом он оказался близок к истине в своих пророчествах, но все случилось в России, хранящей непоколебимую истину Христову, а не на развратном Западе.

«Профессор Гейлер, бывший католик, ... и перешедший в протестанство, ... в своей книге решительно изображает темные стороны католичества, но, отличая идею католичества от эмпирического *осуществления* ее, он везде обнаруживает величие *идеальных основ католичества* и даже в самых искажениях их показывает здоровое ядро.»

Но я критикую христианство не за то мракобесие, которое наступило в Европе под властью христианских церквей – в этом, быть может, и впрямь виноваты церковь и служители божьи, Торквемада и Лойола и папа Иннокентий – но тот **«роман с жизнью»**, который сочинил Сын Божий, мне не подходит – как и всякому деятельному человеку, ученому, математику, воину, революционеру, гризетке и влюбленному.

Христианство подходит тем, кто защищает свои привилегии: царские, дворянские, владетельные, кто живет не за счет труда, а получая награды по наследству или получая награды от властвующих: духовенство, проповедники, нетрудящиеся, нерожающие, надзиратели, охранители, дети рабов и рабовладельцев.

Итак, дочитываю статьи знаменитых философов, повествующих «ни о чем», и напишу Заявление в органы. *Пусть меня лучше посадят в тюрьму...*

В заключение Лосский замечает, что «гораздо раньше Достоевского в пародиях на католическую Церковь, написанных католическими монахами XIII в., высказывается мысль о Папе Римском, который, при появлении Христа у его престола отдает приказ: «выбросьте Его во тьму внешнюю!»

Об этом говорится в статье Лапшина «Как сложилась легенда о Великом Инквизиторе», в сборнике «О Достоевском», под ред. А. Бема, 1929, Прага.

Но я напрасно ввязался в этот **спор**, который касается лишь христиан; к тому же и спорят о них другие, **не** христиане, ибо и **они** высказываются не в споре или в диалоге, а в кострах инквизиции, погромах, избияниях, Крестовых походах, как и их **противники** – в терроре 1793-го года или в большевистской резне. Их мировоззрение – это система аксиом. Христианский Бог Иисус Христос, Он же и есть Истина и цель жизни и смысл ее, *Его существование удостоверяется верой, а разум должен ей подчиняться. Иноверные*, напротив, исповедуют собственную систему аксиом, отличную от христианской. Обе системы не пересекаются, спор бессмыслен, потому что **то, что требуется доказать** (или хотя бы обосновать), **утверждается без доказательства**.

Религиозная и гуманистическая точки зрения противоположны по цели и мере, для одних и целью жизни и мерой ее является Бог, для других – человек.

Выписываю из текстов Н.И.:

«Добро, которое не для Бога делается, замутняет духовное зрение, горячит кровь, вызывает повышенное самочувствие».

«Любовь к людям начинается с любви к Богу – об этом можно прочесть в Евангелии от Матфея, – заканчивается она иногда тем, что и люди проникаются к нам доверием, раскрываются для нас, начинают отвечать нам любовью.»

Но начинается ли любовь к женщине с любви к Богу? И может ли существовать какая бы то ни было деятельная жизнь в мире, если человек всецело посвятил себя Богу? И спасению своей души?

Мне кажется, что человек, занявшийся *спасением своей души*, сведет с ума окружающих, с ним невозможно будет жить рядом. Он должен уйти в монастырь или скит, чтобы не погубить близких, или жить со всеми той жизнью (в основном) которою живут окружающие, а не противостоя им.

Причем, живя тою же жизнью, что другие, он может жить иначе, чем они.

1. Если все пьют – то надо и ему пить, но пить меньше, не буянить, присматривать за близкими. То есть и *пить* – но не пьянствовать...

2. Все женятся – надо и праведнику завести семью, любить жену и детей, заботиться о них, быть для них примером – то же, что у других, но лучше.

3. Работать, продвигаться по службе – по возможности, совершенствуя знания, общение, умение, но быть честным.

6. Лев Шестов. Вера и разум

Гуардини усомнился в том, что Легенда Достоевского заключается в критике католической церкви, естественнее видеть в ней критику европейского пути, пройденного христианством. Но и естественным же образом она ударяет и по всей христианской церкви в целом, ибо **Церковь основана на Чуде, Тайне и Авторитете**, что не противоречит завету Христа.

Такого же мнения русский философ Лев Шестов, не принадлежавший к кружку "богоискателей" Мережковского – Розанова – Бердяева.

Он говорит: «для европейцев принесенная с востока благая весть о том, что миром правит Тот, Кто стоит над человеком и его разумом, оказалась неприемлемой. Пришедший с востока свет западным людям представился беспросветной тьмой. По историческим причинам нельзя было открыто отречься от возвещенной истины – и католичеству остался один выход – постепенно, в течение веков, подменить загадочное божественное слово понятным человеческим. Оно это и сделало – на том месте, где должна была быть истина, оно воздвигло видимую, доступную людям, католическую церковь. Поэтому Великий Инквизитор и говорит своему таинственному гостю: "Мы не с Тобой, а с ним, т.е. с Твоим вечным, непримиримым врагом. Наш настоящий вождь и господин, это дьявол, Антихрист. Его можем мы понять, ему можем служить, ибо он со слабыми, беспомощными существами говорит доступным и понятным им, разумным языком. То же, чего требуешь от нас Ты – подчинить разум вере – мы исполнить не можем. Для нас, людей, источником света всегда был и будет разум и там, где власть разума кончается, начинается вечная, беспросветная тьма, – самое страшное, что только может быть придумано. И туда, в эту тьму, которую Ты хочешь, чтоб мы считали светом, мы никогда не шли и никогда не пойдём."»

«То же обвинение, которое предъявил католичеству Достоевский, уже ... было ему предъявлено – и еще с большей, во много раз большей силой и страстностью убеждения. За три с половиной столетия до Достоевского Лютер назвал папу Антихристом, а католическую церковь – антихристовой.»

«Открытого неверия человечество не приняло, и враг человеческого рода – да сбудется предсказание – обманул людей, коварно прикрывшись ризами истинного благочестия. "Una, sancta, vera ecclesia" та церковь, которая тысячами возвещала, – и до сих пор возвещает, что вне ее нет спасения, – "extra ecclesiam nemo salvatur" – вела сотни миллионов, миллиарды доверчивых людей прямым путем к гибели. Так утверждал и Лютер, то же рассказал нам, через 350 лет после Лютера, и Достоевский. В каком ужасном мире живем мы, если возможны такие потрясающие, невероятные обманы?»

Похоже пишет и Лосский (хотя уклончивее), проживший три десятилетия на Западе, (в 1952 г.), в своей книге о Достоевском: «Иван Карамзев полагает, что Церковь отказалась от идеала Христа, принизила идеал, приспособила его к слабости человека, к его порокам и себялюбию.»

Но в России Церковь подчинялась Государству, и «приспособила христианство к слабости человека» сначала реформы (Никона) при Алексее Михайловиче, затем при Петре, который «Россию поднял на дыбы», затем при Екатерине, – по крайней мере для образованного общества. Но об этом ниже.

7. Заключение

Ввязался я в этот дурацкий, по правде говоря, спор напрасно, из-за литературного тщеславия, во-первых, и чтобы произвести впечатление на неё – во-вторых (как некогда написал, в девятом классе, рассказ "Рюмочка", чтобы завоевать председателю дочку, из-за чего меня исключили из школы).

Вызов на дуэль я отменяю, потому что существо путаного спора Инквизитора и Христа даже мне, математику, невнятно. Тем более невнятен спор «русским философам, *вырабатывающим христианское миропонимание*», о которых пишет Лосский (словно не выработано оно в Новом Завете и Отцами Церкви?! – да за меньшие претензии с первого по 18-й века власти над Европой христианской церкви сдирали с таких умников шкуру и сжигали на кострах, и в Европе и в России!) И далее Лосский пишет о них: «почти все отстаивают христианство, как подлинно *религию любви и свободы*. Чтобы оценить значительность этого движения, достаточно указать на следующие имена: Вл. Соловьев, кн. С. Н. Трубецкой, кн. Е. Н. Трубецкой, от. П. Флоренский, от. С. Булгаков, Н. Бердяев, Мережковский, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Арсеньев, от. В. Зеньковский, Кобылинский-Эллис.» Думаю, этот список уже лежит на столе Великого Инквизитора. В разговорах с русскими епископами в 90-е годы я слышал от них единодушное порицание и наших «религиозных» философов, и их «религиозной» философии, что совпадает и с моим собственным мнением, независимого математика, а значит, здравомыслящего человека, об их еретических и даже антихристианских изысканиях.

Теперь пора подвести черту и под их изысканиями и под этим придуманным, якобы трансцендентным и экзистенциальным спором.

Итак, всех нас можно разделить на следующие группы: *подлинные христиане* или пытающиеся стать таковыми, то есть почитающие Новый Завет и христианские догматы, тем более те, кто исполнил главный завет Христа "*взять крест и пойти за Ним*" (о них и пишут и апостол Павел и Кьеркегор, и блаженные Августин и Иероним, и преподобный Игнатий); *иноверные* и язычники, в частности, иудеи и зороастрийцы, в том числе те, кто поклоняется "*Богу философов и ученых*", и не привязывает себя ни к Христу, ни к Иегове, ни к Магомету, ни к Будде, ни к Шиве; *христиане поюсторонние*, к которым можно отчасти отнести сектантов, богоискателей, богостроителей; и атеисты, относятся ли к которым марксисты и последователи Канта и Гегеля, я сказать затрудняюсь. Итак, нас четыре группы.

В которой из этих групп шёл Спор между Христом и Инквизитором?

И к которым группам относятся те, кто участвует в нашем философском споре, включая читателей? В девятнадцатом столетии образованное общество составляли в основном *поюсторонние христиане*, подлинными христианами в той или иной степени являлись монахи (включая *старцев*), часть духовенства, юродивые, и редкие из общества, в частности, Константин Леонтьев (он в споре практически не участвовал, только дал благоразумный совет Розанову освободиться скорее из-под духовной опеки Достоевского).

О Леонтьеве Лосский замечает (и эти слова можно в еще большей степени отнести к Кьеркегору, Победоносцеву, Игнатию Брянчанинову и православным авторам, богословам, философам, отцам церкви и проповедникам): «Есть, однако, в русском православии также и представители *темного христианства*. В "Братьях Карамазовых" Достоевский художественно изобразил этот вид христианства в лице монаха-изувера отца Ферапонта. Философским представителем этого *темного христианства* был К. Леонтьев. В брошюре "Наши

новые христиане" он критикует религиозные взгляды Льва Толстого в статье "Страх Божий и любовь к человечеству" и взгляды Достоевского в статье "О всемирной любви" по поводу Пушкинской речи Достоевского.»

«Начало премудрости», – пишет Леонтьев, – т. е. религиозной и истекающей из нее житейской премудрости, есть страх Божий, – простой, очень простой страх и загробной муки, и других наказаний, в форме земных истязаний, горестей и бед». За страхом следует "смирение ума", ведущее к "послушанию учению Церкви". "А любовь уже после. Любовь кроткая, себе самому приятная, другим отрадная, всепрощающая – это плод, венец: это или награда за веру и страх, или особый дар благодати, натуре сообщенный, или случайными и счастливыми условиями воспитания укрепленный». «Добровольное унижение о Господе, т. е. смирение "лучше и вернее для спасения души, чем эта гордая и невозможная претензия ежечасного незлобия и ежеминутной елейности. Многие праведники предпочитали удаление в пустыню деятельной любви; там они молились Богу сперва за свою душу, а потом за других людей". Даже в монашеских общежитиях опытные старцы не очень-то позволяют увлекаться деятельною и горячею любовью, а прежде всего учат *послушанию, принижению, пассивному прощению обид*». Леонтьев огорчается тем, что в "Братьях Карамазовых" «отшельник и строгий постник Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо». Н. К., автор «Чтений о русской поэзии», приводит мнение Леонтьева о литературных ценностях: «Как бы ни были хороши творения русских классиков, все-таки "надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф. М. Достоевский. Он издали указал на Церковь как на конечную цель человеческих стремлений; книга преподобного Иоанна Лествичника стала учебником христианской жизни для многих поколений православных, помогла множеству взрослых членов Церкви спасти себя и других.»

Не соглашаясь с воззрениями на жизнь Н. И. Калягина и Конст. Леонтьева, с энтузиазмом приступив к своей тщеславной "председательской" роли за славным Круглым столом, начиная с глубоким вниманием вчитываться в страстные монологи Ивана Карамазова, в суровые обличения Великого Инквизитора, в яркие и убедительные речи Розанова, я, наконец, погрузился в разбор темной казуистики властителей умов рубежа веков, 19-го и 20-го, определивших собою катастрофу России, и с унынием и тоскою понял, что опасна только диалектическая мгла, свет, даже ослепляющий, даже чрезмерный, не затемняет.

И чтобы закончить этот затянувшийся разбор Метафизического Спора, как я назову ночную сцену в Севильской темнице 15-го века, оглашу свой собственный вердикт по так называемой «Легенде» Достоевского.

Во-первых, что и с чего началось? А началось с сотворения человека, когда Бог сотворил Адама и Еву, «мужчину и женщину сотворил их».

Продолжилось ослушанием Евы, обольщенной Змием и вкусившей от запретного плода с Древа познания добра и зла и искушением Адама, вкусившего от сего плода также, в результате чего и мир повредился и человек, и природа стала тленна и смертна.

Затем продолжилось изгнанием их обоих из Эдема во внешний мир, где они должны были в поте лица своего добывать хлеб свой.

Затем пришел Иисус Христос на землю и возвестил человеку Учение о Спасении и в проповедях и в Распятии и в Воскресении, о чём говорится в Символе Веры.

Иисус Христос пришел спасти человека Своею смертной жертвой на Кресте, искупив первородный человеческий грех ослушания. И соединение двух плотей для рождения детей (как в любви так и без любви), явилось следствием ослушания. И восстановление поврежденной природы должно явиться следствием Веры, монашества и **Послушания**, которыми человек и должен искупить свой первородный грех (из чего и монашество, и отшельничество, и смиренная христианская жизнь в мире).

Что же до свободы, то о ней сказано ясно: "Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными". Что же до Истины, то и о ней сказано ясно: "Аз есмь и Истина и Путь!" И христианином человек становится единственным способом, только исполняя повеление Христа: "Возьми крест свой и следуй за мной!" Или еще несколько иначе сказал Он, пространнее: "возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко."

Христианин ли тот, кто исполняет Заповеди, десять Моисеевых или вмещенных Христом в две, *возлюбить Господа Бога своего и возлюбить ближнего*? Но тогда и все иудеи христиане, ибо они все исполняют все заповеди, не только две, но и десять.

И вот, проповедью **веры и послушания**, веры слепой, нерассуждающей, проповедью смирения и кротости наполнены все поучения всех учителей христианства, но является новый учитель, Иван Карамазов (за спиною которого старый вольтерьянец, социалист и атеист, Федор Михайлович), и вместо веры и послушания, вместо смирения и покорности начинаются запутанные диалектические рассуждения о свободе, дать которую (вместо Французской, а затем Русской революций, которые и обещали свободу и отчасти дали ее) якобы и пришел Христос.

Нет, это, конечно, не Он учил Своих учеников молиться так: "Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; **да будет воля Твоя и на земле, как на небе!**"

И это не Он Сам молился, говоря: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя!»

И не он сказал: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.»

Но по мысли творцов нового религиозного сознания Христос пришел, почти как Разин Степан, чтобы сказать: «*Я пришел дать вам волю!*»

Впрочем, не будем слишком пристрастны к писателям и философам, неотвратимо исполненным не *духа послушания*, как Серафим Саровский и Игнатий Брянчанинов, но духа свободы, как Пушкин, возгласивший: «Пока свободною горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Писатели и философы, за исключением Конст.

Леонтьева, в лучшем случае могут быть отнесены к *посюсторонним христианам*, каковыми могут считаться ныне все те, кои хотя бы однажды зашли в церковь и поставили свечку перед иконой. И я не лучше их был даже до недавнего времени, думая иногда, что и я христианин, во-первых, потому, что сочувствовал им за гонения на них большевиков, во-вторых, за революционный дух Христа, как казалось мне, и в третьих, за идеи и чувства, в коих человек превозносился выше матерьяльного мира (как мне казалось). Но всякий, творящий для культуры, вдохновляется не христианским Богом, а либо языческими богами (например, *музами*), либо особыми демонами, как это показал Ориген и подтвердил Н. И.

Итак, христианство имеет причину в первородном *грехе послушания и плотской любви*, вдохновлено *верой, покаянием, послушанием, смирением*, и последованием за Христом и жизнью будущего века, но не здешней жизнью, *часть спасения души и воскресения за гробом*.

И сие не противоречит Символу Веры, призыву Христа и велениям церкви.

И церковь христианская, как католическая так и православная, основана на *чуде, тайне и авторитете*, а еще и на жесточайшем принуждении, а вовсе не на свободе.

Обещается за несмирение и грехи вар и геенна огненная, и поддерживается смирение кострами и пытками.

В заключение приведу характеристики из «Чтений» Н. И. о некоторых из сторонников *нового религиозного сознания*.

«*Верная ученица французских просветителей*, Екатерина в 1764 году наносит страшный удар просвещению народа русского... одним росчерком пера уничтожив 754 монастыря. От общего их числа сохранилась после указа только пятая часть. Эта мера принесла государству три миллиона рублей в год... в то время как годовой доход Российской короны составлял не более тринадцати миллионов».

«Изобретательный и пошлый ум Николая Бердяева находил удовольствие в сцеплении ...таких разноплановых понятий, каковы, например, "третий Рим" и "III Интернационал", "величайший русский поэт" и "величайший русский святой". Наверное, ему это казалось остроумным и, чем черт не шутит, глубоким. ...»

Но пора завершить собрание и подвести итоги, уже и сторож приходил и возгласил, что ему пора домой и надо закрывать помещение, где мы собрались (разумеется, не в церкви – да там и неприлично было бы громко разговаривать – а кстати, где могут поговорить христиане между собою о том, что их волнует? Случайно ли Иван Карамзев излагает свою «поэму» брату Алеше в кабаке? И счастье еще, что нас пустили в писательский дом на несколько часов, не требуя денег!)

Путаная поэма атеиста (якобы, атеиста, не такой уж он и атеист) Ивана запугала всех нас. Понимает ли ее сам автор, то есть Достоевский? Он во все время собрания отмалчивался, как и Христос, что и естественно, а мы говорили, все почти общее, и только я как всегда, как и при коммунистах, говорил против всех.

Но зато только я был честен. **Я отщепенец**, но не антихристианин, в духе Ницше, потому что уж по крайней мере, что-то о христианстве я понимаю, Ницше не понимал ничего. Я не антихристианин тем более в злобном духе Ильича и его учеников, верующих, что человек состоит из глины, молекулы которой движутся под влиянием только матерьяльных причин. Я скорее антихристианин в духе ученого раввина, с которым я познакомился в 90-м году, и еще более в духе Розанова, который исхитрился умереть сразу и по христиански, исповедуясь и причастившись, и по иудейски, завещая Богу свою крайнюю плоть (если верить легенде, которую я прочитал у Генн. Мурикова в его книге о Розанове.)

Я не несу пургу о свободе, которую принесло христианство, которую *несут* господа философы, в каждой букве отступившие от евангельского учения.

Так как я русский, то я с Россией, которая, как показала История, не является до конца ни христианской, ни антихристианской, она истинная «Леди Макбет Мценского уезда», ради любви она пойдет и на жертвы, но берегитесь ее любви – быть может, она еще проявила ее не в полную меру. Быть может, эта Россия меня сожжет иль удавит, а может быть, в отчаяньи *пойдет и за мною* – за какими только прохвостами, извергами и полудурками она не шла?!

Но я не только русский. Так как я отщепенец, то я с культурой прежде всего, я поэт и русский писатель. А если у христианина есть свой *Завет*, у крестьянина – *Долг*, то и у писателя есть *Призвание*. Как сказал Баратынский: «Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. ***Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия.***»

И я чувствую, начиная с младенчества, что не только моя самодурная воля (хотя и она тоже – и вот это главное мое отличие от всех христиан – *верность свободе и собственной воле*) – не только моя воля, но и *поручение* движет мною, несмотря на лень, страх, болезни, бесталанность, невежественность, бестолковость и **любовь к красоте женщины**. А любовь к красоте женщины еще вернее уводит меня от веры в того бога, который призвал не касаться женщины.

Но что же Достоевский, великий русский писатель, пуганик и романтик? Плохой философ и еще худший богослов и историк?

Он не верил в Бога, потом пытался верить, потом эта вера в нем истлевала – таков был девятнадцатый век. ***И «Братья Карамазовы» не о вере, а о любви, и «Легенда» не о вере, а о поисках свободы, ради которой он чуть не погиб.***

Мы, может быть, совсем не понимаем эту «Легенду», ибо верим заявлениям писателя, поясняющего содержание своего романа вне его, в выступлениях и письмах, но вне его не относится к роману, вне своего произведения писатель может солгать, как и женщина о любви: только внутри любви она правдива, пока она любит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ТАРЕЕВ, Евлампиев, Муриков

«Для наблюдателей христианской жизни ныне стало ясно, что "кто говорит о своей отвлеченной любви к человечеству, тот почти всегда любит одного себя"».

М. М. Тареев

1. Размышления о неудаче

29 января, утро. Сегодня иду в баню, завтра философское собрание, в воскресенье у нас гости, в понедельник выслушаю приговор, действительно ли я болен серьезно, или болезнь моя преходяща и надо взяться за ум и жить более энергично, а ни в коем случае не *«спать во гробе»* ...

Но и в худшем случае не помешает взяться за ум, только я не готов еще к худшему случаю, потому что моя литературная карьера пока не удалась, но еще есть замыслы и еще есть надежды.

Книгу эту пора уже редактировать, и сократить, насколько возможно...

Много долгов накопилось, и надо их исполнить, ибо жить надо не только для себя, а хотя бы для самого близкого мира.

Пока о том, что не до конца ясно, по несколько слов.

Розанов пишет, что *христианство – религия мертвых*, но разве не привлекло оно и живых? И если Пушкин и Толстой только по культурной традиции были христианами, то Тютчев относился к христианству серьезнее, и многие из богоискателей, не говоря уж о Леонтьеве и Владимире Соловьеве. Не говоря уж о монахах и деревенских старушках...

Я уверен, что христианство чрезвычайно *эгоистично*, но... Но дело в том, что нельзя об учении судить только онтологически, как и о человеке, вот большевизм, например, проявил себя как злобная и жестокая теория и практика, но множество самых чистых, самых искренних, жаждущих справедливости людей погрязли в нем, часто они были несчастны, но пытались быть честными. Так же и христианство и христиане – не одно, и национализм и националисты: одни из них ненавидят весь прочий мир, другие распространяют свою любовь на всех. Даже и *материнская любовь* может совмещаться с ненавистью к падчерице и любовью к своим детям, что в основании множества сказок, например, про Золушку. Так и проповедники «любви к Богу» и «любви к ближним» чаще всего суровы, жестоки, себялюбивы, именно из них и вырастают Великие и малые инквизиторы, но все же о всяком частном явлении надо судить, исходя из него самого, ибо целое не равно сумме своих частей, но только само по себе. Немцы разные, и русские разные, а что такое идея того и иного народа, это вопрос не для поверхностного разговора – народ не сумма немцев и русских, не *население*.

Заканчивая с основной темой данной книги, то есть с обсуждением Легенды, выскажу несколько собственных замечаний, совершенно не зависящих от хора философских сказаний.

Христианство не одно, чуть ли не у каждого свое христианство. Содержание мифа и его историческая жизнь не совпадают, хотя и не надо забывать, что яблоко от яблони не слишком далеко падает. Жестокость христианских церквей и нетерпимость христиан к инакомыслящим заложены в учении. Не странно ли, что гении никогда не бывают *истинными христианами, истинными ленинцами* или марксистами, *истинными* последователями того или иного учения, они так... сами по себе... как Пушкин, как Лермонтов, как Толстой, всё «несут отсебятину», и только люди серединные не отклоняются от общепризнанных догм, все как один.

Там, где Достоевский подчиняет себя своим предвзятым идеям, он темен, запуган и слаб, отчего совершенный кисель и князь Мышкин, и Дмитрий Карамазов, и мечтатель в Белых ночах... и все почти положительные герои, которых он пытался вымачивать в христианском сиропе, а превосходно удалась ему Настасья Филипповна и Грушенька, Полина и Сонечка Мармеладова, Рогожин, Федор Павлович, Смердяков и даже Иван Карамазов,. Так же сокрушительной неудачей оказался роман «Воскресение» Льва Толстого, когда начал себя варить в этом сиропе этот великий язычник и грешник.

Единственный писатель, которому удалось быть талантливым не только в разных ролях, но даже в противоположных, искренне и до конца, и христианином и антихристианином, и иудеем и противником евреев, и сластолюбцем и целомудренным – это Розанов, но и я останавливаюсь в своих рассуждениях о христианстве, не уверенный, не запутался ль в них. Да, *христианство* – эгоистическая и жестокая *религия мертвого человека*, и меня словно холодным ветром пронизывает при чрезмерном соприкосновении с ним. Оно похищает у нас детей и любимых и даже друзей – но и смерть похищает, а и самой смерти не избежишь и размышлений о ней.

Книга моя закончилась неудачей. Но вопреки всему хору славословий я вижу, что и у Достоевского эта Легенда закончилась неудачей, если полагать, что он хотел защитить христианство от Инквизитора. Но уже начиная с апостола Павла, который сначала терзал христиан, а потом сурово порицал и терзал несогласных с собою, христианство и дело Великого Инквизитора были неразделимы во всей их истории.

Обличая якобы католичество и социализм, Достоевский обличил итоги европейской истории (государственной и церковной вместе, они были неразрывны); обличая якобы Европу, Достоевский обличил и Россию. Противопоставляя истинное христианство неистинному (как истинные ленинцы обличали при Хрущеве *«сторонников культа»*), а после Хрущева *волюнтаристов*), Достоевский обличил само христианство, которое всегда было истинным, и во всех своих трех великих ветвях было самим собою, опираясь то на Петра, то на Павла, то на Иоанна.

Три ветви средиземноморского мифа в большей или меньшей степени определяются Иерусалимом, Древним Римом и Эллинской культурой – но не следует забывать, что Христа родила иудейка Мария в Вифлееме, порочно или беспорочно, не мне судить (если и Христос не мог сего рассудить хладнокровно, иначе зачем такое яростное отрицание Рода и родовой любви?!)

А что ты сам можешь предложить человечеству? – ехидно, а иногда с ненавистью спрашивают меня, отшатнувшегося и от социализма, и от христианства, и от фанатической слепой веры в Бога и от фанатического безбожия. Я предлагаю *любовь* – но от моей любви отшатнулись тоже почти все. Любовь должна быть, думают они, эгоистической, наступательной, должна стремиться к обладанию и растворению либо того, кого любишь, в себе, либо себя в том, кого любишь.

[Христос утверждал, что он пришел не к праведникам, а к грешникам, и даже блудницу простил, – а христианское общество побивало своих блудниц, и замуровывало в монастырских стенах живьем с младенцами – вот какова их любовь к ближним! Вот какова сила ненависти к плотской любви! Если родишь из-под венца при свете, хотя бы с постылым, то в ризах и цветах, а если по тайной страсти – то в мусорную кучу (смотри у Розанова). Преподобный Игнатий обещал в ад пойти за разбойником, не только простить, но и полюбить, а незаконнорожденные дети заклеймены *выблядками*.)]

Но благонамеренного, правильного, *истинного* христианства по существу и нет, и сам Христос **не** подтвердил Ветхий Закон, (почему иудеи и не могли Его принять), и Легенда, сочиненная полу-безбожником Иваном (внутри которого сам Ф. М.) пугана и неудачна, такова и моя книга: распутывал-распутывал клубок и в нем завяз...

2. Взгляды Тареева и "срединный путь". Муриков и Евлампиев

Собрание наше закончилось, но при выходе с Заседания, идя сначала по коридору, затем по лестнице, затем по улице, мы еще немного поговорили, и высказался довольно обстоятельно Михаил Михайлович Тареев (1867—1934) – русский религиозный философ, богослов, писатель, преподаватель Московской духовной академии.

В своей книге "Христианство и религия В. В. Розанова" он писал: «Я исхожу из того, что христианство в своей евангельской сущности, как религия безусловной веры и абсолютных устремлений, есть религия ... личная. Носителем такой веры, таких устремлений может быть лишь ...личность человеческая, а не какой-либо общественный союз – семья, народ, государство. ... Христианин, принимая в свое сердце Христа..., не знает никакого посредства между собою и Отцом Небесным, ...верующий не смотрит на себя как на одного из многих, общественно, народно, условно... Бог действует не чрез природу [т.е. чрез *внешнее*] на него, но чрез него на природу [т.е. на *внешнее*].– он чувствует себя и в центре человечества, непременно чувствует себя спасителем человечества (продолжателем дела Христа), видит свое призвание в том, чтобы сделать что-нибудь Божие для всех людей, *принести себя им в жертву*. ...Равным образом и *человечество в своих реальных группах, семейной, народной, государственной ...является не носителем внутреннего религиозного содержания, а носителем внешних потребностей. Религиозно Бог действует в природе и в истории только чрез [человека].»*

«вера несколько не обусловлена чудом, не требует чуда, но легко мирится с природною и историческою закономерностью: солнце светит добрым и

злым безразлично, – это значит, что Отец Небесный по Своей благодати посылает солнечный свет на всех, как на добрых, так и на злых; в исторических судьбах погибают как злые, так и добрые, это, во-первых, для того, чтобы все бодрствовали и всегда были готовы к покаянию и, во-вторых, для того, чтобы верующие делали дела Божии во благо людям, боролись с злом и страданием и несли им благо. ... христианство ничего не говорит на языке общественном, не ставит никаких особых задач семье, народу, государству... [*Ах, как это противоположно церковной практике всех церквей мира, непременно стремящихся стать государством и сурово подчинить единомыслию всех живущих! Вашими бы устами, Михал Михалыч, не только б мед пить, но и церковное разведенное водою вино!*] Христианин, с своим религиозным взглядом на мир, с своими затаенными последними чаяниями, ходит среди общественного движения как бы "дверем затворенным", не задевая общественных форм, относясь безразлично к закономерности их развития.»

«[Общие семейные] интересы могут объединять супругов разного религиозного настроения: каждый из них может по своему освещать последние цели жизни, но ближайшие семейные задачи будут для них общими. То же и относительно более обширных групп, народной, государственной.»

Суть этих взглядов можно сформулировать так: человек имеет множество целей и интересов, осуществляющихся либо в его индивидуальной деятельности (например, прогулка, сон, писание книг), либо в объединениях людей.

Человеческие объединения также имеют свои интересы, не обязательно совпадающие с частными интересами своих членов. ***Вера – лична, она сама по себе, проявляется индивидуально, отдельно от общества.***

Официальное богословие встретило статьи и книги Тареева в штыки, его даже хотели отрешить от должности, в его защиту выступал Розанов, и о Розанове Тареев тоже неоднократно писал.

Но не буду слишком отклоняться от темы книги, посвященной Легенде Достоевского, не буду также углубляться в взаимоотношения Розанова с христианством и иудаизмом – это уже составило бы новую книгу, но глубоко и исчерпывающе о Розанове пишет Г. Г. Муриков, близок ему тематически И. И. Евлампиев, не стоит мне повторять то, что уместнее изучать профессионалам. Я – частное лицо, сам по себе, то, что я пишу, имеет значение не профессиональное, средний русский образованный (средне) человек, я ближе к большинству тех, кто не философы и не историки, но кому важно все то, что важно мне: литература, музыка, 19-й век, до-революционное общество, христианство, социализм, судьба России, любовь. Я думаю, что большинство нашего общества размышляет самобытно, не повторяя узаконенные (кем? В согласии с какими законами?) прописи, но боится высказываться, боится правительства, боится церкви. И государство и церковь до панического ужаса запугали частного человека, он часто вслух говорит вовсе не то, что думает, восемьсот лет отлучений, притеснений, пыток, казней, тюрем, расстрелов, виселиц, лобного места, костров надели смирительную рубашку на душу человека, варом и смолою залили ему уста. Даже сегодня, вопреки конституции, ошалевшие обыватели привлекают к суду писателей и поэтов,

историков и философов за попытку обсуждения религиозных и философских вопросов, судебное преследование Мурикова за статьи о Мережковском тому свидетельство. Позавчера меня исключали из школы за то, что я, школьник, влюбился в студентку, затем исключали из университета за то, что я создал подпольный кружок по изучению Маркса, затем исключали за то, что я Маркса разлюбил и влюбился в Священное Писание и о нем вслух разговаривал; затем даже посадили в тюрьму за то, что я клеветнически утверждал, что у нас за слово сажают. Вчера меня посадили в тюрьму за то, что я издал великий и бесценный памятник русской истории и литературы «Радзивилловскую летопись», и правительство сначала обязалось у меня эти книги купить, затем швырнуло их мне в лицо, как Кьеркегор швырнул обручальное кольцо своей невесте. Сегодня, мне кажется, самые нетерпеливые уже собирают хворост на костер, на котором будут сжигать участников нашего философского спора.

Ибо теперь я еще скажу, что я думаю, что христианство одевает на человека оковы, цель существования находит только в Боге, и человеческое принимает, если принимает, только через Бога. Любовь к женщине и все другие формы любви, как мы их испытываем, христианство отвергает, даже *любить ближнего* повелевает фальшивой, унижительной для человека любовью, то есть любить в нем не человека, а только образ божий. *Христианство уничтожает всякое содержание жизни, не преломленное или не истекающее из религиозной связи Бога и человека.* В идеале оно отторгает человека от мира окончательно и бесповоротно уже при жизни – что же будет по смерти?

Бог или человек? Философ и богослов иначе этот вопрос не мыслят как восстание против Бога, как отрицание Бога или дерзкое, самоумеющее поставление себя на место Бога. Если мера вещей – это человек, если в центре отношений интересы государства, общества, семьи, партии, культуры, природы, но не церкви, монастыря, общины, веры, то сие непременно оценивается как дьявольское обожествление человека. Если в центре религиозности не **вера** (по Новому Завету), не семитский тип отношений к горнему миру, а поэтическое чувство, *духовная жажда*, то такого человека низводят чуть ли не до богоборца. Христианство нетерпимо, оно не допускает, чтобы человек искал истину, отличную от той, о которой Христос сказал: *Истина – это я!* Но Гомер существовал за семь столетий до Христа, и Аристотель за триста лет до него, и египетские пирамиды с великим культом Озириса существовали еще за четыре тысячи лет до Него, уже эллинские философы возросли на великой культуре: что мы имеем в культуре сегодня, чего бы не было в эпоху Платона? Даже, в конце концов, это сложное восприятие новой религии с ее идеей Троицы, в которой один Бог существует как *требожие*, как три неслиянных, хотя нераздельных, не что иное, как результат эллинской диалектики, не содержащейся в Новом Завете. Усвоив троичность в логике, как усвоил я неполноту арифметики, невзирая на новые аксиомы, я ведь еще имею и сердце, которое схоластики-богословы велят распять. И что говорит мне сердце? Христос в центре мифа, потому что он был распят как человек, но не как Бог, и воскрес как человек – Боги не умирают и не воскресают. И он был отдельно от Бога-Отца, родился, рос, возмател, учил и завел учеников,

спорил, стал в центре совершенно человеческой трагедии, его, как кажется, любили и женщины (хотя бы как Настасья Филипповна любила князя Мышкина) – если он все это время был Богом, не испытывал наших страданий и тягот, не переживал наших собственных чувств, то тускнеет всё христианство, как тускл сорванный увядший цветок сравнительно с цветком, растущим в саду.

Не потому ли и появились легенды и апокрифы о явлении Христа в наш мир, что живой человек нуждается в живом Боге, продолжающем существовать рядом с нами, а не в мертвом Боге (хотя и воскресшем), нуждается человек в Боге живых, а не в Боге мертвых и тех, кто умер?!

Христианский Бог себялюбив и злопамятен... или... таким его оставили в нашей памяти раболепные ученики Его, думая возвысить того, перед кем преклонились, но унизив перед достойными?!

Кто делает добро моим близким, тот делает его мне – разве не так мы рассуждаем? И разве не к тому же призвать нас должен был бы и Бог, если бы Он был для нас и вправду Отцом небесным, а не прокурором, судьей и судебным исполнителем? Почему мы успокаиваем себя присказкой, что *кого Бог любит, того он наказывает* – не потому ли, что он нас слишком часто наказывает, а нам хочется верить, что Он все же нас любит?

Но, как говорит Тареев, у каждого из нас свой Бог, и у большинства он совсем не жестокий, но подчиняет нас воля жестокого меньшинства, и они навязывают нам своего жестокого бога. Впрочем, и *хватит с них...*

3. Несколько замечаний об особенностях моей жизни

Живу я... счастливо или несчастливо, достойно или нет? Не так просто ответить на эти вопросы. В начале семидесятого года, радуясь молодости и сравнительной легкости жизни, я чувствовал себя счастливым. Мы снимали комнату, ребенок жил у бабушки. у нас собирались друзья на музыкальные и философские вечера, мы с женой работали преподавателями, студенты нас любили, друзья тоже. Двадцать четвертого марта меня арестовали, в сентябре из тюрьмы отправили в сумасшедший дом, небо упало на землю. Один раз в месяц было разрешено часовое свидание с женой, через стеклянную перегородку, разговаривали мы по телефону. Особенно страдала моя жена. На третьем свидании я сказал ей, что с этого часа мы должны стать счастливыми, большая часть мира содержится внутри нас, а, следовательно, именно этим и будет определяться, счастливы мы или нет.

Кажется, с тех пор этот *новый взгляд на жизнь, при котором внутренняя жизнь стала преобладать над внешней*, многое в нас изменил к лучшему. Не скажу, что мы все время были счастливы, но все же мы были счастливее, чем могли бы, покоряясь внешнему.

Я велел жене принарядиться и в следующий раз показаться мне в новом наряде. Чаще ходить в кино и в театр. Радоваться солнцу, если оно светит, дождю, если идет, ветру, если дует...

В марте семьдесят третьего года я вышел на улицу и опьянел...

Но с внешней стороны случалось в моей жизни много плохого. Младший брат умер от запоя в канаве, был не глупее меня, но менее приспособлен к

жизни. Другой брат умер не лучше, и если был не умнее, то был лучше меня. На его похороны я не смог поехать, послал ничтожную сумму денег, и ту занял, денег временами не было даже на еду.

Однажды в электричке благополучный человек развивал передо мной философию успеха, из которой следовало, что нормальный человек обязан зарабатывать на квартиру и автомобиль. Вероятно, мой сын наполовину нормален, автомобиль у него есть, у меня зато есть квартира, вместе мы составляем одного нормального человека. Почему же мы не можем заработать на двух нормальных? Потому что не можем!!! В этой стране ум и талант, честь и совесть исключают благополучие.

Нельзя сказать, что я был *слишком* беден: имея хорошее университетское образование, я занимал не самые низкие должности, к тому же давал частные уроки, это позволяло нам путешествовать по стране, с рюкзаком и палаткой, голосуя на проезжих дорогах, и часто идя пешком. Россию мы проездили больше, чем другие, Украину, Молдавию, Прибалтику, Север и Восток, и какие звезды светили нам по ночам, какая луна, какие звенели голоса речных водопадов! А улицы городов, избы деревень, музеи, театры и... не буду греха таить – даже пивные и бани открывали нам свои двери от Мурманска до Иркутска! И то ли не было счастье? Литературные и музыкальные вечера у нас в доме собирали выдающихся людей нашего времени, об этом я писал.

На работу я тратил не мало времени, и читал по ночам, а утром засыпал на службе, однажды начальник принес мне чашку кофе на стол (для укоризны)...

Писал я в метро, в электричке, в трамвае – так и теперь.

Работаю я редактором, через мои руки проходят десятки авторов, от очень слабых, до гениев, но я их уже люблю всех, и слабых, возможно, даже сильнее. *Я бы сказал, что пришел редактировать слабости, а не таланты, если бы не боялся, что обидятся христиане.* [А кстати, почему они так нетерпимы? Почему я никого из них не укорю за то, что они так малодушны, так бояться своего Бога, бояться жить по собственной воле и гордятся тем, что послушны верховному начальству – но я никого из них не укорю за их слепую веру, я их не презираю, не призываю на их головы горящие уголья (как в Писании о том говорится) – а они даже бросят в меня и камень, не спросив себя, точно ли они без греха? Есть среди моих товарищей евреи, антисемиты, сталинцы, троцкисты... несчастные, некоторые мне звонят по ночам, потому что не спится, и я не спрашиваю, по-прежнему ли они верят, по-прежнему ли не верят, поднимаю трубку, еще не зная, с Христом они или с Инквизитором. Да с кем и Достоевский, признаюсь вам честно, я так еще до конца и не понял...]

4. Прощание с «Круглым столом»

Все разошлись. Не пришли многие, а иных и я не успел позвать. Не было Владимира Соловьёва, Дмитрия Мережковского, Сёргия Булгакова, Павла Флоренского, Франка и еще многих. Мало поговорил я с Г. Г. Муриковым и И. И. Евлампиевым, не было старых друзей, участников «Философской культуры», не было Н. П. Ильина, который в последнее время сторонится всяких собраний... – но тогда разговор наш затянулся бы совсем до ночи...

Книга моя о Великом инквизиторе не удалась, ничего существенного не удалось написать, хотя собственный вывод я представил: не было существенного разлада между Священным Писанием и церковью, точно также как не было существенного разлада между марксизмом и большевизмом с их учением о диктатуре пролетариата, с одной стороны, – и Революцией, Гражданской войной, Великим террором, Мировой войной и неисчислимыми бедствиями, выпавшими на долю России – с другой стороны.

Но в душе Достоевского смятение, смятение и у Розанова, и уже у нового русского общества, кануна разрыва с старой историей. И разговоры богосискателей, Мережковского и Бердяева, о том же смятении, отчасти же, в сравнении с Розановым, *ни о чем*. А о чем пишут те, кто пишет после них, о чем пишу и я сам? Это уже просто дань старой литературной традиции. Я написал не лучше других, не хуже (исключая Розанова), другие тоже. *Но пора остановиться, в этой ступе масло мы уже не собьем*.

Лучше было бы мне написать роман. Верить или не верить, принимать ли Христа, Инквизитора, *батюшку*, который советует нашим подругам, с кем им дружить, старого царя или нового, социализм или русский *буржуазно-монархический феодализм* (мы, разумеется, изобретаем снова синтез телеги с велосипедом) – об этом разговор необходим, но читатель уже не умеет читать философские рассуждения, возможно, он прочитал бы роман.

5. После Прощания

31 января, воскресенье. Сегодня приходили гости, всего нас собралось семь человек за праздничным столом, сначала я читал стихи, потом мы слушали романсы.

Психический мир имеет подобия в мире физическом, например, снег налипает на лыжи, но достаточно подошву лыжи натереть воском, и снег перестает налипать, лыжа скользит. Обиды, темные воспоминания, страхи и подобные сему состояния сравнимы с налипанием снега. Обычно нам удается скользить мимо плохого, соскальзывать с него, но иногда возникает душевная ссадина, а со временем на неё налипают другие ссадины, и этот снежный ком душа уже не в состоянии тащить и останавливается. *Несчастливая любовь, ненависть, обида, страх* – вот те *доминанты*, вокруг которых за счет налипания образуются снежные комы и человек замыкается в себе. А в вере? Вера отделяет человека от мира и погружает в себя. И *только любовь соединяет его с миром*. Поэтому необходимо отвернуться от налипшего, жить не для себя, а для других, заботиться не о себе, а о людях, природе, музыке, литературе, ибо только любовь выводит человека из капкана налипающего мусора, обид, страхов, навязчивостей.

Христианство велит человеку прилепиться к Богу и к *спасению своей души*, но внимание к себе не дает человеку от себя отлепиться, и снежный ком себялюбия, обиды и страха продолжит разрастаться. Приобщая к внешнему миру того, кто слишком в себя погрузился, мы ему существенно помогаем, в то время как церковь оставляет его в треугольнике «страх божий, спасение души, любовь к ближнему» (то есть к *образу божьему в человеке* но не к человеку, в виде близких, друзей и случайных встречных).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ

1. Подведение текущих итогов

1 февраля, понедельник, полночь. Сегодня семейный праздник, но с утра работал за компьютером, потом ездил в поликлинику глотать телевизор, подарил эскулапу две свои книги о любви, он мне за это *пообещал долго жить*.

Потом отвозил книги Л.Я., у них пообедал и немного «похулиганил» при помощи французского коньяку (правда, разводя его водой – святотатствуя!)

Вечером ездили к сыну пить чай, и внук нам кричал уже «*да! да!*»

Намереваюсь жить не только *долго*, но и лучше, чем раньше, пить не буду, работать больше, от себя отвлекусь, допишу эту книгу и сделаю перерыв, много *долгов*, буду их «отдавать».

Что произошло за год?

Много наделал глупостей, во-первых, лечился – но, слава богу, немного поумнел, лечиться бросил, теперь чувствую себя лучше.

Написал вторую книгу о любви, дописываю сегодня третью.

Продолжаю работать для издательства, для друзей, для себя...

Летом трудился в деревне, поставил теплицу, сажал картошку, перестроил сарай, починил веранду.

И самое главное: год назад я в неё влюбился...

Было очарование, блаженство, отчаяние... Что же теперь? Вероятно, теперь наступило то состояние, которое наступает для поля, которое перестали пахать и засеивать: оно зарастает бурьяном, ольхой и березняком (как и поле за моим огородом). И делать ничего не надо. Не надо ее помнить или забывать. Не надо ее разлюбить или продолжать любить. Не надо на нее сердиться или прощать. Надо только желать, чтобы ее прошлые ссадины зажили, чтобы она стала счастлива, чтобы не вспоминалось ей темное и тревожащее, пусть не вспоминаюсь и я, вероятно, так ей будет лучше. Любила ли она меня? Пусть и не любила... Нет, пожалуй, хотя я и не знаю, какую любовью, но все же любила. Какую любовью любил ее и я сам, я тоже не знаю. Обычно любовь не такая. Она оставалась моей ученицей, подругой, частью меня самого... но это была не та любовь, которая притягивала Рогожина к Настасье Филипповне.

Итак, впереди новое поле жизни: надо преодолеть болезни, расквитаться с долгами, помочь издательству встать на ноги. Новых книг не писать, собирать в систему классические философские сочинения.

2. Завершение завершения

Итак, буду отдавать долги́ и долги, жизнь и обстоятельства временами сбивают к обочине, и приходится вылезать "из под глыб". Я говорю *вообще*, но и к этому *вообще* могу добавить, что многое плохо, а иное и хуже.

Но, однако, мы живы, а поэтому будем сражаться...

Составляю список насущных дел, выбрасываю лишние бумажки, переписываю из мобильного последние смски за июнь и июль, которыми мы обменивались с моей миленькой. Вот например:

«Мне так хорошо когда я перечитываю твои письма, в душе свет и радость, умиление и восторг! Милый Васюшенька, спасибо!»

На улице снег с дождем, пойду за хлебом.

Это я завершаю книгу, поэтому и вспоминаю, и грущу, и сожалею...

Но – осталось дописать еще несколько фраз... И поставить точку...

Но *ставить точку* словно подпись под Актом о капитуляции – слишком печально, и я ищу, за что ухватиться, с помощью чего создать хотя бы видимость не полного поражения.

Текла-текла большая река, в которую сбежалось немало и полноводных притоков, и вдруг она потекла чрез пустыню, и стала хиреть, мельчать, уходить в песок – и иссякла, растворилась в песке. Так и любовь, и моя литература, так в песок ухожу я сам... А столько было надежд, столько самомнения, столько дерзости в замыслениях!

Или еще не сдаваться, искать новые пути, предпринимать контратаки, огрызаться, пытаться обмануть судьбу?

3. Любовь и вера

Солнце мы чувствуем, мы в него не верим. Иногда оно, правда, скрывается за тучами, но мы его ожидаем, мы **знаем**, что оно скоро снова выглянет. А любим ли мы солнце? О природе в целом мы точно можем сказать, что мы ее любим, умиляемся первым весенним цветам, радуемся, когда начинает пригревать солнце после суровой зимы, поднимаем в восторге голову к синему небу, испытываем облегчение, выходя из темного леса на поляну, блаженствуем, вбегая в реку в знойный день... Все наши чувства, связанные с природой, можно назвать Любовью к Природе, но нельзя сказать солнцу: "я тебя люблю", морю, лесу, небу... мы не превращаем их в некое подобие личности, не вовлекаем в человеческие отношения. И иудейский Бог, которому необходимо не только поклоняться, как грозной природе, не только быть благодарным, как кормилице-земле, но **любить** (как "родную коммунистическую партию", как мать, как любовницу) – кажется мне странным, придуманным, нелепым.

И *вера*, как особое *чувство-состояние*, противостоящее *родовой* любви – воистину ли это плодотворное *чувство*, обладающее богатым содержанием?

Природу в целом мы любим (не как личность, а собирательно, как звездное небо, как луг с цветами – восхищаясь), но в природе нет *воления*, нет личного начала и личного отношения, она безлична; а Бог? Даже если Он может лично относиться к каждому человеку (сами мы пытаемся относиться к нему именно так), то можно ли его *любить*? Можно ли его представить Богом, выделившим из всех народов, например, русский народ, избравшим его в качестве цели своих воздействий на мир, *возлюбившим* его?

А у евреев Бог – это их *собственный* Бог, избравший их народ, а, значит, и каждого из них.

Но вернемся к *вере*. Нельзя верить в природу, верить даже в звездное

небо, нельзя верить в солнце (как нельзя и любить его так, как мы любим женщину), поэтому *вера в Бога* логически и эмоционально не объяснима. Бог подобен солнцу, пронизывающему природу своим светом и теплом. Если Бог – это Дух, то он наполняет мир, преображает его, возвышает и оживляет – *одухотворяет*. Я ощущаю его присутствие и в природе, и в культуре, и в своей личной жизни. Значит, я связан с божеством со-чувствием, со-знанием, со-бытием, и это придает мне уверенность в том, что божество существует, входит в мир как свет и жизнь, как влага в воздух.

Но иудейский Бог трансцендентен более, нежели природа, которая своей плотью присуща миру, естественна, и трансцендентна лишь своею душой, как и человек (а именно душа природы и содержит в себе *телеологию*, то есть цель и направление развития); но Бог трансцендентен всей своей сущностью, у него нет природы и нет души (кажется, так и в богословии).

Вера – как особое *чувство-состояние*, – является и особой формой связи с трансцендентным, и постольку она и сама трансцендентна. Вера первична для самой Идеи существования Бога (в рамках иудейского мифа), тем более что только через нее могут происходить и страх Божий и любовь к Богу. Для неверующего нет Бога, нет страха Божия и нет любви к богу. Вера тоталитарна и ревнива, она претендует на то, что вся истина мира содержится только в ней, а человеческая любовь низка и порочна и внушена дьяволом.

Боги существуют и в других мифах, "Бог философов и ученых" существует через само представление и ощущение мира (пронизанного божественной энергией) как мира одухотворенного, не ограничивающегося плотью мира, но имеющего и душу и дух, пронизывающий мир, и эта часть восприятия и порождает созерцание и размышление о трансцендентном. Поэтому я не *верующий*, а *духовно-чувствующий*, в отличие от человека иудейского сознания, иудейского мифа.

Рассуждения о вере и любви к Богу можно было бы счесть схоластическими, если бы они не приводили к той трагической коллизии, в которой противостоят друг другу Вера и Любовь (человеческая *душевная* любовь).

«Подлинная духовная любовь – это любовь к Богу и только такая любовь к человеку, которая относится не к человеку как таковому, а к образу божьему, находящемуся в человеке» – вот христианская ось, вот сущность всего того чувственного (что они называют духовным), что связывает человека с Богом. Все остальные чувства – любовь к женщине, к детям-родителям, к Родине – *душевные*, поэтому низки и противостоят Богу.

4. Семья, любовь, дети

Не хотел уже зацепляться за Розанова, но открыл, не утерпев, «Семейный вопрос в России»: «Семья никогда не делалась у нас предметом философского исследования, оставаясь темой богатого художественного воспроизведения, поэтического восхищения, наконец, – шуток, пародий и чем дальше – тем больше ... Таково явное, en face, к ней отношение. Позади, в темном фоне, стоит странное к ней недоброежелательство ли или недоверие, сомнение о ее силах и плоде: женщина – это "причина греха человеческого", внимание к ней – недоброекачественно, любовь – обольстительное и тем более опасное ощущение»

ние, сладкий яд "искушения"; дети, плод сближения, уже с самого рождения – осуждены. И только молитва *очистительная* над роженицею смывает, очищает **грех появления человека на земле** – но разве это не в связи *только* с христианством? И поэтому следует сказать прямее и точнее: **христианство ненавидит любовь** между людьми, оно объявило любви войну, оно пропагандирует либо противоестественную *любовь к Богу* (потому противоестественную, что отношения человека и Бога в рамках семитских мифов исчерпываются *верой*, и только **вне их** за главное имеют со-чувствие).

Христианство ненавидит и женщину, к которой притягивает любовь, христианство ненавидит и плод любви, то есть детей. (И пусть не смущает вас, читатель, что церковь пролезла во все щели общественного организма, и освятила *венчание*, хотя «лучше не касаться женщины», и освятила похороны отпеванием, хотя Иисус и сказал ученику своему "предоставь мертвым погребать своих мертвецов" – но это точно ли не притворство, а освящение венчания и похорон?)

Ну а те океаны ненависти к душе и плоти и душено-плотской любви, которые изливаются на христианских сайтах сегодня, превосходят даже вражду к любви тех, кто принял обет безбрачия!

5. Первородное преступление – как основание веры и этики

Трансцендентны Бог, вера, душа, таинственны отношения человека и высших сил, буде это заклинание духов в колдовских обрядах диких племен, в почитании Бога-солнца древними египтянами, в буддизме, в индуизме, в кровавых верованиях ацтеков, в иудаизме, исламе и христианстве. Трудно постижимы те идеи, которые кладутся в основание мифа, становящегося религией. В христианстве Бог не только Создатель, но он и грозный судия преступного человека. Почему человек внутри христианского мифа преступен и порочен, совершил непоправимый грех в самом начале своего бытия, не успев, так сказать, родиться (или сойти с гончарного круга) – еще непостижимее, чем само божество, словно бы и рожденное только для спасения порочного человека при помощи смертной жертвы.

Недостаточно веры в Бога, необходимо верить в «первородный грех», без него нет христианства, нет всей христианской истории, спасения, воскресения и «жизни будущего века». Идея преступления и порочности формирует личность человека и его историю. Адам (по наущению Евы), согрешил, терпит возмездие, Бог приходит на помощь, жертвует собою, теперь ожидание Второго пришествия, окончательной амнистии одним и вечного осуждения другим... Так ли уж эта фабула жизни величественнее язычества?

Порочен всякий человек, но еще большему осуждению подвергает христианин самого себя, как, например, в Завещания православного святого Нила Сорского: «Молю вас, повергните тело мое в пустыни сей, да изъедят е зверие и птица, понеже согрешило есть ко Богу и недостойно есть погребения. ... Мне потчание, елико по силе моей, что бых не сподоблен чести и славы века сего никоторые, яко же в житии сем, тако и по смерти». Так красиво и сильно выражение, так глубоко сокрушение!

Что же я сам думаю о себе? Я родился от достойных родителей, с телом и

душою. И тело было подвержено искушениям и язвам, как то бывает и в животном и в растительном мире, стоит белоствольная красавица береза, и вдруг ее начинает мучить жук-короед. Кто виноват в наших язвах?

То же и относительно душ, которая так же подвержена искушениям и язвам, от слабости до преступления. Здесь мы чаще киваем на прародителей, ибо думаем, что худое может родиться лишь от худого.

Но что источник худа находится почти в том дне, с которого мы начались, и что сие буквально, и может быть достоверным в той же степени, в которой достоверен весь миф, в центре которого Бог-Созидатель, а за ним и Сын Его, Искупитель, и правда его содержится только в **вере**, и в том обществе, которое приняло именно такой «символ веры», оправдывающий бога и сотворенное им бытие, а вину за порчу и язву возлагающий на человека – не то же ли самое, что выбор судьбы для себя, близких и мира? Уверовав в христианского Бога, я заставляю и мир и историю совершаться согласно вере!

Но ни наука, ни предание, ни традиция не удостоверяют справедливость христианского мифа, хотя опыт нашей скоротечной жизни и нашей медлительной истории сегодня уже говорит против него.

«Довольно жить законом, данным Адамом и Евой!» – воскликнул пролетарский поэт – но это возвещено уже многими, а со времени Просвещения большинством образованного сословия Европы, наконец и Вольтером, и молотом философствования – Великой Французской революцией.

Мы умираем все так же, и по-прежнему не воскресаем, и не только мы, грешники, но и праведники, которые послушались призыва воскресшего Бога.

«Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? .... [Ибо] истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.»

Последнее обещание не исполнилось, что говорит о том, что и Христос не знал сроков грядущего Конца света и воскресения мертвых, а, следовательно, и богословие не ответило на вопрос о том, какова была природа Искупителя при его Первом пришествии. Если Он был Сын Божий и один из Троицы, единосущный Отцу, то не мог так ошибаться, а, следовательно, обещал он скорую встречу ученикам своим, будучи человеком по воплощению, а не Сыном Божьим по сущности. Впрочем, пусть богословы продолжают свою схоластику, а мне было важно отметить то, что как иудеи существовали в рамках Ветхого Завета, ожидая Мессию, так и теперь живут, мир для них не стал ни хуже ни лучше; мы же, бывшие язычники, построили христианскую церковь, живем, ожидаем, претерпеваем под властью церкви и Бога (которые нас не любят) часто неизмеримо горшее, чем под властью языческих царей.

Что изменилось в мире? О, очень многое. Сначала чуть ли не всё, что написали и построили эллины и римляне, было сожжено и разрушено, потом остатки возрождены из-под пепла и культура постепенно продолжилась.

С пятнадцатого века, о котором повествует «поэмка» Ивана Карамазова, прошло пятьсот лет, стали ли мы хуже, более христианами или менее?

Было по разному, как и тогда, в мире изменилось многое, вон и самолеты летают, в душах тоже не все как прежде, страху божьего меньше, человек стал самоувереннее (что не всегда хорошо), но зато менее принижен, менее раболопен, более сознающ свое человеческое достоинство (что хорошо).

Мировоззрение, опирающееся на христианство, опирается на ветхозаветную идею о *преступлении и порочности человека*, не существенную в иудаизме.

И поэтому одни из нас согласны жить на коленях, надеясь на милость.

Другие от сознания *своей* метафизической или даже трансцендентной *порочности*, которую ничем не исправить, уже за две тысячи лет устали, и хотя знают твердо, что выше головы и они не умеют прыгать, но не вперяют и днем и ночью очи долу, живут хотя бы как растения, пьют воду и солнечный свет, ищут дружбы и нежности таких же как сами, может быть, и грешных, но не слишком порочных, пытаются им помочь, ищут и у них помощи –

6. Затруднения философа не-христианина

– и разве я самый худший? хотя и не лучше большинства, христиан и нехристиан. Среди моих товарищей (так уж перемешались сегодня мы в нашей стране) есть и христиане, даже и оголтелые, мечтающие о сиянии костров инквизиции; и сталинисты, сетующих, что не всех врагов и тех кто не за нас, а значит идущих в *пятой колонне*, еще тогда перебили, Сталин был слишком мягок. Есть социалисты, может быть, надеющиеся на *социализм с человеческим лицом*; евразийцы; поклонники Запада; приверженцы *исторической родины*...

Никого из них не хотел я обидеть своею книгой. Могут ли они не возненавидеть меня за то, что я думаю и чувствую не так как они? И неужели я единственный среди оголтелых, разрешающий думать другим не так как я? Вхожу я на днях в наш нищий Союз, от которого я никогда ничего не ждал и не просил, и сразу услышал крик: *Ему не наливайте, он не нашей веры!* А какая у них вера, я и не знаю... Человеческая ли? Почему же я от них ничего не требую?

Если когда-нибудь и *она* прочитает мою книгу...

Пусть ей будет светло и радостно, моей ласточке!..

Что самое должное в нашей жизни, я не знаю. Но инстинкт редактора и учителя, друга или подруги говорит мне, что *сочувствие не бывает грехом*. И если бы не наши детские слова о любви, не наши невинные детские объятия – неужели нас было бы в чем упрекать? И я опрометчив, я неосторожен. Если бы я не захотел ее обнимать, если бы я не обнял ее три раза – всего на мгновение – мы могли бы встречаться по-прежнему... Но – увы – в прошлую реку уже не войти, теперь течет иная река, и вода в ней уже иная...

3 февраля 2016 г., среда. Задолжал я многим (обещаниями), и долги надо исполнить. Надо издать и одного и другого и третьего, и "Русские страницы" (больше не буду), редактировать толстенную книгу для изд-тва, редактировать и издать Н. И., писать и редактировать и своё.

20-58. Ходил проведать Ю.П., целый день в его шестисотстраничную книгу вносил правку, только что закончил и отослал в изд-во, через девять дней должны напечатать. Вот уже одно из дел почти и закончено. Но уныние клонит книзу, а оно неспроста, и некого «призвать ко рыданию» ... Куда уж о душе своей печься...

Не буду больше писать ни о своих болезнях (другим бывает хуже, мой одноклассник, по первому классу, на Новый год позвонил, *попроцался со мной*, а я что-то мямлил ему о том, что надо крепиться); ни о своих долгах (немало тех, кого выгнали из дому околевать под забором – на что мне-то жаловаться?); ни о несправедливости жизни – справедлива ли она была к Лермонтову, умершему мальчишкой? И потому напишу еще о своей любви, на неё я уже не жалуясь. Рассматривал ее фотографии, такая она кроткая, нежная, робкая, столько добра и милости в выражении лица, взгляде, осанке – надо благодарить высшие силы только за то, что они разрешили мне с нею встречаться, разговаривать, и даже целовать ее руки!

7. Миф о новом Иове

«Сказал Господь сатане: "обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла".

И отвечал сатана Господу и сказал: "разве даром богобоязнен Иов?"

Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простири руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?"

И сказал Господь сатане: "вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня.»

А далее вы всё знаете, выпали на долю Иова бедствия, но он сохранил верность Богу.

В 95-м году я работал в Полиграфическом институте, и хотя я далеко не Иов, но поспорил мой Бог (философов и ученых) с Искусителем, выдержу ли я хотя бы малые искушения хотя бы до трех раз.

И вскоре, возвращаясь с вечерних занятий по Загородному проспекту, дошел я до пьяного, сидевшего на скамейке у тротуара, шел снег с дождем, мужчина в хорошем пальто без шапки вскидывал руку, чтобы остановить такси, но все проезжали мимо. Я спросил у него адрес, остановил машину, дал водителю вдвое и попросил довести до квартиры.

Через неделю, возвращаясь с работы, дошел я до Невского, на углу стоял молодой парень и обращался к прохожим, протягивая руку. Оказывается, утром приехал он из Таллина, на Невском пригласила его в гости путана, и вот у него ни денег, ни пальто, ни шапки. Я дал ему денег и велел ехать на Витебский вокзал, через час должен был пойти его поезд. Но он заплакал, что сам он не сумеет сесть в поезд. «Пожалуйста, не бросайте меня!» – умолял он. Пришлось мне поехать с ним вместе, довести до перрона и посадить в вагон. Как он смотрел на меня! Как благодарная собака смотрит на человека.

В третий раз я уже доехал до своей Гражданки, было около полуночи, у метро тогда стояли ларьки в два ряда, я купил бутылку пива и уже отхлебнул.

Тут меня остановил невысокий парнишка и спросил, как ему доехать до Невского. Метро уже закрылось и я предложил ему денег на такси. «Не дашь мне глотнуть из бутылки?» – спросил он. Я протянул ему бутылку и мы по очереди ее допили.

И он пошел ловить машину, сказав при этом загадочно: *«не всякому духу верить, но испытывайте духов!»*, а я пошел между ларьками, которые стояли тесно, навстречу же мне вдруг появился некто толстый, так что нам было не разминуться. Я остановился. «Тебе что, жить надоело?!» – выкрикнул он и выхватил нож. Я еще раздумывал, что мне делать, и вдруг увидел, что из толстяка уходит жизнь как воздух из воздушного шара, и он падает на колени, закрыв рукою глаза. Я обернулся. Сзади меня стоял давешний парень и смотрел вперед, и казалось, что из глаз его истекает сталь.

«Надо быть тверже хотя ты стоял уверенно, молодец! Как видишь, глоток пива из одной бутылки иногда не так уж мал, – засмеялся он. – Ты ведь еще почти младенец, а я не выношу избения младенцев. Но пора повзрослеть! Ну, хотя бы не сразу... Не падай духом, и ты сумеешь дойти, куда надо!»

8. Пора прощаться

«Всегда носим в теле мертвость... Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» – говорит апостол Павел:

Жизнь здесь, в нашем мире, среди нас, грешных, но живых, отделена именно что трансцендентной пропастью от «инобытия во Христе».

Не надо больше спорить, возражать, пересекать прямые нашей евклидовой геометрии с воображаемыми линиями воображаемого инобытийного пространства. Спор невозможен, потому что два бытия несовместны.

Где мы существуем? Помимо жизни, мы еще существуем в культуре. Русская культура не совместима с христианским способом мыслить и чувствовать – каждой строкой, каждым словом того языка, которым она говорит.

Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Я не думаю, не утверждаю, что вся моя жизнь мне подвластна, слишком часто приходится падать, несмотря на все усилия устоять. Но я так же не думаю, что даже волосы на моей голове сочтены, и поэтому от меня самого ничто не зависит – слишком это унизительно.

Много было ли было подлинных христиан среди русских поэтов девятнадцатого столетия, «носящих в теле мертвость Иисуса»? Разумеется, нет.

Достаточно прочитать друг за другом любые две страницы: из русского поэта и из христианина. Даже химический состав слов разный, *иначе и об ином*. И пусть даже «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя» – но нас спасет даже музыка этих слов, если прежде не спасет своей любовью женщина, опомнившись, пожалев и простив!

С надеждою жду, когда приеду в деревню и отряхну прах эгоистического уныния с обуви своей...

Непостижимо все, что есть,
И та грядущая обитель,
Что обещает голос свыше
(Хотя и он подчас не слышен),
Но несомненны совесть, честь,
Отвага, книга и учитель.

Вот отчего вперяю взор
В полоску розовую неба,
Крошу в вино кусочек хлеба,
И смехом полно разговор
Средь милых муз, любимиц Феба.

Ухоженное спокойное кладбище – мертвый порядок. Поле, на котором под обстрелом мечутся люди – хаос. Противоположны ли кладбищенский порядок и губительный хаос? Нет. Это два состояния смерти. Им противостоит жизнь, внутри которой иногда маршируют воинские колонны, воздвигаются баррикады, плачет новорожденный и плачут на похоронах, но нормой которой является деятельное движение.

Я не живу только собой (с Богом или без бога). Мне нужна Россия, природа, мир, культура. Меня страшит смерть (к сожалению), но продать блаженство трудной жизни за чечевичную похлебку рая, о котором внятно не сказал **никто** из христианских учителей, я не хочу. Если наши предки столько отдали трудов и крови за нашу независимость от Батюга, Наполеона и Гитлера, то почему не надо защищать наше существование сегодня? Да, большинству достаточно выпивки и закуски, сна и похмелья, я осуждаю их – и все же я сочувствую и этому народу, этой «черни», которая не способна подняться до более достойной жизни; во мне и самом две стороны, то противостоящих друг другу, то словно бы сливающихся в одно...

В творчестве существуют две части: вдохновение (искусство) и ремесло. Правила «правописания» относятся только к ремеслу, и ему они и учат, вдохновению научить невозможно. Но Редактор занимается не только ремеслом, но и искусством, и его влияние на литературу иррационально...

Продолжать ли мне о *ней* думать, "ждать и надеяться" – или забыть, забывать, освободиться? Или пусть течет в трудах и заботах время, и прошлое потускнеет, как вянут осенью на деревьях листья, потускнеют и ожидания. А потом придут новые заботы или воображение вытеснит печальную подлинную жизнь, как уже бывало...

11-11. Русская литература девятнадцатого столетия рассказывала мало о крестьянах, да когда и рассказывала о них, то приблизительно. Но ведь и всякая литература рассказывает преимущественно о тех, кто разговаривает, спорит, воюет, дерется, играет в карты, влюбляется, ищет смысл жизни, пытается разбогатеть, разоряется, обольщает и обольщается. Дворянский писатель, естественно, писал о том, что видел и знал, дворню свою он знал плохо, барщинных крестьян еще хуже. Даже о ямщиках пели в песни, они были на виду. Пели о несчастной любви, после реформы в литературу пришли многие

и снизу, и все же и сегодня разве я пишу о Вове и Сереге из нашей деревни? Пишу только о том, что вот они идут мимо меня, падая, по дороге... Еще меньше в литературе было монахов, священников, христианских проповедников, праведников и юридовых.

И поэтому христианства в литературе не было, его особого чувства и тона, которое в таких, например, словах апостола Павла: «*Всегда носим в теле мертвость... Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем*» – это христианство осуществилось либо только в жизни Иисуса, который и пришел на землю (особенно в контексте этих слов апостола) прежде всего затем, чтобы умереть на кресте; либо в жизни тех, кто совсем отсекся от жизни, то есть в антижизни юридовых. Всякий другой, хотя бы отчасти живой и живущий, даже монах – не христианин. В такой степени, в какой они живы, все не христиане, а лишь насколько от жизни отказались, настолько христиане.

Можно ли это учение оспаривать?

Не так давно крестьяне подмосковной деревни замуровались в шахте, их долго уговаривали оттуда выйти, не помню, все ли вышли. Вот они уже ушли в христиане *всерьез и надолго*.

Следовательно, возражающими мне будут или христиане, которые уже пошли за Христом и перешли Стикс, и я им уже *до фени*, и поэтому они возражать не будут или я их уже не услышу, или лицемеры, которые никогда тот крест, который Христос велел взять на себя *всем, кто готов пойти за ним*, не брали, но будут доказывать, что *нужно* быть христианином – чтобы жить в свое удовольствие. Пусть спросят у апостолов.

Быть может, надо написать глубже, или о христианстве не стоит писать вовсе. Не вмешиваюсь ведь я в жизнь мусульман или буддистов? Это только из-за **неё** взялся я писать эту книгу... *Ну и хватит и с меня и с нее...*

Кстати, а христианин ли Великий Инквизитор? Если христианам разрешено сжигать еретиков, то и Инквизитор вполне христианин, как вы все, мои читатели. Если же **не** разрешено, то многие даже и из христианских святых должны будут снять свои знаки отличия, стигматы и язвы во имя Христа.

Однако, повторю еще раз: тот, *кто не отсекся от себя и от жизни*, и продолжает жить как ни в чем не бывало, христианин не больший, чем я. Поэтому не спешите бросать в меня камни, сначала прочитайте евангелие.

Прощай, моя ласточка! Моя странная книга закончена. Не спеши бросать в меня камень и ты. Мне тоже печально и больно, и жить временами трудно. Но я еще жив, доживу до огорода и с лопатой в руках воскресну. Жизнь – это соединение с миром, природой, человеком, Россией, любимыми, родными, друзьями. **Жизнь – это сочувствие, любовь и забота!**

9. Начал, наконец, понимать, прощаясь

«Тварь ли я дрожащая или *право имею?*» – задал Раскольников свой сакраментальный вопрос. Достоевский показывает, что **права убивать у человека нет**. Но о таком ли праве вопрос Раскольникова? И следует ли из его жизненного крушения, что у человека нет **никакого** права? И что человек только *тварь дрожащая* и больше никто (как это утверждает и Великий Инквизитор, *христианин из христиан*)?

Права *убивать* у человека нет, и даже в Заповедях Моисеевых так сказано, – но *прав* у человека (как о том повествует и философия и история и сама жизнь, и не отрицают епископы, папы и патриархи, любящие поговорить о смирении, но не о своем смирении, а подопечных чад) у человека немало.

Запутанность спора по поводу Легенды в том и состоит, что невнятно существо этого спора. Спаситель, неизвестно зачем пришедший в неурочный час на Землю, во все время монолога Инквизитора молчит, неизвестно, возражает он Инквизитору или с ним соглашается.

Старик утверждает, что Спаситель дал человеку свободу, но не объясняет ни он, ни Достоевский, ни весь хор философов-христиан, о какой свободе идет речь. Возможно, речь идет о **праве на сомнение**, как у апостола Фомы, – ... но если крестят дитя, то в условиях традиционного общества из таких дитёв не произведутся Фомы, все веруют без сомнений.

Так о том ли речь Инквизитора, "любящего дедушки" жалкого человечества, что у человека не отнята врожденная способность сомнения (ибо в евангелии не говорится, что сверх всего, о чем говорится в Библии, и что уже было у иудеев, Христос кому-то что-то давал: так по своему толкует лишь Достоевский три искушения в пустыне, с которыми пристал к Иисусу дьявол).

Послушание, кротость, **слепая вера** (которая проповедовалась все девятнадцать столетий) скрепляли христианские народы так, что речь уже не могла пойти *ни о какой свободе*. И те речи, которые вели наши философы, – это словно бы спор о чертах на острие иглы. Но есть ли у человека какие-либо несомненные права и есть ли способ их защищать и отстаивать? Какие права у крестьянина в отношении к помещику (кроме повиновения по сердцу); какие права у дворянина в отношении к королю и императору, у священника и мирянина перед епископом и инквизитором? В легенде об этом ни слова, и в Новом Завете ни слова, а тогда меньше даже "летпы вдовы" болтовня о свободе.

И, наконец, поговорим о двойственности вещей и явлений. Если я скажу, что христианство ненавидит человека, проповедует ненависть к человеку и миру, мне возразят христиане, что это учение – сама кротость, оно проповедует любовь к человеку, милость и всепрощение. Если я скажу, что Прометеев огонь – это зло, что на кострах, им возжженных, сгорали еретики, философы и ученые, Ян Гус и святая Жанна, мне возразят, что огонь – это благо, в костре и в печи он согревает человека и наполняет его благодатью – правда, и этот огонь в нашей деревне сжег три дома вместе с старушками (правда, не с теми, кои носили хворост на костер Яна Гуса).

Но какая же церковь и какое учение покрыли Европу кострами и воздвигли Крестовые походы, в том числе на собственных граждан? Нет, скажут мне, это другая церковь – будто десятки тысяч храмов, сотни тысяч священников, епископов, богословов и верующих вдруг изменяются за неделю, когда вводится Закон о преследовании тех и других, словно в двадцать восьмом году произошла замена компартии, а не те же начали раскулачивание, которые перед тем вводили НЭП. Сущность неизменна, меняется только форма.

Даже болезнь возникает не в пустоте, всякая таятся уже в человеке и вдруг возгорает, одна или другая. Но в христианстве один огонь, а не два, одно

учение, а не два, и это оно, *в ризах любви* (если "любовь к Богу и ближним" можно считать любовью), проповедует ненависть к человеку и миру.

07 февраля 16 года... Спал не хуже, но о болезни ни слова, *долг, забота, любовь*. Человек жив и сам по себе, сам с собой, еще более он жив для других. И все же он не только весь мир, вмещающий его в себя (словно бы мир Малого круга), но он и часть Большого круга мира, включающего родину, семью, общество, культуру, природу. Он жив заботой о внешнем, но и заботой Большого круга о нем. Дочь носит отца на руках, умирающего, так он высох, маленький старичок (как он о себе писал сам), посвятивший свое творчество преимущественно семье, и это у него самые скорбные строки о церкви, вставшей преградой между человеком и близкими, противопоставившей любовь к Богу, которого, как пишут и апостолы, никто никогда не видел, любви к человеку. Церковь между человеком и культурой. Между человеком и родиной и родом. Церковь гонит все природное, естественное. Гонит все то, что человеку помогает; презирает труд, гнушается творчеством, ненавидит любовь. Не странно, что она стоит над жизнью, над бытием, – обращенная к смерти и небытию. Читает очистительную молитву над роженицей (словно рождение ребенка – это блуд и грязь), относясь лишь к тому, что **до** жизни.

Отпевает умершего, относясь лишь к тому, что **после** жизни.

Совершает обряд венчания, относясь лишь к тому, что **до** зачатия.

Крестит ребенка – только по воле родителей (и после этого христианские философы болтают о свободе, которую якобы человеку принес Христос, но которой мы лишены в самом главном церковном таинстве – в крещении!!!)

Забота о человеке принадлежит только "миру", презираемому церковью. Заботятся друг о друге муж и жена (но *лучше человеку не прикасаться к женщине* – или вы забыли эти слова?); родители кормят детей, и даже общество помогает им в иных случаях, и друзья и *родные* ("Но кто мои родные? – спросил Христос – это ученики мои"! А помогали они детям? Привечали их?)

Благотворительностью ни католическая церковь ни православная не занимались, они только **брали** (и строили храмы на приношения и подавания, но сами не подают). Ну, конечно, у священника и монаха забота о Боге, им нет времени прокормить себя, ниже других – но ведь я, пишущий свои книги, за которые мне не платят, не гнушался никакой работой, чтобы себя прокормить! Ни работою на огороде, ни частными уроками математики. Но и теперь я берусь и набирать тексты (за что мне платят благодарные авторы), и редактирую (почти не платят), и верстаю, и издаю, и иногда помогаю развозить и грузить... Одной моей приятельнице надо будет вырыть канаву, я возьмусь за канаву. *Гением преподавания* называли меня когда-то мои учителя, я не стал хуже, хуже стала страна, она против того, чтобы я учил математике, даже работу сторожа доверяет мне неохотно. Но и государство, и церковь, и Бог, поставленные русской историей словно судьями и возмездием над человеком, – не вся жизнь. Врачи **лечат**. Учителя – **учат**. Женщины (их презирали больше всех) **любят** и **рожают**. Забота о человеке принадлежит миру, и молитва только внутри, там же и песня, которую мы поем, когда нам горько или радостно. Внутри нас и наши слезы, которые Бог не утрет, если некому утереть их среди наших друзей или близких...

10. Последнее прощание...

Октябрь 16. ...Затопил печку, в доме снова стало тепло, ночью ударил мороз (а я именно вчера, пока было солнышко, открыл кабачки и не закрыл на ночь, и все перемерзло! Где тонко, там и рвется)...

И снились мне ужасные сны. Государство стало церковью, и я слышу сообщение ТАСС: Председатель правительства после утреннего богослужения подписал два указа: один об отмене смертной казни, другой о ее тайном разрешении в исключительных случаях. Затем он распорядился отправить бригаду монашек на копку картошки, а мужскую бригаду (монашескую же) на доставку картошки в Кремль.

Да, вспомнил один недавний спор по поводу золота и серебра в облачении и дорогих дворцов и иномарок, христианский товарищ мне возражает: А мне не жалко, пусть твой Сергей или Нил Сорский ходят в рубище, а зато мой Иосиф Волоцкий блистает парчой и золотом, как и *«купола в России кроют чистым золотом...»* Ну да, вот почему у меня пенсию отбирают, и надо мне крышу веранды починить, протекает, придется сегодня на нее лезть, хотя у меня боязнь высоты (и никакому внушению и порицанию эта боязнь не поддается, голова кружится без спросу)... Правда, случилось это после того, как в десятом классе я залез на высокую сравнительно крышу школы, на ее конек, и встал у флаштока, а снизу смотрела *Грушенька...* нет, кажется, Люсенька, *Грушенька* потом...

Кстати, в оправдание Ф.М. скажу, что он был сострадателен, и когда его Полина плакала, потому что ее бросил испанский (кажется) медик, Ф.М. утирал ее слезы – и роман «Братья Карамазовы» – разумеется, роман о сложностях человеческой любви и души, а не о коллизиях богословской мысли, и даже Розанов, вот, сожалеет, что не успел подружиться с Страховым, а не о том, что не успел ближе сойтись с Христом. Содержание нашей жизни – в наших отношениях с миром, и небо, на которое мы смотрим, представляет значение только тогда, когда оно *продолжает мир* (как и комплексные числа продолжают *мир вещественных чисел*, а не отменяют его!)

Но все же по поводу церкви – никак из Нового Завета не ясно, каково ее предназначение в падшем мире и не надо ли было бы сразу же назначить Конец света (как и ожидали ученики, уже собираясь в коммуны). И по поводу государства – не следует из Нового Завета, что государству надо стать церковью, тем более что из средневековой Истории (да и ни из какой) мы не видим, чтобы церковь была увещанием государству и помогала ему стать лучше, как, впрочем, чтобы и государство исправляло церковь. Жили они в союзе, церковь оправдывала дела государя и правящего и благоденствующего сословия, государство помогало церкви, феодальная знать и духовная знать не всегда даже были разделимы, в иные времена не совсем было ясно, Ватикан ли и кардиналы правят Европою или Европейские государства управляются хотя бы со своими поместными церквями и духовенствами.

Вот так же и при советской власти – был ли кто-нибудь такой умный, чтобы точно объяснить, кто у нас управлял государством – Политбюро или

Правительство или Верховный совет? И не была ли советская власть копией власти христианской по крайней мере до эпохи их буржуазных революций (правда, в России царская власть всегда преобладала над духовенством). Ну и насмешкою звучат после 19-ти веков христианской власти рассуждения о том, что еще не успели люди и отношения между ними развиваться, просветиться, возвыситься до принятия перерождения государства в церковь.

Впрочем, и мои рассуждения бессмысленны, потому что на главный вопрос я не смогу ответить (как и Достоевский, папа Римский, Розанов, Владимир Соловьев и патриарх): какова ЦЕЛЬ церкви и христианства в отношении человека? Способствовать тому, чтобы **человек стал лучше** (как сформулировала советская власть хотя бы нравственный аспект своего влияния на общество, принимая Моральный Кодекс строителя коммунизма)? Нет, христианское учение **преследует** личность в человеке, а вовсе не тщится ее развить, возвысить, пополнить образованием и культурой и никак не собирается изменять общество, раз уж конечная скорая цель – Конец света, Страшный суд и Воскресение Малой горстки. Что-то в человеке и должно бы, как будто бы, происходить, но вовсе *не улучшение*. Сравним античного человека и христианина: античный с его *emento mori* (помни о смерти), с его понятием о *добродетели* и *гордой личности*, с понятием *достойного гражданина* и образованного человека (каковые и вернулись в Европу после пятнадцати веков блужданий в эпоху Возрождения, метафизически отменившего ту Церковь, которая со всем этим воевала: и с культурой, и с эллинской добродетелью, и с гордостью, и с образованием – является образцом и для современного европейского интеллигента; – какой же идеал человека предлагает христианство?

Так не продолжается ли в этой Книге мой спор с христианством? Нет, он уже для меня закончился на тюремных нарах в 2004 году, результатом чего стали мои «Записки на пальме». Или я все еще спорю с тоталитарным сознанием, которое и является общей основой и христианской веры и веры в коммунизм? Но спор этот закончился в 91-м году, хотя **бывший советский народ как слепо верил, так слепо и разуверился**, мыслить решались лишь единицы.

Чему же она посвящена?

Вначале я надеялся, что скажу обо всем: и о культуре, и о любви, и о вере, прошусь уже окончательно с христианством, прошусь с ученичеством (прежде всего с ученичеством у Достоевского и Розанова), прошусь и с двумя прекрасными женщинами, занозившими мое сердце. Как-то странно переплелась моя **философия прощания** с тем, что они меня отвергли, и невольно обида пропитывает страницы. Но это несправедливо, и последние слова я посвящаю им. Мы нечаянно встретились и они на меня посмотрели: разве этого мало? Они даже остановились и мы шли немного вместе, держась за руки. Они меня даже *обняли*. Они от меня ушли, и скоро я их буду вспоминать уже редко – но образ их, прекрасных и милосердных, останется навсегда в моем сердце – как две свечи, горящие перед киотом... Вы, два чудесных ангела, теперь навеки со мною – хотя бы на страницах печальной **Книги прощания...**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**РАЗМАХИВАЯ КУЛАКАМИ
ПОСЛЕ ДРАКИ**

Осуждение Галилея

Сожжение Яна Гуса

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ У КАМИНА

21.11.16. Кажется, я вмещаю в свои книги почти все, что меня раздражает, всему успеваю возразить из бесконечной пыльной бури глупостей, злости, лжи, обмана, неумения, незнания... Но каждый день, в разговорах, встречах, в чтении, даже во взглядах самодовольных прохожих я вижу и чувствую, что почти ничего из самого важного мне не удалось сказать, или не удалось сказать глубоко и доказательно, так, чтобы хоть кто-нибудь меня услышал, обдумал, и что-нибудь понял. А ведь не наобум все это я говорил?!

Ну, например, Иоанн Грозный, учредивший Опричнину, русский царь, лишил Россию выхода к Балтийскому морю, бездарно воевал в Ливонии, сжег Тверь, разорил Новгород, трупы стояли в Волхове так, что вода вышла из берегов – а ведь и Тверское и Новгородское княжества были присоединены в Московскому княжеству еще его дедом, – зачем же он сжигал их? И вот в случайном разговоре мне возражают, что это был достойный государь, при нем мы присоединили Сибирь (не **мы**, но Ермак с моим прадедом).

Христос пришел разделить мир на праведных и неправедных, но вот этот, восхваляющий русского царя-людоеда, не по незнанию, а по тупому душевному невежеству, потому что он восхваляет и Сталина, потому что он не относит жестокость, убийства и истязания народа государственной властью к преступлениям – к какому лагерю он относится, если он исполняет заповеди? Очевидно, к малому остатку достойных воскресения, а я, ругающийся, – и на царя, и на священство, и на богословов, вступающий в распрю и с Богом, осужден буду на вечные муки – но хочу ли я попасть в рай с такими избранными, оправдывающими мерзость и злобу? Оправдывающими костры и сожжения ученых и поэтов, инакомыслящих и иноверных, изнасилования гимназисток в подвалах ЧК, изгнание образованных из России, уничтожение миллионов крестьян, умеющих работать, ремесленников, просто умных, за то что умные, просто красивых, за то что красивые? Сладок ли Иисус, пришедший в наш мир с таким критерием разделения на достойное и недостойное, что только тупое, безжизненное, трусливое, безобразное, рабское, влюбленное в рабство, ненавидящее все высокое – оказывается среди достойных? Мой отец, благодаря которому живы и современные святые, монахи, епископы, Россия, русский язык (но да христиане разве заплакали бы об утрате русского языка, ведь он не принадлежит к вере в Бога?!), и его солдаты, и сослуживцы, и миллионы других солдат, погибших на полях безжалостной войны – разве не к аду будут присуждены? Кто-нибудь из этих погибших солдат удостоин русской Православной церковью хотя бы сочувствия? Она кого-то из русских прославила за их подвиги в войне, за их труд, прокормивший всех нас, за их красоту, талант, за их муки и верность?

ОТВЕРГНУТО ВСЁ, кроме веры в Бога! Ничто не ценно, кроме любви ко Христу. Тлен – и поэзия, и поэты, и их стихи, и ученые, и их открытия. **Мать, продавшая свой золотой крестик, чтобы накормить ребенка, кипит в смоле, раскаявшийся разбойник одесную царя небесного.** Или это не так?!

И вот, хотя моя книга о Великом инквизиторе уже закончена, и исчерпаны **все** отведенные на нее страницы, но придется мне ее перечитать, ужать, сократить, дописать, да высвободить еще страницы для этой вот главы, кажется, последней... Если и теперь не смогу сказать самое насущное, значит, и на самом деле – НЕ умею.

Те, кто знает хоть немного богословие и философию, знает историю церкви и церковных учений, и читал и Библию и Новый Завет и хоть что-нибудь еще из богословских сочинений, и способен был в них вдуматься и понять, знают и то, что я изложил в своих книгах, в которых я спорю с христианством. Эти, знающие и понимающие, это как правило евреи, принявшие христианство и не претендующие на его правку, на его изменение и улучшение хотя бы в своем собственном представлении, оно их устраивает. Немцы, французы и русские христианством удовлетворены не всегда и пытаются его изменить, улучшить, если даже не переписывая тексты, то перетолковывая их, если не перетолковывая, то еще хитроумнее: принимая в данном все как есть, но в восприятии все меняя, черное называя белым а белое черным.

*Объясняет ли христианство человеку смысл и значение красоты? Необходимость ее для человечества или зловредность? Разумеется, верующий воскликнет, что так как Бог – основа прекрасного, то и Сын Божий, и Священное Писание красоту похваляют – не взирая на слова апостола Павла о *похоти плоти и похоти очей*, об идолах (изваяниях), коими уставлены улицы Афин, не взирая на статьи вохристианившегося Льва Толстого об искусстве (почитай их, мой читатель!), в коих он доказывает, что представление, которое устраивали вогулы в своем чуме, прекраснее и глубже и подлиннее разыгрываемых на сценах столичных театров (хотя он об нем только читал), что бабы, отбивающие на косах молотком и подпевающие в такт ударам, прекраснее отбивали и подпевали, чем столичный знаменитый пианист, приехавший в Ясную Поляну сыграть для великого писателя, и что у них лучшая музыка, чем у глухого Бетховена. Верующий вспомнит, конечно, строку в Евангелии, где говорится, что не надо заботиться о завтрашнем дне (*и не надо трудиться*), ибо вот птицы небесные не сеют и не пашут, и *лилия не прядёт, но сколь украсил ее Господь!* (предполагалось, следовательно, что христианин способен оценить бесполезную красоту лилии и не всегда вспоминает, что "*всякие искусства и культура в целом внушены бесами*").*

После того как советская интеллигенция 75 лет проповедовала, что отцами эстетики являются Маркс и Ленин, частично Чернышевский, меня мало что удивляет, к тому же, несмотря на временную, на столетие, победу иконоборцев и сожжение икон, «купола в России кроют чистым золотом», и ризы священников и убранство храмов и сам их вид – прекрасны (несмотря на то, что отцом прекрасного является все-таки Дьявол! – по убеждению истинных христиан.)

Но еще важнее отношение христианского учения к этике и морали. Когда писатель, даже не перекрестивший лба, говорит, что христианство не смогло исправить человечество лишь потому, что обычный, испорченный, падший человек не в состоянии воспринять его неизмеримую нравственную высоту, к

которой оно этого человека призывает, то я пытаюсь у него узнать, в чем состоит эта нравственная высота. Богословски образованный человек говорит мне совсем другое (и я был поражен, когда впервые услышал ту правду о христианстве, которая доступна детям самого образованного, в богословском смысле, народа)... Но по порядку. Лет сорок тому назад, когда я и сам был христианином, в обыденном вечернем разговоре за рюмкой водки я начал обличать большевиков за то, что они порушили большинство православных храмов в России, уничтожили множество икон и внутреннего убранства храмов, уничтожили даже физически значительную часть духовенства. Христиане, сказал я, большевикам этого не простят. "Это ты не простишь, потому что ты плохой христианин, тебе жалко храм, скульптуру, живопись, книгу, ты относишься к ним как к предметам, которые надо хранить, они для тебя часть культуры. А церковь по существу к культуре или равнодушна или даже враждебна, для нее храм не музей, а место для молитвы, молиться же можно даже в чистом поле. Подожди, они еще с большевиками договорятся и простят друг друга (что и произошло), а ты останешься один со своими книгами... ну, может быть, еще с друзьями и девушками, потому что они тебе важнее Бога. Христианин же на первое место ставит Бога, потом уже милосердие (или любовь) к ближнему, и то постольку, поскольку это глиняная табличка, на которой запечатлен образ божий. Я тебя вижу насквозь, ты гуманист, тебе не Бог нужен, а человек, вся твоя энергия, все твои помышления и чувства направлены на человека и окружающий его тленный мир, который для истинного христианина **ничто**, туман, заслоняющий от него истину. Никакого *гуманизма* в религии нет и не должно быть, потому что она есть почитание и любовь к Богу, а не к человеку, она выше морали, этики, гуманности, выше красоты, хозяйственных забот, выше семьи и рода человеческого, она вообще даже просто ВНЕ их, она существует на небе, а мы на земле, и отблеск небесного поскольку улавливаем здесь, постольку он помогает нам уйти отсюда туда".

Позже мы беседовали не раз уже хладнокровнее и с большим взаимопониманием.

Итак, «христианство не понуждает человека любить мир и заботиться о нем, не понуждает ставить человека во главу угла (от чего и отталкивается гуманизм как учение о человеке как источнике блага) – нет, оно выше добра и зла, оно вне нравственности. И в Заповедях Моисеевых ясно говорится: **во-первых, возлюби Бога**, всем сердцем своим и помышлением! А затем уже говорится и то, что напоминает, хотя и чрезвычайно односторонние, правила морали. И хотя **нет**: труда, творчества, культуры, общности, нет даже церкви и духовенства, но все же отцы и дети, муж и жена, соотечественники (*ближние*), соседи, прохожие... Чтобы не показалось, что Христос порывает с иудаизмом, религией отцов, Он говорит, что пришел не нарушить старый Закон, а подтвердить его, и старые заповеди перелагает кратко: **во-первых, Возлюби Бога**, всем сердцем своим и помышлением, и во-вторых, возлюби ближнего своего. "В этих двух заповедях уже весь Завет", говорит Он – то есть что и не надо еще разьяснять что-то про любовь между родителями и детьми (какая между ними любовь, если *враги человеку*

домашние его, если пусть мертвые хоронят своих мертвецов?!), про любовь между мужем и женой (зачем они, если ТАМ не женятся и не выходят замуж, если весь смысл жизни состоит в том, чтобы перейти ТУДА, если лучше не жениться, но поелику не все это могут вместить, то из снисхождения к немощным Бог разрешает им опираться еще на этот кривой костыль!). Сегодня же вечером пролистайте Евангелие, там все это сказано ясно и не двусмысленно. Иудаизм еще не порвал с человеческим в человеке, в нем еще и Бог какой-то домашний, словно бы добрый дедушка в семействе со своими детьми (*избранным народом своим*), в нем еще и этика и мораль, Закон и заповеди, а христианство противопоставляет Закону Благодать Божию (смотри хотя бы *Слово о Законе и благодати* митрополита Иллариона), да и не говорит о том, чтобы человек становился лучше, а чтобы брал крест и шел за Христом. У всяких нравственных поучений (Аристотеля, Сократа, Конфуция, Мао Цзе Дуна, Ленина, Троцкого) центральная идея состоит в том, чтобы человек стал **лучше** (хотя бы с их точки зрения): добродетельнее, образованнее, воспитаннее, революционнее, ... На вопрос, становились ли **лучше** Кьеркегор, Блаженный Иероним, Василий Блаженный, Святой Доминик (воины которого мазали маслом идущих на костер), становились ли **ЛУЧШЕ** затворники, молчальники, столпники – ответить невозможно так же, как нельзя сказать, какое число больше, $i-1$ или $i+1$?

Становились ли они **свободнее**? Вопрос о свободе по отношению к человеку, который вступает в партию, секту, союз, банду, армию, вступает в брак – можно отчасти решить по аналогии. Вступая в брак, мужчина отказывается точно от определенной свободы, он не может участвовать в пикниках, попойках, рыбалках, картежной игре, участвовать в «пикантных» вечеринках столь же свободно, как и раньше – кажется, это понятно всем. Достоевский продолжал играть в карты – не оттого ли он нес в своей «Легенде о великом инквизиторе» устами своего героя такой бред о свободе, которую якобы предлагал Христос *оглашенным* (то есть вступающим в христианскую церковь)? Всякий вступающий в некоторый союз добровольно отказывается от части свобод, имеющихся до вступления – неужели философы не в состоянии были это понять? И ведь Великий Инквизитор, говоря о свободе, имел в виду только христианский народ Европы, не говорил же он о китайцах?!

Но продолжим разговор о нравственности. Древние иудеи побивали камнями блудниц, но все же инквизицию не заводили, не сгоняли народы с мест своих и не волокли ключьями в костры, которыми христиане пытались покрыть всю Европу. Разве Христос пришел проповедовать милосердие, жалость, «обнимитесь миллионы» (перечитайте критику Леонтьева паточной речи Достоевского на открытии памятника Пушкину), радость, счастье, ту любовь, которая заслоняет Бога? Нет, стремление к уничтожению в себе всего обмирщенного, нежного, мягкого, стремление гордиться язвами, немощами, страданиями, стремление к восшествию на Голгофу. Потому и нежность, и внешняя красота, и телесное наслаждение, и дети и любовование ими, и гордыня творчества, и даже любовование так называемой красотой математических формул – все это дьявольское наваждение! ("*Или спокойствие смерти хуже греха заблуждений*", спрашивал Августин). Даже и Пушкинская любовь к

отечеству – *заблуждение!*" Вот я христианин, сказал мой товарищ, заканчивая свои обличения, поэтому уже не еврей. А ты все еще русский, и никогда не станешь христианином, а всегда останешься русским.»

Но можно ли доказать, что быть русским хуже, чем быть христианином? Что умереть за Россию меньше, чем умереть за Христа? Можно ли доказать, что Христос и на самом деле Сын Божий, а не выдал себя за него, как мне доказывал ваш яростный раввин?

«Во-первых, он не мой, этот раввин. Во-вторых, доказать ничего нельзя, но ...» – Нет, проверить тоже нельзя! – прервал я его.

«Да, проверить тоже нельзя, но Христос совершил чудеса, а ты их не совершишь, вот Его чудеса и доказывают...»

«Ничего не доказывают», – опять прервал я его. – Ибо он сам сказал, что перед концом света явятся лжепророки и силою Князя мира сего будут совершать еще пушие чудеса. Да и при Первом пришествии, как сказано в Евангелии: "книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе Вельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя". И Он возразил им: "как может сатана изгонять сатану? Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; ... и если сатана восстал на самого себя и разделится, не может устоять, но пришел конец его", а потом добавил: "Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению." Впрочем, не Сам ли Он предупреждал: «восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»?

И Иоанн-евангелист предупреждал: «не всякому духу верьте!»

Но продолжим: Три краеугольные камня мироздания поколеблены христианством: Нравственность, Красота, Истина, или этика, эстетика, логика.

Считать ли за аксиому, что верующие в **Бога** уже возвышены, уже стоят над добром и злом, а атеисты, сколь бы ни были они человеколюбивы, какие бы жертвы ни приносили на алтарь Отечества, труда и культуры, наши матери, вскормившие нас, или бабушки, вскормившие наших матерей, бывшие комсомолки, наши отцы и деды, поливавшие своей кровью Безымянные высоты, бывшие коммунисты – все они уже осуждены на вар и смолу, но только *богобоязненные, смиренные, покорные, хвляющиеся немощами, не прикасавшиеся к жемчугам, "бесплодные смоковницы"* – пригодны для царства небесного?

Отвращение к красоте, гордость от умерщвления плоти, *поклонение вогулам*, изображающим охоту в чуме (по Толстому), отвращение к Вагнеру и Бетховену и отречение от художественного творчества и от Пушкина (у Толстого и Гоголя) – это отречение от эстетики (странным диссонансом звучит здесь у христианина Толстого, что идеалом красоты являются грудастые и мясистые бабы, более подготовленные к рождению детей, как и у Шопенгауэра). Ну а логика и математика, естествознание, медицина, астрономия были посрамлены еще более, и солнцем, остановленным на небе, и воскресением Лазаря, и воскресением Христа.

Не скажу, что чудо я изгоняю из жизни – я более последовательный поклонник чудес, чем вчера уверовавшие в Бога поклонники материи, из которой будто бы и мысль и чувство – и только я в нашем вдруг внезапно охристианившемся мире пытаюсь защитить несомненное и самое возвышенное чудо, *человека*, не отвергающего этику, эстетику, логику, но соединяющего их, сына природного мира по принадлежности биологическому – даже в любви – но и трансцендентного, подлинного сына Божия (ибо только человек есть и земное и небесное, и плоть и душа, и произрастающий из земли и устремленный к небу, к звездам цветок).

Христианство настаивает: "*Возненавидьте мир и возлюбите Бога!*" Это и есть его неизмеримая нравственная высота? Любовь к неведомому Творцу, которого никто никогда не видел, и ненависть к Его Творению?

19-22 ноября, 12-01. Записки амовлюбленного эгоцентриста.

Несмотря на баню и несмотря на то, что я еще не поумнел настолько, чтобы самому не усиливать мои недуги так, что и ночь и сон кувырком, да и потом дня два-три брожу как привидение – несмотря на все это, я все таки жив, относительно здоров, и даже могу печатать на компьютере полезное и бесполезное: вот сейчас, конечно, печатаю бесполезное.

Наталі́, которая когда-то обращалась ко мне по телефону: «Обожаемый Василий Иванович!» – эта гордая и талантливая Натали меня отвергла и прекратила со мною переписку и телефонные разговоры, на прощание назвав *самовлюбленным эгоцентристом*.

О чем бы я не думал, о чем бы ни писал, в центре мое или подлинное, или литературно-философское Я, поэтому против обвинений в эгоцентризме я возражать не буду. Но каковы пределы моего эгоцентризма?

Человека связывает с миром любовь, дружба, родственные (родовые) связи, долг (чувство и сознание долга), сострадание и забота ... как ни странно, еще и вражда ... еще и зависимость, в частности, "долг" (когда отдельный должен некую сумму денег или вещей или взаимопомощи другому лицу или обществу) – (не считая множества чувств, соединяющих в себе почти то же самое, отличающееся оттенками, как симпатия, жалость, ненависть, отвращение...

Отдельного человека с миром и другими людьми связывает забота и сотрудничество, творчество, родственные и дружеские отношения. Отдельно еще самая главная зависимость – от государства, церкви, общества и семьи... В этой зависимости кроме моральных категорий, каковы долг и любовь, существеннейшую роль играет *принуждение*. Но зависимость человека от государства подробно разобрана во множестве философских сочинений, в частности, у Аристотеля в Политике, у Гоббса в Левиафане, у марксистов, позитивистов, идеалистов, у верующих и неверующих... В Евангелии же сказано кратко: *Отдай кесарю кесарево!* Но Евангелие претендовало на то, чтобы поглотить и человека, и кесаря, и весь мир, и жизнь и смерть – и поглощало, и являлась ли эта краткая формула философией взаимоотношений личности и всего того, что вне ее, я тоже разбирать здесь не буду, тыщи раз уже разобрано.

У Достоевского в «Записках из подполья» герой восклицает: «Миру ли

перевернуться или мне чаю испить? Пусть миру перевернуться, но мне чаю испить!» – эти записки я бы назвал «Записками эгоиста», то есть записками человека, который почти всю заботу распространяет на себя и почти ничего на других. Но наклонные к диалектике собеседники утверждают, что все мы эгоисты, и те, кто отдает другому последний кусок хлеба, еще большие эгоисты (*заботящиеся о спасении своей души*), чем те, которые этот последний кусок хлеба у голодного отбирают. То есть, мать, выбрасывающая свое дитя на помойку, чтобы о нем не заботиться, и мать, которая кормит его грудью – обе эгоистки...

Я уже по поводу этих глупостей говорил, что надо просто напросто отойти подальше от таких диалектиков, пусть они спорят с себе подобными. Дело в том, что мир разделяется на субъективное и объективное, и внимание, воление, мысль, чувство и действие исходят либо из Я, либо извне, и всякое мое побуждение – это побуждение *яйное*, субъективное – по тому, откуда оно исходит: у всех и воля, и чувство и побуждение, и мысль исходят из собственной личности (хотя бывают внушены другими). Но направлены мысль, чувство, побуждение и забота либо на нечто вне я, либо на я. Глядя на красивую девушку и переживая ее присутствие или воспоминание, я и гляжу и переживаю именно ее, как и глядя на закат, на дерево, на собаку и кошку, собираясь накормить другое существо, я собираюсь накормить *другое* существо – но, несомненно, всякая наша мысль, побуждение, чувство и воление, всякое наше действие окрашены, пропитаны нашим Я и всем тем, что в нем содержится. Стихотворение, которое сочиняет поэт, содержит в себе пол, национальность, характер, веру или неверие, содержит в конце концов пресловутую ленинскую партийность (по поводу которой Ильич утверждал, что **литература партийна** – но верно было бы сказать ему и все остальное, что она публична (и в смысле общественности, и в смысле половом и даже *публичном* как особенности поведения девушек из публичного дома), и что она ...да какая угодно, все верно, даже то, что она часто *глуповата*, как и философия малоумных, узкожатых людей, какими были и Ильич и Игнатий Брянчанинов, и блаженный Августин... и, увы, большинство людей книжного образования, которые умны или глупы лишь настолько, насколько они, как луна, отражают, отсвечивают падающий на них свет... (и часто я вижу, что те, кто умнее меня, просто прочитали больше, я, к счастью, образован довольно поверхностно, недостаточно, не полно, поэтому чужие книги и чужие мысли мне приходится дополнять своими – и ничего, меня даже некоторые считают и умным, и образованным, и даже талантливым).

«Человек из подполья» Достоевского – **эгоист** (как и подавляющее большинство христиан) не по тому, что их внимание исходит из них самих (как и у меня), а потому, что оно и *направлено* только на них. **Заботящихся только о себе** мы и назовем **эгоистами** (такой наклеим на них краткий ярлык), а размышляющих только о себе (как Сократ), или пишущих только о себе, как я – возможно, уместно назвать "самовлюбленными эгоцентристами" (но не факт, не всегда!), а эгоисты ли они кроме того, определяется только тем, во имя чего человек живет, заботится ли он преимущественно о себе (о

своей душе или теле, здоровье, желудке, закромах, счетах в банке, власти и славе, билете в рай или хотя бы в чистилище) или заботится о внешнем, вне его тела и отчасти хотя бы вне его души.

Разумеется, граница между человеком, забота которого простирается далеко вне, и человеком, забота которого замыкается на самобытии, размыта, отчасти эгоистичен и тот, кто живет только своей семьей, двором, подворьем, заботится о близких, но отчужденно, а иногда зло относится к чужим – но такова жизнь в целом, ее дефиниции, то есть ее ограничительные определения, не сродни каменным заборам, и умные друг друга поймут, рассуждая, например, о бескорыстии и отзывчивости Ухтомского и Вернадского, а глупый упрется, они, дескать, о своей душе пеклись – ну да, пеклись, но не так чрезмерно, как большинство христиан, у которых и зимой соседу не дадут снега... велят *начать с себя*, потом уже переходить к снегу...

Да, вот этот христианский рефрен показателен, с него я и продолжу свои увещания тех, кто еще способен хоть немного увещеваться: есть ли у христианства не только заоблачная нравственная высота, но хоть какая-либо нравственность? Хороший человек – это тот, кто не пройдет спокойно мимо страдающего, попытается помочь ему, или хотя бы посочувствует – да, и это немало, потому что слишком много черствых, равнодушных, даже просто злых и жестоких людей, и благожелательный человек создает особое поле притяжения, в котором легче течь току сочувствия и заботы. Если ребенок видит, что его мать проходит мимо несчастного огорченно, то и он огорчится чужому несчастью. Мы не принуждены соревноваться в помощи миру, спеша излить себя на других, и не надо, если хотя бы каждый, кто может, *изредка* обращал бы внимание на других, никто не остался бы без заботы.

Что же в основании людских неприятностей? В наибольшей степени людоедское государство, или просто равнодушное... В отличие от Гоббса, у которого государство присваивает значительную часть человеческих свобод для себя самого, мало отдавая взамен, и который благоденствие государства считает его главной (и оправданной) эгоистической целью, из которой только чуть ли не нечаянно возникает необходимость защиты подданных, я говорю, что основною заботою государства должна быть забота о его гражданах, и основною общественною заботою должны быть усилия по преобразению государства и общественных отношений, так чтобы поощрялось доброе, талантливое, трудолюбивое, чтобы нуждающиеся в призрении были призриваемы, чтобы сумма несправедливостей если не уმაлялась, то хотя бы удерживалась в некоторых границах... Примерами, когда государство вело себя по людоедски, история нас не обделила – и Опричнина, и Прорубание окна в Европу, и Строительство социализма, и Вторая мировая война. Случайно открыл газету с жизнеописанием одного из Римских пап, безжалостного пирата и проходимца – история Церкви в этом не уступает истории государств и революций, разбойники и шлюхи занимают в ней достойное место. Разумеется, люди часто сами по себе, а Учение само по себе (притом, история и человеческий хоровод пестры и изменчивы, а Учение неизменно – но чаще ли человек за церковными воротами становился лучше,

чем в нашем грешном мире, и были ли это два противоположных мира, и способно ли было учение, проповедующее отрицание мира и ненависть к человеку, способствовать прирастанию добра? Нет! Была ли церковь добрым огородником, выпалывая растения культурные и культивируя дикие? Нет!

И все же я надеюсь на усилия светского общества по исправлению государства, на борьбу народного государства с злоупотреблениями власти, на искоренение преступности и несправедливостей – и вследствие общего оздоровления жизни на преобразование церкви усилиями верующих. Отвергая то или иное учение для себя и близких мне по духу людей, я не призываю к запрету этих учений... *Пусть те, кто верит в квадратный круг, найдут в этой вере свою радость – не посягая на наши права и свободы!*

23 ноября 2016 г., 10-26. Еду микроавтобусом в деревню, и вот эту последнюю страницу последней главы все же, быть может, я допишу сегодня вечером у камина?

17-34. Три часа топлю печку, температура поднялась на 6 градусов, со страхом, дрожа, заменил куртку, в которой приехал, на местную, предварительно нагрев ее над плитой, и вот, наконец, затопил и камин, и теперь сижу у камина, смотрю на огонь, внимаю музыке гудящего пламени и потрескивающих поленьев – да, приехал в деревню я не зря, передал Юле для Ани мешок с барахлом и тысячу рублей на жизнь и 120 рублей на автобус, чтобы она приехала из Боровичей за передачей, поднял упавшие ворота и завтра их укреплю как следует, чтобы уж не сдувало их ветром, сварил суп (еще не пробовал), прогреваю дом, дошел до бани и прикинул, с чего завтра начну работы по предбаннику: поставлю два столба, подпирающих крышу, а к ним уже буду прибивать и доски и коробку для двери, потом займусь баней...

Надеюсь, душа моя, узвлненная городскими нелепостями, отогреется и в доме (я его надеюсь натопить как следует!), и в бане, успокоится и утешится.

Стать хорошим человеком и оставаться им, заботиться о родных и друзьях, послужить отечеству и культуре (природе, науке, просвещению), снискать уважение и любовь близких (достаточно и этого) – вот достойная цель, которая сообразна всей народной исторической памяти. Что еще надо сверх этого? Христос сказал, что *Он пришел спасти свой народ*, так для того ли христиане мучили и евреев, и все другие европейские народы? Помочь человеку *стать лучше* – в этом ли цель христианства? Нет, целью является *спасение души* – это некое *трансцендентное преобразование личности*, в результате которого человеку не нужен ни свой народ, ни наука, ни культура, ни жена, ни дети, *преображение*, которое достигается не за счет совершенствования в добродетели, а за счет отречения от мира, умерщвления плоти, отречения от своей личности, страха божьего, отречения от духовной свободы, красоты, удовольствий, счастья, за счет страданий, мокрой пещеры вместо уютного жилища, голода, холода, и, наконец, *стяжания мученического венца!* Но не становится этот преобразенный человек «положительно-прекрасным» (как Достоевский аттестовал своего князя Мышкина, которого объявлял воплощением Христа), но равнодушным и к жизни и к людям, эти горние выси иссушают в нем человеческое, в худшем случае он становится

иезуитом, доминиканцем (эти влачили нас, грешников, на костер), в лучшем случае становится «истинным христианином» и швыряет обручальное кольцо в лицо невесте.

Есть и третий путь: выдумать мнимое христианство вместо действительного, в котором человек наделяется непостижимой свободой за счет отречения небожителей от хлеба, от власти, от жизни, наделяется свободой, согласной и с крепостным правом, и с большевистскими казнями (*аутодафе инквизиции*), и с голодом, и священными войнами за «гроб господень», и избиванием евреев, агарян, русских, ведьм, математиков, астрономов, поэтов, блудниц (если они еще не успели перейти Иордан (или Стикс), свободой, согласной с бесправием, цензурой и сожжением неугодных книг, заточением младенцев в монастырские стены, попранием всех правил этики, эстетики, логики, физики, метафизики, защитой якобы духа божьего, но беспримерной, бездонной и бесконечной злобой и хулой на величественную природу и человека и "звездное небо над его головою", на его душу, на его любовь (уж какая человеку дана – или христиане, отрекающиеся от этой "омерзительной" любви, любят и в самом деле возвышеннее? – нет, они нас потчуют лицемерием, фарисейством, кабалою святош, патокой и елеем блудословиях!)

Не удастся мне соединить все то, что утверждают мои оппоненты, философы Круглого стола, и то, что я им возражаю, в некое подобие противостоящих утверждений, во взаимную связь Тезиса и Контртезиса, они не читают текст Священного Писания, подменяя его вымыслами и бесконечной жвачкой восхвалений (с восторженным придыханием) подвига Христа, устоявшего пред искушением Дьявола и подарившего нам свободу, словно именно встреча с дьяволом, а не **смерть на кресте и воскресение в центре христианства** (или они этого не знают?). Все переиначивается и подменяется и становится пошло-вульгарным. Христос вочеловечился и для этого родился, а не спустился с неба. Спорил с современными ему святошами (книжниками и фарисеями), обещал изменить само существо мироздания, чтобы человек отныне не умирал (вот тогда-то и стал бы прав ап. Павел, восклицая: «Смерть, где твое жало?») Трагедия христианства разыгрывается на земных подмостках мира, а не на хрустальных сводах неба, не «дьявол с Богом борются, а поле битвы сердца людей» (и я очаровывался этим мнимо величественным образом их трансцендентной борьбы), а борются с человеком **против человека** папа Римский (а вместе с ним христианская церковь), ибо «его двор блистал облаченными в алые одежды бесшумными прелатами, патрициями в шитых золотом и серебром костюмах, полководцами в парадных мундирах... щеголями и величественными сенаторами. Сам же Иннокентий на коронации был облачен в торжественные одеяния, вязанные из пре-краснейшего руна, и был увенчан тройной диадемой из белых павлиньих перьев, охваченных пылающими спиралями золотых нитей, униженных драгоценными камнями. На коронации короли прислуживали ему за столом, преклоняя колени, а принцы крови и патриции оказались в роли простых лакеев.

Со ступеней Латеранского дворца в день своего вступления на трон он

швырял пригоршни монет в толпу римлян, восклицая: "Золото и серебро не для меня. Я отдаю тебе все, что имею!"»

Перечитаем Новый Завет. Родился от девы, пришли с дарами волхвы, семья бежала, спасаясь от Ирода, вырос, ввел в тревогу родителей, оставшись в Иерусалимской синагоге, встретился с Иоанном Крестителем, избрал учеников из необразованной черни, "путан" и бродяг (после воскресения уже привлек и апостола Павла, по существу сформулировавшего идеологию христианства), был распят, умер и воскрес, проповедовал ученикам скорый конец света (хотя, впрочем, заметил, что для Бога и тысяча лет как одно мгновение – выдающийся образец христианской диалектики), велел проповедовать Его учение и создать церковь, причащая верных в воспоминание о Сыне Божьем плотью и кровью, хотя тоже добавил, что все это совершенно бесполезно, ибо перед концом света сначала евангелие мнимо восторжествует, а потом явится дьявол и мнимые пророки, лже-Христы, совершающие еще пуще чудеса, а потом земля сгорит и будет взят на небо только *малый остаток верных* (... и для чего это все? Казни, подвиги, голод и стужа и костры инквизиции...) Начитаешься Достоевского, и покажется, что все это для того только, чтобы, не возмущившись Крестовыми походами, чумой и холерой, Столетней войной, сожжением благородных философов и святых дев, папой Иннокентием и последним из Иоаннов, но первым из двух Иоаннов XXIII-х, бывшим пиратом, разбойником и проходивцем почище папы Иннокентия, Христос явился в Севилью, чтобы лично познакомиться с *истинным христианином*, Великим инквизитом, которого Он за его злодеяния почтил поцелуем – а вспомнишь прообраз этого благородного старца, Торквемаду, и ввергаешься в гадательное состояние: возразил ему Христос или поощрил этим поцелуем? И между кем и кем происходит битва и где поле, на котором она происходит? И для чего все таки приходил Христос – возвестить новую религию, ядро которой состоит в том, что чередой человеческих жертвоприношений останавливается жертвою самого Бога, хотя и в образе человека, или принести некую невидимую свободу, о существовании которой внятно не говорит из них никто, в то время как внятно вопиет даже Священное Писание чуть ли не каждой строкой, требуя рабам повиноваться своим господам, и детям родителям, а жене мужу, называя человека рабом Божиим (хотя отчасти требуя отдавать Кесарю кесарево и Богу только богово), а вся двухтысячелетняя церковная практика еще пуще вопиет (ссылаясь на слова Христа на Голгофе: "Но да будет воля Твоя, а не моя!" о необходимости истинным христианам отвергнуться своей воли и предаться воле Божией – да и в конце концов, чтобы положить конец бессмысленным домыслам о свободе, которую Сын Божий дал человеку, отказавшись превратить камни в хлебы, необходимо вспомнить единственные слова Христа о свободе в Священном Писании: *Познайте Истину и Истина сделает вас свободными!* Однако уже даже гимназистки пишут пространные сочинения на тему о свободе, которую дал человеку Христос, *не обратив камни в хлебы* (но не одумался ли он позже, накормив паломников, слушающих его проповеди, сначала хлебом, потом рыбой, чудесным образом произведя их из *малого*

остатка, найденного в коробах?) Бесконечная череда сочинений на тему о Великом инквизиторе по роману Достоевского (вместе и с моим почти бесконечным романом) уже напоминает дурную бесконечность Аристотеля, продолжая запутывать в мнимом богословии (а лучше сказать, в дурном и лживом богословии) и **истинных христиан**, готовых пойти за Христом на Голгофу, взяв крест, и *христиан посюсторонних*, отваживающихся только дойти до храма, переступить порог и поставить свечку, но даже не отваживающихся самостоятельно прочитать Священное Писание (да, может быть, они и Достоевского с Розановым не читали тоже? Если они считают, что *жить надо как батюшка скажет*, то не надо ли и верить в Бога согласно пояснениям батюшки, а тогда и надо ли читать Евангелия? Ибо "*слепο должен верить человек*"?! И, как пишет Лесков, в его время не рекомендовали Библию читать даже священникам, к тому же на всю губернию был только один печатный экземпляр ее, который был у епископа.)

История христианских споров поучительна, каждый почти спор связан с большим или малым расколом церкви, с единичными или массовыми гонениями, а то и с целыми войнами и Крестовыми походами, достаточно вспомнить ересь павликиан, катаров (или альбигойцев), русский раскол, Реформацию, не только Варфоломеевскую ночь, но и войну в Германии против лютеран, войны в Англии, Нидерландах, Гуситские войны... Из всей поучительной истории христианства писатель взял – нет, абсолютно ничего не взял реального, а только придуманное, притом фальшивое, и в силу невежества... ладно, пора остановиться, философы и писатели уже разошлись, спорить не с кем, современные же православные верят так кондово, что и не понимают даже, о чем можно спорить и о чем я спорю. ...

22-45. Камин прогорел, в избе уже 15 градусов. Так не пора ли и спать?!

24 ноября 2016 г, 10-33. Увы, спать было прохладно, часто просыпался, и встал только в девять. Отпилил три полена, топлю печку, позавтракал, но не спешу на работу: И мир охолодел, и я пал духом и разленился, надо взяться за *благоустройство протекающего*, христиане советуют **начать с себя** – правда, а как же баня?! И, к тому же,

Что еще во мне плохо, не так,
Разве я работаю мало?
Времени впритык, оттого все не в такт,
Даже сердце биться устало.

Что мне изменить и почему,
Надо ли платить за измену?
Может, лучше чай с калачом,
Или убежать в Тверь, Венецию, Вену?!

Не все я в своей жизни успел,
Иное успевал из-под плетки...
Книги не все прочитаны, дел
Начатых... – увы, слова еще кротки...

Вот отчего как под осиною сплю,
Правда, зато в полнеба дорога.

Радостно, как просыпаюсь, люблю
 Всех почти – без хмурого Бога.
 Жизнь моя и сложилась и нет,
 Беден, как прилично поэту,
 В вечность еще не выдан билет,
 Правда, пока и времени нету...
 Может быть, еще не пора?
 И надо ли туда торопиться?
 Капелькою прозрачной с пера
 Долго мне до признания литься...

Неистовствовала всю ночь буря, плакала и шумела,
 Стучали и жаловались стены, крыши, окна,
 Душа моя то падала, взлетала, летела,
 И тело мира отчаянно и неудержимо мокло.
 Что моя жизнь – вакханалия ль несвободы?
 Пир полузапуганного, на пепелище?
 Или преобразование жалоб в оды,
 Поиски того, что никто не ищет?
 Памятник ли себе я воздвигаю незримый,
 Деве ли земной признание слагаю, зрячий?
 Толпы мимо меня текут, мимо
 Истины, от стыда глаза пряча.
 Кажется, я нашел то, что надо,
 Рифма затерялась, и вот – наощупь, но вижу:
 Ты, моя дорогая, стихам моим рада,
 Небо меня языком дождя лижет.
 Большого ли счастья еще достоин?
 Хватит, собирайся в поход, воин!

Итак, надо собираться *в поход*, хотя работать и неохота, и духом пал... но отсюда не следует, что надо и лежать в таком состоянии. Печка топится, днем схожу за хлебом, вечером истоплю баню.

Если топором махать будет неважно, продолжу свои инвективы, во-первых, могут ли православные быть патриотами (как и большевики) и любить Родину, в их «святах» такого завета нет. Правда, общее наклонение всех учений – прилаживание их для *жизнейских нужд*, даже если это учения, проповедующие тяготение к смерти, как христианство и социализм, ибо ни об одном учении не удастся столкнуться с последователями, что в нем его истина. Вот большевики: *Если враг не сдается, его уничтожат; партийность литературы; кто не с нами, тот против нас; экспроприация экспроприаторов; грабь награбленное; жалость унижает; женщина должна принадлежать всем трудящимся...* Но они же вдруг сочинили Моральный кодекс строителя коммунизма и не велят спать с чужими женами?! То же и христиане: *Загнивший член надо изъять; вар и скрежет зубовой; не мир я принес, но меч; враги человеку домашние его; пусть мертвые хоронят своих мертвецов; «Разве спокойствие смерти хуже волнения заблуждений?» –*

(Блаженный Августин)» И хотя **несть ни еллина ни иудея** и *Пролетариат заменяет и Пол и Народность*, но вдруг и те и другие пошли в одной колонне с крестом и красным знаменем бить инородных и иноверных! Я то, племянник Ермака, еврей из евреев... э-э-э... большевик из большевиков... тьфу... да что ж это такое делается? – **русский из русских!** – а они все *жидотатары* (как ругает моего приятеля его жена), или масоны, враги народа (моего народа, построившего Российскую империю, которую они все сообща разметали) – но если дойдет до сожжения или расстрела, то единственное, о чем они могут поспорить, тащить ли меня на костер, или пулю в затылок и в ров! Они единодушны, хотя поклоняются противоположным богам.

26 ноября, суббота, 11-15. Я в городе, утром, пока просыпался, приходили волхвы. Ты пьешь иногда *любовный напиток*, поэтому и пьянеешь, но в твоём вине вина только восьмушка. Не все в обыденном мире трезвы, пьянеют многие, чаще всего опьянение приводит к тому, что человека на скользкой дороге заносит в канаву, но что он там видит и чувствует, неведомо никому, художественное и философское сознание не может погружаться в безумие, испытывать его и возвращаться. Сродни такому безумию состояние, которое переживают юродивые, но их безумие обретает форму «ухода из мира ради Христа». Обычный уверовавший живет в двух мирах, в одном мире он как иголка на ущербной пластинке соскальзывает в заезженную дорожку и им проигрывается один оглодок только фразы, в другом мире он *все как один*, пока не соскальзывает. Соскальзывающий не имеет развития, ограничен как высказывание и опыт, поговорить с ним не о чем, он не знает ничего из того, на чем он застрял.

Все они словно пьяные, но односторонне: в миру как все, в опьянении каждый сам по себе. Когда они разбавляют свое вино меньше, сильнее пьянеют, погружаются больше, но не становятся глубже ни богословски ни философски, а художественный талант их слабеет. О чем рассказывает Достоевский в своей Легенде? К Новому Завету и христианству его рассказ не имеет никакого отношения, за него и ухватились философы и богословы, а теперь еще и гимназисты, потому что – в нашей бесправной стране привлекательна тема *трансцендентной свободы* (свободы ни о чем и ни от чего), которую якобы мы уже получили (хотя Тот, кто нас "одарил сей свободой", велел нам иное: *Познайте истину и истина сделает вас свободными!*) И еще он сказал: *У вас же и волосы на голове все сочтены!* – что без сомнения исключает любую индивидуальную свободу. Да и пришел он призвать к покаянию и вере, и *не через свободу*, а *через веру* достигнуть Царствия божия, в котором ни женятся ни выходят замуж, не помнят и прежней жизни и снова становятся листьями на древе Господнем (сильно ли это отличается от Базаровского лопуха, вырастающего на его могиле, или от того, чтобы стать листочком на дереве мира, *ибо прах вы, и в прах обратитесь*, как сказано было еще в Ветхом Завете?) Ничего чрезмерно утешительного не говорю и я, двигаясь к некому Пределу, только я не фантазирую о бесконечности, которая, возможно, была до рождения или появится после смерти (как фантазирует Розанов) – что там, я не знаю, ничего

о том не говорится и в Библии в целом, я знаю только то, что знаю, пребывая в нашем общем для всех мире, и буддистов и христиан, и даже пламенных комсомолок – но в этом мире я стремлюсь быть живым, не позволяя шарлатанам украсть мою жизнь, и только за счет того, что я жив, я знаю больше заживо мертвых, хотя бы они и носили в своем теле мёртвость Иисуса Христа (как апостол Павел).

Приходили волхвы, и я снова им жаловался на то, что пишу хуже своих оппонентов. Да, у тех воображение живее, чем у тебя, как и у детей оно живее, но ты видишь яснее, чем они. Быть как все, оставаться в мире, но видеть большее, чем видят другие, чтобы им помочь преодолеть их заблуждения и соблазны – вот в чем твоя миссия. Христианство – неудача европейской истории. Небольшая часть передавала власть и имущество по наследству детям, а большинство народа жило в нищете и бесправии. Но не были счастливы и богатые, ибо кто и был счастлив, у тех счастье было бесплодно. А кто видел ясно, скрывал свое видение или кончал жизнь на костре.

Единицы смогли осуществить то, к чему были призваны. Жанна Д*Арк выпила почти неразбавленное вино и испытала **особое состояние сознания** (*благодать божию, откровение, ясновидение*), не теряя связи с привычным миром. Способность **видеть** сродни способности влиять на события, и она перевернула ход европейской истории. Пил ли это вино Кальвин, сжегший Сервета? Но Жанна была христианкой только по форме, ее миссия была для Франции, и только она могла с полным правом сказать: **Я пришла спасти свой народ!** (Который она и спасла.)

Спас ли Христос свой народ, о котором он так красиво сказал: "О, Иерусалим! Иерусалим! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, но вы не захотели: *се оставляется дом ваш пуст*"»? Розанов добавляет, после умиления этих слов: «"И они не захотели – распни их!" – почти вопишь вслед Титу».

Или подлинная история и подлинная жизнь и должны быть безумием, историей Испании, покрытой кострами Инквизиции, и жизнью Учителя, целующего своего ученика, Великого инквизитора?!

Но есть ведь и роман Льва Толстого «Война и мир», подобный «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, победа растущей России в этой войне, красота победы, даже и красота французского поражения, русский дворянский декабризм, самопожертвование декабристских жен, воспитывавшее нас всех, детей двадцатого столетия – Мария Волконская, Александра Муравьева, Екатерина Трубецкая и еще восемь жен декабристов последовали за мужьями на каторгу в Сибирь.

«Когда Мария с разрешением на выезд в Сибирь пришла к отцу, он в гневе сказал ей: *"Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься..."* И только в 1829 году, перед смертью, он назвал свою любимую дочь "самой удивительной женщиной, которую когда-либо знал".

22 декабря 1826 г. княгиня Волконская выезжает к мужу в Сибирь. По пути она останавливается в Москве у родственницы Зинаиды Волконской, которая устраивает вечер в честь нее. На этом вечере присутствовал Пушкин.

...Первое свидание с С. Волконским, который находился в Благодатском руднике, произошло на виду у всех. Мария встала на колени перед мужем и поцеловала его кандалы...» – цитирую по статье в Интернете.

Историю Европы надо изучать по европейской литературе, и мы из нее узнаём не только про «Левиафана», «Кабалу святош» и «Собор Парижской богоматери», но и про «Девяносто третий год», про Козетту и Гавроша, про Жана Вальжана и мадам Бовари, «Красное и черное» и «Пармскую обитель»... но и История нам скажет многое, и о Спартаке, и о Цезаре, и о Баркохбе, и о Гипатии Александрийской, и о Жанне Д*Арк и боярыне Морозовой, и о Колчаке и его возлюбленной, Тимирёвой... даже история литературы, даже жизнь и заблуждения наших гениев, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, Толстого и Достоевского, Розанова и коллективного гения серебряного века – высочайший взлет человеческого духа. Есть чем нам гордиться, не считая еще эллинской философии, литературы, зодчества и ваияны, не считая сочинений и речей великих римлян. Мы все существуем во времени и достигаем вечности, вопреки смерти, нашим трудом и талантом, и нашим подвигом заботы и милосердия. У христиан распространены обвинения человека мира в богохульстве за то, что он мир не бросает под ноги проповедникам и пророкам, революционерам и вождям, не отряхает человеческое как прах с обуви своей, не призывает вар и смолу на головы философов и поэтов, но воздаёт должное и матери, родившей и воспитавшей свое дитя (и моя наивная и святая мать говорила: ну конечно дева Мария выше Христа, ведь это она его родила!), и солдатам, полившим свою кровью безымянные высоты России – а сколько же хулы на человека в Священном Писании! А сколько же хулы на человека в истории церкви! Прокляты и женщина, и любовь, и рождение детей, и труд и творчество, и человеческое озарение, и подвиги во имя родины и любви, но только то, что делалось во имя Бога, признавалось за истину (*что не для Бога делается*, говорит Конст. Леонтьев, *ничтожно*). А почитайте церковных писателей, святых и блаженных, а перечитайте даже наших светских христианских писателей – сколько оскорблений всего, что дорого русскому! Вот даже русский народ, по мнению славянофилов, отбрось от него православие, превратится в мерзость! Вот и Розанов не утерпел, и ничего положительного не нашел в мире, кроме Христа, а только, де, явился в мир Христос с своею небесною красою, мир и прогорк и приготовился к смерти (хорошо еще, удержался сказать, что мир прогук). Мало его мучила прекрасная Полина, надо бы больше! Мало его мучила церковь, не признавая гражданский брак, надо бы и детей отобрать... Каждый поэт переходил границу миров, но чтобы не сверзнуться во внешнее, держался за скрепы нашего мира, и у Пушкина о трансцендентном постижении мира я нахожу больше, чем в Новом Завете, у Даниила Андреева, у Лермонтова, даже у Льва Толстого – ибо каждый, пишущий глубоко о мире, постигал и его глубины, и поднимался на его вершины, и даже Розанов не только сюсюкал, но скорбел о детских жизнях, погубленных христианством, и когда он скорбел, скорбь рождала самые проникновенные страницы его религиозно-философских творений.

Неустойчивость сознания, драма ухода от действительного мира в инобытие, драма душевного заболевания привлекает меня не из любопытства, а по необходимости, немало таких драм и в моем близком окружении, а судьба меня даже помещала чуть ли не в самый котел, в котором варился «пол и характер», норма и патология, познание и заблуждение, любовь и вера, во всей их величественности (и низости), где были и бред ревности, мания преследования, ненависть, суеверие, психоз любви к Богу, к партии, кликушество и фанатизм. Психиатры вам пояснят, мой читатель, что каждое человеческое чувство имеет свое подобие в патологии, и когда сталкиваешься с сильным чувством, не сразу и сообразишь, отодвинулась ли граница нормы, или наука чрезмерно упрощает человека и придвинула к нему границу патологии, пытаюсь сузить человека до животного или машины. Разве я сам не прошел по лезвию бритвы, втиснутый в камеру советской тюремной психушки, среди сотен бывших людей в состоянии распада личности, которые в основном и населяли ее (вопреки диссидентским легендам)?! Здравомыслящих среди нас было три-четыре человека, включая меня и Файнберга, хотя и не совсем уравновешенного, но, конечно, не «психа». И психиатры не были «извергами в белых халатах», и среди них были праведные, спасавшие в том числе и подобных мне. Были среди них и узкие, рациональные люди, каково было и общество в целом, считавшее склонность к иррациональному – безумием. Правда, ныне общество "сдвинулось вспять", расширяя лбы в религиозном экстазе, выбрасывая на помойку Пушкина, молясь императорам и юродивым, вкушая кровь и плоть, слушая экстрасенсов и ожидая перед телевизионным экраном возжжения свеч небесным огнем.

Итак, два с половиною года я жил в каменных стенах (толщина их превосходила в два раза толщину стен Крестов), сидел за одним столом во время обеда с музыкантом, зарезавшим мать, с убийцами жен и возлюбленных, с маньяком, который бродил по набережной Фонтанки зимою 66-го года с гирей в кармане пальто и угощал ею несчастных встреченных девушек, с разбойником, раздевавшим прохожих... На их, возможно, фоне и психиатры меня любили, и медсестры, одна молоденькая со мной целовалась, с охранниками мы обсуждали планы переброски меня на Запад как советского разведчика, в бывшем чулане я слушал музыку с пластинок, которые передавала жена, библиотека была шикарная, в ней я помогал красивой 25 летней Марине в инвентаризации книг и читал все, что хотел, в том числе труды по психиатрии... Знало ли обо всем этом КГБ? Кажется, даже знало. Несмотря на мой лютый антисоветизм, охранители уже были не те, не сталинского разлива, даже не нынешнего, тогда воистину был шанс «социализма с человеческим лицом» (как и христианство не всегда жгло и запрещало, многое позволяла цензура и в 19-м веке, неизмеримо большее, чем коммунисты, да и эти были и те и другие...) Мне говорят: напиши, мол, книгу об этих двух с половиною годах – нет, предыдущие полгода в Тюремь Большого дома можно бы описать, о сумасшедшем доме написать нечего. Их «прозрения» за границу нормы, не продуктивны, и мы их понять не можем, а им не дано их нам сообщить ... Но немногое мы знаем и о прозрениях

христиан. Блаженный Иероним хоть пишет о девушках, которые являлись ему в видениях, когда он спасался в пустыне, сегодня ни от одного из *неофитов* я не могу получить даже краткого рассказа, почему он из ученого, экскурсовода, историка, писателя перешел в христиане, что ему христианство дало, стал ли он образованнее, милосерднее, возит ли он нуждающимся детям вещи, которые собирает у друзей и подруг.

Итак, три года я был в заключении в семидесятые годы, и пять месяцев в 2004-м году, но в 70-х так еще был силен страх прежней эпохи, что даже от моей жены шарахались ее знакомые, встретив на улице. Ее, конечно, ко мне в сумасшедший дом не пустили (как декабристок пустили в Сибирь), свидания были по часу один раз в месяц, через стеклянную перегородку, так что ни обняться, ни поцеловать даже руку, из университета ее уволили, из съёмной комнаты тоже, поселилась она на сто первом километре, ближе было нельзя... Но каждый день она писала мне пространные письма, и теперь они занимают две полки, и если я не сошел с ума, то во многом благодаря им.

В сумасшедшем доме психологически неизмеримо труднее, чем на каторге, но, по описаниям, часто трудно и в монастыре. Что же меня спасало? Любовь и сочувствие жены, родных и друзей – во-первых; мое собственное доброе отношение ко всей той среде, в которой я оказался, и к умалишенным, и к персоналу, во-вторых.

Что мне еще предстоит? Я думаю, что я должен еще что-то узнать, что помогло бы и миру стать лучше, что помогло бы и нам примириться с миром, обреченным на угасание... Это будет моя благодарность за то, что этот жестокий и *падиший* мир, тленный и временный – все же удивителен, и часто возвышен выше неба, с которого его иногда засыпает снегом или заливает дождем, а то иссушает солнцем; в нем преобладают прохвосты, но не исчезают праведники, то голод, то стужа, то жажда мучают его... но сколь много в нем наряду с этим любви, милосердия, отзывчивости, заботы, происходящим ни по святым, ни по кодексу строителя коммунизма, ни по уголовному кодексу, а по природной и памятной склонности русского человека любить и помогать!

Итоги итогов.

5 декабря 2016. Перечитываю тексты, исправляю их как редактор, да, они становятся лучше – и все же, чувствую, что толку в ступе своей философии целое море воды, но ни читателю, ни даже мне не становится яснее, в чем квинтэссенция диалектического словоблудия "русской религиозной философии" настолько зримая, что моя истина и их чепуха отличались бы так же, как белое от черного, чтобы читателю больше ни разжевывать ни толочь уже ничего было бы не надо. И тогда вместо громадной книги была бы тоненькая брошюрка, в которой было бы черным по белому: вот у них трижды три семь! (что неверно), а у меня дважды два пять, что... тьфу, заколебали... дважды два четыре (что верно!).

Еще раз, в последний раз, последняя попытка, объяснюсь, какие два синтетических утверждения спорят друг с другом, противостоят.

А. Маркс, Ленин, марксисты, большевики: кто они такие? Вот мой дед говорит: я за большевиками пошел, потому что они сказали, что с войной надо кончать (мир народам), с буржуями и мироедами тоже (землю крестьянам, фабрики рабочим). Но эти два лозунга, с помощью которых большевики пришли к власти, никакого отношения ни к марксизму ни к ленинизму не имеют, вместо *мира народам* началась война брата с братом, отца с сыном, Россия запылала с четырех концов, и мой дед стрелял в своего отца из противоположного окопа (в действительности), а вместо *земли крестьянам* их обоих сослал в Сибирь в одну деревню, там они выкорчевали лес, засеяли пашню, потом эту **пашню у них отобрали**, а деда посадили в тюрьму. Достоевский и Розанов проповедовали, конечно, неравенство, дворянские и аристократические привилегии, также и привилегии духовенства и необходимость веры в Бога, они и сами принадлежали к привилегированным (слегка), но во всяком случае философски их мировоззрение было основой для защиты привилегий тех, кто был *привилегирован как следует*. Но царя свергли, жить стало бедным еще хуже, Россия утратила динамику роста, неудачные несчастные войны подорвали мощь русского народа, он деградировал, спился, в пределах Империи перестал так определенно доминировать, скукожился под давлением инородцев, наконец и империя пала.

Кроме **войны** и **земли** речь у большевиков (марксистов или ленинцев) шла еще о **свободе**. Эта речь и эта свобода была актуальна и для старообрядцев (их триста лет притесняли, никониане были государственным народом, старoverы словно завоеванным племенем, сама свобода по отношению к правам старoverов формулировалась как **свобода совести**, то есть право верить кто во что хочет, кто как хочет, или даже НЕ верить). Такая свобода совести была актуальна для Розанова, ему надо было узаконить своих детей от действительной жены и развестись с Полиной (бывшей любовницей Достоевского), но православное государство, руководствующееся вместо кодекса Юстиниана (который во Франции ввел Наполеон после Великой Французской революции, по существу и антифеодальной и антихристианской) Десятью заповедями Моисея, повторенными Христом (в частности, *«оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает!»*), развода ему не давало, и стали его дети **законными** только после Великой октябрьской революции, которая, как и Французская, была антихристианской (и хотя она и дворян перебила, и священников, и буржуев, и аристократов, и офицеров, и интеллигенцию, и крестьян обобрала, и Россию пустила и сразу и в конце концов тоже по миру (и есть ли еще надежда на возрождение моего великого народа?), но чаяния Розанова исполнила. Итак, за Круглым столом речь шла еще о **свободе**, подразумевалась и свобода совести, но *не называлась*. Большевики тоже постоянно вели речь о свободе, они ее провозвестили (подразумевалось все что угодно, и свобода слова, и свобода наций на самоопределение, и свобода евреям занимать высшие посты в государстве, и свобода политической деятельности, и равенство прав...), но синтезировалась большевистская свобода по марксистски как **диктатура пролетариата** (которая, как утверждал Ленин, была высшей формой демо-

кратии). И так, придя к власти, большевики провозгласили *право наций на самоопределение* и распустили Российскую империю (теперь ее никак не собрать) и *свободу совести* (разгромив попутно православную церковь – может быть потому, что церковь была государственной, она скрепляла империю, которую им надо было разрушить). Теперь можно НЕ верить в Бога, сказали они, верить кто во что хочет – но потом опомнились и изменили тезис о свободе: *теперь надо НЕ верить в Бога, а надо верить в марксизм, иначе секир-башка!*

Мережковскому и Бердяеву нужна была свобода совести, которую империя и христианство НЕ давали, и никогда в две тысячи лет христианского господства ее не было и НЕ могло быть, ибо вместо свободы совести была **Инквизиция**.

Но вот все это, что я сейчас написал, мои оппоненты за Круглым столом знали? Да. Что христианство и христианская церковь не только запрещала НЕ верить в христианского Бога, но и запрещала верить по-своему (еретически) – знали? Да! – Тогда что же? Какую же свободу человеку принес и дал Христос? Кто ее и когда отобрал? Кто запретил Розанову развестись с Полиной и узаконить детей, Великий ли Инквизитор, противостоящий Христу как искажитель истинного христианства, провозгласившего человеку чрезмерно высокий идеал (не жениться после Полины? А лучше и на ней не жениться тоже?)

... но, впрочем, дальше...

Б. И так, крестьяне оказались обмануты, они стали большевиками прежде всего потому, что им обещали землю. Вначале так и случилось, им передали землю расстрелянных и изгнанных прежних землевладельцев, во-первых, дворян, во-вторых, монастырские земли, в-третьих, зажиточных крестьян, так называемых кулаков, которых всех экспроприировали в восемнадцатом году (но в двадцать восьмом начали "экспроприировать" вчерашних красноармейцев, получивших отобранную у прежних владельцев землю и автоматически ставших классово чуждыми). Земля была для крестьянина источником хлеба, следовательно, источником жизни, красные христианские комиссары объявили им, что «не хлебом жив человек, и даже не чувством и плотью жизни, но жив человек идеей строительства социализма, жизнью не для себя, а для будущих поколений». Пока русские философы умилялись подвигом Христа, отказавшегося камни превратить в хлебы, марксисты превратили крестьянские хлебы в камни Днепрогэса, Магнитки, Кузбасса, Волховской Гэс (притом, замечу, крестьянская кровь, превращенная в вооружение Красной армии, не сильно пошла большевикам впрок, армия была хуже царской и воевала с немцами неизмеримо хуже, чем Русская армия в Первую мировую войну.) Но, скажете вы, разве философы в этом виноваты?

Да. Ибо все их схоластические разговоры по поводу искушений Христа и необращения камней в хлебы были лживой выспренной философией, тщательно противопоставлявшей дух – плоти, хлебы – камням к невыгоде плоти, словно дух возрастает только в условиях крестьянского (шире – народного) голода и не-доедания. «Я их, этих *ничтожных людшек* (типично христианская риторика) накормил, – говорит Христу Великий инквизитор

(где и когда он их кормил? И действительно ли так мог думать и говорить подлинный инквизитор кроме выдуманного воспаленным мозгом Ивана Карамазова – Достоевского?), – я удовлетворил их *жажду соединиться в муравейник и преклониться перед силой!*» (где эта жажда себя показала? В крестьянских войнах? В героическом противостоянии катаров Прованса крестоносцам? В отпадении половины Европы от власти папы Римского (последователей Лютера, Кальвина, англикан, баптистов, евангелистов, нидерландских гёзов)?

Есть такое метафорическое выражение: **вызовы времени**. Жизнь развивается, принимает новые формы, наполняется новым содержанием, жизнедеятельный дух не отворачивается от исторических изменений, но ищет их разрешение, не разрушающее целостность бытия, а направляющее их в русло созидательного развития. В России начала двадцатого столетия только поэзия была на высоте своего призвания, она была наполнена ожиданием великих свершений и приветствовала их, философия же пыталась сбить масло в ступе обветшавшего христианства, выдающимся показателем ее преступного несоответствия вызовам времени явились Разговоры по поводу речей и романов Достоевского, сначала – ликование в связи с «Пушкинской речью Достоевского» (1880г.), затем – лавина публикаций (продолжающаяся до сего времени) в связи с вставной «легендой» в романе «Братья Карамазовы».

Хлеба и свободы! – вот было знамение времени. Земля крестьянам, власть советам, право рабочим на профессиональные союзы, на забастовки, на достойные условия труда.

Это были требования **жизни, мира сего, плоти** (возможно, поддержанные дьяволом, князем *мира сего*), – противоположные чаяниям **смерти, потустороннего мира, духа**. «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих!», ответил Христос духу пустыни. **Хлеб** революцией 17-го года (чаяние народа, крестьян и рабочих) противопоставился **слову** (чаянию высших классов, духовенства, христиан, *русских религиозных философов*). Революция как будто бы была социальной, но оказалась антихристианской (потому что христианство никогда не было с народом, но всегда и только с его порабощителями.) Не буду уходить в сторону, но сюда примешивается и ложь религиозной мистики, хлеб не противостоит в действительности слову, поэтому Достоевский (бессознательно, во сне, в каторжном бреде, в воспоминаниях юности) не противостоит Великому Инквизитору, социалисту-революционеру, может быть, отчасти и марксисту, отчасти и анархисту). Но бывший социалист Бердяев тоже бредит воспоминаниями, он говорит о *высшей свободе*, противопоставляя ее свободе, говорит о лживой бессодержательной абстракции, противопоставляя ее конкретным требованиям жизни. Понимает ли он, что такое *высшая свобода*, предъощущал ли он ее, испытывал ли он предвестие «преображения», когда, быть может, человеческое заканчивается и наступает... но этого пока не дано знать никому, и апостол Павел только «знал человека, в плоти ли, не вем, вне ли плоти, не вем, который...»... но через неизведанное мы не имеем права посягать на жизнь. Лживое слово вместо живого хлеба? Вот где ужас ужасов!

Интеллигенция ответила на требования крестьян и рабочих (да и на буржуазные ожидания политических свобод) «Оправданием добра» Владимира Соловьёва, «Легендой о Великом инквизиторе» Розанова, «Воскресением» Льва Толстого (столь же далеким от воскресения, как и у Христа), «Обоснованием интуитивизма» Лосского, «Философией свободы» Бердяева (в которой нет ни существования свободы ни несуществования свободы, а только ее постижение – через акт веры), книгами Сергия Булгакова «Свет невечерний», Павла Флоренского «Столп и утверждение истины» – вызовам времени был дан старый (быть может, уже даже *ветхий*) ответ: «познайте истину и истина сделает вас свободными».

Зачем была Русская революция 1905 года? Философы оказались в своей надмирной области инобытия, им революция была низачем, ибо свобода уже была дана им в первом веке нашей эры при искушении Христа Великим духом пустыни (вот только детей своих Розанов не мог признать *законными!*), да староверы по-прежнему были вне закона.

Но, оказывается, христианство уже принесло свободу человеку...

В. Я интерпретирую идею «Первородного греха» как основу родовой жизни человечества: вкусив запретный плод с Древа познания Добра и Зла, Ева и Адам испытали «всемирное притяжение любви» и стали единой плотью (но при этом отпали от Бога). Другое смысл и содержание грехопадения видят вслушании, в нарушении Божественного запрета. Две противоположные грехопадению идеи стали осью нового учения, призванного преодолеть и завершить трансцендентный разрыв человека и Бога: *отказ от половой любви*, от касания женщины (в монашестве) или *послушание* как основа жизни (так же в монашестве).

Но если *послушание* является осью христианства, то – какую же свободу мог принести Иисус Христос человеку?

Не в словах ли Иоанна Крестителя христианское отношение к человеку: «не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму»..

Но в преддверии Революций русская интеллигенция искала и нашла свободу только в христианстве. О социализме (в том числе о европейском, шагнувшем с тех пор на мировую арену и ставшем важнейшей политической силой в Европе) говорили только в контексте эпохи семидесятых годов 19 в..

Г. Довлеет дневи злоба его, и злоба моя возрастает.

За круглым столом о (несостоявшемся) споре Христа с инквизитором философы не сказали ни слова. В чем содержание христианства, что оно предложило человеку и его текущей и исторической жизни? «*Жить надо аки спать во гробе*» и «*будем носить мертвость Иисуса в себе*»? Да, только. Христос повелел НЕ жить, ожидать Конца света и воскресения, до тех пор лучше не жениться и не рожать детей, потому-то и не заботиться о завтрашнем дне (ну, если деток нет, а рядом великий кудесник и маг). Так какую свободу он мог предложить и привнести в такую бездеятельную жизнь? Впрочем, если подлинная жизнь должна была начаться только ТАМ, после смерти и воскресения, то что предлагалось человеку ТАМ? Об этом наши философы промолчали, Иисус же сказал, что там ни женятся ни выходят

замуж, Евы и плодов с Древа познания там не будет, да и превращения и непревращения камней в хлебы тоже, ибо разве там будет тело, которое надо будет питать? Очевидно, нет. Впрочем, Бог с ним, с этим тленным телом (которое, хотя мне его и жалко, каждую ночь мучает меня и *просыпаюсь я аки спал во гробе.*) Меня интересует самое главное (о чем ни один из философствующих и богословствующих писателей не заикнулся): **что будет с личностью?** Останется ли человеческое Я, субъективность, отделенность Я от всего остального, так что и Я и не-Я? Евангелисты отвечают кратко: мы станем листьями на Древе Господнем, к этому надо стремиться уже здесь, еще при жизни. Личность тройственна, она состоит из тела, души и духа (даваемого, ниспосылаемого божеством). Тело надо всячески изъязвлять, умертвлять, да оно и само истлеет в конце концов. Но душу надо уничтожать еще беспощаднее, ее надо предать смерти, *распать на кресте* (в ней то и содержится Я). Остается безличный дух, который равно опочнет на всех листьях Древа. Следовательно, **воскресение** будет переходом в **безличное иннобытие** – будем тогда мы, листья, отличаться от Базаровского лопуха?

Д. Разделение людей по вероисповеданию идее

Обычно говорят о вере, когда речь идет о религиозном мировоззрении; поскольку вера – это состояние души человека, то не всегда ей сопутствует определенное мировоззрение, чувство веры может заполнять душу так, что не остается места размышлениям, сознанию и идеям, тем более что христианство настаивает на том, что *«должен слепо верить человек!»*. Такой слепой бывает и любовь, и она подобна вере, даже соперничает с нею, и она тоже может стать и мировоззрением, заполнить собою жизнь, как и религиозная привязанность, даже смерть, может (и даже обязана) соединиться с поэзией, музыкой, литературой, философией, она сама может стать философией, разве эти мои четыре книги о любви – не своеобразная ее философия? Но и любовь и религиозная вера наполняют человека в меньшей и в большей степени, от легкой влюбленности до страсти и мании.

Однако, подлинная любовь (и вера) зависят не только от силы чувства, но и от того, подчиняет ли человек и саму жизнь любви или вере. Так, что значит быть христианином? Надо веровать в Иисуса Христа, придти в церковь, исповедаться и причащаться, и Сам Христос говорит, что еще надо взять крест и пойти за Ним. Не взявший Креста и не пошедший за Спасителем – еще не с Ним, а «кто не со Мною, тот против меня», сказал Христос.

Многие вознамерятся бросить в меня камни, даже из тех, кто и не прочитал мою книгу, а только услышал о ней от других – но имеют ли они на это право, взяли ли они крест? Следовательно, христиане ли они? Я даже и о Великом Инквизиторе не до конца уверен, что он христианин – не потому, что он сжигает людей, христианство сие не запрещает, а даже поощряет, но потому, что на этот вопрос, кто христианин, определенного ответа не дает и само учение. Почему?

Во-первых, оно соткано из противоречий. В этом, правда, не только нет беды, но так и должно быть, так как и сам человек – немислимое противоречие, он состоит из временной плоти и бессмертной (в чем мы еще не до конца уверены) души. Но никто не может богословски определенно соединить

сумму качеств, которыми должен обладать христианин или которыми он не должен обладать. Ни в чем почти мы не можем согласиться, в особенности невозможно согласиться с современниками, называющими себя христианами, но не читавшими почти ничего, поэтому конечно, не понимающими, в чем состоит христианство. Но и мои оппоненты-философы, вместе с Достоевским, почти ничего не понимают, они даже не знают, что такое **свобода**, разговор о которой и является содержанием их статей о «Легенде».

Моя книга, безусловно, это критика – преимущественно это критика Достоевского, критика русских философов, критика современных мне горе-христиан, особенно христианок, но являюсь ли я Анти-христианином – как определенно я анти-сталинист, анти-троцкист и анти-марксист? Нет, не более, чем я анти-иудей, анти-мусульманин, анти... Я не иудей, не христианин, не еврей и не «жидо-татарин», но я им не анти, потому что мы идем разными дорогами. Я и не христианин, потому что я человек прежде всего, а прочее после, **христианство же анти-человечно**.

Вот Ницше анти-христианин, поэтому его одноименная книга так убога.

Я не утверждаю, что христиане хуже меня, я не призываю бороться с христианской церковью или запрещать ее, поэтому я не могу их оскорбить. Вот они меня оскорбляют – тем, что выказывают устно и печатно, что неправославные хуже их, изменники родины, что они не имеют права писать о своих взглядах – а сие есть и оскорбление конституции, и оскорбление прав всех тех, кто не относится к православной церкви, так что мы точно имеем право привлечь их к ответственности за возбуждение ненависти к русскому народу, во-первых, к поэтам, писателям, ученым и философам, во-вторых (ибо они уже оскорбили многих великих русских поэтов, и Мережковского, и Пушкина, и Маяковского, и Лермонтова, и Блока)...

Правда, Христос говорил, что *кто не с ним, тот против него* – но он еще говорил, что Он пришел к своему народу (к которому я не принадлежу), разве таким образом все то, что он говорил, не относится прежде всего к *Его* народу, может быть даже *только* к его народу? Разве мы не видим, что он обличал книжников и фарисеев, но не язычников (каков, по всей видимости, и всякий эллин и я, как их наследник)? А вы, новые христиане, побойтесь вашего Бога, ибо это к вам обращены слова Иоанна Крестителя: «Отец у вас Авраам? но говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму». Справедливо сии слова повторить так: «Вы поклоняетесь Христу? но говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть таких поклоняющихся, как вы!»

Религиозная мистика – это мистика семитских народов, еврейского прежде всего; и кажется, что удел арийского писателя – только рациональная философия, только материя... (но разве оголтелый материализм не изобретен только Марксом, внуком раввина? Разве, например, Пушкин рационален? Или Лермонтов, Гюго, Стендаль, Даниил Андреев, Платон, ... даже Розанов?)

И все же, расходясь с Библией и Кораном, не обречены ли мы только на Махабхарату, Розу Мира (о теософии и говорить не буду), на Штирнера и Бакунина, на Фихте, ... вот я уже и запнулся?. Есть еще смутная идея моего

товарища Вадима С. о **Пробуждении**, которое является состоянием перехода в Откровение и Инобытие (как и в экзальтации любви, как и в особом состоянии веры, как и у Жанны Д*Арк). Но мы еще не всех знаем, и не всё. Много содержится в музыке, поэзии, философии, литературе. Да еще и наше поколение живо и только подошло к границе миров, и, быть может, мы еще многое сможем через нее разглядеть...

Но я подошел к границе книги. Не все понял, не все сказал, *граница* – это линия разрыва духовно-матерьяльного бытия, линия разрыва двуипостасного пространственно-временного континуума, в которой время превращается в вечность, гадания и воображение могут только обмануть. Но: *Я не стремлюсь ни к славе ни к бесчестью, высокое одно меня манит. Как хорошо, что мира липкой лестью я не был схвачен, даже не убит. Я не стремлюсь к магическому краю: Под полог славы не проходит свет. Я с бесами не спорю, не играю – пусть нет надежды и исхода нет.*"

Увы, я не сказал о многом важном. Не поговорил с Мережковским по поводу его статьи о Достоевском «Пророк русской революции» и его статьи «Грядущий хам» – обе статьи актуальны для нашего спора.. Не поговорил с Флоренским. Франком... Не рассказал о Лапшине, русском философе «Серебряного века», исследовавшем средневековых предшественников Достоевского по «Легенде о великом инквизиторе.

Для обстоятельного разговора о Владимире Соловьеве и Александре Блоке, увы, у меня уже не было сил, но хотя бы сказать о них по несколько слов необходимо.

Напомню стихи Владимира Соловьева
Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Для нашего спора они существенны, ибо мы все время находимся как бы в двух мирах, словно бы в здешнем бытии и в нездешнем инобытии; правда, если я словно бы отделяю их границей, сквозь которую мы как сквозь оконное стекло только всматриваемся в смутные тени того мира, не соприкасаясь с ним, то Вл. Соловьев полагает их содержащимися как бы один в другом, как душа в теле. Это соприсутствие двух миров существенно для ночного разговора Христа с Инквизитором в тюрьме в Севилье, оно оттеняет и ложное сопоставление свободы и высшей свободы, высшего смысла жизни, вечности и прочего набора трескучих слов, за которыми нет реального содержания, у Бердяева. Поэт создает образ действительного сверхбытия, говоря о «незримом очами», рациональный философ в своей «высшей свободе» говорит «ни о чем» (только одновременное сопереживание поэтических образов русских гениальных поэтов дает нам возможность ощущать пустоту трескучих слов.) Привожу слова Блока (находившегося под сильным влиянием Соловьева) о его отношении к христианству: *«Мы оба жалуемся на оскудение души. Но я ни за что... не пойду врачеваться к Христу. Я его не знаю и не знал никогда.»* Если меня повлекут на костер, то выкопают и Блока....

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В ОГОРОДЕ БУЗИНА, В КИЕВЕ ДЯДЬКА*1. Спутанность мысли*

17 декабря 16, суббота, в преддверии Нового года.

С251. «Чистая мысль, в абстрактной своей деятельности, может создать только благое; и всякая наука и философия, насколько они не изменяют природе своей, – благи и совершенны перед человеком и перед Богом.» – говорит Розанов.

Целый год воюю с философами, наконец сообразил, что надо исследовать структуру их мышления, их способа мыслительных действий против человека. И в этом мне как раз и поможет и «чистая мысль», и математика (не как наука о количественных и пространственных отношениях, а как строгий способ мышления).

*Вражеский текст состоит из высказываний, простых и сложных, иногда сложные нужно будет разбивать на простые, иногда их можно оставлять цельными (невражеский текст можно читать без такого анализа. Так учитель, читая правильное решение задачи, просто следит за ним, разворачивая мысль от начала к концу, читая же неправильное, ищет ошибку. Но враг рода человеческого не ошибается, а **нагромождает завалы**, в которых мы должны заблудиться и погибнуть.*

Итак, имеем последовательность простых высказываний.

В одном из них происходит необоснованное разветвление на два высказывания.

«Чистая мысль, в абстрактной своей деятельности, может создать только благое (А); и всякая наука и философия, насколько они не изменяют природе своей, – благи и совершенны перед человеком и перед Богом (В).»

А хорошо. Это ваша мысль, В.В., или она входит и в христианство и в богословие? наука и философия – это область чистой мысли в абстрактной своей деятельности? Философия, насколько не изменяет природе своей, блага. Но когда НЕ блага? Когда покидает область чистой мысли? Вот ваши, В.В., рассуждения в Легенде – это философия? Они в области чистой мысли? Кант? Гегель? Владимир Соловьев? Достоевский? И теперь что, надо исследовать не ошибки философа, а относятся ли его высказывания к чистой мысли или не к чистой? Насколько мы видим по враждебному отношению современного богословия к «русской религиозной философии» начала века (Розанова, Достоевского, Бердяева, Владимира Соловьева... даже по высказываниям о них Конст. Леонтьева, даже по тем пассажам, что я уже привел в своей книге, в целом эта «религиозная философия» ложна – почему? По критерию В.В. этого определить невозможно. Сожгли Джордано за его книгу (О множественности миров (?). точно не помню). Она оказалась нечистой? А борьба с Оригеном, Тертуллианом, Арием, Лютером, Кальвином, Аввакумом? Причины и сущность этой борьбы понять совершенно невозможно, руководствуясь приведенным критерием.

Философия есть благо (с оговорками). Благо для кого? Марксистская философия не есть благо (для меня), потому что она не что иное как схоластика, она утверждает, что мир есть самодвижение единственной сущности – материи, сверх этого предлагает набор заимствованных из различных философских систем положений, сверх этого... ничего не понятно. В чем содержание всей суммы высказываний какой либо марксистской книги? Кажется, ни в чем. Например, спрашиваешь, существует ли красивое и некрасивое и чем они отличаются, и на самом ли деле они существуют, как верно $a = a$, или «кому что нравится», как говорит Толстой? Автор не знает. Читая его, не поймешь, знает или не знает, он это скрывает.

Сравним с Кантом. Образ предмета (вещь для нас) и прообраз (вещь в себе) не совпадают, в нашем сознании существует только образ, поэтому прообраз мы не познаём. Что-то тут не так, чувствую я. И даже уже пробовал выкать, но недостаточно убедительно, буду писать Историю идей, объяснюсь точнее и полно. Но беседа с Кантом содержательна, с ним можно и спорить, его высказывания не нарушают форм мышления.

Итак, далее. «Философия есть благо» – так думает Розанов. Христианское богословие утверждает, что философия есть зло, математика – зло, культура – зло! Более того, христианское богословие утверждает, что и сама жизнь есть зло. Высказывание Розанова в этом смысле не только ложно, но и лживо: ведь не всякая философия благо, но говорит ли он о том, что не всякая? Как будто бы говорит: «насколько не изменяет природе своей». Может ли этот признак быть критерием благодати или не благодати философии? Изменяет ли его философия природе своей? Вот он гениальный писатель (как и Достоевский), и талантливее и содержательнее меня (только я связался с бесами и приобрел бесовскую специальность математика, что позволяет мне ясно мыслить и ясно излагать, в отличие от них обоих). И вот, к сожалению, компания таких талантливых русских людей, с мозгами набекрень (как если бы они были мормонами или марксистами), производит тексты, объяснить которые мне с трудом удастся даже самому себе.

«Наука, насколько она не изменяет природе своей, – благо». Так как с Гипатии содрали шкуру за занятия наукой, то сомнительно, что она – благо для всех. Кроме того, принадлежит ли наука к сфере чистой мысли? Математика, *внушенная бесами*, к этой сфере принадлежит, да, это наука умозрительная, «точная наука», как ее называют, но уже биология – соединение теоретической мысли и объективных наблюдений. А геология? Ботаника? Астрономия? (Ну, эта вообще от дьявола, книга Коперника была запрещена пятьсот лет!!!) Но изменяют ли эти науки самим себе, на которых зиждется вся современная хозяйственная жизнь? А почвоведение (уже существующее во время Розанова, позволившее увеличить урожаи и спасти от голодной смерти многие крестьянские семьи)? Но **религиозному сознанию**, ослепляющему человека как солнце, которое и является (по Розанову) источником жизни, на саму жизнь наплевать.

Но что значит наука, не изменяющая природе своей? Понимает ли сам Розанов смысл своего высказывания? Думаю, что не понимает.

«Смешение областей мышления и чувств, искажение первого вторым или второго первым порождает все зло...» – говорится ли это о философии или науке? Смешение такое возможно в литературе, и она существует как синтез чувства и мысли – так, может быть, именно литература и является абсолютным злом? Не говоря о том, что чистое чувство, свободное от сознания, в человеке не существует, всякое ощущение осознается в той или иной мере, но и литературное изображение чувства требует слова, даже и евангельский рассказ о сверхъестественном выражен в словах – не порождается ли зло евангельскими рассказами?

Я рассмотрел пример того, что сказано философом мимоходом, как нечто простое и не требующее пояснений – и мы видим, что это только *бузина, растущая в огороде*. Но когда философ вдруг заговаривает о мире, который начинает умирать при взгляде на сладкого Христа, смотрит на него и умирает, мы видим, что читателю навязываются идеи, ничем не подкрепленные, кроме восторга и громких слов. Таковы и утверждения, таковы и опровержения.

Но верх галиматэи я еще не приводил: «чего ищет человек на земле, то есть: *пред кем преклониться, кому вручить совесть* и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо *потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей*.» (из романа Достоевского). «Кому вручить совесть?» – что это означает в истории, философии, литературе? Ни Достоевский ни хор апологетов не объясняют, что это значит – так о чем идет у нас разговор? «*потребность всемирного соединения*» – вероятно, люди жаждут жить либо под началом единой церкви (какая же сила выделила православных и протестантов из католического мира?), либо под началом единого кесаря – (какая же сила разрушила сначала Рим, затем Священную Римскую империю, Габсбургскую монархию, Британскую империю, Российскую империю?)

И, наконец, если подвергать логическому анализу почти каждое предложение хотя бы из трех слов, то в нем мы найдем по крайней мере четыре мысли, исключаящих друг друга. Так мыслят наши философы, начиная от Достоевского.

«*дух самоуничтожения и небытия... говорил с тобой в пустыне*», Искусшал Христа дьявол, о котором написано вероятно даже более, чем о Ленине. Но свидетельство великого писателя, тем не менее, ценно. И хотя мы знаем, что дьявол – *князь мира сего*, то есть вещественного мира (в противоположность Христу, который пришел *не от мира сего*), но в первом упоминание о нем в Легенде он представлен читателям как дух *самоуничтожения и небытия*. Разумеется, это никак не обосновывается и не объясняется, это так же мы должны знать от рождения, как и то, что Иисус сладок. Далее: «*ты не захотел лишить человека свободы*» (дав им хлеба), и придется им умирать с голоду, так как «никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными». Но, к счастью, люди «убедаются тоже, что не могут быть никогда и свободными».

Итак, Христос дал человеку свободу вместо хлеба, которого им не даст никто, и тем более наука, но и свобода не пойдет, увы, человеку впрок...

Это, конечно, не богословие, даже не религиозно-философское богословие, которое лишено и религии и философии, но это и не философия, возможно, это литература, которая способна вынести все, даже спутанность мысли героя, заблеивающего галлюцинациями, героя, к которому скоро явится черт.

Итак, может ли редактор и критик ответить на вопрос: лежит ли в основании истории и личности чудо, тайна и авторитет и что они символизируют – если в романе Достоевского Христос не настоящий (Христа подменили, он даже двух слов сказать не смог, так красноречив быв до этого в Палестине), человек не настоящий (его подменили тем более), и конечно и инквизитор не настоящий, и хотя он сжигает людей, но во имя их счастья (впрочем, таких инквизиторов немало, но этот уж больно философский, те, которых мы знаем, в философии не могут связать двух слов). Ну и наконец, настоящие ли философы, но они не смогли бы даже сдать экзамена по философии, так путано и противоречиво мыслят и изъясняются. Правда, им необходимо найти, что именно символизируют три центральные идеи («поэмки» Достоевского), но ассоциативные связи этих идей с текстом евангелий и с текстом поэмки так запутаны, что и я не смог найти их символическое воплощение. Я словно бы, как три скользкие рыбины, укладываю их то в одну, то в другую ячейку, но они из них выскальзывают. Выскальзывают и из рук. Что в ясности мысли я превосхожу собеседников Круглого стола, для меня несомненно, и все же, если бы нашелся некто, кто доказательно эти мистические и мистификационные идеи воплотил, то я передам ему пальму первенства, несомненно должную принадлежать мне.

Попробую, правда, в последний раз объяснить...

2. Чудо, тайна, авторитет

Эти три символа, с которыми связаны идеи, представленные в речи Инквизитора и во многих писаниях Достоевского, в некоторых отношениях являются своеобразным ребусом, составленным и для того, чтобы нам «запудрить мозги», но одновременно еще при его составлении автор сам запутался в замысле, поэтому расшифровать ребус почти невозможно.

Я делаю последнюю попытку связать символы в действительный, а не в мнимый треугольник. Математик знает, что если даны три точки, не лежащие на одной прямой, то им отвечает определенный треугольник. Если же даны три отрезка, то для двух произвольно выбранных третий должен быть меньше их суммы и больше их разности, в противном случае треугольник не существует.

Начнем с Чуда. Очевидно, что оно связано с Богом (или с Христом легенды). Христос совершил многие чудеса и заповедал апостолам их совершать тоже после своего вознесения на небо. Это были чудеса воскресения мертвых, исцеления (в частности, слепых), претворения воды в вино, изгнания бесов из бесноватых, чудеса творения хлеба и рыб для пропитания последовавших за ним, когда он проповедовал. (и последние чудеса меня отчасти задевают своей неоправданностью). Но Христос отказался совершить чудеса по обращению камней в хлеб, по испытанию,

сын ли он Божий (как видим, в этом ни у кого не было уверенности), отказался поклониться дьяволу и получить власть над царствами земными, и, наконец, отказался сойти с креста. Именно отказ сойти с креста всеми апологетами Достоевского и придуманного им аналога христианства и трактуется как принесение человеку в дар свободы: чтобы человек верил в Христа свободной волей, а не убежденный могуществом чудесного его превосходства над распинаящими. Но поелику чудес и так было множество, да и доньше мироточат иконы и зажигаются свечи, и по молебну идут дожди, то восторг от свободы, подаренной человеку Христом таким способом, фальшив и несносен, это отвратительная христианская патока. Чудо существовало и существует как качество Бога и его избранных, даже я надеюсь на помощь чудес в своей миссии спасения моей родины. Разумеется, не следует чудо брать как дар у нечистой силы, и стойкость Христа в искушениях была необходима и справедлива. Отказ же его сойти с креста был связан не с искушениями, а с тем, что он согласился принести себя в жертву для спасения человека, мнимого или подлинного, каждый решает по вере своей. Не христианин, например, иудей, относится к распятию Христа как необходимости, вызванной желанием Каиафы не навлечь на народ Израиля гнева римских завоевателей и спасти народ и государство. Я не иудей, но я не принимаю и миф о провинности прародителей наших перед Создателем (даже если и были мы созданы), я принимаю Бога как Силу, помогающую человеку (хоть в некоторой степени) в преображении мира.

Какое же чудо противопоставляет Инквизитор Христу? Вероятно, мнимые чудеса, подобные тем, какие происходят и ныне в церковной жизни. Кроме того, инквизитор пеняет Христу на то, что он отказался совершить чудеса, предложенные дьяволом, *недостаточно* поработил человека власти чуда и неба и Бога, и торжественно возвещает, что церковь вопреки желанию Христа (?) поработила народы как должно. Как исправила церковь отказ Христа претворить камни в хлебы, излагается так путано, что возражать или комментировать сию часть текста вероятно не стоит. Отказ броситься вниз, чтобы ангелы подхватили, объясняется так же путано, и связывать ли сии два несовершенных чуда с авторитетом, неясно. Да и какое имеет отношение Авторитет к власти веры? Авторитет же церкви навязывается и подтверждается только силой (государства или церкви, которая сама является государством, что на Западе, что на Востоке, противопоставление двух церквей у Достоевского и Розанова ложно). Ивану Грозному недавно поставлен памятник, а славен сей царь тем, что разорил до тла, пуще татар, многие русские земли, Тверь двести лет не могла построить ни одного каменного здания, Новгород утратил выход к Балтийскому морю (были же эти земли присоединены к Московскому царству еще за сто лет до Грозного его дедом, Иваном Третьим). Вот эта государственная сила, быть может, и является у Достоевского символом авторитета.

Что же является Тайной? Для меня тайной является вера и поклонение. Старушка зажгла свечку в храме... другая старушка тащит хворост в костер Яна Гуса, половина народа молится на тиранов... Все сие тайна... И наш клуб

философов, с которыми я не могу найти общий язык, еще пущая тайна. Тайна для меня и в том, что запросы ума и души современного даже образованного человека почти погасли, мне кажется, что я написал значительные книги, но увы – никто их не читает. Так чем же жив современный человек? Он уже решил, он уже знает, во имя чего жить, есть ли свобода, любовь, надо ли слепо верить, можно ли жить без музыки и красоты, без Толстого и Достоевского (а хотя я и спорю с ними, и обвиняю их в прославлении духовного рабства, но перед их художественным талантом я преклоняюсь). И также вчера, читая Розанова, я пришел в бешенство, я готов был его растерзать – но нет, не изгоняю я его из нашего собрания. **Другие еще хуже.**

3. Если совести нет, то Бог бессилён вразумить

С. говорит, что не надо помнить об умерших (мучительно, от голода, и стариков и детей) во время блокады, не надо искать виновных, правильно были расстреляны в послевоенном Ленинграде те, кто о блокаде вспоминал. И с ужасом я вижу, что возразить мне нечем. Я не могу найти оснований, по которым это мнение – неправда, зло, жестокость, подлость по отношению к нашим родным, погибшим из-за жестоких, алчных, трусливых. Достоевский говорит, что «если Бога нет, то все позволено», но в споре о блокаде вдруг его слова чудовищно выворачиваются, именно из веры в Бога вытекает, что все позволено, самое гнусное. Атеистическое сознание, считающее, что человеком и измеряется смысл бытия, и человек отвечает за свои поступки, должен отвечать, опровергается сознанием религиозным, что власть от Бога и кесарь неподсуден. Спорить бессмысленно. Если у ацтеков наряжали детей, расчесывали девочкам волосы, красили губы, повязывали им на грудь красивый бант, и под пение сотен тысяч людей сбрасывали с высокой скалы, принося таким образом кровавые жертвы жестокому богу, и всякий, кто пытался воспрепятствовать таким жертвам, был приносим в жертву сам, то безнадежно было обращаться к совести ацтеков, она у них отсутствовала или была нема и слепа. Истина или в совести или в Боге, они не тождественны, они противостоят друг другу.

Спор невозможен, спорящие по разные стороны Стикса, спорящие по разные границы бытия и инобытия, они в двух несовместимых пространствах: евклидовой и неевклидовой геометрии. Правда, я не хочу сказать, что они равноистинны, что бессмысленно говорить о правоте тех или других. Нет, права одна сторона, другая неправа. Но спор бессмыслен.

Иногда это объясняется тем, что на одной стороне «люди подземного мира», люди, подверженные лунатизму, склонные к мучительству, "инакомыслящие", психически больные – я полтора года обедал с ними за одним столом, один зарезал мать, другой убил и изнасиловал множество девушек, третий... – (я шокирую тебя, читатель? Но система власти, которой ты, возможно, сочувствовал, или твои родители, затащила меня в тюремный сумасшедший дом и там меня мучила. Твои неприятности – при чтении моей книги – ничто в сравнении с страданиями моих близких).

Нацисты, сторонники превосходства арийской расы над славянской,

считающие почему-то нас недочеловеками, были убеждены, что они выше нас и они правы. Они разрушили множество наших городов, убили десятки миллионов русских, но мы в конце концов вошли в Берлин, разрушили Рейхстаг, одели веревки на шеи их предводителей и повесили их на осинах. Отчасти были разграблены их дворцы и поместья (у нас нашлись и свои варвары, и они этим занимались, хотя некоторых из них мы повесили, мы не поощряли варварство своего народа, в отличие от высшей расы). Были изнасилованы многие женщины, даже малолетние девушки (этим занималась шваль, иные и из этих были тоже расстреляны). Миллионы пленных были помещены в концлагеря, некоторые из них умерли (хотя мы всех кормили, не очень, правда, сытно, через несколько лет всех отпустили). Но мы не строили печей и заводов по перемалыванию миллионов людей в муку, как это делали немцы. Ну, ладно, за все это виновата не лучшая часть немецкого народа, их чернь. Итак, в споре победили мы. Вольтер тоже спорил (потом, через 350 лет после сожжения Жанны, которую он, правда, не пожалел – Революция продолжила его спор с христианством и победила, многие были обезглавлены из христиан, правда, меньше, чем сожжено христианами.)

Если слово бессильно, то в ход идут смирительная рубашка, оружие, баррикады, гильотина, наступление на Запад (не всегда и мы отступаем!).

Мы победили несмотря на то, что по неисповедимым усилиям небесных духов во главе нашего государства и наших войск стояли предатели, и Сталин из них главный, но не единственный, и многие были более важные предатели, чем власов и власовцы. Мы победили еще не до конца, наследники несправедных охмуряют наш народ и внушили ему, что правду знать не следует. Я пытаюсь войну с нашими врагами продолжить, но – да, исход этой войны и моих усилий зависит от того, будет ли чудо на моей стороне Чудо – это сверхъестественная сила, которая сама является Богом...

4. Если совести нет, то Бог бессилён вразумить

Не верю я тому, что Достоевский верит в Бога. И Розанов. И другие... Правда, умирая, они исповедались, соборовались, целовали крест, калялись в грехах, просили простить их. Так и я, умирая, скорее всего, буду рыдать и просить прощения, я менее мужествен, чем мой отец, оставшийся на смерть на Безымянной Высоте. Мне плохо, я чем-то болен, под утро уже спать почти не могу, надо вставать, двигаться, чтобы доспать ночь позже, но сил нет. И я думаю, что мне надо бороться как-то с немощами, потому что и памятник отцу надо поставить (который будет символизировать многие безымянные жертвы русского народа), и помочь еще надо семье, пытаться изо всех сил помочь, этот путь по которому пошли и сын и внучка, издавая книги, от которых отрекается наше даже образованное сословие, это мученический путь, это почти то же, что идти с крестом, волоча на себе крест, во имя Книги. Но это возвышеннее, чем жертва своей жизни Богу. Культура возвышена и осязаема, Бог только воображаем. Все те, кои набросятся на меня за то, что я культуру ставлю выше Бога, сколько гневных ненавидящих меня слов прокричат: а они как-нибудь общались с Богом? Ну пусть не видели, так

испытывали, как испытываем мы тепло солнца, даже когда оно за облаками и не видимо? Испытывали какие-то знаки присутствия Бога в их жизни и в душе? Сталкивались с чудесами? И мне не являлся шестикрылый серафим, не являлся и Христос на дороге в Дамаск, как апостолу Павлу, но то, что сопутствует, и о чем Пушкин написал изумительно точно «И внял я неба содроганье, и горный ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лбы прозябанье» – я испытывал, и даже нечто подобное тому, о чем апостол сообщает, что «*знаю человека, который был восхищен до седьмого неба...*» – именно поэтому я говорю только о том, что знаю и вижу, и хотя «как бы сквозь тусклое стекло», но не совсем *гадательно* – те же, которые в защиту христианства и церкви побегут разжигать костер, чтобы на нем меня сжечь, если и общались с духами, то это были духи зла, нетерпимости, злобы и ненависти, Христа они не защитят, а только опорочат. Разве и великий Инквизитор, сжигавший так многих во имя своего Христа, не опорочил Его? Мы все, даже самые мистически одаренные из нас, знаем то, что знаем, только гадательно, вера – это небесная леска, которою мы пытаемся привязаться к небу. Даже те, кто думает, что вот им ниспослана небесная благодать, и Бог ежеминутно возрастает в их душе, и счастье и блаженство их возрастают, забывают самое главное – только страдание, а не счастье, очищает наши души и только страдание гарантирует нас от искушения и соблазна, от подпадения под власть нечистых духов (по крайней мере, многие просветленные свидетельствуют справедливость чистоты страдания). А эти, идущие колоннами на битву с иноверными, еретиками, богохульниками, сарацинами, неверующими, сомневающимися, любящими своих или чужих жен, любящими близких, друзей и родину больше Бога .. – все это воинство, защищающее Бога от наших человеческих сомнений и неверий, от нас, живых и не постных, и не сладких, и не коленопреклоненных – это все воинство, состоящее преимущественно из бесов, из ряженных, из святош, лицемеров, фарисеев и посмертных теней давно истлевших доминиканцев.

5. Теософия или философия

Когда-то я пробовал читать кого-то из Рерихов, пробовал читать Блаватскую, читал Гурджиева – что я из этого вынес? Во-первых, патетическое восклицание «О!», во-вторых, понимание, что люди, всерьез их читающие, относятся к виду «рерихнутых», и в-третьих, способность в псевдофилософских бреднях отличать *теософию* от философии и художественного текста; отличительных признаков достаточно трех: *вечность, высшая свобода, боговластие*. Если теософа поместить в тесную камеру и хотя бы пару дней не кормить, он попросит хлеба и свободы (хотя бы на время), отсюда вывод, что именно хлебом и свободой жив человек, без вечности и высшей свободы можно прожить, а также без боговластия (впрочем, если бы Бердяев нам объяснил, что это значит, то, возможно, мы бы и захотели боговластия, а пока нам и от земных властей тошно, хотя мы понимаем, что без них еще хуже, тогда в камере наступает «беспредел»).

Почему же ясен смысл пушкинских строк: "пока свободою горим" и "свободы сеятель пустынный" – потому что за ними стоит не абстракция, а образ, а за образом стоит реальный жизненный опыт читателя. За термином "вечность" ни у кого нет воспоминаний, вечности не переживал еще никто из людей, точно так же никто не переживал высшей свободы" и боговластия. Но разве нельзя повествовать о том, что мы можем помыслить? Можно. В математике, например, есть нечто *совершенное*, это правильные многоугольники, но их можно определить и увидеть (будучи вписанными в окружность или в шар, они разбивают их на равные части). (кстати, какое отношение математика имеет к философии и правильному мышлению? Ни формулы ни аксиомы ни теоремы не проецируются в философию, но способ, которым математика себя воссоздает в своих рассуждениях, безупречен, и только он служит образцом для философии, в то время как для художника воображение и образ, для религиозного мыслителя – мистический опыт (однако, не исключая совсем математики). Что же мы ищем и находим в наших поисках Бога и в нашем (общении? со-чувствии?) с Ним? Если мы ищем и находим те самые бессодержательные абстракции, то прощай и философия и религия. Но что же тогда мы ищем? Как мы уже увидели, наши учителя к общему согласию не пришли, Леонтьев исходит из «страха божия», не отрицая веры, апостол Павел (вместе с Лютером) – из слепой веры, не отрицая «страха божия», монахи исходят из слепого и абсолютного послушания, Достоевский, вместе с Великим Инквизитором, по видимости возражая ему, исходит из Чуда, Тайны и Авторитета.

Но в более частной задаче, а именно в споре с «религиозными философами и писателями», к которым надо отнести и Достоевского, и Ивана Карамазова, и псевдо-Торквемаду, я тоже должен себя ограничивать содержательностью разговора, не застревать на толчении воды в ступе и псевдо-богословствовании (теософии), уклоняясь, правда, от такого спора, как только речь заходит о *высшей свободе* и тому подобном, чтобы не «засорять себе мозги».

6. Чудо, тайна, авторитет

Распутать запутанную вставную поэму Ф. М. о судьбах христианства, пытаясь в синтезе примирить противоречащие друг другу точки зрения спорящих, *невозможно*, даже ее направляющие оси в общей постройке не закреплены, и хотя очевидно, что чудо неотделимо от веры в Христа, и Розанов возмущенно восклицает: «Удивительно! Достоевский забыл, что Христос ужасно много творил чудес: насытил 5-ю хлебами 5000 народа, претворил воду в вино, укрощал бури, исцелял хромых. В конце концов он даже прямо сказал: "Если бы *такие чудеса* были явлены" там и там-то, "то те люди уже поверили бы в Меня: а вы – не верите". Таким образом, о чуде как именно о *средстве заставить поверить в себя как в Божество* прямо сказал Христос. Православие едва ли имеет "чудес" менее, чем католицизм, – и особенно оно едва ли более *чуждается* их... "Легендою" Д-кий бросил не камень в католичество, а горсть песку, рассыпавшуюся по всем церквам.» И потому первый символ вслед Розанову безусловно надо отнести к вере в Христа, то есть "*верую не свободною волей, а потому что наблюдал чудеса*".

1. Итак, **чудо** – это предпосылка веры, основание веры, да к тому же чудом инобытие прямо эманурует (истекает) в мир, и что через чудо мы обращаемся к Богу, не имеет в себе ничего заторного. Не свободною волей, не через утонченные философские рассуждения Розанова, не через путаную теософскую галиматью Бердяева и не менее путаную художественность самого Достоевского мы обращаемся к Богу, а благодаря **страху** (божьему?), прав Леонтьев, **отчаянию** (прав Кьеркегор), томлению **духовной жажды** (прав Пушкин) и явлению **чуда**, например, явлению Христа Савлу на дороге в Дамаск (прав апостол Павел, поставивший чудо и воздействие воли Бога в основание **веры**). Вот так же мы влюбляемся, часто для этого достаточно "первого взгляда" и явления женской красоты, обрушающейся на нас, и пленяющей нашу душу, как пленяет ее и чудо (а безумные православные комсомолки призывают душу распять и предать смерти). Итак, **чудо** в основании веры, а не свободная воля человека.

Но существует еще откровение, являющееся следствием духовной жажды, но также и чуда, и само являющееся чудом, через откровение человеку является и вера и любовь (в разнообразных формах), встреча Жанны Д*Арк с святыми Екатериной и Елизаветой и была явлением трансцендентной любви, в которой, конечно, не было полового инстинкта, но была божественная женственность (впрочем, быть может, женственность в своем небесном возвышении и бывает только божественной).

2. Несмотря на путаную теософскую речь Бердяева, доказывающего, что только папа и Ватикан опираются на **авторитет** церкви и государства в утверждении своего католичества и своей духовной власти, а православие следует *заветам Христа*, но его грубое отрицание только подтверждает справедливость другой символической связи, скрепляющей мифологемы поэмы: «Как полагает Достоевский [в своей *теодицее* (theos – Бог и dike – справедливость, термин введен Лейбницем в одноименном трактате, 1710)], Христос призвал людей жить в *Духе, Истине и Свободе* и принять на себя следующую из них *ответственность* за всякий свой выбор, и даже за право *верить* или *не верить*. Церковь же Дух заменяет **Чудом**, Истину **Тайной**, Свободу **Авторитетом** [от лат. auctoritas – власть, влияние]».

Розанов: «Наконец, "авторитет": разве Православие отказывается быть авторитетным? морщится, когда его именуют и оно само именует себя "единою истинною церковью"? Никто не слышал, кроме Достоевского, о такой скромности». Таким образом, *авторитет* следует считать вторым основанием (после *чуда*) религиозной веры и подчинения человека власти христианства.»

3. Осталось расшифровать **«тайну»**, которая пронизывает и текст поэмы, и разговоры за круглым столом; кажется, что и «тайна» принадлежит только церковному принуждению вопреки заветам Христа, и заменяет **истину**: «мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! ... И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: „Тайна!“ ... Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить

их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а **тайна**, которой они повиноваться должны **слепо...**» – говорит Инквизитор Христу.

Лосский возражает: «...*Церковь высоко ценит чудо, тайну и авторитет*», а Розанов добавляет, что и сама *«религия – тайна»*.

Розанов: «"Не хотел основать Церкви, основанной на таинствах: не хотел волшебства и суеверий"... Но ведь именно наша Церковь, в отличие от рационализма, добродетели и философии, имеет в основании своем семь "таинств": *крещение, исповедание, причащение, брак, священство, елеосвящение.*»

Так не символизирует ли и **тайна** веру в Христа?

Розанов: «В частности, в "исповедании" именно духовенство наше "разрешает" все то, о чем пишет Достоевский: "иметь и не иметь детей", "жить и не жить с женой"... отпускает даже "грехи", и, словом, поступает, как *мудрые*, "взавшие на себя знание добра и зла" [которых и противопоставляет Христу Великий Инквизитор]. Не все так великолепно, как пишет он: но по существу – именно *это*. Так что если католики – "с ним", как пишет Д-кий, то *мы-то с кем же?* Да и, главное, Достоевский так добро очертил "его", который даже хлебом накормил голодающих, что, по обыкновенному рассуждению, вовсе даже и нестрашно быть "с ним" и гораздо более жутко остаться с тем, кто в хлебе принципиально отказал, как в слишком грубом, низменном начале, а, однако, вещественные "царства мира" взял себе: франков при Хлодвиге, англичан при Берте, нас в X веке, германцев – при Бонифации; а через нас, и франков, и англичан взял и прочие "царства мира", черный и желтый и красный материи... Так что "во мгновении ока" показанное в пустыне, или померцавшее в пустыне, все и соединилось в "христианский мир", все объединилось под одну "тайною, чудом и авторитетом"»...

Но, соглашаясь почти во всем с Розановым, так что, казалось бы, незачем мне было бы и писать свое собственное пространное исследование, по таинственному смыслу самого понятия "тайны" я не хочу поставить точку, а ставлю многоточие... ибо власть христианства над Европою в течение двух тысячелетий – тайна – власть ли это Христа и согласной с ним церкви, власть ли это церкви, несогласной с Христом, власть ли это Антихриста и с ним тоже согласной церкви (а чья в конце концов это власть, пусть мне скажут святые и непорочные и объяснят, чьею властью церковь освящала и бесчинства Филиппа Испанского, мучившего кошек и людей, и Генриха Английского, истязавшего целые женские монастыри, и Иоанна Русского, сметавшего с лица земли целые русские княжества, как Тверское и Новгородское) – но пусть это останется пока тайной, как и то, почему народы не нашли ничего лучшего, как преклониться перед проповедью отрицания мира, почему *она* предпочла веру любви, почему "русские религиозные философы" предпочли вечность, высшую свободу и боговластие – любви, милости, заботе, состраданию, труду и творчеству – ибо ни в вечности нет жизни (нашей жизни, страх потерять которую и заставляет нас метаться в поисках спасителей и верить и в среду и в пятницу как Контстантина Леонтьева), ни в высшей свободе нет свободы (той, из-за отсутствия которой Мережковский бежал из России), ни в боговластии нет справедливости и братства, нет человека.

Пусть **тайна** остается пока неразгаданной...

7. Что правда, что ложь?

Иисус действительно прекраснее всего в мире и даже самого мира. Когда Он появился, то как солнце – затмил Собою звезды. Звезды нужны в ночи. Звезды – это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа – так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, – "слаще", привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства. *Гоголь – солома пред головой из евангелиста.* Таким образом, во Христе – если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истома.

Когда красота Христа «просияла, озарила мир – ...человек потерял вкус к окружающему его миру. ... и весь мир, по мере того как он внимательно глядит на Иисуса, бросает все и всякие дела свои – и умирает.»

«Глядит на Иисуса и умирает весь мир» – очевидно, не горы и не моря смотрят на Иисуса, а люди, живущие в мире, притом, умирают они потому, что после того, как *«просиял Христос»*, стало неинтересно жить; но и мир мог умереть, не потому, что и горам и рекам и лилиям речным тоже стало вдруг неинтересно – вряд ли они так высоко поднялись в духовной способности чувств, но могли они начать умирать потому, что высшие небесные силы начинали свою Мировую революцию, Конец света и Страшный суд и переход человечества в инобытие.

Но важнее всего то, что чувствует человек и что с ним происходит. Но с кем происходит, с отдельными людьми, группами людей, или нечто происходящее распространяется на человечество? Кто именно «бросает все дела и умирает»? Возможно, сам Розанов переживает индивидуальное экстагическое состояние, подобное тому, что переживал апостол Павел, Жанна Д*Арк, христианские святые – но разве они не сознавали, что не весь мир преобразается, а преобразование происходит только с ними, – но Розанов утерять связь с реальностью, ему показалось, что уже миру стало жить неумогу и он хочет обрушиться в восторг! Однако, мир после этого пережил еще две революции, две мировые войны, одну контрреволюцию и до сих пор не утерять жажду к жизни, даже я, переживающий сердечную ночную слабость (потому что еще не совсем образумился) – даже я и влюбляюсь и хочу жить и боюсь смерти... (и поэтому чувство долга должно стать моим главным вразумителем, ибо мне нужно еще многим помочь! Даже Анечка в Боровичах не справится с своими невзгодами без меня и бабушки Марины, мы же время от времени посылаем ей «денежку на хлеб», как просила когда-то Жанна.)

Но главный порок розановского восторга не в том, что он свое собственное состояние распространил на весь мир, а что и состояние и выводы его философии, с ним связанные – ложь.

Христос пришел спасти мир... допустим, что это так. Он не только проповедовал то или иное, но и существенно помогал в иных случаях, совершая чудеса исцеления и воскрешения, "обращая камни в хлебы", чтобы накормить толпы, пошедшие за ним на берег Иордана, превращал воду в вино, остановил бурю на море. В Новом Завете нет указаний, что окружающим его, даже преданным ему, мир вдруг стал горек и пресен и им захотелось умереть.

Нет, все осталось как было для большинства, меньшинство же начало создавать христианскую церковь, началась проповедь, потекли века христианской истории – и даже сегодня мы продолжаем о многом спорить. НЕ прокис и не прогорк мир! И не для всех Истина тождественна Христу.

Итак, опомнись, Вас.Вас., и вернись за стол, продолжим наши прения, которые еще далеко не закончились! В состоянии экзальтации ты не можешь находиться вечно, тогда тебе пришлось бы уйти из мира, *перестать заботиться о семье*. Или твоя семья и Родина (Россия и культура) – или Христос. Достоевский отверг родину, отверг друзей и семью, отверг даже **истину** (то есть и математику, и красоту, которая могла бы спасти мир), заявив всему миру, что *лучше он останется с Христом, нежели с истиной* – но ты то неужели отвергнешь свою семью, которая в большей степени была твоим способом мыслить и писать, чем схоластические христианские рассуждения о "трех в одном" и "одном в трех" и об умерщвлении мира и души?! Даю тебе времени еще...

Да не ты ли только что говорил, что *христианство мрачно*, что оно не может утешить страдающего человека, что «*ни смеха, ни влюбленности нет в Евангелии*, и одна капля того или другого испепеляет все страницы чудной книги, «раздирает завесы» христианства.»?!

«...в Евангелии Радости ... есть, но совершенно особенные, схематические, небесные; радости **с неизмеримой высоты над землей и человечеством...**»

И далее Розанов добавляет:

«Контрабандою прокрались в христианский мир и искусства, музы, Гоголь, хороший стол, варенье. "Это – позволено"; но никто не прибавит: "это – полезно" (формула ап. Павла), а в этой-то прибавке все и дело, вся поэзия, цветочек: коего решительно не допускает моно-цветок, Иисус.

Христианство ... расширило объятия, ... и Гоголя оно "прощает", и Пушкина, и варенье; даже блудницу и блуд, без коих, кстати, не попали бы в невод почти все святые, начиная с бл. Августина, знавшего бурную молодость. Но прощение – это вовсе не то, что призыв. **Призваны-то христиане только к одному – любви ко Христу**».

Вот в этом все дело.

Человек влюбленный знает, что безумная любовь отменяет жизнь, одно моно-чувство заполняет и душу и тело, невозможно ни работать, ни сочинять стихи, только *пребывать в восторженном или трагическом небытии*.

Такова же и **вера**. Полная вера – окончание жития, чтобы **жить далее**, надо такую веру как-то уменьшить, обуздать, заменить "полуверой".

8. «Ряженые во христиан»

Когда Одиссей проплыл мимо «острова сирен» с их прекрасным пением, которое губило мореплавателей, то велел команде своей заткнуть уши воском, а себя привязать к мачте, чтобы и услышать он мог их пение, и к ним сбежать все же не мог. Вот Василий Васильевич Розанов – такая сирена, слушаешь его, и хочется бросить и семью, и культуру, и Россию, и бежать босиком по снегу в холодный склеп и там умереть блаженно во славу Христа,

не знаю только, сладкою ли смертью или мучительной. Все кажется верным в его словах, ничему не в состоянии я возразить, даже оторопь берет, как если бы мне так убедительно доказывали перед судом, что я зарезал сколько-то детей, и на вопрос, имею ли я что возразить, пришлось бы мне ответить, что, увы, все так убедительно, что ладно, ведите с ошейником на шее, и лучше сразу на эшафот, чтобы не мучиться. Вот такая же оторопь оцепеняла меня при власти социализма в России, я жил в клейковине лжи, слова в простоте мы все боялись сказать, картошку ели, прихлебывая из миски воду, *забеленную молоком* и посоленную (мне было семь лет), мама вечером в темноте везла из лесу санки с дровами, чтобы протопить избу, а я был в страхе, что ее съедят волки, и только молился «*Боженька миленький, спаси и помилуй, не отдай волкам!*» Не отдал... А мог и отдать...

Жили плохо, голодно, разуто и раздето, в страхе – но молились на Сталина. Кстати, не казался ли он нам таким же сладким, как Иисус, или слаще? И не казался ли бы он сладким Розанову? Да, пожалуй. И пела бы эта сирена «Сталин – наша слава боевая, ... нашей мудрости полёт... и так далее...» Еще пример: смотрю спектакль про Жанну Д*Арк, она сгорает на костре, запаленном Христом (не сами же по себе христиане вдруг завелись от сухости Синайской пустыни), я в зрительном зале рыдаю, и кажется мне, что вот сейчас побежал бы – или вместе с нею с мечом в руках в сражения, в защиту любимой Франции, или с нею в костер, или вместо нее... Но, увы, никауда я не бегу, и с мечом страшно и больно, и на костре еще больнее...

И что в пених Розанова правда и ложь? Ложь почти всё. Нет, всё – ложь!

Он тоже сидит в зрительном зале и – пишет. Написал он даже больше меня. Когда его **родных детей** не дают ему уроднить, объявляют их **незаконнорожденными**, он возмущен и воюет и с церковью и с христианством (ибо где он убедительно показал, что в чем-то церковь отступила от заветов Христа?) Когда пригревается он под боком жены, после ужина, обласканный редакторами всех журналов противоположных воззрений, то и церковь и Христос ему сладки и снится ему прекрасный сон о жизни после смерти, о смерти вместо жизни... Жанна Д*Арк короновала французского короля и спасла Францию от иноземного ига, штурмовала Париж, но Париж она взять не сумела. И она **пришла спасти свой народ**, как и Христос, но была в своей упорной миссии освобождения Франции антихристианкой, потому ее и сожгли (антихристиан в идеале им бы хотелось сжечь всех, ибо **кто не с ними, тот против них**). Но кто такие ОНИ?

Итак, снится Розанову "Ода на взятие Серапеума и сожжение Александрийской библиотеки".

«Утром огромная толпа, предводительствуемая монахами, во главе которых был сам Феофил, устремилась к Серапеуму.

Когда смельчаки, оборонявшие храм, сделали несколько отчаянных вылазок и потеснили людей Феофила, тот обратился к начальнику войск. Те прибыли с осадными орудиями, словно для взятия неприятельской крепости. Военные лестницы помогли осаждающим преодолеть стены. Мощный таран разбил ворота. На территорию Серапеума хлынула толпа.

Плиты, устилавшие площадь, обгадились кровью. Фанатики, обуреваемые духом разрушения, крушили все, что попадалось под руку: разбивали статуи, выламывали двери, портили фрески. Желавшие поживиться богатой добычей бросились к сокровищнице. Но там уже хозяйничали доверенные люди епископа. Под надежной охраной несметные храмовые сокровища были направлены во дворец Феофила. [Это не о нем ли Салтыков-Щедрин написал: *«Въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки»*. Хотя, впрочем, пальму первенства у него может оспаривать почти всякий иерарх католической церкви.]

К этому времени христианство уже окончательно и бесповоротно утвердилось на территории Римской империи (как в 1937 году в бывшей христианской России социализм). *И миру уже ничто не мешало сладко умирать.* (*«Когда красота Христа просияла, озарила мир – ...человек потерял вкус к окружающему его миру. ... и весь мир, по мере того как он внимательно глядит на Иисуса, бросает все и всякие дела свои – и умирает.»*)

Однако... мир не был целен. Как и в человеке и душа и плоть, так и мир разнообразен. Во-первых, были «истинные христиане» (по Кьеркегору), отшельники, столпники, юродивые, молчальники, в склепах, в пустынях, с дикими зверьми, праведники, угодники, святые... Но их было ничтожное меньшинство среди населения Европы. Гораздо больше была церковь, во главе которой стояли епископы, митрополиты, патриархи, кардиналы, папы, настоятели монастырей, храмов, священнослужители, цари, императоры, феодалы, дворяне, командиры войск, крестоносцы, судьи, исполнители приговоров и прочие... Не знаю, смотрели ли они на Иисуса, но сомневаюсь, что они умирали (глядя... когданибудь потом умирали тоже, как и все мы).

И, наконец, третья часть, большинство народа, самый народ, среди которого были и ученые, и писатели, и учителя, и горшечники, и кузнецы, и солдаты, и роженицы, в большинстве все же крестьяне, которые выращивали для всех (и христиан и нехристиан) хлеб, ткали и шили одежду, обувь, варили ужин... Эти иногда ходили в церковь, иногда на партсобрания (за долгую историю им приходилось молиться разным богам), чаще всего они ходили на работу и работали подолгу, иногда ходили на войну, чаще всего там и оставались, как мой отец Иван Иванович и мой дядя Василь (почему и меня моя мама Мария назвала Васильком).

Вот в чем вселенская ложь наших философов Круглого стола. Они сидят в зрительном зале и *приветствуют и восхваляют умирание мира*, но сами они умирать не спешат. Они благословляют свободу, о которой не имеют ни малейшего понятия, *"которую им принес Христос"*, хотя среди нас всех, участвующих в прениях, только я могу что-то знать о свободе, сидевший и в тюрьме и в психушке, да не по разу. Даже о любви они не должны бы писать, мало они любили женщин, которых им послала судьба, иначе не сбежали бы они под церковные своды, как из них большинство. Но закономерно, что даже обвинять их по вере отказывают им в искренности, церковь отвергла их «религиозную философию», социализм отверг их революционность, изгнав из страны, и даже против историков, которые о них пишут, нынешняя власть

воздвигает судебные преследования. Только я собрал вместе этих заблудших детей России, хотя *нет ничего мне более чуждого, чем клятва Ф.М., что если в истине нету Христа, то он останется со Христом, а не с истиною*. Пусть эта клятва умиляет философов Серебряного века, но что в наше время писатели и диссертанты, критики и гимназистки, мильоны пишущих сходят с ума от восторга, восхваляя безумную клятву – мало жгли и расстреливали, надо было бы сжечь из каждых трех четверых, может быть не так ненавидели бы истину оставшиеся в живых. О, времена и нравы! Зачем было Возрождение, зачем было Просвещение?! Нет, мне ближе слова Сережи Есенина, воскликнувшего: «не надо рая! Дайте родину мою!» И все-таки, я подлинный русский, а потому не отвергаю талантливое, не только мне родственное, ибо *как красота женщины – это ее национальность и пол, так и гений художника и философа – это его душа*. И слава Богу, что поклявшись сладостью смерти, они не поспешили умереть и написали прекрасные книги, немало и лживые, так что приходится мучиться и распутывать несусветную ложь. Культуру создают мужчины, но вдохновляют женщины, поэтому она во многом женственна, ...так не потому ли так часто и лжива? Но с исключениями, Гипатия математик, а математика не лжет... впрочем, что до меня, то я женщине ничто не вменяю в вину, все в ней меня умиляет, даже и то, что они меня бросили... но женщина меня родила и вскормила, продолжила род мой, пела колыбельные, приносила передачи в тюрьму, понимала, прощала, даже когда мной восхищались другие; женщина поцеловала декабристские цепи и взошла на костер... летопись сия бесконечна... нет учения в мире, более неблагодарного, чем христианство. Какая в нем сладость? **Когда свершилось, прогорк хлеб мира**. Померкла красота природы. Смотрит ли христианин на небесную зарю вполнеба? Плачет ли от восторга мирской красоты? Или он видит бесплотную небесную лилию? Да и эту лилию, не вижу ли и ее только я один? Какую лилию видели фанатики, разбивавшие античные статуи? Что прекрасного видят те черносотенцы, которые бросят мои книги в костер? Да, может, и для меня попытаются его зажечь? Нет ли иронии, вселенской непостижимой иронии в том, что этот костер зажгут дети тех, которые сжигали в России православные храмы и дворянские усадьбы, и только мое сердце наполнялось скорбью? Но не повторю я безумные слова Христа, что *«се, оставляю дом ваш пуст»*, ибо мне жаль даже неразумных...

Но еще добавлю несколько слов. Вчера мы с женой получили в садике нашего внука Пашу (без трех месяцев три года), по дороге домой зашли в магазин купить чаю, пока мы выбирали чай, Паша шарил по полкам и тащил к кассе все, что ему приглянулось. Подходим мы с чаем, Паша робко-лукаво на нас смотрит... А, один раз живем, говорю я жене... И мы покупаем сухарики (выбросили потом), какую-то булочку (еще не выбросили), шоколадку, чай, пирог с изюмом. Временное счастье нам обошлось в 220 рублей. Но счастливей ли нас монахи, живущие без женского общества и с суровым Богом-судьей всего дыхания, у которого хотя и есть сын, но нет ни жены (или Мария?!), ни невестки, и внуков тоже нет... И их мне всех тоже жалко, кроме тех, которые разжигают костры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРОЩАНИЕ

I.

21 декабря 16, среда, в преддверии Нового года.

Ну и на прощанье напишу о том, что в учениях является злом, как оно там существует, хотя само учение не проповедует, как будто, злое.

Я первую половину жизни воевал с марксизмом, вторую воюю с христианством. Адмирал, с которым мы вместе работали сторожами в маленькой фирме (благодаря! Сидишь в офисе, пьешь чай, спишь сколько хочешь, утром сдаешь смену сотрудникам) укорял меня: ну разве же мы, марксисты, едим людей? Что ты на нас так взъерился? Да ты закусывай, легче пойдет... ну так вот, разве я похож на людоеда? Я и для моряков был отец родной, почти никогда не наказывал, но я ведь марксист?! – правда, я этого Маркса терпеть не мог, два раза пришлось экзамен по диамату пересдавать...)\

Ах, Николай Семенович, да лучше вас я мало кого и встречал! Мне больше всего повезло на дружбу с прекрасными людьми, ни с одним плохим так и не удалось не только подружиться, но даже и познакомиться!

Учения пекутся о благе человека, и христианство проповедует благо, и марксизм, только человек и в том и в другом учении не отдельный, с именем, а всеобщий, без имени, то с Большой буквы, как у марксистов (только у них чаще всего оказывается, что с Большой буквы существует всего только один), то все сплошь с маленькой, ну и тем более с Большой только трое, и то все как один.

Человека же, с именем, происхождением, с плотью и душой, с его достоинствами и недостатками вместе, они ненавидят, презирают, с ним борются, его искореняют – во всяком случае, человека они не любят, меня, например, или N, в которую я влюбился. А я жалею многих, не то чтобы жалею умозрительно население земли, страны, области или улицы – нет, я сталкиваюсь с разными людьми, влюбляюсь, сдружаюсь, выпиваю, помогаю, если могу, иногда помогаю дойти до дома, не предаю, не изменяю, работаю сообща всегда хорошо (и порознь тоже), не только не пишу доносов, но даже на следствии пытаюсь вину переташить более на себя, из класса если и выгоняю, или ставлю в угол, но ни смолы ни вара, ни серы.. Тем более следствие, пытки, расстрел...

Я раньше хотел стать царем. Нет, послать человека на войну я не смогу, даже в тюрьму посадить....

Во мне много всякого, я живой, не во всем и хорош, тащу пьяного, обзываю его всячески, но иногда думаю – а разве я лучше?

Пророки и учителя пришли в мир противопоставить себя человеку, Розанов пишет, что увидя Христа, мир начал при нем умирать, невозможно жить, копошась в земле, когда такое солнце сияет на небе. Ну и конечно невозможно себя уважать (и других тоже), вот и восклицают святые, что их святость смердит перед Богом.

Итак, я тоже пришел в этот мир почти как пророк и учитель, во всяком случае, столько уже книг написал, где и писателей ругаю, и философов, и пророков, и Христу достается, и Марксу, не говоря о марсидах – но я пришел не противопоставить себя всем, а поставить ... рядом, что ли? Ну, я такой же, как вы, восклицаю я, почти такой же! Ничто человеческое мне не чуждо, все слабости и почти все грехи человеческие вместили я в себя, поэтому я пришел не только вас обличить, но и защитить, и помочь.

Я родился от достойных и красивых родителей – но многие родились в семьях не хуже, и слава Богу! Я образован, но многие образованнее меня и тоже слава богу, я у них и учусь.

2. Автономия культуры и церкви.

Церковь не должна становиться государством, но и государство не должно становиться церковью, как о том мечтал Достоевский: это уже было в России, где большевистская «партия нового типа» захватила власть и сама стала государством. Дважды в ту же пропасть падать нельзя, русский народ уже и так умирает. Пусть христиане получают культурную автономию – но только для взрослых, и только при соблюдении общего для всех законодательства. Дети и студенты должны учиться в общенародных школах, религиозная цензура в культуре должна быть запрещена, свобода слова, мысли, исследования, свобода исторического, философского и художественного творчества должна быть гарантирована всем.

Увы, хотя участники нашего Круглого стола уже расходятся, мы почти ни до чего проясняющего понимание мира не договорились. Опасности, которые подстерегали философское сознание в России в начале двадцатого столетия, остались не преодоленными, разрыв между схоластическими рассуждениями о духе, о Боге, о вечной жизни и о трансцендентной свободе и действительными усилиями труда и творчества по производству хлеба насущного, и духовный кризис все тот же. Значит, надо будет написать новую книгу, и алгеброй (примири́в с нею вдохновение) поверить гармонию. Преодоление духовного кризиса возможно так же, как трансцендентный прорыв в математике от действительного числа к комплексному и от геометрии к числу.

3. Человек или Бог?

Человек живет на земле, Бог на небе. Один из авторов, которого я редактирую, пишет, что рискованно любить земное, мы к нему привязываемся, и наша душа от него зависит. И когда теряем, обречены на страдание, поэтому любить надо небесное, оноечно. И Христос говорит, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Звучит это так, что *хлеб* противопоставляется *слову* как более низкое высокому.

Но крестьянин и жив **хлебом**, и кормит им и семью и всех тех, кто оживляет нашу жизнь **словом**, и поэта, и монаха, и ученого и священника, и воина и чиновника, и детей и старцев. Земная ось проходит через крестьянина и через хлеб.

И возвышая слово над хлебом, невольно мы возвышаем его до отрицания хлеба, до того, что не надо заботиться о завтрашнем дне, не надо хоронить

мертвых, не надо рожать детей, надо только искать царствие божие, а *все это приложится к нам*. Ленинградская блокада показала, что пренебрежение хлебом, то есть жизнью, то есть человеком в его земном царствии лишила этого человека всего земного без надежды на небесное. Революция 17 года, в преддверии столетия которой мы сегодня, показала, что в споре необразованных и грубых и часто низких крестьян с утонченными философами именно философы оказались ниже задачи, поставленной временем. Мы не выиграли в войне с немцами, которые эту войну проиграли французам и англичанам но не русским; мы, если ассоциировать с нами Белое движение и русское офицерство, проиграли в Гражданской войне матросам, солдатам, городским пролетариям, крестьянам, евреям и инородцам; и мы, вседержители русской культуры, проиграли и культуру и Россию.

Мы проиграли исторический **спор хлеба и слова** настолько, что слово уже не привлекает, оно стало скучно, вызывает зевоту.

Великий инквизитор (то есть Русская революция), обещавший накормить алчущего хлебом, хотя и обманул его, но привлек к себе симпатии, потому что дал человеку хотя бы надежду. «Не хлебом единым» девальвировалось, звучит как насмешка в осажденном Петрограде.

Но читаю философов и убеждаюсь, что я давно и безнадежно сошел с ума, никакой нет правды в их словах, нет правды о хлебе, но еще меньше правды о свободе. Евангелие нас убеждало, и Христос повторял, что «да будет воля Твоя, а не моя!» И каждый день верующего состоит в непрерывном повторении то одной мантры: "если на то будет воля Божья", то другой "все в руке Божией", то третьей "как Бог скажет"... и четвертой, и пятой... Все мы **рабы Божьи**, и многие полагают даже, что **первородный грех** состоит не в том, что Адам и Ева познали притяжение половой любви, а что Ева **ослушалась** батюшку, и главнейшая монашеская добродетель – беспрекословное послушание... *нет ничего более противоположного, чем своеволие и христианство* – и вот сколько уже тысячелетий с подачи русских религиозных философов толчем в воде ступу, рассуждая о свободе, которую принес людям Христос! Так что же он возвестил? Что мир скоро сгорит за наши грехи и потом страшный суд и воскресение самого ничтожного остатка а остальным вечные муки, или Христос возвестил: Радуйтесь, я пришел вам дать волю и землю, будьте счастливы и плодитесь и размножайтесь и не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо я уже все ваши грехи искупил?! Так ли? А в этом почти все позднейшие невежественные религиозно христиане и убеждены, и этот бред и я обсуждаю вместе с ними...

Дьявол подверг Христа трем искушениям, Достоевский с Розановым подвергли нас четвертому, забыть всякий здравый смысл, все, что мы знаем из библии, из истории, забыть умение мыслить и ввязаться в бессмысленный и вздорный спор о том, что большинство из этих религиозных философов и публицистов навязывают нам как истину. Я сошел с ума. Со мною и читатели. Впрочем, умных и всегда был ничтожный остаток, еще меньше, нежели "нищих духом", которых Христос и позвал в Царствие Божие...

Увы, «поток сознания», захвативший философов в связи с «Легендой»

Ивана Карамазова, как ранее в связи с словами князя Мышкина о том, что «красота спасет мир», отчасти захватил и меня, и многие из моих рассуждений не помогают распутывать лживый клубок, – не намеренно ли подброшенный нам? Перечитывая свой текст, я пытаюсь его улучшить, но приходится слишком многое исправлять, а еще большее разяснять – надо ли? Не оставить ли книгу как есть, как написалась, есть в ней и хорошие места и плохие, ну и пусть читатель отталкивается от меня такого, каков я в целой действительности, а не которого я приглашу, почищу, подкрашу и приодену?

Что ищут Достоевский и Розанов, кто они: христиане, социалисты, анархисты, монархисты, охранители или революционеры, я так и не узнал, а всё может быть, ничто меня не удивит более, нежели поиски нового Христа.

А кто я сам: философ, публицист, писатель, поэт, математик? – перечисляю все, к чему я имел отношение, ибо я написал и множество стихов, и роман, и философские статьи, и статьи повседневные, и даже учебник математики. Или я разочарованный паломник, отправившийся когда-то в неясное паломничество на поиски истины, царствия Божия, преображения мира, духовной свободы, справедливости в мире?

Но спорить мы больше не будем и начнем жить хорошо.

Зачем в христиане идут те, которые не собираются жить в гробах, а даже пристают к девицам, я не понял, ну да ладно.

Подведу черту под нашим спором, сознаюсь, что *человек непостижим*.

Великими инквизиторами были все тираны, их любят до сих пор. За что?

Или я отвергнутый влюбленный, очаровывающийся женщиной, но ...

Прощаюсь с Энн, я в нее, кажется, не влюблялся, но я ею был очарован, вот к ней я приходил, взяв посох и немало пройдя проселочными дорогами (объясняя читателю, о чем мои стихи, как когда-то свои стихи читателям объяснял и Данте).

На перепутьях темной ночи
 Я посох мой не потерял.
 И шаг мой скор, и адрес точен,
 Смотрю в сияющие очи,
 В уста – я их не целовал.
 Другую вспоминать не буду,
 Ее забуду навсегда.
 Сожгу и писем пыльных груды.
 Вчера она была повсюду,
 Сегодня – новая звезда.
 Нет, я не путник запоздалый,
 И не отшельник и не вор,
 Поэт отвергнутый, усталый,
 Я в этом мире самый малый
 Лишь в высшем странник дальних гор.
 И на прощанье темной ночи
 Виденье милое зову.
 Мне снятся горы, снятся очи...
 Ужели я во сне живу?

Прощаюсь одновременно и с **Н**, и писем я не сжигаю, но ухожу от обеих. Любовь моя к **Н** не могла оставаться счастливой, в ней соединились и *сострадание*, до слез (и теперь, расставаясь, понимаю, что расстанюсь, и чуть не плачу: а так ли ей хорошо без меня, как она уверяла?); *любовь к ребенку*, к маленькой девочке, которую я в ней видел; *любовь* к женщине и подруге, притом больше к подруге, чем к женщине, совсем *без желания близости* (но жажда присвоения, как бывает и в дружбе, все же была). Да, мы могли *дружить долго и счастливо*, но христианство не может уступить другим ни пяди того, что, как оно считает, должно принадлежать ему без остатка.

Так о чем мой роман? Это роман-прощание, с многими иллюзиями, с христианством, с чрезмерным возвышением прежних кумиров, с Энн и с **Н**. Я отправляюсь в новое путешествие, не знаю еще, куда и зачем...

4. Общий план устройства мира

Присоединяя к земному миру (то есть к Природе в целом) и космос как общий образ, воспринимаемый нами как «небо», на котором отпечатлены зрительные образы далеких звезд, мы обнимем в таком мире и ту Землю, которую видим и ощущаем (с небом, атмосферой и зрительным куполом), и луну, и солнце, и облака, горы и земную поверхность, реки, озера и моря, и растительный и животный мир. Царствует в этой природе человек.

И хотя *алчные* природу почти уничтожили, но она кое где все еще прекрасна, придет к власти здравомыслящие и мы еще ее возродим.

И можно будет, хотя и временно, жить в этих райских земных кушках.

Но есть оголтелые, которые ходят с хоругвями и воспевают: "*не любите мира и того что в мире*", "*не заботьтесь о завтрашнем дне*", ибо птицы не сеют и не пахут (то есть не работайте и не рожайте детей), готовьтесь к концу света, ложитесь в гроб и "*живете аки спите во гробе*".

Я понял, что с ними лучше не спорить, я таких встречал, некоторые были турками при живых русских родителях. Но чтобы меня не привлекли к ответственности за оскорбление лучших детей человечества, торжественно заявляю, что я их не осуждаю. Они не являются людьми в полном смысле этого слова, потому что человек грешен, а они безгрешны. Да, они не люди, а ангелы. Но так как *мы – не ангелы*, то мы должны пропитывать и себя и в виде специального налога платить десятину на содержание государства, включая чиновников, полицию и суды; десятину на армию и государственные службы (во многих странах на армию тратится от одного до трех процентов государственного бюджета, так что *десятины* на все хватит с лихвой), десятину на содержание буржуазии и десятину на здравоохранение и образование и на социальные нужды, включая нужды призрения, в том числе и на содержание ангелов будем отстегивать тоже десятину, таким образом каждый работник будет из заработанного оставлять себе только половину – учитывая исторический опыт и то, что детей ныне рожают мало, половины нам всем будет с лихвой хватать (у меня государство отбирает половину даже из пенсии, и ничего, я еще живой).

Конст. Леонтьев ушел в монастырь, умер от того, от чего сегодня даже наша медицина излечивает, Бог ему помог умереть, но не помог жить. Но о смерти рассуждать я еще не готов, лучше жить, даже пусть меня не читают!

5. *Счастье безумных*

Христианство мрачно, но и жизнь не всегда радует, да и сам человек огорчает еще пуще, и я сам себя огорчаю, и мир обрушивается на меня как дождь и зной, как следователи и судебные приставы. Но и у близких не все хорошо, звонит Аня, поссорилась с мужем, через неделю поеду в деревню, надо купить доски для пола, попытаюсь помочь. Звонит старый сотрудник (В. П.) моей жене, слышу, она рассказывает ему про шалфей и боярышник, кажется, ему уже стало лучше, голос у жены веселеет. Я с ним иногда разговариваю тоже, лет восемь назад, когда был провал диссертации, а выпивка и закуска уже были куплены, я воззвал к *верным*, и мы на узкой тогда непроезжей улочке Репина расставили ящики, постелили газеты и пили шампанское, он был среди верных. (Кстати, читал я и его воспоминания о блокадном детстве, "жилистый мужик" – это я анекдот вспомнил – и достойный!) Я крестьянин, а "отличный парень" В. П. – ученый, жена моя написала о *гормонах* целую книгу, но не пытались мы стать счастливыми ни с помощью гормонов, ни с помощью ложных утешений о *высшей свободе и вечности*. Болит душа, а пить уже не велит сердце. Болит и это тленное тело, которое я пытаюсь лагать то с помощью лейкопластыря, то мажусь змеиным ядом, то строю баню, копаю огород, пишу книги, издаю журнал, собираю вещи для деревенских детей, иногда при встрече они меня обнимают. К вечеру мне становится хорошо, иногда я бываю даже счастливым. Если бы перестать ночью спать, то, может быть, не было бы уже и причин для ропота на мир и на Бога (правда, еще несправедная власть, невежество, ... а... ладно...)

Евангелие переполнено проклятиями в адрес отступников, грешников, книжников, фарисеев, торговцев, богатых, блудниц, заблудших, неправедных, неверных, негостеприимных («и лучше будет Содому и Гоморре, чем тому городу, который не примет учеников моих», грозит Христос) – и это меня возмущает – но ходят по улицам восторженные проповедники с Библией в руках, и увещевают: *Христос вас любит, он вас уже спас! Спасение вы получили даром!* – и это меня возмущает вдвойне. Когда Он нас спас, что изменилось? Мы уже получили вечную жизнь? перестали болеть? Закончилось наше тление? Что вдруг за чудо случилось в двадцать первом столетии, что нам бесплатно даруются спасение и радость и по тысяча двести «гормонов счастья»?

Что это такое? Вероятно, это наркотики. Но у христиан такими гормонами может стать что угодно. И с ужасом я вижу, что это новое счастье, которое получают новые христиане у сектантских проповедников – хуже даже того умерщвления душ, которым грозят *«истинные христиане»*. Господи, как спастись, куда бежать?

Как все просто вдруг стало, не надо самоограничения, борьбы с соблазнами, не надо даже душу спасать, уходить в скит и в пустыню, как сам Христос, неофит слушает своего гуру, в мозгу у него вырабатываются 1200 гормонов радости и возрастает ежеминутно близость к Богу! О как все просто! Нет, лучше уж «юдоль слез и печали», лучше отчаянье, горе, забвение, лучше быть несчастливо влюбленным, чем это *счастье безумных!*

6-7. Писатель и читатель. Книга. Борьба Мифа с культурой. Чудо

21 декабря 2015, 15-15. Закончил редактировать текст и понял, что редактор умнее автора, осмотрительнее, хладнокровнее. Столько мусору я нагреб у своего стола и выбросил за дверь! Но книга моя подошла к концу.

Возможно, теперь я писал бы короче и слаженнее, многое я начал понимать, кроме главного – почему человек противопоставляет Бога человеку. Люди делятся на тех, кто витает в облаках и не любит деятельной жизни, и тех, кто смысл жизни, счастье, и оправдание творчества находит в добром отношении к миру и людям. Зло от витания в облаках нет, потому что зло исходит от тех, кто, во-первых, ненавидит мир и людей, во-вторых, стремится подчинить их себе и использовать, «поедая дома вдов и сирот». Зло от тех, кто живет только для себя и настолько не сочувствует окружающему миру, что не протянет руку утопающему, может быть, даже порадует, что кто-то утонул, а он жив. Причины существования таких людей я не знаю, любить их не хочу и проповедь любви, обращенную даже к таким, я не разделяю.

Итак, есть злые, есть добрые. Возможно, рождаются злые случайно, а воспитание не стремится их исправить, потому что чаще всего злые и управляют миром. У меня было трудное детство, мне приходилось отстаивать в столкновениях свое достоинство, помогало мне то, что я был открыт и отзывчив, со мною любили дружить, и вместе мы противостояли злу.

Став взрослым, я стал меньше зависеть от внешнего мира, так как больше стремился дать миру, чем взять от него.

Пишущая братия сердится, что их мало читают, а я уже почти безразличен к вниманию читателя, но страдаю от падения культуры моего народа; и хотя и вызвал на дуэль участников Круглого стола, но напомнить о них, привлечь к ним внимание было для меня важнее, чем самому выделиться.

Итак, многое странно. Библия и Новый Завет – это книги, но ненависть к книжникам, к книге и культуре определяет смысл христианства.

Я более полно знаю и чувствую мир, чем многие, потому что читал умные книги, слушал прекрасную музыку, любил природу и людей. Какое место занимает Бог в моей жизни, я еще до конца не уяснил, по крайней мере, мой Бог сродни тем духам, с которыми общалась Жанна, Гете, Вагнер, Пушкин, Лермонтов, Гюго, Розанов, Даниил Андреев, Бетховен, Тициан, Гомер, Евклид, Архимед, Гипатия, Аристотель... Все то, что они создали, представляет собою обширную книгу, и в ней не только мир, но и наш общий Бог. Почти все, что необходимо для счастья, есть у нас, есть *ум, красота, чувство долга, сочувствие*, даже разнообразные *таланты*. Но мы часто бессильны, бессильно и добро. Мы познаём законы природы и причинные связи вещей и явлений, исчисляем случайность, постигаем любовь и волю. Но **чудо** пока еще нас сторонится. Быть может, как волхвы подвигли меня на то, чтобы постигнуть любовь сочувствия (хотя я и проливал из за нее слезы), они подвигнут меня и на постижение **Чуда**? Но это будет – если будет – уже другая жизнь и другая книга. А пока я прощаюсь и с читателем, и с теми милыми девушками, которые меня очаровывали. Спасибо вам!

ЗЛОБНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

⁽¹⁾ С13. «христианство... *зарождалось на идеях милосердия, терпения и терпимости* и главным принципом его была возвышенная заповедь его основателя: «Возлюби ближнего своего».

В одной этой фразе целый клубок ошибок или лжи. Заповедь «Возлюби ближнего своего» – одна из десяти ветхозаветных заповедей, которые Христос повторил. Проповеди терпимости и милосердия не было в Ветхом Завете, и в Новом так же. В первом официальном труде по истории инквизиции (1598) Парамо пишет: «сам Бог был первым инквизитором, первый "акт веры" был совершен над Адамом и Евой и изгнание их из Эдема является ... прецедентом для конфискации имущества еретиков». Повеление Христа «Не судите, да не судимы будете!» призвано оправдать пассивность христиан в общественной деятельности («Мне возмездие и Аз воздам», говорит Христос.). А каково христианское милосердие, показывает рассказ о первой христианской общине.

Ненависть к иноверцам – отличительная особенность почти всякого религиозного мифа, но христианство нетерпимо даже к своим.

Помню, как меня удивили (еще в молодости) замечания Б.О., что христианство враждебно к гуманизму (потому что в центре мира не человек, а Бог) и к сохранению культурных ценностей. Храм – это не музей, отношение к нему как к музею характерно для эпохи ослабления веры.

Агрессивность исламистов (в том числе по отношению к культуре) показывает нам и наше прошлое и наше будущее.

⁽²⁾ С16. «Осужденного привязывали к столбу, и доминиканцы вновь приступали к своим уговорам. ... размахивали распятием перед его полными ужаса глазами и призывали сознаться, раскаяться и спасти душу свою от мук вечного ада. ...

Если он делал признание, отступая перед душевными или физическими страданиями, доминиканец подавал знак, и экзекуторы подбегали к костру и быстро душили осужденного.» [*Вот границы христианского милосердия!*]

«Если же муки физические не могли одолеть его религиозных убеждений, ... доминиканец покидал его, расстроенный этим «дьявольским упорством», и бедняга оставался умирать в мучительной агонии на медленном огне» [но такие удивительные примеры стойкости духа позволяют отчасти уважать и мрачные века средневековой истории.]

⁽³⁾ С16. Христиане расправлялись не с врагами, а с такими же братьями и сестрами в вере и во Христе, отличающимися иногда незначительными особенностями в исповедании веры, кроме того, рассказы о преследованиях их в Риме основаны на *житийных историях*, часто преувеличенных или даже совершенно выдуманных. Так, например, даже довольно правдивый протопоп Аввакум рассказывает о том, что у его сподвижников чудесным образом вновь отросли усеченные языки, что достоверно не более, чем сошествие небесного огня в храмах в нынешнем Иерусалиме на Пасху и Рождество.

⁽⁴⁾ С19. «неопытным в любви людям...» – любовь подобна вдохновению и долгу, но эти слова о неопытности или опытности в любви приравнивают ее к ремеслу, именно доказывают нелепопринуждённый характер лживой «любви к ближнему».

⁽⁵⁾ ⁽⁶⁾ С22. «о больш́их я и потому еще говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают...» Если бы это утверждение принадлежало Ивану Карамазову, мы бы подумали, что для него, отчати *мизантропа*, это естественно; может быть, и для Достоевского, по своему пытающемуся объяснить христианство, естественно тоже – но ведь это *презрение и унижение человека пронизывает всю христианскую литературу, политику и историю*, осью которой, казалось бы, должно быть евангельское «ибо так возлюбил Бог человека, что отдал сына своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы *судить* мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» – однако о человеке говорится почти как о дьявола. Но разве так уж отвратителен был человек в Римской империи, как мы знаем из истории и литературы? Таков ли, как пишет Достоевский о турках?

При чтении романа кажется, что герои его не имеют других тем для разговоров, кроме «спасения души», не имеют и другой цели в жизни, но уже через тридцать лет (как я вычитал в интернете) в начале 20-го столетия гимназисты писали сочинения: любовь к родине, лунная ночь в произведениях живописцев, строительство деревенского дома, *слово как источник счастья*, античная философия... и так далее – нет, не готовился уже человек "жить аки умереть"!

⁽⁷⁾ С22. «По-моему, *Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо.*» – В чем же проявляется эта любовь? В распятии? Так двадцать семь миллионов погибших в Отечественной войне разве распяты не были? Многие умерли в муках. Многие пошли на войну добровольцами, как, например, И. Г., сослуживец моего отца, в семнадцать лет, с первого курса морского училища ушедший воевать и, возможно, погибнуть. (Кстати, а был ли Христос "добровольцем"?)

Перечитывая евангелия, я не заметил там особенной любви к человеку, напротив, постоянные напоминания про адские муки, ждущие грешников (виновных подчас в каких-то совсем незаметных прегрешениях вроде взглядов, брошенных на красотку) говорят скорее о неприязни. Даже по отношению к ученикам Его особенной теплоты я не увидел. Не говорит о любви и отношение к Иуде, сначала приближенном, а потом пренебреженном.

⁽⁸⁾ С26. «Во всяком человеке, конечно, таится зверь», говорит Иван Карамазов (а с ним и Достоевский, такой же большой гуманист, как и Бог.)

С. 27. ⁽⁹⁾ Алеша полагает, что генерала, затравившего собаками дворового мальчика, следует расстрелять, и брат им восторгается, будто бы тот сказал нелепость с точки зрения христианского учения. Но о каком христианстве идет речь? Христос не подвергал сомнению правоту гражданской власти, и Кесарю, сказал Он, следует отдавать кесарево, а во власти кесаря было и помиловать, и обласкать, и *расстрелять*...

Иван полагает, что **страдания**, в том числе страдания невинных детей, **существуют для того, чтобы человек познал добро и зло**, ибо страдания, смерть и тлен появились будто бы только после того, как Ева съела плод с Древа познания добра и зла, а если бы это злополучное Древо не было задумано и создано Богом в раю, то и не было бы страдания и слезок ребеночка. Итак, в конечном счете вину за человеческие страдания Иван возлагает на Бога, далее, он полагает, что они будто бы нужны для того, чтобы в будущем могла осуществиться *мировая гармония*.

Но ведь и огонь, который Прометей похитил у богов и подарил человеку, является источником страданий, ибо он жжется, и всемирное тяготение, ибо падая под его воздействием, человек ушибается, и даже всемирное притяжение любви – источник страданий, *боль встроена в мир вместе с жизнью и способностью чувствовать*, как и удовольствие. Страдает человек *не ради познания добра и зла, а ради оценки, ради различения того, что благоприятно для жизни и что не благоприятно (не вдаваясь глубоко в философию боли)*.

Не ясно мне содержание конфликта человека и Бога, о котором идет речь, Ф.М. или сам не отдавал ясного отчета, чем он недоволен и в чем упрекает Бога, или запутывал нас по своим художественным задачам.

Возможно, мир создан не так хорошо, как Творец надеялся, возможно, его невозможно было лучше создать, и боль, страдание, тлен и смерть являются неустранимыми свойствами мира, и сказка про любопытную Еву придумана для оправдания всемогущего Творца; возможно, все то, о чем и я пытаюсь здесь рассуждать, сложнее, чем мы полагаем в своем философствовании (и в своих книгах ранее я и об этом писал), но... в ссоре Ивана с Богом такая «путаница слов и идей», что надо ли пытаться сквозь призму логики анализировать ее антилогику? Часто мужчина и женщина ссорятся и расстаются, не понимая, какая сила принудила их расстаться; какая-то сила, как полагает Ф.М., вмешивается и в отношения Бога и человека – но так, как эти отношения описываются и объясняются в романах Достоевского, объяснить их невозможно.

Впрочем, я и сам не отвечаю на самый главный вопрос моего "богословия": зачем человек создает Миф о всемогущем Творце и об их удивительных взаимоотношениях? Почему не удовлетворяется он Наукой и Философией, которые пытаются и которым удастся в некоторой степени объяснить мир? При этом, читатель, я отношусь к тем людям, которые не ограничивают мир его естественными границами, его естественными причинами и следствиями, но убеждены, что Бытие в такой же степени сверхъестественно (трансцендентно), как и естественно. Я в значительной степени принимаю идею Творца и творческого начала в мире. Говоря словами Ивана Карамазова (а, быть может, Достоевского), «не Бога я не принимаю, ... я только билет ему почтительнейше возвращаю» – билет на вход в его церковь, в его религию, в его Миф... или, говоря еще более откровенно, я возвращаю билет на вход в ту церковь, в центре которой ее самоутверждение, власть и доминирование во всей жизни человека, как и власть обслуживающего ее духовенства, и правящей касты, которой служит эта церковь, в отличие от храма культуры и науки, в центре которого стремление к истине, красоте и добру.

Следовательно, не то чтобы Достоевский и Розанов плохо мыслили и плохо понимали – они не хотели отказываться от христианства и его истины и всячески пытались его поправить (как это делала европейская культура на протяжении двух тысяч лет, как это пытался делать и я сам – для себя, ибо я долго пытался сделать христианство для себя приемлемым).

С 28. ⁽¹⁰⁾ «если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены».

Ф.М. придумал такую частную христианскую теорему: страдания придуманы и существуют для того, чтобы ими была искуплена истина (будущая гармония, будущее счастье человечества).

Против этой теоремы он бунтует (вместе со своим героем). Но где в Новом Завете об этом говорится?

Итак, я подозреваю, что как оспаривает Достоевский придуманное им воображаемое христианство, так и благословляет не подлинное историческое учение, не подлинную церковь, а воображаемые.

С. 28. ⁽¹¹⁾ «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.»

Образ возвращенного пригласительного Билета – в Рай, на бал, на вечеринку, на свидание с милой, в Мировую гармонию – психологически сильный и убедительный. Но Иван сердится на Бога за то, что в мире, который Тот создал, страдают дети. И если, мол, взрослые в чем-то и виноваты, то уж дети-то неповинны: но вот это разделение людей на виновных взрослых и невинных детей запутывает основания бунта, ибо страдания в этом контексте выступают как воздаяние человеку за его вину, за первородный грех. Перед этим же речь шла о том, что страданиями человек покупает мировую гармонию, или что это путь к ней, способ, которым она строится, или что только через страдания человек может познать Добро и Зло, без страданий их познать нельзя – так и к черту это познание, кричит Иван, если оно такой дорогой ценой дается.

С 28. ⁽¹²⁾ Можно ли в будущем простить тех, кто был виновен в страданиях отдельных людей, спрашивает Иван, и можно ли принять будущее счастье, забыв о тех, кто страдал? Можно ли на страданиях мира основать гармонию и счастье?

Но в чем все же состоит Бунт Ивана Карамазова, я понять не могу.

В том ли, что существует смерть и тление?

В том ли, что существуют жестокость и зло, насилие и мучительство?

Что существуют жестокосердые, находящие наслаждение в причинении мучений? Или что Бог не сумел создать мир, в котором бы человек не страдал? Или что Он нарочно так создал мир, внося в него страдания, и не объясняя нам, зачем он это сделал?

Я не могу понять, в чем именно Иван не соглашается с Богом или с христианским учением, или в чем он их обвиняет – а не могу понять потому, что мысль Достоевского намеренно или по недоразумению затемнена или душно высказана.

Как вам такое утверждение: «Некоторые думают, что если следствие противоречит причине, ибо само развитие таково, что все возрастает, хотя бы и убывало, хотя сие говорит лишь о том, что нет полноты в происходящем» – верно оно или нет? Или это бред, спутанность мыслей... Так и монолог Ивана не относится ли не к философскому сюжету, а к начинающемуся бреду, в котором намеренно мысль героя запутана логически, недоговорена, не прояснена, а может быть, не ясна даже самому говорящему? Впрочем, у Достоевского так часто бывает, и я не знаю, почему это так... Все же он по образованию математик, должен бы мыслить отчетливо (хотя бы как я).

⁽¹³⁾ С 28. «представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, ...но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях?»

Эти слова Ивана Карамазова (Достоевского) приводятся как возражение на вмешательство в ход исторических событий, возражение против революций и освободительных войн, которые затеваются для восстановления справедливости, но неминуемо чреватые чьими-то непредвиденными страданиями. Здесь утверждается дурная причинно-следственная зависимость: ибо всякое наше действие, по всеобщей связи вещей и явлений, может способствовать чьим-то страданиям, и не только затевая революцию, но и принимая Манифест об Освобождении крестьян от крепостного права или отправляясь на Северный полюс, мы можем вызвать цепь событий, приводящих к страданию (даже приглашая девушку на танцы, как это однажды случилось со мною). (Кстати, даже изобретение **колеса** – причина страданий, ибо люди чаще всего получают увечья под колесами: повозок, автомобилей и поездов. Но и огонь является причиной множества несчастий, и все орудия труда: нож, топор, серп и коса, веялка и молотилка, токарный станок – моя жена чуть не погибла, когда ее длинная девичья коса стала наматываться на фрезу; опасен молоток, бедные наши пальцы боятся его больше всего, опасны спички, вино, высота...)

Слова «Готовы ли вы основать будущее царство справедливости и счастья на неотомщенных слезках замученного ребенка» пример ложной логики, ложных причинно-следственных связей. О них можно было бы рассуждать только в том случае, если бы будущее царство справедливости и счастья предполагалось создавать *магически*, именно принося в жертву *неотомщенные слезы замученного ребенка*. Хотя революционеры и немало проливали крови и слез, но они были чаще атеистами и магией не занимались. В продолжение человеческой истории наибольшее число крови и слез пролили полководцы, короли и императоры, затевая **войны** и подавляя бунты, а также совершая суды (в том числе *суды инквизиции*).

⁽¹⁴⁾ С28. *Правда, существует событийная связь в мире, основанная на магии, это череда событий христианской истории, в основании которой жертвоприношение Иисуса Христа.*

Поелику Федор Михайлович очень часто *подменяет* логические связи, и утверждает одно, а возражает другому (так обстоит дело с *тварью дрожащей*, от которой неожиданно Раскольников переходит к вопросу: «имею ли я право... на убийство?») – то так же обстоит дело и с *Бунтом Ивана Карамазова*.

Речь идет о мире, сотворенном Богом, справедливо ли этот мир сотворен и согласен ли Иван в этом мире жить, поскольку в нем страдают невинные души (а что в конце времен все будут вознаграждены, Иван с негодованием отвергает как слишком дорогую награду). Многие утверждают, что будто бы, говоря о невинных слезах одного замученного ребенка как слишком дорогой цене мировой гармонии, Достоевский намекает на социалистов с их идеями насильственного переустройства общества, но задолго до них Христос пообещал мировую гармонию как результат Распятия на кресте, магической жертвы невинного существа – в жертву он принес себя самого, и Алеша доказывает Ивану, что Спаситель имеет вследствие этого право простить и чужие нетмщенные слёзы, если пролилась его кровь. Но и кровь и слезы лились рекой в продолжение всей христианской истории именно **вследствие** этого единственного пролития невинной крови. Впрочем, нельзя говорить об абсолютной связи всего и вся в мире со всем, – и хотя войны и революции вызывают страдание в мире, но невозможно доказать, что самый благонамеренный ход событий и наших усилий не увеличивают их, как, например, открытие Америки, "Промышленная революция", открытие электричества и паровой машины; слезинку ребенка нельзя полагать причиной или ценой, которую мы платим за нашу историю. Наибольшие слезы лились вследствие войн, которые затевали миропомазанные христианские правители, и тем самым вследствие повеления Христа отдавать Кесарю кесарево. Если неверно говорить о христианской математике или христианской философии, то говорить о христианской церкви как духовной основе феодальной власти в Европе справедливо, и следовательно, среди множества причин тех слез, о которых разговор затеял Достоевский, христианская церковь – важнейшая причина. Тем более если миры рождаются из дуновения Божиих уст, сотворяется человек из малой шепотки праха, взятого в персты, и один съеденный плод с таинственного древа меняет весь ход не только истории, но и Метаистории, и мир из нетленного становится вследствие этого тленным...

И тем более что и Инквизиция связана с Рождеством Иисуса Христа и последующим его распятием и воскресением магически. Жертвы священных Аутодафе не случайны и Бог о них знает. Знает ли об этом Федор Михайлович? И случайно ли или строго по философской и художественной необходимости Христос целует в конце событий, о которых рассказывает Иван Карамазов, великого Торквемаду?

И чей же это Бунт? И кто возвращает Билет Богу: раскаявшийся сверхправославный писатель (уже больной и думающий о смерти) или нераскаявшийся старый социалист?

Я этого не знаю. Я даже не могу сказать, что частые логические **подмены** Достоевского изобличают в нем плохого философа: в одном случае мы твердо

знаем, что Ф.М. все понимал, когда на слова князя Мышкина о том, что **мир спасет красота**, даже неискушенная Аглая возразила, что в евангелиях ни о чем подобном не говорится и что эта идея вообще не совместима с христианством – следовательно, обо всем этом должен был знать и искушенный Ф.М..

Но если я и дальше буду высказывать свои сомнения в примечаниях к тексту книги, то это будет уже другая книга. Остановись, друг мой, говорю я сам себе. Пожалей читателя. Потом, когда-нибудь, возможно, придется писать совсем другую книгу, и тогда... Но теперь, здесь, на дополнительных страницах, надо поставить точку.

С 30. ⁽¹⁵⁾ «государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью».

В церкви, конечно, и крестят рождающихся, отпевают умерших, и венчают, и совершают литургию, и отпускают грехи, и вкушают причастие, и молятся, и просят у Бога помощи, и даже покупают свечи и духовные книги.

Однако, содержание жизни в церковь не может вместиться, даже символически, хлеб насущный добывается вне ее (для чего существует **труд**), вне ее создается наука (для чего существует **творчество**), и хотя в церкви венчают, но само содержание супружества, от которого рождаются дети (а они иногда рождаются и с любовницами), в церковь не вместить. И строительство военных заводов и железных дорог, морские и наземные сражения ...

Да, удивительный писатель Федор Михайлович, не всегда и поймешь, где он шутит, а где говорит всерьез. Поскольку монастырь относится к церкви, то монахам пришлось бы и землю пахать, и хлеб печь – но ведь детей рожать в монастырях нельзя? А тогда как же государство превратится в церковь?

Но пока христиан не отвечает (хотя бы себе самому), в чем призыв и устремление христианского учения, с ним не только бессмысленно спорить, но и комментировать его. Жаль, что Ф.М. не читал хотя бы Константина Леонтьева. А умный и знающий Константин пишет: **НЕ** обещал Христос в этом мире никакого счастья и благоденствия, даже больше, обещал всякие бедствия, и призывает своих последователей не избегать их, а даже стремиться к ним, и немощами и скорбями похваляться (как апостол Павел). Сей мир падший, его исправить нельзя, его надо только отвергнуть, в нем были, есть и будут несправедливости и мучения, ибо Князь мира сего – Дьявол! И перед концом света станет еще хуже, не только бедствия постигнут человечество в тысячу раз пуще, но и от евангелия отрекутся почти все! – вот так написано в ваших книгах, господа писатели.

И не на мучениях дитяти Бог строит будущую гармонию, не мучения берет в оплату, а совсем напротив – мучения и жестокости, в которых виноват человек со своим Первородным грехом, Господь искупил своей крестной мукой и гармонию строит, чтобы **утешить** невинных за их мучения, а виноватых, как Иван Карамазов и Ф.М., он туда и не приглашал, и нечего фальшивый Билет швырять (которого им не давали) фальшивому придуманному богу, не совпадающему с Богом Нового Завета!

⁽¹⁶⁾ С 31. В этой же связи с отсутствующим христианским идеалом человека стоят и слова: «закон Христов, сказывающийся в сознании собственной *совести*.» Слово *совесть* даже не упоминается в евангелиях, оно обозначает некоторое внутри человека лежащее руководящее начало, в то время как христианское Учение изобличает в человеке всё его собственное как падшее и надежду возлагает **только на Христа**, на Завет, понятие и чувство Бога, а еще более – на *страх Божий*.

Если совесть, сознание, нравственность, *звездное небо и нравственный закон* выработаны культурой и содержатся в культуре, то христианские начала исходят из Мифа, церковной практики (ветхозаветной и новозаветной), из сознания божества и отчасти из богословия.

Не могут объяснить ни Достоевский ни остальные участники нашего Круглого стола, как этот самый «закон Христов» связан с «*совестью*». Почему? С ужасом я предполагаю, что ни один из них после школы Библию не перечитывал, все они невежественны в вопросах, о которых дерзают нас просвещать. Вот и говорит Достоевский, будто свободными нас сделали «*хлебы*», которых Христос **не стал** производить из *ка́мней* (хотя и произвел потом из воздуха, чтобы накормить толпы, пошедшие за ним на Иордан)... Не читал Иисус из Назарета Федора Михайловича, но и Федор Михайлович его плохо читал!!! Ибо об истине и свободе сказано без бесконечных славословий в связи с «поэмкой» Ивана Карамазова: ***Познайте Истину и истина сделает вас свободными!*** И о назначении *ка́мней* сказано тоже: «и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из *ка́мней* сих воздвигнуть детей Аврааму».

⁽¹⁷⁾ Стр. 38. ***Два христианства:*** А задумывался ли читатель о *кабале святош*, о марксистском *опиуме для народа*? Это самая характеристическая черта и у *теизма* и у *атеизма*, это две стороны одной медали. Стоит только высказаться не подобострастно о церкви, и издается вопль: Ату его! На костер! Он богохульствует. Он поднял руку на Бога! (о большевизме позже)...

Но ныне сектантское мракобесие клубится и в православном храме. Как бы я ни порицал чудеса, поставленные на поток: *мироточение* и небесное возжжение свеч – но нисхождение благодати после проповеди еще хуже.

Это ли христианство, к которому стремился Христос? Это ли тот Крест, который христианину надлежит взвалить на свои плечи, как полагал Кьеркегор? Нет, это новое ***психоделическое христианство***, и оно как раковая опухоль распоздается в христианской церкви, за которую не надзирает ни государство, ни общество, ни сама церковь. А она не автономное государство, она, вопреки тому, что нагромоздили в споре в монастыре герои Достоевского, именно и только СОЮЗ людей, объединившихся для общих религиозных целей, как большевистская партия была тоже союзом своих соучастников (в преступлениях) – но уйдя из-под надзирания всего народа, и церковь и партия присваивают себе всю Истину (будучи только *частью*), и приобретают непозволительную духовную власть, оцеляя народ в ***духовном рабстве!***

И когда я пытался (робко, шепотом) возражать марксистам, меня громогласно порицали: «Да как ты смеешь руку поднять на Истину, которую разделяет весь народ до последнего человека» (кроме меня)?!

Не то же ли и ныне? И наши дети идут к священнику спрашивать, *с кем им можно а с кем нельзя...*

С кем вы, живые, не стремящиеся в царство мертвых? Если не поместить ап. Павла на одну полку с Пушкиным, то хотя и не надо *иначе мыслящих* выбрасывать на помойку, но задвинем их на дальнюю полку. **Живым – культура, мертвым – миф о царстве мертвых.** Какою любовью вы любите человека и природу? Похоть плоти, *похоть очей*» (ап. Павел) и «любозвездный страх Божий» (К.Л.) – или «крепка как смерть любовь!» (Песнь песней) и «Унылая пора, *очей очарованье!*» (Пушкин)?

Читаю в газете статью о русском фольклоре...

Не может быть низким и падшим народ, создавший великий язык, обнимающий все мироздание, мельчайшие оттенки мысли и смысла, тысячи пословиц и поговорок, удивительные загадки, приметы, песни и былины... Христианство неправо в своих обличениях человека в силу того, что слишком поверхностно оценивает богатство мироздания и творческий гений народа...

Да, кстати, удивительно, что цитируя религиозных философов, я никогда не перепутаю их слова и мысли с своими. Но о рассуждениях образованного и культурного ученого, в какой бы то ни было области, я потом задумываюсь: не мои ли это мысли – так мы близки. Так же обстоит дело с Пушкиным, Тургеневым, Данилевским, иногда с Розановым (но этот состоит из двух противоположных), Аполлоном Григорьевым, Ухтомским, Менделеевым (имею в виду его Заветные Мысли), Вернадским, Варламом Шаламовым... Иногда мне кажется, что *писатели и философы христианского направления* отделены от нас какой-то трансцендентной пропастью, они словно бы существуют еще в Первом веке нашей эры, в то время как в мире уже произошло несколько революций и из-под пепла возродилась культура Античного мира, но эти на философию и науку совсем не ссылаются...

Поэтому я представляю светскую культуру и спорю с религиозным обскурантизмом (то есть с их *христианскими таблицами логарифмов*), хотя уже в наше время современное правосудие стало возбуждать уголовное преследование писателей, цитирующих Мережковского, Владимира Соловьева, Льва Толстого и Достоевского, обвиняя их в оскорблении чувств верующих. (Интересно, привлекают ли меня самого к уголовной ответственности, если я процитирую Ильича, называющего великих Беркли и Фихте *поповствующими*?) Или лучше поостеречься? И не обвинят ли меня в оскорблении чувств верующих, если я расскажу о том, что меня в первый раз упекли в Сумасшедший дом в 1963 году за то, что я неосторожно сказал вслух, что целью и смыслом жизни является **спасение души** – согласно христианской проповеди и словам Христа? И не приговорят ли меня к сожжению на костре современные подлинники христиане, которые на своих сайтах в Интернете доказали, что *душа должна быть распята и умерщвлена*, и тем более христианин должен в сем подвигаться, чем более душа распинаться и умирать не хочет!? И самый последний вопрос: современный писатель, исследующий философски (или отчасти богословски) миро-устройство, смысл жизни, взаимоотношения человека и Бога, исследующий хотя бы творчество

Розанова, Мережковского, Бердяева, Сергея Булгакова и Павла Флоренского, не рискует ли сегодня скорее оказаться за решеткой или окончить жизнь на Кресте или на Костре, нежели названные писатели, создавшие даже в начале двадцатого столетия два подряд Религиозно-философских общества? Ибо один из участников моего Круглого стола уже привлечен к уголовной ответственности за цитирование Мережковского, что оскорбило чувства современных *верующих* (насколько я осведомлен, на днях еще состоявших в самой богоборческой в истории Коммунистической партии, запятнавшей себя уничтожением священников и храмов – и покаявшихся ли в этом?) Впрочем, они, возможно, надеются, что их комсомольско-партийное прошлое больше поможет им сесть одесную Царя небесного рядом с разбойником и путаной, чудесно перешедшей реку Иордан, нежели мои прошлые тюремные и «*сумасшедшесдомные*» мытарства, причиной которых было мое юношеское увлечение Тем, кто казался тогда мне истиной (после разочарования в истине Ильича, Виссарионыча и некоего Карла (отчество ?)).

⁽¹⁸⁾ С43. Лев Толстой – предан ли он был анафеме или нет православной церковью, как о том ныне спорят – без сомнения был подвергнут осуждению, и взгляды его были церковью осуждены как несовместимые с православием, то есть еретические. Если постсоветская власть, то есть *послекоммунистическая*, генетически с мировоззрением коммунизма еще не порвавшая, и если и современный народ, по крайней мере две трети которого в православные храмы не ходят, по крайней мере не исповедуются и не причащаются и креста не имеют на шее, возбуждает уголовное преследование философов и писателей за цитирование Мережковского (или за неосудительное отношение к нему), то есть за симпатию к его религиозно-философскому обществу, то надо возбуждать уголовное преследование образованной и культурной части русского народа, которая *Толстого читает*, почитает его как гордость земли русской, проповедует в школах и в университетах, в культуре и воспитании, да и гордится русской классической культурой, в целом не религиозной, так не является ли такое преследование не только оскорблением всего вменяемого русского народа, но и вменяемой части верующих? Я не допускаю мысли, что искренне верующие могут оскорбиться чтением и цитированием Мережковского или Розанова, или даже Фейербаха, Ницше и Ленина, или оскорбиться тем, что НЕ запрещена та часть культуры, которая сформировалась и процвела от семнадцатого до девяносто второго года, и которая была преимущественно атеистической. **Или и само существование атеистических взглядов у большинства народа оскорбляет чувства его меньшей части?!** Где же Вольтер и Дидерот и Екатерина Великая?

Правда, при чем тут Достоевский, Розанов и пр., критике которых посвящена эта книга, виноваты ли они в том, что существовали, существуют и долго еще будут существовать *придурки* не только в России, но и на Ближнем Востоке (а все эти *православные оголтелые*, на которых я так осторожно намекаю, не что иное, как духовные сподвижники исламской нетерпимости, питающей террор в мире. Они опасны, своими преследованиями инакомыслящих они возбуждают ненависть к светской части общества среди

верующих). А Достоевский и Розанов и их компания виноваты в том, что в своих пространных славословиях легендарных событий в средневековой Севилье хотя и не соединили Христа с Инквизитором, но и не противопоставили их друг другу, и я понимаю это так, что тот поцелуй, которым Спаситель наградил Великого Инквизитора, не что иное как его **благословение**. А речи русских философов вокруг искушений Христа (да еще удивительно, что Бога можно было бы искусить – или они не считали Христа за Бога?) – не что иное, как лживодialeктическая, скорее софистическая белиберда!) Не оскорбляет ли вас, господа современные православные, католики более папы Римского, и вся русская классическая литература второй половины девятнадцатого века и начала двадцатого? Не потребуете ли вы от нас, чтобы мы выбросили на помойку не только Даниила Андреева, но и Пушкина с его Гавриилиадой, Лермонтова с его Демоном, Достоевского с его «Братьями Карамазовыми» и Толстого со всем его поздним творчеством? Тех, кто оскорбился Мережковским и Розановым, Толстым и Достоевским, оскорбляю и я как презренных фанатиков, невежественных обскурантов, лживых святош и оскорбителей не только культуры и истории, но и той просвещенной части христианского мира, которая давно уже дистанцировалась от средневекового религиозного мракобесия и покаялась в нем, и подтвердила отделение церкви от государства, и согласилась с нашим правом не верить в их святости, как *мы разрешили им верить* в то, что считают святым они, при соблюдении общественных правил и государственных постановлений. Слава Богу, ни православные, ни мусульмане, ни буддисты, ни иеговисты не имеют сегодня государственной власти, но иные из них пытаются лишить нас высшего права – *права исследовать и говорить!* Разве не является преследование инакомыслящих нарушением конституции, то есть государственным преступлением в свободной (демократической) стране?!!!

⁽¹⁹⁾ С71. *Почему Ахиллес не догонит черепаху?* – одна из апорий Зенона. Многие умнейшие и не пытались ответить на этот вопрос, или потому что надо достоверно показать алогичность вопроса и невозможность о нем рассуждать (всемогущ ли Бог и может ли Он создать камень, который не сможет поднять; и что более кругло: квадратный круг или круглый квадрат – вот два примера мнимостей, о которых бессмысленно рассуждать далее), или потому, что ... не знаю...

Вот так и с схоластическим нагромождением слов в рассуждениях о том, что **Христос дал нам свободу**, отвергнув искушения Дьявола. Христос не давал нам свободу, во-первых, и **искушения Христа не имели отношения к онтологии свободы**, во-вторых.

Свободен ли человек, может ли быть свободным верующий человек, даёт ли вера свободу или отнимает ее или хотя бы с ней совместима – об этом еще и имело бы смысл рассуждать, но содержание поэмы, монолог Инквизитора не имеют к дарованию свободы никакого отношения (и спора между Христом и инквизитором и противостояния между ними в поэме нет, так как Христос все время молчал, а в конце поцеловал инквизитора, благословив – или и поцеловал он тоже двусмысленно, как здесь фальшиво и двусмысленно все? то есть как доминиканец, благословляющий еретика на сожжение?!)

(*) с75. "смрадно-грешный"... Но что такое **мир**? Это все то, что мы видим и можем осмыслить с помощью рационального осмысления – или это **Творение Божие**? И что такое **Творение Божие**? Это все **то, что мы видим** и можем осмыслить, но что, как мы полагаем, в качестве Первопричины и Источника имеет Божественную волю, создано Творцом Бытия (представление о котором мы отделяем от семитско-восточной мистики и заимствуем в откровении) – или **Творение Божие** – это мир, как он описан в Ветхом и Новом Заветах, мир, созданный Иеговой и **павший** в результате Грехопадения, то есть ставший омерзительным, "смрадно-грешным", так что уже и невозможно им ни восхищаться ни любить его? Какой мир мы представляем, имеет самое существенное значение для содержания нашего спора за Круглым столом, в исходном представлении мира уже содержится по существу мировоззрение спорящих; но они почти все имеют в своем уме "смрадно-грешный" мир, и поведение Инквизитора по отношению к такому миру не так уж и вопиюще, я же имею в своем уме сияющий мир гармонии и красоты, мир, в котором величественная природа, героические деяния, роковые и прекрасные женщины, Илиада и Одиссея, Гомер и Пушкин... Два мира, не имеющих общего знаменателя, и, следовательно, два противостоящих человека, Достоевский и Я, тоже не имеющих общего знаменателя: один, это христианин, ненавидящий мир, о котором мы спорим (как и христианство – это ненависть к падшему миру, а другого мира в нем нет), а Я восхищен миром, который защищаю. Вот, наконец, я понял, что нас разделяет, и почему взаимопонимание невозможно. Но существует ли в мистике другое представление о мире, кроме библейского? И существует ли другая мистика кроме семитской?

(К с167, 169). (см. с383)

(20) С173. Христианство мрачно (см. с 384).

(21) С193. (см. Ряженные из христиан, с 384).

(*) С258. (см. с.377)

(*) 286 (см с.379)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно Розанову и Лосскому, противостояние в поэме Достоевского мнею. **Чудо не противостоит вере, но подтверждает ее** и является эманацией Божества в мир, **авторитет церкви**, заимствованный ею у того духа святаго, который Христос излил на учеников своих, а они передали церкви (и ее служителям?!), **является основой ее власти** и ее отождествления своей теории и практики с истиной, а **тайна** отчасти отождествляется с таинствами православной церкви, отчасти **символизирует непостижимость веры и ее происхождение** не из разума, но **из души**, в которую Бог ниспосылает дух святой (как и любовь рождается не в теле, но в душе)..

Если бы вера протянула руку любви, если бы Бог (или христианская церковь) протянула руку культуре и жизни, разговор мог бы состояться иначе. Камни ли собирать для побивания мыслящих, или объединять добрые побуждения для спасения России – вот центральный вопрос нынешней жизни, как и сто лет назад.

СОДЕРЖАНИЕ

Легенда о великом Инквизиторе

Предисловие и Послесловие	3
Ч. 1. Достоевский и Легенда о Великом инквизиторе	
Глава первая. Инквизиция и Торквемада	10
Глава вторая. Бунт Ивана Карамазова	18
Глава третья. Последняя драма. Приготовление сцены	39
Глава четвертая. Свобода и чудо	54
Глава пятая. Треугольный квадрат	73
Глава шестая. Так, ни о чем...	91
Глава седьмая. Смерть вместо Рождества и Воскресения	92
Глава восьмая. Розанов и Аполлинария Сулова	107
Глава девятая. Любовь и Вера	111
Глава десятая. Чудо, Тайна, Авторитет	113
Глава одиннадцатая. Эта счастливая несчастливая жизнь	120
Глава двенадцатая. Свобода, Любовь и Вера	131
Глава тринадцатая. Аленький цветочек	142
Глава четырнадцатая. Духовное рабство и свобода	150
Глава пятнадцатая. Сладок ли Иисус?	163
Глава шестнадцатая. Вера, Любовь, Надежда	172
Глава семнадцатая. Страдание и блаженство	182
Глава восемнадцатая. Мысль о Мире и мысль о Боге	193
Глава девятнадцатая. Основания христианства	210
Глава двадцатая. Легенда о Великом Инквизиторе	224
Глава двадцать первая. Две геометрии	238
Глава двадцать вторая. Противостояние	249
Глава двадцать третья. Архаическое сознание	258
Глава двадцать четвертая. Исчисление спасения	274
Часть вторая. За круглым Столом Русских философов	
Глава двадцать пятая. Русские философы	281
Глава двадцать шестая. Философия или богословие?	294
Глава двадцать седьмая. Лосский и Шестов о Достоевском	310
Глава двадцать восьмая. М. Тареев, Г. Муриков, И. Евлампиев	324
Глава двадцать девятая. Последняя попытка понимания	332
Часть третья. Размахивая кулаками после драки	
Глава тридцатая. У камина	347
Глава тридцать первая. В огороде бузина, в Киеве дядька	372
Глава тридцать вторая. В огороде бузина, в Киеве дядька	388
Злобные Примечания	395

Василий Иванович Чернышев

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ

«Написано пером»

Подписана в печать **7 ноября 2017**
Формат 60x90 1/16 25,5 п. л., 408стр.
17 x 24 = 408

Печать по требованию

Санкт-Петербург

2017